

П. А. Нивé.
Генерального Штаба Полковникъ.

РУССКО-ШВЕДСКАЯ ВОЙНА

1808—09 г. г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Военная Типографія (въ зданіи Главнаго Штаба).
1910.

П. А. Нивé.
Генерального Штаба Полковникъ.

РУССКО-ШВЕДСКАЯ ВОЙНА

1808—09 г. г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Военная Типография (въ зданіи Главнаго Штаба).
1910.

Незабвенної пам'яті

Николая Ивановича Бобрикова

посвящается настоящий

труд.

Многочисленныя заявленія, по преимуществу изъ среды строевыхъ офицеровъ, побудили меня выпустить отдѣльною книгою тѣ статьи, которыя въ теченіе двухъ лѣтъ появлялись въ «Военномъ Сборникѣ», напоминая о военныхъ событіяхъ, разыгравшихся столѣтіе тому назадъ въ Финляндіи и Швеціи.

Первоначальная мысль заняться изученіемъ въ военномъ отношеніи войны 1808—09 г.г. внушена была мнѣ еще покойнымъ генералъ-адъютантомъ *Николаемъ Ивановичемъ Бобриковымъ*, незабвенної памяти котораго я и посвящаю настоящій скромный трудъ. Не претендую отнюдь наполноту исторического изслѣдованія и не являясь строго-научной, предлагаемая работа основана тѣмъ не менѣе во многомъ на неиспользованныхъ первоисточникахъ, преимущественно на документахъ Военно-Исторического Отдѣленія Главнаго Управлениія Генеральнаго Штаба и Архива Морскаго Министерства. Документы эти, не затрагивая политической стороны и вообще вопроса о подготовкѣ къ войнѣ, пополняютъ во многомъ прежнія свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ. Разборъ послѣднихъ и ихъ посильное освѣщеніе составляли главную цѣль труда, такъ какъ я стремился прежде всего достигнуть *практической цѣли...* Финляндія сохранияетъ для насъ непрестанно весьма важное военное значение; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ театръ военныхъ дѣйствій, она настолько своеобразна и, несмотря на свою близость къ столицѣ, такъ сравнительно мало намъ знакома, что изученіе ея особенностей на ближайшихъ къ намъ по времени военно-историческихъ фактахъ безусловно должно оказать содѣйствіе не только тѣмъ войскамъ, которымъ придется тамъ оперировать, но и вообще дѣлу боевой подготовки арміи. Послѣднее станетъ яснымъ, если принять во вниманіе, что въ Финляндіи и особенно въ

1808—09 г.г., въ силу мѣстныхъ условій, дѣйствовалъ рядъ отдѣльныхъ небольшихъ самостоятельныхъ отрядовъ и война эта даетъ серію крайне поучительныхъ тактическихъ эпизодовъ, пригодныхъ не только съ точки зре-нія изученія эпохи или для выясненія особенностей фин-ляндской мѣстности, но также для подтвержденія совре-менныхъ тактическихъ воззрѣній, такъ какъ эти мѣстныя особенности во многомъ приводили къ тому, что приходилось дѣйствовать почти въ духѣ послѣдняго слова нынѣшней тактики...

Выражаю поэтому надежду, что трудъ мой послужитъ не только цѣлямъ ознакомленія военныхъ читателей съ одною изъ почетныхъ страницъ нашего военно-истори-ческаго прошлаго, но и дастъ материалъ для самостоятельной работы въ нарождающейся у насъ области *так-тическихъ упражнений на военно-исторической почвѣ.*

Петръ Нивѣ.

20 Февраля 1910 г.

Оглавление.

СТРАН.

ГЛАВА I.

Цель войны и политическая обстановка 1

Значение Финляндии для России.—Историческая преемственность стремления ея къ Балтике.—Роль Финляндии въ дѣлѣ обеспечения „граду Петрову безопасія“.—Отношенія Россіи и Швеціи въ началѣ царствования Императора Александра I.—Характеристика Густава IV Адольфа.—Тильзитский миръ и виды Наполеона.—„Географическое“ значение войны со Швеціей.—Внутреннее состояніе шведского королевства и сепаративные стремленія финляндцевъ.—Политическая обстановка къ началу военныхъ дѣйствій.

ГЛАВА II.

Вооруженные силы сторонъ 14

Шведы. Устройство высшаго военного управления.—Пополнение, чисительность, организація, вооруженіе, снаряженіе, продовольственная часть, обученіе, тактическая подготовка.—Характеристика арміи и корпуса офицеровъ по отзывамъ современниковъ.—Русские. Общая характеристика, чисительность, организація, пополнение, воинское обученіе, тактическая подготовка.

ГЛАВА III.

Театръ военныхъ дѣйствій 26

Площадь тогдашней шведской Финляндии и ея граница съ Россіей.—Поверхность Финляндии.—Дѣленіе на два театра.—Внутреннія и внѣшнія воды.—Лѣса.—Климатъ.—Оценка финляндской мѣстности А. И. Бибиковымъ.—Населеніе.—Характеристика Турскаго.—Отзывы маркиза Паулуччи и графа Ребиндера.—Материальныя средства страны и ея обитателей.—Развѣдки Теслева передъ войной.

ГЛАВА IV.

Планы и подготовка сторонъ 37

Шведскіе планы по оборонѣ Финляндии.—Планъ Эренсверда.—Планъ Клингспорта — Планъ анонима.—Положеніе финляндскаго театра къ 1808 году.—Меморіалъ „тайного военнаго совѣта“.—Королевская инструкція финляндскому главнокомандующему.—Мѣры съ нашей стороны по оборонѣ шведской границы въ Старой Финляндии.—Дѣятельность Суворова въ 1791—92 г.г.—Его операционныя планы.—Планъ А. И. Бибикова.—Планъ 1808 года.—Мѣры по подготовкѣ базы въ Старой Финляндии.

ГЛАВА V.

СТРАН.

Зимній походъ 1808 года. 53

Положеніе сторонъ передъ вторженіемъ нашимъ въ предѣлы шведской Финляндіи.—Дѣйствія на прибрежномъ театрѣ: форсированіе нами Кюмени; налетъ Орлова-Денисова на Гельсингфорсъ; сосредоточеніе Клеркера къ Тавастгусу.—Прибытие графа Клингспора; рѣшеніе шведовъ отступать на сѣверъ.—Наступленіе нашихъ войскъ къ Тавастгусу и его занятіе.—Дѣйствія въ Саволаксѣ.—Расположеніе Кронштадта; обходъ его Тучковымъ I; спѣшное очищеніе С. Михеля и отступленіе шведовъ въ Куопіо.—Рѣшеніе графа Буксгевдена къ 25 февраля.—Наступленіе кн. Багратиона.—Захватъ Таммерфорса.—Дѣло у д. Ульфобю (Хайстила).—Захватъ Бьериборга.—Новое дробление нашихъ силъ.—Наступленіе къ Або и занятіе его 12-го марта.—Декларациія 16-го и Манифестъ 20-го марта о покореніи Финляндіи и ея присоединеніи навсегда къ Россійской Имперіи.—Преслѣдованіе шведовъ.—Наступленіе Тучкова I къ Куопіо.—Бой у Леппявиирта 28-го февраля.—Занятіе Тучковымъ Куопіо.—Планъ гр. Буксгевдена.—Неудача его.—Причины.—Положеніе сторонъ къ 1-му апрѣля.—Арьергардные бои близъ Шюхяюки.—Бой у Сикаоки 5—6 апрѣля.—Движеніе Булатова.—Нечаянное нападеніе шведовъ на отрядъ Булатова у Револакса 15-го апрѣля.—Послѣдствія этого боя и его значеніе, какъ поворотнаго пункта въ ходѣ войны.—Бой у Пулькилла.

ГЛАВА VI.

Дѣйствія подъ крѣпостями 87

Состояніе крѣпости Свеаборга.—Его задача по королевской инструкції 3-го февраля.—Нали предположенія о дѣйствіяхъ противъ Свеаборга.—Мѣры „стѣсненія“.—Золотой порохъ.—Разлагающіе элементы.—Конвенція 22-го апрѣля.—Распоряженія Императора Александра I.—Настроеніе гарнизона.—Капитуляція.—Паденіе Свартгольма.—Выходы.

ГЛАВА VII.

Итоги зимняго похода 1808 года. 109

Какъ рисовали себѣ въ Петербургѣ положеніе дѣлъ въ Финляндіи.—Представленія графа Буксгевдена.—Положеніе дѣлъ въ началѣ мая.—Планы Клингспора.—Опасенія нашего Главнокомандующаго.—Народная война.—Причины нашихъ заблужденій.—Образъ дѣйствій противника и его одѣнка.

Положеніе сторонъ съ открытиемъ навигаціи.—Планъ союзного десанта въ Южную Швецію.—Намѣренія шведского короля.—Эпизодъ съ англійскимъ вспомогательнымъ корпусомъ.—Планы Клингспора и Авѣ-Тибеля.—Предположенія графа Буксгевдена.

ГЛАВА VIII.

СТРАН.

Періодъ шведскихъ „поползвоненій“ 138

Отступленіе Раевскаго.—Положеніе его въ окрестностяхъ Вазы.—Планъ совмѣстныхъ дѣйствій Клингспора и десантовъ.—Бой у Ню-Карлебю.—Отбитіе высадки Фегезака у Лемо.—Разгромъ Бергенстролеу у Вазы.

Наступленіе Баркрай-де-Толли.—Сандельсь у Куопіо.—Надеты на наши сообщенія.—Отходъ Раевскаго на югъ.—Бои у Линтулакса и Перхо.—Наступленіе Клингспора, бой у Лаппо.—Военный совѣтъ въ Алаво.—Положеніе отряда Орлова-Денисова.—Оцѣнка стратегическаго положенія въ концѣ іюля.—Взгляды графа Буксгевдена.—Новыя командировки Паулуччи.—Оборонительный планъ (кордонъ).—Возраженія главнокомандующаго.—Состояніе духа графа Клингспора.—Упорство шведскаго короля.

ГЛАВА IX.

Дѣйствія на морѣ въ кампанію 1808 года 189

Значеніе морскихъ операцій.—Морскія силы сторонъ.—Мѣры обеспеченія побережья.—Соображенія графа Буксгевдена.—Пререканія съ Чичаговымъ.—Отправка изъ Кронштадта и Свеаборга гребныхъ флотилій.—Соединеніе союзниковъ на морѣ.—Значеніе Готландской экспедиціи; ея выполненіе; причины неуспѣха.

Развѣдоchnыя мѣры в.-адм. Сарычева.—Бой Невельскаго на „Опѣтѣ“, захватъ шведами Гангутской „позиціи“.—Бои галерныхъ эскадръ у Ганго, Рунсало, Хирвисало, Тавастеншерѣ и Сандо.

Выступленіе эскадры в.-адм. Ханыкова.—Ея задачи.—Исходъ дѣйствій корабельного флота.—Подвигъ „Всеволода“.—Оцѣнка.

ГЛАВА X.

Наступательная операція графа Н. М. Каменского . . . 238

Біографическая свѣдѣнія о Каменскомъ.—Его назначеніе вмѣсто Раевскаго и данная ему инструкція.—Положеніе отряда и подготовка операціи.—Планъ.—Бои у Алаво и Карстула.—Новое рѣшеніе Каменскаго.—Курортане.—Сальми.—Послѣдствія этого боя.—Отступленіе шведовъ на сѣверъ.—Оровайсъ.—Значеніе успѣховъ Каменскаго.

ГЛАВА XI.

Перемиріе и „конвенція“ 271

Положеніе дѣль на восточномъ театрѣ.—Положеніе нашихъ войскъ въ Корелии.—Наступленіе князя Долгорукова.—Отходъ Сандельса къ Иденсалльми.—Бой при Ютасѣ.—Дѣйствія у Гамла—Карлебю.—Десантъ у Варанпяя и бой у Локколакса.—Бой у Гельсинге.—Планъ Дебельна.—Перемиріе въ Лохтео.—Поступокъ Комитета Министровъ.—Бой у Иденсалльми (Вирта).—Оттѣсненіе Клингспора къ Улеаборгу.—Ночная атака Сандельса у Вирта.—„Конвенція“ въ Олькіоки.—Недовольство Императора Александра.—Увольненіе гр. Буксгевдена.—Оцѣнка его дѣятельности.

ГЛАВА XII.

СТРАН.

Зимняя за-Ботническая операция 304

Итоги лѣтней кампаниі.—Положеніе сторонъ зимою 1808—09 г.г.—Общая идея зимняго перехода въ Швецію.—Планъ графа Каменскаго.—Роль Аракчеева.—Видоизмѣненіе плана.—Положеніе Швеціи.—Дѣйствія колонны Багратиона.—Захватъ Аланда.—Переворотъ въ Стокгольмѣ.—Вѣроломство фонъ-Дебельна и легковѣріе Аракчеева.—Положеніе Барклай-де-Толли въ Вазѣ.—Побудительныя мѣры Аракчеева.—Организація марша черезъ Кваркенъ.—Захватъ Умео.—Возвращеніе.—Значеніе перехода.—Наступленіе графа Шувалова къ Калликсу.—Капитуляція Грипенберга.—Оцѣнка зимней за-Ботнической операциі.

ГЛАВА XIII.

Лѣтняя за-Ботническая операция 338

Наступленіе графа Шувалова.—Бой у Шелефте.—Перерывъ морскихъ сообщеній черезъ Ботнику.—Наступленіе Сандельса.—Дѣло при Гернеборгѣ.—Начатіе мирныхъ переговоровъ въ Фридрихсгамѣ.—Графъ Каменскій въ Вестроботніи.—Наступательный замыселъ шведовъ.—Соображенія Каменскаго.—Его наступленіе и положеніе къ 5-му августа.—Бои у Севара 7-го августа и у Ратана 8-го августа.—Отступленіе Вреде.—Результатъ операциі.—Дѣйствія на морѣ въ 1809 году.—Ихъ значеніе.—Оцѣнка лѣтней кампаниі 1809 года.

ГЛАВА XIV.

З а к л ю ч е н і е 380

Политическіе результаты Фридрихсгамскаго мира.—Оцѣнка ихъ манифестомъ 1-го октября 1809 года.—Общій характеръ нашихъ военныхъ дѣйствій въ 1808—09 г.г.—Что тормозило наши успѣхи?—Какъ обезопасить себя отъ народной войны?—Связь сухопутныхъ и морскихъ дѣйствій.—Выводы на будущее.

Тактическія указанія.—Боевые порядки.—Гибкость тактическихъ пріемовъ.—Частный починъ.—Значеніе связи.—Бои въ шхерахъ.—Роль различныхъ родовъ войскъ.—Заключеніе.

ГЛАВА I.

Цель войны и политическая обстановка.

Значеніе Финляндії для Россії.—Історичская преемственность стремлениі ея къ Балтику.—Роль Фінляндії въ дѣлѣ обезпеченія «граду Петрову Безопасію».—Отношенія Россії и Швеції въ началѣ Царствованія Императора Александра I.—Характеристика Густава IV Адольфа.—Тильзитскій миръ п виды Наполеона.—«Географическое» значеніе войны со Швеціей.—Внутреннее состояніе шведского королевства и сепаратистыя стремлениі финляндцевъ.—Политическая обстановка къ началу военныхъ дѣйствій.

Положеніе Петербурга само собою опредѣляло и продолжаетъ опредѣлять значеніе для нась Финляндії: прочно ея захвата, рано или поздно, требуетъ „граду Петрову безопасіе“.

По словамъ профессора А. М. Золотарева¹⁾, „самое существование его, какъ столицы, только и мыслимо при условіи полнаго владѣнія нами всею Финляндіею“.

Мысль прочно утвердиться на берегахъ Балтійского моря теряется въ глубинѣ нашего прошлаго. Славянинъ съ незапамятныхъ временъ сидѣли на Балтійскомъ побережье. Во времія удѣльно-вѣчевого раздробленія Руси туда-же сознательно тянулись Новгородцы. Тѣ-же жизненные цѣли преслѣдовали и обновленное Единодержавіемъ Московское Царство, подходя къ нимъ исподволь. Еще при Иванѣ III, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописи, воеводы наши ходили въ сѣверную Финляндію „на десять рѣкъ“, часть силъ шла сухопутьемъ, а другая „моремъ Акіяномъ да черезъ Мурманскій носъ“. Иванъ Грозный сознательно считалъ „Прибалтійскую Виеландію“ своею вотчиною; Борисъ Годуновъ, при Царѣ Феодорѣ, добился обратно возвратленія намъ шведами бывшихъ новгородскихъ пятинъ. Такимъ образомъ, Петръ Великий, рѣшился на войну со Швеціей за Балтійское побережье, шель по стопамъ предковъ. „Окно въ Европу“ выбрано было имъ прямо по завѣтамъ отца, который категорически писалъ Ордину-Нащокину. „Промышляй всякими мѣрами, чтобы у шведовъ выговорить въ нашу сторону въ Канцахъ (Ніеншанцѣ) и подъ Ругодивомъ (Нарва) корабельныя пристани и отъ тѣхъ пристаней для проѣзда къ Корелѣ городъ Орѣшекъ (т. е. всю линію р. Невы).

Стихійное стремление къ Балтійскому морю, кроме историческихъ правъ, желанія возвратить земли „отчичъ“ и „дѣдичъ“, объясняется, очевидно, стремлениемъ добиться свободныхъ, безпрепятственныхъ

¹⁾ Русский Вѣстникъ 1902 г. № 8.

сношенній съ государствами запада. По мнѣнію С. М. Соловьевъ¹⁾ „Петръ начинаетъ войну со шведами за Балтійское море, смотря на нее только какъ на средство достичь внутренняго преобразованія“. Еще опредѣленнѣе говоритьъ французскій историкъ Альбертъ Сорель²⁾: „Россія не могла рости и развиваться, не открывая себѣ путей для торговли и доступа къ цивилизаціи. Путь для торговли—это значило Балтійское море, а его запирали шведы“.

Перенесеніе въ Петербургъ столицы совершилось, по словамъ Соловьевъ, въ силу естественного хода исторіи, какъ поднять былъ Владиміръ за счетъ Киева и Москва за счетъ Владимира. Неудобства ея расположенія на окраинѣ государства, инородческой, только что завоеванной—были очевидны. „Правду сказать, Петръ I близко (т. е. къ границѣ) сдѣлалъ столицу“ жаловалась Екатерина II приближеннымъ 28 июня 1788 г., когда шведскій флотъ угрожалъ Кронштадту. Что-же заставляло терпѣть эти явныя невыгоды?—Соловьевъ отвѣтчикъ: *необходимость*. „Новый городъ основанъ былъ тамъ, где западное море всего глубже входитъ въ восточную равнину и наиболѣе приближается къ русской землѣ“.

Полная безопасность новой столицы могла быть достигнута только съ пріобрѣтеніемъ всей Финляндіи, которая неминуемо обращалось въ естественную базу для наступательныхъ операций шведовъ въ Петербургу. Пока Финляндія пребывала во власти шведовъ—Россія никогда не могла быть спокойна за участъ Петербурга. И дѣйствительно, въ 1788 г. шведскій флотъ серьезно угрожалъ ему; во всѣ войны съ Швеціей послѣдняя неизмѣнно составляла (не исключая и 1808—09 г.г.) планы наступленія на Петербургъ сухимъ путемъ изъ Саволаксъ-Кореліи въ обходъ нашихъ войскъ, дѣйствующихъ на границѣ. Не обладая прочно Финляндіей, Россія не можетъ считать себя хозяиномъ Финскаго залива; ея морскіе пути на западъ не будутъ вполнѣ безопасны.

При заключеніи Ништадтскаго мира обратная уступка Финляндіи служила средствомъ добиться *прочнаго* договора со Швеціей, крайне необходимаго намъ послѣ тяжелой войны, длившейся 21 годъ. Петръ предвидѣлъ это еще въ 1712 г., когда писалъ Апраксину, что „оная (Финляндія) намъ ненужно вовсе удерживать, но двухъ причинъ ради главнѣйшихъ (надо овладѣть ею): первое—было бы что при мирѣ уступить... и ежели Богъ попуститъ лѣтомъ до Абова, то шведская шея *мягче* *инутъ* *станетъ*“. Другими словами, Петру Финляндія была нужна, чтобы *навѣрняка* заполучить *важнѣйшее* южное побережье и Петербургъ съ Выборгомъ, а затѣмъ, чтобы изъ нея грозить непрія-

¹⁾ Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ, стр. 60.

²⁾ Европа и французская революція, т. I, стр. 399.

телю въ самое сердце его могущества. Тогда шведы владѣли Ливоніей, они оттуда всегда угрожали путями, связующими Петербургъ съ Москвою. Ясное дѣло, что здѣсь ничего отдавать не приходилось. Петръ несомнѣнно сознавалъ временное значеніе сдѣланной ими уступки и лишь старался отсрочить моментъ новаго столкновенія заключеніемъ союзного трактата съ недавними врагами на 12 лѣтъ и выдачею имъ же крупнаго денежнаго пособія (8 миллионовъ ефимковъ) въ разсрочку. Надо было дать Россіи собраться съ новыми силами и завершить внутрення преобразованія. Въ то же время Петръ¹⁾ намѣчалъ въ Роогервикѣ будущій военный портъ, откуда напрѣдъ флотъ, пользуясь фланговою позиціей, парализовалъ бы невыгоды оставленія въ рукахъ шведовъ западной Финляндіи.

Но эта гениальная идея Петра не получила осуществленія. Пона-добились еще три кровопролитныхъ войны, еще цѣлый вѣковой періодъ исторіи, и въ результатѣ мы имѣемъ „Великое княжество Финляндское“. Въ какой мѣрѣ достигнуто „безопасіе“ Невской столицы и морскихъ путей на западъ уже въ наше время—разсмотрѣніе этого вопроса не входитъ въ нашу задачу.

Заключенный въ 1790 г. Верельскій миръ оставилъ неизмѣнными границы между Швеціей и Россіей. Въ теченіе 17 лѣтъ мирныя отношенія сосѣдей не прерывались. Въ концѣ царствованія Екатерины Великой, шведами дѣлались даже попытки къ сближенію, напримѣръ, извѣстное сватовство короля къ внукѣ Императрицы. При Павлѣ Петровичѣ русско-шведскія отношенія оставались дружественными. Въ 1800 г. Густавъ IV лично посѣтилъ Петербургъ для возобновленія договора „о вооруженномъ нейтралитетѣ“, а Павелъ I предлагалъ ему даже поддержку оружиемъ на случай предполагаемыхъ въ Швеціи и Финляндіи волненій во время сейма.

Съ воспоминѣемъ на престолъ Александра I, взгляды и прирожденные свойства обоихъ Государей оказались настолько различными, что ухудшенію личныхъ отношеній между ними, несмотря на родственныя связи²⁾, удивляться не приходится. Обостренію этихъ отношеній немало способствовалъ цѣлый рядъ мелкихъ безтактностей шведского короля, весьма чувствительно задѣвшихъ русскаго Императора³⁾.

¹⁾ См. М. Марченко: „Мысли Петра Великаго о созданіи порта на Балтійскомъ берегу“.

²⁾ Они женаты были на родныхъ сестрахъ.

³⁾ Напримеръ, Густавъ приказалъ перекрасить въ шведскіе государственные цвета весь пограничный мостъ на рекѣ Кюмени; новорожденному сыну своему далъ титулъ Великаго Герцога Финляндскаго, какового, со времени завоеванія Финляндіи Петромъ, не носили уже шведскіе принцы. Всѣдѣ за этимъ у насъ Высочайше повелѣно было именовать Выборгскую губернію—„Финляндскою“. Наконецъ, Густавъ IV самовольно задержалъ провозимую черезъ Швецію въ Россію англійскую субсидію и задержалъ изъ нея 375 тысячъ

Вообще Густав IV Адольфъ, по словамъ Адлерберга, „отъ природы былъ одаренъ талантами и добродѣтелями, но доказалъ своимъ пріѣромъ, что качества эти могутъ быть не только не полезны, но и вредны, если у лица, ими обладающаго, недостаетъ осмотрительности и осторожности“. Самъ отецъ его, Густавъ III, предсказывалъ ему, что онъ „худо кончить“. Отличительной особенностью его—была ненависть къ Наполеону, которого онъ называлъ „апокалиптическимъ звѣремъ“. Густавъ IV ничего не читалъ, кромѣ Библіи и воинскаго устава, не обладалъ ни личнымъ мужествомъ, ни познаніями въ военномъ дѣлѣ; *тѣмъ не менѣе непремѣнно желалъ лично распоряжаться военными дѣйствіями.*

Стремясь подражать своему великому предку Карлу XII, Густавъ-Адольфъ облачался въ его костюмъ и вооружался его пистолетами, но, какъ доносилъ намъ Стокгольмскій посланникъ Алопеусъ,—„видѣли на немъ только одѣяніе Карла XII, но не видѣли его, какъ тотъ бывалъ впереди своего войска передъ непріятелемъ,¹⁾“. Наполеонъ, прямо считалъ Густава-Адольфа сумашедшимъ. „Vous parlerez de ce Souverain comme d'un fou...“ писалъ онъ въ 1807 г. Маршалу Брюнну.

Имѣются указанія, что шведскій король еще съ конца 1802 г. подумывалъ о войнѣ съ Россіей. Ненависть къ Наполеону отвлекала, однако, Густава отъ замысловъ противъ нась. Поэтому, до Тильзитскаго мира, онъ принималъ живѣйшее участіе во всѣхъ коалиціяхъ противъ Франціи, въ которыхъ, какъ извѣстно, участновала и Россія.

Послѣ Тильзитскаго мира наши вѣшнія соотношенія кореннымъ образомъ измѣнились: прежніе союзники превратились въ противниковъ и прежде всего, конечно, Англія. Противъ этого непримиримаго своего врага намѣревался Наполеонъ прежде всего использовать союзъ съ Россіей. Посредствомъ „континентальной системы“ онъ расчитывалъ уничтожить морскую торговлю Великобританіі, а для успѣха этого плана надо было вовлечь въ число участниковъ какъ можно больше государствъ. Сперва предполагалось, совмѣстными усилиями Франціи и Россіи, воздѣйствовать на Англію; въ случаѣ же отказа ея отъ предлагаемыхъ условій (почти несомнѣннаго)—рѣшено было довести дѣло до разрыва и вмѣстѣ съ тѣмъ понудить Данію, Швецію и Португалію закрыть свои порты для англичанъ. Та изъ названныхъ державъ, которая отказалась бы исполнить это требованіе, должна была считаться враждебною.

Что-же касается Турціи (съ которой мы съ 1806 г. были въ войнѣ), то въ случаѣ отказа ея принять посредничество Франції, предполо-

риксандеровъ, оставшихся недополненными по условіямъ трактата 1791 г. Къ такимъ же выходкамъ можетъ быть отнесена и обратная отсыска ордена Св. Андрея Первозванного, уже непосредственно передъ разрывомъ.

¹⁾ В. Уч. Арх. д. № 1666, стр. 13.

жено было дать Россіи сперва овладѣть Молдавіей и Валахіей¹⁾ а затѣмъ, при помощи Французовъ, добиться, быть можетъ, и совершеннаго изгнанія Туровъ изъ Европы.

Едва-ли, однако, Наполеонъ искренно думалъ допустить что-либо подобное,—онъ, который самъ про Константинополь выражался „c'est l'empire du monde“. Предвидя, что упрямый Густавъ-Адольфъ IV не порветъ съ Англіей, Наполеонъ счелъ болѣе для себя выгоднымъ направить вниманіе Русскаго Государя на сѣверъ²⁾. Онъ указалъ Ему на Швецію, какъ на „географическаго врага“. „Петербургъ—говорилъ онъ—сликомъ близокъ къ финляндской границѣ; прекрасныя петербургскія дамы не должны болѣе въ своихъ дворцахъ слышать громы шведскихъ пушекъ“.

Сперва русскій Императоръ неохотно склонялся къ этой комбинації; Онъ доказывалъ французскому послу Савари, что Финляндія—„это пустыня, обладаніе которой никого не можетъ соблазнить“. Настойчивость Александра I закрѣпить за собою Дунайскія княжества привела къ некоторому охлажденію между союзниками. Положеніе было затруднительное; исполненіе требованій Наполеона могло привести къ новой войнѣ съ нимъ: недаромъ онъ „на всякий случай“ оставилъ 200 тысячъ войскъ въ Силезіи. Съ другой стороны, немедленный разрывъ съ Англіей грозилъ появленіемъ въ Балтійскомъ морѣ того самаго англійскаго флота, съ 30 тысячными десантами, который только что (въ сентябрѣ 1807 г.) разгромилъ Копенгагенъ. Только по полученіи извѣстія о возвращеніи этого флота въ Англію осторожный Александръ рѣшился порвать съ нею дипломатическія сношенія (nota отъ 27-го октября).

Русскій государь и его совѣтники, уже тогда предвидя непрочность союза съ Наполеономъ, на что имѣются указанія³⁾, взвѣшивали, какъ использовать этотъ союзъ наиболѣйшимъ образомъ. Война съ Турцией уже велась два года; въ 1807 г. дѣйствія наши окончились удачно, перемиріе имѣло скрытою цѣлью сосредоточеніе превосходныхъ силъ, освободившихся отъ войны съ Наполеономъ. Естественно и вполнѣ правильно стъ военной точки зренія было желать сперва покончить уже начатую съ Турцией войну. Но, какъ только выяснилась невозможность этого (во избѣженіе новаго разрыва съ Наполеономъ),

¹⁾ Въ то время, по силѣ заключеннаго съ Турками въ Слободзеѣ перемирія, мы только что обязались очистить эти княжества.

²⁾ Подобно тому, какъ при Екатеринѣ II Пруссія старалась оттянуть наше вниманіе отъ проекта раздѣла Турціи, возбудивъ вопросъ о Польшѣ. Фридрихъ Великій находилъ, что «русскій потокъ надо канализировать» и писалъ въ своихъ мемуарахъ: «Было два исхода: или остановить Россію на пути къ ея обширнымъ завоеваніямъ или, что всего разумнѣе, попытаться извлечь изъ нея пользу».

³⁾ См., напр., Ф. Мартенсъ. Сборн. Тракт. т. XIII.

Александръ I стремится скорѣе заключить съ Турцией миръ. Только случайность—смуты и переворотъ въ Турціи—помѣшала успѣху этого намѣренія. Такое положеніе вещей дѣлало сосредоточеніе въ Финляндіи значительно превосходныхъ надъ противникомъ силъ для насъ затруднительнымъ.

Изъ записокъ Ф. Вигеля и князя С. Волконскаго видно, что война со Швеціей въ тогдашнемъ петербургскомъ обществѣ сочувствіемъ не пользовалась. Отчасти это зависѣло отъ нерасположенія вообще къ союзу съ Наполеономъ, но увы, гораздо менѣе по заботѣ о коренныхъ интересахъ Россіи, чѣмъ по мечтаніямъ космополитического свойства. Одни ненавидѣли Наполеона какъ „тирана“ и угнетателя революціи, другіе считали его „узурпаторомъ“.

Однако *географическое* значеніе войны, необходимость довести до конца завоеваніе Финляндіи, видимо, ясно сознавалось въ руково-дящихъ сферахъ, что видно изъ актовъ и документовъ того времени и заявлений выдающихся современниковъ¹⁾. Воспоминаніе о тревогѣ, пережитой Петербургомъ въ 1788 г., когда флотъ Густава III угрожалъ Кронштадту, какъ видно, еще не успѣло изгладиться. А тревога была такова, что Екатерина II даже переѣхала въ столицу изъ Царскаго „для ободрѣнія жителей“ и готовилась сама выйти во главѣ стъ гвардіи къ Осиновой рощѣ (Левашово).

„La Finlande etait nŽcessaire à la Russie; c'etait le projet de Pierre le Grand qui, sans cela, n'aurait pas placé la capitale là, où elle est“,— сказалъ Наполеону нашъ посолъ въ Парижѣ, графъ Шуваловъ.

Основное значеніе овладѣнія Финляндіею настолько сознавалось, что даже паденіе Свеаборга праздновалось въ Петербургѣ торжественнымъ парадомъ у памятника Петра Великаго, причемъ „войска проходили церемоніальнымъ маршемъ мимо монумента, воздавая честь Тому, чьи побѣды призвинули Россію къ Балтику“. Въ прокламаціяхъ къ населенію Финляндіи самое вступленіе нашихъ войскъ въ ея предѣлы объяснялось необходимостью „обеспечить безопасность собственныхъ областей Государства“.

По занятію нами Або, главнокомандующій графъ Буксгевденъ, донося о завладѣніи нами всею южною Финляндіею, между прочимъ, писалъ:

„Безопасность Россіи давно уже требовала, чтобы предѣлы наши ограничивались Ботникомъ и чтобы воды Финскаю залива принадлежали собственно повелѣнію однихъ Россіянъ. Сие намѣреніе было въ Богъ почивающаго Государя Императора Петра Великаго и непосредственнымъ желаніемъ Государыни Императрицы Екатерины Великой.

¹⁾ Напримѣръ, Гр. Румянцева, Гр. М. И. Кутузова, Сенатора Обрескова и др. (см. Окрапны Россіи 1909 г. № 44).

Чувствованія самихъ финновъ уже давно пріуготовили къ сему умы ихъ и содѣжало ожиданіе, которого послѣдствія нынѣ совершились".

Отсюда ясно, что основная цѣль войны ставилась вполнѣ опредѣленно; Императоръ Александръ, не слѣдя въ этомъ случаѣ своимъ личнымъ желаніямъ, не прислушиваясь къ голосу общественаго мнѣнія, пошелъ по слѣдамъ вѣковой политики предковъ. „Русскіе Государи—пишетъ Сорель¹⁾—составляли только такие планы, которые могли быть поддержаны національными чувствами. Ихъ политика, внушаемая природою вещей, проста и ясна, именно это и объясняется ея неизмѣнностью, не взирая на перемѣны царствованій и рѣзкія различія въ индивидуальности Государей. Пути русской политики—движение къ морямъ Балтійскому и Черному и приближеніе къ центру Европы (овладѣніе Польшей) были заранѣе намѣчены".

Въ итогѣ, благопріятно сложившіяся обстоятельства сдѣлали то, что Александру I суждено было, по словамъ С. М. Соловьевъ, „осуществить завѣты Петра Великаго, его предтечей и послѣдователей".

Упомянутыя Буксгевденомъ „чувствованія финновъ" заслуживаютъ особаго разсмотрѣнія. Данная эта существенно отражалась и на характерѣ военныхъ дѣйствій въ эту войну. Одновременно выяснится и внутреннее состояніе шведскаго государства, что важно для правильной оценки его способности къ борьбѣ съ внешнимъ врагомъ.

Сѣверная война низвела Швецію съ вершинъ могущества и славы едва ли не въ разрядъ второстепенныхъ государствъ Европы. Но еще болѣе вреда причинило Швеціи внутреннее разложение, тотъ, такъ сказать, политический развратъ, который воцарился тамъ въ XVIII столѣтіи, чemu способствовалъ цѣлый рядъ слабыхъ, неспособныхъ государей. Партии, лишенныя почвы въ странѣ, искали поддержки извнѣ; продажность царила во всѣхъ учрежденіяхъ и „нація оказалась открытою чужеземному вмѣшательству". 54 года такъ называемаго „періода свободы" (1718—1772) привели къ тому, что королевская власть фактически была упразднена. Дошло до того, что въ 1755 году чины шведскаго риксдага изготовили особый штемпель королевской подписи, прикладывая его къ своимъ постановленіямъ, когда король отказывался ихъ подписывать. Россія старалась поддерживать раздоръ шведскихъ партій, такъ какъ упадокъ королевской власти былъ намѣздѣть (какъ и въ Польшѣ) выгоденъ.

Война 1741—43 годовъ затѣяна была партіей „шляпъ", мечтавшей о возстановленіи бывшаго могущества Швеціи и надѣявшійся воспользоваться неустойчивостью русскаго престола послѣ смерти Импера-

¹⁾ Т. I, стр. 105.

трицы Анны. Она кончилась для шведовъ неудачно и мы увеличили Петровское достояніе въ Финляндіи довольно значительнымъ приѣзкомъ. Ко времени этой войны относится и первая попытка добиться *добровольнаю* отдѣленія Финляндіи отъ Швеціи—извѣстный манифестъ Императрицы Елизаветы Петровны, въ которомъ приглашеніе отдаться подъ покровительство Россіи заканчивалось, впрочемъ, угрозой, въ случаѣ отказа, „разорить страну огнемъ и мечемъ“. Возвзваніе не возымѣло дѣйствія, хотя около 20-ти сельскихъ общинъ и одна городская (Улеаборгская) изъявили желаніе подчиниться волѣ русской Императрицы. Вообще въ Финляндіи, съ ослабленіемъ въ Швеціи королевской власти уже наблюдалось отсутствіе прежней безусловной вѣрности шведской коронѣ. Во время военныхъ дѣйствій было нѣсколько попытокъ со стороны офицеровъ-финляндцевъ завести переговоры съ непріятелемъ. Многіе мѣстные обыватели стали подумывать, не будетъ ли болѣе выгоднымъ отдѣлиться отъ Швеціи и перейти подъ покровительство Россіи?

Русскіе государственные люди тоже стали задумываться надъ судьбою Финляндіи. Извѣстный Бестужевъ впервые предлагалъ превратить ее въ „барьеръ“, или въ „государство-буферъ“, выражаясь по современному, т. е. въ независимое герцогство, подъ совокупнымъ протекторатомъ Швеціи и Россіи. Остерманъ предлагалъ лучше: обратить Финляндію въ пустыню, выселивъ совершенно ея жителей. Объ этомъ планѣ упоминаетъ Фридрихъ Великій въ своихъ письмахъ къ прусскому послу въ Стокгольмѣ 1750 года, причемъ, въ случаѣ успѣха завоеванія Финляндіи русскими, считаетъ изгнаніе ихъ оттуда невозможнымъ.

Со стороны финляндскихъ „патріотовъ“ замыслы и проекты объ отдѣленіи Финляндіи отъ Швеціи съ сороковыхъ годовъ XVIII столѣтія, можно сказать, не прекращались. Изъ многочисленныхъ попытокъ этого рода можно упомянуть: заговоръ объ избраніи въ „короли“ Финляндіи Великаго Князя Петра Феодоровича (вскорѣ послѣ Абоскаго мира). Въ сороковыхъ годахъ XVIII столѣтія выборгскій уроженецъ Адамъ Фреденшерна составилъ проектъ совмѣстныхъ операций Россіи и Даніи противъ Швеціи съ указаніемъ наивыгоднѣйшихъ пунктовъ нападенія и т. п. Въ проектѣ (переданномъ Панину) содержался, между прочимъ, совсѣмъ разбрасывать прокламаціи въ Финляндіи. Проектъ обсуждался въ тайномъ совѣтѣ Императрицы Елизаветы Петровны. Фреденшерна выговаривалъ уже тогда созывъ особаго финляндскаго сейма для опредѣленія будущаго устройства края.

Государственный переворотъ 1772 года, произведенный Густавомъ III, по мнѣнію Сореля, „спасъ независимость Швеціи“. Укрѣпленіе королевской власти въ Швеціи было, разумѣется, Россіи невыгодно.

Не жалѣя расходовъ на подкупы шведской оппозиціи, правительство Императрицы Екатерины прислушивалось къ финляндскимъ измѣнническимъ проектамъ.

Тогда-то особенно ярко проявилась дѣятельность по этой части извѣстнаго Георгія-Магнуса Спренгпортена, „злого генія“ Швеціи.

„Республиканецъ на словахъ—деспотъ въ душѣ“, вотъ какъ характеризуетъ его въ своихъ мемуарахъ извѣстный Ребиндеръ (впослѣдствіи министръ-секретарь Финляндіи при Императорѣ Николаѣ I). Спренгпортенъ, съ 1787 года перешедшій на русскую службу, началъ осаждать своими проектами независимой Финляндіи русскихъ сановниковъ. Русскія войска и русскія деньги должны были явиться на помощь финнамъ въ ихъ восстаніи противъ Швеціи, послѣ чего Россія должна была гарантировать финляндцамъ особое устройство въ видѣ „республики финляндскихъ соединенныхъ провинцій“.

Съ своей стороны Потемкинъ рекомендовалъ безотлагательно напасть на Швецію и попросту завладѣть Финляндіей. Но Государыня, зная преимущество инициативы Шведскаго короля въ дѣлѣ разрыва (только во время оборонительной войны король не былъ связанъ рѣшеніями сейма), предоставила ему начинать. Такъ и случилось.

Въ это время въ Финляндіи, облагодѣтельствованной Густавомъ III, проявилось особое малодушіе: въ войскахъ всыхнуль бунты; къ русскимъ начальникамъ стали поступать отъ шведскихъ командировъ мирныхъ предложения; въ мѣстечкѣ Аньяла группа офицеровъ финляндцевъ (шведскаго происхожденія) обратилась къ Императрицѣ съ особою „нотой“, предлагая отдѣленіе Финляндіи отъ Швеціи съ провозглашеніемъ первой самостоятельной. Императрица отнеслась къ заговорщикамъ сдержанно; имъ только словесно было внушено, что „надѣяться могутъ вспоможенія, во всемъ согласно съ пользою нашей Имперіи“. Аньяльцы открыто предлагали „корону Финляндіи“ брату короля, Герцогу Зюдерманландскому, а въ Петербургѣ ихъ главнымъ агентомъ былъ тотъ-же Спренгортенъ, но дѣло кончилось распаденіемъ конфедерациіи и заочнымъ приговоромъ всѣхъ участниковъ къ смертной казни. Главарямъ удалось отъ нея ускользнуть и всѣ они, пріютиясь у ступеней Россійскаго трона, оказались, уже въ интересующую насъ эпоху, въ роли совѣтниковъ Императора Александра I по финляндскимъ дѣламъ.

Въ массѣ финляндскаго народонаселенія замыслы Аньяльцевъ сочувствія не встрѣтили. Во время риксдага 1789 г. представители финскаго крестьянства особымъ адресомъ благодарили короля за освобожденіе страны отъ „могущественнаго и коварнаго врага“. Тѣмъ не менѣе расчеты на возможность достигнуть въ Финляндіи значительныхъ успѣховъ, опиралась на сочувствіе населенія, играли и въ

1808 году весьма существенную роль. Такой способъ дѣйствій отвѣчалъ отчасти личному характеру Императора Александра, не освободившемуся отъ мечтаний юности. Въ то же время Александръ (по отзыву Наполеона) былъ еще „хитрый византійцемъ“. Съ одной стороны—гуманитарные идеи, стремленіе привлечь къ себѣ сердца, а съ другой—природная склонность предпочитать политическую интригу открытой борьбы со врагомъ. Ясно, что проекты и планы Спренгтпортена и его единомышленниковъ имѣли теперь больше вѣса и значенія, чѣмъ прежде.

Какъ только политическая обстановка стала складываться въ пользу разрыва Россіи со Швеціей, такъ шведскіе перебѣжчики стали работать во всю. Спренгтпортенъ еще въ 1806 г. предусмотрительно подалъ Императору Александру записку, въ которой совѣтовалъ бросить союзъ съ германскими государствами и соединиться съ Наполеономъ. Въ петербургскомъ обществѣ распространялись „слухи изъ Финляндіи“, рисовавшіе положеніе вещей въ краѣ и настроеніе населенія въ самыхъ неблагопріятныхъ для Швеціи краскахъ. Положимъ, основаній къ недовольству было достаточно. Финляндія служила всегда козломъ отпущенія въ русско-шведскихъ распряхъ, а недовѣріе къ финнамъ было такъ велико, что все начальство въ финскихъ войскахъ было исключительно шведскимъ. Въ экономическомъ отношеніи Финляндію безсовѣтно эксплуатировали; заграничная торговля ей была закрыта; велась она преимущественно шведскими купцами, за гропъ скупавшими финскіе товары. Мѣры внутренняго порядка, особенно усердно принимаемыя Густавомъ III, преслѣдовали, главнымъ образомъ стратегическія цѣли (напримѣръ—улучшеніе путей сообщенія, болѣе правильная закладка повинностей и др.). Хроническая пустота шведской казны вела къ непомѣрному возрастанію налоговъ.

Несмотря на все это, въ массѣ населенія края никакого расположения къ Россіи не наблюдалось. Дѣйствовали тутъ и рассказы объ ужасахъ русского нашествія, передаваемыя изъ поколѣнія въ поколѣніе, съ немалыми преувеличеніями. Да и шведское правительство не скучилось на распространеніе ложныхъ и извращенныхъ свѣдѣній о Россіи, при содѣйствіи печати.

Рѣшеніе начать войну созрѣло у Императора Александра окончательно къ зимѣ 1807—08 года. Онъ повелѣлъ ускорить сосредоточеніе войскъ къ финляндской границѣ. Нижеслѣдующая выходка шведского короля положила конецъ колебаніямъ Александра. Не желая имѣть ничего общаго съ „апокалиптическимъ звѣремъ“, Густавъ-Адольфъ IV вернулъ сперва королю прусскому знаки ордена Чернаго орла, а затѣмъ отправилъ и Русскому Императору орденъ св. Андрея Первозванного при слѣдующемъ письмѣ.

„Мой братъ, шуринъ и кузенъ. Я исполняю тяжелый долгъ, возвращая Вашему Величеству знаки ордена св. Андрея Первозваннаго. Поступивъ такъ относительно короля прусскаго, пожаловавшаго Наполеону Бонапарту орденъ Чернаго Орла, я быль бы непослѣдователенъ, если-бы я въ подобномъ же случаѣ не поступилъ одинаково и относительно Вашего Величества. Прилагаю при семъ копію письма моего прусскому королю, которое объяснитъ Вамъ мотивъ моего поступка, обоснованного на столь-же неизмѣнныхъ причинахъ, какъ и чувства, съ которыми остаюсь и т. д.“

Александръ I тотчасъ-же вернулъ свой орденъ Серафимовъ при такомъ письмѣ: „Предвидя, что Ваше Величество намѣрены мнѣ вернуть орденъ св. Андрея, я, дабы облегчить Вамъ это, дѣлаю первый шагъ и возвращаю Вамъ орденъ Серафимовъ, который я отъ Васъ получилъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я прошу Ваше Величество и т. д.“.

Къ началу 1808 года сосредоточеніе русскихъ войскъ, назначенныхъ для вступленія въ предѣлы Финляндіи, въ Выборгской губерніи закончилось. Задерживало лишь устройство продовольственной части. Шведскій король былъ обо всемъ точно осведомленъ по донесеніямъ своего посла Стедингка.

Точно также нашему послу въ Стокгольмъ Алопеусу было приказано тщательно слѣдить за приготовленіями и передвиженіями шведскихъ войскъ, а также за сношеніями съ Англіей. Такимъ образомъ, тогдашніе дипломатическіе агенты не чужды были и военныхъ вопросовъ, замѣнья какъ-бы отчасти нынѣшихъ военныхъ агентовъ. Дипломатическая переписка, затѣянная въ это время шведскимъ королемъ (по вопросу о нейтралізациі Балтійскаго моря) имѣла, очевидно, цѣлью лишь *выигрышъ времени*. Учрежденный королемъ „тайный оперативный комитетъ“ (*hemliga krigsberedningep*) работалъ съ лихорадочною поспѣшностью по составленію плановъ обороны и принятію цѣлаго ряда мѣръ въ этомъ направлениі. Для скрытія всѣхъ этихъ приготовленій, какъ разъ въ день подписанія союзного трактата съ Англіей, шведскій король пригласилъ къ себѣ Алопеуса и спросилъ его о причинахъ сосредоточенія русскихъ войскъ на границѣ. Алопеусъ отвѣтилъ, что это дѣлается съ цѣлью обезопасить Петербургъ отъ высадки англичанъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ король предупредилъ, что онъ оповѣститъ русское правительство о принимаемыхъ имъ въ Финляндіи военныхъ мѣрахъ, преслѣдующихъ исключительно оборонительныя цѣли. Это происходило ни болѣе, ни менѣе, какъ 8-го февраля и. ст., т. е. ровно за *тринацать дней* до начала войны!

Почти одновременно (и, конечно, въ демонстративныхъ цѣляхъ) поручено было Стедингку испросить у Русскаго Императора аудиенцію, для послѣдней попытки въ примиренію. „Богъ свидѣтель,—сказалъ

ему Александръ,—что я не стремлюсь захватить у Васъ ни одной деревни". Союзъ съ Россіей, а слѣдовательно и съ Франціей, онъ рекомендовалъ королю, какъ единственный спасительный шагъ, совѣтуя „покориться закону необходимости".

На другой-же день послѣ этого знаменательного разговора (5-го февраля нов. ст.) посланъ былъ съ курьеромъ къ Алопеусу ультиматумъ, для врученія его шведскому правительству, а въ Парижъ декларациія къ иностраннымъ дворамъ, помѣченная 10-мъ февраля. Но, по непредвидѣнной случайности (плавучіе льды въ Ботническомъ заливѣ) сообщеніе моремъ Швеціи съ Финляндіей прервалось на *три недѣли*. Тикимъ образомъ, курьеру пришлось ѿхать черезъ Торнео. По той-же причинѣ запоздали и весьма важныя донесенія своему правительству барона Стедингка: онъ дошли только къ 21-му февраля (2-му марта), т. е. 12 дней позже перехода нашихъ войскъ чрезъ границу. Что-же касается до курьера, то онъ 28-го февраля (7-го марта) былъ захваченъ близъ Гернезанда, а депеши его вскрыты и опубликованы во *всебоющее съданіе*. Одновременно въ Стокгольмѣ арестованъ Алопеусъ и конфискованъ его архивъ.

Русское правительство отплатило за такой „турецкій" образъ дѣйствій изысканною предупредительностью въ отношеніи Стедингка. Единственно, въ чёмъ его ограничили,—это въ томъ, что ему не позволили вернуться домой черезъ Финляндію—ясно почему: чтобы не дать ему возможности передать шведскому главнокомандующему Клингспору какія-либо свѣдѣнія о русской арміи.

Россію нерѣдко упрекали и упрекаютъ за то, что вторженіе ея войскъ въ Финляндію совершенно было безъ формального объявленія войны. Изъ вышеизложенного ясно, что ожидать результата посланнаго ультиматума равносильно было отсрочки почти на мѣсяцъ. А такая отсрочка лишала насъ зимней кампаніи, предоставившей намъ значительные преимущества, не говоря уже о томъ, что каждый день, даже часъ промедленія при неготовности противника, игралъ ему въ руку... Рисковать въ такой степени успѣхомъ мы, очевидно, не могли...

Нельзя не признать, что политическая обстановка складывалась для насъ въ данномъ случаѣ выгодно. На западномъ фронѣ Пруссія только что обезсилена Наполеономъ; Австрія готовится къ новой съ нимъ борьбѣ. Недавній грозный врагъ, императоръ французовъ,—нашъ союзникъ. Данія оттягиваетъ на себя часть шведскихъ силъ. Наконецъ, Англія, хотя и субсидируетъ Швецію и даже считается ея союзницей, ведетъ какую-то двусмысленную игру и даже есть основаніе подозревать существование между ю и нами какого-то тайного соглашенія.

Послѣднее столкновеніе двухъ съверныхъ сосѣдей, изъ коихъ Швеція уже утратила былое могущество конца XVII и начала XVIII вѣка, а Россія, наоборотъ, росла и крѣпла все предшествующее столѣtie, достигнувъ вѣнца своей міровой славы въ блестящей вѣкѣ Екатерины разразилось, казалось-бы, въ условіяхъ для насъ благопріятныхъ. Швеція, лишенная уже Ингерманландіи, Ливоніи, Помераніи и цѣлой трети Фінляндіи, имѣла всего до 610,000 кв. верстъ пространства и не болѣе $2\frac{1}{2}$ миллионовъ населенія, тогда какъ терраторія тогдашней Россіи простиравась уже на 16,170 тыс. кв. верстъ съ сорока-милліоннымъ населеніемъ¹⁾. Конечный результатъ борьбы, даже въ случаѣ единоборства противниковъ, при достаточной съ обѣихъ сторонъ настойчивости, предугадать при такихъ условіяхъ было нетрудно, вопросъ былъ только въ томъ—на сколько времени будетъ отсроченъ этотъ конецъ. А *выиришиъ времени*, при политическомъ состояніи тогдашней Европы, могъ весьма и весьма много значить. Дотяни Швеція борьбу не до 1809, а хотя-бы до 1811 года, кто знаетъ, какъ и когда разрѣшился-бы вѣковой вопросъ обѣзпеченіи Петербурга?

При столь благопріятныхъ политическихъ условіяхъ, а также при общемъ перевѣсѣ материальныхъ силъ и средствъ, при неготовности къ борьбѣ противника и, наконецъ, при преимуществахъ вторженія въ Фінляндію зимою, предстоящей походѣ представлялся его организаторамъ и участникамъ предпріятіемъ легкимъ, тѣмъ болѣе, что рѣшительнымъ козыремъ въ игрѣ должны были явиться „чувствованія финновъ“. Однако, для быстраго достижениія намѣченныхъ цѣлей необходимо было посчитаться съ своеобразными мѣстными условіями, изъ коихъ главнымъ въ данномъ случаѣ являлись особенности театра войны и его населенія.

---

¹⁾ См. *Sundbärg «Sveriges Land och Folk»* и Военно-статистический сборникъ, подъ редакціей Н. Н. Обручева, стр. 50. Нынѣ въ Швеціи безъ Фінляндіи и Норвегіи—свыше 5 миллионовъ жителей.

ГЛАВА II.

Вооруженные силы сторонъ.

Шведы: Устройство высшаго военнаго управлениі.—Пополненіе, числительность, организація, вооруженіе, снаряженіе, продовольственная часть, обученіе, тактическая подготовка.—Характеристика арміи и корпуса офицеровъ по отзывамъ современниковъ.—**Русские:** Общая характеристика, числительность, организація, пополненіе, воинское обученіе, тактическая подготовка.

А) **Шведы**¹⁾. Послѣ войны съ Россіей и Даніей въ 1788—1790 г.г. въ шведской арміи дѣятельно принялись за военные реформы, но успѣхъ задерживался, какъ всегда, отсутствіемъ „нерва войны“, т. е. денегъ. А въ Швеціи государственная казна хронически пустовала. Поэтому къ началу 1808 года никакихъ серьезныхъ усовершенствованій не было достигнуто и война застала шведскую армію въ состояніи самой пестрой и разнообразной организаціи.

Во главѣ всѣхъ военно-сухопутныхъ и морскихъ силь стоялъ король. Коллегіальное устройство государственного управлениія приводило къ тому, что всѣ вопросы сухопутной обороны сосредоточивались въ *военной коллегии*; высшее же управление флотомъ находилось въ вѣдѣніи особаго *морского управлениія*, начальникъ котораго былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникомъ флота. Вслѣдствіе отдѣльного отъ метрополіи положенія Финляндіи, къ тому-же непосредственно примыкавшей къ вѣроятнѣйшему противнику—Россіи, начальство надъ расположеннымъ тамъ сухопутными и морскими силами ввѣрялось особому главнокомандующему (съ 1790 г. графъ Морицъ Клингспоръ). Онъ подчинялся непосредственно королю, и только по хозяйственнымъ дѣламъ зависѣлъ отъ военной коллегіи, пользуясь по многимъ вопросамъ правомъ собственнаго почина. Однако, предоставленная Клингспору закономъ самостоятельность, вполнѣ оправдываемая географическими условіями, въ дѣйствительности далеко не соблюдалась. Король зачастую вмѣшивался въ распоряженія, желая самъ руководить военными операциами, причемъ неудачи всецѣло сваливалъ на сотрудниковъ.

Въ качествѣ высшихъ войсковыхъ соединеній еще въ 1792 г. пытались образовать дивизіи, но уже съ 1802 г. онѣ были уничтожены, и, такимъ образомъ, между центральнымъ военнымъ управлениемъ и самими войсками не было никакой посредствующей связи.

¹⁾ О шведской арміи сообщаются болѣе подробныя свѣдѣнія, какъ менѣе извѣстной русскимъ читателямъ.

Генеральный штабъ состоялъ изъ 160-ти офицеровъ, исполнявшихъ въ мирное время адъютантскія обязанности при королѣ и принцахъ королевскаго дома. Въ вѣдѣніи генераль-квартирмейстера находится *корпусъ топографовъ*, на которомъ лежала не только топографическая специальность, но и сборъ статистическихъ свѣдѣній, и даже изученіе шведской военной исторіи и наблюденіе за развитиемъ военного дѣла въ иностраннѣхъ государствахъ. Другими словами, топографы въ тогдашней Швеціи выполняли въ значительной степени тѣ обязанности, которыя въ наше время составляютъ „службу генерального штаба“ и поступали въ военное время въ полное распоряженіе чиновъ этого штаба.

Пополненіе шведской арміи было двоякое: а) *поставкою отъ земли* по особой системѣ „indelta“ и б) вербовкою. Кроме того въ случаѣхъ крайней необходимости всѣ способные носить оружіе граждане обязаны были становиться на защиту государства.

Система „indelta“ (что значитъ „распределенные“), введена была во второй половинѣ XVII вѣка при королѣ Карлѣ XI и считалась „драгоценѣйшимъ украшеніемъ“ шведской короны. Первоначально она имѣла дѣлью облегчить населеніе, истощенное усиленными наборами. Землевладѣльцы, въ зависимости отъ величины принадлежащаго имъ участка земли, обязывались выставлять и содержать, мелкіе—пѣхотинца, а болѣе крупные—кавалериста. Каждый поселенный солдатъ получалъ участокъ земли съ жильемъ и необходимыми службами или, взамѣнъ того, извѣстную сумму денегъ. Владѣльцы участковъ сами подыскивали подходящихъ кандидатовъ, пріемъ которыхъ на службу утверждался особыми комиссіями въ составѣ: губернатора, командаира полка и роты, врача и владѣльца участка или его повѣренного. При поступлѣніи на службу обученіе продолжалось въ первый годъ 4 мѣсяца, во второй— $1\frac{1}{2}$ мѣсяца, а затѣмъ ежегодно 3 недѣли. Офицеровъ и унтеръ-офицеровъ содержали на счетъ доходовъ казенныхъ имѣній (бостелей), сдаваемыхъ въ аренду. Любопытно, что при заключеніи Фридрихсгамского мира вопросъ объ этихъ бостеляхъ служилъ однимъ изъ затрудненій; шведскіе офицеры желали сохранить право пользоваться бостелями въ теченіе 20-ти лѣтъ, не принимая русскаго подданства¹⁾.

Запасъ для поселенныхъ войскъ носилъ название „Vargerings“ и выставлялся во время войны владѣльцами участковъ, хотя этого условія и не было въ ихъ первоначальныхъ контрактахъ. Это обстоятельство порождало постоянныя недоразумѣнія, особенно при Густавѣ III. Въ Финляндіи организація поселеннаго запаса была

¹⁾ Дѣло разрѣшилось позднѣе манифестомъ 15-го марта 1810 г., по которому бостели отданы въ пользованіе финляндцевъ, принявшихъ русское подданство.

гораздо устойчивѣе, здѣсь существовали для него даже учебные сборы. Отличіе Vargerings' а заключалось въ томъ, что люди его не имѣли форменной одежды и не всѣ пользовались жилищемъ.

Общая численность шведской поселенной пѣхоты (не считая Финляндіи) къ началу 1808 г. достигала ста сорока двухъ ротъ или 20.282 человѣкъ по спискамъ. Полки были по большей части восьми-ротные (организація, вполнѣ отвѣчавшая мѣстнымъ условіямъ вѣроятныхъ театровъ военныхъ дѣйствій). Поселенная конница насчитывала 45 эскадроновъ (5105 чел. по спискамъ). Запаса (Vargerings) было 13.782 чел. Короче, поселенные войска кореннай Швеціи (съ запасомъ) могли дать не свыше *тридцати восьми со половиною тысяч человѣкъ*.

Что касается, собственно, Финляндіи, то тамъ послѣ войны 1788—90 г.г. приступлено было къ полной реорганизаціи поселенныхъ войскъ, но не въ смыслѣ увеличенія ихъ числительности, а введенна была новая соразмѣрность между родами войскъ, причемъ пѣхота увеличена за счетъ конницы (съ 6702 до 8199 человѣкъ списочнаго состава). Сдѣлано это было въ виду условій финляндской мѣстности, крайне ограничивающей сферу употребленія кавалеріи¹⁾). Всего „финская поселенная армія“ насчитывала 8.199 пѣхоты, 700 конницы и 4.050 запасныхъ, почти *тринадцать тысяч человѣкъ*.

Отсюда видно, что Финляндія при ея тогдашнемъ населеніи въ 863.614 человѣкъ содержала однихъ поселенныхъ войскъ, не считая 6-ти съ лишнимъ тысячъ вербованныхъ свыше, 15% всего населенія²⁾.

Несмотря на то, что при вышеуказанныхъ условіяхъ тягость военной службы въ Финляндіи была больше, чѣмъ въ ея „modderlandet“ (земль-матери; такъ зовутъ Швецію даже нынѣшніе финляндцы), правительство послѣдней собиралось все время *усилить составъ поселенныхъ финскихъ войскъ*. Задумано было „равномѣрное распределеніе“ участковъ, подъ видомъ котораго попросту производилось увеличеніе ихъ числа, такъ что составъ поселенныхъ финляндскихъ войскъ долженъ былъ возрасти до $15\frac{1}{2}$ тысячъ человѣкъ; въ дѣйствительности къ началу войны усѣли довести ихъ почти до 14-ти тысячъ. Общее число поселенныхъ войскъ Швеціи достигало, такимъ образомъ, *пятидесяти трехъ тысяч человѣкъ*.

Что же касается войскъ *вербованныхъ*, то большинство ихъ, находясь на службѣ постоянно, отбывали караулы въ крѣпостяхъ и гарнизонахъ. Шведская офиц. исторія войны (т. I, стр. 110—111)

¹⁾ При возврѣніяхъ этого времени на этотъ родъ войскъ.

²⁾ Любопытно, кстати, припомнить здѣсь, что въ послѣдніе годы дѣйствія въ Финляндіи воинской повинности по закону 1878 г. она, при населеніи, достигшемъ 2.700.000 человѣкъ, содержала всего 5.600 человѣкъ, или немногого болѣе 0,2%.

свидѣтельствуетъ, что за недостаткомъ охотниковъ вербовались, „люди мало удовлетворительного качества: бродяги, лица, присужденныя къ наказанію, безработные, неплательщики налоговъ, люди трижды наказанные за пьянство, и т. п., даже военно-плѣнныя“. Таковъ, впрочемъ, обычный удѣлъ всѣхъ вербованныхъ армій. Принимались люди отъ 17 до 40 лѣтъ; съ ними заключались контракты на сроки отъ 3 до 12 лѣтъ; по окончанію срока контрактъ обыкновенно возобновлялся; поэтому было много солдатъ весьма престарѣлыхъ. Однако финскія вербованныя войска были по качеству все-же лучше шведскихъ.

Числительность вербованныхъ войскъ: въ самой Швеціи свыше 4.000 пѣхоты, болѣе 1.000 конницы, около 3.060 артилеріи и инженерныхъ войскъ, а всего свыше *восьми тысячъ* человѣкъ. Въ Финляндіи вербованныя войска, прежде насчитывавшія съ небольшимъ 3.000 человѣкъ, доведены были до *шести съ лишнимъ тысячъ*. Общее число вербованныхъ войскъ, такимъ образомъ, достигало 14-ти съ небольшимъ тысячъ, *а вся численность вооруженныхъ силъ Швеции въ мирное время опредѣлялась въ 66.850 чел., изъ коихъ въ Финляндіи—19.765 чел.*

Рекрутскій наборъ производился только въ южныхъ провинціяхъ государства, прежде принадлежавшихъ Даніи, гдѣ не была введена поселенная система. Обыкновенно онъ откупались деньгами, но правительство всегда могла потребовать поставки рекруть. Точно также оно могло прибѣгнуть къ этому способу для пополненія некомплекта поселенныхъ войскъ.

Въ военное время численность арміи нѣсколько возрастила. Формировались особые отряды для гарнизонной службы, а изъ служащихъ въ лѣсничествахъ и королевской охотѣ образовывались особыя команды, въ родѣ нынѣшнихъ охотниковъ.

Наконецъ, всѣ способные носить оружіе, въ случаяхъ крайней необходимости, могли быть призваны стать на защиту отечества. Но такъ какъ моментъ наступленія этой „необходимости“ опредѣлялся королемъ¹⁾, то послѣдній могъ, еще въ предвидѣніи войны, созвать и обучать этотъ своего рода ландштурмъ, лишь бы содержание его не требовало новыхъ налоговъ.

Вооруженіе шведской пѣхоты—гладкоствольное кремневое ружье со штыкомъ. Егеря имѣли кремневые штуцера. При общемъ для всѣхъ калибрѣ (въ 6,75 линій), разныхъ образцовъ ружей было до 9-ти. На каждого стрѣлка давалось по 70-ти патроновъ, изъ коихъ 30 на людяхъ. Лучшія ружья (штуцера) били на 300 метровъ. Общее

¹⁾ По формѣ правленія 1772 года (§ 45)... „Когда нечаянное нападеніе непріятеля на государство учинено будетъ, тогда онъ (король) имѣть право принимать мѣры, съ пользою и безопасностью государства соглашающіяся, также и съ выгодами его подданныхъ“.

число годныхъ ружей немного превышало 60.000, что при штатной числительства всей пѣхоты въ 42.364 чел., едва давало 20 т. запасныхъ ружей для надобностей ополченія. Характерно для тогдашнихъ шведскихъ военныхъ порядковъ, что *передъ самою войною* свыше 20.000 ружей, а также много тесаковъ и сабель продано было въ Россію и Пруссію, благодаря чemu въ маѣ 1808 г., уже во время войны, пришлось купить 35 т. старыхъ ружей въ Англіи. Недаромъ ген. Армфельдъ въ мартѣ 1808 г. иронически писалъ, что финскій народъ „желалъ вооружиться, но безподобная военная коллегія отечески заботилась о доставленіи намъ разнокалиберныхъ ружей и ненужной аммуниції“.

Конница вооружена была саблей или палашемъ и двумя кремневыми пистолетами, съ 24-мя патронами къ каждому. Кавалерія финляндской арміи была вооружена дурно: большинство пистолетовъ было негодно къ употребленію.

Что касается *артилеріи*, то задолго до войны стремились ввести однообразный образецъ орудій, но достигнуть этого не удалось. Ко времени войны имѣлись пушки 3-хъ, 6-ти, 8-ми и 12-ти фунтовыя, а также 8 фн. гаубицы и 12 фн. мортиры. За то удалось еще въ мирное время ввести батарейную организацію; заведены были легкой конструкціи передки; прежніе вольнонаемные рабочіе смѣнились обученными канонирами, словомъ,—полевая артилерія близка была къ современному типу Ѣздящей. Батареи были шести-орудійныя. Немало пушекъ, особенно 3-хъ фунтовыхъ, было передъ войной продано въ Россію; русскій артилерійскій пріемщикъ жилъ въ Гельсингфорсѣ вплоть до начала военныхъ дѣйствій.

Обмундированіе и снаряженіе шведскихъ войскъ было самое разнообразное, такъ какъ при Густавѣ IV Адольфѣ въ этомъ отношеніи царили полная неустойчивость и хаосъ. Въ результатѣ шведская войска выступили въ походъ въ мундирахъ самыхъ различныхъ покроевъ и цветовъ.

По общему правилу, войска „indelta“ получали обмундированіе за счетъ землевладѣльцевъ изъ сѣраго сермяжнаго сукна; въ вербованныхъ частяхъ обмундированіе и снаряженіе пріобрѣтались за счетъ казны попеченіемъ ротныхъ командировъ.

Войсковой обозъ въ 1807 г. подвергся сильному сокращенію, такъ что на четырехротный батальонъ полагалось всего 11 повозокъ и 20 лошадей, но финскіе полки оставались еще при старой организаціи (на батальонъ 25 повозокъ и 41 лошадь); за то вся материальная часть была здѣсь полностью на лицо. Вербованныя части вовсе не имѣли обоза; предполагалось снабдить ихъ только въ военное время. Обозъ конницы въ Финляндіи состоялъ изъ одноколокъ, а въ случаѣ надобности переходилъ во *вьючный*.

Конский составъ для кавалеріи поставлялся рустхолларами (землевладѣльцами, поставлявшими кавалериста), причемъ неисправности строго карались штрафами. Въ артилеріи съ 1807 г. стали содержать часть лошадей еще въ мирное время.

Въ военное время недостатокъ лошадей пополнялся покупкою или пользованіемъ обывательскими лошадьми.

Продовольственная часть въ шведской арміи была организована весьма плохо. Поселенныхъ солдатъ обязаны были кормить владѣльцы участковъ, которые постоянно хлопотали о томъ, чтобы избавиться отъ заботъ по этой части и по снабженію людей вообще всѣмъ необходимымъ, взамѣнъ чего предлагали платить опредѣленные денежные взносы. Отсюда возникали такъ называемыи „пассъ-волансныи“ учрежденія, вѣдавшія приходомъ и расходомъ этихъ суммъ. Къ числу ихъ принадлежали *крись-комиссаріаты*, изъ коихъ наибольшимъ былъ финскій.

Воинское обученіе въ поселенныхъ войскахъ производилось во время полковыхъ сборовъ (отъ 17 до 24 дней ежегодно), причемъ проходились строевые ученья и стрѣльбы. Подготовка рекрутъ велась отдельно. Кромѣ того войска учились по воскресеньямъ на церковныхъ парадахъ. Для конницы образованы были учебные эскадроны, гдѣ занятия производились 2—3 мѣсяца. Въ артилеріи подготовка велась непрерывно въ теченіе 4-хъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Независимо того производились совмѣстныи упражненія трехъ родовъ войскъ, иногда даже съ участіемъ флота. Хотя большее времени отводилось тутъ парадамъ и всякимъ празднествамъ, тѣмъ не менѣе случалось, что были и маневры, съ отдачей „диспозицій“, назначениемъ посредниковъ и т. п., причемъ *придавалось большое значение дробленію на мелкіе, но согласно дѣйствующіе отряды, устройству засадъ, обеспеченію тыла позицій и т. п.*

Большая часть собственно шведскихъ войскъ только что вернулась изъ похода въ Померанію, хотя и представившаго мало поучительнаго, но все-же это былъ нѣкоторый боевой опытъ. Часть финляндскихъ войскъ была тоже отряжена въ Померанію, но принять фактическаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ не успѣла.

Для пріобрѣтенія *офицерскаго званія* по закону требовалось въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ пройти всю солдатскую службу отъ рядового до капрала и сдать экзаменъ изъ уставовъ. Въ дѣйствительности это требование сводилось къ простой формальности, и все зависѣло отъ личныхъ связей и желанія командира части, имѣвшаго возможность принять къ себѣ офицеромъ кого угодно. Для подготовки болѣе опытныхъ въ военныхъ познаніяхъ офицеровъ существовали два военно-учебныхъ заведенія: военная академія въ Карлсбергѣ и кадетская

школа въ Хапаниеми, близъ Куопіо, въ Финляндіи (зародыши будущаго Финляндскаго кадетскаго корпуса). Кроме того въ артилерійскихъ и инженерныхъ войскахъ были особья школы, гдѣ молодые офицеры приобрѣтали право на дальнѣйшее производство.

Въ пѣхотѣ обычнымъ строемъ для дѣйствія въ бою былъ развернутый колонны (взводныя) употреблялись только для маневрированія и для атаки укрѣпленныхъ позицій. Польѣ обыкновено строился въ двѣ линіи баталіоновъ, иногда въ шахматномъ порядкѣ. Конница ставилась всегда съ вѣнчайшей стороны атакующаго фланга.

Обращаетъ на себя вниманіе, что тогдашній шведскій уставъ особенно подчеркиваетъ важность поддержанія связи между батальонами при прохожденіи лѣсовъ посредствомъ патрулированія, а также охраненія боевого порядка въ такихъ случаяхъ высыпкою особыхъ: авангарда, арьергарда и боковыхъ дозоровъ.

Въ общемъ, развернутый строй оставался главною формою для боя пѣхоты; колонны употреблялись лишь для атаки мѣстныхъ предметовъ. Для разсыпного строя опредѣленныхъ правилъ еще не было, но строй этотъ уже примѣнялся подъ именемъ „цѣпного порядка“; разсыпанные взводы располагались на флангахъ и (по уставу 1806 г.) назначались либо „для прикрытия колонны во время наступленія, или для удлиненія общей линіи и демонстрированія противъ одного изъ фланговъ, съ цѣлью произвести сомкнутую атаку на другомъ пункте“. Разсыпной строй, поддержанный колоннами, примѣнялся и для атаки позицій причемъ батальоны 1 линіи нерѣдко цѣликомъ разсыпались въ пѣпь. Огонь въ цѣпи былъ всегда одиночный; за 50 шаговъ до непріятеля подавался сигналъ „атака“, по которому прекращали стрѣльбу и бросались въ штыки на противника. Сомкнутый батальонъ при атакѣ давалъ залпъ, затѣмъ шелъ въ штыки, но за сто шаговъ до противника дѣлалъ новый залпъ, а за 40 шаговъ вторая шеренга давала еще два залпа, изъ коихъ послѣдній уже тогда, когда первая сшибалась съ противникомъ грудью. Въ то же время фланговые стрѣлковые взводы, не прекращая стрѣльбы, должны были охватывать фланги противника.

Въ конницѣ основнымъ строемъ для атаки была развернутая линія эскадроновъ, но употреблялась и уступная форма, а также шахматный строй въ двѣ линіи. Кроме того примѣнялась разсыпная атака, „роемъ“; для развѣдки и задержанія передовыхъ частей противника, конница образовывала фланкерную цѣпь, причемъ фланкеры стрѣляли съ коня, а когда нужно (по мѣстности)—дѣйствовали въ пѣшемъ строю.

Артилераія была довольно подвижна; всѣ перестроенія производились „рысью или полнымъ карьеромъ“. На открытой мѣстности

передвижения дѣлались всегда въ конномъ строю. Стрѣльба производилась батареей или отдѣленіями, съ одного изъ фланговъ.

Во время войны армія образовывала одинъ или нѣсколько *корпусовъ*, дѣлившихся на бригады изъ трехъ родовъ войскъ, причемъ часть конницы и артилериі оставалась еще въ рукахъ корпуснаго командинга. Во время похода войска довольствовались за счетъ владѣльцевъ поселенныхъ участковъ. На походѣ войска охранялись общепринятымъ порядкомъ, на отдыхъ располагались бивакомъ, охраняясь цѣпью передовыхъ постовъ, поддержаныхъ караулами, а на ночь еще и цѣпью парныхъ часовыхъ.

Такимъ образомъ, въ шведской арміи общія всей Европѣ XVIII вѣка формы линейной тактики постепенно стали замѣняться прерывчатыми и глубокими типами боевыхъ построений. Мѣстная топографическая условія вѣроятныхъ театровъ войны сами собою приводили къ расчлененію боевыхъ порядковъ, даже къ употребленію разынного строя. Закрытая, лѣсистая и пересѣченная мѣстность совершенно противорѣчила духу линейной тактики и естественно побуждала заботиться о поддержаніи связи между частями боевого порядка даже небольшихъ единицъ, т. е. о мѣрахъ, сродныхъ современнымъ условіямъ боя.

Приведемъ нѣкоторые отзывы современниковъ, характеризующіе состояніе шведскихъ сухопутныхъ войскъ.

Посланникъ напѣ въ Стокгольмѣ Алопеусъ, доставлявшій намъ передъ войною весьма цѣнныя въ военномъ отношеніи свѣдѣнія, писалъ, между прочимъ, 10-го января 1808 г.¹⁾.

«Всѣ шведскія сухопутныя силы, считая гарнизонъ и инвалидовъ, простираются до 50-ти тысячъ человѣкъ, изъ оныхъ 12 тысячъ въ Финляндіи²⁾. 15 тысячъ изъ сихъ войскъ набраны изъ рекрутъ, прочие милиционные³⁾. По учрежденію еще Карла XI солдатъ, вступающій въ милицію, получаетъ участокъ земли по смерть и никогда не отставляется. Половина изъ оныхъ всегда бываетъ лѣтъ пятидесяти. Привыкнувъ къ спокойной жизни, не переносятъ они усталі. Кавалерія милиционная учится не болѣе трехъ недѣль въ году. Ежели потеряетъ кавалеристъ лошадь, то долженъ получить другую отъ поселянина, ибо оный обязанъ снабдить кавалеристу все нужное. Учрежденія сего польза та, что военный духъ поддерживается въ націи. Между сухопутными генералами нѣтъ излишне замѣчательныхъ. Съ послѣдней (т. е. Померанской) кампаніи довѣренность къ королю весьма уменьшилась, ибо видѣли на немъ только одѣяніе Карла XII, но не видали его, какъ тотъ бывалъ въ средѣ своего

¹⁾ Д. В. Ист. Арх. Г. Шт. № 1666.

²⁾ На самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ изложеннаго, войскъ было больше.

³⁾ Т. е. «indelta».

войска предъ непріятелемъ. Безъ пособій Англії, Швеція никакихъ бы средствъ не имѣла предпринять войну, да и теперь сомнительно, чтобы англійское золото доставило ей тотчасъ же хлѣбъ, порохъ и орудія“.

Президентъ фонъ-Хепкенсъ такъ характеризуетъ корпусъ шведскихъ офицеровъ: „Все самолюбіе,—говорить онъ,—обращено у нихъ на пріобрѣтеніе бостеля (т. е. казеннаго имѣнія), а единственнымъ занятіемъ служать удовольствія и развлечениія; субординація же считается насилиемъ надъ свободнымъ народомъ“¹⁾ Извѣстный строитель Свеаборга, адмиралъ Августинъ Эренсвердъ горячо требовалъ въ риксдагѣ 1761 г. коренныхъ мѣръ для поднятія дисциплины.

Распущенность и извращенность понятій о дисциплинѣ и о долгѣ дошли до того, что передъ войной 1788—90 гг. многіе офицеры вышли въ отставку; ссылаясь на то, что война эта начата королемъ не въ законномъ порядке, т. е. безъ согласія государственныхъ чиновъ. Мало этого, офицеры занялись пропагандою среди солдатъ, смущая ихъ недостаткомъ продовольствія и боевыхъ припасовъ, а также страшная преувеличенными размѣрами русскихъ силъ. Въ войскахъ разбрасывались революціонные листки, въ которыхъ доказывалось, что государство основано на договорѣ между королемъ и народомъ, причемъ выставлялось на видъ, что король нарушилъ свои обязанности. Этимъ настроениемъ войскъ воспользовались аньальские заговорщики, которые почти всѣ были офицерами.

Наглядную оцѣнку боевыхъ качествъ собственно шведскихъ войскъ передъ 1808 годомъ можно получить изъ ознакомленія съ ихъ дѣйствіями въ 1807 году въ Помераніи. Противъ шведовъ здѣсь посланъ былъ маршалъ Брюннъ, одинъ изъ нелюбимыхъ Наполеономъ маршаловъ. Какъ только закончилось перемиріе, французы всюду оттѣснили шведовъ, такъ что король ихъ самъ прислалъ парламентера. „Не могъ я ожидать, чтобы одинъ изъ преемниковъ Карла XII сталъ просить о перемиріи послѣ 35-ти часовъ военныхъ дѣйствій“ сказалъ Брюннъ и вогналъ шведовъ безъ труда въ Стральзундъ. Осадою этой крѣпости окончилась кампанія, причемъ крѣпость сдалась весьма поспѣшно.

Зародыши будущаго неуспѣха, такимъ образомъ, уже коренился отчасти въ томъ духовно-нравственномъ разладѣ, который проявлялся, какъ въ самой шведской націи, такъ и въ ея арміи. Въ финляндскихъ войскахъ, впрочемъ, какъ обособленныхъ до нѣкоторой степени отъ специальнаго шведскихъ интересовъ, духъ былъ гораздо выше. Въ финскомъ крестьянинѣ вообще искони было развито чувство преданности королямъ, которые (особенно Густавъ III) старались развивать

¹⁾ Sv. Kriget 1808-09, т. III, ст. 20.

это чувство, оказывая Финляндіи внимание и вводя въ ея внутренне порядки ижкоторыя улучшениа. Притомъ же финскій солдатъ, сражаясь въ предѣлахъ Финляндіи, защищалъ родные очаги, — чувство, наиболѣе ясное для простолюдина и наиболѣе крѣпкое у всѣхъ народовъ... Иное дѣло финляндскіе офицеры, которые всѣ были шведами по крови, лишь натурализованными въ Финляндіи и владѣвшими или пользовавшимися тамъ земельными угодьями. Въ ихъ средѣ мечты о независимой Финляндіи получили довольно значительное развитиѣ. Фактъ этотъ константируютъ не только русскіе изслѣдователи (напр. Ординъ), но и составители шведской официальной исторіи войны, именующіе такія прискорбныя явленія по заслугамъ „измѣною“. Идеи эти вносили въ войска нашего противника извѣстную долю разложенія. Характернымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи служить слѣдующее заявленіе генерала Эрнрота, передъ самымъ открытиемъ военныхъ дѣйствій, на предложеніе генерала Клеркера совмѣстно обсудить планъ обороны. „Планъ быль бы совершенно хороши, но ни къ чemu не поведетъ, ибо Финляндія должна, наконецъ, принадлежать Russi: этимъ въ концѣ концовъ должно кончиться“.

Б) *Русские*. Состояніе русской арміи въ первую половину царствованія Императора Александра I, до Отечественной войны, нельзя не считать переходнымъ. Вмѣстѣ съ привычною муштрой предыдущаго царствованія, многие дѣятели которого (напримѣръ, Аракчеевъ) удержали и теперь свое значеніе, на развитиѣ у насъ военного дѣла дѣйствовали новые вѣянія. На западѣ развертывалась грандіозная картина Наполеоновской эпопеи; у насъ еще свѣжѣ и памятенъ былъ громъ Суворовскихъ побѣдъ. Въ противоположность шведамъ, которые за двадцать лѣтъ послѣ войны 1788—1790 гг. совершенно не воевали, если не считать ничтожной Померанской экспедиціи 1807 г., наша армія имѣла почти безпрерывный боевой опытъ (2-я турецкая война, дѣйствія въ Польшѣ, итальянскій и швейцарскій походы Суворова, наконецъ, 2 большія войны съ Наполеономъ). Значеніе этого боевого опыта не могли умалить ни Аустерлицъ, ни Фридландъ. Самыя эти неудачныя по конечному результату войны уже дали почувствовать Наполеону, съ какимъ врагомъ онъ имѣеть дѣло (Прейсишъ-Эйлау, Пултускъ, Шенграбенъ). Въ арміи, какъ бы даже наперекоръ ижкоторымъ изъ ея высшихъ руководителей, продолжать жить бессмертный духъ великаго Суворова и если значеніе его не оцѣнивалось еще въ должной степени, то боевая школа его, воспитавшая цѣлое поколѣніе «орлятъ», проявила себя во всѣхъ войнахъ начала XIX вѣка. Много Суворовскихъ питомцевъ (напримѣръ, Багратіонъ, Каменскій) показало себя и среди финляндскихъ скаль и дебрей...

Общая числительность нашей регулярной армии достигала въ то время 400 тысячъ, а съ местными, милиционными и иррегулярными войсками—свыше 800 тыс. чоловѣкъ. Но для опредѣленія максимума тѣхъ силъ, которые могли быть выставлены противъ Швеціи, приходится значительно сократить эти цифры. Границы съ Турцией, Персіей и Китаемъ, а также Кавказскую окраину, нельзя было обнажать. Во время войны 1806 г. съ Наполеономъ Россія могла выставить въ первую очередь не болѣе 60 тыс. бойцовъ и еще 38 тыс. во 2-ю очередь, т. е. всего не болѣе 98 тыс. Резервомъ служили 2 дивизіи въ Турціи, да 35 тыс. гвардіи въ Петербургѣ. Итого могло быть сосредоточено не болѣе 150 тысячъ. Въ 1812 году, послѣ значительного усиленія арміи во время трехлѣтняго мира и прекращенія войны съ Турцией мы могли собрать не болѣе 200 тыс. съ небольшимъ чоловѣкъ.

Для наступательной войны въ Европѣ въ 1808 году нельзя было располагать даже и этими силами. Не были, во первыхъ, пополнены потери предыдущихъ войнъ, а во 2-хъ—противъ Турціи и Персіи военныя дѣйствія продолжались. Такимъ образомъ, самое большее, что можно было послать въ Финляндію,—это 80 тысячъ, т. е. къ тремъ уже бывшимъ тамъ дивизіямъ добавить еще 4. Отсюда видно, что мы все-таки имѣли возможность сразу перейти границу съ превосходными силами, тѣмъ болѣе, что Швеція должна была дѣйствовать и противъ другихъ противниковъ. Въ дѣйствительности за все время финляндской войны числительность нашихъ войскъ на всемъ театрѣ ни разу не превзошла 50 тысячъ, т. е. оказывалась слабѣе общаго числа вооруженныхъ силъ Швеціи.

Послѣ войны 1806 года у насъ образованы были высшія тактическія соединенія—дивизіи, состоявшія изъ 6—7 полковъ пѣхоты, 3 кавалерійскихъ и 2 казачьихъ полковъ, артилерійской бригады. Числительность такой дивизіи походила до 13.000 чоловѣкъ, но она являлась неудобоуправляемой, такъ какъ начальнику ея приходилось имѣть дѣло чуть не съ 12-ю независимыми другъ отъ друга единицами. Къ концу 1807 г. было 22 такихъ дивизіи, хотя раньше, противъ французовъ и турокъ, появлялись корпуса и даже арміи.

Въ финляндскую войну корпусъ графа Буксгевдена первоначально былъ образованъ изъ 3 дивизій, къ которымъ впослѣдствіи прибавились еще двѣ.

Въ отношеніи комплектованія войскъ отмѣтимъ, что въ началѣ царствованія Императора Александра были попытки упорядочить рекрутскіе наборы, но безпрерывныя войны, которыхъ пришлось Россіи вести въ это время, не позволяли многаго достигнуть. Приходилось держать огромную армію въ полной готовности, что тяжко отражалось на податныхъ классахъ.

Обращаясь съ системѣ воинскаго обученія, нельзя не указать на характерное для нашей арміи явленіе, уже тогда проявившееся въ полной силѣ. Мирная подготовка войскъ оставалась далеко позади требованій теоріи и выводовъ свѣжей боевой практики. Строевое обученіе продолжало быть пропитаннымъ линейною тактикою. Рядомъ съ этимъ живая струя самобытнаго русскаго творчества, пользуясь безпрерывнымъ боевымъ опытомъ, пробивалась сквозь омертвѣлую кору рутины, слѣдя завѣтамъ такихъ геніевъ, какъ неподражаемый Суворовъ. Работая по уставамъ Павловскаго времени, представители суворовской школы стали вводить въ нихъ постепенно существенные поправки. Новые тактическія идеи окончательно вылились въ форму уставовъ позднѣе, ко времени Отечественной войны. Тѣмъ не менѣе новый видъ боевого порядка—цѣль съ сомнѣньями поддержками (колоннами) позади—получилъ примѣненіе значительно ранѣе, причемъ видоизмѣнялся въ зависимости отъ мѣстности и образа дѣйствій противника. Конница, несмотря на обиліе и сложность эволюцій, обучалась въ правильномъ направленіи, по образцамъ конницы Фридриха, но утратила ту самостоятельность, которая была присуща русской конницѣ временъ Петра, Елизаветы и Екатерины. Артиллерія, трудами Аракчеева, какъ и у шведовъ превратилась изъ неподвижной „пѣшой“ въ подвижную „ѣздящую“. Словомъ, финляндскую войну наши войска начали, находясь въ состояніи эволюціи, къ тому-же только что закончивъ тяжелую войну съ Наполеономъ, во время которой многие начальники проявили разумную инициативу и способность примѣняться къ обстановкѣ. Особенности дѣйствій въ Финляндіи, по мѣстнымъ условіямъ этого театра войны, еще въ большей мѣрѣ отвѣчали проявленію почина, а также требовали особой находчивости и гибкости въ тактическихъ формахъ.

ГЛАВА III.

Театръ военныхъ дѣйствій.

Площадь тогдашней шведской Финляндіи и ея граница съ Россіей.—Поверхность Финляндіи.—Дѣление на два театра.—Внутреннія и вѣтшнія виды.—Лѣса.—Климатъ.—Оцѣнка финляндской мѣстности А. И. Бибиковымъ.—Населеніе.—Характеристика Турскаго.—Отзывы маркиза Паулуччи и графа Ребиндера.—Материальные средства страны и ея обитателей.—Развѣдка Теслева передъ войной.

Мѣстный элементъ въ Финляндіи оказываетъ самое рѣшительное вліяніе на военные операции. Поэтому необходимо внимательно остановиться на военно-географическихъ и топографическихъ свойствахъ этого своеобразнаго края, тѣмъ болѣе, что и воюющія стороны того времени занимались изученіемъ мѣстности довольно усердно, видимо сознавая ея особо-важное въ данномъ случаѣ значение.

Собственно говоря, театромъ вооруженной борьбы 1808 года была шведская часть Финляндіи; въ русскіе предѣлы проникали лишь незначительныя партизанскія партіи. Но русская Финляндія имѣла для насъ значеніе базы; въ ней войска заняли исходное положеніе, да и свойства мѣстности обѣихъ частей края почти совершенно одинаковы.

По исчисленіямъ записки Турскаго¹⁾, площадь тогдашней шведской Финляндіи опредѣлялась въ 2.258 квадратныхъ миль или 258,060 квадр. верстъ, что составляетъ около 75% поверхности нынѣшней Финляндіи; „изъ нихъ (какъ пишетъ Турскій) почти десятая часть покрыта озерами, а пятая часть—болотами, слѣдственно одна треть сего края, по причинѣ водъ, неспособна къ обработкѣ“. Надо замѣтить, что 44° всей площади нынѣшней Финляндіи, а слѣдовательно болѣе половины площади шведской Финляндіи 1908 г., занимаетъ Улеаборгская губернія, самая пустынная, малонаселенная часть края (едва 10% всего народонасенія).

Естественнымъ рубежомъ, отдѣлившимъ шведскую Финляндію отъ Выборгской губерніи въ важнѣйшей, западной части граничной линіи,—была рѣка Кюменъ или „Келтисъ-рѣка“, какъ названа она въ текстѣ Абоскаго мирнаго договора 1743 г. Вмѣстѣ съ рядомъ озеръ, составляющимъ ея истоки, и широкою дельтою въ устьѣ,

¹⁾ Турскій былъ польскій офицеръ, первоначально служившій въ войскахъ Наполеона, перешедшій въ 1807 г. русскую службу. На него возлагались различные порученія, съ которыми еще придется встрѣтиться при послѣдующемъ изложеніи. Записка его имѣется въ Дѣлѣ в.-ист. арх. Гл. Упр. Ген. Штаба за № 1665.

Кюмень, при ширинѣ отъ 60 до 100 саженъ и глубинѣ отъ 8 до 20 футовъ является серьезною преградою (кромѣ зимы). Остальная часть границы преграждалась озерными пространствами, причемъ въ четырехъ направленияхъ (Вильманстрандъ — С. Михель, Руколаксъ — Йоккасъ, Кроноборгъ — Нейшлотъ и Сердоболь — Йоенсуу) образовывались какъ-бы коридоры, по которымъ только и могло быть произведено вторженіе. Точно также и переправа черезъ Кюмень могла быть произведена только въ извѣстныхъ, заранѣе опредѣленныхъ пунктахъ, гдѣ рѣка пересѣкалась дорогами.

Поверхность Финляндіи, при бѣгломъ взглядѣ на топографическую ея карту, даетъ впечатлѣніе беспорядочного хаоса скалистыхъ массивовъ, отдѣльныхъ скаль, холмовъ; въ эту изборожденную какими-то титаническими силами сушу причудливо врѣзывается сѣть внутреннихъ водъ края. Геологи подмѣтили въ этомъ хаосѣ извѣстную закономѣрность, въ зависимости отъ характера движенія первобытныхъ ледниковъ, когда-то покрывавшихъ эту площадь. Соединяя высшія точки разбросанныхъ безъ всякой видимой системы возвышенностей, получаемъ водораздѣльные линіи тѣхъ кряжей, которые дѣлятъ край на шесть естественныхъ областей: крайній съверъ (покатость къ Ледовитому океану), западную равнину (Приботнійское побережье); югозападный уголъ, продолжающійся въ морѣ треугольникомъ Абосскихъ шхеръ; южную равнину (побережье Финскаго залива); перешекъ между этимъ заливомъ и Ладожскимъ озеромъ и, наконецъ, внутреннее озерное плато. Такое дѣленіе поверхности Финляндіи принято въ настоящее время. Но въ 1808 году, въ предвидѣніи предстоящей обороны шведской Финляндіи, у шведовъ существовало болѣе упрощенное, примѣненное къ условіямъ обороны противъ Россіи, дѣленіе поверхности края на: 1) *Морской берегъ* (*sjökusten*) — береговая полоса отъ Кюмени къ западу до р. Торнео и 2) *Саволаксъ-Корельскій районъ* (т. е. внутренняя, озерная часть края). Такимъ образомъ рассматривали два отдѣльныхъ театра военныхъ дѣйствій, западный (прибрежный) и восточный (внутренній), значеніе и свойства которыхъ были различны.

Западный театръ, болѣе проходимый и менѣе пересѣченный, заключалъ въ себѣ операционные пути отъ русской границы къ важнейшимъ прибрежнымъ пунктамъ, исходнымъ пунктамъ будущаго наступленія въ сердце Швеціи, а затѣмъ пути вдоль побережья до съверныхъ предѣловъ Финляндіи. Всѣ эти пути давали каждой изъ воюющихъ сторонъ важное преимущество — возможность *опираться на флотъ и вести совместная съ нимъ операции*.

Что же касается внутренняго, Саволакскаго района, то здѣсь былъ прочный редюитъ всей обороны, естественный базисъ для партизан-

скихъ дѣйствій и вѣчная угроза отсюда флангамъ и тылу наступающаго.

Общій характеръ финляндскаго рельефа — отсутствіе преградъ, способныхъ пріостановить движеніе, и обилие труднодоступныхъ съ фронта и нерѣдко обезпеченныхъ съ фланговъ позицій. Послѣднее зависитъ еще отъ изобилія *внутреннихъ водъ*, являющихся специальною особенностью Финляндіи, благодаря которой край этотъ — единственныій въ своемъ родѣ на земномъ шарѣ. Мѣстный національный поэтъ Руненбергъ зовотъ свою родину „тысячеозернымъ краемъ“. Озера занимаютъ здѣсь (не считая Ладожскаго), 9,2% всей поверхности (въ Евр. Россіи — 1,4%, въ Франціи 0,3%). На картѣ Финляндія, благодаря озерамъ, кажется, какимъ-то искусно сплетеннымъ голубымъ кружевомъ. Но и здѣсь подмѣчаются четыре различныхъ водныхъ системы: Сатакундская, Пейенская и Сайминская (по меридіану) и Улеосская (по параллели). Послѣдняя, будучи въ сторонѣ отъ района операций, не имѣла значенія. Что же касается прочихъ трехъ, то, говоря кратко, Сатакундская усиливала съ запада обороноспособность Саволакса и затрудняла связь его съ побережьемъ, Пейенская разобщала еще болѣе побережье отъ внутренняго театра и, разрѣзая послѣдній на двое, затрудняла сообщеніе въ его предѣлахъ, заставляя пользоваться кружными путями; наконецъ — Сайминская прикрывала русскую границу и облегчала шведамъ оборону доступовъ во внутрь края. Независимо этого, всѣ три озерные системы играли весьма важную роль *внутреннихъ водныхъ путей*, облегчающихъ не только передвиженіе войскъ и воинскихъ грузовъ, но и пользованіе гребными флотиліями, даже съ тактическою цѣлью. Въ частности Сайминская система облегчала осуществленіе наступательныхъ плановъ, какъ для шведовъ изъ Саволаксъ-Кореліи намъ въ тылъ, такъ и для насъ вглубь внутренней Финляндіи.

Значительныя рѣки въ Финляндіи — только на сѣверѣ (Торнео, Кеми, Улео и др.). Но и южнѣе, вдоль всего западнаго побережья, цѣлый рядъ рѣкъ и рѣчекъ, впадающихъ въ Ботническій заливъ, сослужили шведамъ въ 1808 г. большую службу, не только въ дѣлѣ прикрытия ихъ двоекратнаго отступленія, но какъ главная причина наступившаго весною 1808 г. перерыва въ операцияхъ.

„Послѣ 21-го апрѣля — пишетъ Михайловскій-Данилевскій — снѣгъ началъ вдругъ таять; съ ревомъ и пѣною понеслись съ горъ источники по долинамъ, унося съ собою мости и плотины, деревья и огромные камни и образуя въ теченіи своемъ тысячи ручьевъ и водопадовъ. Такова Финляндія: сегодня природа подъ завѣсою глубокихъ снѣговъ скована льдинами, завтра снѣга катятся съ горъ, ручьи становятся рѣками и *прекращается всякое движение*“. Но при открытии

кампанії, зимою 1808 г., рѣки и озера были скованы льдомъ, и по нимъ ходили, какъ по суху, разыгравая на льду даже цѣлые битвы (Леппявира 27-го февраля 1808 г.).

Кромѣ пограничной рѣки Кюмени и рѣки Кумо, прикрывавшей тыль нашихъ войскъ, оперирующихъ въ Эстроботніи, со стороны шведскихъ десантовъ въ Абоскомъ районѣ, играла важную роль еще рѣка Вуокса: она обеспечивала съ сѣвера наши сообщенія, затрудняя шведамъ покушенія изъ внутренней Финляндіи на нашъ тыль.

Внѣшнія воды Финляндіи (морскіе заливы и Ладожское озеро) могли быть райономъ дѣйствій флотовъ—корабельного и галернаго. Корабельный флотъ былъ средствомъ овладѣть моремъ, чтобы затѣмъ пользоваться морскими путями, какъ путями подвоза и даже дѣйствія (десанты въ тыль противнику). Послѣднее могло осуществляться уже при посредствѣ галернаго флота, которому корабельный служилъ лишь прикрытиемъ. Борьба на морѣ сводилась къ тому, чтобы сперва пріобрѣсти на немъ перевѣсъ, а затѣмъ пользоваться имъ, какъ средствомъ облегченія сухопутныхъ операций. Для шведовъ существенно важно было въ особенности обеспечить непрерывность сообщенія Швеціи съ Финляндіей и, слѣдовательно, затруднить русскому флоту доступъ изъ Финского залива въ Ботническій. Этому способствовалъ шхерный лабиринтъ такъ называемыхъ „Абосскихъ водъ“, а также проливъ „Сѣверный Кваркенъ“—это бутылочное горло, суживаемое еще болѣе шхерными группами по обоимъ берегамъ.

Ладожское озеро могло облегчать намъ доставку всего необходимаго на нашу базу—въ старую Финляндію, шведамъ же суживало районъ возможныхъ операций къ Петербургу и, слѣдовательно, способствовало оборонѣ послѣдняго.

Лѣса и теперь покрываютъ до половины площадь Финляндіи, несмотря на лихорадочный ростъ вывоза лѣсныхъ матеріаловъ и лѣсообрабатывающей промышленности; сто лѣтъ тому назадъ лѣсистость края была гораздо больше и открытыми въ сущности были лишь небольшие оазисы близъ населенныхъ мѣстъ и по берегамъ водъ. Лѣса превращали пути въ многоверстные дефиля и облегчали укрытие резервовъ оборонѣ и скрытный обходъ фланговъ атакъ. Мѣстами лѣса, особенно въ восточной части края, настолько рѣдки и удобопроходимы, что дозволяютъ не только веденіе стрѣлковаго боя, но даже маневрированіе небольшими колонами.

Климатъ Финляндіи сырой и холодный, хотя море и юго-западные вѣтры значительно умѣряютъ его. Продолжительная снѣжная и морозная зима является временемъ наибольшей доступности Финляндіи, такъ какъ съ замерзаніемъ водъ и, главное, съ умноженіемъ путей, сокращающихъ разстоянія, главная сила обороны, „тѣснин-

ный", таєль сказать, характеръ мѣстности, почти что исчезаетъ. Для шведовъ зима была еще и потому неблагопріятна, что связь ихъ войскъ въ Финляндіи со Швеціей въ это время года крайне затруднилась. Короче, зимою Финляндія оказывалась предоставленной сама себѣ и болѣе открытой русскому вторженію. О финляндской веснѣ мы уже говорили: перерывъ операций по меньшей мѣрѣ на мѣсяцъ—ея непремѣнныи результатъ. Лѣто, короткое и нежаркое, вмѣстѣ съ началомъ осени,—лучшее время, когда войска и водоплавные средства разнаго рода могутъ работать рука объ руку, а мѣстныя оборонительныя данные могутъ быть использованы въ полной мѣрѣ.

Пути сообщенія сто лѣтъ назадъ были значительно менѣе развиты, чѣмъ теперь, хотя свойства ихъ были тѣ же: твердость и прочность грунта, облегчающая движение, и узость полотна, затрудняющая та-ковое. „Дикія, сырья и прохладный ущелія охватили и скажи съ боковъ наши баталіоны своими каменными глыбами и сосновымъ боромъ,—передаетъ историкъ Ямбургскаго уланскаго полка¹⁾ впечатлѣнія современника.—„То взираясь на уступы гранитныхъ кручъ, то спускаясь въ туманныя лощины, то пробираясь сквозь обильныя лѣсныя заросли, отрядъ узкою и *поневолѣ растянутою* колонною съ большими трудностями подвигался впередъ по *тысной* дорогѣ“. „Въ зимнее время,—(пишетъ другой участникъ войны, Денисъ Давыдовъ),—дороги превратились въ узкія тропинки, по которымъ кавалерія могла идти не иначе, какъ въ одинъ конь, пѣхота—рядами, а тяжесть и артилераія двигались съ огромными затрудненіями“. Охраненіе походныхъ колоннъ при такихъ условіяхъ чрезвычайно затрудняется, тѣмъ болѣе, что самое увеличеніе ихъ длины дѣлаетъ ихъ болѣе уязвимыми²⁾.

Что касается относительного значенія самыхъ путей, то наиболѣе важнымъ изъ нихъ явился прибрежный путь, окаймлявшій побережье отъ Выборга вплоть до Торнео, мѣстами съ параллельными участками въ разстояніи 1—2 переходовъ; здѣсь можно было оперировать при содѣйствіи морскихъ силъ. Затѣмъ діагональные пути отъ русской границы приводили насъ въ сердце Саволакса. Но свойства внутреннихъ водъ таковы, что въ этомъ направленіи, какъ уже было сказано, дорогъ было мало и потому легко было предугадывать и предупреждать наступленіе.

Охарактеризованныя нами вкратцѣ особенности финляндской мѣстности были достаточно известны намъ и, повидимому, приняты во вниманіе при составленіи предварительныхъ передъ войной со-

¹⁾ В. Крестовский, стр. 116.

²⁾ Вотъ почему, между прочимъ, графъ Н. Каменскій постоянно примѣнялъ въ эту войну эшелонный способъ движенія.

ображеній. Однимъ изъ матеріаловъ къ тому несомнѣнно послужили хранящіеся и теперь въ дѣлахъ военно-исторического архива нашего генерального штаба „Замѣчанія касательно новой Финляндіи“ и другія записки одного изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей Екатерининской эпохи, генераль-аншефа Александра Ильича Бибикова. Записки и замѣчанія эти потому представляютъ интересъ, что какъ видно изъ приложеннаго къ нимъ всеподданнѣйшаго письма сына покойнаго г.-м. Бибикова, они были, черезъ Аракчеева, представлены въ 1808 году Императору Александру I¹⁾,

„Финляндія, — пишетъ Бибиковъ²⁾, — раздѣляема будучи вездѣ горами, болотами, лѣсами теченіемъ рѣкъ и частыми озерами, кажется имѣть особливое передъ прочими землями свойство и, въ разсужденіи обширности ея, *весьма мало имѣть такихъ дорогъ, которыми въ лѣтнее время мѣста и селенія ея одно съ другимъ сообщаются.* А кроме извѣстныхъ и уже сдѣланныхъ дорогъ не только войскамъ съ артилеріею, но и употребляемою двухколесною въ сей землѣ телѣжкою проѣзжать невозможно. Правда, что въ зимнее время умножается коммуникація прокладываемыми черезъ озера и болота дорогами, но и тѣхъ столь мало, что они, какъ по случаю бывшихъ первой и второй со Швеціей войны, такъ и по описанію, довольно извѣстны и на картахъ означены. А сверхъ того ни въ лѣтнее, ни въ зимнее время, въ разсужденіи сказанной выше ситуаціи и по причинѣ великихъ горъ, болотъ и лѣсовъ, наполненныхъ многочисленными каменными, *безъ дорогъ пройти войскамъ вовсе нѣть возможности.* Надѣлать же вновь дорогъ многіе годы потребны“. По мнѣнію Бибикова, для обороны Финляндіи „главное свое искусство и попеченіе въ томъ приложить должно, чтобы идущія отъ границы внутрь земли дороги такъ занять, дабы вездѣ непріятель встрѣтилъ неодолимую преграду“. Послѣднее не трудно осуществить, ибо вездѣ много *такихъ мѣсть* (т. е. позицій), которыя „по натуциальному своему положенію“ или „съ помощью искусства“ могутъ приведены въ такое состояніе, „что никакою силою ихъ преодолеть почти не можно, да и

¹⁾ Вотъ содержаніе этого всеподданнѣйшаго обращенія. «Всемилостивѣйшій Государь! Между оставшимися послѣ новойнаго отца моего, скончавшагося на службѣ противъ самозванца Пугачева, генераль-аншефа, лейб-гвардіи подполковника, Святаго Андрея и другихъ орденовъ кавалера, Александра Ильича Бибикова, извѣстнымъ какъ по усердію къ службѣ отечества и преданности къ Монахамъ, такъ и воинскому его искусству, найдя при семъ приложенія, и полагая, какъ по собственнымъ моимъ примѣчаніямъ, въ теченіе трехъ кампаній мною въ томъ краѣ служившихъ, такъ и по объявленію изъ которыхъ болѣе искушившихъ военнослужащихъ, что бумаги сіи при пынѣвшихъ обстоятельствахъ могутъ быть небезполезны для службы Вашего Императорского Величества, осмѣливаясь поднести ихъ, всеподданнѣйше проси и т. д.» Въ «замѣчаніяхъ» имѣются: а) «Изъясненіе для защищенія Финляндіи»; «Мнѣніе объ оборонѣ Россійской Финляндіи»; «Примѣчанія къ войнѣ 1741—43 гг. и нѣсколько маршрутовъ».

²⁾ Исправляемъ старинную ореографію подлинника. Курсивы наши. *П. Н.*

самое превосходство силъ атакующаго ни къ чему не послужитъ". Въ другомъ мѣстѣ указывается, что малыя дороги, хотя и негодныя для проѣзда, „во время военныхъ дѣйствій великихъ примѣчаній по положенію мѣстъ достойны, какъ для разныхъ супрізовъ и чтобы отдалъ-
нья партіи и посты отъ главныхъ отрѣзывать, такъ и для пресѣченія коммуникаціи и ретирады“; тутъ же дальше говорится, что въ „Финляндіи множество имѣется узкихъ проходовъ и авантажныхъ для военныхъ дѣйствій мѣстъ“, которыхъ „хотя ко укрѣплению способны или сами собою весьма крѣпки“, но, несмотря на важную ихъ „сituацію“ при „большихъ коммуникаціонныхъ путяхъ или на самой границѣ“ (т. е. несмотря на важное стратегическое ихъ значение), ихъ „оставить слѣдуетъ“, ибо „безъ всякаго сопротивленія отдаться принуждены быть могутъ“, такъ какъ „мимо оныхъ въ другомъ мѣстѣ пройти возможно“. Въ общемъ Бибиковъ сравниваетъ Финляндію съ крѣпостью, „имѣющею многія наружныя пристройки и укрѣпленія, которыхъ на всякомъ шагу непріятеля затруднить и новую осаду предпринять понудятъ. И главное обороняющему вниманіе и искусство туда только обращено быть должно, дабы между сими обороняемыми частями взаимное сохранить сообщеніе и въ случаѣ нужды части войскъ одна съ другою соединяться и другъ другу вспомоществовать могли“. Наконецъ, еще одно мѣткое замѣчаніе: „чтобы берегъ морской Синуса Финикиуса (т. е. Финского залива) такъ прикрываемъ былъ, дабы занятые и поставленные деташементы въ крѣпкихъ мѣстахъ со стороны моря были въ неопасности и обеспечены, ибо непріятель всякое и крѣпкое съ лица (т. е. съ фронта) мѣсто съ тылу и со стороны (т. е. фланговъ), не только отъ другихъ отрѣзать, но и разбить можетъ“.

И безъ поясненій понятно, насколько мѣтко подмѣчены и ярко оттѣнены Бибиковымъ наиболѣе существенные въ военномъ отношеніи особенности финляндской мѣстности, усиливающей до чрезвычайности тактическую оборону, но скорѣе благопріятствующей наступательной стратегіи по выдающемуся значенію маневровъ-обходовъ. Если въ горной странѣ, по словамъ Г. А. Леера, всего выгоднѣе стратегически наступать, тактически обороняться (Стратегія III, 19), то тѣмъ болѣе въ Финляндіи, где „тѣснинная“ мѣстность создается не только орографіей, но и гидрографіей, не считая лѣсовъ. Съ другой стороны для прочного обладанія Финляндіей мало „пройти“ ее, даже разбивъ на пути противника; надо „прочно“ занять въ странѣ главные центры, завести рѣчной флотъ, чтобы господствовать на внутреннихъ водахъ, покончить такъ или иначе съ враждебнымъ населеніемъ, прочно связаться съ базою и, во всякомъ случаѣ, дѣйствуя отъ центра края къ его окружности, овладѣть

прибрежными пунктами; словомъ, нужно достичнуть результатовъ, которые въ короткое время не даются. А между тѣмъ, только такие результаты и могли обратить Финляндію въ базу для дѣйствій противъ Швеціи” (А. З. Мышлаевскій „Война въ Финляндіи 1712—1714 г.“, стр. 67).

Такой характеръ мѣстности указываетъ насколько вообще велико здѣсь значеніе *мѣстнаго населения*.

По даннымъ записки Турскаго (см. выше), числительность населения Финляндіи, по переписи 1806 года, равнялась 909.025 человѣкамъ. „Народъ въ Финляндіи,—пишетъ тотъ же Турскій,—храбрый, трудолюбивый, промышленный, твердый къ своихъ чувствіяхъ, гордающійся своею вольностью, особенно остроботнійский, чувствителъ на пунктъ чести, свѣдущъ и кротокъ, когда отдаютъ ему справедливость, но, однажды раздраженный, становится непреклоненъ и упрямъ”¹⁾.

Что же касается шведовъ (которыхъ нынѣ насчитывается 13,56%) то въ тѣ времена ихъ количество было, очевидно, больше, но жили они, какъ и теперь, преимущественно въ городахъ, составляя высшіе классы населения, и только на островахъ и вдоль побережья Ботническаго залива шведы жили сплошною массою.

Интеллигентія Финляндіи въ то время была исключительно шведскою. Вотъ какъ характеризуетъ тотъ-же Турскій ея различные классы. «Дворянство,— пишетъ онъ,—посредственно воспитанное, въ нравахъ частью испорчено, надменно и скучно до высочайшей степени. Духовенство—ученое и дѣятельное при ободреніяхъ; отъ него зависитъ народный духъ; но, исключая немногихъ, болѣе предано оно домоводству, нежели интригамъ. Мѣщанство, крайне дѣятельное въ своемъ промыслѣ, мало свѣдущее и отмѣнно наклонное къ прибыткамъ, особенно купечество». На сочувствіе мѣстнаго населения возлагались въ началѣ войны значительныя и серьезныя упованія. Упованія эти всѣми силами поддерживалъ Спренгтпортенъ и его единомышленники. Въ собственоручной его запискѣ отъ 30-го января 1808 г.²⁾, съ замѣчаніями по первоначальному плану нашего вторженія въ Финляндію, значится, между прочимъ, что „отъ успѣха первыхъ шаговъ зависитъ все остальное, въ особенности въ томъ, чѣго можно ожидать отъ населения страны“. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ того-же Спренгтпортена составлялись и прокламаціи къ населенію (сочиненіе которыхъ, между прочимъ, значительно задерживало открытие военныхъ дѣйствій).

¹⁾ Но даромъ финны избрали себѣ національную эмблему *можжевельникъ*, который гнетется, но не ломается.

²⁾ Дѣло В. Ист. отд. Гл. Упр. Ген. Шт. № 4418.

Въ этихъ возваніяхъ, кроме разнаго рода успокоительныхъ заявлений, содержалось и обѣщаніе, что „Великое Княжество Финляндское почитаться будетъ *наравнъ* съ прочими завоеванными Россійской Имперіей областями, кои при кроткомъ правлѣніи предковъ Его Императорскаго Величества пользовались и теперь еще пользуются благополучнымъ спокойствіемъ и сохраненіемъ своихъ привилегій, свободного вѣроисповѣданія, вольностей, правъ и другихъ преимуществъ, которыя они издревле имѣли и еще имѣютъ“.

Въ письмахъ къ Румянцеву, Аракчееву и къ самому Государю Спренгпортенъ старался впослѣдствіи изобразить „искреннюю радость“ населенія по случаю вступленія русскихъ въ Финляндию, „хорошее настроеніе умовъ“ дворянства, его „покорность“ новому Повелителю, а Финляндию—„страною, сдающеюся съ удовольствиемъ“.

На самомъ дѣлѣ покорность эта проявлялась только, пока шведскія войска отступали: но какъ только, послѣ боя при Револаксѣ (15-го апрѣля) наше стратегическое положеніе ухудшилось,—немедленно поднялась народная война.

Такое поведение народной массы объясняется только тѣмъ, что крестьяне и средний классъ финляндского населенія и не помышляли о какой-либо политической самостоятельности или о томъ, чтобы передаться Россіи. По ихнему эта была „выдумка господъ обманщиковъ“⁴).

Графъ Ребиндеръ (впослѣдствіи министръ-статсъ-секретарь финляндскій) характеризуетъ въ своихъ мемуарахъ⁴⁾ нижеслѣдующимъ

¹⁾ Д. В. Ист. Отд. Гл. Упр. Ген. Шт. № 1662. Переводъ Танѣева.

²⁾ Т. е. «Различныя преступления, совершенные жителями противъ нашихъ войскъ, которыхъ я, могу сказать, былъ во-очио свидѣтелемъ, рискуя сдѣлаться одной изъ жертвъ, не допускаются болѣе приѣненіи системы кротости, которая превращается въ слабость, разъ преступленіе остается безнаказаннымъ».

³⁾ Ett påhitt af falska herrgarne. Въ III т. шведской офф. пст. (стр. 40) приведенъ пѣлый рядъ документальныхъ на то свидѣтельствъ.

⁴⁾ Журналъ Finsk Tidskrift 1870 г. т. VI стр. 310—312.

образомъ общественное настроение Финляндіи въ 1808 году передъ войною. „Народъ, горожане, солдаты, однимъ словомъ, *низшие классы*,— пишетъ онъ,—т. е. громадное большинство населенія ревностно держались за неразрывность связей со Швеціей... Мысль присоединиться къ Россіи имъ никогда и въ голову не приходила, а идея о *национальной независимости*, которая за послѣднія десятилѣтія неоднократно проявлялась среди высшаго класса, была имъ *совершенно чужда*. Они готовились бороться до послѣдней крайности за свой домашній очагъ“.

Другое дѣло „умѣренная партія“ къ составу которой Ребиндерь причисляетъ дворянъ, духовенство и большинство чиновниковъ. „Въ Финляндіи вообще за предшествующіе годы сильно поддались вліянію материальныхъ интересовъ и наивно вѣрили въ возможность вѣчного мира. Ничто не было готово для обороны страны, а о силахъ русскихъ создавали себѣ преувеличенныя представленія. Подъ вліяніемъ злосчастныхъ событий 1788 года, отъ страха дошли до измѣны. Даже среди высокопоставленныхъ должностныхъ лицъ недоставало силы воли и прочихъ качествъ для того, чтобы руководить общественнымъ мнѣніемъ и образовать цементъ для спайки всѣхъ классовъ общества.“

Третья группа,—„ничтожное меньшинство“, усматривала въ на-двигавшихся событияхъ „признаки нового золотого вѣка“. „Руководимая частью честолюбiemъ, частью личными интересами, а раньше всего живучестью старого „духа партійности“, эта группа была бѣдна числомъ, но богата дѣятельностью... Давняя склонность къ Россіи ожила вновь среди послѣдователей Спренгтпортена... изъ числа принимавшихъ болѣе или менѣе близкое участіе въ событияхъ 1788 года и унаслѣдовавшихъ отъ своихъ родителей тѣ-же возврѣнія; наконецъ—среди личностей, которыхъ *спекулировали на возрастаніе своихъ доходовъ*, не стѣсняясь средствами“...

Остается еще упомянуть о материальныхъ средствахъ страны и ея обитателей. Послѣдніе были въ Финляндіи буквально обременены налогами. Турскій вычисливаетъ общее количество налоговъ, взимаемыхъ ежегодно шведскимъ правительствомъ съ финляндцевъ въ 1.969.876 рублей серебромъ, что, при тогдашнемъ населеніи, составляло болѣе 2-хъ рублей на душу. Передъ войной 1808 года финляндцы уплачивали не менѣе какъ 9 разрядовъ различныхъ налоговъ, причемъ обложено было даже право пить чай, кофе, носить карманные часы! У дворянства все фамильное серебро было отобрано подъ расписку и разрѣшено было сохранить только серебряные ложки не тяжелѣе 10-ти золотниковъ!

Крестьянство финляндское буквально голодало и бѣдствовало. Капитанъ Теслевъ, производившій тайную развѣдку шведской Финляндіи передъ войною (его отчетъ былъ представленъ генералу Сухтелену 12-го января 1808 года)¹⁾ доносилъ, что „жители мѣшаютъ муку съ мякиною и даже соломою“; характерно наблюдение того-же Теслева, что „кромѣ шведскихъ ассигнацій и россійской мѣдной монеты, безъ которой они (т. е. финны) не могли бы выплачивать мелкихъ расходовъ, никакихъ другихъ денегъ видѣть не случалось“.

Сама по себѣ Финляндія, при сравнительной мягкости климата южной своей части и трудолюбіи своего незначительного населенія, даже и въ то время могла-бы доставлять ему достаточные средства для пропитанія. По расчетамъ Турскаго, хорошій урожай (самъ 6) могъ давать со всей тогдашней Финляндіи 750.000 бочекъ хлѣба за вычетомъ необходимаго для обсѣмененія, что равнялось $\frac{4}{5}$ бочки на каждого жителя. Но чаще случались плохіе урожаи и тогда можно было расчитывать лишь на половинное количество, такъ что кое-гдѣ населеніе голодало. Однако главною причиной, по которой финляндцы бѣдствовали, оказывалась не слабая производительность земли, а система шведского управлѣнія, основанного на томъ, чтобы выжимать изъ Финляндіи всѣ соки. Выраженіе Петра Великаго «*Сія провинція суть титъкою Швеціи... не только что мясо и протчее, но и дрова оттолъ*²⁾»,—мѣто характеризуетъ образъ дѣйствій шведскаго правительства въ отношеніи этого края, ничуть не измѣнившійся столѣтіемъ позже. Турскій въ своей запискѣ свидѣтельствуетъ что „сѣстное и другіе запасы, какъ-то коровье масло, мясо, дичину, рыбу, самое даже сѣно, уголья, дрова и лѣсъ, отвозятъ въ Швецію“. Такимъ образомъ, шведы не стѣснялись истощать Финляндію, несмотря на ограниченность ея производительной силы. Если принять во это вниманіе, а также припомнить, что кампанія 1808 года началась съ преслѣдованія нами шведской арміи вплоть до Улеаборга, причемъ шведскія войска частью истребляли, а частью увозили съ собой встрѣчавшіеся на пути запасы, то не трудно видѣть, насколько трудноразрѣшимымъ явился для насъ въ эту войну продовольственный вопросъ.

Въ общемъ особенности Финляндіи, какъ театра военныхъ дѣйствій, ставили дѣйствовавшія тамъ войска въ своеобразныя и при томъ нелегкія условія. Ихъ вліяніе проявлялось не только въ области тактической дѣятельности войскъ, но отражалось самымъ ощутительнымъ образомъ и на характерѣ возможныхъ стратегическихъ комбинацій.

¹⁾ См. дѣло воен. ист. отд. Гл. Упр. Ген. Штаба № 1650.

²⁾ Ст. стр. 40, книги А. З. Мышиевскаго «Война въ Финляндіи 1712—1714 г.г.».

ГЛАВА IV.

Планы и подготовка сторонъ.

Шведскіе планы по оборонѣ Финляндіи.—Планы Эренсверда.—Планъ Клингспора.—Планъ анонима.—Положеніе финляндскаго театра къ 1808 году.—Меморіаль «тайного военного совѣта».—Королевская инструкція финляндскому генералитету.—Мѣры съ нашей стороны по оборонѣ шведской границы въ Старой Финляндіи.—Дѣятельность Суворова въ 1791—92 гг.—Его операционные планы.—Планъ А. И. Бибикова.—Планъ 1808 года.—Мѣры по подготовкѣ базы въ Старой Финляндіи.

Обращаясь къ подготовительнымъ мѣропріятіямъ сторонъ передъ войной 1908—09 годовъ, необходимо остановиться на предварительныхъ соображеніяхъ по оборонѣ Финляндіи, занимавшихъ шведскихъ военныхъ дѣятелей; это облегчитъ оцѣнку того плана, на которомъ остановились въ дѣйствительности.

Потерявъ по Ништадтскому миру „ключъ Финляндіи“, Выборгъ, а затѣмъ, по Аbosкому миру, укрѣпленные пункты Фридрихсгамъ, Вильманстрандъ и Кексгольмъ, шведы были весьма озабочены состояніемъ своей восточной границы. Оборонительные планы различного рода обсуждались даже въ риксдагѣ, но исполненіе тормозилось, какъ всегда и вездѣ, недостаткомъ денегъ.

При существовавшемъ въ XVIII столѣтіи пристрастіи къ фортификаціоннымъ сооруженіямъ, большинство плановъ этихъ являлись лишь проектами подготовки театра военныхъ дѣйствій въ инженерномъ отношеніи. Однимъ изъ составителей подобныхъ плановъ былъ адмиралъ Августинъ Эренсвердъ, строитель Свеаборга¹⁾. Въ основаніе своего плана онъ полагалъ соображеніе (опровергнутое, однако, фактами войны 1808—09 гг., до которой онъ не дожилъ), что дѣйствія во внутренней части края, а также дѣйствія зимою—невозможны. Онъ ограничивался поэтому прибрежной полосой. Прежде всего онъ считалъ необходимымъ имѣть такой флотъ, который навѣрняка доставлялъ бы въ руки шведовъ господство на морѣ, а затѣмъ, для обеспеченія, при помощи флота, связи финляндской сухопутной арміи съ метрополіей, онъ проектировалъ у Гельсингфорса сильную сухопутно-приморскую крѣпость²⁾). Кроме того онъ предлагалъ укрѣпить оба фланга оборонительной линіи рѣки Кюмени. Не придавая никак-

¹⁾ Шведы придаютъ его дѣятельности огромное значеніе, не только въ качествѣ военнаго инженера, но и создателя такъ называемаго «армейскаго» (т. е. галерного и мелкаго паруснаго) флота. Гробница Эренсверда до сихъ поръ существуетъ въ Свеаборгѣ.

²⁾ По недостатку средствъ выстроена была только приморская часть, благодаря чему зимою Свеаборгъ со стороны суши былъ не обеспеченъ.

кого значенія Саволаксу (т. е. внутренней озерной части края), онъ считалъ положеніе Тавастгуса столь безопаснѣмъ, что намѣчалъ его въ качествѣ складочнаго пункта для пополненія Гельсингфорса. Всѣ активныя операциіи Эренсвердъ возлагалъ исключительно на флотъ, а сухопутныя войска, опираясь на укрѣпленные пункты, должны были только сдерживать на границѣ натискъ противника.

Клингспоръ (будущій главнокомандующій въ 1808—09 гг.) нѣсколько видоизмѣнилъ планы Эренсверда. Онъ придавалъ Саволаксу значение самостоятельнаго театра дѣйствій, но лишь въ смыслѣ обороноительному. Здѣсь, въ Варкаусѣ (на пересѣченіи путей отъ С. Михеля и Нейшлота) онъ намѣчалъ мѣсто для сооруженія укрѣпленнаго пункта, склада всего необходимаго и средоточія озерной флотиліи. Онъ называлъ его „Саволакскимъ Свеаборгомъ“.

Что касается Тавастгуса, то, по плану Клингспорса, онъ долженъ былъ быть оборудованъ на случай возможнаго отступленія съ южнаго побережья въ сѣверномъ направлениі. Наиболѣе замѣчательною стороныю плана Клингспорса, поучительно даже въ настоящее время, была организація подвоза водными путями. Клингспоръ предвидѣлъ затрудненія, которыхъ могутъ возникнуть въ случаѣ наступленія русскихъ въ такое время года, когда сообщеніе между Швеціей и Финляндіей моремъ прервано. Поэтому онъ считалъ необходимымъ настолько усилить войска въ Финляндіи, что имѣть тамъ никакъ не менѣе 25.000 человѣкъ. Для непрерывнаго поддержанія связи Финляндіи со Швеціей въ періодъ навигаціи, корабельный шведскій флотъ, по мысли Клингспорса, въ случаѣ потери господства на Балтийскомъ морѣ, долженъ быть укрыться въ Ботническій заливѣ и здѣсь прикрывать сообщенія между Гефле и Бьернеборгомъ. При этомъ Клингспоръ считалъ необходимымъ канализировать рѣки Кумо и Улео, чтобы производить по нимъ подвозъ до Тавастгуса и до Каяны и далѣе по Сайменской озерной системѣ вплоть до самаго Варкауса.

Въ дѣйствительности, въ улучшенію водныхъ сообщеній вовсе не было приступлено¹⁾ и шведское правительство ограничилось расходами по укрѣпленію Свеаборга, на что въ первые четыре года работы затрачено было 4 тонны золота, или 600 тысячъ рублей²⁾.

Въ шведской официальной исторіи войны упоминается еще объ одномъ планѣ обороны Финляндіи, интересъ котораго заключается въ томъ, что онъ составляетъ полное исключеніе въ ряду многочис-

¹⁾ Хотя существовало множество другихъ подобныхъ проектовъ. Предполагали соединить Гельсингфорсъ каналами съ Сатакундской и Пеянской озерными системами, а также связать Саволаксъ-Коремю съ внутренней частью Эстреботаніи и съ моремъ, прорѣзъвъ цѣлый рядъ перешейковъ.

²⁾ Всего до 1767 года затраты на Свеаборгъ достигли 17 миллионовъ финскихъ марокъ или около 7½ миллионовъ рублей.

ленныхъ въ то время проектовъ означенного рода. Планъ этотъ составленъ былъ между 1804 и 1807 годами, когда уже во всемъ блескѣ проявилась дѣятельность Наполеона, и проникнуть всепѣло духомъ активности, а для насъ представляетъ особый интересъ потому, что обратилъ на себя вниманіе наше передъ самой войною и мы добыли съ него копію¹⁾. Анонимный авторъ преклоняется передъ Наполеономъ и требуетъ подражанія его энергичнымъ дѣйствіямъ. „Валы и рвы,— пишетъ онъ,— помогаютъ рѣдко, но мѣшаютъ часто; можно смѣло утверждать, что ловкие маневры и высокое мужество будутъ всегда наилучшимъ брустверомъ“. Вмѣсто крѣпостей онъ считаетъ достаточнымъ ограничиться обезпеченіемъ складочныхъ пунктовъ отъ нечаяннаго нападенія укрѣплѣніями временной профиля, стараясь располагать эти пункты позади облегчающихъ ихъ оборону тѣснинъ. Успѣхъ обороны долженъ прежде всего основываться на созданіи хорошо обученой и подвижной арміи. Считая всѣ силы Швеціи круглымъ числомъ въ 50 тысячъ человѣкъ, составитель плана назначалъ половину ихъ для активной обороны линіи р. Кюмени, при чемъ, распредѣляя эти силы на три отдѣльные группы (средняя сильнѣе крайнихъ), предлагалъ нѣчто въ родѣ Трахтенбергскаго плана союзниковъ въ 1813 году, т. е. чтобы атакованная группа отходила назадъ, втягивая за собою противника, пользуясь чѣмъ, двѣ остальные должны были дѣйствовать ему въ тылѣ. Въ случаѣ неудачи слѣдовало отступать отнюдь не къ Гельсингфорсу, а къ Тавастгусу, угрожая правому флангу преслѣдующихъ изъ Саволакса, а лѣвому—шхернымъ флотомъ изъ Свеаборга. На особый Саволакскій отрядъ возлагалась специаль но-активная задача—наступать на Кексгольмъ, въ обходъ русскихъ пограничныхъ крѣпостей и укрѣпленныхъ пунктовъ, а отсюда—заслонившись къ сторонѣ Выборга, оперировать прямо къ Петербургу. Главнымъ условиемъ успѣха ставилась быстрота, надлежало предупредить противника, ударивъ ему во флангъ и тылъ раньше, чѣмъ онъ начнетъ операции на границѣ. Быстрота мобилизациі (сборъ поселенныхъ войскъ) и сосредоточенія достигались по этому плану улучшеніемъ путей сообщенія. Здѣсь какъ и у Клингспорга, обращалось особое вниманіе на передвиженія по воднымъ путямъ.

Эта сторона производимаго плана особенно примѣчательна. Составитель его предлагалъ, чтобы шведская казна оказала приходамъ поддержку, въ размѣрѣ третьей части расходовъ, обязавъ ихъ строить свои лодки по извѣстному образцу, пригодному для военныхъ цѣлей²⁾.

¹⁾ Обстоятельство это отмѣчено составителями шведской официальной исторіи (II, стр. 67). Самая копія эта находится и теперь въ В. ист. архивѣ нашего Генерального Штаба (дѣло № 15693).

²⁾ Т. е. достаточной подъемной силы для определенного числа солдатъ, но съ осадкою допускающе прохожденіе въ самыхъ мелководныхъ протокахъ.

Такимъ образомъ, заранѣе подготавлялась озерная флотилія для быстраго сосредоточенія 10.000 Саволаксъ-корельскихъ войскъ въ Іоенскуу, исходномъ пунктѣ наступленія на Кексгольмъ. Средствами той же озерной флотиліи надлежало установить и подвозъ всего необходимаго. По расчетамъ составителя, для захвата Кексгольма достаточно было недѣли. Если-бы подъ угрозою изъ Кексгольма русскіе пристанивили форсированіе оборонительной линіи рѣки Бюмени или отрядили часть своихъ силъ черезъ Выборгъ наперерѣзъ шведской Кексгольмской колонії, то южная группа шведовъ (25.000 человѣкъ) должна была сама энергично перейти въ наступленіе и, такимъ образомъ, русскія войска въ тѣснинахъ близъ Выборга могли оказаться между двухъ огней.

Этотъ смѣлый планъ требовалъ, очевидно, широкой подвижности весьма высокихъ качествъ войскъ, выдающихся начальниковъ и надлежащихъ подготовительныхъ мѣръ. Дѣйствительныя свойства шведской арміи, несмотря на способность стойко и мужественно сражаться, едва-ли тому соотвѣтствовали, а главное—условія той мѣстности, куда направлялось наступленіе¹⁾. Затѣмъ, успѣхъ этого плана всецѣло зависѣлъ отъ предупрежденія противника, что для шведскихъ войскъ, мобилизациѣ²⁾ и сосредоточеніе которыхъ не могли совершаться быстро, являлось вообще трудно-достижимымъ.

Всѣ приведенные выше планы въ дѣйствительности не были осуществлены; ограничились возведеніемъ лишь части проектированныхъ фортификаціонныхъ сооруженій, а именно:

Въ Свеаборгѣ была сооружена морская крѣпость и портъ для галерного („армейскаго“ флота), но Гельсингфорсъ съ сухого пути укрѣплена не была.

Въ Свартгольмѣ (близъ Ловизы) былъ сооруженъ небольшой, но сильно укрѣпленный фортъ; такие-же небольшіе опорные пункты имѣлись въ Варкаусѣ и въ Тавастгусѣ.

Никакихъ мѣръ по улучшенію водныхъ путей сообщенія или по подготовкѣ значительныхъ озерныхъ флотилій для передвиженій принято не было³⁾; лишь небольшая часть „армейскаго“ флота была сосредоточена въ Варкаусѣ.

При такомъ положеніи вещей, т. е. при недоведенной до конца подготовкѣ театра военныхъ дѣйствій, при чемъ, какъ видно, не дер-

¹⁾ Суворовъ, наоборотъ, на эти именно изученные имъ условія опирался, находя такое движение шведовъ для наст. неопаснымъ (см. ниже).

²⁾ Мобилизациѣ не въ современномъ смыслѣ пополненія мирныхъ кадровъ, а въ отношеніи сбора поселенныхъ солдатъ къ полковымъ штабамъ, что требовало довольно значительного времени.

³⁾ Благодаря чemu пользованіе внутренними водными путями получило у шведовъ въ эту войну, впервые захватившую все пространство края, гораздо меньшее развитіе, чѣмъ то казалось бы для нихъ, какъ для хозяевъ страны, возможнымъ.

жались въ этомъ дѣлѣ какого-либо опредѣленнаго плана, финляндсія крѣпости и укрѣпленные пункты, какъ оказалось на дѣлѣ, вмѣсто полезнаго содѣйствія оборонѣ, принесли скорѣе вредъ. И дѣйствительно, первою заботою шведскаго командованія было обезпеченіе этихъ крѣпостей отъ захвата; приходилось расходовать для этого значительное количество живой силы, что сокращало ея число, оставляемое для дѣйствій въ полѣ. При ограниченной числительности шведскихъ войскъ въ Финляндіи съ этимъ обстоятельствомъ приходилось серьезно считаться.

Къ новому 1808 году русско-шведскія отношенія были таковы, что къ войнѣ готовились съ минуты на минуту. Шведскій король въ началѣ января нового стиля образовалъ „Тайный военный совѣтъ“, предсѣдателемъ котораго былъ назначенъ Клингспоръ. Заключеніе совѣта въ общихъ чертахъ было слѣдующее: оцѣнивъ политическое положеніе, въ силу котораго предстояла опасность войны со стороны Даніи и Россіи, совѣтъ откровенно заявилъ, что на значительную помошь Англіи расчитывать не приходится. Она не превзойдетъ того, что вызывается требованіями защиты торговыхъ интересовъ этого государства. Поэтому, заключалъ совѣтъ, „осторожнѣе“ расчитывать только на собственные силы. Совѣтъ сознавалъ совершенно ясно, что если Россія нападетъ еще зимою, то это будетъ для шведовъ всего опаснѣе. Въ это время нельзѧ „извлечь всѣхъ выгодъ, доставляемыхъ пересѣченной природою (kuperade natur) страны“ и сообщеніе со Швеціей прервано, такъ что „финская армія“ должна довольствоваться исключительно мѣстными финляндскими средствами.

Поэтому ближайшою цѣлью дѣйствій въ началѣ кампаніи въ этомъ случаѣ совѣтъ ставилъ: „спасти ту часть арміи, какую только можно“, послѣ того какъ „въ крѣпостяхъ Свеаборгъ и Свартгольмъ будетъ водворено такое количество войскъ, какое только можно въ нихъ помѣстить“. Отступленіе арміи надлежало совершить въ сторону Эстреботніи, гдѣ „съ наступленіемъ первыхъ дней весны и... при помощи поддержки флота надлежитъ приступить къ обратному завоеванію страны“.

Основываясь на этомъ меморіалѣ, король въ тотъ-же день отправилъ въ Финляндію генераль-интенданта Шенбома для устройства магазиновъ и предписалъ финляндскимъ губернаторамъ оказывать ему въ этомъ отношеніи полное содѣйствіе¹⁾). Вмѣстѣ съ тѣмъ 22-го января (3-го февраля) издана была королевская инструкція Фин-

¹⁾ Кромѣ уже заранѣе заготовленныхъ базисныхъ пунктовъ, каковыми былъ на прибрежномъ театрѣ Гельсингфорсъ, Тавастгусъ, Або, Ваза, Таммерфорсъ, Улеаборгъ, а на Саволакскомъ С.-Михель, Баркаусъ, Куопіо, былъ заложенъ еще цѣлый рядъ магазиновъ вдоль заранѣе намѣченного пути отступленія шведовъ къ Улеаборгу.

ляндскому главнокомандующему¹⁾), закрѣпившая собою вышеприведенный планъ дѣйствій; однако нижеслѣдующая фраза („добавленная невѣдомо кѣмъ“,—оговариваются составители шведской офиціальной исторіи) вносила весьма существенное видоизмѣненіе въ основной характеръ плана, предоставляемая при томъ исполнителю извѣстную свободу дѣйствій.

„Хотя мы, какъ раньше оговорено, ставимъ спасеніе арміи и сохраненіе крѣпостей главною цѣлью военныхъ мѣропріятій въ наступающую зиму, тѣмъ не менѣе мы ожидаемъ, что вы, насколько то окажется возможнымъ, постараетесь воспрепятствовать вторженію непріятеля и только въ крайнемъ случаѣ предпримете отступленіе“.

Свеаборгскій гарнизонъ предписывалось довести до 6-ти тысячъ, а Свартгольмскій до 500 человѣкъ. Остальные войска должны были, съ началомъ наступленія отходить къ Тавастгусу, кромѣ Саволаксъ-Корельской бригады, которая, въ случаѣ необходимости отступленія, должна была отходить черезъ Куопіо-Иденсалмы къ Улеаборгу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ указывалось, что лучше сжечь суда армейского флота и ихъ имущество, находившееся въ Або, Варкаусѣ и Кристинѣ, чѣмъ отдать ихъ въ руки непріятеля; то же указывалось относительно всякихъ запасовъ, которые почему-либо не могутъ быть спасены.

По полученіи затѣмъ новыхъ тревожныхъ извѣстій, Густавъ-Адольфъ сперва намѣревался лично отправиться въ Финляндію, но вмѣсто этого ограничился письмомъ къ генералу Клеркера, въ которомъ вручалъ ему командованіе войсками.

Положеніе генерала Клеркера въ Финляндіи до прибытія Клингспорта и вступленія его въ командованіе было до крайности труднымъ. „Я не имѣлъ писалъ онъ впослѣдствіи,—ни единой буквы указаній, ни копѣеки денегъ, никакихъ запасовъ“. Войска находились еще въ періодѣ мобилизациі (сборъ поселенныхъ войскъ): такъ, въ районѣ Гельсингфорса было собрано около 3,850 человѣкъ, около Тавастгуса—3,000 человѣкъ, около Нюю-Элліма—2,000 человѣкъ, въ районѣ Борго-Ловиза—950 человѣкъ, близъ С. Михеля и Варкауса—3,300 человѣкъ, у Йоенсуу и на Корельской границѣ 1,000 человѣкъ. Клеркерь проявилъ самую энергичную дѣятельность по сбору войскъ²⁾, и обеспеченію ихъ всѣмъ необходимымъ. Онъ разчитывалъ въ двѣ недѣли закончить всѣ подготовительныя операции, о чёмъ сообщилъ Стедингкѣ въ Петербургъ.

2-го (14-го) февраля Клеркерь получилъ вышеупомянутую королевскую инструкцію главнокомандующему финляндской арміей, но

¹⁾ См. приложение № 15 къ т. II Шведской офиц. исторіи войны (на стр 17—20 второй книги русского перевода).

²⁾ Они свозились спѣшно, на подводахъ. (М. Д. 18).

понялъ ее сообразно своему пылкому темпераменту. Считая несомненно намѣченное въ ней отступленіе лишь послѣднимъ исходомъ (на основаніи словъ: „въ крайнемъ случаѣ“), онъ намѣревался сперва оказать сопротивленіе еще на самой границѣ. Но намѣреніе это было предупреждено неожиданнымъ вступленіемъ нашихъ войскъ въ шведскіе предѣлы.

Основною идеей плана, вошедшаго въ инструкцію Густава-Адольфа и составленного тайнымъ военнымъ совѣтомъ (душою которого былъ генералъ-квартирмейстеръ Авг. Тиббель), былъ выигрышъ времени до окончанія зимы и сбереженіе возможно большихъ силъ къ открытию навигаціи, когда расчитывали воспользоваться морскими сообщеніями и перебросить моремъ соответствующія подкрепленія. Мысль эта въ общемъ должна быть признана правильной, при тѣхъ условіяхъ обстановки (неготовность, недостаточныя силы, невозможность оказать имъ поддержку изъ Швеціи и слабая обороноспособность Финляндіи зимою), въ которыхъ приходилось шведамъ принимать борьбу. Но, казалось бы, вполнѣ правильному стремленію сохранить какъ можно больше полевыхъ войскъ для будущихъ наступательныхъ операций не соотвѣтствовало назначеніе въ крѣпости максимальныхъ (по имѣющимся помѣщеніямъ) гарнизоновъ.

Чрезмѣрная величина гарнизоновъ Свеаборга и Свартгольма (какъ видно будетъ ниже) была одною изъ причинъ ихъ болѣе скорой сдачи, а между тѣмъ полевые войска были этимъ распоряженіемъ значительно ослаблены.

„Спасеніе арміи и сохраненіе крѣпостей“—изъ этихъ двухъ цѣлей первая была важнѣйшею. Ея достижению должны были содѣйствовать и самыя крѣпости, отвлекая *на себя* возможно большее количество непріятельскихъ войскъ, но безъ вовлечения *въ себя* большаго чѣмъ нужно числа защитниковъ¹⁾. Сама королевская инструкція предвидѣла, что крѣпости въ случаѣ отступленія арміи, могутъ и не выдержать осады²⁾; слѣдовательно, крѣпости сознательно представлялись собственной судьбѣ и, по условіямъ своего расположенія (на островахъ), они, противъ атаки съ суши, должны были ограничиться пассивной обороной, для которой достаточно было лишь строго необходимаго числа войскъ. А между тѣмъ, доведя Свеаборгской гар-

¹⁾ Въ Свеаборгѣ имѣлось помѣщений всего на 7.600 человѣкъ, изъ нихъ безопаснѣ отъ навѣснаго огня—на 2.449 человѣкъ. По мнѣнию комиссіи 1767 года, вѣдавшей постройкою крѣпости, Свеаборгъ въ военное время могъ быть успѣшно защищенъ гарнизономъ въ 2.500 человѣкъ. (Sv. kr. аг. 1808—09 г., II, стр. 267, примѣч.).

²⁾ «Въ томъ случаѣ, если бы непріятель вторгнулся во время наступающей зимы и полевые войска принуждены были бы отступить, то послѣ усиленія гарнизоновъ, таковыя обязываются до послѣдней крайности защищать крѣпость, а въ случаѣ невозможности отстоять послѣднюю, сжечь флотъ и уничтожить все запасы».

низонъ до численности почти въ $2\frac{1}{2}$ раза большей, шведскіе военачальники (въ данномъ случаѣ—самъ король, отдавшій это приказаніе) не только безъ пользы уменьшали на цѣлую четверть свою живую силу, но рисковали цѣликомъ отдать эту силу въ руки противника (что и случилось).

Затѣмъ,—какъ подробнѣе будетъ выяснено ниже—не было необходимости въ томъ, чтобы оттягивать Саволакскую бригаду Кронстедта одновременно съ главными силами Клингспорса назадъ къ Улеаборгу. Отдѣльный отрядъ въ Саволаксѣ игралъ для шведовъ весьма важную роль—постоянной угрозы сообщеніемъ русскихъ войскъ, наступающихъ во слѣдъ Клингспору. Внутренняя часть Финляндіи даже и въ зимнее время даетъ настолько преимуществъ оборонѣ, что Кронстедту, весьма вѣроятно, удалось бы сдержать наступлѣніе направленной противъ него колонны Тучкова; при томъ же обратѣ, который приняли события въ дѣйствительности—это сдѣлать было совершенно легко. Но и Клингспоръ, и Кронстедтъ поняли указаніе королевской инструкціи объ отступлѣніи въ Эстроботнію въ смыслѣ очищенія *безъ всякою сопротивленія* всей почти Финляндіи; этимъ они, какъ увидимъ ниже, рисковали бы невозможностью повернуть успѣхъ на свою сторону, если бы не благопріятный для нихъ образъ дѣйствій противника.

Отсюда видно, что составителемъ королевской инструкціи важное значеніе Саволаксъ-Кореліи, какъ труднодоступнаго района на флангѣ операционныхъ путей наступающаго—не было ясно; значеніе это выяснилось для шведовъ лишь изъ послѣдующаго хода военныхъ событий.

Обращаясь затѣмъ къ подготовительнымъ мѣропріятіямъ съ нашей стороны, необходимо указать, что и у насъ, особенно послѣ войны 1788—90 гг., озабочивались обезпеченіемъ финляндской границы и подготовкою таѣ называемой „Старой Финляндіи“ въ качествѣ базы для возможныхъ операций противъ Швеціи.

Война съ Густавомъ III убѣдила Екатерину въ необходимости заблаговременно, еще до того, какъ наступитъ срокъ, довершить задачу Великаго Преобразователя въ отношеніи прочнаго обезопасенія „Сѣверной Пальмиры“, и заняться фортификаціоннымъ усиленіемъ финляндской границы. Это важное дѣло возложено было Императрицей 25-го апрѣля 1791 г. на Суворова, который проработалъ надъ этимъ цѣлыхъ $1\frac{1}{2}$ г. (1791 и 1792). Изъ результатовъ трудовъ Суворова, а также изъ оставленныхъ имъ „замѣчаній объ оборонительной и наступательной войнѣ въ Финляндіи“¹⁾, видно, что отъ его генія

¹⁾ Прил. 2-е къ т. I Петрушевскаго: «Генералис. кн. Суворовъ».

не ускользнули особенности финляндского театра военныхъ дѣйствій и что относительное значеніе отдѣльныхъ его частей предугадано Суворовымъ въ общемъ вѣрно.

Для правильной оцѣнки нашихъ будущихъ операций въ войну 1808—09 гг., необходимо предварительно близко ознакомиться съ возврѣніями Суворова на образъ дѣйствій въ Финляндіи и съ его трудами по укрѣплению ея границъ.

Для противовѣса Свеаборгу и чтобы создать надежную опору галерному флоту, Суворовъ обратилъ главное вниманіе на укрѣпленіе Роченсальма¹⁾ (близъ о. Котки). Здѣсь укрѣпленіе было рядъ острововъ, а на сухомъ пути заложена крѣпость Кюмень-городъ. Обращаетъ на себя вниманіе, во-первыхъ, выборъ самого пункта: Роченсальмъ—на флангѣ пограничной оборонительной линіи Кюмени, прикрывавъ обширный Коткинскій рейдъ, который по своимъ естественнымъ свойствамъ превосходитъ Гельсингфорсъ. Затѣмъ, Суворовъ избѣжалъ той пагубной оплошности, которую совершили шведы при постройкѣ Свеаборга; онъ немедленно озабочился обезпеченіемъ тыла приморскихъ укрѣпленій (Кюмень-городъ).

Сооруженіе Роченсальма имѣло наступательное значеніе: онъ долженъ былъ служить опорой для активныхъ предприятій нашихъ шхерныхъ флотилій. Что же касается прочихъ укрѣпленій, воздвигнутыхъ Суворовомъ (усиленіе Фридрихсгама, Вильманстранда, Давинштадта и въ особенности Нейшлота, сооруженіе фортовъ Либека, Уттисъ и Озернаго на путяхъ изъ Саволакса въ русскую Финляндію), то все они имѣли цѣлью прочно обезпечить сѣверо-западную часть нашей пограничной линіи.

Отсюда видна уже до какой степени общая мысль Суворова относительно способа дѣйствій въ Финляндіи: *удерживаясь на фронть Вильманстранда—Нейшлота, наступать вдоль побережья сухопутными войсками, опираясь на морскія силы.*

Характерно, что Суворовъ, не признававшій „ничего кромѣ наступательного“, предлагалъ въ своихъ „замѣчаніяхъ“ вести и оборонительную войну активнымъ путемъ. Онъ указывалъ, между прочимъ, что участокъ нашей границы съвернѣе Нейшлота—достаточно обезпеченъ природою. Если-бы „Иммальскій отрядъ наступающихъ“ вторгся въ наши предѣлы, то онъ „самъ казненъ, окруженнъ острыми горами, не защищенъ“. Суворовъ предостерегаетъ отъ того, чтобы бояться „виѣдренія“ непріятеля гдѣ-либо въ нашу землю; „это ложный стыдъ“, говорить онъ; такой непріятель все равно „самъ пришелъ къ побѣнѣю соединенiemъ на него корпусовъ“, да къ тому

¹⁾ Собственно «Ruotsinsalmi», что значитъ по финск.: «Островъ Шведовъ». Шведъ по фински: «Ruotsalainen».

же „отдаляетъ свою субsistенцію“. Еще съвернѣе за Олонцемъ— „слѣдуетъ пребывать и впредъ въ благоразумной оборонѣ“: туда „непріятельскій набѣгъ чрезъ мшистую Лапландію, безъ хлѣба“— не опасенъ.

Нейшлотъ Суворовъ считалъ „знатною крѣпостію“¹⁾ и въ немъ „добрый комендантъ“ долженъ быть обойтись безъ „сикурса“; но „для поднятія осады“ признавалъ необходимымъ идти отъ Керны (Кярнякоски?) на Кристину и С.-Михель „бить Саволакскій корпussъ съ осаждателями, коли не уйдутъ“. Если противники „отважатся“ идти „межъ Нейшлота и Кексгольма на Вокшу“ (т. е. Вуоксу), то „быстрая сія рѣка весьма обороняема“ и „Вильманстрандскій корпussъ (отрядъ), одинъ или съ соединеніемъ, ихъ бѣть“²⁾.

Въ то же время „Давыдовъ депотный пунктъ“ (т. е. Давидстадъ) и Вильманстрандъ— „центральный пунктъ операциевъ“—являются опорою „оффенсивнаго“ движенія за Кюменъ, причемъ пограничныя крѣпости (очевидно, Фридрихсгамъ—Кюменъ-городъ—Роченсальмъ) обращаются „въ плацдармы“.

„Кюменъ-городъ прилежитъ Рончесальму; сія гавань ничѣмъ не командуема и едва побѣдима, береть въ тылъ, купно съ Ревелемъ, противные флоты, коихъ десантъ, никогда не знатный, всюду бываютъ и топятъ сухопутныя войска“.

Такимъ образомъ, оборонительная война противъ Швеціи, по Суворову, должна, вестись путемъ: а) оставленія безъ вниманія и даже безъ войскъ участка границы съвернѣе Нейшлота, б) активной обороны участка Вильманстрандъ-Нейшлотъ, где даже слѣдуетъ совершить частный наступательный поискъ въ непріятельскіе предѣлы, и в) наступленія за Кюменъ съ поддержкою флота отъ Роченсальма и Ревеля.

Для такихъ дѣйствій Суворовъ считаетъ достаточнымъ 28 батальоновъ пѣхоты, 6 эскадроновъ и 4 полка казаковъ, т. е. по тогданимъ штатамъ, около 20 тысячъ³⁾.

¹⁾ Суворовъ очень гордился сооруженіями Роченсальма и Нейшлота (Петрушевскій I, 410). Про посѣдѣній онъ говорилъ: «знатная крѣпость, помилуй Богъ, хороша; рвы глубоки, валы высоки; лягушкѣ не перепрыгнуть, съ однімъ взводомъ штурмомъ не взять».

²⁾ Въ этой части «замѣчаній» Суворова, онъ, какъ видно, предвидѣть возможность наступательной операциіи шведовъ изъ Саволакса намѣнѣ въ тылъ, но, близко зная мѣстныя условия, не видѣть оснований ея опасаться. Полная противоположность вышеприведенному плану шведскаго анонимнаго поклонника Наполеона, который, преслѣдую активныя пѣдіи, недостаточно считался съ условиями мѣстности намѣченного имъ наступленія. Колонна, наступающая изъ Саволакса на Сердоболь-Кексгольмъ, попадала, въ сущности, въ рядъ тѣснинъ между озерами Ладожскимъ, Саймой и рѣкою Вуоксой съ ея обширною озерною системою, заполнявшемъ все пространство между Выборгомъ, Кексгольмомъ и Метссиапти.

³⁾ Въ другомъ Суворовскому документѣ «Ремаркахъ», продиктованныхъ ген. Прево-д-Люміану въ сентябрѣ 1798 г. (см. прилож. VIII къ главѣ XXXVI т. II Петрушевскаго), число это нѣсколько больше «Contre la Suède elle (т. е. Россия) doit avoir 24.000 hommes avec les r eserves, bien bayonnett s et c el res».

Для наступательной же войны, по мнѣнію Суворова къ этимъ силамъ необходимо добавить еще 3—4 полка пѣхоты (т. е. 9—12 баталіоновъ) и 10 эскадроновъ конницы, чтобы составилось всего 40 баталіоновъ, 16 эскадроновъ и 4 полка казаковъ, т. е. около 30-ти тысячъ. Кроме того, Суворовъ считалъ необходимымъ имѣть „внутри границъ“¹⁾ обсерваціонный корпусъ (3 или 4 полка, 3—5 эскадроновъ и казачій полкъ, около 10 тысячъ).

Для наступательной войны противъ Швеціи Суворовъ рекомендуется три способа: „Первое—операция на Свеаборгъ (оставя Швартгольмъ въ покое) флотами и десантомъ (т. е. галерною эскадрою), купно съ сухопутными войсками на Гельсинфорсъ. Второе—сухопутная операция прямо на Тавастгусъ къ Або; примѣчать влѣво и въ тылу Гельсинфорсъ особымъ отрядомъ. Третье—общая (операция), сухопутныхъ войскъ съ морскимъ вооруженіемъ, которое съ ними соединится подъ Або, обходя Свеаборгъ, или запереть оттуда выходъ въ море частью судовъ“. Вышеупомянутому обсерваціонному корпусу назначалось: „Позиція при Савитайполѣ и вниманіе на Саволаксъ, съ содѣйствиемъ Саймской флотиліи“, съ выдѣленіемъ вправо и влѣво „легкихъ отрядовъ“.

Такимъ образомъ, Суворовъ предлагаетъ, сдерживая Саволакскія силы непріятеля „обсерваціоннымъ корпусомъ“, остальными войсками (30-ти тысячнымъ корпусомъ, при поддержкѣ, если нужно, галерного и корабельного флотовъ), предпринять одно изъ трехъ: а) оперировать совмѣстно съ морскими и сухопутными силами противъ Свеаборга, б) дѣйствовать только сухопутными войсками черезъ Тавастгусъ на Або, выставивъ противъ крѣпости лишь заслонъ и в) соединить предшествующую сухопутную операцию съ морскою, въ обходъ Свеаборга, назначеніемъ къ нему и со стороны моря, такъ сказать, плавучаго заслона.

Опѣнивая эти соображенія Суворова, необходимо помнить, что они не представляютъ собою какого-либо плана, а лишь набросокъ мыслей фельдмаршала по данному вопросу, Суворовъ, врагъ всякихъ систематическихъ плановъ, намѣчалъ и здѣсь только общій характеръ наиболѣе соотвѣтственнаго, по его мнѣнію, образа дѣйствій. Изучая его мысли въ примѣненіи къ обстановкѣ 1808 г., нельзя не обратить вниманія, что вторая комбинація Суворова (только сухопутная операция на Тавастгусъ-Або) какъ-бы предусматриваетъ случай зимней кампаніи, а затѣмъ, что Суворовъ даже и въ этомъ случаѣ (не говоря о двухъ другихъ) ограничиваетъ районъ сухопут-

¹⁾ Т. е. въ Старой Финляндіи.

ныхъ операций прибрежнымъ театромъ дѣйствій, считая достаточнымъ противъ Саволакса активную оборону. Суворовъ не опасался серьезныхъ покушеній отсюда намъ въ тылъ и говорилъ объ этомъ такъ: „Незнаные набѣги презирать; ежели вредны землѣ—на то репрессіи. Самимъ таковыхъ иррупціевъ не чинить, они опасны. Лучше усыплять, нежели тревожить и дѣлать большой ударъ. Малая война обоядна равна и не полезна, изнуряетъ войско“. Далѣе онъ предостерегаетъ отъ излишнаго дробленія отрядовъ,—„какъ здѣсь въ обычновенныхъ партизанахъ нужды нѣтъ“. Другими словами, слѣдуя соображеніямъ Суворова (по которымъ операционная линія наша излишне не растягивалась, а войска сухопутныя все время базировались бы на свой флотъ) мы могли и не опасаться угрозъ нашимъ соображеніямъ изъ Саволакса.

Обращаетъ на себя вниманіе, что въ первой комбинаціи Суворовъ ставить цѣлью не войско непріятеля, а пунктъ—Свеаборгъ; въ этомъ случаѣ онъ сходится съ Петромъ Великимъ, который началъ военные дѣйствія 1713 г. съ захвата почти неукрѣпленного тогда Гельсингфорса. Для Суворова, только что взявшаго штурмомъ Измаиль, не представило бы затрудненій рѣшиться атаковать съ моря и суши одновременно даже и такую крѣость, какъ Свеаборгъ, взятие которой приносило бы огромныя выгоды, такъ какъ доставляло бы полную свободу дѣйствій противъ живой силы противника и надежную для того опору. Однако Суворовъ не ограничился однимъ этимъ рѣшеніемъ; онъ предложилъ и другое, игнорирующее крѣость, съ устремленіемъ главнаго вниманія въ томъ направленіи, куда всего вѣроятнѣе отступить отъ границы живая сила непріятеля.

Предложенія Суворова были проникнуты тѣмъ истиннымъ методизмомъ, который отличаетъ собою вообще дѣйствія великихъ полководцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ преисполнены духомъ „наступательнаго“. Наоборотъ, шведскіе планы, о которыхъ говорилось выше, проникнуты духомъ „подлой обороны“, за исключеніемъ, одного предложенія, которое не имѣло практичес资料а значенія, какъ не отвѣчавшее обстановкѣ. По внѣшности, планъ Эренсверда нѣсколько сходствуетъ съ Суворовскимъ. И тамъ, и тутъ дѣйствія только на побережье, и тамъ и тутъ—совмѣстная операция сухопутной арміи и флота; и тамъ и тутъ—созданіе крѣости для обеспеченія ихъ связи и какъ опоры для этихъ совмѣстныхъ дѣйствій. Но это сходство только внѣшнее. Эренсвердъ возлагалъ на сухопутныя силы *passive*-оборонительную задачу—удерживать линію Кюмени и только при помощи флота рѣшался дѣлать *diverсію* намъ въ тылъ, для успѣха которыхъ надо было достичь господства въ морѣ. А этого господства шведы

такъ и не достигли¹⁾). Замѣчательно, что Суворовъ придавалъ настолько важное значеніе гребной флотиліи, что принялъ самъ изучать военно-морское дѣло, бралъ частные уроки и даже просилъ сдѣлать себѣ испытаніе въ морскихъ познаніяхъ, давая наглядный примѣръ того, какъ гениальные люди на себѣ испытываютъ вѣрность поговорки „учиться никогда не поздно“ (Петрушевскій, т. I. 412). А Суворову въ то время было 62 года!

Другой выдающійся русскій военный дѣятель, генераль-аншефъ Александръ Ильичъ Бибиковъ въ своемъ „мнѣніи о наступательной войнѣ противъ Швеціи со стороны Финляндіи“ предлагаетъ въ общихъ чертахъ подобный планъ: форсировать сухопутными силами Кюменъ и дѣйствовать противъ сухопутныхъ войскъ непріятеля оперируя главнымъ образомъ по береговой дорогѣ, дабы можно было, съ одной стороны, базироваться на флотъ, а съ другой „зашедь взадъ войскъ шведскихъ, высадить людей своихъ на берегъ, и захвативъ переправы черезъ тѣсныя мѣста, поставить его такъ сказать, со всѣхъ сторонъ окруженнаго“ (стр. 28-я). Къ сторонѣ же Саволакса предлагалось направить отъ нашей границы „небольшія партіи легкихъ войскъ“ съ подкрепленіями, которыми „занимать главныя мѣста“ стараясь „возможную ласкою“ привлечь жителей, которые „будучи отягчены поборами“ находятся „въ великомъ неудовольствіи и огорченіи“.

Такимъ образомъ Бибиковъ раздѣлялъ заблужденіе многихъ своихъ современниковъ о возможности привлечь финновъ мирными путями на свою сторону. Такъ какъ записки Бибикова (какъ уже упомянуто въ нашей предшествующей статьѣ) были представлены Императору Александру Павловичу его сыномъ передъ самой войною 1808 года, то несмыло возможно, что этотъ взглядъ выдающагося генерала Екатерининской эпохи, согласный съ завѣреніями Сиренгпортена и другихъ, укрѣпилъ въ этомъ Монархѣ убѣжденіе въ томъ, что присоединеніе къ Россіи будетъ принято въ Финляндіи, по крайней мѣрѣ нисшими классами населения, вполнѣ сочувственно.

Означеннное убѣжденіе, оказавшееся впослѣдствіи ложнымъ, легло между тѣмъ въ основаніе плана предстоящихъ военныхъ дѣйствій.

Такъ какъ основною цѣлью всей войны было пріобрѣтеніе Финляндіи, то ближайшее цѣлью предстоящихъ операций поставлено было попросту занятіе всей территории края вплоть до Ботническаго залива. Поэтому намѣчено было наступленіе широкимъ фронтомъ,

¹⁾ Въ «Ремаркахъ» 1798 г., диктованныхъ генералу Прево, Суворовъ заявилъ: Sur mer elle (la Russie) est beaucoup plus forte et ruinera la flotte Suédoise...

Правда, 1808 годъ не оправдалъ этого оптимизма, но тогда на помощь шведамъ пришелъ союзный англійскій флотъ.

при чёмъ каждая изъ трехъ дивизій (центръ, правое и лѣвое крылья) раздѣлена была на нѣсколько отдѣльныхъ колоннъ.

Въ первоначальномъ планѣ графа Буксгевдена („мнѣніе генераль-адютанта графа Буксгевдена о переходѣ черезъ границу“)¹⁾ опредѣленной частной цѣли дѣйствій не указывалось. „Главное намѣреніе при настоящемъ дѣйствіи овладѣть всею шведскою Финляндіею до Ботническаго залива“, писалъ главнокомандующій въ этомъ документѣ. „Вступая въ Финляндію намѣрены были занять сколько можно болѣе пространства земли“, пишетъ Михайловскій-Данилевскій. Достиженіе такой цѣли приводило, конечно, къ расширению базы для дальнѣйшихъ операций. Но при этомъ какъ бы игнорировали вовсе войска непріятеля или по крайней мѣрѣ, дѣйствія противъ нихъ какъ бы отходили на второй планъ... Между тѣмъ обстановка (разбросанное положеніе неготовыхъ шведскихъ войскъ) требовала проявленія быстроты и энергіи въ цѣляхъ недопущенія ихъ сосредоточенія. Отчасти нѣкоторое сознаніе въ этомъ направлѣніи замѣтно въ „мнѣніи“ Буксгевдена. По крайней мѣрѣ первой колоннѣ Тучкова I (направленной на С. Михель) ставилось цѣлью „препятствовать шведскимъ войскамъ“ въ Саволаксѣ. „соединиться съ войсками, бывшими при Тавастгусѣ. „Однако, допускалась возможность и сосредоточенія положенія противника, причемъ всѣмъ колоннамъ (кромѣ 1-й) надлежало соединиться, и оставя заслонъ противъ Свеаборга, стараться совокупными силами „нанести“ противнику „ударъ“. Независимо этого въ „мнѣніи“ Буксгевдена обращается вниманіе на необходимость придвижнуть изъ Россіи особы отряды къ Сердоболю, что какъ бы указуетъ на сознаніе необходимости прикрыть наши сообщенія со стороны Саволаксъ-Кореліи.

Въ одномъ изъ дѣлъ нашего военно-ученаго архива (№ 4418), относящихся въ кампаніи 1808—1809 г.г., имѣется документъ, несомнѣнно писанный рукою генералъ-аншефа Бибикова (что доказывается сличеніемъ почерковъ) и безспорно повліавшій при составленіи нашего операционаго плана. Въ этомъ „начертаніи“ приводится та же основная мысль одновременнаго вторженія черезъ Кюменъ въ предѣлы шведской Финляндіи пятью отдѣльными колоннами, которая осуществлена была на дѣлѣ Буксгевденомъ и Сухтеленомъ. Здѣсь указывается уже и на особенности дѣйствій зимою; на необходимость заранѣе придвижнуть войска къ границамъ, прикрывая свои намѣренія передвиженіями; на опасность диверсій со стороны Саволакса, для предотвращенія которой, кромѣ форсированія Кюмени предла-

¹⁾ Дѣло в.-ист. отд. гл. упр. ген. шт. № 1651. По показаніямъ шведскаго посла въ Петербургѣ Стедингка, планъ этотъ составленъ еще до приѣзда Буксгевдена въ Петербургъ Сухтеленомъ, при содѣйствіи Пфуля и Оппермана.

гается двинуть войска отъ Вильманстранда и Нейшлота къ киркѣ Пумала (т. е. въ томъ самомъ направлениі, въ которомъ двинута была въ 1808 г. колонна Тучкова I). Общая численность наступающаго корпуса (кромѣ гарнизоновъ и „легкихъ войскъ, которыхъ здѣсь гораздо полезнѣе кирасиръ и драгунъ“) намѣчена въ 20 тысячъ *регулярныхъ*, не считая „отъ шести до осьми тысячъ“ для „приведенія въ зависимость“ Саволакса. Такая численность, приближаясь къ требованіямъ Суворова, оказывалась все же большею, чѣмъ то количество войскъ, которое получилъ въ свое распоряженіе графъ Буксгевденъ (*всего* 24.000 первоначально и до 30.000 къ концу зимы) и для которого оказалось, какъ видно будетъ впослѣдствіи, положительно непосильнымъ справиться съ одновременнымъ разрѣшеніемъ тѣхъ разнородныхъ задачъ, которыхъ были на него возложены.

Въ общемъ подобный планъ, нося характеръ какъ бы оккупациіи, причемъ какъ будто не предвидѣлось даже и серьезнаго сопротивленія, очевидно, всецѣло основанъ былъ на расчетѣ встрѣтить въ Финляндіи сочувствіе со стороны населенія. „Съ самаго начала похода почитали покореніе Финляндіи незатруднительнымъ“, пишетъ Михайловскій-Данилевскій. Бибиковъ въ своемъ „начертанії“ все-таки разсчитывалъ соединить въ тылу наступающихъ колоннъ ихъ резервы въ особый „обсервационный“ корпусъ, для удержанія страны „въ послушаніи“. Въ планѣ Буксгевдена и Сухтелена такихъ резервовъ уже нѣтъ. Вдохновителемъ въ этомъ случаѣ явился Спренгтпортенъ, настаивавшій на разброскѣ прокламаций къ населенію и, какъ видно изъ представленнаго имъ Государю (21-го февраля изъ Гельсингфорса) особаго доклада, старавшійся убѣдить въ ненужности преслѣдованія отступавшихъ шведовъ, а наоборотъ въ необходимости занятія прибрежныхъ городовъ и особенно Або „чтобы тамъ имѣть возможность собрать народныхъ депутатовъ“.

Участіе Спренгтпортена въ составленіи первоначальныхъ соображеній по веденію войны со Швеціей не подлежитъ сомнѣнію. Изъ дѣлъ военно-исторического отд. гл. упр. ген. штаба¹⁾), гдѣ сохранились собственноручныя записки Спренгтпортена, видно, что онъ привлекался къ участію въ совѣшаніяхъ по этому предмету, причемъ совѣтовалъ „не спѣшить“. Записка отъ 30-го января 1808 года заключалась слѣдующею фразою: „Повторяю, что уже сказалъ при послѣднемъ обсужденіи: не нужно слишкомъ торопиться дѣйствовать, не получивъ достаточнаго освѣщенія относительно: 1) сосредоточенія финскихъ войскъ, ихъ силы, расположенія и *образа мыслей жителей*; 2) расположенія магазиновъ и 3) путей. Тутъ не потеря времени, а

¹⁾ № 4.418. Записки эти—на французскомъ языке.

выигрышъ. Лучше обеспечить себя отъ непредвидѣнныхъ препятствій, отъ успѣха первого шага зависитъ все остальное въ особенности въ томъ, что касается *настроения жителей*.

Изъ этой записки, въ связи съ вышеуказанными соображеніями нашего высшаго командованія, видно, между прочимъ, что положеніе войскъ противника намъ совершенно не было известно. Предполагали возможнымъ, что они окажутся сосредоточенными и даже у самой границы. Спренгтпортенъ считаетъ послѣднее наиболѣе для насъ желательнымъ. Словомъ сказать, мы шли черезъ шведскую границу, можно сказать, почти съ завязанными глазами...

Къ началу февраля 1808 г. стратегическое развертываніе русскихъ войскъ было окончено, и 24.000-й корпусъ графа Буксгевдена занялъ свое исходное положеніе. Кроме того, приняты были мѣры для обороны Балтійского побережья; укрѣпленія Выборга, Роченсальма и Фридрихсгама поправлены и гарнизоны усилены; вся оборона побережья Старой Финляндіи отдана подъ команду Барклай-де-Толли. На южномъ (Эстляндскомъ) берегу расположены кавалерійскія заставы, поддержаны отрядами изъ трехъ родовъ войскъ, а также предвиднуты сюда 2 дивизіи, одна въ Эстляндію, другая въ Лифляндію и Курляндію. На конецъ, въ Прибалтійскихъ портахъ и устьѣ Невы возведены были береговая батарея.

Въ тоже время на нашей базѣ въ Старой Финляндіи сосредоточено было продовольствіе (сухарп, мясо, вино) и фуражъ (сѣно и овесъ) въ десятидневной пропорціи на весь корпусъ къ 6-му февраля, и такое же количество вновь доставлено къ 12-му числу. Для подвоза всего необходимаго образованы транспорты обычательскихъ подводъ, согласно сдѣланнаго наряда. При помощи ихъ къ началу войны было свезено въ Финляндію, на первый случай, до 10 тысячъ четвертей овса и 85 тысячъ пудовъ сѣна.

ГЛАВА V.

Зимній походъ 1808 года.

Положеніе сторонъ передъ вторженіемъ нашимъ въ предѣлы шведской Финляндіи.—Дѣйствія на *прибрежномъ театре*: форсированіе нами Кюмени; налетъ Орлова-Денисова на Гельсингфорсъ; сосредоточеніе Клеркера къ Тавастгусу.—Прибытие графа Клингспора; рѣшеніе шведовъ отступать на сѣверъ.—Наступленіе нашихъ войскъ къ Тавастгусу и его занятіе.—Дѣйствія въ Саволаксѣ: Расположеніе Кронстедта; обходъ его Тучковымъ I; спѣшное очищеніе С. Михеля и отступленіе шведовъ въ Куопіо.—Рѣшеніе графа Буксгевдена къ 25-му февраля.—Наступленіе кн. Багратіона.—Захватъ Таммерфорса.—Дѣло у д. Ульфебю (Хайтила).—Захватъ Вѣренеборга.—Новое дробленіе нашихъ силъ.—Наступленіе къ Або и занятіе его 12-го марта.—Декларациія 16-го и Манифестъ 20-го марта о покореніи Финляндіи и ея присоединеніи навсегда къ Россійской Имперіи.—Преслѣдованіе шведовъ.—Наступленіе Тучкова I къ Куопіо.—Бой у Леппявирта 28-го февраля.—Занятіе Тучковымъ Куопіо.—Планъ гр. Буксгевдена.—Неудача его.—Причины.—Положеніе сторонъ къ 1-му апрѣля.—Арьергардные бои близъ Юхяюки.—Бой у Сінкаюки 5—6-го апрѣля.—Движеніе Булатова.—Нечаянное нападеніе шведовъ на отрядъ Булатова у Револакса 15-го апрѣля.—Послѣдствія этого боя и его значеніе, какъ поворотного пункта въ ходѣ войны.
Бой у Пулькилла.

Въ ночь съ 8-го на 9-е февраля, т. е. наканунѣ вторженія русскихъ войскъ въ шведскую Финляндию, положеніе сторонъ было слѣдующее (см. стратегич. карту театра войны).

А) *Русские* (24.000): 1) *Правое крыло* генерала Тучкова 1-го (5-я дивизія, около 7-ми тысячъ), въ двухъ колоннахъ эшелонами на путяхъ Нейшлотъ-Рантасальмъ и Нейшлотъ-Сулкава;

2) *Центръ* (21-я дивизія князя Багратіона, около 9-ти тысячъ), въ трехъ колоннахъ на среднемъ теченіи рѣки Кюмени (у Раутсула, Меммеля и Хирвибоски), и

3) *Львое крыло* (17-я дивизія, ген.-лейт. князя Горчакова, около 8-ми тысячъ) въ двухъ колоннахъ у Пюттиса, откуда 1-я колонна должна была форсировать границу на нижнемъ теченіи Кюмени у Стремфорса, а 2-я—у Аборфорса.

Резервомъ этихъ войскъ могли до извѣстной степени считаться 4 полка 14-й дивизіи, назначенныхъ на подкѣплѣніе Финляндскаго корпуса и уже находившихся въ пути.

Б) Шведы (19.000), не завершивши сосредоточенія, были разбросаны въ районѣ Тавастгусь—Коскисъ—Артшэ—Ловиза—Гельсингфорсъ, имѣя пограничные посты по Кюмени отъ Аборфорса до Кельтиса. Независимо сего, въ Саволаксѣ—бригада Кронстеда стягивалась къ С. Михелю.

Разсмотримъ сперва дѣйствія на *прибрежномъ театре*, гдѣ войска нашего лѣваго крыла и центра готовились форсировать пограничную рѣку Кюмени, а затѣмъ особо наступленіе Тучкова 1-го въ Саволакскую область, игравшую роль отдѣльного театра военныхъ дѣйствій.

Исходное положение русскихъ, не считал Тучкова, было сосредоточеннымъ на фронтѣ около 40 верстъ, а шведовъ,—разбросаннымъ по площади трапеціи, короткій фасъ которой, обращенный къ противнику, имѣлъ до 60-ти верстъ, а длинный (Тавастгусь—Гельсингфорсъ) до 100 верстъ; глубина же района (высота трапеціи) доходила до 70—75 верстъ.

Такое положение всего болѣе отвѣчало энергичному и быстрому движенію нашихъ войскъ въ разрѣзъ между отдѣльными группами противника, ставя себѣ главнѣйшую цѣлью не допустить ихъ соединенія.

Обратно, положение шведовъ требовало возможно болѣе быстрого отступленія отъ границы къ намѣченному заранѣе пункту сосредоточенія.

Гдѣ могли они намѣтить себѣ этотъ пунктъ?

Гельсингфорсъ, съ приморскими укрѣпленіями Свеаборга, являлся тою точкою передовой шведской базы, отъ которой отходилъ коммуникаціонный морской путь въ Швецію. Но зимою Финляндія и войска, ее обороняющія, могли сообщаться со Швеціей только сухимъ путемъ черезъ Торнео; оттуда же могли прибывать и подкѣрѣпленія. Исно, что въ началѣ февраля, когда Финскій заливъ покрытъ сплошнымъ льдомъ, до вскрытия котораго остается еще 2—3 мѣсяца, базироваться на Гельсингфорсъ нечего было и думать, а слѣдовательно нельзѧ было намѣтать и сосредоточенія въ этомъ направленіи.

Въ такомъ случаѣ естественнымъ рѣшеніемъ было избрание съ этою цѣлью Тавастгуса. Тавастгусъ былъ уже заранѣе намѣченнымъ и подготовленнымъ базиснымъ пунктомъ. Сосредоточившись здѣсь, шведы занимали выгодное фланговое положеніе по отношенію къ нашей операционной линіи, если бы мы поставили себѣ главною цѣлью дѣйствій овладѣніе Свеаборгомъ.

Правда, шведы отдавали намъ безпрепятственно всю южную Финляндію и предоставляемъ Свеаборгъ собственной судьбѣ. Но такой результатъ, при данной обстановкѣ, являлся неизбѣжнымъ: онъ поэтому и предусматривался уже известною намъ Королевскою инструкціею отъ 3-го февраля 1808 г.

На разсвѣтѣ 9-го февраля, въ сильную мятель и стужу, войска наши перешли Кюменъ въ пяти пунктахъ. Часть нашей пѣхоты была на лыжахъ. Колонны не встрѣтили никакого сопротивленія, кроме незначительной стычки у Аньяла и нѣсколькихъ пушечныхъ выстреловъ у Абборфорса.

По полученіи донесенія о вторженіи русскихъ Клеркерь, руководствуясь инструкціею короля и видя, что не успѣетъ сосредоточить своихъ войскъ, рѣшилъ отходить къ Тавастгусу.

Въ свою очередь русскія войска, продолжая наступленіе, имѣли успѣшныя аріергардныя стычки со шведами 11-го февраля у Артшэ, Мерскумъ, Куускоски, Форсбю. Въ этихъ бояхъ наши войска стремительно атаковали шведовъ, не взирая на глубокіе сугробы, пуская лыжниковъ въ охватъ фланговъ; шведы же, не принимая послѣдняго штыковаго удара, отступали. 13-го генераль-маіоръ Мюллерь, начальникъ авангарда Багратіона, произвелъ нечаянное нападеніе на шведовъ у Ориматтила. Здѣсь квартировалъ Абовскій полкъ, который былъ захваченъ врасплохъ, такъ что въ сильный 20° морозъ имъ пришлось драться полураздѣтыми.

Отсюда князь Багратіонъ, оставивъ часть своихъ силъ подъ начальствомъ Мюллера преслѣдовать шведовъ по Тавастгусской дорогѣ, самъ съ главною массою своей колонны направился на юго-западъ, на Мэнтселя, что вызвано было извѣстіями о сосредоточеніи шведовъ у Гельсингфорса. Когда же оказалось, что извѣстія эти невѣрны, графъ Буксгевденъ, по занятіи нами 13-го февраля Борго, рѣшилъ попытаться съ налета захватить Гельсингфорсъ, или, по крайней мѣрѣ, прервать связь между полевыми войсками и крѣпостью. Съ этою цѣлью выброшенъ былъ впередъ летучій отрядъ Орлова-Денисова (лейбъ-казаки, баталіонъ егерей и эскадронъ драгунъ). Орловъ послалъ одну колонну берегомъ по зимней дорогѣ, частью по льду залива, другую — по шоссе черезъ Сиббо. Къ ночи на 18-е февраля отрядъ Орлова ночевалъ на линіи Марендалъ — Эстерсундомъ, а на утро атаковалъ Гельсингфорсъ и овладѣлъ имъ послѣ незначительного сопротивленія. Шведы, озадаченные внезапнымъ появленіемъ войскъ со стороны залива (у Хертонеса), бѣжали въ крѣпость, преслѣдуемые казаками, а комендантъ Гельсингфорса Гутовскій вскочилъ въ первыя попавшіяся сани и полетѣлъ туда же, бросивъ войска на произволъ судьбы¹⁾. При этомъ взято 124 пленныхъ, 19 орудій, 23.000 снарядовъ, много холоднаго оружія, шансцеваго инструмента, пороху и провіанту. Дѣйствія Орлова-Денисова были такъ стремительны, что часть орудій даже взята была заряженою. Потери наши — 1 казакъ. (см. черт. № 1).

Къ вечеру того же дня въ Гельсингфорсъ вступилъ Буксгевденъ, который двинулъ колонну князя Горчакова слѣдомъ за Орловымъ-Денисовымъ, намѣреваясь поддержать его атаку частью силъ этой колонны; кромѣ того, онъ отрядилъ генераль-маіора Тучкова 3-го на перерѣзъ пути Гельсингфорсъ — Тавастгусъ. Но смѣлый налётъ Орлова-Денисова сдѣлалъ это движеніе излишнимъ.

¹⁾ Фактъ, удостовѣренный шведскими источниками.

Въ общемъ, къ 19-му февраля, черезъ десять дней послѣ открытия кампаніи, положеніе сторонъ на юномъ (прибрежномъ) театрѣ было слѣдующее:

а) *Русскихъ*: 1) Колонна князя Горчакова (около 6 тыс.) занимала Гельсингфорсъ, имѣя часть силъ у Сиббо и Тюсьбу (въ направленіи на Тавастгусъ).

2) Небольшой отрядъ генералъ-маиора Муханова (около 2 тыс. человѣкъ) оставленъ въ Ловизѣ для обезпеченія коммуникаціонной линіи и для обложенія крѣпости Свартгольма.

3) Колонна князя Багратиона,—въ двухъ группахъ, у Коскисъ (меньшая, около 2-хъ тысячъ) и у Мэнтселя-Маріефорсъ (большая, около 7 тыс.), въ разстояніи $1\frac{1}{2}$ —2 переходовъ другъ отъ друга, причемъ первая группа была ближе (въ одномъ переходѣ) отъ Тавастгуса (пункта сосредоточенія силъ противника), чѣмъ отъ своихъ войскъ.

4) Полки 14-й дивизіи (подкѣплениія) уже выступили изъ Выборга.

б) *Шведовъ*: Не считая гарнизоновъ Свеаборга (до 7-ми тысячъ) и Свартгольма (около 800 человѣкъ), всѣ силы Клеркера (до 8-ми тыс.) были сосредоточены въ окрестностяхъ Тавастгуса.

Въ первоначальномъ „мнѣніи“ графа Буксгевдена ставилось цѣлью, если противникъ окажется сосредоточенъ, стремиться соединить отдельные наши колонны и совокупными силами нанести ему ударъ.

Наканунѣ переправы черезъ Кюменъ изъ Іюттиса Буксгевденъ доносилъ о своемъ намѣреніи стянуть всѣ силы къ побережью, въ уверенности, что шведы въ случаѣ неудачи будутъ искать укрѣпленія въ крѣпости.

Въ Борго, когда обстановка уже болѣе выяснилась, онъ еще остерегался дѣйствовать въ направленіи на Тавастгусъ, опасаясь, что Клеркеръ соединится съ отрядами, дѣйствующими въ Саволаксъ и атакуетъ насъ во флангъ и тылъ. Когда же, наконецъ, онъ окончательно уѣхалъ, что шведы отступили къ Тавастгусу и рѣшилъ ихъ преслѣдоватъ и атаковать, онъ все-таки счелъ долгомъ донести Государю, что за выдѣленіемъ заслоновъ къ Свеаборгу и на сѣверъ (со стороны Саволакса), противъ Тавастгуса могутъ быть направлены лишь силы въ $1\frac{1}{2}$ раза слабѣе непріятельскихъ, „не считая вооруженныхъ мужиковъ“. Словомъ, Буксгевденъ, считая свои силы недостаточными, замѣтно уклонился въ это время отъ рѣшительныхъ дѣйствій до подхода подкѣплений.

Генералъ Клеркеръ рѣшилъ не отступать далѣе Тавастгуса. Въ этой рѣшимости его поддерживалъ храбрый и талантливый Адлеркрайцъ, командиръ 2-й бригады, позже—начальникъ штаба финляндской арміи. Впослѣдствіи онъ писалъ:

„При Тавастгусѣ мы были равносильны непріятелю. Здѣсь финскіе воины не пощадили бы никакихъ усилий, потому что мы дрались бы за все, что было намъ священно, за славу и родину. Если бы мы разбили русскихъ, и они не получили бы тотчасъ подерѣпленій, то, соединясь съ Свеаборгскимъ гарнизономъ, мы рѣшили бы зимній походъ въ нашу пользу“.

Клеркерь, подъ вліяніемъ убѣжденій Адлеркрейца, намѣтилъ даже способъ дѣйствій, наиболѣе отвѣчавшій сложившейся обстановкѣ. Онъ вовсе не намѣревался пассивно стоять подъ Тавастгусомъ и обороняться здѣсь, выжидая подхода и атаки нашихъ силъ. По словамъ Михайловскаго-Данилевскаго „Клеркерь готовился атаковать русскихъ, подступавшихъ къ Тавастгусу и собралъ большое количество подводъ, намѣреваясь, въ случаѣ побѣды, въ которой былъ увѣренъ, послѣдно перевезти нѣсколько баталіоновъ къ Гельсингфорсу“¹⁾. Въ успѣхѣ шведовъ не было ничего невозможнаго, не смотря на общее численное наше превосходство. Превосходство это, вѣрное лишь абсолютно, превращалось въ слабосилѣ при данной группировкѣ силъ. Свеаборгскій гарнизонъ нельзя было игнорировать; нужно было оставить если не блокадный корпусъ, то хоть заслонъ; наступленіе же наше къ Тавастгусу раздѣленными силами могло привести къ разбитію по частямъ.

Дѣйствительно, графъ Бусгевденъ, рѣшивъ временно выждать со Свеаборгомъ и преслѣдовать противника къ сѣверу, оставилъ въ Гельсингфорсѣ Раевскаго только съ 2 тыс., а самъ съ остальными силами 1⁴-й дивизіи пошелъ на Тавастгусъ, направивъ туда же и войска Багратіона. Но такъ какъ послѣдній стоялъ въ трехъ груп-пахъ, изъ которыхъ отрядъ Мюллера—въ одномъ переходѣ отъ бригады Адлеркрейца, а остальный въ 40—50 верстахъ южнѣе, то ясно, что Клеркерь имѣлъ возможность, проявивъ энергию, быстроту и подвижность, бить одну за другую раздѣльно подходившія группы нашихъ войскъ.

Но къ шведской арміи, какъ разъ въ этотъ рѣшительный моментъ, прибылъ ея настоящій главнокомандующій, графъ Морицъ Клингспоръ, которому пылкій и рѣшительный, не смотря на преклонные годы, Клеркерь, долженъ былъ сдать командованіе.

Клингспоръ былъ человѣкомъ образованнѣмъ и выдающемся военныхъ познаній. Въ юности, въ рядахъ французскихъ войскъ, онъ участвовалъ въ семиплѣтней войнѣ; въ войну 1788—1790 гг., былъ генералъ-интендантомъ финляндской арміи и за оказанныя въ этой должности заслуги—былъ въ концѣ 1790 года назначенъ Главно-

¹⁾ Это подтверждаютъ и новѣйшіе шведскіе источники.

командующимъ въ Финляндію. Когда въ 1795 году ожидали разрыва съ Россіею, Клингспоръ по собственному почину мобилизовалъ подчиненные ему войска. Мы уже видѣли,¹⁾ какъ вѣрно оцѣнивалъ Клингспоръ значеніе водныхъ коммуникаціонныхъ путей для обороны Финляндіи. Но надъ нимъ тяготѣло предвзятое убѣженіе о невозможности успешной обороны Финляндіи, въ виду неготовности шведовъ и превосходства силъ русскихъ. Это убѣженіе побудило его отказываться отъ принятія на себя выпадавшей на его долю отвѣтственной задачи. По словамъ шведскихъ источниковъ, поступокъ этотъ зависѣлъ не отъ слабости духа, или недостатка патріотизма, а отъ близкаго знакомства съ многочисленными недостатками боевой готовности Финляндіи.

Весьма естественно, что человѣку съ такимъ настроениемъ было не до рѣшительныхъ и смѣлыхъ проектовъ Клеркера съ Адлеркрайцемъ.

Клингспоръ прибылъ изъ Швеціи сухимъ путемъ вокругъ Ботническаго залива и по дорогѣ сдѣлалъ цѣлый рядъ распоряженій по подготовкѣ тыла и обеспеченію заранѣе намѣченного имъ и королемъ будущаго отступленія Финляндской арміи. Онъ вступилъ въ командованіе какъ разъ въ тотъ самый день, 18-го февраля (2-го марта), когда Буксгевденъ занялъ Гельсингфорсъ и намѣревался на другой же день двигать свои войска къ Тавастгусу. Былъ собранъ военный соѣздъ, на которомъ въ принципѣ рѣшено: продолжать отступленіе на сѣверъ. Возраженія Клеркера (котораго поддерживалъ и начальникъ штаба Левенгельмъ)—не привели ни къ чему. Однако, немедленно оставлять Тавастгусъ не предполагали; разсчитывали вывести оттуда собранный въ немъ запасъ провіанта, а также тяжелую артилерию. 21-го февраля (5-го марта) самъ Клингспоръ еще писалъ королю, что нѣтъ подходящаго „казуса“, для началія „ретирады“ (Retraite) по „всемилостивѣйшей инструкціи Его Королевскаго Величества“. Очевидно, Клингспоръ толковалъ королевскую инструкцію соотвѣтственно своему настроенію.

„Казусомъ“ этимъ оказался рапортъ командира Саволакской бригады Кронstedта съ донесеніемъ о вторженіи дивизіи Тучкова 1-го въ Саволаксъ, о занятіи имъ С. Михеля и обѣ отступленіи самого Кронстедта по направленію къ Куопіо. Русскіе стояли ближе къ Улеаборгу—конечной точкѣ намѣченного Клингспоромъ отступленія—чѣмъ самъ Клингспоръ. Такое положеніе въ глазахъ Клингпора было опаснымъ и онъ рѣшилъ немедленно отступать со всею „арміей“ въ Эстреботнію.

Тавастгусъ былъ очищенъ столь поспѣшно, что пришлось утопить въ озерѣ запасъ оружія, артилерию и снаряды, а именно 13 пушекъ,

¹⁾ Въ главѣ 4-й.

1,240 гранатъ, 2,200 ядеръ, 8,570 ружей, 9,400 штыковъ и проч. Въ городѣ найдено 18 чугунныхъ пушекъ и 3 мортиры. Быстро отступленія была такъ велика, что стоявшій на гауптвахтѣ караулъ бросилъ ружья въ козлахъ! 24-го февраля Буксгевденъ вступилъ въ брошенный непріятелемъ городъ.

Обратимся къ событиямъ въ Саволаксъ (см. Стратег. карта).

Саволакская бригада Кронстедта (около 4 тыс.) расположена была въ районѣ С. Михель-Баркаусъ-Юенсуу; главныя сплы подъ его личнымъ начальствомъ сгруппированы были вокругъ С. Михеля, имѣя авангарды на путяхъ въ Хейнолѣ, Вильманстранду и Кексгольму. Отсюда видно, что Кронстедтъ, распредѣливъ свои силы по возможнымъ путямъ нашего вторженія, ядро ихъ держалъ на томъ изъ направленій, которое считалъ опаснѣйшимъ. Но главныя силы эти онъ выдвинулъ почти къ самой границѣ (въ 1 переходѣ) такъ что въ случаѣ движенія Тучкова 1-го на Нейшлотъ или Юенсуу, едва ли успѣлъ бы своевременно къ угрожаемому пункту. Къ тому же нѣкоторыя дороги вовсе даже и не наблюдались; отъ С. Михеля патрули ходили только до Йоккаса, а этотъ важный узелъ дорогъ вовсе не былъ занятъ.

Очевидно, Кронстедтъ находился подъ вліяніемъ предвзятой идеи, что наступленіе русскихъ въ Саволаксъ послѣдуетъ непремѣнно по пути Вильманстрандъ—С. Михель. Какъ участникъ войны 1788—1790 гг., онъ руководствовался въ этомъ случаѣ историческими воспоминаніями: такъ наступали русские въ эту кампанію, когда известный Спренгпортенъ участвовалъ съ нашими войсками въ неудачномъ для насъ бою при Поррасальми, вблизи С. Михеля.

Результатъ такого расположенія не замедлилъ сказаться на дѣлѣ.

Силы Тучкова 1-го передъ вторженіемъ распредѣлены были такимъ образомъ, что главный ударъ наносился какъ разъ въ наиболѣе слабо занятомъ и даже едва наблюдаемомъ шведами направлениі; цѣлью ставилось овладѣніе С. Михелемъ путемъ обхода шведскихъ главныхъ силъ съ востока.

Перейдя границу 16-го февраля, Тучковъ къ 17-му достигъ Йоккаса, не встрѣтивъ нигдѣ ни малѣйшаго сопротивленія. Сильный морозъ и глубокій снѣгъ заставили его дать 18-го дневку, которая для Кронстедта была истиннымъ благодѣяніемъ. Еще 16-го послѣдній спохватился занимать Йоккасъ небольшимъ арьергардомъ, и уже заблаговременно, въ предвидѣніи отхода къ Куопио, отославъ туда свои тяжести по болѣе западной проселочной дорогѣ Хаукивиори-Пѣксемяки.

Интересно отмѣтить, что свѣдѣніе о переходѣ русскими границу, а затѣмъ—о занятіи ими Сулкавы, доставлено было Кронстедту не

передовыми постами, а однимъ изъ пограничныхъ пасторовъ. Служба пасторовъ въ качествѣ развѣдчиковъ шведской арміи повторяется въ эту войну неоднократно. Эту особенность Финляндіи полезно запомнить.

Приходилось очищать С. Михель съ „величайшою послѣшностью“. Часть запасовъ пришлось уничтожить. Въ день занятія нами Іоккаса, бригада Кронстедта находилась въ полномъ отступленіи по дорогѣ Хаукибуори-Пъексемяки. Въ результатѣ, захватъ Тучковымъ С. Михеля оказался ударомъ по воздуху. Передовые казачьи разъѣзды Тучкова нашли городъ очищеннымъ, провіантъ сожженымъ и захватили лишь нѣсколько заклепанныхъ орудій; даже направление отступленія непріятеля было намъ въ первую минуту совершенно неизвѣстно.

Съ занятіемъ Тавастгуса и С. Михеля завершилось наше вторженіе въ Финляндію. Вторженіе это произошло почти безпрепятственно; нигдѣ колоннамъ нашимъ не было оказано серьезнаго сопротивленія, кромѣ незначительныхъ арьергардныхъ стычекъ. И Клеркера, и Кронстедту пришлось послѣшно отступить. Между тѣмъ, по сосредоточеніи у Тавастгуса, Клингспоръ (смѣнившій Клеркера) имѣлъ возможность бить по частямъ вразбрѣдь наступающія русскія колонны. Такое рѣшеніе не щло бы въ разрѣзъ съ основнымъ планомъ, изложеннымъ въ Королевской инструкціи отъ 3-го февраля, какъ извѣстно, ¹⁾ допускавшей отступленіе на сѣверъ безъ боя лишь какъ крайнюю мѣру. Застигнутые врасплохъ нашимъ вторженіемъ, шведы какъ бы ощущали инстинктивную потребность прежде всего уклониться отъ удара и, отойдя вглубь страны, такъ сказать, „собраться съ духомъ“. Что касается ихъ главнокомандующаго, то онъ полагалъ, что въ данномъ случаѣ точно руководствуется вышеупомянутой инструкціей, ставившей основною цѣлью „спасеніе арміи и крѣпостей“; всякую попытку одержать даже частный успѣхъ онъ считалъ рискованной и идущей въ разрѣзъ съ общую идеей принятаго плана дѣйствій.

Овладѣвъ частью прибрежной Нюландіи и важнѣйшимъ узломъ путей юго-западной Финляндіи—Тавастгусомъ, а также проникнувъ и во внутреннюю котловину, мы расширили себѣ основаніе для дальнѣйшихъ наступательныхъ операций, которыхъ могли быть ведены нами въ двухъ различныхъ направленіяхъ. Или надлежало неотвѣтно преслѣдоввать отступавшихъ шведовъ, ставя себѣ главною цѣлью разъединить и разбить ихъ, или предварительно направить всѣ усилия противъ крѣпостей; Свеаборга и Свартгольма, оттягивав-

¹⁾ См. главу 4-ю.

шихъ отъ настъ часть силъ и препятствовавшихъ намъ прочно утвердиться въ занятой части края.

Положеніе шведовъ съ первого взгляда представляется крайне невыгоднымъ. Ихъ силы раздѣлены на три разъединенные группы, изъ коихъ одна замурована въ Свеаборгскихъ и Свартгольмскихъ стѣнахъ, а двѣ другія отступаютъ на сѣверъ въ расходящихся направленияхъ, отстоящихъ притомъ одно отъ другого не менѣе 200 и до 400 verstъ.

Но расчеты шведовъ, какъ уже указывалось, были построены на сближеніи со своими подкѣплѣніями, ожидавшимися сухимъ путемъ изъ Швеціи, а затѣмъ—на дѣйствіи въ тылъ Буксгевдену по весеннемъ вскрытии водъ, со стороны моря (высадки изъ Швеціи). Такія же дѣйствія въ тылъ возможны были и изъ Саволакса особенно при развитіи народной войны.

Къ 25-му февраля Графу Буксгевдену обстановка представлялась въ слѣдующемъ видѣ:

„До сего времени“,—доносилъ онъ Государю,—„пѣль всѣхъ движений клонилась къ тому, чтобы, завладѣвъ Гельсингфорсомъ, имѣть случай предпринять что-либо рѣшительное противу Свеаборгскихъ укрѣплѣній и чтобы, или разсѣять непріятеля, или, стѣсня его къ сѣверу, очистить полуденную часть шведской Финляндіи, дабы къ веснѣ берега сей части ея были въ повелѣніи нашемъ... Отступленіе непріятеля къ Таммерфорсу показываетъ или слабость силъ его, или намѣреніе собрать остатки онъхъ. Слѣдственно, позиціи при Таммерфорсѣ и при Бьернеборгѣ не могутъ также быть постоянными. А какъ отъ стороны Саволакса шведскія войска также отступаютъ, то и предполагать должно, что непріятель намѣренъ соединиться въ окрестностяхъ Вазы съ тѣмъ, чтобы или рѣшительно намъ противиться, или, отвлекая до весны силы наши къ сѣверу, во время открытия водъ устремиться на берега полуденной Финляндіи“¹⁾.

Такимъ образомъ, обстановка намѣчала двѣ важныя цѣли, при томъ—въ расходящихся направленияхъ. Болѣе осторожное рѣшеніе предпочло бы сперва обезпечить за собою утвержденіе въ южной части края. Надо было очистить ее отъ непріятельскихъ войскъ, а затѣмъ, принявъ оборонительное положеніе и не прекращая широкой развѣдки къ сторонѣ противника, обратиться противъ Свеаборга и Свартгольма, овладѣніе которыми было во всякомъ случаѣ гораздо легче зимою, чѣмъ по вскрытии водъ²⁾). Другое, болѣе смѣлое рѣшеніе, требовало неотступнаго преслѣдованія противника, ограничи-

¹⁾ Д. В. Ист. Арх. Гл. Упр. Ген. № 1651.

²⁾ Этому плану, между прочимъ, сочувствовалъ и Спертгортенъ, о чёмъ будетъ сказано подробнѣе при изложеніи операций подъ Свеаборгомъ.

валось простымъ наблюденіемъ за крѣпостями, съ назначеніемъ для того самыхъ ограниченныхъ силъ. До вскрытия водъ, а слѣдовательно, до возможной присылки моремъ подкѣплений къ Свеаборгу и въ южную Финляндію оставалось (до конца апрѣля) еще по крайней мѣрѣ 2 мѣсяца, во время которыхъ, при условіи примѣненія полной энергіи, можно было разсчитывать достигнуть рѣшительныхъ результатовъ.

Въ Тавастгусѣ распоряженія Буксгевдена были слѣдующія:

1) Князя Багратіона съ 21-ю дивизіей онъ назначилъ для преслѣдованія Клингспора, причемъ направилъ его *не по паралельному*, а по тому же самому пути. Отъ дивизіи Багратіона былъ еще отдѣленъ на западъ отрядъ генераль-маюра Шепелева для занятія Або, причемъ конницу свою онъ долженъ былъ послать еще дальше, на Аландъ, съ цѣлью „пресѣчь сообщеніе Стокгольма съ Финляндіею“. Отъ 17-й дивизіи отдѣленъ былъ еще отрядъ Тучкова 3-го для занятія Экнеса и Гангѣ и установленія связи между Або и Гельсингфорсомъ.

2) Тучкову 1-му приказано было идти фланговымъ маршемъ по перекъ всей внутренней Финляндіи, направляясь къ Вазѣ съ цѣлью предупредить тамъ Клингспора, поставить его „между двухъ огней“ и помѣшать ему отступить въ Швецію.

3) Самъ главнокомандующій съ остальными войсками, т. е. съ 17-ю дивизіею и прибывшими къ ней подкѣпленіями, намѣренъ былъ обратиться къ дѣйствіямъ противъ крѣпостей, т. е. главнымъ образомъ Свеаборга.

Отсюда видно, что 30.000 корпусомъ¹⁾ одновременно рѣшилась даже не двѣ, а цѣлыхъ три задачи: 1) преслѣдованіе отступающаго на сѣверъ противника; 2) оккупациія очищенныхъ имъ областей и занятіе прибрежныхъ пунктовъ, и 3) дѣйствія противъ крѣпостей въ цѣляхъ обеспеченія нашей операционный линіи.

Считаемъ справедливымъ указать, что главная причина допущенной разброски силъ,—тяготы къ Свеаборгу, едва ли исходила отъ самого графа Буксгевдена. Вдумываясь въ его всеподданійшія донесенія, касающіяся этой крѣпости, донесенія, весьма подробно излагавшія, до мелочей, соображенія о наиболѣшемъ способѣ дѣйствій, распоряженія по осадѣ и т. п., нельзя не прийти къ заключенію, что вопросомъ объ исходѣ операциіи противъ Свеаборга въ Петербургѣ интересовались многое больше, нежели исходомъ преслѣдованія шведскихъ полевыхъ войскъ, быстрое отступленіе которыхъ на сѣверъ похоже было на бѣгство. Въ Петербургѣ еще не понимали тѣхъ

¹⁾ Считая подошедшія подкѣпленія, хотя послѣднія, въ виду необходимости расходовать войска въ тылу, не внесли существенной перемѣны въ положеніе дѣла.

послѣдствій, къ которымъ можетъ привести неосторожное втягиваніе нашихъ войскъ по пятамъ шведовъ, безъ надлежащаго обезпеченія непомѣрно удлиннявшихся при этомъ сообщеній. Такое заблужденіе, зависѣвшее несомнѣнно и отъ „стороннихъ вліяній“, имѣло, вѣроятно, результатомъ извѣстное давленіе на Буксгевдена, вслѣдствіе котораго онъ особенно старательно давалъ отчетъ о своихъ распоряженіяхъ по дѣйствіямъ противъ Свеаборга.

Войска Багратіона для преслѣдованія были распределены слѣдующимъ образомъ:

Впереди авангардъ Янковича (вся конница—5 эскадроновъ и 1 сотня), который долженъ былъ возстановить соприосновеніе съ противникомъ; затѣмъ эшелонъ подъ командою Раевскаго и эшелонъ Сазонова, игравшій роль общаго резерва всей дивизіи, остальная часть которой (бригада Шепелева) направлена была къ Або.

27-го февраля Клингспоръ двинулся изъ Таммерфорса къ сѣверу. Послѣдній отступавшій баталіонъ шведовъ былъ настигнутъ Янковичемъ на южной окраинѣ города (у двора Хатанпя), но съ одною кавалеріею послѣдній не могъ его выбить; только появленіе подходившаго форсированнымъ маршемъ 2-го егерскаго полка заставило шведовъ очистить позицію¹⁾). Благодаря распоряженіямъ Адлеркрайца, шведамъ удалось съ 1 эскадрономъ и 1 слабымъ баталіономъ задержать Янковича въ теченіе 3-хъ часовъ, пользуясь чѣмъ вывезены были изъ Таммерфорса на 2.000 подводахъ всѣ бывшия тамъ запасы.

Изъ Таммерфорса Янковичъ произвелъ развѣдку, для выясненія направленія дальнѣйшаго отступленія шведовъ, послѣ чего донесъ, что главная масса шведовъ отходитъ къ Бьернеборгу. Вслѣдствіе этого на пути Таммерфорсъ—Ваза оставленъ былъ только Кульневъ (1 баталіонъ, $\frac{1}{4}$ эскадрона, 1 орудіе), который долженъ былъ войти въ связь съ Тучковымъ; все остальное повернуто на Бьернеборгъ, имѣя по прежнему впереди кавалерію Янковича.

Не доходя Бьернеборга Клингспоръ оставилъ у д. Хайстила арьергардъ Гриппенберга, дабы задержать русскихъ на время вывоза изъ города казеннаго имущества. Кроме того три моста между Харьявальта и Хайстила были сожжены. Шведы снова задержали пѣхотнымъ огнемъ кавалерію Янковича, которая опять ждала подхода своей пѣхоты¹⁾). Багратіонъ послалъ 25-й егерскій полкъ, который, послѣ канонады, бросился въ атаку на деревню, гдѣ засѣли шведы. Но они не выдержали атаки и отошли на главную позицію въ д. Ульфсбю, которую также принуждены были очистить подъ анфиладною стрѣльбою батареи, поставленной Багратіономъ на дру-

¹⁾ Поучительные примѣры вреда несамостоятельности конницы.

гомъ берегу рѣки Кумо. Батарея эта преслѣдовала шведовъ огнемъ до наступленія темноты. Въ ночь съ 5-го (17) на 6-е (18) марта шведы очистили городъ, частью истребивъ, частью забравъ съ собою бывшіе тамъ запасы и продолжали отступленіе по береговой дорогѣ къ Вазѣ; Янковичъ тотчасъ же овладѣлъ Бьернеборгомъ.

Дорога, по которой повелъ Клингспоръ свое отступленіе, все время слѣдуетъ вдоль побережья Ботническаго залива, не отходя отъ него нигдѣ далѣе 15-ти верстъ. Князь Багратионъ намѣренъ былъ неотступно продолжать преслѣдованіе по пятамъ за шведами. Но приказаніе, полученное отъ графа Буксгевдена, вводило новое раздѣленіе силъ:

1) Преслѣдованіе Клингспоря возложено на отрядъ Раевскаго, въ составѣ всего 12-ти ротъ пѣхоты, эскадрона гусаръ, 40 казаковъ и 5-ти орудій.

2) Багратионъ долженъ быть, занявъ гарнизонами Ништадтъ и Раумо, идти на поддержку Шепелева, посланного, какъ уже сказано, для занятія Або и Аланда.

Въ отношеніи къ военному министру графу Аракчееву¹), графъ Буксгевденъ объяснялъ свое рѣшеніе необходимостью „занять достаточнымъ гарнизономъ Або и Абовскую область, по вліянію ея на Финляндію важнѣйшую“ и „невозможностью употребить для сего предмета находившіяся у Свеаборга войска“.

Итакъ, начиная съ 7-го марта, преслѣдованіе шведскихъ войскъ велось, въ сущности, ничтожными силами, такъ какъ отряды Раевскаго и Кульнова въ общей сложности не превышали *двухъ съ небольшимъ тысячъ человѣкъ*.

Главнымъ же предметомъ дѣйствій нашихъ, въ сущности, является Або. Занятію этого пункта придавалось настолько важное значеніе, что во главѣ направленныхъ туда войскъ стала самъ главнокомандующій. 10-го марта русскіе вступили торжественно въ Або при самой мирной обстановкѣ. Шведскія команды удалились изъ города заблаговременно на Аландскіе острова; слѣдомъ за ними посланы были казаки и 1 баталіонъ Вуича по льду, которые и заняли Аландъ безъ боя. Одновременно нашими отдѣльными отрядами безпрепятственно были заняты Экенесъ и Ганге (9-го марта); въ то же время (6-го марта) сдался Муханову гарнизонъ Свартгольма. Нѣсколько позже изъ Либавы посланъ былъ особый отрядъ Бодиско для занятія острова Готланда, о чемъ было только сообщено для свѣдѣнія Буксгевдену.

„Чрезъ занятіе города Або,—доносилъ 12-го марта Буксгевденъ Государю,—Великое Княжество Финляндское по всѣмъ отношеніямъ

¹) Д. В.-Ист. Арх. Ген. шт. № 1651.

можно считать покореннымъ Высочайшей волѣ и власти Вашего Императорскаго Величества" и, излагая выгоды для Россіи отъ пріобрѣтенія Финляндіи, просилъ Высочайшаго указа о созывѣ земскихъ чиновъ и приводѣ къ присягѣ.

Вслѣдъ засимъ издана была извѣстная декларациѣ отъ 16-го марта, заключавшаяся нижеслѣдующими словами:

„Его Императорское Величество возвѣщаетъ всѣмъ державамъ европейскимъ, что отнынѣ часть Финляндіи, которая доселѣ именовалась шведскою и которую войска россійскія не могли занять, какъ выдержавъ разныя сраженія, признается областю, россійскимъ оружіемъ покоренною, и присоединяется навсегда къ Россійской Имперіи".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Государь обратился къ населенію Финляндіи съ особымъ Манифестомъ (20-го марта), въ которомъ, между прочимъ, возвѣщалъ:

„Страну сию, оружіемъ нашимъ такимъ образомъ покоренную, Мы присоединяемъ отнынѣ навсегда къ Россійской Имперіи и вслѣдствіе того повелѣли Мы принять отъ обывателей ея присягу на вѣрное Престолу Нашему подданство".

Въ то же время Императоръ Александръ Павловичъ счелъ нужнымъ сообщить о томъ же событии своему союзнику Наполеону собственноручнымъ письмомъ нижеслѣдующаго содержанія (переводъ):

„Государь братъ мой. Пишу эти строки Вашему Величеству, чтобы извѣстить, что вся Финляндія завоевана. Остается только Свеаборгская крѣпость, которая еще держится; но комендантъ началь уже переговоры и, надѣюсь, въ скоромъ времени она капитулируетъ. Шведскій король нашелъ возможнымъ подражать туркамъ и заточилъ моего посла въ Стокгольмъ. Я не хотѣлъ отвѣтить ему тѣмъ же, но объявилъ шведскую Финляндію русскою провинцію. Того требовала безопасность моей столицы, какъ Ваше Величество очень вѣрное сами находили. Жалѣю, что непрочный ледъ препятствуетъ движенію моей арміи черезъ море у Алланда; она была бы тогда въ трехъ переходахъ отъ Стокгольма. Велѣлъ испытать выше со стороны Вазы. Отпытіе войскъ Вашего Величества и соединеніе ихъ съ датскими въ Шоніи окончательно лишитъ англичанъ возможности распространиться и въ Балтійскомъ морѣ; даже если они и войдутъ туда, то не могутъ удержаться, не имѣя портовъ. Засимъ, Государь братъ мой, молю Бога, чтобы Онъ сохранилъ Ваше Императорское Величество подъ Святымъ Своимъ Кровомъ".

Тогда же было составлено, по наущенію Спренгпортена и его сообщниковъ, особое обращеніе къ шведскимъ офицерамъ, въ видѣ письма къ графу Клингспору, имѣвшаго цѣлью побудить шведовъ

прекратить сопротивление. Посланный съ этимъ письмомъ въ видѣ парламентера нѣкій баронъ Гагельстремъ, шведъ родомъ, состоявшій при русской главной квартирѣ, пытался во время пребыванія въ шведскомъ лагерѣ внушать офицерамъ шведскихъ войскъ, какія ихъ ожидаютъ преимущества въ случаѣ „почетной капитуляціи“, къ чему многие охотно склонялись, ища лишь благовиднаго предлога (*un prétexte honorable pour capituler*). Кроме того отъ начальника 1-й колонны, Тучкова 1-го, также передано было подобнаго же рода письменное воззваніе (по-шведски) къ офицерамъ и унтеръ-офицерамъ.

Обращенія эти успѣха не имѣли, а на письмо Буксгевдена было напечатано въ Стокгольмскихъ газетахъ рѣзкое возраженіе, въ которомъ „содержаніе сего письма, призывающаго армію къ измѣнѣ долгу вѣрноподанныхъ“, признавалось „такъ недостойно, что приличіе не позволяетъ обнародовать его“.

Тѣмъ временемъ Кульевъ и Раевскій безостановочно продолжали преслѣдовывать обѣ колонны отступавшихъ шведовъ.

Укутанные въ овчины и звѣринные кожи, финскіе солдаты (по словамъ участника этой войны) утратили воинскій видъ, но не оставляли за собою ни отсталыхъ, ни бѣглыхъ. Впрочемъ, въ отношеніи снабженія всѣмъ необходимымъ они были въ несравненно лучшыхъ условіяхъ, чѣмъ русскіе ихъ преслѣдователи: они получали все нужное на мѣстѣ отъ земляковъ—обязанныхъ довольствоваться проходящія войска по правиламъ поселенной системы; непріятелю же почти ничего не оставалось. Если, по словамъ письма Левенгельма къ Адлеркрейцу, „кровь застыала въ ногахъ у бѣдныхъ солдатъ“, то что-же приходилось терпѣть нашимъ воинамъ, которые безъ всякой теплой одежды, довольствуясь форменнымъ одѣяніемъ, неприспособленнымъ къ суровостямъ лютой зимы, ни на шагъ не отставали отъ врага, ежеминутно сталкиваясь съ ними въ мелкихъ стычкахъ отдѣльныхъ людей на узкихъ тропинкахъ между снежными сугробами? „Какъ звѣроловы перестрѣливались на нихъ солдаты или по-одиночкѣ кидались на противниковъ въ штыки и приклады“,—пишетъ Михайловскій-Данилевскій.

Преслѣдовавшій Адлеркрейца Кульевъ все время посыпалъ разѣѣзы вправо, дабы войти въ связь съ Тучковымъ, но безуспѣшно.

Еще до получения отъ Буксгевдена какихъ-либо приказаний, Тучковъ рѣшилъ продолжать наступленіе. Онъ оставилъ въ С. Михель небольшой гарнизонъ (всего 2 роты); батальонъ съ нѣсколькими казаками послалъ по пятамъ Кронстедта (по выясненіи пути его отступленія), а остальная войска раздѣлилъ на двѣ колонны, изъ коихъ одну (слабѣйшую—3 батальона) направилъ кратчайшимъ путемъ на Кайтайсъ-Шексемяки, а другую (сильнѣйшую—9 батальоновъ)—на Варкаусъ-Леппиявирта.

Къ 23-му февраля, т. е. ко дню занятія нами Тавастгуса на западномъ театрѣ, бригада Кронстедта успѣла быстро перебросить свои главныя силы отъ С. Михеля къ Леппявирта. Изъ прежняго вынесенного впередъ и на флангъ опаснаго положенія, эти главныя силы благополучно вышли и стали, такъ сказать, въ затылокъ Варкаусскому гарнизону, превратившемуся теперь какъ бы въ арьергардъ. Кронстедтъ расположился у Леппявирта по квартирамъ, причемъ, по условіямъ разселенія финскихъ крестьянъ, долженъ былъ волей-неволей разбросаться. Между тѣмъ, въ ночь съ 25-го на 26-е февраля, начальникъ Варкаусского гарнизона маіоръ фонъ-Терн, при одномъ появлениі головы русской колонны, очистилъ Варкаусъ безъ боя. 27-го числа нами занять этотъ довольно важный укрѣпленный пунктъ внутренней Финляндіи, въ которомъ оказалось брошеннымъ 21 орудіе, 66 трехъ-фунтовыхъ фальконетовъ и нѣсколько снарядовъ. Озерную флотилію шведы успѣли сжечь. Въ тотъ же день русскій авангардъ (въ составѣ 3-хъ батальоновъ, двухъ эскадроновъ гусаръ и полусотни казаковъ) продолжалъ наступленіе на сѣверъ.

Высланные на развѣдку шведскіе лыжники были настигнуты, не доходя 5-ти верстъ до расположенія Кронстедта на отдалѣніи, и быстро сбиты нашими головными частями, шедшими тоже на лыжахъ, на ледъ озера Уннукавези; но ихъ поддержалъ батальонъ Саволакскаго полка, стоявшій южнѣе Леппявирты по отдѣльнымъ дворамъ. Русскій авангардъ смѣло атаковалъ шведовъ, собиравшихся по тревогѣ. Порядокъ слѣдованія его былъ такой: вся конница, всѣ стрѣлки (штуцерники), батальонъ егерей, 6 орудій. Такимъ образомъ, войска, обученные разсыпному строю и лыжеходству, идутъ въ головѣ отряда. Наши развернули фронтъ на льду озера, артилерія въ срединѣ, пѣхота по бокамъ, конница — въ тылу и на флангахъ пѣхоты, а стрѣлки (егеря) разсыпались цѣпью на лѣвомъ флангѣ боевого порядка противъ шведскихъ лыжниковъ. Кромѣ того, батальонъ 24-го егерскаго полка посланъ былъ продолжать движение по большой дорогѣ, для обхода лѣваго фланга шведовъ. (См. черт. № 2).

Изъ шведскихъ источниковъ видно, что разбросанное положеніе шведовъ и одновременное появленіе русскихъ на льду озера и на прежнемъ пути слѣдованія (гдѣ одинъ батальонъ былъ принятъ за голову *всего* авангарда), заставило Кронстедта впасть въ ошибку: онъ вообразилъ, что войска, двигающіяся по льду, — какая-то новая, обошедшая его съ востока, колонна. Тѣмъ не менѣе онъ попытался устроить свой отрядъ на льду, но фланговый огонь нашихъ егерей, взобравшихся на крутой лѣсистый берегъ, и атака конницы на лѣвый флангъ боевого порядка разстроили шведовъ. И, несмотря на успѣхъ маіора Эрнрота, сбившаго на сушѣ нашъ обходный ба-

тальонъ и даже угрожавшаго флангу и тылу нашего авангарда, Кронстедтъ, опасаясь быть обойденнымъ слѣва и отрѣзаннымъ отъ пути на Куопіо, рѣшилъ отступить.

Бой у Леппявирты (въ которомъ, по счету шведскихъ источниковъ, со стороны русскихъ участвовалъ $1\frac{1}{2}$ тыс. авангардъ Тучкова, а у шведовъ не менѣе $2\frac{1}{2}$ —3 тыс. человѣкъ), былъ первымъ болѣе продолжительнымъ и упорнымъ столкновеніемъ сторонъ въ эту войну, длившимся около шести часовъ времени, съ 2 до 8 пополудни. Прочие арьергадные бои были въ сущности, простыми стычками, въ которыхъ шведы быстро отступали, не доводя до рѣшительного столкновенія.

Въ этомъ бою на нашей сторонѣ замѣтно значительное превосходство надъ шведами въ гибкости тактическихъ приемовъ. Неожиданное разворачиваніе боевого порядка на льду озера, противъ центра разбросанного квартирнаго района шведовъ; направление одного батальона по прежнему пути слѣдованія, закрытому дефиле, въ которомъ этотъ батальонъ легко сошелъ за голову всей колонны, пользованіе стрѣлками на лѣсистомъ крутомъ берегу лѣваго фланга боевого порядка и ударъ конницей, сперва убранный назадъ, на правомъ флангѣ—все это иріемы, показывающіе со стороны нашихъ младшихъ начальниковъ, уже въ самомъ началѣ кампаниі, умѣніе быстро схватывать своеобразную обстановку и примѣняться къ ея условіямъ. Въ этомъ, очевидно, сказывался результатъ боевого опыта, а также видны слѣды Суворовской школы. Что касается до шведовъ, то, проявивъ надлежащую быстроту въ дѣлѣ сосредоточенія по тревогѣ изъ разбросанного квартирнаго расположенія и выказавъ храбрость, мужество, а также распорядительность и починъ со стороны младшихъ начальниковъ, они, въ лицѣ Кронстедта, поддались случайному впечатлѣнію несуществовавшаго обхода и преждевременно вывели войска изъ боя.

Втянувшись на льду озера за собою во фронтальномъ бою частью силъ, они только слегка побезпокоили наши фланги огнемъ стрѣлковъ, съ лѣсистыхъ береговъ озера, тогда какъ, по мѣстнымъ условіямъ, могли въ разгарѣ нашей атаки неожиданно выдвинуть стрѣлковыя цѣпи и огнемъ оттуда произвести крупное замѣшательство въ нашихъ рядахъ. Такова была, повидимому, мысль маиора Эрнрота, но Кронстедтъ не захотѣлъ ею воспользоваться.

1-го марта Кронстедтъ прошелъ Куопіо и продолжалъ быстро отступать на сѣверъ.

Наши войска послѣ боя утеряли соприкосновеніе съ противникомъ. Только 3-го марта авангардъ Тучкова подошелъ къ Куопіо, пройдя, такимъ образомъ, въ четверо сутокъ всего 60 верстъ. Швед-

скій арьергардъ оказалъ сопротивленіе сперва по южную, а затѣмъ по сѣверную сторону города, послѣ чего общее отступленіе на сѣверъ продолжалось. Туда же быстро отходили и корельские егера, занимавшіе Тайпале (близъ Йоенсуу).

По занятіи Куопіо 4-го марта, Тучкову предстояло решить только что полученную имъ передъ тѣмъ отъ Главнокомандующаго задачу—идти всѣми силами поперекъ Финляндіи къ цѣлью перехватить Клингспору путь отступленія.

Для выполненія такого приказанія предстояло совершить маршъ почти въ 400 верстъ, притомъ маршъ фланговый, таъ какъ бригада Кронстедта, отступившая сѣвернѣе Куопіо, могла перейти въ наступленіе и действовать Тучкову въ тылъ.

Рѣшаясь направить Тучкова въ тылъ Клингспору со всѣми силами его дивизіи, Буксгевденъ, на основаніи его же донесенія о взятіи С. Михеля, полагалъ, что бывшія въ Саволаксѣ шведскія войска разбиты или разсѣяны. Между тѣмъ Тучковъ, встрѣтивъ довольно серьезное сопротивленіе у Леппивирты и затѣмъ у Куопіо, считалъ невозможнымъ вовсе оставить противника безъ вниманія, вполнѣ основательно предвидя, что онъ не преминетъ воспользоваться его уходомъ на западъ для обратнаго захвата Куопіо. „Непріятель противъ меня въ 3.000 человѣкъ,—доносилъ онъ Главнокомандующему,—а потому, ежели его не преслѣдовать, или оставить несоразмѣрный гарнизонъ въ Куопіо, то, безъ сомнѣнія, шведы, возвратясь, займутъ опять сей городъ, чѣмъ отрѣжутъ наше продовольствіе... а сверхъ того, распространясь въ занятыхъ кирхишиахъ (т. е. приходахъ), будутъ стараться они усиливать себя рекрутами, чего они по скорому движенію войскъ произвѣсть не успѣли. Сіи важныя причины побудили меня сдѣлать о семъ представленіе и ожидать вашего повелѣнія: преслѣдовать ли мнѣ всѣми силами непріятеля къ Улеаборгу, или оставить отрядъ въ Куопіо, какихъ силъ, и съ чѣмъ потомъ слѣдовать къ Вазѣ, ибо за исключеніемъ отряда, посланного съ полковникомъ Турчаниновымъ, и другого въ Хейнола, остается у меня, за выключеніемъ больныхъ и раненыхъ, не больше 4.000 рядовыхъ.“

Вмѣсто предписаннаго ему движенія всѣми силами къ Вазѣ, Тучковъ взялъ на себя направить туда лишь Турчанинова съ двумя баталіонами егерей, 1 эскадрономъ, 15-ю казаками и 2-мя орудіями, около 1.000 человѣкъ; остальные силы, впредь до выясненія, онъ распредѣлилъ такъ: 5 баталіоновъ съ эскадрономъ гусаръ и казаками направилъ за Кронстедтомъ, а остальные два полка оставилъ на квартирахъ въ Куопіо, въ видѣ общаго резерва дивизіи.

Пока донесеніе Тучкова было въ пути (Куопіо—Тавастгусъ, 370 верстъ), пришло новое приказаніе главнокомандующаго, подтверждав-

шее первоначальное распоряжение идти къ Вазѣ, но указывавшее теперь на необходимость отдать за Кронстедтомъ небольшой отрядъ и притомъ не на дальнее разстояніе, дабы не имѣть опасенія, что онъ можетъ быть отрѣзанъ отъ главныхъ силъ дивизіи, направляющіхся къ Вазѣ. Тогда Тучковъ 7-го марта выступилъ во слѣдъ Турчанинову съ 6-ю баталіонами и двумя сотнями (около 3 тыс.), оставилъ въ Куопіо Булатова съ 3-мя баталіонами и эскадрономъ гусаръ (около 1.500 человѣкъ).

Въ моментъ получения Тучковымъ первого приказанія Буксгевдена, т. е. 4-го марта, Клингспоръ былъ въ Бьернеборгѣ, откуда до Вазы ему оставалось всего 179 верстъ. Уже одного взгляда на карту достаточно, чтобы понять, что расчеты наши были ошибочными, особенно при запозданіи на три дня, обусловленномъ вышеупомянутыми обстоятельствами. Неуспѣхъ становился неизбѣжнымъ даже при условіи выполненія позднейшей поправки, заключавшейся въ измѣненіи направлениія движенія Тучкова не на Вазу, а на Гамла—Карлебю. Приказаніе это захватило Тучкова уже въ дорогѣ, но онъ занялъ Гамла—Карлебю только 28-го марта, когда Клингспоръ подходилъ уже къ Брагестадту.

Въ Гамла—Карлебю Тучковъ соединился съ Раевскимъ и Кульневымъ, выступилъ въ начальство надъ ними какъ старшій и направилъ Кульнева къ Якобштадту для выясненія дальнѣйшихъ намѣреній непріятеля.

Графъ Буксгевденъ обвинялъ Тучкова въ крушенніи задуманного имъ плана. Онъ доносилъ Государю, что Тучковъ „ниспровѣргнулъ всю операцию“. Между тѣмъ, по условіямъ времени, разстояній, а также той скорости движеній, которая возможна была для нась въ зимнее время года, по глубокимъ сугробамъ, замыселъ Буксгевдена оказывался трудноосуществимъ. Во вскомъ случаѣ Тучкову слѣдовало нѣсколько болѣе форсировать свое движеніе¹⁾ и хотя бы воспользоваться своею конницею (у него и у Турчанинова было вмѣстѣ 1 эскадронъ и 2 сотни), которая можетъ быть успѣла бы опередить Клингспоря и, быть можетъ, нѣсколько задержать его движеніе²⁾.

Съ прекращеніемъ нашего преислѣданія, Кронстедту съ его Саволакской бригадой было легко продолжать отступленіе къ Улеаборгу. Сообразно съ предписаніемъ Клингспоря, отступленіе это надлежало ему совершать возможно медленнѣе. Въ дѣйствительности, какъ разъ наоборотъ, быстрота отступленія Саволакской бригады продолжала возрастать и дошла до лихорадочной поспешности. Вы-

¹⁾ Средняя скорость движенія Тучкова за время этого трехнедѣльного марша—17,3 в. въ сутки (370 в. въ 21 день), тогда какъ Кронстедтъ двигался со средней скоростью болѣе 23 верстъ въ сутки (484 версты въ 21 день).

²⁾ Надо замѣтить, что быстрому движению конницы мѣшалъ глубокій снѣгъ.

ступивъ изъ Куопіо, какъ извѣстно, 4-го марта, онъ уже 17-го (29-го вступилъ въ Улеаборгъ, сдѣлавъ, такимъ образомъ, въ 13 дней 285 съ липнимъ верстъ.

Кронстедту имѣлъ общее приказаніе Клингспоря отступать къ Улеаборгу, но ему неоднократно подтверждалось, чтобы онъ это дѣлалъ „съ возможной осторожностью и настолько медленно“, насколько это возможно безъ риска. Удобнымъ пунктомъ для задержанія русскихъ являлось, между прочимъ, Иденсальми; если бы Кронстедтъ пристановился здѣсь и попытался развѣдать о противнике, то онъ имѣлъ бы возможность убѣдиться въ томъ, что главныя силы Тучкова ушли на западъ, что передъ нимъ только слабый отрядъ Булатова, и тогда онъ не только имѣлъ бы основаніе удержаться у Иденсальми, но даже вновь захватить Куопіо, т. е. сдѣлать какъ разъ то самое, чего опасался Тучковъ.

Въ виду значенія внутренней котловины Финляндіи, какъ труднодоступнаго района на флангѣ нашихъ операционныхъ путей къ сѣверу, шведамъ надлежало употребить всѣ усилия, чтобы здѣсь удержаться. Поэтому Клингспору, выполняя планъ короля и стремясь втянуть возможно глубже на сѣверъ за собою русскихъ, не слѣдовало направлять туда же и Кронстедта, а наоборотъ, требовать отъ него, чтобы онъ удерживался въ Саволаксѣ до послѣдней крайности. Обстановка какъ разъ благопріятствовала этому, такъ какъ Буксгевденъ, задавшись увлекательнымъ планомъ отрѣзать Клингспору путь отступленія на сѣверъ, почти совершенно оголилъ Саволаксъ.

Такимъ образомъ, къ 1-му апрѣля положеніе сторонъ представлялось въ слѣдующемъ видѣ:

А) *Русские*: 1) Графъ Каменскій¹⁾ съ 9 тысячами (17-я дивизія и часть 41-й), большую частью силъ дѣйствовалъ противъ крѣпости Свеаборга, имѣя небольшіе отрада въ Ганге, Борго и Свартгольмѣ.

б) Князь Багратіонъ (большая часть 21-й дивизіи, около 6 тысячъ) разбросанъ былъ въ районѣ Або—Ваза—Тавастгусъ, имѣя небольшой отрядъ Вуича на Аландѣ.

в) Тучковъ 1-й (части 21-й и 5-й дивизій), около 5 тысячъ у Гамла-Карлебю.

г) Булатовъ, направленный вслѣдъ Кронстедту, около $1\frac{1}{2}$ тысячъ (остальные войска 5-й дивизіи)—на маршѣ изъ Куопіо въ Улеаборгъ.

Всего *немного* болѣе 21 тысячи. Остальное было въ гарнизонахъ, на эстакадѣ и въ госпиталяхъ.

¹⁾ Вступившій въ командованіе 17-ю дивизіей взамѣнъ князя Горчакова.

Б) Шведы: а) Кронстедтъ (около 3 тыс.) со своею бригадою достигъ Улеаборга.

б) Клингспоръ (около 6 тыс.) двигался между Пюхяюки и Брагестадомъ.

в) б тыс. гарнизонъ продолжалъ бездѣйствовать въ Свеаборгскихъ укреплениахъ.

Всего не болѣе 15—16 тысячъ.

Сопоставляя распределеніе силъ обоихъ противниковъ, легко замѣтить, что шведы, за выключеніемъ гарнизона Свеаборга, предоставленного собственной судьбѣ, всѣ остальные силы имѣли сосредоточенными, тогда какъ въ нашемъ финляндскомъ корпусѣ болѣе двухъ третей силъ было разбросано на обширной площади (ограниченной съ сѣверо-востока, примѣрно, линіей Ваза—Тавастгусъ—Ловиза), а въ направлении важнѣйшемъ, противъ живой силы противника, отъ дальнѣйшаго существованія которой все зависѣло, наступало менѣе одной трети (около 6 $\frac{1}{2}$ тысячъ), да и то въ двухъ группахъ, раздѣленныхъ труднопроходимою мѣстностью и разстояніемъ въ нѣсколько переходовъ.

Обстановка,—снова (какъ и подъ Тавастгусомъ) отвѣчала для шведовъ возможности нанесенія намъ частнаго пораженія, тѣмъ болѣе, что Тучковъ и Булатовъ, по условіямъ разстояній, не только не смѣли расчитывать на поддержку бывшихъ позади войскъ (ближайшая группа Багратиона была въ Вазѣ, т. е. въ 160-ти съ лишнимъ verstахъ), но даже, отступая на своихъ, при энергичномъ противникеъ, могли рисковать цѣлью рядомъ кризисовъ.

Опасность такого положенія венцей, видимо, у насъ вовсе не замѣчалась. Мы были какъ бы ослѣплены блескомъ быстрого успѣха, доставившаго намъ большую часть шведской Финляндіи, которая была для насъ цѣлью всей войны. Тогда совершенно не предвидѣли, чтобы отступленіе шведовъ было преднамѣреннымъ; его приняли за признакъ слабости, за бѣгство.... Убѣждение въ этомъ было такъ сильно, что графъ Буксгевденъ не только настойчиво понуждалъ Тучкова и Булатова, требуя преслѣдованія до самаго Улеаборга, но приступилъ уже (по запросу свыше) къ составленію плановъ дѣйствій противъ Швеціи....

Обратно, шведы не могли себѣ даже представить, что ихъ противникъ рѣшился на преслѣдованіе слабѣйшими силами и несомнѣнно предполагали русскія войска Тучкова, Раевскаго и Кульгина болѣе многочисленными, чѣмъ было въ дѣйствительности; они принимали ихъ за авангарды, за которыми, очевидно, слѣдуютъ подобающія главныя силы. Посланному графомъ Буксгевденомъ въ шведскій лагерь переговорщику Гагельстрему, шведскіе офицеры говорили, что по ихъ

свѣдѣніямъ русскихъ вступило въ Финляндию до 60-ти тысячъ. Отсюда постоянный страхъ Кронстедта, что его „отрѣжутъ“ (слово „couperas“ безпрестанно повторяется въ его донесеніяхъ); отсюда его послѣшное бѣгство къ Улеаборгу и т. д. Организація развѣдки у шведовъ хромала; употребленія конницы съ этого цѣлью не видно вовсе; пѣхота (лыжники) могла дать только развѣдку ближнюю; мѣстное населеніе (насторы и проч.), напуганное новымъ нашествіемъ „русскихъ варваровъ“, давало, естественно, свѣдѣнія преувеличенныя....

Еще во время отступленія Клингспоромъ были приняты нѣкоторыя организаціонныя мѣры. Такъ, попутно были сформированы сперва 3-я, а затѣмъ 5-я бригады (Саволакская бригада считалась 4-й). Затѣмъ Клингспоръ располагалъ принять оборонительное положеніе, намѣчая своимъ бригадамъ квартирные районы въ окрестностяхъ Улеаборга.

Въ такомъ положеніи Клингспоръ расчитывалъ оставаться до конца зимы, а съ началомъ весны полагалъ воспользоваться перерывомъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, неминуемымъ во время половодья, чтобы пополнить свои силы¹⁾.

По занятіи нами Гамла-Карлебю 30-го марта авангардъ Кульнева²⁾ продвинулся на сѣверъ къ Лохтеа; 3-го апрѣля авангардъ достигъ Васанкари, а главныя силы Тучкова дошли до Калааюки. Здѣсь Тучковъ получилъ донесеніе о томъ, что южнѣе Пюхяюки находится шведскій арьергардъ. Тучковъ рѣшилъ атаковать; но это уже было выполнено самимъ Кульневымъ. Этотъ смѣлый авангардный начальникъ „со свойственною ему отвагою опрокидывалъ непріятельскіе передовыя посты“, настигнувъ шведовъ у селенія Юппери, онъ двинулъ на нихъ (около 3 час. 30 мин. дня) съ фронта пѣхоту съ артиллерией вдоль большої дороги, а всю конницу съ баталіономъ егерей, подъ командою маиора Силина, направилъ черезъ ледь въ обходъ праваго крыла шведовъ, гдѣ пролегалъ ихъ путь отступленія³⁾.

Покамѣстъ Силинъ обходилъ лѣсистый мысъ, вдающійся въ море, самъ Кульневъ началъ обстрѣливать позицію шведовъ артиллерійскимъ огнемъ, а егеря разсыпались по опушкѣ лѣса. Завязался стрѣлковый бой.

Со стороны шведовъ оборонялась бригада Гриппенберга, который направилъ фонъ-Дебельна съ баталіономъ нюландцевъ дѣйствовать на фронтѣ, а другой баталіонъ фонъ-Эссена для предупрежденія

¹⁾ Съ раздробленіемъ на 5 бригадъ 9-ти тысячъ Клингспоромъ войска его, въ сущности, представляли собою *только кадры* (первоначальная числительность шведской бригады была около 3 тысячъ человѣкъ). Позже, весною, эти кадры были пополнены.

²⁾ Усиленный частью войскъ Тучкова и доведенный до состава 3-хъ баталіоновъ, 6 орудій, 2-хъ эскадроновъ и 2-хъ казачьихъ сотенъ—1.000 человѣкъ.

³⁾ Сухтеленъ ошибочно ставитъ самого Кульнева во главѣ обходной колонны.

обхода справа. Остальные войска (два батальона) Гриппенбергъ отвелъ по направлению къ Пюхяюки, но верстахъ въ двухъ за Юпперскимъ мостомъ занялъ позицію, дабы облегчить отступленіе Дебельна и Эссена.

По полученіи донесенія Гриппенберга о боѣ, пылкій Левенгельмъ (начальникъ штаба Клингспорса) настаивалъ на томъ, чтобы оказать сопротивленіе русскимъ и добился согласія Клингспорса. Адлеркрайцу (бригада которого была ближайшою) было приказано обходить по льду наше лѣвое крыло, Пальмфельду со своей бригадой—занять крѣпкую позицію у Пюхяюки. Самъ Левенгельмъ выпросился у Клингспорса впередъ для руководства боемъ. Онъ засталъ Гриппенберга на позиціи за мостомъ у деревни Віиретъ, гдѣ уже вся его бригада сосредоточилась послѣ пятничасового боя. Несмотря на это Левенгельмъ приказалъ продолжать оборону этой тѣснинѣ. Артиллерію расположили для обстрѣливанія дороги, пѣхоту (три батальона)—цѣпью, впереди и по бокамъ батареи, а сзади—4-й батальонъ въ резервѣ. Кульневъ рѣшительно атаковалъ крѣпкую позицію шведовъ съ фронта; поддержаній огнемъ артиллериі, подполковникъ Карпенковъ, съ цѣпью стрѣлковъ-егерей, усиленныхъ двумя ротами по крыльямъ, нѣсколько разъ цытался одолѣть шведовъ, но безуспѣшно. По мнѣнію шведскихъ историковъ, бой у Віиретъ могъ бы быть даже первою побѣдою шведовъ, если бы Клингспоръ, находившійся въ головѣ отступавшей колонны и, слѣдовательно, не знаяшій положенія дѣлъ, не отдалъ приказа объ отступленіи. Оно совершилось подъ прикрытиемъ аборцевъ фонъ-Дебельна „отстававшихъ каждую пядь земли“. Русскія войска продолжали преслѣдованіе до Пюхяюки, гдѣ встрѣтили свѣжую бригаду Пальмфельда. Кульневъ и здѣсь продолжалъ дѣйствовать по той же системѣ, т. е. одною колонною съ фронта вдоль дороги, а другою въ обходъ шведовъ справа черезъ ледъ. Послѣднему движенію шведы попытались противодѣйствовать, пославъ въ контр-атаку нюландскихъ драгунъ, но безуспѣшно. Во время одной изъ бывшихъ здѣсь кавалерійскихъ схватокъ Левенгельмъ, все время руководившій ходомъ этого *отступленія частями съ боемъ*, попался въ плѣнъ русскимъ фланкерамъ.

Обстоятельство это имѣло весьма существенное значеніе, такъ какъ замѣстителемъ Левенгельма въ роли начальника штаба „финской арміи“ явился Адлеркрайцъ, сдавшій свою бригаду фонъ-Дебельну. Адлеркрайцъ былъ однимъ изъ способнѣйшихъ шведскихъ офицеровъ; пользуясь довѣріемъ Клингспорса, онъ пріобрѣлъ вліяніе на всѣ послѣдующія операции.

Донесеніе Кронстедта о подходѣ сильной непріятельской колонны къ Пулькилла (это была колонна Булатова) заставило Клингспорса

нѣсколько видоизмѣнить намѣченное имъ расположение своихъ войскъ и придвинуть фронтъ ихъ ближе къ Улеаборгу. При этомъ 2-я и 3-я бригады направлены къ Сікайоки, а 1-я черезъ ледъ послана на о-въ Карлэ (западнѣе Улеаборга).

Нашъ авангардъ¹⁾ 5-го апрѣля снова достигъ сторожевой отрядъ шведовъ²⁾ въ пяти верстахъ южнѣе Сікайоки, у д. Хирваскаари. Егерямъ было приказано выбить шведовъ изъ занятой ими деревни; часть пѣхоты послана была вдоль побережья въ обходъ праваго фланга шведовъ, а конница маюра Силина—еще кружнѣе къ устью рѣки Сікайоки. Кульневъ все время воспроизводить одинъ и тотъ же приемъ атаки, который до сихъ поръ неизмѣнно доставлялъ ему и одинаковый результатъ—отступленіе шведского арьергарда до рѣши-тельного столкновенія.

Начальникъ арьергарда шведовъ Дѣбельнъ тотчасъ же пріоста-новился, поддержалъ своихъ и принялъ ихъ на себя. Приблизившись къ старому руслу рѣки Сікайоки (которая прежде впадала въ море на нѣсколько verstъ южнѣе) Дѣбельнъ получилъ приказаніе главно-командующаго прикрыть переправу всѣхъ силъ шведовъ черезъ рѣку. Тогда онъ занялъ своею бригадою гребень между обоими руслами рѣки: артилерія на дорогѣ, между пѣхотными цѣпями и на одной высотѣ съ ними; одинъ баталіонъ—непрерывною стрѣлковою цѣпью на краю оврага; за нимъ 3 баталіона въ сомкнутомъ строю, въ шах-матномъ порядке, въ видѣ резервовъ.

Кульневъ продолжалъ дѣйствовать по обычной своей системѣ; самъ рѣшительно наступалъ вдоль столбовой дороги, гдѣ вскорѣ занялъ южный берегъ стараго рѣчного русла стрѣлковою цѣпью почти безъ всякихъ поддержекъ, а Турчанинова съ 3-мъ баталіонами послалъ черезъ ледъ въ обходъ шведовъ справа; но конфигурація побережья заставила эту колонну, во избѣженіе слишкомъ кружнаго движенія, снова перейти на твердую землю и такимъ образомъ замѣнить предположенный обходъ простымъ охватомъ. Тѣмъ не менѣе и этотъ охватъ поселилъ тревогу среди шведовъ. Въ шестомъ часу вечера они были сбиты съ позиціи, фланги ихъ загнуты назадъ, а Кульневъ занялъ охватывающее положеніе.

Послѣ пятичасового непрерывнаго боя Дѣбельну, разстрѣлившему почти всѣ патроны, было приказано отойти на сѣверный берегъ рѣки (гдѣ уже располагались для обороны остальные двѣ бригады³⁾, а затѣмъ и далѣе, къ Луміоки.

¹⁾ Доведенный уже до 2.200 человѣкъ.

²⁾ Около 100 человѣкъ пѣхоты съ 1 орудіемъ и нѣсколькоими драгунами.

³⁾ Онѣ были возвращены съ пути Адлеркрайдомъ и прибыли сюда не ранѣе 5—6 ч. пополудни.

По получении Адлеркрайцомъ первого донесенія Дебельна, онъ обратилъ особое вниманіе на стремленіе русскихъ дѣйствовать обходомъ справа, черезъ ледъ. Кавалерійская развѣдка въ этомъ направлениі выяснила сосредоточеніе русской конницы на заливѣ, близъ входа въ устье рѣки Сикайоки. Это была конница маіора Силина, выжидавшая подходящаго мгновенія, чтобы вступить въ дѣло; оно не замедлило представиться, когда войска Дебельна переправлялись черезъ рѣку. Силинъ атаковалъ ихъ тотчасъ во флангъ, но Адлеркрайцъ, заблаговременно предвидя возможность такой атаки, расположилъ здѣсь заранѣе своихъ 3 эскадрона. Однако, наши гусары и казаки ихъ сбили и только огонь егерей и артилераи съ сѣвернаго берега рѣки заставилъ ихъ отступить.

Тѣмъ временемъ обѣ возвращенные назадъ бригады шведскихъ главныхъ силъ развернулись, 1-я къ сѣверу, а 3-я—къ югу отъ столбовой дороги. Боевой порядокъ состоялъ изъ цѣпей, разсыпанныхъ по краю рѣчного берега, вдоль всего фронта, на одной высотѣ съ артилерией, а сзади ихъ—сомнѣваемыхъ частей, въ ряду которыхъ оказались и вышеупомянутые три эскадрона кавалеріи; эти сомнѣваемыя части имѣли значеніе частныхъ резервовъ. Что-же касается общаго резерва, то въ роли его оказывался теперь арьергардъ Дебельна, отошедший къ Луміоки. Общее протяженіе фронта позиціи простиралось до 2.250 шаговъ; обстрѣль не превышалъ 450 шаговъ.

Какъ только Дебельнъ очистилъ свою позицію на лѣвомъ берегу рѣки, наши войска продвинулись безотлагательно впередъ и заняли этотъ берегъ. Турчаниновскіе егера успѣли даже поддержать огнемъ атаку конницы Силина. И Турчаниновъ, и Кульневъ, оба разсыпали свою пѣхоту цѣликомъ, почти безъ вся资料а резерва, причемъ растянулись болѣе, чѣмъ на 3.500 шаговъ, стараясь занять охватывающее положеніе. Артиллераи заняла высоту у кирки; но у Кульнева были только легкія пушки полковой артиллераи; шведы же имѣли 6-ти фунтовки—естественно они скоро заставили замолчатъ нашу батарею.

Кульневъ, который отъ головы до пятъ проникнуть былъ Суворовскимъ духомъ „наступательнаго“, рѣшилъ попытаться охватить лѣвый флангъ непріятеля и перекинуть съ этой цѣлью черезъ рѣку послѣднія двѣ роты; сперва маневръ какъ будто удался, но частный резервъ шведского лѣваго фланга занялъ опушку у д. Термэлэ и остановилъ охватъ. Уже Адлеркрайцемъ былъ отданъ (въ виду поздняго времени и утомленія людей) приказъ обѣ отступленіи; но видя чрезмѣрно растянутое расположеніе нашего авангарда, онъ рѣшилъ прорвать его центръ. Съ этой цѣлью онъ назначилъ нюландскихъ и тавастгуссихъ егерей, съ приказаніемъ штурмовать село Сикайоки, энергично обстрѣливаемое 6 фунтовками. Егера бросились въ атаку

разсыпнымъ строемъ, поддержаные 2-мя сомкнутыми ротами. Шведамъ удалось отодвинуть нашъ центръ только до Гертулы. Одновременно съ тѣмъ 2 роты посланы были Адлеререйцемъ противъ русскихъ стрѣлковъ, обошедшихъ шведскій лѣвый флангъ.

Несмотря на упорное сопротивленіе русскихъ, „оборонявшихся съ великою храбростью“, какъ свидѣтельствуютъ шведскіе историки, Кульневу пришлось отойти назадъ (см. черт. №№ 3 4).

Сінкайокское дѣло прославляется шведами, какъ первая ихъ побѣда. Современники сравнивали его (пишутъ наши историки этой войны, Сухтеленъ и Данилевскій) съ побѣдами грековъ подъ Мараѳономъ или Мантинеей, а также Бонапарта при Маренго. Нечего и говорить, въ какой степени это преувеличено. Нынѣшніе шведскіе историки нѣсколько скромнѣе въ своей оцѣнкѣ. Они считаютъ, что тактическій успѣхъ не принесъ шведамъ никакой стратегической выгода—такъ какъ они продолжали отступленіе—если не считать выясненія слабости своихъ преслѣдователей; съ этой точки зрењія Сінкайокский бой сыгралъ какъ бы роль усиленной разѣдки, причемъ добытыя имъ данныхъ имѣли результатомъ капитальный поворотъ въ положеніи сторонъ. Одержаній на полѣ битвы успѣхъ, однако, пріобрѣрилъ шведовъ, а послѣ Революкса духъ ихъ воспріянулъ окончательно.

Изъ хода самого боя замѣтно выдѣляется тактическое превосходство нашихъ войскъ. Чтобы одолѣть двухтысячный авангардъ Кульнева, отчаянно дравшійся безъ всякихъ резервовъ, шведамъ пришлось ввести въ дѣло болѣе чѣмъ втрое большее количество войскъ (6.300 человѣкъ). Кульневъ, слабѣйший, все время атакуетъ, все время держитъ въ своихъ рукахъ починъ, кромѣ послѣдняго эпизода боя—контръ-атаки шведовъ противъ центра. Кульневъ, слабѣйший, способенъ вести десять часовъ подрядъ бой всѣми силами безъ всякой смысли; у шведовъ арьергардъ Дебельна выдохся уже черезъ пять часовъ, хотя имѣлъ непосредственно за собою свѣжія части, а наши главныя силы были въ одномъ переходѣ позади Кульнева и, какъ оказалось, не шли на поддержку своему авангарду.

„Храбрый воинъ, но не стратегъ“, аттестуетъ Кульнева Михайловскій-Данилевскій, ставя ему въ упрекъ Сінкайокское дѣло, въ которомъ онъ „не соразмѣрялъ своихъ силъ съ силами непріятеля“.

Въ данномъ случаѣ упрекъ, какъ намъ кажется, направленъ не по тому адресу. Кульневъ, положимъ, дѣйствительно не способенъ былъ „мудрствовать лукаво“ и бралъ больше отвагою,—„быстротою“ и „натискомъ“ безъ „глазомѣра“—но въ данномъ случаѣ, казалось бы, онъ имѣлъ полное основаніе расчитывать на поддержку Тучкова. Послѣдній, находясь со своими главными силами у Брагестада, т. е.

всего въ одномъ переходѣ отъ Сикайоки, свободно могъ подоспѣть къ концу боя съ остальными 3 тысячами. А тогда исходъ столкновенія, а слѣдовательно и *впечатлѣніе* его—могли быть совершенно иными. Вопросъ другой—насколько вообще правильно было столь энергично тѣснить шведовъ слабымъ отрядомъ Тучкова, не имѣя позади приближающихся резервовъ; но это уже зависѣло не отъ воли частныхъ начальниковъ.....

Какъ упомянуто въ началѣ этой главы, отряду Булатова, первоначально оставленному близъ Куопіо¹⁾, было приказано продолжать движение во слѣдъ отступавшему Кронстедту на Улеаборгъ; этимъ преислѣдовалась все та же идея, „выти въ тылъ Клингспору“. Но, подойди къ Пулькилла (5 апрѣля), Булатовъ получилъ приказаніе Тучкова свернуть отъ Францислы на Револаксъ, для содѣйствія наступленію своихъ главныхъ сплѣ по береговой дорогѣ. Осторожный Тучковъ опасался дѣйствовать рѣшительно противъ превосходнаго непріятеля и вторично рѣшился взять на себя измѣнить полученное свыше распоряженіе, стремясь все время къ сосредоточенію своихъ силъ. Это новое его уклоненіе отъ исполненія приказаній, безъ испрощенія на этотъ разъ даже одобренія начальника, вызвало со стороны Буксгевдена большое неудовольствіе.

Поворотнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ событий войны, послѣ котораго успѣхъ переходить на сторону шведовъ, явилось незначительное само по себѣ, но весьма важное по своимъ послѣдствіямъ дѣло при Раволаксѣ.

Движеніе Булатова отъ Пулькилла черезъ Виханти къ линіи рѣки Сикайоки было фланговымъ по отношенію къ Кронстедту, находившемуся у Францислы менѣе чѣмъ въ 20 верстахъ.

Стратегическая обстановка въ эти дни (8-го и 9-го апрѣля) сложилась для шведовъ весьма выгодно. Кронстедтъ съ двумя бригадами отъ Францислы, вполнѣ освѣдомленный о передвиженіи русскихъ, могъ разбить ихъ отдѣльно на маршѣ, а затѣмъ ударить во флангъ Тучкову совмѣстно съ Клингспоромъ, который перешелъ бы въ наступленіе съ фронта. При такомъ оборотѣ дѣла судьба незначительныхъ силъ Тучкова, завлеченныхъ преислѣданіемъ до крайнихъ предѣловъ страны, могла быть плачевной.... Но шведы не могли отрѣшиться отъ тяготѣвшаго надъ ними духа „пассивности“. Кронстедтъ, получившій приказаніе „оборонять Францислу“, буквально его и исполнилъ, послѣ чего былъ снова притянутъ на сѣверъ; Клингспоръ тоже

¹⁾ Куда былъ перемѣщенъ выдѣленный Тучковымъ еще въ началѣ небольшой отрядъ Обухова (1 баталіонъ съ 3-мя орудіями), который раньше былъ направленъ къ Хейнола для связи съ Вагратіономъ, а теперь возвращенъ и въ данный моментъ, задержанный слѣдовавшими съ нимъ артилерійскими и продовольственными запасами, находился около Піипола (1 переходъ южнѣе Пулькилла).

не сдѣлалъ никакихъ активныхъ распоряженій, озабоченный единственно тѣмъ, чтобы обезпечить себя со всѣхъ сторонъ отъ возможныхъ покушеній врага. Несмотря на тактическій успѣхъ подъ Сиккайоки, онъ не только далъ Кульпеву свободно отойти на главныя силы, но и самъ отступилъ назадъ въ Луміоки, а Кронстедта оттянулъ въ Теммесь. Сандельсъ занималъ по прежнему острова Карлэ и Улеосало западнѣе Улеaborга.

Въ указанномъ положеніи шведы оставались до 13-го апрѣля, когда ими получены были свѣдѣнія о томъ, что непріятельскій отрядъ силою въ $2\frac{1}{2}$ тыс. человѣкъ съ 6-ю орудіями¹⁾ прошелъ Виханти и направился къ Револаксу, повидимому, для соединенія съ Тучковымъ. Это и былъ Булатовъ, который 12-го²⁾ подошелъ къ Револаксу; но здѣсь остановился, прикрывая (въ видѣ бокового авангарда), расположение Тучкова у Брагестада со стороны шведовъ; послѣдніе, занимая Теммесь, Лиминго и Луміоки, имѣли возможность по зимней дорогѣ отъ Лиминго выйти кратчайшимъ путемъ прямо къ Брагестаду, минуя авангардъ Кульпева, стоявшій у Сикаюки. Такимъ образомъ, отрядъ Булатова, подойдя къ Револаксу, оказался ближайшего къ непріятелю группою нашихъ войскъ.

Несмотря на свое опасное положеніе³⁾, требовавшее полной бдительности и, главное, зоркаго наблюденія къ сторонѣ противника, Булатовъ расположилъ свой отрядъ по квартирамъ, да еще весьма разбросано; самъ со штабомъ и 1 баталіономъ Могилевскаго полка занялъ пасторатъ; подполковника Медосыгтова съ мушкетерскимъ баталіономъ пермцевъ расположилъ на другомъ берегу рѣки кругомъ кирки, а другой баталіонъ (grenaderскій) съ командиромъ полка, генералъ-маиоромъ Гранаультомъ въ главѣ, размѣщенъ былъ по отдѣльнымъ дворамъ верстахъ въ 2-хъ сѣвернѣе пастората; туда отряжено было 1 орудіе, а 3 остальныхъ поставлены на вершинѣ у пастората.

Ни Тучковъ отъ Брагестада, ни Булатовъ отъ Револакса, не озабочились установленіемъ взаимной между собою связи, несмотря на то, что ихъ раздѣляло разстояніе до 18-ти верстъ, т. е. примѣрно такое же, какъ отъ Револакса до ближайшей непріятельской группы (Лиминго); не было связи и съ авангардомъ Кульпева, который находился тоже не болѣе какъ въ одномъ переходѣ.

¹⁾ Отрядъ Булатова состоялъ изъ: баталіона Могилевскаго полка, 2-хъ бат. Пермскаго, 4-хъ орудій, 2-хъ взводовъ Гродненскаго гусарскаго полка и полустоти казаковъ; всего не болѣе 1.500 чл., по Михайловскому-Данилевскому; Сухтеленъ (стр. 80) полагаетъ его въ 2.500 чл.

²⁾ Т. е. пройдя въ 5 дней около 75 верстъ.

³⁾ Характерно, что даже въ нашей главной квартирѣ не видѣли этой опасности; по крайней мѣрѣ Буксгевденъ въ своемъ военному журналѣ писалъ: «12-го апрѣля отрядъ Булатова пришелъ въ Револаксъ, черезъ что вся дивизія уже сосредоточилася».

Отрядъ Гранаульта стоялъ какъ разъ въ узлѣ дорогъ: а) на Синкаюски, т. е. связующей Булатова съ авангардомъ Кульнева, и б) на Лумюки, гдѣ сосредоточена была главная масса шведскихъ войскъ (1-я, 2-я и 3 бригады, 5-я придвижнута была къ Лиминго, а 4-я отошла къ Теммесъ). Къ сторонѣ противника выставлены были засставы („пикеты“), охранявшия дороги на Лумюки, Лиминго и Пааволу. На южной дорогѣ передовыя части продвинулись до Лунги (болѣе 3-хъ верстъ отъ кирки), на сѣверной—до Кеттуненъ (въ такомъ же, примѣрно, разстояніи). Какой либо развѣдки къ сторонѣ противника организовано не было; только къ вечеру 14-го (26-го) апрѣля, на вторыя сутки пребыванія здѣсь Булатова, онъ послалъ на Пааволу (т. е. *только* на югъ), летучій отрядъ Леонтьева для опредѣленія, не занятъ ли этотъ пунктъ непріятелемъ.

Клингспоръ, убѣждаемый Адлеркрайцемъ, рѣшилъ, наконецъ, перейти въ наступленіе и составилъ слѣдующій планъ: броситься сперва на Булатова, разбить его, а затѣмъ уже послѣдовательно обратиться противъ Тучкова и Кульнева.

Онъ рѣшилъ захватить врасплохъ Булатова, атаковавъ его еще до разсвѣта. Самый планъ нападенія былъ таковъ. Кронштадтъ со своею бригадою¹⁾ отъ Теммесъ долженъ былъ ударить противнику во флангъ и тылъ черезъ Паавола и, въ случаѣ удачнаго—продолжать движеніе къ Брагестаду противъ Тучкова, стараясь въ то же время отрѣзать отступленіе Кульневу. Для облегченія этого главнаго удара Адлеркрайцъ (съ 1 баталіономъ) намѣренъ былъ отъ Лумюки атаковать лѣвое крыло русскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Клингспоръ намѣревался отвлечь вниманіе Кульнева наступленіемъ къ Синкаюки.

Въ 3 часа утра (еще до наступленія разсвѣта), Адлеркрайцъ былъ обнаруженъ нашими постами у Кеттуненъ и рѣшилъ начать бой, въ расчетѣ, что Кронштадтъ скоро подоспѣть. Въ темнотѣ завязалась перестрѣлка въ лѣсу южнѣе поселка; наши отходили, пока не были поддержаны ближайшими ротами пермскихъ гренадеръ. Въ концѣ концовъ Адлеркрайцъ, преждевременно начавшій столкновеніе, къ 7-ми часамъ утра былъ отбитъ съ большими потерями и отступилъ въ увѣренности, что все предпріятіе рушилось. Булатовъ считалъ уже дѣло оконченнымъ, какъ ему донесли о появлѣніи сильной шведской колонны со стороны Паавола (донесеніе прислано Леонтьевымъ). Это наступалъ Кронштадтъ, подробно извѣщеній мѣстными жителями о расположении русского отряда²⁾. Булатовъ послалъ квартирмейстерской части капитана Соснина выяснить положеніе дѣль на

¹⁾ Усиленною частью войскъ отъ Лумюки, всего до 4 тыс. человѣкъ. Бригада Сандельса въ это время была двинута въ Куопио.

²⁾ Мѣстный дьячекъ изчертилъ ему въ Паавола на столѣ мѣломъ карту окрестностей Револакса съ показаніемъ размѣщенія русскихъ.

южномъ фронтѣ. Сосинъ вскорѣ донесъ, что шведы уже переходятъ черезъ рѣку всего въ двухъ верстахъ южнѣе пастората, причемъ летучій отрядъ Леонтьева, соединившись съ южными пикетами, пытается ихъ задержать. Булатовъ занялъ пѣхотою позицію частью у селенія Пентиля, частью у Револакской кирки, приказавъ артилеріи (отъ пастората) обстрѣливать долину рѣки. Резервъ (3 роты Могилевского полка и 1 рота Пермскихъ гренадеръ)—расположенъ былъ у пастората. Остальные три гренадерскія роты съ однимъ орудіемъ оставлены (подъ начальствомъ генерал-маіора Гранаульта) на прежней позиціи для обезпеченія пути на Сіикаюки (черт. № 5).

Кронстедтъ, оттѣсивъ нашу заставу и подойдя къ перекрестку дорогъ, южнѣе Пентиля, получилъ съ лыжникомъ сообщеніе Адлеркрайца объ исходѣ его атаки и предложеніе „дѣйствовать по собственному усмотрѣнію“. Онъ раздѣлилъ свои силы на 2 равныя колонны: правую (4 баталіона, 2 орудія), и лѣвую (4 баталіона, 2 орудія). Первая колонна была направлена черезъ лѣсъ на кирку для атаки съ фронта; вторая вдоль рѣки для удара во флангъ (при ней находился самъ Кронстедтъ). Лѣвая колонна шведовъ оттѣсила Леонтьева къ Пентиля, гдѣ встрѣтила болѣе упорное сопротивленіе; тѣмъ не менѣе шведамъ удалось сбить нашу пѣхоту на одну высоту съ церковью, гдѣ въ это время отдѣленная туда рота вела жаркій бой съ правою шведскою колонною. Послѣдняя раздѣлилась; два баталіона съ фронта, а въ обходъ лѣваго фланга 2 драгунскихъ (спѣшиенныхъ) баталіона, которые угрожали пути на Сіикаюки. Булатовъ, имѣя въ своемъ распоряженіи почти втрое слабѣйшія противъ непріятеля силы¹⁾, продолжалъ мужественно сопротивляться. „Сколько отъ надѣянія на храбрость войскъ россійскихъ, столько и отъ пренебреженія къ непріятелю, хотѣлъ онъ удержаться на своемъ постѣ“²⁾, хотя, по условіямъ обстановки, такое упорство нельзѧ признать умѣстнымъ³⁾.

Овладѣвъ, наконецъ, позиціей у кирки (передовой пунктѣ) шведы начали переходить рѣку и обходить съ сѣвера главную позицію Булатова у пастората, въ то время, какъ южная колонна Аминова энергично тѣснила насъ справа. Продолжая, несмотря на жестокую мятель, отбивать всѣ атаки, Булатовъ послалъ Гранаульту приказаніе ударить въ тылъ обходящимъ съ сѣвера шведамъ. Но Аминовъ двинулъ свои резервы черезъ дворъ Вирзу и предотвратилъ (2 баталіона) эту опасность; войска же Гранаульта въполномъ разстройствѣ бросились черезъ лѣсъ къ Сіикаюки, потерявъ свое орудіе⁴⁾. Положеніе Булатова (къ тому же въ то время раненаго) стало близкимъ къ

¹⁾ Ослабленія еще отдѣленіемъ отряда Гранаульта.

²⁾ Изъ донесенія Тучкова Буксгевдену отъ 16-го апрѣля № 80.

³⁾ Револакскій бой въ этомъ отношеніи отчасти напоминаетъ Тюренченъ.

⁴⁾ За это г.-м. Гранаультъ былъ преданъ суду.

критическому; у него остался въ рукахъ только баталіонъ гренадеръ (Могилевского полка) и 1 рота пермцевъ, истощенные жестокими потерями. Произошло это потому, что войска, отступившія съ южного фронта (баталіонъ Медосытова съ подкѣплѣніями), которыхъ должны были остановиться уступомъ за правымъ флангомъ позиціи у пастората, заблудились вслѣдствіе матели и совершили покинули поле сраженія. Окруженный со всѣхъ сторонъ (ибо шведы уже перехватили и путь на Брагестадъ) Булатовъ, отвергнувъ сдѣланное шведами предложеніе сдаться, „рѣшился исполнить послѣдній долгъ чести, русскому солдату приличный“ (изъ его донесенія Тучкову отъ 18-го апрѣля). Онъ¹⁾ рѣшилъ пробиться, и давъ послѣдній залпъ изъ своихъ орудій, только успѣль сѣсть верхомъ и скомандовать „въ штыки“, какъ упалъ сраженный пулею въ грудь. „Тогда“, какъ пишетъ самъ Булатовъ (его записки въ Русской Старинѣ 1874 г.), „мужество „оставило многихъ и все приняло другой видъ: лучшіе офицеры и „солдаты были убиты, ранены или взяты въ плѣнъ, а остальные „нашли способъ черезъ лѣсъ и безъ дороги пройдти къ дивизіи“. Послѣдніе защитники позиціи, въ числѣ 487 человѣкъ, попали въ руки врага вмѣстѣ съ раненымъ начальникомъ отряда, тѣ же части, которыхъ благополучно вышли изъ свалки и заранѣе оставили бой, „покинувъ своихъ товарищѣй“²⁾, успѣли присоединиться къ Тучкову.

Бросается въ глаза бездечность Булатова,остоявшаго двое сутокъ на мѣстѣ безъ всякихъ свѣдѣній о противникеѣ, при томъ разбросанно, по квартирамъ. Посылка летучаго отряда Леонтьева къ Павола явилась уже запоздалой; но во всякомъ случаѣ, однако, донесеніе о движениіи съ юга сильной колонны шведовъ доставлено было достаточно своевременно, чтобы успѣть очистить опасную позицію и отойти на своихъ. Затѣмъ Булатовъ обезпечиваетъ путь отступленія на Сіикаюки, т. е. не къ главнымъ силамъ Тучкова, а къ авангарду Кульнева. По существу оба отряда (Кульнева и Булатова) являлись авангардами по отношенію къ отряду Тучкова; и очевидно, Булатову естественнѣе и безопаснѣе было отходить на Брагестадъ, по имѣвшейся прямой зимней дорогѣ. Если бы у Булатова не было тяготѣнія къ Сіикаюки, то ему не пришлось бы отдѣлять отрядъ Гранаульта и вести бои разрозненными силами, все время опасаясь за путь отступленія, отходящій отъ фланга параллельно фронту. Онъ имѣлъ бы, наоборотъ, всѣ силы сосредоточенными и, въ случаѣ натиска превосходныхъ силъ, спокойно отошелъ бы къ Брагестаду.

Та же предвзятая и невѣрная мысль, господствуя все время надъ Булатовымъ, отражается и на всѣхъ его распоряженіяхъ во время

¹⁾ Подобно полк. Лайминъ, подъ Тюренченомъ.

²⁾ Михайловскій-Данилевскій, стр. 89.

боя. Онъ все время придаетъ гораздо больше значенія войскамъ шведовъ, обходящимъ его съ сѣвера, нежели дѣйствующимъ съ юга, тогда какъ именно здѣсь могли отрѣзать ему путь отступленія на соединеніе съ Тучковымъ. Онъ самъ руководитъ боемъ на восточномъ и сѣверномъ фронтахъ, а на южномъ оставляетъ Медосытова, который, въ сущности, правильнѣе его рѣшаетъ задачу, такъ какъ своевременно выводитъ свои войска изъ боя. Разумѣется, поведеніе Медосытова, отступившаго безъ приказанія своего начальника, результатомъ чего была сдача Булатова, не имѣетъ за собою никакого оправданія; но мы хотимъ лишь сказать, что Булатову надлежало со всѣми силами поступить точно также: вѣдь, въ сущности, удержаніе Револакской позиціи во что бы то ни стало не имѣло для насъ полезнаго значенія. Гораздо важнѣе было бы сохраненіе въ цѣлости войскъ Револакского отряда, при общей слабости нашихъ силъ.

У шведовъ успѣхъ, можно сказать заранѣе предпрѣшненный въ виду тройного превосходства силъ и внезапности нападенія—достался имъ не особенно дешево. Демонстративная атака Адлеркрайца и главный ударъ Кронстедта не были согласованы. Преждевременная атака Адлеркрайца, въ сущности, не принесла никакой пользы, и только предвзятая идея Булатова объ отступленіи къ Сікайоки помѣшила ему своевременно притянуть Гранаульта на главную позицію. Почему Адлеркрайцъ послѣ неудачной атаки не вошелъ въ связь съ Кронстедтомъ и не оказалъ ему содѣйствія новою атакою, которая увеличила бы успѣхъ шведовъ, такъ какъ, быть можетъ, преградила бы отступленіе Гранаульту? На это источники не даютъ отвѣта. Что касается Кронстедта, то обращаетъ на себя вниманіе равномѣрное распределеніе имъ силъ по всему фронту атаки, причемъ въ важнѣйшемъ направлениі (въ обходъ праваго нашего крыла, на путь къ Брагестаду) выходило всего два баталіона ($\frac{1}{4}$ силъ); остальное направлено было на фронтъ позиціи и въ обходъ лѣваго крыла, на перерѣзъ пути, ведущему на Сікайоки. Благодаря этому большая часть отряда Булатова благополучно ускользнула.

Вообще исходъ Револакского боя для насъ оказался гораздо болѣе благополучнымъ, чѣмъ могло бы быть, если бы шведскіе военачальники дѣйствовали согласнѣе, держали между собою связь и вѣрнѣе направили главный ударъ: тогда тактическое окруженіе и полный плѣнъ могли быть удѣломъ всего полуторатысячнаго отряда Булатова, если бы онъ своевременно не очистилъ Револакской позиціи.

И это должно было быть лишь увертиюрой къ дальнѣйшимъ актамъ операций, ударамъ противъ Тучкова и Кульнева... Но столь смѣлый такъ сказать, „Бонапартовскій“ планъ, очевидно, былъ по плечу и гениальному исполнителю. Вместо того, чтобы использовать добытый

успѣхъ, Клингспоръ бездѣйствовалъ; упоенные даже и тою побѣдою, которая имъ досталась, шведы какъ говорится, почли на лаврахъ, Клингспоръ не выполнилъ намѣченной атаки противъ Кульянова и, вмѣсто задуманного послѣдовательного разгрома трехъ группъ непріятеля, устроилъ ему „золотой мостъ“.

Положимъ, Револакскій бой и такъ имѣлъ для насъ весьма неблагопріятныя послѣдствія. Вмѣсто задуманного Буксгевденомъ захвата Улеаборга, Тучкову пришлось немедленно отступать на югъ, причемъ движеніе Клингспоря по паралельному пути (зимняя дорога Револаксъ—Виханди—Оулайсъ) заставило его, подъ угрозою обхода, отойти вплоть до Гамле-Карлебю, т. е. на 150 в. къ югу. Здѣсь отступленіе прекратилось, такъ какъ началось весеннее половодье, прервавшее всякія operaціи на три недѣли. Такимъ образомъ, материальный успѣхъ шведовъ выразился въ сокращеніи размѣровъ захваченной русскими части финляндской территории: живая же сила непріятеля осталась почти нетронутой.

Гораздо важнѣе были послѣдствія моральныя. Револакскій бой, хотя и раздутый сильно шведами (за это дѣло Клингспоръ, не принимавшій въ немъ участія, сдѣланъ фельдмаршаломъ, и всѣ офицеры награждены), поднялъ, однако, весьма значительно духъ нашихъ противниковъ. Но особенно существенно было вліяніе этого боя *на настроение жителей*. Населеніе, побуждаемое прокламаціями, присланными изъ Стокгольма, повсюду поднялось. *Началась народная война*. Наконецъ, пополновенія нѣкоторыхъ шведскихъ офицеровъ финляндского происхожденія покинутъ службу, побуждаемыхъ къ тому прокламаціями Буксгевдена, подъ опасеніемъ отборанія бостелей, разомъ прекратились: всѣ офицеры остались въ рядахъ шведскихъ войскъ.

Непосредственнымъ послѣдствіемъ Револакскаго боя было пораженіе отряда Обухова, который съ 3-мя ротами и 3-мя орудіями двигался изъ Куопіо во слѣдъ Булатову, прикрывая обширный артилерійскій и продовольственный транспортъ (черт. 6).

Отрядъ состоялъ первоначально изъ трехъ ротъ Могилевскаго полка съ 3-мя орудіями и небольшого числа казаковъ. Но, еще до Револакса, Обуховъ получилъ предписаніе Тучкова выдѣлить два орудія подъ хорошимъ прикрытиемъ на присоединеніе къ дивизії. Отправлена была рота капитана Сербина съ двумя орудіями и, такимъ образомъ, въ распоряженіи Обухова осталось всего 2 роты и одно орудіе. Кромѣ этого небольшого отряда, къ тому же прикрывавшаго транспортъ, въ Саволакскомъ районѣ всего на всѣго оставались: одна рота Могилевскаго полка въ С. Михель и Рауталампи для службы по прикрытию транспортовъ; двѣ роты Вильманстранд-

скаго гарнизоннаго баталіона, одна въ С. Михель и другая въ Варкаусѣ и небольшой гарнизонъ въ Куопіо, около 200 человѣкъ, не считая раненыхъ и больныхъ.

Одновременно съ наступлениемъ къ Револаксу, графъ Клингспоръ направилъ только что сформированную (выдѣленiemъ изъ другихъ частей, съ присоединенiemъ подкрѣпленій) 5-ю бригаду полковника Сандельса изъ окрестностей Улеаборга на югъ¹⁾). 18-го апрѣля Сандельсъ находился еще въ Франтсиль и первоначально имѣлъ оборонительную задачу—прикрывать лѣвый флангъ Клингспоря со стороны Саволакса, гдѣ предполагалось, что у насъ должны быть оставлены все же заслуживающія вниманія силы. Когда же до свѣдѣнія Сандельса, черезъ мѣстныхъ жителей, дошло о пребываніи въ Пулкілла отряда Обухова съ его транспортомъ, онъ испросилъ у Клингспоря разрѣшеніе произвести на этотъ отрядъ нечаянное нападеніе въ цѣляхъ не допустить его присоединенія къ Тучкову.

Сандельсъ рѣшилъ произвести ночной маршъ и на разсвѣтѣ внезапно появиться передъ противникомъ и атаковать его съ фронта. Тѣмъ временемъ отрядъ подполковника Фаландера (около 500 чел.), высланный еще съ утра наканунѣ по лѣсной труднопроходимой дорогѣ долженъ былъ, около 2 часовъ пополудни на слѣдующій день, выйти южнѣе Пулкілла на путь отступленія Обухова. Фаландеру приказано было, предварительно захвативъ всѣ дороги, атаковать съ тыла только тогда, когда самъ Сандельсъ уже завязнетъ бой на фронтѣ. Такимъ образомъ, замышлялось полное окруженіе нашего слабаго отряда.

Кирка Пулкілла расположена на восточномъ берегу притока рѣки Сікайоки. Мѣстность кругомъ ней открыта шаговъ на пятьсотъ; дворъ Паккала занимаетъ посреди этой прогалины командующую высоту, частью поросшую лѣсомъ. Здѣсь именно, по полученіи извѣстія о приближеніи шведовъ, и расположилъ на позиціи свой отрядъ Обуховъ, выславъ передовыя заставы въ направлениі къ Пулкілла.

Намѣченный Сандельсомъ планъ атаки не могъ быть осуществленъ въ полной мѣрѣ, такъ какъ колонна Фаландера, по причинѣ глубокаго снѣга, не имѣла возможности совершить намѣченное кружное обходное движеніе. Поэтому она направилась черезъ Пулкільскій пасторатъ прямо на правый флангъ нашей позиціи и, выждавъ около часа, въ условленное время, черезъ глубокіе сугробы бросилась въ атаку разсыпнымъ строемъ.

Одновременно атаковалъ и Сандельсъ съ фронта, поддержаный сильнымъ огнемъ артилериі. Завязался упорный, неравный бой, продолжавшійся болѣе четырехъ часовъ. Двѣ роты съ однимъ орудиемъ

¹⁾ Силы бригады Сандельса въ это время были ослаблены на половину нормального состава (до 1.500 чел.), оставлениемъ особаго гарнизона въ Улеаборгѣ.

отчаянно отбивались противъ свыше полутора тысячъ шведовъ, при 6 орудіяхъ, поддержаныхъ толпами вооруженныхъ крестьянъ, присоединявшихъ все время къ Сандельсу при его наступлениі. При помощи знающихъ всѣ мельчайшія тропинки мѣстныхъ жителей, войска Фаландера пробирались лѣсною чащею все дальше и дальше къ востоку и, наконецъ, совершенно окружили Обухова, у которого болѣе половины людей было перебито; самъ онъ былъ тяжело раненъ въ ногу пулею и картечью въ правый бокъ. Только уступая численному превосходству и видя полную невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, Обуховъ рѣшился сдаться.

По шведскимъ источникамъ, при Пульбілла взято въ плѣнъ 6 офицеровъ (въ томъ числѣ самъ Обуховъ), 18 унтер-офицеровъ и 260 рядовыхъ, изъ нихъ около 50 раненыхъ. Кромѣ того, взято 1 знамя и 1 орудіе. По русскимъ источникамъ, потери Обухова убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ не превысили 180 нижнихъ чиновъ и 4 раненыхъ офицеровъ; орудіе было заклепано и брошено въ воду, а въ руки непріятеля достались всѣ транспорты, 4 патронныхъ ящика и часть артилерійскаго парка. Что же касается до капитана Сербина съ его ротою и двумя орудіями, то, онъ благополучно проскользнулъ проселочными дорогами и 20-го апрѣля присоединился къ Тучкову, несмотря на что, то все время былъ окруженнѣемъ непріятельскихъ разъѣздовъ¹⁾.

Безпокоясь о судьбѣ отряда Обухова послѣ пораженія Булатова, Тучковъ послалъ къ нему рядъ ординарцевъ и разъѣзовъ, чтобы предупредить его и вернуть обратно въ Куопіо. Но ни одинъ изъ этихъ посланныхъ не могъ достигнуть цѣли, такъ какъ вся мѣстность между Тучковымъ и Булатовымъ оказалась непріятелемъ.

Пораженіе Обухова открыло Сандельсу свободный путь къ центру Саволакскаго района и онъ усиленными маршами двинулся къ Куопіо, встрѣчаемый восторженно населеніемъ, какъ избавитель отъ русскихъ.

---

¹⁾ За этотъ подвигъ капитанъ Сербинъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ.

ГЛАВА VI.

Дѣйствія подъ крѣпостями.

Состояніе крѣпости Свеаборга.—Его задача по королевской инструкціи 3-го февраля.—Наши предположенія о дѣйствіяхъ противъ Свеаборга.—Мѣры «стѣсненія». «Золотой порохъ».—Разлагающіе элементы.—Конвенція 22 апреля.—Распоряженія Императора Александра I.—Настроение гарнизона.—Капитуляція.—Паденіе Свартгольма.—Выводы.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію дѣйствій нашихъ на южномъ фронтѣ, завершившихся капитуляціей обѣихъ шведскихъ крѣпостей Свеаборга и Свартгольма, необходимо дать хоть краткое понятіе о назначеніи этихъ сооруженій, ихъ состояніи и свойствахъ. Это позволитъ намъ точнѣе оцѣнить тѣ выгоды, которыя мы приобрѣли со времени перехода названныхъ крѣпостей въ наши руки.

Какъ уже было упомянуто, Свеаборгъ былъ сооруженъ по мысли Августина Эренсверда, который и былъ его строителемъ. Эренсвердъ находилъ, что „никакой непріятель не въ состояніи утвердиться въ краѣ, пока не завладѣлъ Гельсингфорсомъ“, оставленіе котораго въ тылу считалъ „маловѣроятнымъ“, а взятие „сопряженнымъ съ большими затрудненіями“. Но мы уже знаемъ, что Эренсвердъ совершенно не предвидѣлъ возможности зимней кампаніи, а затѣмъ — предлагалъ крѣпость сухопутно-морскую, образовавъ не только убѣжище для флота, но и надежный плацдармъ для сухопутной арміи.

Въ дѣйствительности, заложенный въ 1747 г. Свеаборгъ, обошедшійся Швеціи за 20 лѣтъ непрерывнаго строительства свыше 7-и миллиновъ рублей, къ 1808 году не могъ считаться оконченнымъ, не говоря о томъ, что выстроены были только приморскія укрѣпленія, а Гельсингфорсъ со стороны суши не былъ защищенъ вовсе.

Будучи предназначенъ для борьбы съ флотомъ, Свеаборгъ имѣлъ наиболѣе сильные верки къ сторонѣ моря. Поэтому въ зимнее время онъ былъ гораздо болѣе подверженъ штурму, чѣмъ въ періодъ навигаціи. Это видимо сознавалось шведами. О штурмѣ подумывали и русскіе, какъ увидимъ ниже. За то бомбардированіе крѣпости было лѣтомъ осуществимѣе, чѣмъ зимою, когда не могъ дѣйствовать флотъ, а со стороны берега трудно было (при тогдашней досягаемости орудій) установить достаточное число батарей въ надлежащемъ разстояніи.

Другою слабою стороною Свеаборга былъ недостатокъ безопаснѣй отъ навѣснаго огня помѣщеній. Ихъ было только на 2.440 человѣкъ, тогда какъ въ крѣпости могло быть размѣщено до 7.860 человѣкъ.

вѣвъ. Но такъ какъ гарнизонъ въ $2\frac{1}{2}$ тысячи признавался вполнѣ достаточнымъ для успѣшной защиты крѣпости, то, очевидно, суть дѣла заключалась не въ недостаткѣ безопаснѣхъ помѣщеній, а въ излишкѣ гарнизона, къ которому добавилось еще не мало „безполезныхъ ртовъ“, таѣ что общій итогъ населенія крѣпости доходилъ до 9.605 человѣкъ¹⁾.

Всѣхъ орудій въ крѣпости было болѣе 2.000; но на вооруженіи числилось только 734; пороха (къ началу осады²⁾) было болѣе 100 тысячъ килограмовъ (свыше 6-ти тысячъ пудовъ). Что касается продовольствія, то въ этомъ отношеніи чувствовался недостатокъ; вместо 5-ти мѣсячнаго запаса по разсчету на 6.000 человѣкъ (какъ предполагали) его было не болѣе какъ на 3 мѣсяца; уповали на подвозъ изъ Швеціи съ открытиемъ навигаціи. Прѣсною водою гарнизонъ обеспеченнѣй былъ слабо; холодаевъ ицистернъ было мало.

Въ крѣпости сосредоточена была большая часть созданнаго Эренсвердомъ такъ называемаго армейскаго (т. е. шхернаго) флота (всего 73 мелкосидящихъ судна).

Состояніе крѣпостныхъ сооруженій къ этому времени не было удовлетворительнымъ; крѣпость была запущена, и многія укрѣпленія начали уже разрушаться³⁾.

Королевская инструкція возлагала на коменданта обязанность „защищаться до послѣдней крайности“, но вмѣстѣ съ тѣмъ допускала и „невозможность отстоять“ крѣпость, требуя въ этомъ случаѣ уничтоженія запасовъ и флота (очевидно, передъ сдачею).

Вотъ это замѣчательное мѣсто инструкціи:

„Въ томъ случаѣ, если бы непріятель вторгнулся во время наступающей зимы, и полевые войска принуждены были бы отступить, то, послѣ усиленія гарнизоновъ, таковые обязываются до послѣдней крайности защищать крѣпость, а въ случаѣ невозможности отстоять послѣднюю, сжечь флотъ и уничтожить всѣ запасы“.

Уже въ этомъ предписаніи свыше заключалась извѣстная двойственность, которая могла, до некоторой степени, способствовать увеличенію нравственного разлада въ комендантахъ и прочихъ защитникахъ крѣпости. Слѣдяя точно указаніямъ этой инструкціи, Кронстедтъ могъ считать себя вправѣ сдать крѣпость „въ случаѣ невозможности отстоять ее“. Остается значить опредѣлить, существовала ли подобная возможность и въ какой степени справедливо ходячее мнѣніе о значеніи, въ дѣлѣ Свеаборгской капитуляціи, силы „золотого пороха“.

1) См. прилож. 42-е къ т. II перевода шв. офиц. исторіи войны.

2) См. Sv. kr. 1808—1809 г., т. II, стр. 271, въ выносѣ заявленіе изъ отчета 1800 г. и въ приложеніи 49 объясненія коменданта Кронстедта о причинахъ сдачи.

Съ уходомъ Буксгевдена къ Тавастгусу, противъ Клеркера въ Гельсингфорсъ оставленъ былъ только 2.000 отрядъ Раевскаго. Такое положеніе продолжалось почти двѣ недѣли (съ 18-го февраля по 3-е марта), когда съ прибытіемъ подкрѣплений силы Раевскаго возрасли до 3—4.000. Гарнизонъ крѣпости, продолжавшій все это время свободно сообщаться съ окрестнымъ населеніемъ черезъ островъ Сандхамъ¹⁾ (теперь о. Лагерный), очевидно, былъ освѣдомленъ о слабости русскаго заслона; однако, Кронстедтъ и не подумалъ о вылазкѣ.

Вниманіе Буксгевдена въ это время особенно приковывалось къ Свеаборгу. Еще 5-го февраля, т. е. до начала кампаніи, Буксгевденъ доложилъ Государю, что, по его мнѣнію, Свеаборгъ, равно какъ и Свартгольмъ, иначе, какъ приступомъ, взять будетъ невозможно, „если предложенія приняты не будутъ“. Блокада, слишкомъ продолжительна, и къ ней навѣрно приготовились, собравъ значительные запасы; бомбардированіе, по дальности разстоянія, не будетъ успѣшно, а строить батареи на льду представляетъ огромныя трудности и небезопасно. Но 21-го февраля (изъ Тюсбю), т. е. послѣ захвата Орловымъ-Денисовымъ Гельсингфорса, графъ Буксгевденъ уже находитъ штурмъ несоответствующимъ своимъ силамъ, требующимъ большихъ потерь, да и „не отвѣчающимъ волѣ Вашего Императорскаго Величества“. 3-го марта онъ уже доказываетъ полную невозможность штурма и „формальной осады“ (первое—вслѣдствіе недостатка силъ и большихъ жертвъ, второе—по значительности потребного времени и трудности веденія подступовъ по льду). По его мнѣнію, приходится довольствоваться блокадою и бомбардировкою, стараясь, главнымъ образомъ, уничтожить флотъ; батареи же наши расположить такимъ образомъ, чтобы, съ одной стороны, помѣшать (съ открытиемъ навигаціи) англійскимъ и шведскимъ судамъ приникнуть въ гавань, а съ другой—препятствовать гарнизону выйти въ море. Кромѣ того, Буксгевденъ (какъ видно изъ его донесеній отъ 3-го и 8-го марта) считалъ весьма важнымъ средствомъ—„держать гарнизонъ въ непрерывной тревогѣ“, стремясь „учинить жизнь несносною въ семъ сборищѣ крѣпостей“. Онъ уповалъ на „недостатокъ, который гарнизонъ, какъ извѣстно, имѣеть въ пиивѣ и водѣ, сырость въ казематахъ, причиняющая ему уже многоя болѣзни и наипаче неудовольствіе финляндскихъ войскъ, которое чрезъ различныя снушенія отъ преданныхъ намъ неминуемо должноствуетъ возрасти“. 6-го марта онъ-же писалъ Аракчееву, что еще раньше прибытія русскихъ войскъ къ Свеаборгу, „прокламаціи наши уже находились въ рукахъ гарнизона“ и увѣрялъ, „что всѣ тѣ

¹⁾ О чёмъ свидѣтельствуетъ въ своемъ отчетѣ шведскій офицеръ Хагельстамъ. (Sv. кр. 1808—09, II, стр. 291-я).

вліянія, какія можно тамъ сдѣлать деньгами, обнадеживаніями, страхомъ приготовленія къ штурму и умноженіемъ разными хитростями числа блокирующихъ войскъ, производятся и производимы будутъ съ тѣмъ большимъ попеченіемъ, что *на сie самое относится и воля всемилостивѣшаго моего Государя*“.

Отсюда видно: 1) что предположенія добиться добровольной сдачи Свеаборга и Свартгольма существовали заранѣе, еще до начала кампаніи; 2) что они основаны были на расчетѣ воздѣйствовать на финляндскую часть гарнизона; 3) что заблаговременно намѣчался планъ примѣненія всяческихъ „вліяній“, до подкупа включительно, съ цѣлью поселить въ гарнизонѣ разладъ и упадокъ духа, и, наконецъ, 4) что такой способъ дѣйствій противъ крѣпости поддерживался самимъ Императоромъ Александромъ.

Уже было упомянуто о томъ вліяніи, которое оказывалъ Спренгпортенъ на образъ дѣйствій нашего Финляндскаго корпуса... По прибытии въ Гельсингфорсъ, онъ завязалъ сношенія со своимъ племянникомъ Егергорномъ (находившимся въ составѣ Свеаборгскаго гарнизона), братомъ главнаго дѣятеля Аннѣльской конфедерации и основателемъ Свеаборгскаго отдѣла кружка „Валгалла“, дѣятельность котораго распространялась по всей Финляндіи. Имѣя въ крѣпости такого энергичнаго и вѣрнаго союзника, Спренгортенъ упоминалъ на успѣхъ „безкровной победы“; отсюда его постоянныя старанія обратить вниманіе на Свеаборгъ, выставить его „главнымъ предметомъ дѣйствій“. Объ этомъ онъ писалъ не только Румянцеву и Аракчееву, критикуя Буксгевдена, но послалъ 21-го февраля всеподданнѣйший докладъ къ самому Государю¹⁾.

Необходимость такого обращенія Спренгортенъ объясняетъ тѣмъ, что онъ „сбитъ съ толку“ тѣмъ, что происходитъ. Наступленіе Буксгевдена почти всѣми силами на Тавастгусъ, за Клеркеромъ, онъ считаетъ ошибкой. Клеркерь—„70-ти лѣтній стариекъ“²⁾, войска его (съ резервами) не превышаютъ 6.000 человѣкъ „въ плохомъ состояніи“; достаточно было, по мнѣнію Спренгортена, нѣсколько усилить нашу правую колонну, чтобы „отогнать“ непріятеля, а лѣвое крыло—не удалять отъ „главной цѣли“ (т. е. Свеаборга).

Въ докладѣ этомъ Спренгортенъ предлагаетъ и новый планъ: прикрыть Гельсингфорсъ заслономъ, а всѣ остальные силы двинуть на Або, „чтобы тамъ имѣть возможность собрать народныхъ депутатовъ, обеспечить безопасность арміи и пользованіе плодами понесенныхъ ею трудовъ“. „Ничто не можетъ упрочиться, если страна

¹⁾) Докладъ этотъ приведенъ полностью на стр. 35—36, т. II. книги К. Ф. Ордина.

²⁾) Который, однако, отличался выдающейся энергией и рѣшимостью и во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ графъ Клингспоръ.

до Або не будетъ въ нашемъ распоряженіи” говоритьъ онъ въ другомъ мѣстѣ и рекомендуетъ „овладѣть прибрежными городами”, между прочимъ Гангуедомъ, „столь же важнымъ какъ и Свеаборгскій портъ“.

Такимъ образомъ, Спренгпортенъ съ одной стороны настаиваетъ на томъ, чтобы Свеаборгъ (а не отступившія войска шведовъ) избранъ быль главнымъ предметомъ дѣйствій, а съ другой добивается скорѣйшаго занятія Або и прочихъ пунктовъ южной Финляндіи для скорѣйшаго созыва „депутатовъ“.

Цѣль Спренгпортена, очевидно, политическая. Онъ продолжаетъ дѣйствовать все въ томъ же направленіи, стремясь къ осуществленію своей завѣтной мечты объ образованіи полуавтономной Финляндіи подъ надежной опекой Россіи.

Какъ видно изъ изложеннаго выше, совѣтамъ Спренгпортена послѣдовали. Планъ Буксгевдена въ корнѣ видоизмѣнился. Главною цѣлью, вмѣсто войскъ Клеркера, сдѣлалось занятіе ряда пунктовъ южной Финляндіи, начиная съ Або и кончая Свеаборгомъ. Быль засланъ отдѣльный отрядъ даже на Аландъ.

Затѣмъ, всеподданѣйшее донесеніе Буксгевдена отъ 3-го марта, подробно перечисляющее мѣры, принятые имъ противъ Свеаборга, и оканчивающееся выражениемъ надежды, что „ничто противъ Свеаборга не упущено“, а также перѣездъ главнокомандующаго, послѣ занятія Або, опять въ Гельсингфорсъ,—показываютъ, что на Свеаборгъ съ этого момента стали смотрѣть, какъ на „главную цѣль“.

Начиная съ 3—15 марта, съ прибытіемъ подкрепленій и части тяжелой артиллеріи, блокадный корпусъ достигъ численности 4.000 человѣкъ¹⁾. По приказанію графа Буксгевдена приступлено было къ сооруженію осадныхъ батарей, при чемъ руководство осадными работами возложено было на начальника штаба корпуса, инженеръ-генерала Сухтелена. Батареи были возведены на Скаттудденскомъ полуостровѣ (гдѣ теперь управление Свеаборгскаго порта), на Ульрикасборгѣ (нынѣ Брунспаркѣ) и на островѣ Скансландѣ (нынѣ островъ Александровскій). Такимъ образомъ, батареи окружили крѣпость полукольцомъ. Ко всеподданѣйшему донесенію Буксгевдена отъ 8-го марта²⁾, приложенъ чертежъ тѣхъ батарей, которыя предполо-

¹⁾ Къ 20 марта (1 апрѣля) численность эта достигла уже 6.500 человѣкъ. Тяжелая артиллерія доставлена была изъ Петербурга на саняхъ съ большими затрудненіями. Общее число ея во все время осады не превысило 46 орудий, въ томъ числѣ 16 мортарій (Сухтеленъ, стр. 40-я).

²⁾ Раевскій снова вернулся на сѣверъ. Самъ Буксгевденъ вернулся къ Свеаборгу еще 2—14 марта.

³⁾ Дѣло в.-уч. арх. Гл. Шт. № 1651.

жено было возвести. Постройки эти, какъ свидѣтельствуетъ Сухтеленъ, „стоили невѣроятныхъ трудовъ“. За недостаткомъ земли и дерна, на безплодныхъ и покрытыхъ глубокими снѣгами скалахъ, приходилось ограничиваться одними фашинами и насыпными турами, по легкости и слабому сопротивлению коихъ необходимость заставляла придавать брустверамъ весьма значительную толстоту. При трудности веденія подступовъ и батарей на льду, недостаткѣ артиллеріи, снарядовъ, рабочихъ, инструментовъ и даже солдатъ, невозможно было и думать о правильной осадѣ Свеаборга. „Дабы ускорить взятие сей крѣпости, рѣшились было штурмовать ее, но наконецъ воля Императора Александра и самое благоразуміе предписали отложить приступъ до послѣдней крайности и довольствоваться употребленіемъ всѣхъ возможныхъ средствъ для стѣсненія гарнизона“¹⁾.

Мѣры „стѣсненія“ или, по выражению Буксгевдена, „учиненія жизни несносною“ приводились въ исполненіе съ искусствомъ, заслуживающимъ полнаго вниманія и изученія.

Прежде всего добились сокращенія сферы отвѣтного огня изъ крѣпости. Первоначально шведы отвѣчали очень энергично, не жалѣя артиллерійскихъ припасовъ и нисколько не щадя Гельсингфорса. Тогда русскіе послали парламентера съ предложеніемъ не разорять города, обѣщаю и свои батареи поставить въ сторонѣ. Комендантъ Кронштадтъ сперва отвѣтилъ отрицательно, находя, что приходится жертвовать городомъ для успѣшной обороны крѣпости; однако, по представленіямъ совѣта обороны, согласился не стрѣлять болѣе по городу и считать его нейтральнымъ. Такимъ образомъ, пишетъ Сухтеленъ, „русскіе могли расположить въ городѣ свои парки, госпитали и магазины въ полной безопасности“ и устроить тамъ свою главную квартиру.

Затѣмъ, гарнизонъ старались держать въ постоянномъ безпокойствѣ. Средствомъ для этого служили беспрестанныя передвиженія войскъ осаднаго корпуса. То значительная часть пѣхоты показывалась на льду со стороны Скандинавіи; то казачья сотня выдвигалась изъ за какого нибудь скалистаго мыса; шведы открывали тотчасъ же огонь, и наши части скрывались. „Сіи малые отряды, пробравшись между утесами, отважно выходили на ледъ и внезапно появлялись передъ крѣпостью, часто не далѣе картечнаго выстрѣла“. Особенно отличался артиллерійскій полковникъ Аргунъ, который командовалъ подвижною батарею и, по выражению Сухтелена, былъ „истиннымъ будильникомъ гарнизона“. Дѣйствуя такимъ образомъ, осаждающіе держали гарнизонъ постоянно подъ ружьемъ, въ непрестанномъ без-

¹⁾ Михайловскій-Данилевскій.

покойствъ и утомлениі, что отражалось на состояніи духа и усиливало недовольство. „Когда открывалась пальба изъ крѣпости, наши прятались за утесы, а шведы, не видя впотьмахъ, куда посылаютъ выстрелы, дѣйствовали наудачу, безъ всякаго для насъ вреда. Въ сихъ дѣлахъ особенно отличались лейбъ-казаки“.

Кромѣ того, „подъ видомъ военной вѣжливости“ наши генералы посыпали въ Свеаборгъ газеты съ извѣстіями объ успѣхахъ нашего оружія въ Финляндіи и неудачахъ шведовъ. Шведскіе историки высказываютъ даже подозрѣніе, что газеты эти специально изготавливались самими русскими. Предупредительность по отношенію къ Кронштадту была проявлена, напримѣръ, до того, что предложили ему пропустить въ городъ его семью, отъ чего комендантъ, однако, отказался....

Солдатъ, бѣжавшихъ изъ крѣпости, щедро одаряли деньгами и угожали виномъ. Для введенія гарнизона въ заблужденіе относительно числительности осадного корпуса, приказано было постоянно передвигать войска по улицамъ города, заготовлять лѣстницы, фашини, туры и т. п.; ночью войска тайкомъ выводились изъ Гельсигфорса, а затѣмъ на утро вновь вступали въ Гельсингфорсъ съ барабаннымъ боемъ. Въ крѣпость (какъ видно, напримѣръ, изъ мемуаровъ Монгомери и другихъ) подобныя свѣдѣнія доходили преувеличеными и, очевидно, дѣйствовали на воображеніе осажденныхъ разлагающимъ образомъ.

Рядомъ съ этимъ, внутри самой крѣпости дѣйствовала зараза другого рода, главнымъ руководителемъ которой былъ полковникъ Егергорнъ, агентъ Спренгпортена, получавшій во время осады письма отъ своего вдохновителя. Среди офицеровъ гарнизона было много „анъльцевъ“. Ребиндеръ въ своихъ мемуарахъ прямо писалъ, что капитуляція Свеаборга являлась „наиболѣе существеннымъ дѣломъ“ Спренгпортена. „Дѣло“ это заключалось въ занесеніи внутрь Свеаборгскихъ твердынь разлагающаго микроба измѣнъ.

Ходячее мнѣніе, которое до сихъ поръ еще держится и у насъ, и въ Швеціи, и въ Финляндіи,—что комендантъ адмираль Кронштадтъ былъ по-просту подкупленъ. Если не всѣ вѣрятъ въ подкупъ, то (особенно въ Финляндіи) большинство убѣждено въ его измѣнѣ и даже самое имя Кронштадта считаютъ позорнымъ¹⁾.

¹⁾ Въ стихотвореніи Рунеберга «Свеаборгъ» поэтъ заклинаетъ современниковъ и потомство не называть никогда по имени «Шведскаго вице-адмирала синаго флагат» сдавшаго Свеаборгъ. Въ другомъ стихотвореніи того-же автора «Братъ», Иоганъ Ваденперна направляетъ дуло пистолета въ грудь брату, не видѣвшему двадцать лѣтъ, только потому, что онъ сдался въ Свеаборгъ. Когда въ 1900 году въ Финляндскомъ сенатѣ большинство подало голосъ за обнародованіе Высочайшаго манифеста 7-го июня того же года о русскомъ языке въ мѣстной администрації, въ Гельсингфорсѣ раздавали на улицахъ стихи Рунеберга «Свеаборгъ» вмѣстъ со спискомъ «измѣнившихъ» сенаторовъ. Вотъ какъ толкуютъ въ Финляндіи это событие.

Мы не будемъ вдаваться въ подробности въ цѣляхъ выясненія того, что именно послужило главнымъ побудительнымъ рычагомъ къ сдачѣ „твѣрдыни Швеціи“—„золотой порохъ“ или работа агентовъ Спренгпортена, и въ первомъ случаѣ, кому именно этотъ порохъ достался. Вопросъ этотъ специально военнаго интереса, собственно говоря, не имѣеть. Послѣ изслѣдованій М. М. Бородкина¹⁾, можно считать выясненнымъ, что самъ Кронстедтъ, если и повиненъ, то только въ слабости, нерѣшительности, неумѣніи совладѣть съ мятежными теченіями въ своемъ гарнизонѣ; при томъ, какъ морякъ, онъ совершенно не могъ и не умѣлъ руководить сухопутною обороной, каковую приходилось вести въ Свеаборгѣ въ зимнее время. „Золотой порохъ“, о которомъ писалъ Аракчеевъ графу Буксгевдену²⁾, былъ дѣйствительно спѣшно посланъ въ половинѣ апрѣля изъ Петербурга, какъ показываетъ нижеслѣдующій всеподданѣйщикій рапортъ Буксгевдена отъ 10-го апрѣля 1808 г.³⁾.

„Приближеніе срока капитуляціи Свеаборга обязываетъ меня Вашему Императорскому Величеству долести, что слѣдуемая по частному артикулу заключенной конвенціи заплата ста тысячъ рейхсталеровъ банку за долги воинской казны должна быть выдана коменданту вице-адмиралу Кронстедту тотчасъ по учиненіи настоящей капитуляціи. Чтобы не послѣдовало въ семъ случаѣ остановки и черезъ то не встрѣтилось задержки въ самой сдачѣ крѣпости, не благоугодно ли Вашему Величеству будетъ Высочайше повелѣть, дабы сумма сія имѣлась уже готовою. Вымѣнъ потребныхъ для того рейхсталеровъ банка, государственный казначей можетъ препоручить нарочитому чиновнику въ Фридрихсгамѣ или въ самомъ Гельсингфорсѣ. Если же не возможно будетъ отыскать все сіе количество, то по крайней мѣрѣ половину, а другую половину выдать нашими ассигнаціями, въ томъ курсѣ, по которому рейхсталеры банка имѣютъ свой ходъ“.

На этомъ рапортѣ Императоромъ Александромъ положена слѣдующая резолюція: „Нужно по сему рапорту написать Голубцову, чтобы онъ помянутую сумму приготовилъ тотчасъ. Если нѣть рейхсталеровъ, то другою монетою и съ особымъ чиновникомъ отправить немедленно къ Буксгевдену: въ Гельсингфорсѣ по показанію Б—на можно будетъ обмѣнѣть на рейхсталеры“. Засимъ идетъ переписка Военнаго министра съ Голубцовыми о заготовкѣ вышеозначенной суммы, которая, несмотря на затруднительность размѣна на рейх-

¹⁾ Въ трудахъ котораго («Военный Сборникъ» 1900 г. №№ 11 и 12) этотъ именно вопросъ обстоятельно разобранъ.

²⁾ «Государь Императоръ надѣется, что если стараниемъ и опытностью вашею сила золотого пороха ослабила уже нѣсколько пружину военную, то и окончательное уничтоженіе ея должно кажется исполниться». (М. Д. стр. 49—50).

³⁾ Д. в.-ист. арх. Ген. Шт. № 1651.

сталеры банка, въ виду рѣдкости этой монеты, была отправлена вскорѣ по назначению съ фельдзегеремъ Марковичемъ.

Если сопоставить съ этими данными текстъ конвенціи (см. Сухтеленъ стр. 49—53), заключенной между шведскимъ комендантомъ и Сухтеленомъ, то увидимъ, что упомянутая здѣсь сумма въ 100.000 рейхсталеровъ какъ разъ соотвѣтствовала условію „частнаго артикула“ этой конвенціи. Такимъ образомъ, Кронстедтъ выговорилъ себѣ лишь обеспеченіе отъ необходимости личнымъ имуществою отвѣтчать за долги передъ поставщиками, неуплаченные благодаря неисправностямъ шведской казны, всегда нуждавшейся въ деньгахъ.

Въ мемуарахъ графа Ребиндера упоминается о прїездѣ Кронстедта зимою 1808—1809 гг. въ Петербургъ, чтобы хлопотать о дополученіи договорной суммы. Послѣ аудіенціи у Государя онъ и получилъ 50.000 рейхсталеровъ, представивъ оправдательные документы. Это была вторая половина долга; слѣдовательно, въ моментъ сдачи условіе „частнаго артикула“ выполнено было только на половину. А между тѣмъ, какъ мы видѣли, деньги были отправлены полностью. Естественно предположить, что другая половина ушла на „золотой порохъ“, но потраченъ онъ былъ не на самого Кронстедта, а всего въроятнѣе, на тѣхъ представителей низшаго персонала крѣпости, которыхъ нужно было склонить къ агитациѣ въ пользу сдачи. Такое предложеніе вполнѣ сходится съ выводами М. М. Бородкина и подтверждается документами, приводимыми Михайловскимъ-Данилевскимъ (стр. 49), изъ которыхъ видно, что Буксгевденъ за истощеніемъ экстраординарной суммы, просилъ еще 24-го марта Аракчеева прислать на „важнѣйшія издержки“ отъ 26 до 30 тысячъ рублей. Если принять во вниманіе, что вышеуказанные всеподданѣйшее ходатайство относительно 100.000 рейхсталеровъ (около 200 тыс. рублей) было отправлено только 10-го апрѣля, а также—что половина договорной суммы дополучена Кронстедтомъ уже послѣ сдачи крѣпости,—то фактъ употребленія „золотого пороха“ на „людей, которыхъ расположение удалось пріобрѣсти въ гарнизонѣ“¹⁾ становится почти безспорнымъ^{2).}

Что же касается самого Кронстедта, то генераль Сухтеленъ, главное дѣйствующее лицо въ переговорахъ съ нимъ, въ своей книжѣ (стр. 53) смѣло утверждаетъ, что „самая мысль о постыдномъ подкупѣ чужда была договаривавшимся сторонамъ“. „Оба генерала,—продолжаетъ онъ—посѣдѣвшіе на полѣ чести, равно неспособны были, одинъ къ предложенію, а другой къ принятію средствъ, противныхъ чести“.

¹⁾ Буксгевденъ военному министру отъ 24-го марта, № 65.

²⁾ По этому поводу см. ниже письмо Буксгевдена къ Салтыкову о женѣ капитана Рейтернельда.

Фінляндскій историкъ Даніэльсонъ, на основаніи мемуаровъ графа Ребиндера и другихъ документовъ, также пришелъ къ убѣждению, что самъ Кронстедтъ не былъ подкупленъ.

Кронстедтъ не былъ и измѣнникомъ. Онъ только проникся, еще до войны, сознаніемъ невозможности серьезно сопротивляться Россіи и успѣшно отстоять Свеаборгъ. Такое настроеніе духа у коменданта крѣпости само по себѣ не обѣщало ничего хорошаго. „Швеція никогда не въ состояніи сохранить Свеаборга и Фінляндіи, если только Россія пойметъ, какъ воспользоваться своей преобладающей силой“, сказали онъ еще до войны¹⁾.

Кромѣ того, веденію упорной обороны не отвѣчало ни состояніе самой крѣпости, ни духъ ея гарнизона.

Свеаборгъ, какъ уже указано, не былъ законченъ; отсутствіе укрѣплений съ сухого пути дѣлало овладѣніе имъ съ суши исполнимымъ. Еще въ 1788 г. адмиралъ Грейгъ составилъ планъ овладѣнія „Сѣвернымъ Гибралтаромъ“, основанный именно на этомъ его свойствѣ. Взятіе Свеаборга зимою Грейгъ находилъ „очень легкимъ, при посредствѣ неожиданного нападенія, причемъ являлась возможность овладѣть не только укрѣпленіями, но и флотомъ, находящимся въ гавани“. Шведскій генералъ Рейтеншельдъ, одинъ изъ храбрѣшихъ офицеровъ финскихъ войскъ, находилъ, что при недостаточномъ гарнизонѣ Свеаборгъ можно зимою взять ночью штурмомъ. То же высказалъ шведскій генералъ фонъ-Дебельнъ, прославившійся въ войну 1808—1809 гг.; онъ находилъ, что съ 15-ю тысячами можно взять Свеаборгъ приступомъ... Точно также Эренстремъ, извѣстный шведскій дѣятель того времени, въ письмѣ къ другу (уже послѣ сдачи Свеаборга) указывалъ на недостатки Свеаборга, на возможность овладѣнія имъ зимою съ тыла, и отрицалъ категорически измѣну Кронстедта, этого „мужа чести“, какъ онъ его называлъ, приписывая его поступокъ убѣжденію въ „невозможности противостоять волѣ всесильнаго Бонапарта“²⁾.

На матеріальные недостатки крѣпости имѣются указанія въ защищительныхъ объясненіяхъ самого Кронстедта³⁾, который ссылается, между прочимъ, на разобщеніе крѣпости отъ арміи, благодаря принятому „вопреки здравому смыслу и всякому человѣческому разуму“ рѣшенію сразу отступить въ Эстреботнію. По мнѣнію Кронстедта, арміи слѣдовало отступить на Гельсингфорсъ, приведя его въ оборону

¹⁾ Въ статьяхъ М. М. Вородкина приведены еще цѣлый рядъ свидѣтельствъ въ томъ же направленіи.

²⁾ Такихъ же взглядовъ держался и комендантъ Свартгольма, Гришнебергъ (см. Вородкинъ, II, стр. 247-я).

³⁾ (Приложение къ т. II. Шв. офиц. Исторіи войны, стр. 142—156 русскаго перевода)

нительное положение¹⁾ и тѣмъ отдалить отъ крѣпостныхъ берковъ непріятельскія батареи. Затѣмъ онъ указываетъ, что 2-го марта (т. е. 18-го февраля) въ моментъ занятія русскими Гельсингфорса, „крѣпость была совершенно открыта со стороны материка и не имѣла для отбитія сухопутной атаки никакого артиллерійскаго вооруженія“: только благодаря непрерывнымъ работамъ, въ теченіе сплошныхъ сутокъ всѣми наличными людьми, и употребленію всѣхъ орудій „армейскаго флота“, успѣли вооружить сухопутный фронтъ.

Если бы о состояніи Свеаборга у насъ имѣлись болѣе вѣрныя свѣдѣнія (изъ донесеній Буксгевдена видно, что его укрѣпленія и вооруженія мы представляли себѣ болѣе сильными, чѣмъ было въ дѣйствительности), то, вслѣдъ за захватомъ Гельсингфорса, попытка овладѣть Свеаборгомъ открытою силою могла имѣть серьезные шансы на успѣхъ.

Изъ защитительныхъ объясненій Кронстедта явствуетъ, что платформы были гнилыя, что запаса пороха хватило бы едва на 15 дней, если считать по 4 выстрѣла въ день на орудіе²⁾, что гарнизонъ, кромѣ лейбъ-полка вдовствующей королевы, состоялъ изъ рекрутъ; что офицеровъ было мало (едва приходилось по одному на каждый бастіонъ); также мало было обученныхъ артилеристовъ, что больныхъ было болѣе 500 человѣкъ (т. е. около $1/10$ чел. гарнизона) и т. п.

Для оцѣнки нравственнаго состоянія гарнизона, необходимо указать на присутствіе въ крѣпости значительного количества (до 1.800 человѣкъ) „безполезныхъ ртовъ“. Кромѣ того, въ крѣпости было 354 рабочихъ, арестантовъ³⁾ и 6 русскихъ военно-плѣнныхъ и перебѣжчиковъ.

Присутствіе такого элемента, въ размѣрѣ около $1/5$ всего наличнаго населенія крѣпости (болѣе $9\frac{1}{2}$ тысячъ), очевидно, вліяло на гарнизонъ растлѣвающимъ образомъ. Въ началѣ войны, благодаря присутствію женщинъ, офицеры Свеаборгскаго гарнизона предавались танцамъ. Впослѣдствіи женщины и дѣти пытались выйти изъ Свеаборга, но русскіе военачальники предупредительно вернули ихъ обратно, сославшись на строгость своихъ военныхъ законовъ.

¹⁾ Кронстедтъ упускаетъ здѣсь изъ вида, что по времени это едва ли было бы возможно, даже при той задержкѣ въ наступленіи русскихъ, которая въ дѣйствительности произошла; укрѣпленія же поспѣшили врядъ-ли остановили бы наши войска.

²⁾ О недостаткѣ пороха Кронстедтъ рапортовалъ уже 1-го марта (нов. стил.), т. е. наканунѣ вступленія русскихъ въ Гельсингфорсъ. 7-го апрѣля (26-го марта) онъ опять доложилъ до свѣдѣнія Стокгольмскіхъ властей, что пороху у него всего осталось 1.502 центнера, т. е. на 15 дней. Въ началѣ же осады было 2.298 центнеровъ (см. Бородкиль, т. I, 17 и прил. къ т. II шведск. офиц. истории войны, стр. 147). Надо прибавить, что въ началѣ осады порохъ расходовали крайне неосмотрительно; давали пушечные выстрѣлы даже по отдѣльнымъ казакамъ (М. Д., 54—56).

³⁾ На „невольниковъ“, найденныхъ въ Свеаборгѣ послѣ его капитуляціи, имѣется указаніе въ журналь комитета министровъ отъ 15-го сентября 1808 г., стр. 170.

Затѣмъ, какъ уже указано, въ крѣпости, среди офицеровъ, было много бывшихъ аннексіевъ, сторонниковъ идей Спренгпортена, который самъ находился въ Гельсингфорсѣ и поддерживалъ оттуда постоянныя сношенія съ маюромъ Егергорномъ¹⁾, который въ Свеаборгѣ былъ ближайшимъ помощникомъ Кронстедта и имѣлъ на него огромное вліяніе.

По отзыву одного изъ офицеровъ Свеаборгскаго гарнизона (нѣкоего Фока), „Егергорнъ былъ столь же ненавидимъ, сколь презираемъ, такъ какъ никто не вѣрилъ ему... Но значеніе его зависѣло главнымъ образомъ отъ того вліянія, которое онъ оказывалъ на Кронстедта. Ребиндеръ называетъ Егергорна „злымъ геніемъ“ Свеаборга. Онъ все время систематически внушалъ, что крѣпость не въ состояніи продержаться до мая, если не подоспѣетъ помочь изъ Швеціи, что по льду легко подойти къ крѣпости и взять ее, такъ какъ съ этой стороны укрѣпленія или плохи, или не закончены и т. п. Начальникъ артиллеріи маюры Ерне (Нѣргне), подъ вліяніемъ Егергорна, убѣждаль все время коменданта, что пороха не хватить, и т. п. до открытия навигаціи... На военныхъ совѣтахъ Егергорнъ самоувѣренno настаивалъ на своихъ доводахъ, рѣзко обрывая оппонентовъ и даже не давая имъ говорить. Кронстедтъ большую частью молчалъ. „Лейтъ-мотивомъ“ всѣхъ разсужденій Егергорна было: доказать невозможность отстоять Финляндію и необходимость перейти во власть Россіи. Такъ дѣйствовалъ Егергорнъ въ качествѣ эмиссара Спренгпортена, который, въ дѣлѣ капитуляціи Свеаборга, „оказалъ Россіи болѣе важную услугу, чѣмъ самъ предполагалъ“ (Ребиндеръ).

Игралъ роль, увы—и прекрасный полъ! Одинъ изъ офицеровъ гарнизона въ своихъ запискахъ прямо говорить, что „бѣда шла отъ женщинъ, которая были въ крѣпости, а не отъ тѣхъ, что находились въ ея стѣнахъ“. Въ ряду ихъ особое значеніе приобрѣла жена капитана Рейтершельда. Значеніе это характеризуется слѣдующимъ письмомъ Буксгевдена къ графу Салтыкову (товарищу министра иностранныхъ дѣлъ), отъ 6-го января 1809 г., въ которомъ ходатайствуется обѣ обезпечениіи капитану Рейтершельду и его женѣ денежнаго содержанія. Г-жа Рейтершельдъ, жившая въ Гельсингфорсѣ, имѣла постоянныя свиданія съ мужемъ, который былъ комендантомъ острова Лилла-Эстеръ-Свартъ-э (нынѣ островъ Стрѣлковый). Ея вліянію Буксгевденъ приписываетъ „въ значительной мѣрѣ“ рѣшеніе крѣпостного совѣта обороны сдать крѣпость²⁾. По крайней мѣрѣ,

¹⁾ Sv. Kr. 1808—1809. т. III, стр. 45—46.

²⁾ «Во время осады крѣпости Свеаборга»—пишетъ Буксгевденъ,—«тамошняго шведскаго гарнизона Адлеркрайцова полка капитана Рейтершельда жена сколько дѣятельностью, столько же и значущимъ вліяніемъ на мужа ея, бывшаго тогда комендантомъ крѣпости Лилла-Эстеръ-Свартъ-э, а равно и на многихъ того же гарнизона офицеровъ, созванныхъ

вскорѣ послѣ этихъ посѣщеній (въ сопровожденіи русскаго трубача!) начались формальныя переговоры между осаждающими и осажденными.

Сперва дѣло касалось огражденія города Гельсингфорса отъ выстрѣловъ. Вторично русскіе парламентеры (полковникъ Ансельмъ-дѣ-Жибори и поручикъ Сухтеленъ, сынъ генерала) явились передъ крѣпостью 21-го марта (2-го апрѣля) послѣ 12-ти-дневнаго бомбардированія, во время котораго нами выпущено 1.565, а противникомъ 2.477 снарядовъ.

Переговорщики наши старались внушить шведамъ, что дѣйствіе осадныхъ батарей съ каждымъ днемъ усиливается, что скоро придется еще тяжелая артилерию; что войска русскія горятъ нетерпѣніемъ въ ожиданіи приступа; что вся Финляндія уже подвластна Россійскому Сыннетру, а въ Шонію вступили французы и датчане; что Адлеркрайцъ взятъ въ пленъ и т. п. При такихъ условіяхъ сопротивленіе Свеаборга невозможно, его паденіе—неизбѣжно и вся вина въ безполезномъ пролитіи крови падетъ на коменданта. Результатомъ переговоровъ было заключеніе перемирія до 22-го апрѣля. Условія его предварительно подверглись обсужденію въ военномъ совѣтѣ изъ 17-ти человѣкъ, большую частью къ тому приготовленныхъ¹⁾, а затѣмъ—закрѣплены окончательно въ подписанной конвенціи 25-го марта, сущность которой заключалась въ слѣдующемъ: а) крѣпость должна быть сдана, если до 22-го апрѣля¹⁾ не прибудетъ подкрѣпленіе съ моря; б) по утвержденіи конвенціи, гарнизонъ очищаетъ и передаетъ русскимъ укрѣпленіе Лонгернъ (нынѣ островъ Ключевой), а затѣмъ, въ теченіе послѣдующихъ двухъ сутокъ—острова Лилла-Эстеръ-Свартъ-э и Вестеръ-Свартъ-э (нынѣ Стрѣлковый и Госпитальный), которые, въ случаѣ своевременнаго прибытія подкрѣпленій, возвращаются шведамъ. При капитуляції крѣпости, все военное имущество должно быть сдано въ цѣлости, а частное—остается неприкосновеннымъ; всѣ офицеры гарнизона—природные шведы, отпускаются на родину съ обязательствомъ не служить въ эту войну противъ Россіи, а нижніе чины—будутъ

генералъ-адмираломъ Кронштадтомъ въ совѣтъ по случаю предлагаемой конвенціи, приносila въ предпріятіи нашемъ великую пользу и не мало содѣствовала къ склоненію того совѣта къ сдачѣ крѣпости.. Отмѣнное ея усердіе къ пользѣ государства тогда же много награждено (вотъ, между прочимъ, куда тратился «золотой порохъ!») съ обѣщаніемъ... обезпечить ее и впредь въ содѣржаніи». Изъ того же письма видно, что Рейтершельдъ не хотѣлъ оставаться въ Финляндіѣ, «чувствуя, что тѣмъ только пріусугубить навлекшее уже на себя въ совѣтѣ подозрѣніе служившихъ съ нимъ офицеровъ», что «жена капитана была оставлена своими знакомыми, узнавши о прежнихъ ея сношеніяхъ и т. д.».

¹⁾ Срокъ этотъ былъ назначенъ съ расчетомъ на то, что внутренній рейдъ къ тому времени еще не вскроется: ледъ былъ толщиной въ 24 дюйма и старожилы уѣтѣли, что онъ можетъ продержаться до 1-го мая (объ этомъ доносиль Буксгевденъ Государю, въ рапортѣ отъ 21-го марта (2-го апрѣля). Такъ всегда бываетъ въ особенно суровыхъ зимахъ, каковы именно и была зима 1808 года. Обычно же навигація въ Гельсингфорсѣ открывается въ половинѣ апрѣля старого стиля; если за послѣднее время иногда удается сдѣлать это раньше, то лишь благодаря ледоколамъ.

отправлена въ Россію; что же касается финновъ, то они будутъ распущены по домамъ¹⁾, или могутъ поступить по желанію въ русскую службу... Флотилія возвращается Швеціи, по заключеніи мира, если Англія возвратить Данію отнятый у нея флотъ. О содержаніи „отдѣльной статьи“, касающейся уплаты долга въ 100 тысячъ талеровъ, было уже упомянуто выше.

23-го марта (4-го апрѣля) на островѣ Лоннанѣ (нынѣ о. Договорный) сошлись уполномоченные обѣихъ сторонъ, а полковникъ Егергорнъ посыпалъ самого Сухтелена. На другой день, 24-го марта (5-го апрѣля) Егергорнъ, Гутовскій и Лильеспарре представали предъ Сухтеленомъ и вели съ нимъ переговоры въ теченіе пяти часовъ. Затѣмъ русскій проектъ конвенціи былъ доставленъ Кронстедту, а часъ спустя въ крѣпость прибылъ со всей свитой Сухтеленъ, сообщившій, что русскій главнокомандующій одобрилъ этотъ договоръ, который тутъ же и былъ подписанъ.

Повидимому, шведы (кромѣ сознательныхъ измѣнниковъ) считывали на эту конвенцію, какъ на своего рода военную хитрость. Они думали, что посланные въ Стокгольмъ курьеры успѣютъ добраться туда во время и необходимая помощь придетъ раньше истечения назначенного срока. Кронстедтъ надѣялся этимъ путемъ выиграть время для очищенія залива и подхода эскадры. Такъ полагали всѣ благомыслящіе элементы гарнизона, что и подтверждаютъ записки Бота, Эренстрѣма и друг.²⁾.

На самомъ дѣлѣ конвенція, при условіи выполненія гарнизономъ въ установленный срокъ поставленныхъ ею требованій, уже предрѣшила судьбу крѣпости, такъ какъ основное ея условіе,—прибытіе въ извѣстный срокъ подкѣплений, по чисто-физическимъ причинамъ (время вскрытия водъ) и вслѣдствіе задержки русскими курьеровъ осуществиться не могло. Однако, по полученіи въ Петербургѣ извѣстія о конвенції, Императоръ Александръ немедленно послалъ Буксгевдену собственноручную записку:

1) „Отнюдь не переставать въ построеніи батарей, особенно на островахъ Катгольмѣ и Сканландетѣ³⁾ и еще увеличить всю дѣятельность при ономъ. 2) По занятіи укрѣплений: Лангернѣ, Вестеръ-Сварто и Остеръ-Лилла-Сварто донести: могутъ ли войска наши

¹⁾ Ниже будуть выяснены неблагопріятныя послѣдствія этого снисхожденія.

²⁾ Ботъ пишетъ: «Первое впечатлѣніе отъ конвенціи не было потрясающимъ, такъ какъ думали, что это была хитрость Кронстедта, чтобы обмануть русскихъ». Другой очевидецъ, Эренстрѣмъ, подтверждаетъ это, говоря въ своемъ дневникѣ: «въ началѣ я полагалъ, что заключенная съ Сухтеленомъ конвенція была ни что иное, какъ военная хитрость со стороны адмирала Кронстедта, съ цѣлью сбировать военные снаряды и выиграть время»...

³⁾ Т. е. Кальфгольмъ и Скансландъ (нынѣшніе острова Михайловскій и Александровскій, въ то время не входившіе въ составъ крѣпости).

остаться въ сихъ укрѣпленіяхъ, если изъ большихъ крѣпостей откроютъ въ нихъ со всею силою непріятельской огонь, ибо легко можно думать и опасаться, что комендантъ, отдавая намъ сія укрѣпленія, имѣть оное въ виду. 3) Женщинъ и дѣтей изъ крѣпостей не выпускать. 4) Комуникацію и сообщеніе съ крѣпостью не только не ослабить но еще строже наблюдать, дабы ничего не было туда доставляемо. 5) Всѣмъ солдатамъ изъ крѣпости позволять въ городъ приходить, всегда ласкать и дарить ихъ деньгами и виномъ, поселяя въ нихъ добре о насть мнѣніе, и стараться имъ объяснить, что всѣ ихъ пльные отпущены по домамъ, чѣмъ самыи и они могутъ пользоваться. 6) Если нѣкоторое значущее число солдатъ сихъ пожелаетъ остаться, не возвращаясь въ крѣпость, то не упускать сего изъ вида. 7) Офицерамъ изъ крѣпости стараться, подъ разными предлогами, какъ можно рѣже позволять приходить въ городъ, а которымъ будетъ позволено, то тѣхъ стараться употреблять въ нашу пользу и не давать имъ способовъ видѣть наши распоряженія. 8) Занятыя нашимъ войскомъ укрѣпленія неотмѣнно укомплектовывать порохомъ".

Отсюда видно, что Государь все еще не былъ увѣренъ въ томъ, что шведы выполнятъ условія и сдадутся, и разсчитывалъ использовать время перемирия, какъ для усиленія средствъ осады, такъ и для довершенія деморализаціи гарнизона. То и другое было достигнуто, какъ увидимъ ниже, съ полнымъ успѣхомъ.

Во исполненіе приведенного Высочайшаго повелѣнія уступленные намъ острова были заняты Кременчугскимъ мушкетерскимъ полкомъ и постройка батарей продолжалась съ неослабнымъ рвениемъ: во все время перемирия сооружено по 1 батареѣ на Кальфольмѣ, Сканландѣ и Сандгамнѣ (нынѣ о. Лагерный), почти закончено 5 батарей на Сканландѣ, начата постройка батареи на о. Большомъ Рентанѣ. Батареи располагались такъ, чтобы обстрѣливать фарватеръ, по которому ожидалось прибытие подкрѣплений изъ Швеціи. По отзывамъ шведскихъ историковъ, эта часть плана выполнена была блистательно. „Если, по сохранившейся картѣ этого периода осады, сравнить положеніе русскихъ до и послѣ конвенціи,— пишетъ Норденсанъ,—то критика конвенціи выходить убийственна. До 6-го апрѣля (нов. ст.) вся артилерійская сила русскихъ выражалась въ трехъ батареяхъ; послѣ этого дня мы видимъ, что русские восемью батареями закрыли главный входъ около Густавсверда, а также новыми батареями на Большомъ Рентанѣ, Лонгернѣ и Вестерсварте готовы были встрѣтить попытку проникнуть черезъ Лонгернскій проливъ" (см. чертежъ № 7).

Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнена группировка силъ осадного корпуса нижеслѣдующимъ образомъ:

Въ Гельсингфорсѣ: 31-й Егерскій полкъ, 1 баталіонъ Рязанскаго полка, 3 батарейныя роты, 2 пионерныя роты и весь артилерійскій паркъ.

На переданныхъ шведами островахъ:—Кременчугскій мушкетерскій полкъ.

Къ сѣверу отъ Гельсингфорса, въ Мальмбю, Гумтектѣ и Гаммельстадѣ—Бѣлозерскій мушкетерскій полкъ.

Къ сѣверо-востоку отъ Гельсингфорса, въ Брэндѣ, Хертонесѣ и на о. Дегерѣ—баталіонъ Минскаго мушкетерскаго полка; въ Ботю, Меллунгсбю, Вестерхулля и Вестерсундомъ—1 баталіонъ 30-го Егерскаго полка.

На о. Сандгамнѣ и островахъ западнѣе его: по 1 баталіону отъ 30-го Егерскаго и отъ Минскаго полковъ.

На полуостровѣ Нордшѣ:— $1\frac{1}{2}$ эскадрона лейбъ-казаковъ и 100 драгунъ.

Западнѣе Гельсингфорса (Хуплаксѣ, Мункснѣсѣ и Альберго)—1 эскадронъ гусаръ и $\frac{1}{2}$ эскадрона казаковъ. Остальная конница находилась у Стеффансбю. Конница содержала на льду цѣль постовъ летучей почты, оцѣплявшей крѣость кругомъ отъ Бусхольма черезъ Грохару къ Кунгсгольму.

Воздѣйствіе на гарнизонъ въ цѣляхъ его деморализаціи путемъ задариванія и обѣщанія роспуска солдатъ по домамъ имѣло результатомъ увеличеніе числа побѣговъ и полный разладъ въ средѣ офицеровъ.

Среди молодежи проявилось нѣчто въ родѣ броженія. Но не нашлося подходящаго предводителя. Изъ записокъ и показаний нѣкоторыхъ изъ офицеровъ Свеаборгскаго гарнизона видно, что часть офицерской молодежи, противившейся сдачѣ, рѣшились на смѣлый шагъ: бунтъ противъ коменданта былъ назначенъ въ ночь съ 1-го на 2-е мая (19-го на 20-е апрѣля). Предполагалось смѣстить Кронстедта и затѣмъ произвести ночное нападеніе на занятый нашими войсками островъ Скансландъ (Александровскій). Но въ послѣднюю минуту многие отступили отъ этого намѣренія.

Среди нижнихъ чиновъ извѣстіе о предстоящей капитуляціи тоже вызвало негодованіе¹⁾). Кронстедтъ, говорятъ, долженъ быть учредить особую для себя охрану, чтобы оградить себя отъ неистовства солдатъ, которые собирались вокругъ его дома и грозили предать его смерти... Словомъ, по выражению Бота, „по прошествіи нѣкотораго времени гарнизонъ крѣости представлялъ изъ себя гидру о 6.000 головахъ, изъ которыхъ каждая имѣла свой интересъ и каждую нужно было особыми мѣрами привлекать, уговаривать или принуждать“.

¹⁾ «Замѣтки» фонъ-Дебельна, стр. 21-я.

Однако, сроκъ перемирия подходилъ къ концу, а о прибытии подкрѣпленія не было слышно. Текстъ конвенціи былъ посланъ комендантомъ съ нѣсколькими курьерами въ Швецию, но едва ли хоть одинъ изъ нихъ достигъ мѣста назначения, такъ какъ „на пути они были долго задерживаемы нами подъ разными предлогами“¹⁾ Ледъ сталъ совсѣмъ слабымъ и уже не могъ бы составить препятствія для шведского флота, если бы таковой появился. Но часъ проходилъ за часомъ, а море все также оставалось пустыннымъ и не показывалось на немъ ни единаго паруса, взамѣнъ чего по крѣпости взадъ и впередъ расхаживали безъ всякихъ повязокъ на глазахъ русскіе генералы, какъ бы уже вступивъ во владѣніе ею, причемъ Каменскій возбуждалъ неудовольствіе своимъ высокомѣрнымъ тономъ. Онъ вѣдь зналъ отлично, что ему нѣтъ никакихъ причинъ стѣсняться: сдача крѣпости была рѣшена. Никакого подкрѣпленія прибыть не могло, ибо было совершенно ясно, что курьеры не достигли цѣли... Кронштадтъ, посланный первымъ, прибылъ въ Стокгольмъ съ рапортомъ Кронштадта вечеромъ того самого дня, когда палъ Свеаборгъ.

21-го апрѣля Буксгевденъ послалъ къ коменданту требовать сдачи и получилъ согласіе. Передачу крѣпости рѣшено было произвести въ теченіе послѣдующихъ трехъ дней.

22-го апрѣля (3-го мая) русскій осадный корпусъ сталъ въ ружье. Артилеристы—у орудій съ зажженными пальниками, готовые по первому знаку начать канонаду, если бы гарнизонъ вздумалъ вступить въ бой. Подъ звуки военной музыки шведы выступили изъ крѣпости и, по отдачѣ другъ другу чести, военноплѣнныесложили оружіе. Въ первый день занять нами Густавсвердъ (нынѣ о. Артилерійскій), затѣмъ—Стуръ-Остеръ-Сварт-э (о. Комендантовъ) и, наконецъ, на третій день—Варгенъ (о. Инженерный). Вмѣстѣ съ войсками сдавались морскія команды и прочее населеніе крѣпости. Наконецъ, послѣднимъ явился коменданть, вручившій ключи и крѣпостной флагъ, вмѣсто котораго при звукахъ 101 пушечнаго салюта надъ крѣпостью взвился русскій флагъ, послѣ чего совершиено торжественное молебствіе и окрошеніе новой, отнынѣ русской, твердыни, святою водою. Военно-плѣнныесолдаты складывали на льду оружіе, причемъ производилось распределеніе: финляндцевъ отпускали по домамъ, а шведовъ—отправили въ Россію.

Кронштадту были оказаны воинскія почести, съ барабаннымъ боемъ и отданіемъ чести взятиемъ „на плечо“. Шведское правительство по суду уволило отъ службы всѣхъ членовъ военнаго совѣта крѣпости вмѣстѣ съ комендантомъ, а также и всѣхъ офицеровъ, имѣв-

¹⁾ М. Д., стр. 106.

шихъ какое-либо отношеніе къ заключенію конвенціи. Но этимъ дѣйствія суда и кончились, такъ какъ послѣ Фридрихсгамскаго мира, по желанію нашего правительства, процессъ этотъ былъ прекращенъ. Всѣ эти бывшіе шведскіе офицеры окончили свою жизнь въ Россіи..

Въ Петербургѣ взятіе Свеаборга отпраздновали особымъ торжествомъ; послѣ богослуженія въ Исаакіевскомъ соборѣ, близъ памятника Петра Великаго состоялся парадъ и войска проходили церемоніальнымъ маршемъ мимо монумента „воздавая честь тому, чьи побѣды придинули Россію къ Балтику, чей помыселъ былъ поставить границу вѣковѣчной Имперіи русской на Ботническомъ заливѣ“.

При взятіи Свеаборга нами взяты трофеи: 7.503 военноплѣнныхъ, 2.033 орудія, 340.000 снарядовъ, около 9.000 ружей, 110 военныхъ судовъ и т. д.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о Свартгольмѣ. Крѣпостца эта возникла, какъ противовѣсь русскимъ пограничнымъ крѣпостямъ Фридрихсгаму, Вильманстранду и Нейшлоту, перешедшимъ въ наши руки съ 1743 года. Свартгольмъ, подобно Свеаборгу, былъ возведенъ на островахъ, расположенныхыхъ къ югу отъ города Ловизы (прежде Дегербю). Предполагалось, какъ и въ Гельсингфорсѣ, укрѣпить этотъ городъ со стороны суши; составленъ былъ даже планъ большой крѣпости, но къ началу войны 1808 г. къ его исполненію не было приступено. Гарнизонъ Свартгольма, около 600 человѣкъ, находился подъ начальствомъ маюра Гриппенберга. Крѣпость не была приведена въ оборонительное состояніе и комендантъ получилъ всего на всѣго 500 риксдалеровъ (около 1.000 рублей) на всѣ потребные расходы. Естественно, что крѣпостца не могла быть снабжена въ достаточной мѣрѣ всѣмъ необходимымъ, а на довольствіи было и здѣсь не мало „безполезныхъ ртовъ“ (общее число населенія Свартгольма равнялось 747 человѣкамъ).

По занятіи 11-го февраля Ловизы, оставленъ былъ для дѣйствій противъ Свартгольма отрядъ генераль-маюра Муханова, численностью около 1.750 человѣкъ. На другой же день самъ Буксгевденъ обрекогносировалъ крѣпость и призналъ, какъ и въ отношеніи Свеаборга, наиболѣе соотвѣтственнымъ ограничиться бомбардированіемъ, для чего просилъ прислать орудія тяжелой артиллеріи. Однако, предварительно сдѣлана была попытка предложить гарнизону сдаться. Русский парламентеръ (генераль-квартирмейстеръ, генераль-маюровъ фонъ-Бергъ) передалъ гарнизону бумагу, результатомъ которой былъ созывъ комендантомъ военного совѣта, на которомъ решено было арестовать всякаго, кто только подыметь рѣчь о сдачѣ крѣпости.

Русские обложили Свартгольмъ со стороны суши, но не настолько, однако, чтобы прервать всякое сообщение крѣпости съ материомъ. Команданту удалось не только получать оттуда продовольствіе, но и отправить главнокомандующему донесеніе о положеніи крѣпости. Но 15-го (27-го) февраля гарнизонъ Свартгольма узналъ объ отступленіи Клингспоря на сѣверъ. На какое-либо сообщеніе съ нимъ нечего было и разсчитывать. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ крѣпости узнали объ успѣхахъ русскихъ, о занятіи Борго, вторженіи „множества“ войскъ въ Саволаксъ и т. д., разумѣется, все въ сильно преувеличенномъ видѣ.

Къ 16-му февраля обложеніе Свартгольма сдѣжалось полнымъ и два дня спустя къ Гриппенбергу обратились съ новымъ предложениемъ о сдачѣ, которое было отвергнуто, послѣ чего наши войска открыли артиллерійскій огонь.... Несмотря на то, что огонь этотъ причинилъ самыя незначительныя поврежденія, Гриппенбергъ, „опасаясь предстоящаго штурма“ (какъ доносилъ впослѣдствіи одинъ изъ офицеровъ гарнизона фонъ-Шульцъ), предложилъ военному совѣту обратиться къ русскому начальнику осады съ ходатайствомъ о 6-ти недѣльномъ перемирии. Основанія къ тому: болѣзnenность ($\frac{1}{6}$ гарнизона), недостатокъ лѣкарствъ, слабость артиллерійского вооруженія и обученной прислуги (всего 14 человѣкъ), недостатокъ снарядовъ, опасность пожара и т. д. Кончилось дѣло посылкою къ русскимъ парламентера, что, конечно, не имѣло успѣха. Генералъ Мухановъ отвергъ предложенія и продолжалъ бомбардированіе еще болѣе энергично, увеличивъ число батарей. Послѣ вторичной посылки переговорщиковъ, Мухановъ потребовалъ личнаго свиданія съ комендантомъ, послѣ котораго 2-го (14-го) марта состоялось перемирие, а вслѣдь затѣмъ Гриппенбергъ, собравъ военный совѣтъ, повелъ уже прямо рѣчь о капитуляціи, на которую большинство согласилось. О повелѣніи королевской инструкціи „защищать крѣпость до послѣдняго человѣка“¹), всѣ повидимому, забыли, и 6-го марта Свартгольмъ капитулировалъ. По словамъ Михайловскаго-Данилевскаго (стр. 58), изъ переписки графа Буксгевдена „можно вывести догадки, что къ покоренію Свартгольма употреблены были такія же средства, какъ и противъ Свеаборга, но вѣрныхъ доказательствъ на то въ дѣлахъ не находится“. Въ одномъ изъ донесеній Буксгевдена (отъ 8-го марта), между прочимъ, выражена надежда, что Свеаборгъ послѣдуетъ примеру Свартгольма, въ сдачѣ которого главную роль сыграло „неудо-

¹) «Что же касается коменданта Свартгольма, то онъ долженъ быть снабженъ вами одинаковыми приказаніями съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же распорядиться немедленнымъ приведенiemъ крѣпости въ оборонительное состояніе и немедленно же приступить къ необходимымъ для того работамъ, а по вторженіи непріятеля въ край, усиленнымъ по вашему распоряженію гарнизономъ защищаться до послѣдняго человѣка». (См. стр. 20-я приложенийій къ 2 ч. Шведской офиц. исторіи войны).

вольствіе финляндскихъ войскъ, чрезъ различныя внушенія отъ преданныхъ намъ".

Въ Швеціи падѣніе обѣихъ крѣпостей, въ особенности Свеаборга, произвело потрясающее впечатлѣніе. Сперва во всемъ обвиняли Кронстедта и Густавъ IV даже произнесъ историческую фразу: „Я зналъ прежде, что Кронстедтъ мнѣ врагъ, но не считалъ его врагомъ Швеціи"; потомъ начали называть это событіе „психологическою загадкою" (выраженіе шведского генерала Карделя).

Дѣйствительно, взятие Свеаборга (и Свартгольма) представляетъ собою оригинальный примѣръ удачного воздействиа на духовную сторону противника. Если нѣкоторые теоретики военного искусства считаютъ основнымъ принципомъ этого искусства „подставлять сильную сторону и уклонять слабую", то столь вѣрно можетъ быть рекомендовано познаніе слабыхъ сторонъ противника и умѣніе использовать ихъ съ выгодою для себя.

Для достиженія главной цѣли войны, побѣды надъ врагомъ,—всѣ средства хороши, разъ только они ведутъ къ успѣху. Нравственная природа человѣка, по мѣрѣ роста культуры, возрастаетъ, однако, противъ жестокостей—отсюда международная соглашенія, устанавливающія въ этомъ смыслѣ извѣстныя нормы.... Но примѣненіе, какъ въ данномъ случаѣ, соблазна, совращенія и введенія въ обманъ противника, въ цѣляхъ поколебать въ немъ нравственную упругость и, внеся разладъ и разложеніе въ его рядахъ, уничтожить его способность къ сопротивленію,—не можетъ считаться средствомъ недозволеннымъ.... Напротивъ, достижениe всякой побѣды „съ легкимъ трудомъ и малою кровью", разъ это оказывается возможнымъ, нельзя не ставить въ заслугу.

А овладѣніе Свеаборгомъ, благодаря искусству Сухтелена, явившагося здѣсь главнымъ руководителемъ, досталось намъ почти безъ всякой крови.... Не будь возможности достигнуть этой цѣли „психологическими" путями, Свеаборгъ, вѣроятно, продержался бы до лѣта и въ періодъ шведскихъ успѣховъ сыгралъ бы для насть весьма неблагопріятную роль.... Между тѣмъ, при томъ количествѣ войскъ, которое могло быть въ то время удѣлено для дѣйствій подъ крѣпостью, вслѣдствіе уже извѣстнаго намъ одновременнаго преслѣдованія нами нѣсколькихъ цѣлей, едва ли можно было разсчитывать взять крѣпость однимъ изъ обычныхъ способовъ. Для штурма (способа, вообще намъ свойственнаго и наиболѣе отвѣчавшаго обстановкѣ по времени)—не хватало войскъ; постепенная атака требовала много времени, и, главное, веденіе подступовъ и сооруженіе батарей на льду оказывалось невозможнымъ, а съ наступленіемъ весны—и подавно; блокада же, даже въ соединеніи съ бомбардированіемъ, также не

сулила успѣха, такъ какъ, дѣйствуя изморомъ, надо было имѣть впереди опять-таки достаточный срокъ; а съ открытиемъ навигаціи, Свеаборгъ тотчасъ же возстановлялъ сообщеніе съ главною базою шведовъ, откуда могъ получить безпрепятственно и подкѣпленія и припасы. Помѣшать этому мы не имѣли никакой возможности, такъ какъ море въ Ботническомъ заливѣ и западной части Финскаго вскрывается раньше (недѣли за 2—3), чѣмъ въ восточной и, слѣдовательно, Свеаборгъ былъ бы усиленъ и снаженъ на глазахъ у сухопутныхъ нашихъ силъ и пока еще флотъ нашъ находился бы запертый въ Кронштадтѣ.... Мало этого, тѣ десантныя операциіи, которыя проектировались шведами одновременно съ переходомъ въ наступленіе войскъ Кронстедта, могли бы тогда произойти не у Або или Вазы (какъ было въ дѣйствительности), а въ сферѣ вліянія крѣпости, которая оказала бы имъ поддержку, приковывая къ себѣ часть нашихъ силъ.... Отсюда видно, какое большое значеніе имѣло для обѣихъ сторонъ паденіе Свеаборга именно въ тотъ моментъ, когда оно въ дѣйствительности случилось.... Необходимо принять во вниманіе, что неудачный для насъ Револакскій бой, послужившій поворотнымъ пунктомъ въ развитіи войны и началомъ шведскихъ успѣховъ, произошелъ 15-го апрѣля, т. е. только за недѣлю до сдачи крѣпости.... Ясно, насколько своевременно и важно для насъ была капитулациѣ послѣдней, благодаря которой освободилось около 6 тысячъ прикованныхъ къ крѣпости войскъ, какъ разъ въ такое время, когда, до прибытія настойчиво просимыхъ Буксгевденомъ подкѣплений, каждый лишній солдатъ былъ у насъ на вѣсъ золота....

Съ другой стороны, негодованіе шведовъ на Кронстедта и постигшія его обвиненія въ измѣнѣ, трусости и даже подкупѣ—обвиненія страстныя и потому, какъ мы видѣли, несправедливыя,— вполнѣ понятны. Кронстедту, отрѣзанному отъ своихъ, дѣйствительная обстановка не была извѣстна; онъ зналъ ее только на основаніи любезныхъ сообщеній русскихъ генераловъ, сообщавшихъ ему то, что было имъ нужно для ихъ затаенныхъ цѣлей.... Какъ видно изъ его оправдательныхъ объясненій, Кронстедтъ совершенно не уяснялъ себѣ общаго плана дѣйствій, установленного извѣстною намъ королевскою инструкцією, и основная цѣль отступленія въ Эстроботнію была, видимо, ему совершенно непонятна.... Въ этомъ слѣдуетъ прежде всего винить составителей этой инструкції, которые не сумѣли изложить ее настолько ясно, чтобы значеніе удержанія Свеаборга, до возстановленія воднаго сообщенія со Швеціей и присыпки оттуда подкѣплений, выдвигалось совершенно рельефно. Въ этой инструкції, кромѣ уже указанной нами въ началѣ этой главы двойственности, была и другая странность: по отношенію къ Свартгольму, значеніе

котораго, очевидно, было неизмѣримо меныши мъ, чѣмъ значеніе Свеаборга, почему-то указано категорически: „защищаться до послѣдняго человѣка“; такимъ образомъ, комендантъ Свартгольма обязывался „лечь костыми“, тогда какъ коменданту Свеаборга давались рядомъ указанія, что дѣлать „въ случаѣ невозможности защищить“ его...

Такимъ образомъ, за преждевременное паденіе Свеаборга, если не прямая вина, то извѣстная доля отвѣтственности падаетъ и на высшее шведское командованіе, въ лицѣ короля и его ближайшихъ совѣтниковъ, не сумѣвшихъ съ достаточнотою опредѣленностью поставить крѣпостному начальству тѣ требованія, которыя къ нему предъявлялись общую обстановкою въ зависимости отъ принятаго плана дѣйствій.... Нельзя не указать и на то, что въ предвидѣніи зимняго похода, неизбѣжность котораго была очевидна еще въ январѣ, было бы болѣе соотвѣтственнымъ вручить оборону Свеаборга не моряку, какъ Кронстедтъ, а сухопутному генералу, который, вѣроятно, яснѣе представлялъ бы себѣ истинный смыслъ операций на суше и былъ бы ближе знакомъ съ техникою веденія сухопутной обороны.

ГЛАВА VII.

Итоги зимняго похода 1808 года.

Какъ рисовали себѣ въ Петербургѣ положеніе дѣль въ Финляндіи.—Представленія графа Буксгевдена.—Положеніе дѣль въ началѣ мая.—Планы Клингспора.—Опасенія нашего Главнокомандующаго.—Народная война.—Причины нашихъ заблужденій.—Образъ дѣйствій противника и его опѣнка.

Положеніе сторонъ съ открытиемъ навигаціи.—Планъ союзного десанта въ Южную Швецію.—Намѣренія шведскаго короля.—Эпизодъ съ англійскимъ вспомогательнымъ корпусомъ.—Планы Клингспора и Аль-Тибеля.—Предположенія графа Буксгевдена.

Быстро отступленіе шведскихъ войскъ на сѣверъ, успѣшное занятіе очищенной ими части Финляндіи, надежда на удачный исходъ „вліяній“ въ отношеніи гарнизоновъ обложенныхъ крѣпостей,—все это внушало нашему высшему командованію, до Императора Александра включительно, черезезчуръ оптимистическое представление о положеніи нашихъ дѣль. Намъ казалось, что уже Финляндія завоевана; что непріятельскихъ войскъ, отступившихъ на сѣверъ, нечего опасаться; что со стороны противника можно ожидать только, съ открытиемъ навигаціи, слабыхъ попытокъ высадиться на финскомъ побережїѣ; что, наконецъ, русскимъ должно самимъ внести свое побѣдоносное оружіе въ предѣлы Швеціи, ограничившись въ Финляндіи обороной.

Что такой ошибочный взглядъ раздѣлялся самимъ Императоромъ Александромъ, подъ вліяніемъ побочныхъ денесеній изъ Финляндіи, (въ особенности—Спренгпортена).—видно изъ того, что уже 19 марта военный министръ Аракчеевъ запрашивалъ графа Буксгевдена по Высочайшему повелѣнію: признаетъ ли онъ возможнымъ осуществить переходъ по льду отъ Або въ Швецію 10—12 тыс. корпуса? Буксгевденъ отвѣчалъ въ томъ смыслѣ, что отрядить такой „экспедиціонный корпусъ“, при крайне ограниченномъ общемъ количествѣ находящихся въ его распоряженіи силъ—онъ самостоительно не въ состояніи; къ тому же времени, когда такая экспедиція можетъ быть окончательно организована, ледъ вѣроятно станетъ уже ненадежнымъ. Въ этомъ утверждало Буксгевдена, между прочимъ, и то обстоятельство, что даже самъ Клингспоръ не отступилъ отъ Базы черезъ Сѣверный Кваркенъ въ Швецію, а пошелъ берегомъ на Улеаборгъ. Вотъ почему Буксгевденъ, первоначально имѣвшій мысль внести русское оружіе въ предѣлы коренной Швеціи, преслѣдую по пятамъ непріятеля, отказался отъ этого намѣренія, опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ своей базы, какъ только вскроется ледъ. Поэтому онъ въ свою

очередь всеподданійше представлялъ Государю, что высадку въ Швецію надлежитъ произвести не раньше, какъ по совершенномъ открытии навигаціі. Для этой цѣли Буксгевденъ полагалъ необходимымъ назначить 50-тысячный десантный корпусъ, причемъ считалъ еще болѣе выгоднымъ отсрочить операцию эту до будущей зимы, такъ какъ зимнему переходу въ Швецію продолжалъ отдавать безусловное предпочтеніе. Буксгевденъ, видимо, придавалъ большое значеніе своему плану, такъ какъ послалъ его съ дежурнымъ генераломъ, квартирмайстерской части маюромъ Гавердовскимъ, который уполномоченъ былъ дать всѣ необходимыя дополнительныя объясненія¹⁾...

Изъ словъ Михайловскаго-Данилевскаго видно, что соображенія Буксгевдена произвели на Императора Александра непріятное впечатлѣніе. Назначеніе имъ „столъ огромныхъ сухопутныхъ и морскихъ средствъ“ не встрѣтило сочувствія. Императоръ Александръ, преувеличивая нѣсколько слабость Швеціи, „считалъ достаточнымъ появление на шведскомъ берегу войскъ въ незначительномъ числѣ, отъ 10 до 12 тыс. человѣкъ“; главнокомандующій, наоборотъ, не видѣлъ въ экспедиції какой-то демонстраціи, а смотрѣлъ на дѣло, какъ на вполнѣ серьезное военное предпріятіе и съ такой именно точки зренія разсчиталъ потребныя для тогоже средства...

Итакъ, дѣйствительную обстановку въ главной квартирѣ представляли себѣ гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ въ Петербургѣ... Ключъ къ этому даетъ намъ одно изъ писемъ Спренгпортена къ графу Румянцеву, писанное какъ разъ 30-го марта (нов. стиля) 1808 года, въ которомъ между прочимъ операция переброски нашихъ вооруженныхъ силъ въ Швецію представляется дѣломъ совершенно нетруднымъ²⁾...

Представленія Буксгевдена, упорно твердившаго о необходимости присылки значительныхъ подкрѣпленій, принимались въ Петербургѣ крайне неблагосклонно; вокругъ него уже сплеталась интрига, главнымъ источникомъ которой являлись шедшія въ обходъ донесенія и письма Спренгпортена, не брезгавшаго даже клеветою. Все это подтасчивало довѣріе Государя къ главнокомандующему, подкрѣпляясь въ Петербургѣ критикою Кнорринга, генераль-квартирмайстера русскихъ войскъ въ Екатерининскую шведскую войну, считавшаго себя самого наиболѣшимъ замѣстителемъ Буксгевдена. Все сводилось къ тому (пишетъ К. Ординъ), чтобы „убѣдить Александра, что силы оружія не нужно для покоренія Финляндіи, что все сдѣлается преданностью финляндцевъ къ Россіи и ея Императору и что воен-

¹⁾ Д. в.-уч. арх. Гл. Шт. № 1651. Любопытно, что въ слѣдующемъ году пришлось отчасти выполнять именно эти предначертанія, но уже не Буксгевдену.

²⁾ Помѣщено у Ордина т. II. ч. 2-я.

ных дѣйствія здѣсь должны вестись только про *forma*. Баталіонъ здѣсь, баталіонъ тамъ, побольше великудшія и золота”...

События, однако, не замедлили оправдать осторожную предусмот-рительность русского главнокомандующаго.

Для справедливой оцѣнки его исторической роли въ эту войну и для правдиваго освѣщенія причинъ постигшей его впослѣдствіи немилости необходимо имѣть въ виду, что еще 10-го апрѣля, т. е. двумя недѣлями ранѣе отправленія помянутаго выше „предположенія о переходѣ въ Швецию“¹⁾, графъ Буксгевденъ представилъ Государю „диспозицію“, въ которой излагалъ свои соображенія о необходимости упрочить за собою захваченную часть финляндской территории и перейти къ оборонительному образу дѣйствій. Такимъ образомъ за пять дней до Револакскаго боя Буксгевденъ и Сухтеленъ, не будучи еще освѣдомлены объ истинномъ положеніи дѣль на сѣверѣ, всетаки предугадывали опасныя послѣдствія неосторожной разброски войскъ и чуяли необходимость и своевременность закрѣпленія за собою захваченной территории.

„Счастливое покореніе Финляндіи—писалъ Буксгевденъ въ препроводительномъ къ диспозиціи рапортѣ—перемѣнившее образъ войны изъ наступательной въ оборонительную, и настоящее открытие весны, требующее сильныхъ мѣръ для защиты береговъ, обязали меня сдѣлать новую диспозицію, которую имѣю счастіе поднести на Всеயи-сочайшее Вашего Императорскаго Величества благоусмотрѣніе“. Самая „диспозиція“ ставить ближайшою цѣлью—„рѣшительныя мѣры къ удержанію Финляндіи и къ пресѣченію непріятелю возможности постановить твердый шагъ на землю оружіемъ нашимъ покоренную“. Мѣры эти сводились: а) къ установлению наблюденія за побережьемъ, но не сплошь, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ, аслуживающихъ особенно вниманія, причемъ „посты сіи не должны быть чрезвычайно сильны, дабы не ослабить отряды, которые расположатся въ такомъ положеніи, чтобы, подкрѣпя посты, были взаимно подкрѣпляемы другъ другомъ. Оные отряды подкрѣплены будутъ резервами, кои, въ связи ихъ, составятъ уже твердые пункты. Сверхъ того учредить должно ведеты изъ легкой кавалеріи“.

Нельзя не указать, что такая организація обороны побережья вполнѣ соотвѣтствуетъ современнымъ взглядамъ на это дѣло.

Заслуживаетъ вниманія затѣмъ послѣдующая оцѣнка оборони-тельныхъ свойствъ Финляндіи, „гдѣ малая часть можетъ удержаться противъ многочисленной“. Общая идея обороны Финляндіи, по мысли „диспозиціи“ такова: всякий отрядъ, застигнутый непріятельскимъ

¹⁾ «Предположеніе» представлено при рапортѣ отъ 24-го апрѣля и получено (согласно помѣтки) 28-го апрѣля. «Диспозиція» же отправлена 10-го и получена 13-го апрѣля.

десантомъ, отступаетъ къ своему резерву; въ то же время послѣдній идетъ къ нему на подкѣпленіе; остальные соединеніе отряды „сближаются къ пунктамъ имъ предписаннымъ“ такъ, „чтобы, заманя непріятеля въ желаемую и заблаговременно избранную позицію, вдругъ поставить его между многими огнями“. Главныя силы своего корпуса Буксгевденъ намѣревался держать между Гельсингфорсомъ и Тавастгусомъ, имѣя сильные отряды въ Або и Вазъ (авангарды). „Владѣющій“ такою „позицію“, по мнѣнію Буксгевдена, „владѣть и всею Финляндіею“.

Изъ того же документа видно, что Буксгевденъ предполагалъ занять правымъ фланомъ 5-й дивизіи Улеаборгъ, гдѣ въ дѣйствительности находилась главная квартира непріятеля... Такая плохая ориентировка объясняется, съ одной стороны, дальностью разстоянія (отъ Гельсингфорса до Гамла-Карлебю, гдѣ былъ Тучковъ, болѣе 600 верстъ); въ тѣ времена не существовало могущественныхъ средствъ связи, какія даетъ современная техника. Кроме того, главнымъ источникомъ полученія свѣдѣній о противнике — были финляндскіе перебѣжчики и мѣстные жители, а не конница наша, лихо работавшая на полѣ сраженія, но слабо развѣдывавшая. Если принять во вниманіе тайныя политическія цѣли и вожделѣнія этихъ людей, то легко себѣ представить, что обстановку военныхъ дѣйствій зимняго похода 1808 года они намѣ рисовали въ совершенно превратномъ видѣ.

Понятно какое впечатлѣніе произвели въ Петербургѣ вѣсти о неудачахъ нашихъ войскъ на сѣверѣ, объ отступлении Тучкова и Раевскаго назадъ къ югу, наконецъ, о вспыхнувшей въ Финляндіи народной войнѣ.

Всѣ эти извѣстія, являясь вполнѣ неожиданностью, не искупались удачнымъ овладѣніемъ Свеаборгскою твердыней; послѣ сдѣланного изъ Або официального оповѣщенія всѣмъ державамъ о покореніи шведской Финляндіи, послѣ написанія Императоромъ Александромъ письма къ Наполеону таія события ставили Россію и ея Монарха въ положеніе, близкое къ тому „смѣшному“ (*ridicule*), къ которому, правда, по словамъ того-же Наполеона отъ великаго—одинъ шагъ, но самая мысль о которомъ, въ примѣненіи къ самому себѣ, была недопустима для русскаго Императора. Такое положеніе дѣлъ еще болѣе возбудило въ Немъ нерасположеніе къ главнокомандующему. Изъ дѣлъ В.-Ист. Архива Ген. штаба видно, что посланному съ вышеупомянутымъ „предположеніемъ“ маюру Гавердовскому было, повидимому, поручено Аракчеевымъ доносить непосредственно ему въ Петербургъ о томъ, что дѣлается въ Финляндіи, такъ какъ Гавердовскій (вѣроятно—изъ поляковъ) писалъ ему непосредственно о томъ

письма. Другой полякъ, полковникъ Турскій, бывшій офицеръ Наполеоновскихъ войскъ, перешедшій въ русскую службу, игралъ тоже роль Аракчеевскаго лазутчика при Буксгевденѣ... Такимъ образомъ положеніе графа Буксгевдена сдѣлалось чрезвычайно труднымъ: онъ не имѣлъ „полной мочи“ главнокомандующему, которой требовалъ Суворовъ, обязанъ былъ представлять на Высочайшее благоусмотрѣніе о каждомъ своемъ шагѣ¹⁾ и, сверхъ того, былъ окружено двойнымъ рядомъ глазъ, слѣдившихъ за каждымъ его дѣйствіемъ и ежеминутно доносившихъ о нихъ въ Петербургъ...

Таково было положеніе вещей къ началу мая у насъ, когда наступившее весеннее половодье, сдѣлавъ дороги совершенно непроходимыми и превративъ рѣки и ручьи въ бушующіе потоки, на время прервало военные дѣйствія. Войска наши находились къ этому времени въ слѣдующемъ положеніи:

1) Отрядъ, соединившійся подъ начальствомъ Тучкова (около 7 тыс. чел.), былъ оттѣсненъ до Гамла-Карлебю, продолжая оставаться отдѣленнымъ отъ прочихъ нашихъ силъ.

2) Остальные силы Буксгевдена, утвердившіяся окончательно въ юго-западной части края, завладѣвъ крѣпостями Свеаборгомъ и Свартгольмомъ и освободивъ для дѣйствій въ полѣ блокировавшія ихъ войска, были разбросаны въ районѣ Тавастгусь—Або—С.-Михель—Гельсингфорсъ—Ганге.

3) Отдѣльные наши отряды, посланные для занятія Готланды и Аландскихъ острововъ, были окружены превосходными силами и калитурировали.

Общее число войскъ, находившихся въ Финляндіи, не превышало 23.000 человѣкъ, которые были разбросаны на 300 верстъ по фронту и 500 верстъ въ глубину (считая по воздуху).

Бодиско на Готландѣ былъ захваченъ эскадрою адмирала Цедерстрѣма съ 5.000 десантами, которая предназначалась въ Свеаборгъ, но, за получениемъ, едва ли не въ моментъ отплытія, извѣстія о его сдачѣ, направлена на Готландѣ, гдѣ встрѣчена поддержкою возставшихъ жителей. На Аландѣ отрядъ Вуича захваченъ возмутившимся населеніемъ, подъ главенствомъ пасторовъ.

Вуичъ, имѣя въ своемъ распоряженіи немногого болѣе 700 человѣкъ, занялъ Аландскій архипелагъ разбросанно, какъ будто дѣло происходило на сушѣ, упуская изъ вида, что связь между островами, со вскрытиемъ льда, прерывалась.... Конница, бывшая въ его распоряженіи, уничтожила оптическій телеграфъ и предостерегательные знаки, утопила сигнальное урудіе на о-вѣ Сигнальшерѣ и т. п. Запасы про-

¹⁾ Что видно изъ всѣхъ его всеподданѣйшихъ донесеній.

довольствія, бывшіе въ древнемъ замкѣ Кастельхольмъ, перевезены въ Нюштадтъ.

Съ приближеніемъ весны графъ Буксгевденъ, сознавая опасное положеніе нашихъ войскъ на Аландѣ, намѣренъ былъ возвратить ихъ обратно, такъ какъ пребываніе ихъ тамъ, имѣвшее цѣлью задержать движение шведовъ изъ Стокгольма черезъ ледъ къ Або, если бы таковое послѣдовало,—теряло смыслъ съ началомъ навигаціи и ставило самый отрядъ Вуича въ опасное положеніе. Но въ это время какъ разъ пришло къ главнокомандующему Высочайшее повелѣніе направить черезъ Аландѣ въ Швецію корпусъ отъ 10 до 12 тысячъ человѣкъ.... Это распоряженіе являлось развитіемъ того плана, о которомъ мы упоминали выше, и который состоялъ въ нанесеніи главнаго удара не въ Финляндію, а въ Швецію, соединенными усилиями русскихъ и франко-датчанъ. Экспедиція на Готландъ (о которой скажемъ подробнѣе въ главѣ о дѣйствіяхъ на морѣ) являлась въ этомъ смыслѣ началомъ исполненія, а движение черезъ Аландѣ должно было привлечь вниманіе шведовъ по сѣверную сторону Стокгольма и, такимъ образомъ, облегчить задуманный ударъ по южную сторону столицы.

Буксгевдену, явно не сочувствовавшему этому плану (какъ видно изъ его переписки), пришлось, волей-неволей, оставить Вуича на Аландѣ, хотя документы (журналъ военныхъ дѣйствій и переписка съ Багратіономъ) показываютъ, что опасность положенія Вуича сознавалась и дѣятельно принимались подготовительныя мѣры по перевозкѣ Аландскаго отряда водою въ Або, какъ только вскроется ледъ....

Первоначально на Аландѣ все было спокойно; жители относились къ войскамъ, по видимости, миролюбиво. Генералъ Шепелевъ, производившій тамъ 4-го апрѣля инспекторскій смотръ, доносилъ, что населеніе „вполнѣ предано“ намъ, въ особенности благодаря щедрой расплатѣ за продукты. На самомъ дѣлѣ такому настроенію довѣрять было нельзя; въ средѣ островитянъ, подъ покровомъ тайны, шло все время невидное намъ глухое броженіе, которое усилилось особенно послѣ предъявленнаго нами требованія разоружиться....

По полученіи маюромъ Нейдгардомъ, начальникомъ передовыхъ частей отряда Вуича, свѣдѣній о появленіи по юго-западную сторону Большого Аланда шведскихъ крейсirующихъ судовъ (море къ западу и юго-западу отъ архипелага всегда вскрывается раньше недѣли на двѣ, чѣмъ по восточную его сторону), послѣдній приказалъ черезъ мѣстную полицію собрать всѣ принадлежащія жителямъ лодки и суда въ теченіе сутокъ въ наше распоряженіе. Это требованіе послужило предлогомъ для агитации. Коронный ленсманъ (приставъ) Аренъ, пасторъ Гуммерусъ и крестьянинъ Андерсонъ стали во главѣ заговора; съ быстротою пожара распространился онъ изъ

селенія въ селеніе, изъ избы въ избу. Вооружившись чѣмъ попало, отдельные толпы крестьянъ внезапно и одновременно напали на наши заставы, которыхъ частью были истреблены, частью взяты въ пленъ. Нейдгардъ съ двумя казаками нѣсколько дней скрывался въ лѣсахъ, послѣ чего, изнуренный голодомъ, сдался одному изъ пасторовъ....

Населеніе Аландъ дѣйствовало такъ смѣло, уповая на помощь изъ Швеціи. Послѣдняя и была близка, такъ какъ Густавъ IV, по полученніи извѣстія о занятіи Вуичемъ Аландъ, приказалъ отряду галерного флота, подъ начальствомъ лейтенанта Капфельмана, немедленно по вскрытии моря двинуться на Аландъ и попытаться не только отобрать его отъ русскихъ, но и захватить послѣднихъ. Въ тотъ самый вечеръ, когда возставшіе крестьяне овладѣли главнымъ островомъ флотилія пристала къ южному его берегу. Узнавъ о положеніи дѣлъ, Капфельманъ поплылъ въ обходъ острова Кумлинге, где были главныя силы Вуича. Въ виду слабости своихъ силъ (у Капфельмана было не болѣе 100 человѣкъ десанта), онъ обратился за помощью къ вождю повстанцевъ Гуммерусу. Съ трудомъ пробираясь между лѣдинами, они подошли къ западному берегу Кумлинге и потребовали у Вуича сдачи. Сперва предложеніе это было отвергнуто; тогда шведскій десантъ и инсургенты одновременно въ трехъ пунктахъ произвели 28-го апрѣля высадку на Кумлинге, где къ нимъ тотчасъ же примкнуло поголовно возставшее населеніе острова....

Вскрывшееся уже и по восточной сторону море позволило совершенно окружить русскихъ. „Егеря 25-го полка, несмотря на чрезмѣрное превосходство противниковъ и пушечные выстрѣлы (у Капфельмана на галерахъ были пушки), дрались храбро до 4-хъ часовъ, наконецъ, отступили въ безпорядкѣ.... Напослѣдокъ, когда не стало патроновъ, число раненыхъ увеличивалось и некоторые отдельные пикеты были отрѣзаны, я былъ сдѣланъ съ прочими пленнымъ“. Такъ показывалъ Вуичъ впослѣствіи на судѣ. По шведскимъ источникамъ, нападеніе непріятеля застало Вуича совершенно врасплохъ; онъ, будто-бы, обѣдалъ со своими офицерами у пастора Хекерта, который, при первомъ извѣстіи о нападеніи, старался успокоить Вуича, говоря, что „это только крестьяне съ кольями“.... Однако, крестьяне эти, при поддержкѣ огня орудій, такъ энергично и смѣло атаковали, что Вуичъ принялъ ихъ за регулярныя войска, которыхъ, на самомъ дѣлѣ, тутъ было самое незначительное количество.

Всего сдалось на Кумлинге 20 офицеровъ, 38 унтеръ-офицеровъ и около 400 рядовыхъ. Мы съ умысломъ подробнѣе изложили этотъ эпизодъ, какъ характеризующій мѣстное населеніе, его умѣнье блести тайну, его непроницаемость и коварство, его единодушіе въ выполненіи плановъ, умѣлое пользованіе внезапностью и полную согласо-

ваниность дѣйствій. Безвыходное положеніе отряда Вуича, благодаря непринятію нами въ расчетъ неизбѣжныхъ естественныхъ условій, неодновременное вскрытие моря по обѣ стороны архипелага, было принято судомъ во вниманіе и Вуичъ оправданъ. Но все же безопасность и чрезмѣрная довѣрчивость играли въ этомъ печальному эпизодѣ немалую роль, а потому и въ этомъ отнапеніи онъ поучителенъ.

Послѣдствія захвата Аланда сказались немедленно по открытии весенней кампаніи, такъ какъ онъ въ рукахъ шведовъ сдѣлался удобнымъ плацдармомъ для подготовки всѣхъ десантныхъ экспедицій, а равно базою и исходнымъ пунктомъ операций галерного и частью корабельного флотовъ.

Тѣмъ временемъ шведскія войска Клингспорса (13 тыс.), прекративъ преслѣдованіе войскъ Тучкова (вслѣдствіе весенн资料的 polyvalent 为多义词，可指多种资源或多种用途。)， сосредоточились на квартирахъ въ районѣ Сикайоки-Револаксъ, кромѣ бригады Сандельса, которая, послѣ пораженія Обухова, заняла Куопіо и тамъ сдѣлала центромъ широкоорганизованной народной войны.

Несмотря на столь благопріятный оборотъ дѣль, шведскій главнокомандующій графъ Клингспоръ все еще не могъ отрѣшиться отъ тяготѣнія къ пассивному образу дѣйствій. Онъ доносилъ своему королю что, занявъ линію р. Сикайоки, „пріобрѣлъ хорошую позицію для арміи“ его королевского величества, на которой она могла бы имѣть случай къ „хорошой оборонѣ“. Обдумывая различные „диверсіи“, онъ упустилъ удобный случай нанести отдельное пораженіе Тучкову, до наступленія весенней распушки.

„Митридатъ,—писалъ онъ—говорить сыновьямъ своимъ, что побѣждать римлянъ слѣдуетъ въ Римѣ; мое всеподданѣйшее мнѣніе состоить въ томъ, что русскихъ надо принудить къ миру въ Петербургѣ“. Общая идея задуманного имъ довольно таки фантастического плана заключалась: а) въ усиленіи финской арміи настолько, чтобы она могла энергично наступать къ югу; б) въ направленіи одновременно съ тѣмъ особыхъ подкрѣплений изъ Швеціи въ видѣ десантовъ на берега юго-западной Финляндіи, въ тылъ отступающимъ русскимъ, облегчая главнымъ силамъ шведовъ ихъ наступательное движеніе, и в) въ прочномъ занятіи Саволакса и въ организаціи народной войны съ цѣлью угрозы нашему тылу съ другой стороны.

Самая возможность такихъ соображеній о переходѣ въ наступленіе, обѣ „обратномъ завоеваніи“ Финляндіи и даже обѣ угрозѣ Петербургу явилась результатомъ исхода для насъ зимнихъ операций 1808 г.

Исходъ этотъ никакимъ образомъ нельзя признать удачнымъ, а создавшееся стратегическое положеніе для насъ—выгоднымъ...

Въ Петербургѣ этого упорно не понимали, вѣря только тому, чему пріятно вѣрить, и что именно и сообщали услугливые финляндскіе

перебѣжчики... Удачное завладѣніе Свеаборгомъ какъ-бы оправдывало такой взглядъ. Главная наша квартира ближе къ истинѣ оцѣнивала обстановку.

„Изъ диспозиціи, поднесенной Вашему Императорскому Величеству отъ 10-го числа апрѣля (доносилъ графъ Буксгевденъ 24-го апрѣля), изволили усмотреть главное намѣреніе мое усилить оборону по берегамъ полуденной части Финляндіи, какъ въ таковыхъ мѣстахъ, где должны ожидать покушенія непріятельского, наиболѣе же въ то время, когда англичане соединять морскія свои силы со шведскими. Сколько не старался я размѣщеніе войскъ основывать соразмѣроятно могущія быть непріятельскія покушенія и соблюдать при томъ всѣ тѣ мѣста, где непріятелю представляется способность произвести десантъ, не могъ однажды достаточно усилить всѣ пункты, требующіе дѣятельной обороны—множество мѣсть по положенію своему представляютъ непріятелю точки въ высадкѣ удобныя, а особенно при томъ великомъ пространствѣ, составляющемъ болѣе 1500 верстъ, которое должно защитить двадцати пяти тысячнымъ корпусомъ; когда непріятель, прорвавшійся въ одномъ пункѣ, можетъ получить войско со шведскихъ береговъ по крайней мѣрѣ таковое же количество ¹⁾, имѣя сверхъ того надежду на содѣйствіе жителей, коихъ при сильномъ распространеніи непріятеля весьма не трудно будетъ взводнить ²⁾. Сія опасность можетъ еще возрасти отъ того, что по сіе время до десяти тысячъ военнопленныхъ распущено по домамъ, въ томъ числѣ есть много офицеровъ. Корысть и личные виды некоторыхъ изъ нихъ конечно заставляетъ быть недовольными объ успѣхахъ оружія Вашего Величества, слѣдовательно, ожидая виньюю непріятеля не менѣе должно быть осторожнымъ и отъ внутренняго, который всего скорѣе обнаружится при малѣйшей неудачѣ нашей со стороны военныхъ дѣйствій ³⁾“.

„Знай сколь нужно при сихъ случаяхъ имѣть отряды войскъ между собою сближенными, дабы при наступлениі съ моря можно было составить корпусъ сколько можно равносильный непріятельскому, не менѣе необходимымъ считаю и обеспеченіе своего правою фланга и тыла со стороны спѣвера: ибо весьма вѣроятно, что непріятель, въ то самое время, когда устремится на берега полуденные, для развлечения силъ нашихъ и для большаго вліянія на финновъ, подкрепя корпусъ, стесненный нами къ Олеаборгу, сдѣлаетъ съ той стороны диверсію“.

¹⁾ Какъ увидимъ ниже, оттуда могло бы быть доставлено и большее количество, если бы король шведскій не употреблялъ въ своихъ предприятияхъ противъ Норвегіи и если бы у шведскаго правительства хватило средствъ на организацію ландвера въ предположенной числительности (до 60 т. человѣкъ).

²⁾ Что не замедлило оправдаться.

³⁾ Писалось до получения донесеній о событияхъ на сѣверѣ.

Приведенные соображения побуждали Буксгевдена ходатайствовать о присылке покрѣплений. Имѣвшееся въ его распоряженіи количество войскъ онь считалъ недостаточнымъ даже „для содержанія тишины и порядка внутри и для вѣшней обороны Финляндіи“, ибо „если французская и дацкая войска не произведутъ диверсіи со стороны Сканіи (Шоні), тогда всѣ силы Швеціи обращены будутъ единственно противу одной здѣшней страны“. При этомъ Буксгевденъ особенно подчеркивалъ, что при имѣющихся въ его распоряженіи силахъ „не исчего учредить обсерваціонного корпуса“ въ Саволакской области.

Донесеніемъ главнокомандующаго въ Петербургъ однако не придавали никакой вѣры... Это подтверждается самимъ обиліемъ его ходатайствъ о присылкѣ подкрѣплений.

Прямодушный Буксгевденъ доносилъ безхитростно, по совѣсти, то, что казалось ему необходимымъ для пользы дѣла; въ Петербургѣ-же эти представленія подвергались насмѣшкамъ и едва ли не служили основаніемъ къ обвиненіямъ главнокомандующаго, штурмовавшаго съ Суворовымъ Прагу, въ нерѣшительности, граничащей съ личною трусостью. Нижеслѣдующая фраза, помѣщенная въ одномъ изъ все-подданѣйшихъ рапортовъ¹⁾ графа Буксгевдена показываетъ на сколько оскорбительны были для него лично подобныя обвиненія. „Лично я не страшусь непріятеля (пишетъ онъ). Доколѣ существуетъ во мнѣ жизнь, усердіе къ славѣ Вашего Императорскаго Величества, приверженность моя къ престолу, готовность и желаніе послѣднюю каплю крови принести пользамъ отечества, составляютъ священные для меня обѣты, которые будуть управлять всѣми моими распоряженіями; но долгъ и обязанность, которые на себѣ я ношу, укорили бы меня передъ цѣлымъ свѣтомъ, если-бы я осмѣлился умолчать объ обстоятельствахъ, по слѣдствіямъ своимъ могущихъ быть довольно важными. Отъ воли Вашего Императорскаго Величества зависѣть будетъ усилить финляндскую армію, а мой долгъ былъ сказать, не обинуясь, истину“.

Такое безпрестанное повтореніе одной и той же истины не могло быть пріятно... Гораздо пріятнѣе было то, что писалъ Спренгпортенъ, рисовавшій въ своихъ мемуарахъ Румянцеву положеніе дѣль въ самомъ розовомъ свѣтѣ, указывая, что „Финляндія—наша“, что у Швеціи нѣть ни силъ, ни желанія, ни средствъ отвоевать ее, что она поглощена стремленіемъ овладѣть Норвегіей и что поэтому въ Финляндіи главное—не военные мѣры, а мѣры привлеченія благорасположенія жителей, въ ряду которыхъ прежде всего нужно созвать сеймъ въ

¹⁾ Отъ 12-го июня 1808 г. за № 34.

Або. Стратегическое положение наше въ Финляндії, по Спренгфор-тену,—великолѣпно и не внушаетъ опасеній, а о высадкѣ въ Швецію онъ говоритъ, какъ о шуточномъ предпріятіи...

Тяжело было положение главнокомандующаго; это подтверждается заключительной фразой того же рапорта. „Мнѣніе сіе дерзаю я со-дѣлать извѣстнымъ Вашему Величеству не по одному собственному своему предложенію, но по совѣту и согласію съ генералами, на коихъ таланты и усердіе Ваше Величество благоволите своимъ вниманіемъ и коихъ содѣйствіе мнѣ нынѣ считаю за честь“.

Недовѣріе къ графу Буксгевдену выразилось еще и въ неодно-кратныхъ посыпкахъ въ Финляндію, начиная съ апрѣля 1808 года, одного изъ офицеровъ квартирмейстерской части, облеченнаго особыми полномочіями. Это былъ, считавшійся блестящимъ знатокомъ военного дѣла, полковникъ маркизъ Паулуччи, сардинскій выходецъ, незадолго передъ тѣмъ перешедшій въ нашу службу изъ австрійской, явившійся контролеромъ посѣдѣлаго въ бояхъ ветерана Суворовской школы—главнокомандующаго, и его начальника штаба, Сухтелена, человѣка высоко-образованного во всѣхъ отношеніяхъ, человѣка выдающихся военныхъ способностей и познаній, положившаго, въ сущности, начало въ Россіи правильно-организованной службѣ генерального штаба...

Наиболѣе опаснымъ для насть послѣдствіемъ неудачи зимняго похода была вспыхнувшая, начиная съ конца апрѣля, народная война. Первое проявленіе ея имѣло мѣсто уже 18-го апрѣля, т. е. три дня спустя послѣ Революкса, а затѣмъ, въ особенности послѣ упомянутыхъ выше событий на Аландѣ и Готландѣ,—пламя возмущенія быстро рас пространилось. Заемствуемъ у К. О. Ордина нижеслѣдующія краснорѣчивыя строки для характеристики того положенія, въ которомъ очутились русскія войска:

„Шедшіе къ войскамъ транспорты атаковывались и большею частью расхищались; лѣса наполнились вооруженными людьми, дѣйствовавшими вразсыпную и находившими убѣжище по деревнямъ; курьеры перехватывались и отряды оставались безъ свѣдѣній о взаимномъ положеніи... Ненависть къ русскимъ разжигалась еще присланнымъ изъ Стокгольма прокламаціями, которые начальникъ шведского отряда въ Куопіо Сандельсъ дѣятельно распространялъ. Прокламаціи были написаны въ самыхъ рѣзкихъ противъ русскихъ выраженіяхъ, а народнымъ движениемъ руководили пасторы, офицеры и солдаты сдавшихся и отпущеныхъ на честное слово гарнизоновъ“.

Послѣднее обстоятельство особенно важно и на немъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться. Какъ уже упомянуто было военно-полѣнныхъ въ Свеаборгѣ (и раньше въ Свартгольмѣ) раздѣлили на 2 группы: финновъ распустили по домамъ, а шведовъ отправили въ Россію. Такъ

какъ, при шведской военной организаціи, войска, оборонявшія Финляндію, комплектовались исключительно финляндцами, то плѣнныхъ 2-й категоріи было весьма мало,—только благодаря присылкѣ въ Свеаборгскій гарнизонъ, передъ началомъ войны, подкрѣпленій изъ кореннай Швеціи. Конечно показанная главнокомандующимъ (въ вышеприведенномъ всеподданѣйшемъ его донесеніи отъ 24-го апрѣля), цифра въ 10 тысячъ военноплѣнныхъ, отпущеныхъ по домамъ, можетъ считаться преувеличеною; но все же несомнѣнно, что при численности одного только взятаго въ плѣнъ гарнизона Свеаборга въ 6 съ лишнимъ тысячъ человѣкъ, общее число вернувшихся къ родному очагу финляндцевъ было никакъ не менѣе 6-ти тысячъ.

Полковникъ Турскій, польскій офицеръ, перешедшій въ русскую службу изъ войскъ Наполеона, доносилъ, между прочимъ Аракчееву: „Главнокомандующій (графъ Буксгевденъ) очень дурно сдѣлалъ, что послѣ взятия Свеаборгской крѣпости выпустилъ на волю 6.000 гарнизонъ вмѣстѣ съ ихъ офицерами, ибо каждый изъ насъ очень хорошо могъ предвидѣть, что всѣ сіи люди сдѣлаются опаснѣйшими для насъ непріятелями и что, будучи разсѣяны во внутренностяхъ земли, они возставятъ мужиковъ и будутъ ихъ водителями, что и случилось...¹⁾“) Турскій возлагалъ отвѣтственность въ этотъ дѣлѣ на графа Буксгевдена, но думается, что онъ ошибался: вѣроятнѣе, что эта мѣра была внушена изъ Петербурга. Да будь иначе, не сталъ-бы самъ Буксгевденъ въ своихъ донесеніяхъ указывать на этотъ фактъ, какъ на одну изъ причинъ неблагопріятно-сложившейся для насъ обстановки..

Пагубный результатъ этой мѣры не замедлилъ сказаться. Она продиктована была несомнѣнно желаніемъ лишній разъ проявить гуманность и благоволеніе къ населенію покоренного края, привлечь его къ себѣ изъявленіемъ довѣрія къ его покорности новой власти... Оказалось иное. Оказалось, что покорность эта, о которой такъ много говорили и писали Спренгпортенъ и его сотрудники,—была мнимою; она была только неизбѣжною тактикою со стороны населенія, оставленнаго на произволъ судьбы своими войсками и вынужденного отиться на милость побѣдителя. Ничтожной въ сущности побѣды надъ незначительнымъ отрядомъ было достаточно, чтобы населеніе повсюду поднялось и чтобы партизанскіе отряды „какъ снѣжный комъ, постоянно росли отъ присоединявшихся къ нимъ вооруженныхъ крестьянъ и отпущеныхъ на свободу солдатъ крѣпостныхъ гарнизоновъ“.

Даже генералъ Кноррингъ, впослѣдствіи смѣнившій Буксгевдена на посту главнокомандующаго и вообще склонный миролить мѣстному населенію, не могъ скрыть истины въ этомъ отношеніи и, характеризуя положеніе дѣлъ на театрѣ войны, помѣстилъ въ одномъ изъ

¹⁾ Д. В. Уч. Арх. Гл. Шт. № 1664.

своихъ всеподданнейшихъ донесеній, что опущенные на волю офицеры и солдаты „разсыпались по лѣсамъ и, будучи одобряемы губернаторами, священниками и комиссарами (т. е. всѣми тѣми органами мѣстного управления, которые нами „гуманно“ оставлены были на своихъ мѣстахъ), взяли себѣ въ предметъ захватывать и грабить российские транспорты и магазейны“, сдѣлавъ вскорѣ возмущеніе „всебѣщимъ“, а Куюпіоскую губернію — „зрѣлищемъ кровопролитія“.

Кноррингъ, положимъ, свое указаніе дѣлаетъ съ цѣлью обѣлить мѣстное населеніе и доказать, что народной войны, въ сущности, не было вовсе, а дѣйствовали только отпущеные на свободу военно-плѣнны; если же къ нимъ и примыкали крестьяне, то это-де вызвано было злоупотребленіями нашего военного начальства, неаккуратно разсчитывавшагося за подводы, а также вслѣдствіе производимыхъ войсками грабежей¹⁾... Это явно пристрастное заключеніе „русскаго“ главнокомандующаго опровергается цѣлымъ рядомъ документальныхъ свидѣтельствъ современниковъ, подтверждающихъ участіе въ возстаніи почти поголовно мужского населенія края. Если бы участвовали только распущенные плѣнны, или недовольные подводчики, то возстаніе никогда не прияло бы столь грозныхъ размѣровъ... Лучшимъ свидѣтельствомъ могутъ служить нижеслѣдующія строки уже помянутаго Паулуччи, заявленія котораго, какъ иностранца въ русской службѣ, мы въ правѣ считать уже вполнѣ безпристрастными:

„Возмущеніе устроено въ окрестностяхъ нашихъ позицій,—пишетъ онъ,—и, покровительствуя непріятелю во всѣхъ его наступательныхъ и оборонительныхъ намѣреніяхъ, оно должно непремѣнно ослабить наши средства и сдѣлать даже, если смѣю сказать, наше положеніе весьма сомнительнымъ. Я сомнѣваюсь, чтобъ сей народъ можно было ласкою привязать къ себѣ, и думаю, напротивъ того, что если бы силы наши здѣсь умножились такъ, чтобы можно было принять и насилиственные мѣры, употребивъ примѣры праведной строгости, то тогда можно было бы возстановить порядокъ и спокойствіе въ такомъ народѣ, котораго кроткие и человѣколюбивые поступки нашей арміи не были бы въ состояніи содержать въ тишинѣ“.

Крестьяне принимали въ народной войнѣ настолько широкое участіе, что какъ пишетъ (на основаніи помянутыхъ документовъ) К. Ф. Ординъ,—«стычки съ народнымъ возстаніемъ принимали характеръ настоящихъ сраженій и кучи труповъ вооруженныхъ крестьянъ оставались на мѣстѣ». Какъ только русскія войска удалялись—возстаніе возгоралось съ новою силой, сопровождаясь жестокостями. Въ одномъ мѣстѣ найдено было 11 труповъ русскихъ солдатъ, закопанныхъ, по поясъ въ землю и съ отрубленными головами. На

¹⁾ Подлинный отчетъ Кнорринга помѣщенъ въ дѣлѣ В. Уч. Архива Главнаго Штаба № 4418.

островахъ устраивались склады оружія, переправы уничтожались, транспортны и курьеры перехватывались... Какъ увидимъ далѣе, мятежъ народный совершенно отрѣзалъ одно время войска, бывшія на сѣверѣ Фінляндіи, отъ прочихъ силъ...

Исное дѣло, что такие серьезные результаты не могли быть достигнуты только одними отпущенными военнопленными и только благодаря недовольству притѣсняемыхъ войсками крестьянъ... Расспукъ по домамъ военнопленныхъ имѣлъ, однако, существенно-важное значеніе, ибо этимъ мы сами послали въ среду финского населенія *готовые кадры* для вооруженного мятежа. Дѣйствительно, военная исторія показываетъ, что только при существованіи такихъ кадровъ народная война бываетъ успѣшна и трудноподавима: польскія восстанія, испанскіе гверильясы, наши и германскіе партизаны въ 1812—1813 гг. Всюду въ этихъ случаяхъ во главѣ партій и въ видѣ основного ядра ихъ оказывались люди съ военною подготовкой. Обратно, въ 1870 году французскіе *francs tireurs*, были именно только «вольными» стрѣлками, въ обычномъ смыслѣ этого прилагательнаго въ устахъ нашего солдата, что несомнѣнно, являлось одною изъ причинъ, почему ихъ дѣятельность проявила себя слабо и разрозненно.

Итаѣ, въ теченіе почти 3-хъ первыхъ мѣсяцевъ кампаніи, наши войска, вторгнувшись въ шведскую Фінляндію по эксцентрическимъ направлениямъ и не встрѣчая никогда сколько-нибудь серьезнаго сопротивленія со стороны еще не сосредоточенныхъ и даже частью не укомплектованныхъ шведскихъ войскъ, быстро заняли южную и юго-западную часть Фінляндіи вплоть до линіи Бьернеборгъ-Куопіо. Затѣмъ, вслѣдствіе одновременнаго преслѣдованія нѣсколькихъ цѣлей, произошла разброска силъ во времени и пространствѣ, благодаря чему въ точкѣ удара мы оказались значительно слабѣе противника. Наші силы, не соотвѣтствуя ни предѣламъ захваченной территоріи, ни широтѣ поставленныхъ задачъ,—оказались не только не въ состояніи продолжать активнаго дѣйствія, но даже очутились въ положеніи, близкомъ къ критическому. Разобщенныя другъ отъ друга огромными разстояніями, окруженные чуть не поголовно возставшимъ, при первой-же ничтожной нашей неудачѣ, населеніемъ, 23 - тысячныя силы финляндскаго корпуса уже не смѣли помышлять объ осуществленіи фантастическихъ плановъ Спренгпортена: они должны были бороться за собственное существованіе, ожидая тѣмъ болѣе съ часу на часъ по вскрытии водъ Ботническаго залива высадки въ тылъ подкрѣпленій изъ Швеціи и притомъ раньше того, чѣмъ русскій флотъ, затерпій льдомъ въ Кронштадтѣ могъ этому помѣшать!..

Чѣмъ же объяснить такой исходъ, какія же причины, какія же упущенія, ошибки или заблужденія довели насъ до такого положенія вещей?

Прежде всего — незнаніемъ своего противника, недостаткомъ точныхъ о немъ свѣдѣній и ненадежностью главныхъ источниковъ этихъ свѣдѣній.

До начала войны свѣдѣнія какъ о Финляндіи, такъ и подготовительныхъ мѣропріятіяхъ шведскаго правительства сводились: а) къ даннымъ, оставшимся отъ прежнихъ войнъ (напр. замѣчанія и записки генерала Бибикова и др.); б) къ воспоминаніямъ оставшихся въ живыхъ участниковъ послѣдней (Екатерининской) войны въ Финляндіи (къ числу которыхъ можно отнести, напримѣръ, генерала Кнорринга и того же Спренгпортена); в) къ донесеніямъ нашего Стокгольмскаго посланника Алопеуса, и г) къ свѣдѣніямъ, коими обязательно снабжали насъ финляндскіе перебѣжчики, ютившіеся подъ ѿзною Русскаго Трона... Свѣдѣнія первыхъ трехъ категорій были отрывочны, неполны, неясны, неопределены; данные послѣдней категоріи отличались всегда полнотою, подробностями, доставленными всегда «съ мѣста» и изъ первыхъ рукъ; поэтому изъ нихъ всегда создавалась яркая и живая картина. Главное же, въ этихъ сообщеніяхъ было по большей части то, чemu особенно охотно вѣрилось....

Предстоящее овладѣніе Финляндіей, по сообщеніямъ этихъ лицъ, изображалось дѣломъ чрезвычайно легкимъ, уповали не только на то, что само населеніе съ полной готовностью перейдетъ подъ власть Россіи, но что и самыя войска финляндскія, если и проявить сопротивленіе, то только для вида, чтобы не «быть обезображенными¹⁾.

Полагали, что финнамъ нужно лишь соблюсти извѣстное приличіе, чтобы не заслужить клейма измѣнниковъ... Дѣлались попытки къ совращенію непріятельскихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ: были изданы къ нимъ особыя прокламаціи, посылались переговорщики и т. д. Только въ Свеаборгѣ и Свартгольмѣ воздействія эти увѣнчались успѣхомъ, благодаря полной изолированности крѣпостныхъ гарнизоновъ и неимѣнію въ нихъ сколько-нибудь точныхъ свѣдѣній о положеніи своихъ войскъ...

Далѣе преднамѣренное отступленіе шведскихъ войскъ на сѣверъ, приведшее въ смущеніе ихъ же гарнизоны и ускорившее ихъ сдачу — ввело въ заблужденіе и наше командованіе. Его объяснили себѣ страхомъ и признали за бѣгство (*„la terreur panique de l'ennemi“*, — какъ пишетъ маркизъ Паулуччи). Паулуччи признаетъ главною причиной неудачнаго исхода зимней кампаніи, что „не воспользовались паническимъ страхомъ непріятеля и не сохранили дивизіи Тучкова ея первоначального направлениія, а... съ войсками, очистившими отъ

¹⁾ См. въ одномъ изъ донесеній полковника маркиза Палулуччи: «Большихъ затруднений къ тому (т. е. къ сдачѣ) она (финская армія) врядъ ли представила бы, такъ какъ въ этомъ случаѣ она могла бы положить оружіе, не будучи обезображенной и вернувшись къ своимъ очагамъ».

противника Тавастгусъ, затѣяли занимать большую часть побережья въ такое время, когда оттуда нечего было опасаться". По мнѣнію Паулуччи, надлежало преслѣдоватъ финскую армію всѣми силами и она оказалась бы между двухъ огней.

Слѣдуетъ тутъ же указать, какъ на побочное обстоятельство, на отмѣченное не разъ слабое пользованіе конницею, какъ орудіемъ развѣдки, что отчасти объяснялось временемъ года (зима, глубокий снѣгъ), а затѣмъ—общью неналаженностью этого дѣла въ то время.

Отъ основной первопричины — вытекаютъ и всѣ послѣдующія. Если бы главною цѣлью поставлено было уничтоженіе живой силы противника, то нѣть сомнѣнія, что, несмотря на необычайную быстроту отступленія шведовъ, особенно *при примѣненіи параллельного преслѣдованія*, мы имѣли бы не разъ случай нанести имъ пораженіе. На самомъ дѣлѣ, начиная отъ Тавастгуса, наши войска, стараясь не терять соприкосновенія съ противникомъ, гнались по пятамъ за его колоннами, причемъ силы преслѣдующихъ (за выдѣленіемъ войскъ для другихъ цѣлей) все болѣе и болѣе таяли. Отъ Бѣренеборга и до Гамла-Карлебю (гдѣ присоединился Тучковъ) шведовъ преслѣдовали ничтожные авангарды Раевскаго и Кульнева¹⁾, не имѣвшіе за собою ровно ничего. Правда, они преслѣдовали неотступно и столь энергично (особенно Кульневъ), что шведы (до боя у Синѣйоки), обладая значительно превосходными силами, ни разу не ввязались въ рѣшительное столкновеніе и спѣшили выводить свои войска изъ боя. Можно полагать, какъ это и дѣлаетъ маркизъ Паулуччи, что глаза имъ раскрылъ впервые тотъ курьеръ, который везъ въ Стокгольмъ текстъ Свеаборгской капитуляціи..

Если бы отъ Тавастгуса наше преслѣдованіе было ведено не по пятамъ за врагомъ, а по одному изъ параллельныхъ путей Тавастгусъ—Таммерфорсъ-Ваза (черезъ Оривеси-Алаво-Лаппо или еще ближе по зимней дорогѣ Тавасткюро-Ильмола, а лучше по обѣимъ), *не сворачивая вовсе на Бѣренеборгъ*, то едва ли войскамъ Клингспора удалось бы ускользнуть и упѣлѣла бы только одна бригада Кронстедта, которая вынуждена была бы, вѣроятно, положить оружіе въ Улеаборгѣ, такъ какъ все равно до открытія навигаціи никакихъ подкрѣплений изъ Швеціи прибыть не могло. Съ окончательнымъ же пораженіемъ войскъ „финской арміи“, крѣпости, при условіи даже простого наблюденія за ними, достались бы сами въ наши руки еще легче.

Увлеченіе „оккупацией“ и затѣмъ дѣйствіями противъ Свеаборга объясняется, какъ уже указано, политическими побужденіями. Раз-

¹⁾ У первого 12 ротъ, 1 эскадронъ, 40 казаковъ и 5 орудій; у второго—баталіонъ, $\frac{1}{4}$ эскадрона, 1 орудіе.

считывали, что фактическаго занятія страны войсками и затѣмъ торжественной присяги въ Або и созыва тамъ сейма, будетъ совершенно достаточно, чтобы привести Финляндію въ покорности. Спренгпортенъ 30-го марта писалъ: „La Finlande est à nous“; то же сообщалъ самъ Императоръ Александръ Наполеону еще 16-го того же мѣсяца, а между тѣмъ самая кровопролитная, самая тяжелая часть войны была еще впереди, предстояло еще немало трудовъ и усилий русскому воинству, чтобы закрѣпить за собою Финляндію и оправдать на дѣлѣ преждевременное заявленіе Своего Монарха.

Обратимся теперь къ нашему противнику.

Планъ дѣйствій шведовъ былъ опредѣленъ заранѣе: королевская инструкція, составленная на основаніи мнѣнія „тайного военнаго совѣта“, преслѣдовала одну главную цѣль: *выигрышъ времени* до окончанія зимы, когда съ открытиемъ морскихъ сообщеній можно было поддержать одиночно борющіяся въ Финляндіи слабыя силы „финской арміи“. Съ этой цѣлью, войска этой арміи должны были искать спасенія въ отступлениі къ крайнему сѣверу, а гарнизоны крѣпостей — отсиживаться за верками до послѣдней возможности.

Русскіе вторглись въ Финляндію въ наименѣе благопріятный для ея обороны моментъ. Не говоря уже о неготовности войскъ, незакончившихъ укомплектованіе и сосредоточеніе, зимою Финляндія была наименѣе обороноспособна; ея главная сила — пересѣченность, зависѣвшая по преимуществу отъ прихотливости внутреннихъ водъ, низводилась почти къ нулю. Число путей и ихъ проходимость — въ значительной степени возрастили. Вмѣсто дальн资料ого кружного обхода позицій, которому всегда не трудно было, при зоркомъ наблюденіи, оказать помѣху своевременнымъ передвиженіемъ узловыхъ резервовъ, сдѣлался возможнымъ обходъ ближній, по льду (чѣмъ и пользовался систематически Кульевъ). Мало этого, зимою Финляндія оторвана почти вовсе отъ Швеціи, ибо о передвиженіи подкрѣпленій черезъ ледъ, такъ, какъ позднѣе поступили русскіе, шведы не помышляли. Королевская инструкція прямо такъ и говорила: „въ настоящую зиму помощь со стороны Швеціи, въ виду прекращенія сообщеній, не можетъ быть подана“ а „имѣющіяся въ Финляндіи сильная позиція, послѣ замерзанія болотъ и озеръ, не могутъ обороняться финской арміей съ достаточнouй выгодой противъ вторженія превосходныхъ силъ противника“; поэтому она и считала положеніе „особенно затруднительнымъ и опаснымъ“.

Однако, та же инструкція обязывала Клингспору „на сколько возможно препятствовать вторженію непріятеля“ и только „въ крайнемъ случаѣ“ разрѣшала „предпринять отступленіе“. Клингспоръ же понялъ свою задачу въ смыслѣ сосредоточенія всѣхъ силъ на край-

немъ съверъ Финляндіи въ возможно короткій промежутокъ времени, что на первый взглядъ едва-ли вызывалось обстановкою. Послѣдняя, наоборотъ, требовала выигрыша времени, т. е. затяжки зимняго похода до вскрытия водъ и прихода подкѣплений. Съ этой точки зреянія попытки нанести частные удары неосторожно высунувшимся русскимъ отрядамъ,—къ чему не разъ была полная возможность—были бы предпочтительнѣе такого безостановочнаго отступленія, которое у насъ принято было за „la terreur panique de l'ennemi“. Однако, напрашивается вопросъ: если бы шведы отступали съ боемъ, задерживаясь при каждой къ тому возможности, была ли бы допущена нами та разброска силъ, которая, собственно говоря, и привела насъ къ опасному стратегическому положенію? Врядъ ли, видя передъ собою стойкаго, упорно отстаивающаго каждую пядь земли противника, мы рискнули бы одновременно преслѣдоватъ этого противника, занимать различные пункты въ южной Финляндіи и блокировать Свартгольмъ и Свеаборгъ, всего съ 23-ми тысячами свободныхъ силъ? Именно эта паника, это послѣднее бѣгство на съверъ и ввели насъ въ заблужденіе больше всего; благодаря имъ мы считали Финляндію нашей въ то время, какъ брошенъ былъ нами, въ стремлениі „отрѣзать“ Клингспора, очищенный почти безъ боя противникомъ Саволакскій районъ, удержаніе котораго въ своихъ рукахъ не дало бы шведамъ возможности развить народнаго движенія въ опасныхъ для насъ предѣлахъ. За отдачу шведами Куопіо, Иденсалмы и за отходъ бригады Кронстедта къ Улеаборгу ихъ можно было бы справедливо упрекнуть, если бы сами русскіе не предоставили имъ потомъ полной возможности возстановить утраченное положеніе, которое потомъ блестяще использовано было талантливымъ Сандельсомъ. Ни та, ни другая сторона не сознавали ясно значенія удержанія въ своихъ рукахъ центральной Финляндіи, разъ уже послѣдняя сдѣлана была театромъ операций; но уже у Буксгевдена (въ рапортѣ отъ 24-го апрѣля) видно сознаніе необходимости „учредить въ Саволаксѣ обсервационный корпусъ“, чего безъ подкѣпленія сдѣлать „не исчего“. Вполнѣ яснымъ это стало только тогда, когда сами события указали на грозное значеніе этой природной твердыни, которая служила редюитомъ народному мятежу, парализуя наши наступательные планы и даже ставя насъ въ необходимость сжать сферу своей собственной обороны.

Быстрое бѣгство Клингспора и Кронстедта къ Улеаборгу, хотя и не отвѣчало королевской инструкціи и, быть можетъ, было не лестно для шведскаго оружія—но, въ конечномъ результатаѣ, оказалось для шведовъ выгоднымъ. Почему? Да потому, что этими они *сбили съ толку* своего противника. Противникъ вообразилъ, что съ этими бѣглецами не стоитъ и считаться; онъ занялся совсѣмъ другими дѣлами

окупації края, торжественнымъ въездомъ въ Або, обѣщаніями созвать сеймъ, мѣрами касательно будущаго гражданскаго устройства края, а вслѣдъ противнику послалъ ничтожную часть своихъ войскъ, которая только потому не была разбита, что шведы никогда и представить себѣ не могли такой смѣлости. Они, несомнѣнно, были увѣрены, что ихъ преислѣдуютъ превосходныя силы, а на самомъ дѣлѣ во всѣхъ бояхъ до Сінкайоки вѣючительно отступали передъ силами втрое меньшими, которымъ Кульневъ ловко придавалъ видъ значительныхъ, разсыпая чутъ не послѣдняго солдата все въ стрѣлковую цѣль....

Только съ проѣздомъ Свеаборгскаго курьера шведамъ открылась истина и они робко, неувѣренно рискнули съ тройными силами навалиться на Булатова, да и то дали уйти болѣйшей части отряда, вмѣсто того, чтобы послѣдовательно разбить сосредоточенными силами разрозненные группы Булатова, Раевскаго и Тучкова. Но и этаотъ незначительный по существу успѣхъ окрылилъ ихъ надеждою, поднявъ упавшій духъ и возжегъ пламя народной войны въ населеніи. Непосредственно послѣ Револакскаго боя Паулуччи такъ формулировалъ невыгодная для насъ послѣствія этого дѣла: „Револакское дѣло болѣе важно по своимъ послѣствіямъ, чѣмъ само по себѣ, ибо наши потери не превысили 400 человѣкъ, но непріятель могъ узнать наши силы... и во-2-хъ, Купіоскій районъ оказался совершенно открытъ, что требуетъ зрила обсужденія“.

Вотъ почему Револаксъ является рубежомъ, начиная съ котораго колесо фортуны повернулось для шведовъ благопріятно. Оставалось безотлагательно использовать выгодное стратегическое положеніе и не упускать русскія войска, оставленные на произволъ судьбы въ 500 верстахъ отъ своихъ и окруженные возставшимъ населеніемъ....

Несомнѣнно важное значеніе для обѣихъ сторонъ капитуляціи Свеаборга. Для насъ освобожденіе блокаднаго корпуса, какъ разъ въ моментъ неблагопріятнаго для насъ поворота обстоятельствъ являлось весьма кстати. Для шведовъ же утрата крѣпости, помимо „удара по чести и по карману“, оказалась, при сложившихся затѣмъ условіяхъ, менѣе невыгодной, чѣмъ казалось съ первого взгляда. Если мы съ паденiemъ Свеаборга освободили свои войска обложенія для дѣйствій въ полѣ, то и шведы не лишились услугъ гарнизоновъ этой крѣпости (и Свартгольмской), которые, будучи выпущены на свободу, оказались въ роли *кадровъ вооруженнаго восстанія* и въ этой роли, пожалуй, принесли намъ болѣе вреда, чѣмъ оставаясь замурованными въ крѣпостныхъ стѣнахъ....

Если за частными для насъ неудачами при Сінкайоки, Револаксъ и Пулькилла не послѣдовало со стороны шведовъ болѣе рѣшитель-

ныхъ ударовъ, то, кромѣ общей нерѣшительности непріятельского главнокомандующаго, мы всего болѣе обязаны этимъ весеннему половодью. Въ 1808 году обиліе снѣга усилило обычный весенний разливъ настолько, что всякия движенія виѣ дорогъ сдѣлались безусловно невозможными, а по дорогамъ—крайне затруднительными. Военные дѣйствія прекратились на цѣлый мѣсяцъ. Естественно, что этою отсрочкой должны были воспользоваться обѣ стороны; но если для насъ она являлась прямо спасительной, то для шведовъ, наоборотъ,—скорѣе досадною задержкой.

Время открытия навигаціи возстановляло прямую связь Финляндіи со Швеціей моремъ; можно было приступить къ выполненію основного плана дѣйствій, составленного еще передъ войною, т. е. предпринять рядъ высадокъ на Ботническомъ побережїи въ тылъ нашимъ войскамъ зарвавшимся въ глубь Финляндіи, одновременно съ рѣшительнымъ наступленіемъ «арміи» Клингспора въ разрѣзъ между нашими отдѣльными грунами и дѣйствіями на ихъ сообщенія партизанской войною изъ сердца страны. Естественный плацдармъ для организаціи такого рода высадокъ,—Аландскій архипелагъ, былъ шведами только что обратно отвоеванъ. Для обеспеченія же за собою обладанія моремъ шведы, кромѣ своего корабельного флота, ожидали прибытія англичанъ. Англійская эскадра должна была сверхъ того доставить 14-тысячный десантъ генерала Мура, что при сравнительной слабости вооруженныхъ силъ Швеціи и необходимости для нея одновременно дѣйствовать на 3 фронта, являлось весьма солиднымъ подкрѣпленіемъ.

Стратегическое положеніе Швеціи, помимо отряженія части силъ на Норвежскую границу, ухудшалось необходимостью удерживать довольно значительныя силы въ южныхъ провинціяхъ королевства, на случай франко-датского десанта. Существовалъ даже планъ (повидимому, исходившій отъ Наполеона)—направить главный ударъ именно сюда, въ Шонію, совокупными франко-дано-русскими силами и, энергичнымъ наступленіемъ къ Стокгольму, принудить Швецію къ миру. Окупация же русскими войсками Финляндіи въ этомъ случаѣ должна была играть роль демонстративную, оттягивая силы Швеціи и облегчая выполненіе главной задачи. Какъ уступку именно этому плану, слѣдуетъ понимать и экспедицію подъ начальствомъ адмирала Бодиско на островъ Готландъ¹). Захватъ этого острова дѣдался, надо думать, именно для того, чтобы впослѣдствіи двинуть въ этомъ направленіи болѣе сильный десантъ для совмѣстныхъ дѣйствій съ маршаломъ Бернадоттомъ, войска котораго (25.000) въ апрѣль мѣсяцѣ вступили въ датскія владѣнія. Корпусъ Бернадотта

¹⁾ Подробности этой экспедиціи въ главѣ 9-й.

состоялъ изъ двухъ дивизій: одной голландской и другой испанской; послѣднею начальствовалъ маркизъ Ла-Романа. Уже Бернадоттъ вступилъ въ переговоры съ датскимъ правительствомъ относительно переправы черезъ Зундъ, какъ вдругъ положеніе дѣла измѣнилось. Маркизъ Ла-Романа вошелъ въ тайныя сношенія съ англичанами и его дивизія, внезапно перейдя на сторону исконныхъ враговъ Наполеона, отплыла на англійскихъ транспортахъ въ Испанію. Такимъ образомъ, силы Бернадотта уменьшились на половину и онъ не рѣшался уже рисковать высадкою; а тѣмъ временемъ въ проливы прибылъ англійскій флотъ и самая переброска эта сдѣлалась вовсе невозможнаю. Наряду съ этимъ въ первыхъ числахъ мая шведы отобрали у насъ Готландъ. Все это, вмѣстѣ взятое, привело къ совершенному оставленію мысли о нанесеніи Швеціи главнаго удара съ юга.

Должно думать, что Императоръ Александръ и самъ предпочиталъ придерживаться исторически сложившагося у насъ въ шведскія войны образа дѣйствій, которымъ мы въ общемъ неизмѣнно почти руководствовались, начиная съ Петра Великаго. Такъ какъ цѣлью этихъ войнъ было всегда утвержденіе за собою балтійскихъ береговъ, а послѣ Ништадского мира,—закрѣпленіе за собой Финляндіи, то ближайшею задачею всякой войны со шведами, хотя бы возникшей и противъ нашей воли,—мы ставили себѣ всегда прочное овладѣніе этимъ краемъ; это давало намъ вмѣстѣ съ тѣмъ надежное основаніе для дальнѣйшихъ операций въ сердце Швеціи, безъ чего „надменный сосѣдъ“ не шелъ на уступки. Положеніе Финляндіи на флангѣ морскихъ операционныхъ путей отъ Петербурга въ Швецію, въ связи съ извѣстными намъ естественными ея свойствами, не позволяло предпринимать чѣго-либо рѣшительнаго противъ самой Швеціи, не ставъ въ Финляндіи твердою ногою.

Такая традиція, исходившая изъ глубокаго пониманія природныхъ условій, естественно, привела къ тому, что, какъ только въ концѣ апреля и началѣ мая 1808 г. дѣла наши повернулись неблагопріятно, такъ тотчасъ-же главнымъ и основнымъ стремленіемъ нашимъ становится удержаніе въ своихъ рукахъ во что бы то ни стало Финляндіи.

Наоборотъ, шведскій король Густавъ IV Адольфъ отличался, повидимому, въ значительной мѣрѣ отрицательнымъ свойствомъ „смотретьъ заразъ на слишкомъ много вещей“. Вмѣсто того, чтобы спѣшить воспользоваться благопріятно сложившееся для него въ Финляндіи обстановкою, а также прибытиемъ англійского флота, и сосредоточить какъ можно больше войскъ на берегахъ Ботническаго залива съ тѣмъ, чтобы, подъ прикрытиемъ союзного флота, разомъ перебросить ихъ въ Финляндію, король, не оттянувъ ничего изъ Шоніи, проявлялъ преимущественно интересъ къ дѣйствіямъ на Норвежской границѣ.

Топографіческія свойства мѣстности по этой границѣ въ гораздо большей степени способствуютъ оборонѣ, чѣмъ наступленію. Датчане, наши союзники, вполнѣ правильно оцѣнили эти условія и, несмотря на численное превосходство (у нихъ было до 30.000 войскъ, частью регулярныхъ, частью милиціонныхъ),—дѣйствовали строго оборонительно. Что же касается направленнаго сюда шведскаго 18-ти тысячнаго корпуса графа Армфельта, то его наступленіе, веденное къ тому-же разрозненно и безъ всяаго согласованія въ дѣйствіяхъ начальниковъ отдѣльныхъ колоннъ, нерѣдко получавшихъ приказанія прямо изъ Стокгольма помимо корпуснаго командира, не имѣло никакого успѣха и только привело къ затратѣ дорогого времени и напрасному расходу силъ. Однако Густавъ IV Адольфъ продолжалъ упорствовать въ намѣреніи „вознаградить себя въ Норвегії“ за Финляндію и, не желая ослаблять войскъ графа Армфельта посыпкою подкѣплений Клингспору, возымѣлъ намѣреніе направить съ послѣднею цѣлью *вспомогательный англійскій десантъ*. Десантъ этотъ, въ количествѣ 14.000, подъ начальствомъ генерала Мура, прибылъ въ Готеборгъ 14-го мая. Появленіе этихъ силъ на какомъ-либо изъ театровъ войны, при условіи, что „финская армія“ Клингспора не превышала въ общей сложности 14 тысячъ, а войска Армфельта—18-ти,—не могло не сыграть рѣшающаго значенія. Но на бѣду союзникамъ никакъ не удалось достигнуть согласія по вопросу объ употребленіи этого десанта.

Генералъ Муръ имѣлъ отъ своего правительства опредѣленное, категорическое приказаніе: во-первыхъ, ни въ какомъ случаѣ не дробить своихъ сплѣ на отдѣльные отряды, а дѣйствовать непрѣмѣнно въ совокупности, а затѣмъ,—ни подъ какимъ видомъ не отходить далеко отъ побережья, дабы всегда быть въ готовности сѣсть на суда. Такія инструкціи становятся вполнѣ понятными, если вспомнимъ вообще двойственный характеръ поведенія Англіи въ эту войну. Строго руководствуясь данными ему наставленіемъ, начальники англійскаго десанта всегда имѣлъ возможность, въ случаѣ *перемычки политическою вѣтромъ*, распустить „послушныя вѣтрила“ и отправиться съ войсками во свояси къ родимому Альбіону.

При извѣстномъ-же намъ стремлениіи шведскаго короля гоняться одновременно за нѣсколькоими зайцами, достигнуть соглашенія оказалось положительно невозможнымъ. Король то хотѣлъ посыпать англичанъ противъ Норвегіи, то соединять ихъ съ корпусомъ, стоявшимъ въ Шоніи, и оттуда, при поддержкѣ англійскаго флота, высадживаться въ Данію и обрушиваться на Копенгагенъ; наконецъ, когда въ Финляндіи дѣла стали поправляться, онъ вознамѣрился послать англичанъ вглубь Финскаго залива, съ тѣмъ, чтобы выса-

дить ихъ тамъ гдѣ-либо у Выборга и, захвативъ или въ крайнемъ случаѣ хоть обложивъ эту крѣпость, пресѣчь сообщенія графа Буксгевдена съ Россіей. Если-же такая дальняя высадка окажется невозможной, король предлагалъ ограничиться десантомъ въ дельтѣ рѣки Кюмени, откуда уже производить сильные диверсіи намъ въ тылъ.

Генералъ Муръ отнесся къ такому плану крайне отрицательно. Онъ нашелъ, что „предположеніе послать его корпусъ превосходно олько въ томъ случаѣ, если король имѣть въ виду доставить рускимъ нѣсколько тысячъ англійскихъ плѣнныхъ“¹⁾). Густавъ-Адольфъ пришелъ въ крайнее раздраженіе и воспретилъ англійскому генералу выѣзжать изъ Стокгольма безъ его разрѣшенія. Муръ переодѣлся въ мундиръ своего адъютанта и съ его бумагами оставилъ Стокгольмъ, прибылъ въ Готенбургъ къ своему флоту и, снеясь со своимъ правительствомъ, получилъ вскорѣ повелѣніе везти войска въ Испанію, гдѣ въ это время англичане вели войну съ Наполеономъ въ сервѣзѣ. Въ помощь Швеціи оставленъ былъ только британскій флотъ подъ начальствомъ адмирала Сомареца.

Приведенный эпизодъ имѣлъ весьма существенное значеніе. Не вдаваясь въ разборъ причинъ поведенія англичанъ и не предрѣшавъ ихъ образа дѣйствій, если-бы участіе ихъ войскъ въ эту войну на финляндскомъ театрѣ фактически осуществилось, нельзя не отмѣтить, что отплытіе англійского десанта отразилось роковымъ образомъ на операцияхъ того периода войны, который по справедливости можетъ быть названъ периодомъ «шведскихъ поползновеній». Дѣло организаціи шведскихъ высадокъ на финляндскіе берега король шведскій взялъ непосредственно въ свои руки; впослѣдствіи онъ выѣхалъ лично съ этой цѣлью на Аландскіе острова. При неустойчивомъ и въ то же время упрямомъ характерѣ этого монарха, замыслы для дѣйствій этого рода возникали ежеминутно, безъ всякой связи съ ходомъ событий на сухомъ пути и надлежащаго между собою согласованія. Но въ то же время король упорно не желалъ отрѣзать сразу достаточно сильного десанта, а ограничивался, какъ увидимъ ниже, отправкою малыхъ партій, въ расчетѣ, что онъ послужатъ „ядромъ“ для народнаго возстанія „вѣрныхъ“ финновъ. Выходило какъ-будто, что Густавъ-Адольфъ, какъ бы предчувствуя непрочность своей власти, опасается выдѣлить побольше чисто шведскихъ войскъ въ Финляндію и стремится возложить всю тяжесть борьбы съ русскими войсками на плечи коренного населенія края.

Въ свою очередь финляндскій главнокомандующій графъ Клингспоръ представлялъ королю свои соображенія²⁾ по „обратному отвоен-

¹⁾ См. Михайловскій-Данилевскій, стр. 125.

²⁾ Sv. kriget 1808—09, томъ 3-й, стр. 149 и слѣд. Всеподданѣйшая записка представлена Клингспоромъ 1-го (12-го) мая.

ванію Фінляндії". Въ основаніе этихъ соображеній полагалось указаніе на недостаточность наличныхъ силъ „финской арміи“ для предпріятій сколько-нибудь активныхъ. Выключая раненыхъ и больныхъ, Клингспоръ исчисляетъ боевую силу своихъ войскъ въ 10.513 человѣкъ съ 54-мя орудіями и считаетъ необходимымъ, для достижения успѣха, „отвлечь“ вниманіе противника „на многихъ пунктахъ“. Съ этою цѣлью, онъ предлагаєтъ: 1) направить англо-шведскій флотъ въ Финскій заливъ, дабы онъ, дѣйствуя противъ лифляндскихъ береговъ или побережья русской Фінляндіи, или даже самаго Кронштадта, помѣшать русскимъ усилить свои войска въ Фінляндіи; 2) двинуть въ Ботническій заливъ особую „легкую эскадру“ съ десантомъ отъ 4—5 тыс. чел., въ томъ числѣ 600 чел. „легкой конницы“; назначеніе ея—*урожатъ* высадкою слѣдяя вдоль побережья, послѣ чего высадить десантъ гдѣ-либо около Ниостада, Йъренеборга или Раумо. Мѣры эти, по мнѣнію Клингспорса, должныствовали „развлечь“ противника, пользуясь чѣмъ его армія, усиленная 5—6 тыс. пѣхоты и 600 конницы, должна была начать свои операции. Но и сіи послѣднія, по плану главнокомандующаго „финскою арміей“, не носили рѣшительнаго характера; главное значеніе въ этихъ дѣйствіяхъ онъ придавалъ „большой диверсії“ по Саволакской дорогѣ. „Диверсія“ эта должна была по мнѣнію Клингспорса, произвести „огромнѣйшее впечатлѣніе въ Петербургѣ и возбудить беспокойство какъ среди Двора, такъ и всѣхъ министровъ“. Клингспоръ указывалъ при этомъ на важность занятія сильнымъ отрядомъ Тайвальской позиціи (сѣвернѣе Куопіо), опираясь на которую, особый „легкій“ отрядъ долженъ быть продвинутъ въ Сердоболь, сердце Кареліи, и поднять здѣсь народное восстаніе. Отсюда Клингспоръ надѣялся проникнуть даже въ предѣлы самой Россіи, въ промежутокъ между Ладожскимъ и Онежскимъ озерами, разрушивъ попутно Петрозаводскъ и т. п. Тотъ же самый планъ по словамъ автора, былъ имъ представленъ въ 1790 году Густаву III, но обстоятельства не дали тогда возможности осуществить его. Замѣчательно, что, излагая весьма подробно всѣ эти различныя „диверсіи“, имѣющія общую цѣлью,— облегчить успѣхъ главной массы подъ личнымъ начальствомъ главнокомандующаго, послѣдній почти что *ни единымъ словомъ не разъясняетъ, какъ же следуетъ произвести этотъ главный ударъ?* Онъ ограничивается упоминаніемъ, что операциіи войскъ подъ его личнымъ начальствомъ „будутъ сопряжены съ большими затрудненіями“.

Интересно отмѣтить, въ числѣ многихъ плановъ, соображеній и записокъ, представленныхъ въ это время шведскому королю, идеи его генераль-адютанта Аль-Тибелля. Этотъ Тибелль былъ личностью незаурядною. Послѣ участія въ финляндской войнѣ 1788—1790 гг.,

онъ перешелъ въ 1798 на французскую службу и оставался на ней 5 лѣтъ (до 1803 г.). За это время участвовалъ въ Альпійскомъ походѣ и въ сраженіи при Маренго. Сверхъ боевого опыта, приобрѣтенного во французскихъ войскахъ подъ начальствомъ самого Бонапарта, Тибелль обладалъ еще богатыми военно-научными познаніями. Онъ былъ членомъ Миланской академіи военныхъ наукъ, различныхъ ученыхъ обществъ, съ жаромъ занимался военно-историческими исследованіями и военною литературой. Впослѣдствіе Тибелль (умершій въ 1832 г.) заявлялъ: „было несчастіемъ для отечества, что я, хотя и былъ высоко оцененъ королемъ, тѣмъ не менѣе могъ слишкомъ мало проявлять вліянія на ходъ войны 1808 г.“. И дѣйствительно, хотя Густавъ-Адольфъ IV и выслушивалъ Тибелля терпѣливо другихъ, однако, слѣдовалъ только своимъ собственнымъ планамъ.

Основная мысль плана Тибелля была: ограничиться противъ Норвегіи и для обороны береговъ Швеціи лишь минимальнымъ количествомъ войскъ, а все остальное освободить для подкрѣпленія Клингспорса. Регулярные войска на норвежской границѣ и въ Шоніи онъ предлагалъ замѣнить 14 тыс. резервныхъ и 30 тыс. ландверныхъ войскъ, вполнѣ пригодныхъ для пассивной обороны, которая только и нужна, по его мнѣнію, на этихъ двухъ фронтахъ. Такимъ образомъ, освобождалось для отправки въ Финляндію никакъ не менѣе 30-ти баталіоновъ пѣхоты съ артиллерией. Эти подкрѣпленія, полагалъ Тибелль, слѣдуетъ попросту перевезти на тотъ берегъ возможно быстрѣе и высадить въ тылу Клингспорса, безъ всякихъ „диверсій“; отдавъ затѣмъ всѣ войска въ распоряженіе послѣдняго; ему и надлежитъ предоставить разработку плана дальнѣйшихъ дѣйствій „въ зависимости отъ дѣйствій противника“ (сравни у насъ: „по непріятельскимъ обращеніямъ“ и „какъ Богъ разумитъ“). Вниманіе Клингспорса надлежало лишь въ самыхъ общихъ выраженіяхъ (т. е., значитъ, принципъ *согъта*, а не *приказа*) обратить на то, чтобы войска, оперирующія въ Саволаксѣ, были усилены, такъ какъ движение впередъ въ этомъ направлѣніи должно было „оказать особенно сильное вліяніе“.

Къ сожалѣнію, король шведскій, хотя и внялъ этимъ здравымъ идеямъ, но, какъ уже усказано, имъ не послѣдовалъ. Основывая свои соображенія на видоизмѣненіи политическихъ соотношеній въ Европѣ благодаря, главнымъ образомъ, событиямъ въ Испаніи, онъ находилъ (какъ видно изъ его писемъ къ Клингспору), что „всѣ операциіи и военные приготовленія надо таѣтъ расчитывать, чтобы обеспечить оборону государства до тѣхъ поръ, пока Россія и Данія не отступятъ отъ своихъ требованій и не сблизятся со Швеціей“. Очевидно, Густавъ-Адольфъ попрежнему считалъ основною „пружиной“ войны—„апокалиптическаго звѣя“ и надѣялся на непрочность его союза

съ Императоромъ Александромъ. Быть можетъ, основанія къ тому и были; предвидѣнія эти, вѣдь, оправдались, хотя и позже, когда уже Финляндія была закрѣплена „въ собственность и державное обладаніе Имперіи Россійской“. На предложеніе Тибелля ввести какъ можно больше войскъ въ Финляндію король согласія не изъявилъ; онъ выразилъ опасеніе, что это приведетъ лишь къ затяжкѣ военныхъ дѣйствій до слѣдующей зимы. Основываясь на только что полученныхъ имъ донесеніяхъ о настроеніи финновъ послѣ успѣховъ шведскаго оружія, о первыхъ подвигахъ Сандельса и о начавшихся уже проявленіяхъ народнаго движенія въ Финляндіи, король, какъ уже сказано, рѣшилъ, для освобожденія Финляндіи отъ русской власти, лишь поддержать это возстаніе посыпкою незначительныхъ десантныхъ отрядовъ, роль которыхъ—послужить населенію опорою. „Благодаря этому“,—пишетъ король Клингспору¹⁾—„успѣху главной финской арміи было бы оказано значительное содѣйствіе и облегченіе и не было бы необходимости прибѣгать къ отвлеченню сколько-нибудь значительныхъ силъ отъ преднамѣченныхъ въ Норвегіи или Зеландіи операций“.

Такимъ образомъ, первоначальные широкіе планы по обратному отвоеванію Финляндіи съ наступлениемъ весны и открытиемъ навигаціи, намѣченные еще передъ войною въ королевской инструкціи отъ 3-го февраля, выродились въ слабыя попытки добиться успѣха одною вооруженною поддержкою народному движенію. Она должна была выразиться въ одновременной высадкѣ на берегахъ Финляндіи двухъ десантныхъ отрядовъ: одного близъ Вазы и другого—въ окрестностяхъ Або. Кроме того, нѣсколько военныхъ судовъ должны были „показаться“ противъ Каска. Главное ядро „финской арміи“ такъ и осталось безъ подкреплений изъ Швеціи. Клингспору пришлось ограничиться пополненіемъ своихъ рядовъ, а также небольшими формированіями, но все это—исключительно, такъ сказать, мѣстными средствами. Правда, и самъ шведскій фельдмаршалъ въ значительной мѣрѣ упovalъ на содѣйствіе вародныхъ ополченій; по крайней мѣрѣ населеніе было безостановочно забрасываемо прокламаціями, призывающими его взяться за оружіе. Однако, въ своихъ представленіяхъ королю, Клингспоръ, добиваясь присылки регулярныхъ подкреплений, все время настойчиво указывалъ на малую пригодность вооруженныхъ крестьянъ къ сколько нибудь серьезному военному дѣйствіямъ. Въ концѣ концовъ Клингспоръ (какъ видно изъ его переписки съ королемъ) не признавалъ возможнымъ предпринимать серьезное наступленіе съ бывшими въ его распоряженіи силами и возлагалъ надежды на прибытие „могущественной поддержки“ въ Финскій заливъ, съ „его королев-

¹⁾ Sv. kriget 1808—09, томъ III, стр. 156.

скимъ величествомъ во главѣ своего флота¹⁾), т. е. на то, отъ чего самъ король уже окончательно отказался.

Изложенное показываетъ, что въ высшемъ управлениі шведскими вооруженными силами не было ни единодушія, ни надежащей, направляющей все дѣло связи. Воззрѣнія главнокомандующаго, пользующагося почти полной самостоятельностью въ разрѣшеніи поставленной задачи, расходились со взглядами короля, принявшаго на себя высшее руководство тѣми операциами, которыхъ должны были оказать содѣйствіе войскамъ въ Финляндіи. Дѣйствія на морѣ и десанты шли поэтому у шведовъ, какъ увидимъ ниже, безъ должнаго согласованія съ положеніемъ дѣлъ на суши и, вполнѣ естественно, часто пропадали впустую. Не мудрено, что они не сумѣли извлечь себѣ выгодъ изъ той исключительно благопріятной обстановки, которая сложилась для нихъ лѣтомъ 1808 года, особенно при медленности и неуспѣшности дѣйствій нашего корабельного флота.

Обратимся теперь къ планамъ и предположеніямъ графа Буксгевдена. Мы видѣли, что еще съ самаго начала зимняго похода онъ указывалъ на недостаточность силъ, назначенныхъ въ его распоряженіе и настойчиво просилъ о присылкѣ подкѣплений. Въ ходатайствамъ этимъ, крайне неблагосклонно принимаемымъ въ Петербургѣ, пришлось, однако, прислушаться, когда события приняли неблагопріятную для насъ окраску.

„Для упроченія за Россіею сей области (т. е. Финляндіи)“— пишетъ Михайловскій-Данилевскій стр. 111—, „надобно было укротить восстание народное, привести жителей въ повиновеніе, разбить графа Клингспорга и Сандельса, содержать гарнизонъ въ Свеаборгѣ, имѣть команды въ разныхъ городахъ и эстакахъ, и приготовиться къ отпору предвидимыхъ высадокъ изъ Швеціи“.

Первою заботою графа Буксгевдена было добиться назначенія себѣ подкѣплений. Ходатайство его на этотъ разъ было уважено и въ его распоряженіе назначено: а) 3.000 старослужащихъ рядовыхъ, только что прибывшихъ изъ французского плѣна; б) 2.000 самыхъ здоровыхъ рекрутъ—итого 5.000 пополненій. Засимъ въ подкѣпленіе назначена часть 6-й пѣхотной дивизіи генераль-лейтенанта Барклай-де-Толли (полки: Низовскій, Азовскій, Ревельскій и 3-й Егерскій, 2 баталіона Лейбъ-grenадеръ, баталіонъ Лейбъ-егерей, Уланскій Его Высочества полкъ, рота Гвардейской артиллеріи и 2 полка казаковъ). Съ прибытиемъ всѣхъ этихъ подкѣплений и укомплектованій, боевая сила финляндскаго корпуса возрасла до 34.000.

При обсужденіи плана послѣдующихъ операций, графъ Буксгевденъ прежде всего принималъ близко къ сердцу необходимость пре-

¹⁾ Sv. kr. 1808—9, т. 3, стр. 157.

дотвратить ту опасность, которая могла грозить изъ внутренней Финляндии. Рѣшено было съ возможною поспѣшностью сосредоточить у С.-Михеля подъ начальствомъ Барклай-де-Толли особый отрядъ, не менѣе 7.000 человѣкъ, и двинуть его вглубь Саволакса для вытѣсненія оттуда Сандельса (передовые отряды которого проникали почти до С.-Михеля). Затѣмъ часть сильнаго отряда должна была направить въ тылъ графу Клингспору. Послѣдняя задача явилась, несомнѣнно, отраженіемъ *прежней идеи* зимняго похода; только вводилась поправка—оставленіе 3-хъ тысячнаго гарнизона въ Куопіо, для обеспеченія за собою внутренняго района.

Что же касается до бывшихъ войскъ Тучкова, пріостановившихъ свое отступленіе у Гамла-Карлебю, то командованіе ими было вручено Раевскому, а самъ Тучковъ, вызванный въ главную квартиру, былъ, по Высочайшему повелѣнію, преданъ военному суду¹⁾. Отрядъ этотъ, путемъ добавленія части 21-й дивизіи князя Багратіона и пришедшихъ изъ Петербурга двухъ полковъ 14-й дивизіи, Перновского и Петровского, доведенъ до числительности въ 6.800 человѣкъ. Согласно данныхъ Раевскому инструкцій, онъ долженъ быть дѣйствовать оборонительно, стараясь по возможности „избѣгать генерального боя“; пользуясь мѣстностью и занимая сильныя позиціи, онъ долженъ быть на каждомъ шагу задерживать противника и постепенно отходить къ Тавастгусу, стараясь не дать противнику себя обойти. Такимъ образомъ Раевский долженъ быть *стягивать за собою графа Клинспору*, давая тѣмъ время Барклай-де-Толли утвердиться въ Саволаксѣ и двинуться шведамъ въ тылъ. Если-бы шведы обратились противъ Барклай-де-Толли, то Раевскому надлежало перейти въ наступленіе и выходить пмъ въ тылъ, направляясь на Улеаборгъ. Остальнымъ войскамъ предлагалось охранять побережье отъ высадокъ (Графъ Каменскій отъ Гангута до Ловизы и князь Багратіонъ отъ Або до Бьернеборга), а близъ Выборга предположено стянуть по меньшей мѣрѣ 8 баталіоновъ и 5 эскадроновъ, въ роли стратегическаго резерва группъ Раевского и Барклая.

По свидѣтельству Михайловскаго-Данилевскаго (стр. 115) Императоръ Александръ не одобрилъ вышеприведенный планъ и, по Высочайшему повелѣнію, военный министръ графъ Аракчеевъ писалъ графу Буксгевдену: „Непріятель, сдѣлавъ сильное стремленіе, и опрокинувъ одного, Раевского или Барклай де-Толи, принудить отступать и другого, черезъ что соединеніе ихъ сдѣлается невозможнымъ, а 3.000 человѣкъ, оставшихся при Куопіо, будутъ въ слабомъ положеніи, чрезъ сie-и операциія вся можетъ не имѣть предполагаемой

¹⁾ Впослѣдствіи (какъ доносилъ Гавердовскій Аракчееву 7-го мая)—Тучкову удалось совершенно оправдаться и между нимъ и главнокомандующимъ произошло примиреніе.

цѣли*. Однако, Буксгевдену было предоставлено поступать по собственному усмотрѣнію, и онъ остался при первоначальномъ мнѣніи о необходимости дѣйствовать двумя группами.

Послѣдующія события подтвердили справедливость отрицательной оценки плана Буксгевдена, но по изъсканѣю другимъ основаніямъ. Планъ графа Буксгевдена былъ, такъ сказать, чисто-геометрическимъ: онъ не былъ соображенъ *съ мѣстностью* театра военныхъ дѣйствій, а эта данная въ Финляндіи, какъ извѣстно, играетъ первенствующую роль. Буксгевденъ возлагалъ *активную* роль на колонну Барклай, т. е. на ту именно группу, которая направлена была во внутреннюю Финляндію, въ тотъ именно районъ, где мѣстность давала наиболѣе преимуществъ обороны передъ наступленіемъ, и где со вскрытиемъ водъ и съ удаленіемъ сѣнжнаго покрова сравнительно слабый отрядъ можетъ и теперь, при искусномъ предводителѣ, во многихъ мѣстахъ надолго задержать наступление даже превосходныхъ силъ. Самое движеніе сколько нибудь значительной группы войскъ въ этомъ районѣ невозможно въ совокупности; необходимо дробиться на отдельные отряды или эшелоны, поддержаніе связи между которыми, при бѣдности и кружности путей, и безъ водоплавныхъ средствъ, чрезвычайно затруднительно.

Очевидно, что на колонну Барклай, по самой природѣ вещей, естественно было возложить задачу оборонительного характера: прикрытие операционной линіей главной группы¹⁾; наоборотъ, главною, активною группой должны были быть именно войска Раевскаго, съ исходной точкой гдѣ-либо въ Таммерфорсѣ и Тавастгусѣ, имѣя на побережье особый заслонъ для прикрытия отъ высадокъ. Впослѣдствіи *силою вещей* мы были приведены какъ разъ къ такому образу дѣйствій; но этому предшествовалъ почти двухмѣсячный періодъ напряженаго положенія и ряда частныхъ неудачъ, который лишь вслѣдствіе нерѣшительности противника не навлекъ на насъ болѣе серьезныхъ неуспѣховъ.

Военные дѣйствія этого періода естественно распадаются на:

1) дѣйствія вдоль побережья, куда относятся попытки шведовъ произвести десанты и дѣйствія наши по ихъ отраженію.

2) дѣйствія на восточномъ саволакскомъ театрѣ, включая сюда и поиски шведовъ въ Корелію;

3) дѣйствія въ средней части Финляндіи, т. е. операциіи „финской арміи“ Клингспорта и нашихъ противодѣйствующихъ ей отрядовъ.

Какъ операциіи первой, такъ и второй группы, носятъ, по существу характеръ *покушений противъ нашей операционной линіи*, съ цѣлью, подорвать для насъ возможность серьезнаго противодѣйствія „финской арміи“ Клингспорта. Послѣдняя должна была, въ сущности, сыграть главную роль, но въ дѣйствительности, оказалась наименѣе дѣятельной.

* Такъ, примѣрно, и рекомендовалъ Суворовъ, см. гл. IV.

ГЛАВА VIII.

Періодъ шведскихъ „поползновеній“.

Отступленіе Раевскаго.—Положеніе его въ окрестностяхъ Вазы.—Планъ совмѣстныхъ дѣйствій Клингспора и десантовъ.—Бой у Ню-Карлбю.—Отбитіе высадки Фегезака и Лемо.—Разгромъ Бергенстроле у Вазы.

Наступленіе Барклай-де-Толли.—Сандельсъ у Куопіо.—Налеты на наши сообщенія.—Отходъ Каевскаго на югъ.—Бой у Линтулакса, Перхо.—Наступленіе Клингспора, бой у Лаппо.—Военный сорѣтъ въ Алаво.—Положеніе отряда Орлова-Денисова.—Оцѣнка стратегического положенія въ концѣ юля.—Взгляды графа Буксгевдена.—Новая командинровки Баулуччи.—Оборонительный планъ (кордонъ).—Возраженія главнокомандующаго.—Состояніе духа графа Клингспора.—Упорство шведскаго короля.

Первоначально дѣйствія арміи Клингспора и противостоящей ей группы нашихъ войскъ, подъ начальствомъ Раевскаго, были въ нѣ-которой связи съ операциами на побережье, а потому, прежде чѣмъ перейти къ обзору первыхъ неудачныхъ десантныхъ покушеній шведовъ, должно нѣсколько остановиться на взаимномъ положеніи вышеупомянутыхъ группъ обѣихъ сторонъ.

Николай Николаевичъ Раевскій къ этому времени уже былъ однимъ изъ выдающихся боевыхъ генераловъ нашей арміи; онъ съ отличиемъ участвовалъ во второй турецкой войнѣ при Императрицѣ Екатеринѣ, а затѣмъ въ наполеоновскихъ войнахъ; командовалъ на Кавказѣ Нижегородскимъ полкомъ и участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Турціи. Въ командованіе 5-ю дивизіей, взамѣнъ Тучкова, онъ вступилъ 11-го мая, укомплектовалъ ее и первоначально расчитывалъ, что возложенную на него задачу оборонительнаго характера ему удастся выполнить безъ особыхъ трудностей. Въ первыхъ донесеніяхъ своихъ Буксгевдену¹⁾ Раевскій указывалъ на сильныя свойства позиціи у Гамле-Карлбю, которую расчитывалъ удержать только частью своихъ силъ, а съ остальными—дѣйствовать активно. Однако, вскорѣ онъ долженъ былъ измѣнить свой взглядъ. Хотя противникъ и бездѣйствовалъ,—какъ оказалось впослѣдствіи, цѣлыхъ шесть недѣль, т. е. гораздо дольше, чѣмъ это вызывалось распутицей,—но зато не бездѣйствовало населеніе. Къ выдвинутой далеко на сѣверъ 5-ой дивизіи запасы продовольствія достигали съ огромными затрудненіями; требовалось для того не менѣе 25 дней пути, да и то транспорты безпрестанно либо перехватывались мя-тежниками, либо подводчики уводили лошадей и бросали подводы на дорогѣ. Добывать продовольствіе на мѣстѣ въ военное время, въ

¹⁾ См. Журналъ военныхъ дѣйствій Буксгевдена за 13—15 мая 1808. (Дѣло В. Уч. Арх. Гл. Шт. № 1669).

краѣ, уже истощенномъ непріятелемъ—не представлялось возможнымъ и Раевскій считалъ необходимымъ отступить на югъ, къ Вазѣ, чтобы сократить свою коммуникационную линію.

Одновременно съ этимъ графъ Буксгевденъ (какъ видно изъ инструкціи, данной Раевскому 17-го мая) при посредствѣ мѣстныхъ обывателей шхерь, нанятыхъ имъ за деньги¹⁾) и проникавшихъ на своихъ лодкахъ до самаго шведскаго берега, получиль свѣдѣнія о подготовлявшихся тамъ десантныхъ экспедиціяхъ. Изъ этихъ донесеній явствовало, что шведами изготовлено около 200 канонерскихъ лодокъ, изъ коихъ половина уже вышла въ море, а 50 транспортныхъ судовъ съ войсками, подъ прикрытиемъ 6 военныхъ кораблей, направляются къ финляндскому берегу Ботническаго залива. Буксгевденъ рекомендовалъ Раевскому, если высадка произойдетъ между Вазой и Гамле-Карлебю,—обратиться всѣми силами противъ десанта, атаковать его и сбросить въ море и только въ томъ случаѣ, если противникъ высадится у самой Вазы или гдѣ-либо южнѣ—собрать всѣ силы къ Лаппо и отступать къ Таммерфорсу.

Пока шель обмѣнъ всѣми этими соображеніями, о шведской высадкѣ ни слуху, ни духу не было; Раевскій продолжалъ оставаться у Гамла-Карлебю, а двинутыя къ нему подкѣплѣнія, подъ начальствомъ командира Петровскаго мушкетерскаго полка генерал-маіора Демидова, приближались къ Вазѣ. Продолжая въ своихъ донесеніяхъ отстаивать необходимость отойти туда же со всѣмъ своимъ отрядомъ, Раевскій указывалъ на существованіе близъ Нюкарлебю и Перхо мостовъ черезъ широкіе протоки, разрушеніе которыхъ могло поставить его въ безвыходное положеніе. Въ тоже время стали поступать донесенія, указывающія на близость перехода шведовъ въ наступленіе; опасение, что они могутъ двинуться главными силами своими на Ювяскюля—Тавастгусъ, въ разрѣзъ между Раевскимъ и Барклаемъ (колонна которого уже начала къ тому времени свое наступленіе), побудило графа Буксгевдена усилить отрядъ Властова (24-й егерскій полкъ) двинутый въ этотъ промежутокъ для связи между обоими вышеназванными отрядами.

Возможность удержать Раевскаго у Гамла-Карлебю и тѣмъ выполнить основной свой планъ—задержать Клингспора до выхода ему въ тылъ колонны Барклая—стала уже казаться Буксгевдену въ первыхъ числахъ іюня недостижимой, тѣмъ болѣе, что къ этому времени стали поступать тревожныя донесенія отъ Барклая-де-Толли, показывающія, что его наступленіе вглубь Саволакса совершается далеко не такъ легко и просто, какъ думали. Тогда у Буксгевдена

¹⁾ Какъ видно, и такіе находились среди финновъ того времени, такъ же какъ и въ 1854—55 гг., когда ихъ услугами широко пользовались англичане.

возникаетъ новый планъ: оттянуть Раевскаго нѣсколько назадъ, къ Лаппо, а Барклаю, оставивъ часть силъ въ Куопіо, съ остальными двинуться черезъ Линтулаксъ на поддержку Раевскаго, стараясь выйти во флангъ шведамъ, а можетъ быть и въ тылъ, если они двинутся впередъ.

По сближеніи войскъ Раевскаго и Барклая между собою, самъ графъ Буксгевденъ предполагалъ принять надъ ними командование¹⁾.

28-го мая Раевскій получилъ донесеніе о появленіи шведскихъ передовыхъ частей у Перхо²⁾. Пунктъ этотъ находился въ тылу праваго фланга его расположения, на дорогѣ, связывающей его съ Куопіо, а также съ Таммерфорсомъ и Тавастгусомъ, если-бы береговая дорога была перехвачена. Извѣстіе это окончательно устроило всякия колебанія Раевскаго и онъ рѣшился отойти, но не къ Лаппо, а къ Лильчюро, въ 18 верстахъ восточнѣе Вазы. Расположеніе у Лаппо давало-бы ему значительныя преимущества; онъ находился-бы въ узлѣ четырехъ дорогъ—на Вазу, Ню-Карлебю, Куопіо и Таммерфорсъ, и могъ-бы отсюда удобно принять любое, въ зависимости отъ обстановки, рѣшеніе. Но вѣсти о готовившемся высадкѣ непріятеля и именно около Вазы невольно притягивали сюда его вниманіе. Самое отступленіе свое Раевскій совершилъ мастерски, въ два часа ночи на 2-е июня, совершенно незамѣтно для шведовъ. Въ Нюкарлебю былъ оставленъ арьергардъ генераль-маиора Янковича, въ составѣ 23-го егерскаго полка, частей полковъ: Пермскаго, Могилевскаго (остатокъ отъ Револакса), Великолуцкаго, эскадрона гусаръ и казачьей полусотни,—всего около 1.300 человѣкъ съ 7-ю орудіями. Этотъ арьергардъ прикрывалъ и дорогу на Лаппо, пользуясь которой Клингспоръ угрожалъ-бы путемъ отступленія Раевскаго и отрѣзывалъ-бы его окончательно отъ Куопіо. Такое значеніе Лаппо заставило Раевскаго выдѣлить туда сейчасъ-же особый отрядъ генерала Козачковскаго (полки: Сѣвскій, Калужскій, баталіонъ Великолуцкаго, эскадронъ гусаръ и полсотни казаковъ)—около 2.000 человѣкъ. Такимъ образомъ, тяготѣніе Раевскаго къ Вазѣ привело и къ раздробленію его силъ на четыре отдѣльныя группы: у Нюкарлебю, Лаппо, Лильчюро и, наконецъ, у Вазы (Демидовъ).

Обратимся теперь къ дѣйствіямъ шведскаго главнокомандующаго.

23-го мая въ главную шведскую квартиру въ Брагестадѣ прибылъ курьеръ съ извѣстіемъ о рѣшеніи короля Густава IV Адольфа послать въ Вазу экспедиціонный отрядъ подъ начальствомъ его генераль-адъютанта, полковника Бергенстроле, въ составѣ 1.000 человѣкъ

¹⁾ Всеподданнѣйший рапортъ Буксгевдена отъ 30-го мая, д. В. ист. Арх. Ген. Штаба № 1651.

²⁾ Сюда, какъ увидимъ ниже, двинутъ былъ Клингспоромъ отрядъ партизана фонъ-Фіанпата.

пехоты съ 4-мя орудіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ самъ Бергенстроле извѣщалъ, что отплытіе экспедиціи можетъ, въ случаѣ благопріятныхъ вѣтровъ, состояться изъ Умео 1-го іюня. Въ тотъ же день Клингспоръ перенесъ свою главную квартиру впередъ, къ Химанко и вознамѣрился начать наступленіе, направивъ свой первый ударъ на Недерветиль (между Гамла-Карлебю и Перхо), гдѣ у Раевскаго былъ отдѣленъ небольшой отрядъ. Такой ударъ, въ случаѣ успѣха, угрожалъ-бы тылу русскихъ. Какъ разъ во время приготовленій къ этому движенію, въ главную шведскую квартиру прибыло нѣсколько обывателей города Гамла-Карлебю и только отъ нихъ шведы узнали „неожиданную новость“: русские сами отступили. „Все зашевелилось въ главной квартирѣ (пишетъ официальный шведскій источникъ¹⁾). Выступленіе арміи было тотчасъ же рѣшено. Врага надлежало преслѣдовывать. Но наиболѣе пригодныя для этой цѣли войска стояли еще южнѣе Улеаборга, не закончивъ своего укомплектованія и снаряженія, и снова начато было „великое хлѣбопеченіе“ для наступленія. И уже 5-го іюня Клингспоръ доносилъ королю „что продовольственныи вопросъ ирепятствуетъ мнѣ преслѣдовать непріятеля, какъ я-бы того хотѣлъ“. Какъ только хлѣбопеченіе будетъ организовано, Клингспоръ обѣщалъ съ крайнимъ напряженіемъ продолжать движение арміи и преслѣдовать противника²⁾.

Однако, бездѣйствіе главнокомандующаго не отражалось на авангардѣ (3-я бригада Гриппенберга). Тамъ производили рекогносцировки, захватили даже въ пленъ (у Сундбю) казачій постъ. Полученное отъ крестьянъ извѣстіе (оказавшееся впослѣдствіи ложнымъ), что русскіе очищаются Нюкарлебю, побудило начальника 2-й бригады, энергичнаго фонъ-Дебельна, подошедшаго со своею бригадою къ авангарду, продвинуться въ ночь съ 8-го на 9-е іюня со всѣми войсками еще далѣе впередъ до Сундбю, гдѣ и завязалась вскорѣ перестрѣлка между передовыми постами. Прибывшій сюда 10-го числа Адлеркрейцъ принялъ въ свои руки дальнѣйшее руководство наступленіемъ, отъ которого какъ видно, трудно было удержать частныхъ начальниковъ.

Силы Янковича не превышали 1.300 человѣкъ. Какъ только наступленіе шведовъ опредѣлилось, онъ отоспалъ назадъ свои обозы, а самъ расположилъ свой авангардъ частью по окраинѣ города, частью по обѣ стороны переправы черезъ рѣчку, отдѣливъ баталіонъ для прикрытия своего праваго фланга уступомъ назадъ (здѣсь отходилъ путь отступленія). Шведскіе источники свидѣтельствуютъ, что артилерія Янковича была замѣчательно маскирована (черт. № 8).

¹⁾ Sv. kriget 1808—09, т. III, стр. 176.

²⁾ Тамъ-же, стр. 178.

Шведы намѣревались сперва отвлечь вниманіе Янковича съ фронта, со стороны станціи Сундбю; тѣмъ временемъ большая половина пѣхоты 2-й и 3-й бригадъ должна была обойти фланги его позиціи, особенно правый, стараясь отрѣзать путь отступленія. Послѣднее возложено было на бригаду фонъ - Дебельна, причемъ позицію Янковича шведы считали столь сильною, что ея атаку признали возможнымъ осуществить не иначе, какъ путемъ нечаяннаго ночныхъ нападенія. Дебельнъ долженъ былъ выйти въ половинѣ первого ночи по лѣсной, трудно проходимой тропинкѣ, прямо къ городу и, введя въ заблужденіе наши передовыя части, захватить мостъ у нихъ въ тылу. Объ успѣхѣ этого предпріятія условлено было возвѣстить звономъ церковнаго колокола, послѣ чего только должна была начаться фронтальная атака (разсчитывали, что это должно произойти часа въ четыре утра). Для отвлеченія же вниманія, особый отрядъ Лангемельда еще раньше долженъ былъ переправиться черезъ рѣку на лодкахъ въ ея устье и напасть на лѣвый флангъ Янковича.

Такая сложная комбинація, конечно, на дѣлѣ не могла пройти по заказу, особенно при дѣятельномъ противнике. Въ 4 часа утра голова главной колонны Адлеркрайца уже столкнулась съ нашими сторожевыми частями, которыхъ оказались значительно сѣвернѣе рѣки. Условленный колоколь, между тѣмъ, слышенъ не былъ. Тогда шведы, проходавъ около получаса, рѣшили продолжать наступленіе и начали тѣснить наши передовыя посты. Послѣдніе легко подались назадъ, но въ лѣсу навели зарвавшихся шведовъ на засаду, которая нанесла имъ солидныя потери; еще серьеziѣ былъ уронъ отъ огня батареи, удачно скрытой на южномъ берегу и внезапно брызнувшей картечью по безпечно наступавшему непріятелю. Эффектъ этого огня былъ такъ великъ, что шведы „разстроеннымъ рядами искали укрытия въ придорожныхъ канавахъ“. Однако подоспѣвали шведскія батареи и понудили нашу артилераю сняться съ позиціи и отойти.

Одновременно съ этимъ на западной окраинѣ города Пермскій полкъ велъ горячій бой съ отрядомъ Лангемельда, ворвавшимся въ него. Янковичъ, въ виду превосходства непріятеля, рѣшилъ отступать еще до появленія колонны Дебельна; перевелъ всѣ войска за рѣку и зажегъ мостъ. Только въ этотъ моментъ появилась голова колонны Дебельна, задержанной трудною, топкою дорогою. Ударъ его оказался впустую; русскіе успѣли отступить и отрѣзать ихъ не удалось.

Отступленіе Янковича ускорилось еще вслѣдствіе того, что баталіонъ, оставленный имъ (близъ Ютаса) для обеспеченія нути отступленія, также подвергся атакѣ шведовъ. Здѣсь два баталіона выдѣленныхъ Дебельномъ, обойдя еще кружнѣе, переправились за рѣку

и должны были выйти совершенно въ тылъ. Несмотря на стремление этихъ войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ фонъ-Оттера, охватить фланги и тылъ нашего баталіона, пользуясь возможностью укрыться въ лѣсу, послѣдній помня, важность своей задачи, упорно удерживалъ свою лѣсистую высоту, „съ выдающейся храбростью атакуя многократно въ штыки непріятеля“¹⁾ съ фронта благодаря чему обходъ фланговъ прерывался. Доблестное поведение этого баталіона обеспечило вполнѣ благополучный отходъ всего отряда Янковича, несмотря на энергичное преслѣдованіе, веденное Лангеншельдомъ и фонъ-Дебельномъ.

Самъ Клингспоръ прибылъ въ Нью-Карлебю къ концу боя. Необходимо было развить достигнутый успѣхъ и продолжать энергично наступленіе, въ особенности для того, чтобы войти въ связь съ ожидаемымъ *въ тотъ же день* десантомъ Бергенстроле у Вазы. Янковичъ продолжалъ отходить на Оровайсъ до Верро, гдѣ его подкрайнилъ съ частью силъ Раевской. Однако, Клингспоръ, несмотря на то, что не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о Бергенстроле, простоянавшиль войска свои; онъ занялся восстановленіемъ разрушенного Янковичемъ моста, устройствомъ продовольственной части и подтягиваніемъ отставшихъ. Лучше того:—воспользовавшись наступившимъ Ивановымъ днемъ, шведскимъ войскамъ разрѣшено было ликовать и праздновать вмѣстѣ съ обывателями города „освобожденіе отъ русскаго ига“, для чего (какъ съ ироніей повѣствуютъ шведскіе историки) доставленъ былъ изъ Якобштадта значительный грузъ табаку и по 6-ти боченкамъ водки на каждую бригаду²⁾.

Обратимся теперь къ дѣйствіямъ десантныхъ шведскихъ отрядовъ.

Непремѣнное желаніе Густава-Адолъфа IV дѣйствовать противъ Норвегіи наступательно приводило къ тому, что онъ очень скучно удѣлялъ въ Финляндію подкрайленія, уповая на то, что жители послѣдней, дружно взявшись за оружіе, въ значительной мѣрѣ будутъ способствовать освобожденію своей страны отъ ига русскихъ. Поэтому дѣло свелось къ отправкѣ двухъ чрезвычайно значительныхъ десантныхъ экспедицій: одной—изъ Умео къ Вазѣ, подъ начальствомъ полковника Бергенстроле, и другой—черезъ Аландъ къ Або, подъ начальствомъ генералъ-маиора барона фонъ-Фегезакъ. Эти десанты, по мысли Густава IV Адолъфа, должны были сыграть роль кадровъ для уже возгорѣвшагося въ населеніи Эстронтнї и Абоской губерніи народнаго восстанія.

Отрядъ фонъ-Фегезака доходилъ до 4.000 человѣкъ, изъ коихъ около 1.000 гвардейцевъ. Артиллеріи было всего 6 орудій. Высадка

¹⁾ Изъ донесенія Янковича отъ 14-го июня.

²⁾ Sv. Kr. 1808—09 г. томъ III, стр. 188-я.

произведена была 8-го іюня у Лемо, въ 22 верстахъ отъ Або, причемъ разсчитывали воспользоваться, для организаціи въ широкихъ размѣрахъ народнаго движенія, наплывомъ народа къ городу по случаю ярмарки. Но противнику не было извѣстно, что ярмарка отмѣнена распоряженіемъ нашего военнаго начальства.

По выходѣ на берегъ, Фегезакъ оставилъ часть своихъ силъ близъ пункта высадки, гдѣ онъ тотчасъ стали укрѣпляться, а остальные двинулись къ Або. На встрѣчу противнику двинуть былъ сперва одинъ лишь баталіонъ Либавскаго полка съ 1 орудіемъ, подъ начальствомъ полковника Вадковскаго, а прочимъ войскамъ (расквартированнымъ въ окрестностяхъ) спѣшно приказано стягиваться къ Або. Вадковскій довольно удачно задерживалъ превосходныя непріятельскія силы, пользуясь пересѣченною мѣстностью, а тѣмъ временемъ прибывшій къ полю битвы генералъ Багговутъ (временно замѣщавшій Багратіона) послалъ за остальными бывшими въ Або войсками. Находившійся какъ разъ въ это время здѣсь главнокомандующій, узнавъ о высадкѣ, приказалъ Коновницыну принять начальство надъ прибывающими изъ окрестностей подкѣплѣніями и составить изъ нихъ резервъ, а 15-ти канонерскими лодкамъ двинуться моремъ и напасть на мѣсто шведской высадки. Между тѣмъ, шведы стали тѣснить Вадковскаго, который отступалъ шагъ за шагомъ до того мѣста, гдѣ расположена была Багговутомъ прискаравшая изъ Або батарея съ эскадрономъ Гродненскихъ гусаръ, къ которой постепенно пристраивалась спѣшившая оттуда же пѣхота (3 роты Либавскаго полка, Невскій полкъ); сюда успѣли присоединиться еще 6 ротъ Брестскаго полка и эскадронъ Финляндскаго драгунскаго полка. Багговутъ получилъ приказаніе остановить шведовъ до подхода остальныхъ войскъ. Онъ, поэтому, развернулъ всю свою пѣхоту, безъ резерва; бой шелъ въ лѣсу, между скалъ; шведы отбили атаку Багговута, но онъ удержался и не сдавалъ до прибытія резерва Коновницына. 2 баталіона Невскаго и Перновскаго полковъ, шедшіе въ головѣ, ударили въ птыки; часть пѣхоты усилила стрѣльцовъ, а артиллерія зажгла мызу, опорный пунктъ шведской позиціи. Шведы дрогнули и начали отступать; ихъ преслѣдованіе было доведено вплоть до Лемо, гдѣ наканунѣ они воздвигли укрѣпленія. Подъ прикрытиемъ ихъ огня, Фегезакъ сталъ спѣшно сажать свой отрядъ на суда, но атака нашихъ войскъ на укрѣпленія заставила шведовъ снова высадить часть силъ, дабы обеспечить орудія. Давъ отпоръ, противникъ, подъ прикрытиемъ пальбы съ судовъ, окончательно произвелъ амбаркацію, потерявъ одно судно, потопленное нашей артиллеріей. Наши обходные канонерки не поспѣли къ мѣсту дѣйствія; непріятельскія суда уже укрылись за островами Нагу и Корпо. Графъ Буксгевденъ, до-

нося объ этомъ дѣлѣ Государю, выдѣлялъ доблестное поведеніе войскъ и начальниковъ въ этомъ дѣлѣ. Генералы Багговутъ и Тучковъ (находившійся подъ слѣдствіемъ) сами руководили стрѣльковыми цѣпями, щеголяя безстрашиемъ. Внезапность высадки, заставшей войска разбросанными и неподготовленными, никого не всполошила; взаимная выручка и распорядительность частныхъ начальниковъ сдѣлали то, что мы успѣли своевременно собрать достаточные силы, чтобы привести предпріятіе шведовъ къ неуспѣху (черт. № 9).

Экспедиція Бергенстроле къ Вазѣ, по мысли короля Густава-Адольфа, должна была совпасть съ дѣйствіями фонъ-Фегезака. Бергенстроле, одинъ изъ генераль-адъютантовъ короля, находившійся въ войскахъ, дѣйствовавшихъ противъ Норвегіи, самъ вызвался въ начальники десантной экспедиціи въ Финляндію. Согласно данной ему королемъ секретной инструкціи, онъ долженъ быть немедленно сѣть на суда и съ головнымъ эшелономъ десанта двинуться къ Вазѣ, гдѣ, послѣ высадки, попытаться сперва овладѣть самымъ городомъ, а затѣмъ уже произвести диверсію въ тылъ противнику. Для согласованія своихъ дѣйствій съ сухопутными силами графа Клингспорса, Бергенстроле долженъ быть о времени *выступленія* экспедиціи предупредить главнокомандующаго путемъ отправки къ нему особаго посланнаго. Въ то же время Бергенстроле быть осведомленъ о дѣйствіяхъ фонъ-Фегезака, а крейсировавшія въ Ботническомъ заливѣ суда должны были поддерживать связь между обоими десантами и сухопутной арміей.

Съ 16-го мая Бергенстроле началъ хлопоты по организаціи порученной ему экспедиціи; но сборъ необходимыхъ войскъ, судовыхъ и продовольственныхъ средствъ и т. п. настолько замедлился, что раньше 1-го іюня нечего было и разсчитывать произвести посадку, о чёмъ и послано было Клингспору увѣдомленіе. Бергенстроле энергично упражнялъ свои войска, поддерживая все время дѣятельныя сношенія съ финляндскимъ берегомъ, откуда ему мѣстные жители сообщали точныя свѣдѣнія о группировкѣ русскихъ войскъ и о настроеніи населенія, „которое ожидаетъ быстрой поддержки и готово, жертвуя кровью и жизнью, сбросить съ себя непріятельское иго“¹⁾). Вмѣстѣ съ тѣмъ Бергенстроле вошелъ въ связь и съ Клингспоромъ, который далъ ему подробнѣя указанія о положеніи противника; онъ, въ то же время, протестовалъ противъ назначенія для десанта столь слабыхъ силъ (немного болѣе 1.000 человѣкъ), настаивалъ на добавленіи хотя бы 500 человѣкъ ландверистовъ, убѣждаль не зарываться вглубь страны и, въ случаѣ встрѣчи

¹⁾ Изъ донесенія Бергенстроле королю отъ 12-го іюня и. ст.

съ превосходными силами, спѣшить сѣсть снова на суда и достигнуть моремъ расположенія арміи.

Когда уже было все готово, выходъ десанта въ море долгое время задерживался противнымъ вѣтромъ. Бергенстроле приходилъ въ отчаяніе отъ этихъ постоянныхъ задержекъ; не менѣе волновался и король, генераль-квартирмайстеръ котораго, Авѣ-Тибель, съ послѣднихъ чи-セルъ мая началъ бомбардировать Бергенстроле предписаніями, побуж-дающими его скорѣе выйти въ море. Дѣло дошло до того, что 6-го іюня король повелѣлъ ему отплыть безотлагательно не смотря ни на что.

Тѣмъ не менѣе, десантъ тронулся только 11-го утромъ. Съ пути отправленъ былъ къ Клингспору посланецъ, съ которымъ сообщено, что высадка состоится въ тотъ же день вечеромъ, причемъ ближай-нею цѣлью ставится захватъ города Вазы, а если возможно, то и ударъ на Лильчюро, гдѣ сосредоточены главныя силы противника.... Однако, высадка началась только въ 9 часовъ утра 12-го и окон-чилась къ часу ночи, совершенно безпрепятственно, хотя, какъ ока-зывается, наши начальники и были *предварены нѣкоторыми финлянд-цами* о возможности такой высадки; о ней даже предупреждалъ самъ Буксгевденъ, на основаніи полученныхъ имъ донесеній.

Къ моменту появленія на финляндскомъ берегу десантнаго отряда Бергенстроле, русскія войска, общая численность которыхъ достигала 5.000 *человѣкъ*, при 19 орудіяхъ, были расположены слѣдующимъ образомъ:

На Квефлакскомъ полуостровѣ (къ сѣверо-западу отъ Вазы), гдѣ казаки наблюдали за побережьемъ, находились позади ихъ двѣ егер-скія роты (заставы); въ самомъ городѣ Вазѣ—баталіонъ и рота съ двумя орудіями; 4 роты и 4 орудія—въ дер. Тобю; въ Лильчюро—6 ротъ и, наконецъ, близъ Верро—войска Янковича. Въ городѣ Вазѣ, кромѣ коменданта полковника Книпера, находился генераль-маиръ Демидовъ и русскій гражданскій губернаторъ Эминъ.

Несмотря на то, что мѣстные жители дали ему довольно точныя свѣдѣнія о расположеніи и силахъ русскихъ войскъ близъ Вазы, Бергенстроле, въ силу повелѣній короля, считалъ для себя обяза-тельнымъ атаковать ихъ, даже не будучи увѣренъ въ содѣйствіи Клингпора.

Отъ пункта высадки (Эстерхамко) къ Вазѣ вели двѣ дороги. По одной изъ нихъ (черезъ Смѣдсбю) послана была небольшая де-монстративная колонна, а главныя силы направились черезъ Вей-карсъ, съ тѣмъ, чтобы ударить на городъ съ восточной стороны. Ко всѣмъ колоннамъ, по мѣрѣ ихъ движенія вглубь страны, присоединя-лись болѣе или менѣе значительныя толпы вооруженныхъ крестьянъ.

Первое столкновение, по дорогѣ на Смѣдсбю, было удачно для шведовъ; передовыя наши части были захвачены врасплохъ и въ беспорядкѣ отступили. Однако, спѣшившему къ Вазѣ со своей ротой капитану Разнотовскому удалось собрать отступавшихъ около Смѣдсбю и здѣсь оказать сопротивленіе, и даже отбросить шведовъ къ берегу залива; это позволило нашимъ продолжать свое движение къ Вазѣ, куда въ это время Демидовъ спѣшилъ сосредоточить все, что можно.

Сначала Демидовъ, получивъ донесеніе о появлѣніи шведовъ на Смѣдсбюсской дорогѣ, впалъ было въ ошибку и двинулъ свои резервы въ этомъ направлѣніи; но на полупути онъ получилъ новое донесеніе о томъ, что другая, гораздо болѣе сильная, колонна шведовъ, обойдя его скрытно, захватила у него въ тылу самый городъ. Тогда Демидовъ (это было уже около 4-хъ часовъ пополудни), оставилъ у Смѣдсбю сильный арьергардъ, повелъ свои войска снова къ Вазѣ.

Бергенстроле производилъ свое движение вполнѣ безпрепятственно, благополучно захватывая по пути наши патрули и посты. У деревни Мартойсъ наша застава оказала сопротивленіе, но была сломлена. Все свое движение Бергенстроле старался произвести съ возможно большей скрытностью; такъ, охраняющимъ частямъ запрещено было стрѣлять, а при встрѣчѣ непріятельскихъ партий вѣдьмо скрываться въ лѣсу и пропускать ихъ мимо себя, послѣ чего, окружая, захватывать. Впереди каждой колонны пущены были вооруженные толпы крестьянъ; отъ нихъ высыпались боковые дозоры и т. п. Подойдя къ городу всего на 3 мили, начальникъ шведскаго десанта получилъ донесеніе, что городъ очищенъ русскими войсками. Съ близлежащей высоты онъ произвелъ разведку города, пользуясь указаніями бѣжавшаго изъ Вазы нѣкого инженера Хольма относительно расположения улицъ и площадей. Одновременно замѣчено было движение какихъ то русскихъ войскъ къ городу по дорогѣ изъ Тобю (это были находившіяся тамъ 4 роты, которымъ приказано было Демидовымъ спѣшить въ Вазу). Бергенстроле двинулъ форсированнымъ маршемъ и вступилъ въ городъ раньше ихъ, распросстранясь по городскимъ улицамъ. Въ городѣ были только караулы, да казенная офицерская прислуга; но и эти отдельные люди (какъ свидѣтельствуютъ и шведскіе источники) самоотверженно сопротивлялись, обстрѣливая шведовъ изъ домовъ. Въ свою очередь наша колонна, шедшая по Тобюсской дорогѣ, ринулась бѣгомъ и заняла жестокій, безпощадный уличный бой. Бергенстроле пришло скоро ввести въ дѣло всѣ свои силы и только повстанцевъ онъ остановилъ на юго-восточной окраинѣ города, какъ бы для обезпеченія своего отступленія. Наши орудія поставлены были на главномъ городскомъ перекресткѣ и продолжали обстрѣливали

улицы въ двухъ направленихъ; всюду появился барикады изъ повозокъ обоза; шведамъ не было возможности продвигаться по городскимъ артериямъ; они пытались укрыться въ домахъ, пробираться задворками—но и тутъ вездѣ и всюду были враги... Въ концѣ концовъ— всякая связь между частями у шведовъ была утрачена; войска вырвались изъ рукъ. Въ этотъ критический моментъ подоспѣлъ къ городу самъ Демидовъ, возвратившійся отъ Смѣдсбю... Шведы приняли было его за своихъ, но увы! истина скоро обнаружилась... Бергенстроле и его сотрудники поняли, что дѣло проиграно, и стали хлопотать только о благополучномъ отступлениі.. Демидовъ уже направилъ часть своихъ силъ на шведскіе резервы, а остальные ворвались въ городъ, гдѣ происходила неописуемая рѣзня. Бергенстроле тщетно пытался собрать и устроить своихъ, стремясь лишь вывести ихъ изъ боя; въ результатѣ—онъ оказался вынужденнымъ сдаться. Часть шведовъ все-таки ускользнула и успѣла добѣжать до берега, гдѣ сѣла на суда, которыхъ и доставили ихъ къ главнымъ силамъ графа Клингспора; 17 офицеровъ, болѣе 250 нижнихъ чиновъ и 1 орудіе были взяты въ плѣнъ; остальные полегли на улицахъ города, гдѣ разсѣянны по всѣмъ направлениямъ Демидовымъ отдѣльныя небольшія группы людей постепенно подавляли сопротивленіе. Во время боя многіе вазаскіе жители стрѣляли по нашимъ войскамъ изъ оконъ; это, естественно, вызвало справедливое возмездіе; ожесточенные такимъ вѣроломствомъ, люди вторглись внутрь домовъ и, выбивая оттуда непріятельскихъ солдатъ и вооруженныхъ обывателей, оказались повинны и въ грабежѣ (черт. № 10).

Въ недавнее еще, екатерининское время, въ подобныхъ случаяхъ, „добычѣ“ (по выражению Суворова) признавалась дѣломъ обыкновеннымъ. „Обывателя не обижай“, училъ Суворовъ; но взятый штурмомъ городъ считалъ какъ бы законною наградою побѣдителей. Въ „дни Александровы“ взгляды измѣнились. Изъ Петербурга потребовали разслѣдованія, которое, однако, выяснило неопровергжимо, что вмѣшательство самихъ вазасцевъ было главною причиной случившагося¹⁾. „Могъ ли кто изъ частныхъ начальниковъ положить мѣры ожесточенію битвы? Не было возможности удержать солдатъ, находившихся во многихъ мѣстахъ безъ начальства“. Однако, до сихъ поръ преувеличенные разсказы о Вазаскихъ ужасахъ держатся въ Финляндіи, причемъ обыкновенно событіе стараются изобразить такъ, что русскіе солдаты безпричинно пущены были ихъ начальствомъ на разграбленіе города...

¹⁾ Томъ III, стр. 215 шв. оф. ист. свидѣтельствуетъ, что домовые обыски, произведенныя распоряженіемъ Демидова, обнаружили не менѣе 80 человѣкъ горожанъ, вооруженныхъ ружьями, которые и были арестованы.

Примѣръ отбитія отряда Бергенстроле показываетъ, насколько гибко было тактическое искусство нашихъ войскъ, умѣвшихъ примѣняться къ самой разнообразной обстановкѣ. Разбросанный отрядъ Демидова, не теряясь отъ неожиданного появленія врага, быстро, по частному почицу отдѣльныхъ предводителей, стягивается къ угрожающему пункту и мастерски разыгрываетъ уличный бой, совершенно въ духѣ Суворовскихъ наставлений... Нарвавшійся на такого страшнаго противника Бергенстроле, даже при содѣйствіи мятежныхъ вазасцевъ, потерпѣлъ полный разгромъ.

Хотя, такимъ образомъ, шведамъ и не удалось высадки подбрѣзпленій; хотя оба покушенія ихъ близъ Або и Вазы, благодаря находчивости и споровкѣ нашихъ частныхъ начальниковъ,—и оказались отражены,—тѣмъ не менѣе попытки эти *разожгли народное движение*: настолько, что сдѣлали невозможнымъ согласованіе дѣйствій группъ Раевскаго и Барклая; и той и другой приходилось заботиться единственно объ обеспеченіи собственной безопасности.

Обратимся теперь къ дѣйствіямъ колонны Барклая-де-Толли. По плану главнокомандующаго графа Буксгевдена, колонна или „корпусъ“ подъ начальствомъ Барклая-де-Толли должна была рѣшительно наступать изъ предѣловъ Выборгской губерніи къ Куопіо, утвердиться здѣсь и затѣмъ, оставивъ въ этомъ пункѣ соответствующей гарнизонъ, съ остальными силами стараться выйти во флангъ или даже въ тылъ графу Клингспору, котораго тѣмъ временемъ Раевскій долженъ былъ задерживать съ фронта. Въ составъ колонны вошли полки 6-й дивизіи самого Барклая, два баталіона лейбъ-grenадеръ, баталіонъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, уланскій Его Высочества полкъ, рота гвардейской артилериі, три казачьихъ сотни, съ добавленіемъ изъ Свеаборга Бѣлозерскаго пѣхотнаго полка и трехъ эскадроновъ Финляндскаго драгунскаго полка,—всего до 7.500 человѣкъ.

Такимъ образомъ на войска Барклая возлагалась двойственная задача: съ одной стороны—прочно овладѣть внутренней частью Финляндіи, такъ называемымъ Саволаксомъ, природные свойства котораго создавали изъ него естественный редюитъ народнаго мятежа; съ другой—оперировать противъ главной массы непріятельскихъ войскъ, причемъ, какъ видно, на эту группу возлагалась наиболѣе важная и рѣшительная роль. Нельзя не замѣтить, что планъ этотъ является повторениемъ прежней предвзятой идеи зимняго похода, но съ еще меньшими шансами на успѣхъ, такъ какъ уже одни условія *мѣстности* по которой направлень былъ Барклай-де-Толли, совершенно не отвѣчали возложеній на него активной задачѣ. Если въ зимнее время возможно было сравнительно легко и быстро преодолѣть лабиринтъ.

внутренней Финляндіи, особенно при отсутствіі серъезнаго противодѣйствія противника, то, по вскрытии водъ и при существованіі у него обратнаго намѣренія—мѣстность здѣшняя предоставлала даже сравнительно слабымъ силамъ, при талантливомъ, конечно, предводителѣ, тысячу средствъ, чтобы сдѣлать этотъ раіонъ буквально неодолимымъ¹⁾.

А успѣхъ выполненія второй половины задачи, т. е. операциіи въ тылъ Клингспора, всецѣло зависѣлъ отъ степени осуществленія первой. Такимъ образомъ, весь планъ Буксгевдена, въ сущности, не отвѣчалъ обстановкѣ, такъ какъ достигнуть поставленной имъ цѣли можно было только тогда, когда Барклай-де-Толли станетъ твердою ногою во внутренней Финляндіи, что оказалось недостижимымъ даже и для всѣхъ его силъ. Въ свою очередь, такой результатъ отразился немедленно и на положеніи отряда Раевскаго, а также войскъ, оставленныхъ на побережье, которыхъ только вслѣдствіе инертности Клингспора отдѣлались сравнительно дешево.

Помимо топографическихъ условій, неудачный исходъ наступленія Барклай зависѣлъ еще и отъ счастливаго для противника обстоятельства — выдающейся талантливости вождя. Таковыемъ оказался у шведовъ начальникъ ихъ 5-й бригады, генералъ Сандельсъ. По захвату въ концѣ апрѣля города Куопіо своими передовыми частями, онъ утвердился здѣсь главными силами и приступилъ къ организаціи народныхъ ополченій. Тѣмъ временемъ, высланныя имъ отдельные летучія колонны въ теченіе мая заняли Варкаусъ и продвинулись даже до Йоройса. Небольшія наши команды очищали всѣ пункты внутренней Финляндіи, кромѣ С.-Михеля, который оставался еще у насъ въ рукахъ²⁾. Все это происходило еще въ маѣ мѣсяца, когда во внутренней Финляндіи оставались только наши этапныя команды. Энергіи и распорядительности военнаго губернатора старой Финляндіи Обреккова единственно обязаны мы, что не былъ захваченъ Нейшлотъ,—наша пограничная крѣпость. Обрекковъ по собственной иниціативѣ задержалъ Шлиссельбургскій гарнизонный баталіонъ, направленный въ Свеаборгъ и находившійся на днѣвѣтѣ въ Выборгѣ, и усилилъ имъ гарнизонъ Нейшлота; затѣмъ въ Вильманстрандѣ и С. Михель посланы были на подводахъ, на рижахъ, части Вильманстрандскаго

1) Вотъ почему, вѣроятно, Суворовъ, въ своихъ «замѣткахъ» (см. гл. IV) не рекомендовалъ дѣйствовать здѣсь наступательно, считая достаточной, для обеспеченія операционной линії, активную оборону.

2) Рапортъ Обреккова военному министру 4-го мая и всеподданѣйшее донесеніе 7-го мая. Характерно, что въ раскрытии отъ 13-го мая Императоръ Александръ выразилъ неудовольствіе Обреккову за сообщеніе слуховъ, которые явно преувеличены и ни съ чѣмъ несообразны. Вотъ до какой степени не допускали тогда въ Петербургѣ возможности неблагопріятнаго для насъ оборота дѣла и, главное, перемѣнъ въ отношеніяхъ къ памъ населенія!

гарнизонного батальона и Великолуцкого пехотного полка, прибывшія только что въ Выборгъ для несенія гарнизонной службы.

Войска, назначаемыя въ составъ колонны Барклай-де-Толли, прибывали медленно, по частямъ, въ окрестности С.-Михеля, гдѣ происходило ихъ сосредоточеніе, причемъ часть войскъ направлялась съ юга, а часть—съ востока, со стороны Нейшлота. Это навело Сандельса, освѣдомленнаго обо всѣхъ нашихъ передвиженіяхъ отъ мѣстнаго населенія, на мысль попытаться сперва нанести отдѣльное пораженіе ближайшей группѣ непріятеля; но полученная имъ болѣе точная свѣдѣнія о нашихъ силахъ заставили его отказаться отъ этого плана. Дѣло въ томъ, что въ рукахъ Сандельса было всего на всѣго около 3-хъ тысячъ регулярныхъ войскъ; все остальное были вооруженные жители, число которыхъ колебалось отъ $1\frac{1}{2}$ до 2-хъ тысячъ, не считая отдѣльныхъ партизанскихъ партій. Расчитывать на нихъ въ открытомъ бою—не приходилось: этотъ матеріалъ годился только для малой войны. Въ свою очередь Барклай-де-Толли, прибывшій къ С.-Михелю въ концѣ мая, получивъ свѣдѣнія о силахъ шведовъ и узнавъ, что Сандельсъ, имѣя главныя силы уже въ Йоккасѣ¹⁾, оцѣнилъ его цѣлою сѣтью мелкихъ отрядовъ, не считая множества партій вооруженныхъ жителей,—решилъ сперва выждать окончательнаго сосредоточенія всѣхъ своихъ силъ, обеспечить свои сообщенія и связь съ тыломъ и организовать подвозъ продовольствія. На мѣстныя средства, въ виду сравнительной бѣдности внутренней части края и, главное, враждебнаго настроенія населенія, которое частью устремилось съ оружиемъ въ рукахъ подъ знамена Сандельса, частью организовало самостоятельный шайки, нечего было и думать хоть сколько-нибудь полагаться. Очевидно, приходилось исключительно уповать на подвозъ, который, по мѣрѣ углубленія колонны внутрь Финляндіи и удлиненія ея сообщеній, становился все болѣе и болѣе затруднителенъ и опасенъ. Къ тому же, перевозочные средства района, и безъ того не обильныя, были въ значительной степени истощены въ предшествующій періодѣ войны.

Заботы по обеспеченію отряда Барклай-де-Толли продовольствіемъ и организація подвоза возложены были военнымъ министромъ на военнаго губернатора Обрекова.

При этомъ обращалось вниманіе²⁾, чтобы движенія и дѣйствія корпуса согласованы были съ условіями его питанія, дабы избѣжать необходимости прибывать къ отступательнымъ движеніямъ, могущимъ произвести неблагопріятное впечатленіе на населеніе.

¹⁾ Два перехода къ сѣверу отъ С.-Михеля.

²⁾ Предписаніе Обрекову отъ 8-го мая и Барклай-де-Толли отъ 13-го мая.

На первое время войска Барклай-де-Толли могли довольствоваться изъ складовъ въ С. Михелѣ и Нейшлотѣ; кромѣ того, согласно особаго распоряженія главнокомандующаго, войска колонны должны были имѣть при себѣ продовольствія на 10 дней. Формированіе транспортовъ встрѣтило огромныя затрудненія, такъ какъ мѣстные жители уклонялись отъ поставки подводъ, и пришлось, по большей части, довольствоваться войсковыми обозами. По той же причинѣ не имѣла успѣха и попытка Обрескова сформировать транспорты изъ лодокъ, для перевозки грузовъ водою по Сайменскимъ озерамъ. Начали снаряжать для охраненія такихъ транспортовъ канонерскія лодки, но они оказались готовыми только въ концѣ іюня и потребовались для другой цѣли.

Наконецъ, Барклай-де-Толли двинулъ свои войска нѣсколькоими колоннами и 1-го іюня подступилъ къ Йоройсу¹⁾. Здѣсь авангардъ лѣвой его колонны (въ составѣ котораго входилъ, между прочимъ, баталіонъ лейбъ-егерей) натолкнулся на шведскій аріергардъ Гро-тенфельда, занявшій крѣпкую позицію за болотистой рѣчкой; выяснивъ невозможность обхода (тонъ), наши войска открыли артиллерійскій огонь; тѣмъ временемъ пѣхота въ укрытомъ мѣстѣ сколачивала плоты, при помощи которыхъ, на утро 2-го іюня, форсировала рѣку такъ стремительно, что шведы не успѣли увезти свое орудіе, доставшееся намъ въ руки. Затѣмъ шведы попытались задержаться еще у Кутумяки, но обходъ лѣсомъ гвардейскихъ егерей, подъ командою полковника Потемкина, заставилъ ихъ очистить позицію.

Сандельсъ, видя превосходство нашихъ силъ, началъ постепенно отходить на сѣверъ, но мелкія его партии пользовались каждымъ случаемъ, чтобы нанести намъ вредъ. Магазины и транспорты наши безпрепятственно подвергались нападеніямъ; въ одномъ изъ нихъ истребленъ былъ цѣлый обозъ и pontонный паркъ, причемъ большая часть прикрытія переколота, а 400 лошадей подрѣзаны на ногахъ жили... Партизанская война настолько задержала наступленіе Барклай, что онъ занялъ Куопіо лишь 8-го іюня уже послѣ того, какъ Сандельсъ успѣлъ спокойно переправить тяжести и артиллерию за озеро Каловеси и утвердиться на сѣверномъ его берегу, на знаменитой Тайволльской позиціи. Позиція это съ фронта и фланговъ прикрыта озерами и, следовательно, для настѣ (безъ водоплавныхъ средствъ)—недоступна. Зато она позволяла самому Сандельсу, успѣвшему организовать, при помощи населенія, обширную озерную флотилію, производить, оставаясь неуязвимымъ, нападенія на нашъ тылъ. Позиція эта была намѣчена заблаговременно, еще до выступленія

¹⁾ Два перехода къ сѣверу отъ Йоккаса и три перехода южнѣе Куопіо.

Сандельса изъ Улеаборга, такъ какъ свойства ея хорошо были известны шведскимъ генераламъ—Адлеркрейцу, Сандельсу и самому графу Клингспору. Позиція была укрѣплена, возведены сильные батареи, заграждены нѣкоторые проливы, а въ тылу устроены значительные склады и магазины... Образованы на озерѣ особые „лодочные патрули“, которые днемъ и ночью освѣщали водное пространство, слѣдя за возможнымъ появленіемъ нашихъ канонерокъ.

Такимъ образомъ, Сандельсъ имѣлъ возможность безнаказанно наносить удары по большому мѣсту Барклай,—его сообщеніямъ, имѣя свою базу непосредственно при себѣ, надежно обезпеченнай.

Характерно, что вмѣстѣ съ отрядомъ Сандельса Куопіо было оставлено и мѣстными гражданскими властями, во главѣ съ куопійскимъ губернаторомъ Вибеліусомъ¹⁾.

Во исполненіе извѣстнаго уже намъ плана главнокомандующаго Барклай-де-Толли, по занятіи Куопіо, оставилъ здѣсь трехтысячный отрядъ Рахманова, а съ остальными силами продолжалъ съ возможною быстротою движеніе въ направленіи на Линтулакъ, съ тѣмъ, чтобы выйти во флангъ графу Клингспору. Оставленный у Куопіо отрядъ долженъ былъ дѣйствовать такъ, чтобы скрыть свою слабость и, наоборотъ, внушить противнику мысль о намѣреніи нашемъ форсировать водную преграду. Для этого Рахманову рекомендовалось производить разнаго рода ложныя передвиженія, собирать у жителей лодки, производить печальная нападенія на шведовъ и т. п., причемъ (въ данной ему Барклаемъ инструкціи) подчеркивалось, что онъ долженъ вполнѣ самостоятельно выполнять поставленную ему задачу, не ожидая дополнительныхъ приказаний. Часть Сайменской флотиліи должна была прибыть на озеро Калавеси для содѣйствія атакѣ Тайвольской позиціи. Наконецъ, ожидалось содѣйствіе колонны генерал-маиора Алексѣева (двинутой черезъ Сердоболь въ Корелію для усмиренія вспыхнувшаго тамъ восстанія); отъ нея долженъ быть выдѣленъ особый отрядъ, которому поручалось ввести Сандельса въ заблужденіе, что для обхода его позиціи съ восточной стороны назначены значительныя силы. Рахманову поручено попытаться войти въ связь съ этой колонной хотя-бы по внутреннимъ водамъ. Давая такія инструкціи Рахманову, Барклай-де-Толли расчитывалъ на пассивность Сандельса; въ дѣйствительности, этотъ шведскій генералъ отнюдь не намѣренъ былъ бездѣятельно ожидать непріятельского нападенія. Какъ только Сандельсу, изъ донесеній его „лодочныхъ

¹⁾ Это тотъ самый «Ландсгевдингъ», котораго впослѣдствіи воспѣлъ Рунебергъ въ своихъ «Разсказахъ прaporщика Столя», какъ образецъ гражданскаго долга. На самомъ дѣлѣ Вибеліусъ былъ просто однимъ изъ руководителей народнаго движения и скрылся изъ Куопіо, опасаясь ответственности (см. Sv. kr. 1808—09, ч. III, стр. 215—218, где приведено донесеніе Вибеліуса Королю).

патрулей", сдѣлалось ясно, что подвозъ продовольствія русскимъ войскамъ къ Куопіо производится, главнымъ образомъ, водою изъ Нейшлота въ Варкаусъ, причемъ послѣдній пунктъ является, по современной терминологии, головнымъ этапомъ, онъ тотчасъ-же рѣшилъ направить сюда свои главные удары. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предвидя возможность направленія русскими какого-либо отряда по дорогѣ на Линтуулаксъ, хотя бы для связи съ Раевскимъ, Сандельсъ приказалъ на этой дорогѣ уничтожить перевалъ у Рауталампи и угнать далеко на сѣверъ всѣ лодки изъ ближайшихъ селеній. Это задержало здѣсь Баркля на недѣлю. Въ промежутокъ времени между 10-мъ и 18-мъ іюня, произведенъ былъ Сандельсомъ цѣлый рядъ удачныхъ нападеній на нашу коммуникаціонную линію. Первое изъ этихъ нападеній было произведено еще 10-го числа у самаго Куопіо, но оно было отбито лейбъ-егерями подъ командою полковника Потемкина¹⁾. Два дня спустя, 12-го числа, въ самый "Ивановъ день" особый отрядъ подъ начальствомъ маюра Дункера, раздѣленный на два эшелона, по 10-ти лодокъ въ каждомъ, скрытно спустился на лодкахъ къ Варкаусу. Кромѣ захвата непріятельскихъ транспортовъ, Дункеру поручалось произвести развѣдку и выяснить, какія мѣры приняты противникомъ для охраненія сообщеній. Около Варкауса Дункеръ высадился на берегъ и расположилъ свой отрядъ въ засадѣ вблизи пути слѣдованія транспорта, пропустивъ который мимо себя, произвелъ одновременно внезапную атаку въ хвостъ, голову и средину обозной колонны. Часть прикрытия разсѣяна; остальные перебиты или захвачены въ плѣнъ. Повозокъ съ продовольствіемъ по нашимъ источникамъ захвачено 75, а по шведскимъ—200. Для отвлечения вниманія одновременно произведено было опять нападеніе и у Куопіо; здѣсь шведский отрядъ Аренкиля, переправившись южнѣе города, скрытно подобрался къ нашимъ позиціямъ и завязалъ довольно серьезный бой, въ которомъ снова отличились гвардейские егера и Низовскій полкъ, быстро собравшись по тревогѣ и успѣшно отбивъ нападеніе.

Всѣ эти события внушили Баркля-де-Толли серьезная опасенія за свой тылъ. Опасенія эти усугублялись тѣмъ, что возставшее повсемѣстно внутри Финляндіи населеніе само вело безпощадную народную войну; наши отдаленные посты, одиночные люди, подводы и т. п. безпрестанно подвергались нападеніямъ изъ-за угла. Графъ Буксгевденъ называлъ въ своихъ всеподданнѣйшихъ рапортахъ эту войну „вандейскою", а финляндцевъ уподоблялъ „добрѣмъ тирольцамъ".

¹⁾ Такъ значится въ русскихъ источникахъ (журналъ военныхъ дѣйствий графа Буксгевдена отъ 16-го іюня). Въ шведскихъ источникахъ обѣ этомъ предпріятія не упоминается; болѣеѣ вѣроятѣй считать, что оно имѣло мѣсто, чтобы отвлечь вниманіе отъ главной экспедиціи, цѣлью которой былъ Варкаусъ.

Такое положение вещей вынудило Барклай-де-Толли настаивать на скорейшей доставкѣ въ озеро Калавеси канонерскихъ лодокъ съ опытными моряками. Не достигнувъ полного господства на этихъ внутреннихъ водахъ, Барклай-де-Толли совершенно основательно не считалъ возможнымъ идти на западъ, на поддержку Раевскаго, и взялъ на себя рѣшеніе вернуться обратно въ Куопіо, куда и прибылъ къ 18-му іюня, оставивъ на прежнемъ пути слѣдованія лишь небольшой отрядъ (Азовскій полкъ съ 4 орудіями и взводомъ казаковъ). Михайловскій - Данилевскій (стр. 167) сильно осуждаетъ будущаго героя Кваркена и 1812 года за это рѣшеніе: оно, якобы, послужило причиной труднаго положенія, въ которомъ оказался Раевскій. Едва-ли лучше было бы, однако, положеніе послѣдняго, да и все наше положеніе на театрѣ войны, если-бы Сандельсу удалось отбросить Рахманова, вновь овладѣть Куопіо и оттуда угрожать тылу не только Барклай, но Раевскаго и прочихъ войскъ нашихъ, еще остающихся въ Финляндіи... Возвращеніе Барклай-де-Толли въ Куопіо, наоборотъ, позволило намъ удержаться въ этомъ районѣ и, несмотря на тяжелое положеніе здѣсь нашихъ войскъ, подвергавшихся постояннымъ ударамъ въ тылъ, не дало энергичному Сандельсу возможности далѣе распространяться, съ факеломъ мятежа, на югъ. Зажженный имъ пожаръ народной войны былъ, этимъ путемъ, до некоторой степени локализированъ, и сообщенія главной массы нашихъ войскъ, бывшихъ въ юго-западной и западной части Финляндіи, опасности не подверглись.

На другой же день по прибытіи Барклай въ Куопіо, 18-го іюня, Сандельсъ вновь произвелъ ночное нападеніе; онъ высадилъ десантъ въ четырехъ различныхъ пунктахъ, на восточной сторонѣ города, подъ прикрытиемъ плотовъ, превращенныхъ въ плавучія батареи. Цѣлью атаки было — помѣшать Барклайю выдѣлить отрядъ противъ партизана фонъ-Фіандта, дѣйствовавшаго въ промежуткѣ между Раевскимъ и Барклаемъ и не допускавшаго связи между ними. Въ часъ ночи канонерки съ плотовъ открыли огонь по нашимъ позиціямъ, а одинъ изъ десантныхъ отрядовъ пробрался въ тылъ нашего лагеря. Нападеніе оказалось вначалѣ однимъ изъ наиболѣе удачныхъ для шведовъ; въ нашемъ лагерѣ начались суета и переполохъ. Другому шведскому отряду удалось разрушить часть нашихъ батарей, все это сперва вызвало въ лагерѣ нашемъ суматоху, результатомъ которой была полная разрозненность частей; роты дрались самостоятельно, отдѣленные другъ отъ друга врѣзавшимися въ наше расположение шведскими отрядами. Однако, послѣднимъ не удавалось войти въ связь и установить между своими дѣйствіями надлежащее согласованіе. Наоборотъ, наши войска, хотя и застигнутыя почти врасплохъ,

доблестно удержались на своихъ мѣстахъ до разсвѣта, съ наступлениемъ котораго осмотрѣлись и, ударивъ повсюду на непріятеля, снова отбили его и удержали въ своихъ рукахъ Куопіо.

Нѣсколько дней спустя послѣ описаннаго нападенія, прибыли наконецъ, къ Куопіо давно ожидаемы канонерскія лодки. Флотилія ихъ (такъ называемая „Саймская“) была съ давняго времени содѣржима на пограничномъ тогда Сайменскомъ озерѣ. Съ началомъ весеннаго похода командовавшему флотиліей лейтенанту Колзакову приказано было перевезти свои лодки съ Саймы на озеро Калавеси, для чего приходилось тащить ихъ, по старорусскому обычаю, „воловомъ“ черезъ перешеекъ въ нѣсколько верстъ и въ обходъ тѣснинъ близъ Варкауса. Только къ 5-му іюля 15 канонерскихъ лодокъ, то переноскою на людяхъ, то перевозкою на лошадяхъ, то водою—появились, наконецъ, на водахъ Каловеси, откуда уже могли непосредственно достичь Куопіо. Получивъ донесеніе о приближеніи канонерокъ, Сандельсь рѣшилъ сдѣлать попытку завладѣть ими открытою силою. Съ этою цѣлью онъ отрядилъ 500 человѣкъ подъ начальствомъ маиора Арнкіля, на 50 лодкахъ, при двухъ 3-фунтовыхъ пушкахъ. У пороговъ Коннусфорса (въ 6-ти верстахъ съвернѣе Леппіявиры) рѣшено было устроить засаду, но Арнкіль запоздалъ: канонерки уже прошли это труднопроходимое мѣсто. Тѣмъ не менѣе нападеніе не было отложено; за однимъ изъ мѣстныхъ острововъ Арнкіль собралъ свои лодки и здѣсь скрытно поджидалъ подхода флотиліи Колзакова. Нападеніе это не увѣнчалось, однако, успѣхомъ. По собственному признанію Арнкіля¹⁾ его приказаніе броситься на абордажъ нашихъ канонерокъ выполнено было только тѣмъ немногими судами, на которыхъ были офицеры или унтеръ-офицеры; остальная же лодки, сбившись въ кучу, не двигались впередъ, являемая лишь легкою мишенью для картечнаго огня Колзакова. Арнкіль рѣшился отступить, опасаясь, что „большинство его лодокъ неминуемо будетъ пущено ѿ дну“.

Послѣдствія прибытія канонерокъ сказались немедленно. Уже 8-го іюля Сандельсь доносилъ, что русскіе въ теченіе послѣдніхъ дней два раза нападали на него и постоянно патрулированіемъ беспокоили его позицію.

Прибытіе водоплавныхъ средствъ уравновѣсило положеніе сторонъ; Сандельсу пришлось помышлять уже не о предпріятіяхъ противъ насъ, а о собственной безопасности. Онъ началъ выдѣлять небольшие отряды къ различнымъ пунктамъ у себя въ тылу, для обеспеченія своихъ сообщеній и вообще предусмотрительно готовиться на случай возможнаго отступленія. Въ тотъ-же день, 8-го іюля, Сандельсь началъ

¹⁾ Его донесеніе приведено на стр. 256—57 т. III, Sv. krig. 1808—09.

свой приказъ слѣдующею фразой: „Въ случаѣ, если для бригады отступленіе станетъ неизбѣжнымъ, слѣдуетъ все, что только можетъ задержать маршъ, отправить заблаговременно въ тылъ“. Далѣе слѣдуетъ точная организація отступленія. Одновременно Сандельсь обратился съ воззваніемъ къ населенію тѣхъ приходовъ, которые лежали у него въ тылу, приглашая ихъ взяться за оружіе, „чтобы помѣшать противнику отрѣзать путь отступленія войскъ и раззорить край“. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ продовольственные и боевые припасы (кромѣ десятидневной пропорціи), лазареты, тяжести и проч. были отодвинуты въ тылъ; равнымъ образомъ произведена тщательная рекогносцировка пути отступленія и заранѣе намѣчены тѣ пункты, гдѣ возможно было принять бой.

Поучительность приведенного факта не подлежитъ сомнѣнію, наглядно подтверждая важное значеніе *озерной флотилии* для дѣйствій во внутренней Финляндіи. Въ настоящее время, при существованіи желѣзныхъ дорогъ, эти хрупкія коммуникаціонныя линіи еще чаще могутъ подвергаться ударамъ неуловимыхъ противниковъ, а при увеличившейся зависимости отъ тыла, еще серьезнѣе могутъ быть послѣдствія такихъ ударовъ. Только *прочно* владѣя внутренними водами, можно пускаться въ какія-бы то ни было военные предприятия въ предѣлахъ внутренней финляндской котловины. Вотъ выводъ, къ которому неизбѣжно приводить изложенный эпизодъ кампаніи 1808 года. Та изъ враждующихъ сторонъ, которая лишена водоплавныхъ средствъ, обречена неизбѣжно на пассивную роль и даже на блужданіе въ потемкахъ, такъ какъ водные пути здѣсь являются не только лучшими коммуникаціонными путями, но и путями операционными, въ частности,—*для разведокъ*.

Въ срединѣ іюля въ Куопіо произошла начальствующихъ лицъ. Усиленные труды, заботы и невзгоды отзывались тяжко на здоровье Барклай де Толли. Онъ серьезно заболѣлъ и былъ уволенъ въ Россію, какъ разъ во время усиленныхъ приготовленій къ намѣченной рѣшительной атакѣ Тайвольской позиціи. На мѣсто его сперва предполагался графъ Витгенштейнъ¹⁾, а потомъ назначенъ тотъ-же Тучковъ I, который въ зимнемъ походѣ начальствовалъ въ Саволаксѣ. Онъ къ этому времени уже помирился съ Буксгевденомъ и, будучи освобожденъ отъ слѣдствія, прибылъ въ Куопіо какъ разъ въ то время, когда тамошнія войска уже дѣятельно строили плоты и суда подъ руководствомъ присланного изъ Петербурга корабельного мастера и обучались управляться на нихъ. Возобновлялся, такимъ образомъ, способъ, выработанный еще петровскими генералами для дѣйствій

¹⁾ Отзывъ къ нему военного министра отъ 26 іюня.

въ Финляндіи: ближній обходъ крѣпкихъ съ фронта позицій¹⁾ вмѣсто дальнаго маневра въ тылъ, почти всегда вызывающаго и соотвѣтствующій контрь-маневръ. Въ данномъ случаѣ, однако, это дѣжалось лишь въ силу исключительныхъ особенностей Тайвольской позиціи, требовавшей, для угрозы ея тылу, слишкомъ уже кружнаго и потому недостигающаго цѣли обхода.

Покамѣсть Барклай-де-Толли въ Саволаксѣ былъ прикованъ дѣйствіями Сандельса, на прибрежномъ (западномъ) театрѣ происходило слѣдующее.

Послѣ столкновенія у Нюкарлебю Клингспоръ остановился въ бездѣйствіи, не принявъ рѣшительно никакихъ мѣръ къ тому, чтобы войти въ связь съ десантомъ Бергенстроле, о предстоящей высадкѣ котораго имѣлъ извѣщеніе. „Я постараюсь сообщить Бергенстроле о положеніи арміи и о возможности нашего соединенія“, писалъ онъ королю по прибытіи въ Нюкарлебю, но спѣшить съ этимъ не желалъ, несмотря на доклады приближенныхъ. Онъ ограничился высылкою 14-го іюня (на другой день послѣ боя при Вазѣ) двухъ авантгардовъ по дорогамъ на Вазу и Лаппо. Первый изъ нихъ выяснилъ положеніе дѣль какъ разъ въ то-же самое время (15-го іюня), когда слухи о пораженіи Бергенстроле достигли шведской главной квартиры. Непосредственно вслѣдъ затѣмъ прибыли къ Нюкарлебю и тѣ остатки разбитаго десантнаго корпуса, которымъ удалось ускользнуть отъ разгрома. Наряду съ этимъ доставлены были и донесенія Сандельса объ очищенніи имъ Куопіо и обѣ отходѣ на Тайвольскую поліцию.

На впечатлительного и нерѣшительного Клингспоря всѣ эти неблагополучныя извѣстія произвели удручающее впечатлѣніе.

Ему казалось, что неудача высадки Бергенстроле (въ которой виноватъ во многомъ былъ онъ самъ) „откроетъ глаза“ русскимъ; это позволить имъ, игнорируя побережье, сосредоточить противъ него значительныя силы; кромѣ того, Сандельсъ, продолжая свое отступленіе, долженъ будетъ присоединиться къ главной арміи и оставить открытыми пути на Улеаборгъ, а это, въ свою очередь, позволитъ русскимъ выйти въ тылъ ему, Клингспору и т. п. Всѣ эти „каузы“ представлялись шведскому главнокомандующему „чрезвычайно опасными“.

„Фельдмаршаль, повидимому, лишился всякаго мужества“, говорить о немъ официальный шведскій источникъ. Переписка его съ королемъ за это время сводится къ тому, чтобы доказать необходимость (по его мнѣнію) „отказаться отъ счастья вторгнуться въ южную Финляндію“, опираясь на вышеупомянутые доводы.

¹⁾ См. А. Мышиловскій. Война въ Финляндіи 1712—1714 г.г.

Клингспоръ страшился дальнѣйшаго отступленія Сандельса, не зная и не предвидя, какъ искусно послѣдній сумѣеть использовать выгоды Тайвольской позиціи. Онъ не видѣлъ другого исхода для финляндской арміи, какъ „зашитаться до послѣдняго человѣка“ отъ неминуемаго нападенія русскихъ „главныхъ силъ“ со стороны Лаппо, пока не послѣдуетъ новой „выручки“ со стороны моря.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности, положеніе нашихъ войскъ на западномъ театрѣ войны оказывалось далеко не столь грознымъ, какъ представлялось Клингспору. Графъ Орловъ-Денисовъ со своимъ отрядомъ отрѣзанъ былъ вспыхнувшимъ на побережье крестьянскимъ возстаніемъ отъ Раевскаго, который, имѣя лишь около 5-ти—6-ти тысячъ, въ свою очередь былъ изолированъ отъ Баркляя-де-Толли и постоянно подвергался нападеніямъ партизановъ на свои сообщенія.

Вслѣдствіе настоящій короля, Клингспоръ все-таки сосредоточилъ въ 20-хъ числахъ іюня всѣ свои бригады; правильный подвозъ продовольствія моремъ въ Нюкарлебю и Вазу (очищенную Демидовымъ и вновь занятую шведами) былъ установленъ, но еще протянулось около двухъ недѣль, пока шведскій главнокомандующій рѣшился, наконецъ, перейти въ наступленіе, теряя время на разнаго рода безплодныя передвиженія отрядовъ съ мѣста на мѣсто. Шведскіе источники весьма сурово осуждаютъ нерѣшительность Клингспоря; но не крылась ли она отчасти въ его стремленіи добиться отъ короля серьезнаго усиленія своихъ войскъ, числительность которыхъ не вполнѣ соотвѣтствовала той крупной задачѣ (отвоеваніе Финляндіи), которую на него возлагали? Во всякомъ случаѣ съ Клингспоромъ никоимъ образомъ нельзя снять упрека въ томъ, что онъ не пользовался разбросанностью и изолированностью нашихъ отдѣльныхъ отрядовъ, которые легко могли быть имъ поочередно разбиты.

Въ свою очередь, даже и эти вялые передвиженія Клингспоря безпокоили графа Буксгевдена, который опасался за участіе Раевскаго и видѣлъ единственный исходъ въ скорѣйшемъ появлѣніи колонны Баркляя на сообщеніяхъ главной шведской „арміи“. Буксгевденъ считалъ силы Клингспоря не менѣе 20 тысячъ¹⁾ и объяснялъ себѣ проволочку шведовъ съ начатіемъ наступленія только недостаткомъ у нихъ продовольствія.

Основная идея, которой руководствовался въ то время нашъ главнокомандующій,—это выиграть время до зимы. Буксгевденъ считалъ положительно невозможнымъ предпринимать что-либо рѣшительное въ Финляндіи безъ серьезныхъ подготошеній и находилъ даже затруднительнымъ удержаться въ ней, если не сыграетъ рѣшаю-

¹⁾ Какъ видно изъ его донесенія Аракчееву отъ 7-го іюня.

щей роли Барклай-де-Толли, на успѣхъ движенія котораго онъ всего болѣе упова1ъ. Мы уже видѣли, насколько расчеты эти были не-основательны; отсюда же вытекаетъ еще менѣе основательное оставленіе Раевскаго безъ всякой поддержки, обошедшееся сравнительно благополучно только благодаря Клингспору.

Буксгевденъ принадлежалъ къ числу тѣхъ генераловъ, которые, по выражению Наполеона, „привыкли заразъ смотрѣть на много вещей“. Опасаясь за Раевскаго, онъ, тѣмъ не менѣе, не приходилъ къ рѣшенію придать ему устойчивость непосредственнымъ подкѣрѣніемъ его за счетъ войскъ, находившихся въ тылу и на побережье. Стремясь все прикрыть, онъ всюду оказывался одинаково слабымъ....

Получивъ 17-го іюня свѣдѣнія о наступлѣніи шведовъ (пока еще—только авангардовъ), Раевскій отошелъ отъ Лилькуро къ Лаппо, приказавъ идти туда-же и Демидову¹⁾. Здѣсь былъ узелъ дорогъ на Таммерфорсъ и Куопіо, и, такимъ образомъ, Раевскій, приближаясь къ Барклай, въ то же время преграждалъ Клингспору путь въ Южную Финляндію. Но въ это время пришло отъ Барклай донесеніе, что возложенное на него движеніе на западъ онъ выполнить не можетъ и вынужденъ остаться у Куопіо. Такимъ образомъ, Раевскій, съ его малыми силами (около 5 тыс.), оказывался въ крайне трудномъ положеніи, рискуя отдельнымъ пораженіемъ.

Чтобы не быть раздавленнымъ шведскими главными силами, о численности которыхъ онъ, какъ и главнокомандующій имѣлъ преувеличенныя свѣдѣнія. Раевскій счелъ болѣе осторожнымъ отойти еще южнѣе, къ Сальми, оставя у Лаппо только арьергардъ. Получалось курьезное явленіе: Клингспоръ наступалъ крайне осторожно и нерѣшительно, опасаясь Раевскаго; въ то же самое время и Раевскій, опасаясь Клингспора, постепенно отходилъ все далѣе и далѣе на югъ, не принимая боя. Отступленіемъ своимъ Раевскій, впрочемъ, отчасти расчитывалъ вовлечь шведовъ за собою, что могло дать ему случай выполнить инструкцію главнокомандующаго (отъ 20-го іюня)—„испытать послѣдній способъ, т. е. атаковать непріятеля, скрывая прежде сіе намѣреніе своимъ отступленіемъ“. Занявъ позицію у Сальми, Раевскій озабочился войти въ связь съ отрядомъ полковника Власта, который наступалъ въ промежуткѣ между Барклаемъ и Раевскимъ, служа между ними связью²⁾. Для этой цѣли посланъ былъ летучій отрядъ Кульгева.

Тѣмъ временемъ отрядъ шведского партизана фонъ-Фіандта, дѣйствовавшій въ раionѣ между главными шведскими силами и Куопіо

¹⁾ Который вслѣдствіе этого и очистилъ Баву.

²⁾ Отрядъ Власта былъ отданъ Раевскимъ еще 12-го іюня въ направлѣніи на Коѣвисто-Сааріярви.

и незадолго передъ тѣмъ совершившій удачное нападеніе близъ Перхо на нашъ транспортъ, былъ, при возвращеніи своемъ къ побережью, усиленъ по распоряженію Клингспорга и двинутъ снова на югъ, съ приказаніемъ наступать на Линтулаксъ, образуя собою крайнюю лѣвую колонну всей арміи.

Линтулаксъ было приказано захватить, съ цѣлью пересѣчь Раевскому сообщенія съ внутренней Финляндіей.

Имѣя въ своемъ распоряженіи около 1.000 человѣкъ. Фіандтъ, проbralся лѣсными дорогами и 16-го іюня занялъ Линтулаксъ. Высланные имъ отсюда разъезды встрѣтились съ казаками, которые, какъ выяснилось впослѣдствіи, принадлежали къ отряду Властова, достигшему Сааріярви. Здѣсь къ нему присоединился еще и тотъ отрядъ, который былъ выдѣленъ Барклаемъ-де-Толли для связи съ Раевскимъ (7 ротъ Азовскаго полка и 1 сотня казаковъ). Всего у Властова со-редоточилось 2 полка пѣхоты, 1 эскадронъ драгунъ, казачья сотня и 4 орудія,—всего 1.260 строевыхъ. Драгунскій эскадронъ прибылъ изъ Гельсингфорса и привезъ непосредственно отъ самого графа Буксгевдена приказаніе Властову: атаковать Линтулаксъ. Буксгевденъ, получившій свѣдѣнія о случайному сближеніи двухъ отрядовъ, причемъ перевѣсь силы оказывалася на нашей сторонѣ, рѣшилъ воспользоваться этимъ и попытаться достичь хотя частнаго успѣха, хорошо зная, насколько важно бываетъ моральное значеніе такого успѣха для обѣихъ сторонъ, въ предвидѣніи болѣе рѣшительныхъ событий.

26-го іюня утромъ Властовъ подошелъ къ Линтулаксу (черт. № 11), гдѣ Фіандтъ уже занялъ на высотѣ близъ усадьбы позицію, правый флангъ которой, усиленный засѣками, упирался въ болото, а лѣвый—въ озеро Кюярви. Резерва у Фіандта не было, если не считать небольшой заставы, назначеннай для защиты моста въ тылу позиціи. Прежде всего, Властовъ двинулъ егерей, подъ прикрытиемъ огня которыхъ возстановленъ былъ разрушенный шведами мостъ. Вслѣдъ затѣмъ баталіонъ Азовскаго полка повелъ энергичную атаку на центръ и въ охватъ праваго фланга шведской позиціи, при поддержкѣ огня артилеріи. Остальныя войска, въ видѣ резерва, двигались укрыто, долиною рѣчки, впадавшей въ озеро Кюярви. Около двухъ часовъ дня пошелъ сильный дождь, стрѣльба понемногу затихала; попытка обойти правый флангъ шведовъ была предупреждена своевременно. Наконецъ, ливень заставилъ насъ совершенно пріостановить стрѣльбу и даже отвести назадъ орудія. Это обстоятельство побудило фонъ-Фіандта рѣшиться переходомъ въ наступленіе „вырвать себѣ побѣду“. Пользуясь тѣмъ, что наша стрѣлковая цѣль сильно растянулась, наступая по моховому болоту, фонъ-Фіандтъ попытался прорвать ее и сперва дѣйствовалъ удачно: выбилъ насъ изъ Линтулакской мызы

и даже захватилъ нѣсколько плѣнныхъ. Но, увы! развить одержанный успѣхъ было нечѣмъ; резерва не было. А Властовъ, какъ разъ въ этотъ критический моментъ, смѣло повелъ свой резервъ въ контрѣатаку. Послѣ залпа на короткѣ, пѣхота наша бросилась въ штыки и выбила непріятеля изъ мызы. Натискъ былъ столь неудержимо-стремителенъ, что шведы не принали удара и спѣшили сами очищать мызу и увозить свои орудія, опасаясь потерять ихъ. Отъ дождя они приведены были въ такое состояніе, что изъ нихъ нельзѧ было произвести ни одного выстрѣла. Этимъ замѣшательствомъ воспользовалась наша конница (финляндскіе драгуны и казаки), которая обскакала правый флангъ Фіандта. Послѣдній поспѣшилъ отдать приказъ объ отступленіи и едва-едва успѣлъ отвести свой отрядъ по дорогѣ на Перхо. Отъ преслѣдованія на дальнее разстояніе шведы избавились, успѣхъ разрушить мостъ. Часть шведскихъ войскъ была отрѣзана отъ своихъ и лишь съ трудомъ, окольными троинками, ночью успѣла присоединиться.

Такимъ образомъ, Властовъ открылъ себѣ связь съ Раевскимъ и получилъ возможность подкрепить послѣдняго.

Линтулакскій бой, хотя и между двумя незначительными, второстепенными отрядами, имѣлъ тѣмъ не менѣе существенное значеніе. На графа Клингспоря онъ повліялъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ томъ смыслѣ, что онъ пріостановилъ наступленіе своихъ силъ и поспѣшилъ подкрепить фонъ-Фіандта, опасаясь, что русскіе разовьютъ одержанный успѣхъ и могутъ выйти въ концѣ концовъ на его сообщенія.

Въ свою очередь Буксгевденъ, подъ вліяніемъ извѣстія о побѣдѣ Властова, рѣшилъ немедленно использовать этотъ успѣхъ и приказалъ Раевскому перейти въ частное наступленіе. Результатомъ этого распоряженія была отправка подкрѣплений, подъ начальствомъ Янковича, направленныхъ въ Линтулаксу. Янковичъ, какъ старшій, вступилъ въ командованіе Линтулакскимъ отрядомъ. Послѣдній состоялъ изъ полковъ: Азовскаго, Сѣвскаго, Бѣлозерскаго и 24-го егерскаго, 2-хъ эскадроновъ и сотни казаковъ, а остальная войска подъ командою самого Раевскаго, образовали другую группу и должны были дѣйствовать противъ Лаппо, т. е. противъ главныхъ силъ шведовъ.

28-го іюня Янковичъ настигъ Фіандта близъ Перхо, гдѣ послѣдній занялъ позицію за Коконсаарскимъ болотомъ. Болото это, тянущееся вплоть до рѣки Перхо, было очень топкое и поросшее мелкими лѣсомъ; тамъ, гдѣ послѣдній былъ гуще и почва тверже, онъ былъ непріятелемъ отчасти вырубленъ, но еще оставалось немало лѣсистыхъ островковъ и группъ кустарника. Фіандтъ расположился и здѣсь,

какъ раньше у Линтулакса, въ одну тонкую линію, безъ всякаго резерва; силы его превышали 1.000 чел. Янковичъ, имѣя въ своемъ распоряженіи около 3.000 чел., атаковалъ перхоскую позицію слѣдующимъ образомъ. Сперва авангардъ Властова (его прежній отрядъ) вошелъ въ соприкосновеніе съ противникомъ; тѣмъ временемъ выѣхала на позицію наша артилерія и открыла огонь. Пока пѣхота авангарда разсыпалась на фронгъ и вела стрѣльковый бой, отвлекая его вниманіе въ этомъ направленіи, двумъ баталіонамъ главныхъ силъ приказано было принять вправо, попытаться перейти болото и ударить въ лѣвый флангъ шведовъ. Эта угроза побудила фонъ-Фіандта уклонить этотъ флангъ назадъ, передвинуть часть своихъ орудій таѣть, чтобы анфилировать атакующихъ и, наконецъ, бросить 2 баталіона нюландцевъ и саволаксцевъ въ штыковую контръ-атаку. Наступленіе нашихъ войскъ, вѣзнувшихъ въ топи болота, было пріостановлено; пѣхота наша кое-какъ укрылась на опушкахъ отдельныхъ рощъ, мѣстами разсѣянныхъ по болоту. Тѣмъ не менѣе Янковичъ подкѣпилъ свой правый флангъ изъ резерва и повторилъ наступленіе, на этотъ разъ такъ удачно, что нюландцы и саволаксы были водворены на прежнюю позицію. Не менѣе удачно продвигались мы и на лѣвомъ флангѣ, цѣпляясь за упѣлѣвшія группы кустовъ и лѣса. Много нужно было доблести и выносливости, чтобы атаковать при такихъ ужасныхъ условіяхъ, „по колѣно въ водѣ и тинѣ“, какъ повѣствуетъ самъ нашъ противникъ, фонъ-Фіандтъ. Янковичу пришлось развести въ лѣсу, сзади боевыхъ линій, огромный костеръ, около котораго отогревались и обсушивались, время отъ времени, промокши и иззябшіе люди. Но угорство въ атакѣ не ослабѣвало ни мало въ этихъ прямыхъ послѣдователяхъ Суворовскихъ чудо-богатырей! Янковичъ двинулъ послѣдний свой резервъ, около 3 часовъ пополудни, прямо черезъ болото въ долину рѣки Перхо, стараясь выйти на путь отступленія Фіандта. Послѣдний, почуявъ грозившую бѣду и видя, что ему не удержать позиціи, отступилъ къ Оксакоски, сжигая за собою всѣ мосты. Этимъ только пріостановилъ онъ преслѣдованіе русскихъ. Потери Фіандта въ этомъ кровопролитномъ бою были настолько значительны, что онъ вынужденъ былъ доносить о „критическомъ“ положеніи своего отряда, указывая, что „не можетъ отвѣтить за исходъ“ если ему не дадутъ солидныхъ подкѣпленій (черт. № 12).

Дѣйствія Янковича весьма поучительны и показываютъ умѣніе нашихъ частныхъ начальниковъ руководить боемъ, примѣняться къ своеобразной мѣстности и до послѣдней минуты настойчиво преслѣдовать поставленную цѣль въ правильно избранномъ направленіи.

Почти одновременно съ разгромомъ Фіандта у Перхо Раевскій наступалъ въ направленіи на Лаппо, въ цѣляхъ облегчить атаку Янко-

вича; когда же, 26-го июня, ему сдѣлалось яснымъ, что Лаппо занято только незначительнымъ шведскимъ авангардомъ Эрнрота, Раевскій рѣшилъ не упускать случая овладѣть этимъ пунктомъ¹⁾.

Его авангардъ быстро развернулся и повелъ атаку на селеніе съ фронта, а 2 роты Великолуцкаго полка, подъ начальствомъ маиора Платонова, пошли обходомъ въ тылъ. Шведы были сбиты со своей первоначальной позиціи; атака же Платонова въ тылъ была неудачна и самъ онъ раненъ. Эрнротъ снова сосредоточилъ свои силы на новой позиціи, намѣреваясь здѣсь обороняться до крайности, но, получивъ донесеніе о новомъ обходѣ русскихъ, счѣль за лучшее отступить. Подоспѣвшій начальникъ бригады, Кронстедтъ, видя свои баталіоны въ полномъ отступленіи, отвелъ ихъ къ проходу Ала - хармъ, гдѣ была крѣпкая съ фронта тѣснина. Но наши войска удовлетворились легко доставшимся имъ Лаппо. Здѣсь Раевскій пріостановился, ожидая результатовъ нападенія Янковича; но и донесеніе обѣ успѣхъ послѣдняго не измѣнило его намѣреній. Зная превосходство силъ противника и предвидя его переходъ въ наступленіе, Раевскій пріостановилъ обѣ свои группы, оттянувъ главныя силы Янковича въ Линтулаксъ и рѣшилъ въ такомъ положеніи выждать дальнѣйшихъ дѣйствій со стороны врага. Такимъ образомъ, хотя при Линтулаксѣ, Перхо и Лаппо нами и были достигнуты тактическіе успѣхи, но стратегическая выгода свелась лишь къ нѣкоторой задержкѣ рѣшительного наступленія шведовъ. Это имѣло, однако, существенное значеніе, такъ какъ всякое промедленіе въ этомъ отношеніи было намѣна руку: мы имѣли возможность успѣть сосредоточить свои силы, сгруппировать ихъ болѣе выгоднымъ образомъ, наконецъ,—подкрѣпить. Несмотря на столь очевидную важность для шведовъ быстроты, ихъ главнокомандующій, поддаваясь каждому мало-мальски неблагопріятному извѣстію, медлилъ, „рисовалъ себѣ картины“ и терялъ то драгоцѣнное время, упущеніе котораго, по выраженію Великаго Петра,— „смерти невозвратной подобно“.

Пораженіе Фіандта у Линтулакса, очевидно, не способствовало укрупленію въ Клингспорѣ рѣшимости наступать, но частные шведскіе начальники, въ особенности начальникъ штаба Адлеркрайцъ и

¹⁾ Интересно, что для облегченія выполненія этого намѣренія Раевскаго приѣхали къ слѣдующей военной хитрости. Была составлена главнокомандующимъ ложная инструкція Раевскому отъ 20-го июня и послана ему черезъ Кристиансштадт, съ расчетомъ на то, что она должна будетъ непремѣнно достаться въ руки шведамъ. Въ этой инструкціи изъявлялось удовольствіе Раевскому по поводу его намѣренія отступать къ Тавастгусу и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщался фiktivный планъ „окруженія“ непріятельской арміи путемъ движенія изъ Сердоболя особой колонны князя Голицына и направлениія Барклая на Перхо. Изъ шведскихъ источниковъ не видно, попадѣли этотъ документъ дѣйствительно въ руки шведовъ и оказали ли онъ вліяніе на ихъ дѣйствія.

генералъ Аминовъ¹⁾, добились въ концѣ концовъ (по свидѣтельству шведскихъ историковъ) согласія главнокомандующаго на движение впередъ. Однако, рѣшеніе это приведено было въ исполненіе далеко не сразу, такъ что Раевскій, какъ мы уже видѣли, имѣлъ возможность произвести даже наступленіе всѣми силами, результатомъ кото-раго былъ новый ударъ, нанесенный Янковичемъ Фіандту у Перхо и захватъ Лаппо самимъ Раевскимъ (26-го и 28-го юня). Движеніе на Перхо угрожало пути отступленія главныхъ силъ шведовъ; въ тоже время наступленіе русскихъ въ этомъ направлѣніи должно было, по мнѣнію Клингспорса, имѣть результатомъ ослабленіе ихъ силъ у Лаппо. Это послѣднее соображеніе всего болѣе содѣствовало тому, что атака на Лаппо была, наконецъ, окончательно рѣшена. Однако, сперва Клингспоръ полагалъ ограничиться посыпкою подкрѣпленія Кронстедту, дабы надежнѣе задержать русскихъ въ тѣснинѣ Ала-Хармѣ; потомъ, когда получено было донесеніе о новомъ пораженіи Фіандта,— фельдмаршаль, озабоченный за свой тылъ, чуть было не отмѣнилъ принятаго рѣшенія. Только, когда его убѣдили, что силы Раевскаго уменьшились,—онъ, наконецъ, остановился на наступленіи къ Лаппо, ограничившись выдѣленіемъ части своихъ силъ на подкрѣпленіе Фіандту. Это, вмѣсто съ тѣмъ, должно было обезпечить его собствен-ный тылъ со стороны Перхоской колонны русскихъ. Въ то же время онъ отдалъ распоряженіе объ уничтоженіи мостовъ²⁾ на береговомъ приботническомъ трактѣ (на р.р. Калаюоки, Пюхяюоки и Сіникаюоки), въ случаѣ появленія здѣсь русскихъ, на его пути отступленія. Клингспоръ, въ случаѣ неуспѣха, располагалъ отходить уже не къ Улеаборгу, а къ Вазѣ, въ расчетѣ получить именно здѣсь новыя подкрѣпленія со шведскихъ береговъ или же, какъ послѣдній исходъ, перебросить свои силы „морскимъ путемъ“ на родину³⁾.

Для обезпеченія выполненія такой мѣры онъ вошелъ въ соотвѣт-ствующія сношенія съ адмираломъ Раалиннымъ⁴⁾.

Къ вечеру 1-го юля передовыя части шведовъ вошли въ сопри-косновеніе съ нашими и оттѣнили наши кавалерійскія заставы.

Характерно, что самъ Клингспоръ слѣдовалъ съ наступающими войсками только до Ала-Хармѣ; отсюда онъ почему-то счелъ нужнымъ отправиться въ Нюкарлебю для распоряженій по устройству тыла, а командованіе арміей поручилъ Адлеркрейцу.

¹⁾ Еще при наступленіи Клингспорса къ Нюкарлебю, передъ высадкой Бергенстроле Аминовъ убѣжалъ Клингспорса рѣшительно отѣнить русскихъ и перенести центр опе-рацій въ Южную Финляндию. Для этого, по его мнѣнію, слѣдовало небольшими силами наступать вдоль побережья, для поддержания здѣсь крестьянскаго движенія, а главною массою атаковать Раевскаго у Лаппо. (Sv. кг. 1808—09, т. III, стр. 70).

²⁾ Начальникъ канонерской флотилии капитанъ Мункъ долженъ былъ крейсировать съ этой цѣлью въ устьяхъ помянутыхъ рѣкъ.

³⁾ Такъ доносилъ онъ королю позже, 17-го юля.

⁴⁾ Sv. кг. 1808—1809, III, 74.

На рассвѣтѣ 2-го іюля обѣ стороны одновременно начали наступленіе. Раевскій приказалъ своему авангарду произвести усиленную разведку непріятельского расположенія, желая удостовѣриться, съ какими силами предстоитъ помѣряться.

Между 3-мъ и 4-мъ часами утра передовые шведскіе посты были атакованы, причемъ русскимъ пришлось отступить; шведы заняли лѣсъ, отдѣлявшій поляну у Каухавы отъ Лаппской равнинны. Дорога проходила здѣсь по совершенно пустынной, болотистой и каменистой мѣстности, поросшей густымъ лѣсомъ, съ непрерывнымъ наклономъ къ деревнѣ Лаппо. Здѣсь засѣлъ русскій авангардъ ($1\frac{1}{2}$ баталіона съ небольшою частью конницы); завязалась упорная стычка, окончившаяся отступленіемъ довольно основательно потрещанныхъ карельскихъ егерей. Адлеркрайцъ, прибывшій около 7-ми часовъ утра со своимъ штабомъ на мѣсто боя, пріостановилъ отходившихъ и приказалъ главнымъ силамъ спѣшить на поддержку. Первою подошла Саволакская бригада Кронстедта и первоначально штыковымъ ударомъ отбросила нашъ авангардъ, но послѣдній уцѣплілся за мѣстные предметы и удержанся впереди восточной окраины Лаппо. Покамѣстъ здѣсь шелъ затяжной стрѣлковый бой, подошли остальные части главныхъ силъ шведовъ, и новою атакою сопротивленіе нашего авангарда было, наконецъ, сломлено превосходными силами.

Поле сраженія у Лаппо (черт. № 13) представляло изъ себя плоскую равнину, прорѣзанную рѣчкой того же наименования; въ сѣверной части обширная луговина; ближайшая же къ деревнѣ часть поляны покрыта была волнующимся моремъ ржи. Наступающимъ рѣшительно негдѣ было найти укрѣтія, кромѣ канавы, рѣдкаго кустарника и нѣсколькихъ отдѣльныхъ хижинъ. Съ сѣверо-востока къ равнинѣ примыкала лѣсистая высота и далѣе отъ нея опушка лѣса, огибая равнину съ юга, упиралась въ рѣчной берегъ, вдоль которого пролегала дорога изъ Сальми — путь отступленія русскихъ.

Въ деревнѣ Лаппо она соединялась съ путемъ наступленія Клингспорта — дорогой изъ Ню-Карлебю, а на другомъ берегу отходила на Ильмола и Вазу (куда, какъ уже сказано, располагалъ отступать Клингспортъ въ случаѣ неудачи).

Первоначально Раевскій расположилъ свои войска впереди Лаппо, тыломъ къ рѣкѣ и правымъ флангомъ къ своему пути отступленія на Сальми. Для обезпеченія послѣдняго онъ ограничился тѣмъ, что выставилъ Великолукскій полкъ съ 4-мя орудіями уступомъ впереди этого фланга, сѣвернѣе деревни Ліухтари, и 2 баталіона еще болѣе впереди, на опушкѣ лѣса, игравшіе вмѣстѣ съ тѣмъ роль резерва. Еще далѣе къ востоку, возлѣ деревни Коюля, расположены были, въ двухъ группахъ, еще 4 роты (Петровскаго полка). Послѣдніе три

баталіона прикрывали вмѣстѣ съ тѣмъ путь отступленія Раевскаго. Для лучшаго обезпеченія отступленія, былъ построенъ у деревни Ліухтари плавучій мостъ, а вдоль берега рѣки устроенъ колонній путь, въ топкихъ мѣстахъ укрепленный фашистами. Впереди фронта всей позиціи тянулись густыя стрѣлковыя цѣпи, скрытыя частью высокою рожью, частью кустарниками. Несмотря на сравнительную слабость своихъ силъ (около 4.100 чел. при 15 орудіяхъ, тогда какъ шведовъ участвовало въ бою болѣе 5 тыс.), русскія войска растянуты были на три съ лишнимъ версты по фронту. Повидимому, Раевскій принялъ такое расположение съ цѣлью заставить шведовъ принять бой на открытой равнинѣ, где легко бы ему было оцѣнить силы атакующихъ, послѣ чего отступить. Въ то же время, располагаясь впереди Лаппо, Раевскій прикрывалъ путь на Базу и препятствовалъ, такимъ образомъ, Клингспору имѣть воспользоваться.

Адлеркрайцъ имѣлъ полную возможность поставить Раевскаго въ положеніе, близкое къ критическому, если бы направилъ главный свой ударъ либо на центръ его растянутой позиціи, либо, еще лучше, на правый его флангъ, чemu способствовала и мѣстность: резервы могли скрытно пройти лѣсомъ и появиться только въ послѣднюю рѣшительную минуту. Въ обоихъ случаяхъ большая часть нашего отряда была бы отрѣзана отъ пути на Сальми и прижата къ рѣкѣ. Но Адлеркрайцъ повелъ атаку одновременно съ обоихъ фланговъ, вѣроятно, возлагая на части, атакующія нашъ лѣвый флангъ, демонстративную роль.

Обѣ стороны одновременно начали бой артилерией, но позиціи были слишкомъ удалены другъ отъ друга, такъ что снаряды не долетали, а мѣстность, повидимому, не дозволяла сблизить батареи. Когда Адлеркрайцъ убѣдился въ безрезультатности огня артилерии, онъ двинулъ впередъ пѣхоту, и сперва на нашъ лѣвый флангъ. Такимъ образомъ, вышло, что атака шведами начата была, въ сущности, безъ всякой подготовки. Какъ только наступленіе непріятельской пѣхоты обозначилось—точка же наша артилерия бросила бесполезную стрѣльбу по батареямъ непріятеля и перенесла огонь на его цѣпи и колонны, нанося имъ существенные потери. Наши егера, разсыпанные по кустамъ и канавамъ, присоединились къ артилериѣ; двѣ удачно замаскированные наши батареи, на лѣвомъ флангѣ, неожиданно открыли картечный огонь вдоль фронта наступающихъ, а наша конница вынеслась, угрожая броситься въ атаку на длинную колонну пѣхоты. Дѣйствіе вышеупомянутыхъ фланговыхъ батарей ввело Адлеркрайца въ заблужденіе; ему показалось, что часть нашихъ силъ скрыта и намѣрена ударить въ рѣшительную минуту въ правый его флангъ, отрѣзывая его совершенно отъ пути

на Вазу и грозя пути на Нюкарлебю. Это ложное опасение заставило Адлеркрайца задержать бригаду Гриппенберга, направленную на правый фланг нашей позиции, и часть ее двинуть в направлении на Алапя, т. е. для прикрытия правого фланга наступающей бригады Дебельна, а послѣдней приказать простоянить наступленіе. Это распоряженіе имѣло роковое значеніе: оно, можно сказать, свело на нѣтъ тактическую побѣду шведовъ при Лаппо.

Бригада Дебельна, между тѣмъ, переживала критический моментъ. Задержанная въ своемъ порывѣ перекрестнымъ огнемъ обороняющагося, она уже испытывала состояніе извѣстного разложенія. „Какъ долго придется держаться такимъ образомъ? спрашивали себя войска въ тревожномъ безпокойствѣ, которое росло по мѣрѣ увеличенія убыли. Среди солдатъ стало распространяться неудовольствіе; начальники, во главѣ съ самимъ Дебельномъ, стали *октрыто протестовать*¹⁾. На конецъ, не дождавшись какихъ либо распоряженій свыше, Дебельнъ послалъ приказаніе продолжать атаку; послѣднее не дошло до назначенню, такъ какъ адъютантъ былъ убитъ, однако атака всетаки возобновилась: войска сами ее начали, по инициативѣ младшихъ начальниковъ.

Во время простоянки атаки Дебельна егеря его бригады, уже вступивъ въ область густой ржи, и не имѣя возможности ориентироваться, оторвались совершенно отъ своихъ и вышли одни почти къ самой деревнѣ Сторбю (сѣверная часть Лаппо), въ средину нашего боевого порядка.

Здѣсь ихъ встрѣтилъ ожесточенный картечный огонь нашихъ батарей, расположенныхъ близъ Сторбю, а пѣхота наша стала охватывать ихъ съ обоихъ фланговъ, все время осыпая ихъ пулями. Положеніе шведовъ (это были пресловутые Бьернеборгцы), по собственному признанію ихъ историковъ, „стало критическимъ“. Баталіонные командиры рѣшили, въ качествѣ послѣдняго исхода,—броситься на штурмъ деревни. Однако, сперва они встрѣтили здѣсь упорное сопротивленіе нашего 23 егерского полка, поддержанного потомъ Калужскимъ, преодолѣть которое не удалось даже при помощи артиллеріи, подѣхавшей на самое близкое разстояніе. Только когда подоспѣли остальные баталіоны Дебельна, наши начали отходить, на южный берегъ р. Лаппо но въ полномъ порядке, по частямъ поддерживающая другъ друга.

Успѣхъ, достигнутый шведами на этомъ флангѣ, благодаря энергіи Дебельна, естественно развивался, и уже совершенно исчезли всякие слѣды первоначального стремленія нанести ударъ на важнѣйшемъ

¹⁾ Sv. kriget 1808—1809, т. III стр. 284. Эпизодъ, характерный для войскъ нашего противника. Напомнимъ, что въ бригадѣ Дебельна были исключительно финляндцы.

правомъ флангѣ нашего расположения. Такъ какъ наши войска оказывали упорное сопротивление и отдавали позицію шагъ за шагомъ, то Адлеркрайцъ направилъ сюда поддержки, между прочимъ, и Гриппенберга, ошибочно двинутаго къ Алапія.

Что же касается лѣваго фланга шведовъ, то здѣсь происходило слѣдующее. Должно упомянуть, что начальникъ шведского авангарда, атакованного въ Лаппо Раевскимъ еще 26-го іюня, маіоръ Эрнротъ, близко знакомый съ окрестною мѣстностью, обращалъ особое вниманіе Адлеркрайца на возможность лѣсными дорогами выйти на путь отступленія русскихъ. Онъ настойчиво просилъ разрѣшенія, хотя бы съ двумя своими баталіонами, двинуться въ этомъ направленіи. Но Адлеркрайцъ почему, то не обратилъ на это должнаго вниманія и рѣшилъ ограничиться здѣсь простою атакою во флангъ. Когда же, какъ извѣстно, вслѣдствіе ложнаго свѣдѣнія объ обходѣ своего праваго фланга, онъ оттянулся 3-ю бригаду Гриппенберга отъ ея первоначальнаго назначенія, то оказалось, что противъ праваго фланга русскихъ осталась только небольшая часть бригады Кронстедта, составлявшей общій резервъ на опушкѣ лѣса близъ дороги. Кронстедту указано было лишь „слѣдить за движеніями противника“, и онъ поручилъ это 2 ротамъ подъ начальствомъ того же Эрнрота. Послѣдний, двинувшись лѣсомъ, наткнулся на превосходныя силы бывшаго нашего авангарда (помянутый выше уступъ) и былъ отброшенъ.

Тогда Раевскій отдалъ приказаніе тѣснить эти роты и стараться обойти лѣвый флангъ шведовъ. Послѣдніе ввели въ дѣло уже цѣлыхъ 2 баталіона изъ резерва, но не могли держаться; густыя стрѣлковая цѣпи 26 егерскаго и Петровскаго мушкательскаго полковъ, прикрываясь лѣсомъ, угрожали имъ обходомъ.

Адлеркрайцъ получилъ донесеніе объ этомъ движеніи одновременно съ извѣстіемъ о занятіи шведами Сторбю и объ отступленіи оттуда лѣваго фланга русскихъ къ Ліухтари. Тогда онъ отдалъ приказаніе Кронстедту съ резервомъ ударить на правый нашъ флангъ, т. е., наконецъ, въ важнѣйшемъ, опаснѣйшемъ для насъ направленіи. Вмѣсто того, чтобы выполнить это приказаніе сразу, всѣми силами, Кронстедтъ ввелъ ихъ бой по частямъ. Если онъ и добился, въ результатѣ, отступленія нашихъ войскъ, то отнюдь не потому, что преодолѣлъ ихъ сопротивление, а вслѣдствіе общаго отступленія всего отряда. Раевскій удачно перевелъ свои войска на новую позицію впереди деревни Ліухтари и здѣсь перешелъ даже въ частную контрѣ-атаку для прикрытия своего отступленія. Послѣднее ускорено было тѣмъ обстоятельствомъ, что деревня Ліухтари зажжена была въ нашемъ тылу, повидимому, мѣстными жителями. Вполнѣ возможно также, что пожаръ произошелъ отъ подожженаго нами моста черезъ рѣку, дабы

помѣшать шведамъ, наступавшимъ другимъ ея берегомъ, ударить намъ въ тылъ. Шведы слабо атаковали новую позицію Раевскаго и уже въ 7 часовъ вечера прекратили бой, расположившись на отдыхъ. Такимъ образомъ, Раевскій получилъ полную возможность безъ всякой помѣхи отступить къ Сальми.

Сами шведскіе историки свидѣтельствуютъ¹⁾, что отступленіе это произведено было „въ большомъ порядкѣ“, а что преслѣдованіе шведовъ продолжалось „не далѣе опушки лѣса восточнѣе д. Ню-Коюла, гдѣ русскіе изготовились къ новому сопротивленію“.

Довольно продолжительный 13-ти часовой бой при Лаппо, длившійся съ разсвѣта до 7 часовъ вечера, обошелся обѣимъ сторонамъ сравнительно дешево. У шведовъ выбыло изъ строя 162, а у русскихъ около 150 человѣкъ.

Въ Швеціи и особенно въ Финляндіи высоко чтятъ „побѣду“ при Лаппо; на полѣ битвы воздвигнутъ *финляндцами*, какъ и на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хоть сколько нибудь не повезло русскимъ, внушительный памятникъ. Тѣмъ не менѣе, военные историки, не исключая шведскихъ, не склонны придавать этому столкновенію столь выдающагося значенія. Въ официальномъ сочиненіи, издаваемомъ шведскими генеральными штабомъ, результатъ боя при Лаппо признается ничтожнымъ въ тактическомъ отношеніи, а самое столкновеніе даже незаслуживающимъ названія „сраженія“. Адлеркрайца справедливо упрекаютъ въ томъ, что онъ велъ бой безъ достаточнаго знакомства съ мѣстностью и расположениемъ противника, повидимому, даже предполагая большую часть силъ послѣдняго южнѣе рѣки, гдѣ, въ дѣйствительности, у Раевскаго не было ни одного солдата.

Стратегическія послѣдствія дѣла при Лаппо свелись къ необходимости для Раевскаго отходить на югъ. Овладѣвъ Лаппо, Клингспоръ получилъ въ свои руки кратчайшіе пути къ Вазѣ, откуда онъ ожидалъ новыхъ подкрепленій и могъ поддерживать связь съ флотомъ и со Швеціей. Достигнутый шведами успѣхъ необходимо было развивать безотлагательно, тѣмъ болѣе, что къ этому времени и на восточномъ театрѣ Сандельсь своими удачными дѣйствіями окончательно приковалъ къ Куопіо отрядъ Барклай-де-Толли.

Болѣе важны были моральнаго послѣдствія: успѣхъ, хотя далеко не полный, ободрилъ шведовъ и укрѣпилъ въ нихъ надежду на возможность осуществленія плановъ отвоеванія Финляндіи. На мѣстное населеніе вліяніе было еще ощутительнѣе: народная война разгорѣлась съ новою силою и прежде всего—въ тылу самого-же Раевскаго.

¹⁾ Sv. kr. 1808—09, III, 106.

Бой у Лаппо самъ по себѣ весьма поучителенъ въ тактическомъ отношеніи. Онъ показываетъ, насколько велико было наше превосходство надъ шведами по этой части. Всѣ распоряженія Раевскаго цѣлесообразны и весьма искусны; они проникнуты отъ начала до конца основной идеей: *ввести противника въ заблужденіе* и заставить его *напрасно потратить силы* и понести жертвы на маловажномъ участкѣ боя. Отступленіе Раевскаго, при данной обстановкѣ, было какъ бы предрѣшено имъ самимъ и къ его обеспеченню заблаговременно приняты мѣры, весьма искусно и послѣдовательно приводимыя въ исполненіе. Возможность частнаго успѣха на своемъ лѣвомъ флангѣ онъ также подготовилъ весьма умѣло, втянувъ непріятеля умышленно въ ожесточенный бой на этомъ менѣе важномъ участкѣ и только упрямый напоръ Дебельна съ его финнами не далъ ему этого достигнуть.

Что касается Адлеркрайца, то онъ, повидимому, не одѣнилъ значенія фланговъ позицій русскихъ, не усвоилъ себѣ растянутости ихъ расположения, попался на ту удочку, которую ему закинулъ Раевскій, и, въ сущности, велъ бой бездѣльно и безсвязно, поддаваясь случайнымъ впечатлѣніямъ.

Послѣ неудачнаго боя при Лаппо Раевскій отступилъ по Тавастгуской дорогѣ еще на два перехода къ Сальми, гдѣ остановился на той же самой крѣпкой позиціи, которую занималъ до своего наступленія къ Лаппо. Однако, онъ не разсчитывалъ на возможность удержаться здѣсь, о чемъ и доносилъ главнокомандующему. Уже спустя нѣсколько дней получены были донесенія о продолженіи наступленія шведовъ, причемъ часть силъ своихъ Клингспоръ направилъ проселочною дорогою, выводящую отъ Лаппо прямо на Алаво, въ тылъ Раевскому, на единственный путь его отступленія. Рисковать дальнѣйшимъ пребываніемъ у Сальми, несмотря на всѣ преимущества тамошней позиціи, Раевскій не рѣшился; предпринять что-либо активное самому, провѣривъ на дѣлѣ справедливость афоризма: „*кто обходитъ—тотъ самъ обойдентъ*“, не позволяя ему недостатокъ продовольствія и необезпеченнность его сообщеній въ волнившемся краѣ. Волей-неволей приходилось отступать дальше.

6-го іюля Раевскій отошелъ отъ Сальми въ Алаво, а Янковича оттянулъ отъ Линтулакса къ Сааріярви, такъ что онъ продолжалъ находиться въ промежуткѣ между нимъ и Куопіо. Здѣсь находилась, какъ известно, колонна Барклай-де-Толли, которая должна была частью своихъ силъ угрожать сообщеніямъ главныхъ силъ „финской арміи“. Въ указанномъ положеніи Раевскій ежеминутно ожидалъ нового наступательного маневра со стороны противника. Однако, графъ

Клингспоръ, достигнувъ Лаппо, дальше не пошелъ, ограничившись наблюдениемъ за Раевскимъ своими передовыми частями. Наблюдение это было, впрочемъ, весьма поверхностное, такъ какъ свѣдѣнія о силахъ непріятеля продолжали быть у шведовъ весьма преувеличенными. Задержку свою графъ Клингспоръ впослѣдствіи объяснялъ, съ одной стороны, полученіемъ извѣщенія отъ короля о предстоящей высадкѣ на Ботническомъ берегу новыхъ десантовъ у Вазы, которые должны были непосредственно подкрѣпить Клингпора, а съ другой—опасеніемъ, что при дальнѣйшемъ движеніи шведовъ впередъ, Барклай-де-Толли отъ Куопіо двинется черезъ Линтулаксъ имъ въ тылъ.

Такое намѣреніе какъ разъ и было у нашего главнокомандующаго. Но выполнить его не удалось; Барклай вынужденъ былъ на поль-пути къ Линтулаксу вернуться назадъ къ Куопіо, гдѣ оказался затѣмъ окончательно прикованъ Сандельсомъ. Поэтому, высказываемая графомъ Клингспоромъ опасенія вѣрнѣе считать предлогомъ для оправданія своей нерѣшительности и, главное, средствомъ добиться отъ короля обѣщанныхъ подкрѣплений. Вѣдь изъ донесеній Сандельса Клингспору не могло не быть извѣстно о затруднительномъ положеніи нашихъ войскъ въ Куопіо, не допускающемъ никакихъ активныхъ предпріятій.

Несмотря на извѣстное намъ прибытие въ распоряженіе начальника Куопіоскаго отряда канонерокъ и начатую заготовку плотовъ, съ переходомъ Куопіоскаго отряда въ руки Тучкова, мысль о попыткѣ рѣшительно атаковать Тайволльскую позицію всѣми силами, пользуясь водоплавными средствами, была вскорѣ оставлена. Тучковъ доносилъ Буксгевдену, что изъ двухъ возможныхъ для него способовъ дѣйствій противъ Сандельса онъ отдаетъ предпочтеніе „диверсіи“ со стороны Сердоболя на Йоенсуу—Иденсалмы, въ тылъ шведамъ, такъ какъ считаетъ отрядъ свой (5.000 съ лишнимъ чел.) слишкомъ слабымъ для атаки открытою силою. Къ тому же постройка судовъ шла чрезвычайно медленно: къ концу юля ихъ было заготовлено только на 1.000 человѣкъ, несмотря на усиленный сборъ и наемъ лодокъ по всей Сайменской системѣ. Мало того, построенные плоты оказались ненадежными и даже опасными: при первомъ же опытѣ посаженные на нихъ люди едва не были потоплены. Въ результатѣ Тучковъ бездѣйствовалъ въ теченіе всего юля и только осаждалъ главнокомандующаго ходатайствами о подчиненіи ему Сердобольскаго отряда г.-м. Алексѣева и направлѣніи этого отряда въ тылъ Тайволы, на Йоенсуу. Ходатайство это было, наконецъ, уважено, но польза отъ него почувствовалась Тучковымъ не скоро. Ничтожному по численности отряду Алексѣева самому пришлось пережить тяжелые дни и главнымъ образомъ, по причинѣ бездѣятельности того же Тучкова,

не говоря уже о слабости силъ и несоответственномъ составѣ самого отряда¹⁾. Инертность Тучкова позволила Сандельсу перебросить часть регулярныхъ силъ своихъ (подъ начальствомъ Мальма) въ Корелію, придавъ этимъ опору возгоравшемуся въ ней восстанію. Они послужили тамъ тѣмъ твердымъ ядромъ, которое необходимо для образованія сибирскаго кома: повстанцы немедленно пристали къ кадру Мальма, и въ одно мгновеніе онъ оказался во главѣ чутъ не 6-тысячнаго скопища....

Итакъ, въ десятыхъ числахъ іюля нечего было и думать о появленіи нашихъ войскъ со стороны Куопіо, для оказанія содѣйствія Раевскому. Кромѣ того, отъ Куопіо до Лаппо было не менѣе 10—12 дней марша, и, слѣдовательно, шведы всегда имѣли *время* и возможность предупредить такое опасное для нихъ движение.

Несмотря на все это, Клингспоръ продолжалъ оставаться въ бѣздѣйствії у Лаппо и ограничился партизанскою войною на сообщеніяхъ Раевскаго, разсчитывая однимъ этимъ принудить его къ отступленію. Онъ продвинулся лишь до Сальми и здѣсь простоялъ *ровно пять недель*, укрѣпивъ себѣ позицію. Занявшись организацией поисковъ въ тылъ Раевскому, Клингспоръ, правда, весьма затруднилъ положеніе послѣдняго, но—и только! Силы наши, хотя и разбросанные пакетами по всей площади Финляндіи, продолжали оставаться *нетронутыми*, и стонло, въ лицѣ Н. Каменскаго, явиться энергичному, талантливому и одаренному починомъ начальнику и стянуть въ его рукахъ достаточно сильную, самостоятельную группу, какъ все быстро перемѣнилось...

Партизанские отряды, высланные Клингспоромъ, дѣйствовали довольно энергично и пробирались далеко въ тылъ войскамъ Раевскаго, вплоть до самаго Тавастгуса. Наиболѣе чувствительнымъ оказалось нападеніе на Вирдоисъ. Здѣсь, на сѣверной оконечности озеръ Сатакундской системы, въ точкѣ ея пересеченія съ магистральною дорогой База—Тавастгусъ, находился у насъ складъ продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ, куда они свозились частью на подводахъ, частью водою по озернымъ путямъ. Говоря современнымъ языкомъ—это былъ головной этапъ Раевскаго. Партизанскій отрядъ (подъ начальствомъ мѣстнаго уроженца, нѣкоего Рота), не рискуя напасть на прикрытие склада, въ виду превосходныхъ силъ его, ухитрился обмануть его бдительность и нечаяннымъ нападеніемъ

¹⁾ Онъ сперва состоялъ всего изъ 4-хъ эскадроновъ и 1 сотни и только въ концѣ іюля усиленъ 4-мъ егерскими полкомъ и 4-мя эскадронами драгунъ съ 4-мя конными орудіями.... Оригинально, что отрядъ, составленный *преимущественно* изъ конницы съ конной артиллерией посыпался для усмирѣнія народнаго мятежа въ наиболѣе пересѣченной части Финляндіи! Объясняется это, конечно, только тѣмъ, что другихъ войскъ подъ руками не было: посыпали то, что подвернулось....

овладѣть нашими лодками и истребить ихъ. Подвозъ водою былъ, такимъ образомъ, пресѣченъ, а для перерыва подвоза по грунтовымъ дорогамъ Ротъ спустился озерами къ широкимъ проливамъ у Висувеси и Раувеси, сжегъ здѣсь два стосаженныхъ моста, перекошаль и завалилъ дороги. Утвердившись затѣмъ на неприступномъ островѣ посреди озера и собравъ къ себѣ всѣ окрестныя лодки, онъ производилъ оттуда набѣги, на манеръ предковъ своихъ, викинговъ, не пропуская къ Раевскому ни одного транспорта!. Партизанскіе отряды все болѣе и болѣе смыѣли. Благодаря участію выпущенныхъ нами на свободу нижнихъ чиновъ Свеаборгскаго гарнизона, повстанцы получили извѣстную организацію; опираясь на полное сочувствіе и поддержку жителей, имъя повсюду въ скрытныхъ мѣстахъ, *преимущественно на островахъ по озерамъ, склады оружія*¹⁾; партизаны перехватывали всѣ подводы наши, истребляли транспорты, задерживали курьеровъ, нападали изъ засадъ на небольшія команды. Ихъ дерзость дошла до попытки овладѣть путемъ нечаяннаго нападенія городомъ Таммерфорсомъ; но бывшія тамъ въ качествѣ гарнизона двѣ роты Петровскаго полка не растерялись и отбили нападеніе. Въ теченіе нѣсколькихъ днѣй Раевскій былъ совершенно отрѣзанъ отъ своего тыла, лишень подвоза продовольствія, не имѣя возможности ни снести съ главно-командующимъ, ни съ кѣмъ-либо изъ другихъ начальниковъ отрядовъ, ни получить свѣдѣній о происходящемъ вокругъ него. Принять какія либо дѣйствительныя мѣры противъ партизановъ было невозможно: они появлялись и исчезали, подобно метеорамъ. Все населеніе буквально было съ ними въ заговорѣ...

При такомъ тяжкомъ положеніи вещей, ожидалъ съ часу на часъ дальнѣйшаго наступленія графа Клингспорса, Раевскій 11-го іюля, счелъ себя вынужденнымъ созвать военный совѣтъ. Насколько тяжело было материальное положеніе отряда, видно изъ того, что солдатамъ приходилось питаться найденнымъ въ опустошенныхъ поляхъ сырьемъ, полусгнившимъ картофелемъ, коренями, грибами и т. п. Въ запискахъ Фаддея Булгарина картина описана эти трудные дни...

На страницахъ 178 — 181 книги Михайловскаго-Данилевскаго приведенъ протоколъ военнаго совѣта 11-го іюля, въ составъ котораго вошли генералы: Демидовъ, Янковичъ и Казачковскій и полковники: Эриксонъ, Фроловъ, Штегманъ, Турчаниновъ и Кульневъ.

„Вамъ извѣстны обстоятельства,— обратился къ совѣту Раевскій,— побудившія меня отступить къ Алаво;увѣренъ, что вы согласитесь свидѣтельствовать, что не страхъ непріятеля, а предосторожность меня къ тому принудила. Извѣстіе, полученное о сожженіи мостовъ

¹⁾) Когда случалось обнаруживать въ Финляндіи такие склады за послѣдніе годы,— они открывались, обыкновенно, тоже на островахъ.

по Тавастгуской дорогѣ непріятелемъ, оправдало сей мой поступокъ... Вы видите, что прямая дорога на Тавастгусъ намъ закрыта, и хотя бы мы могли построить истребленные по ней мосты, но не имѣемъ довольно провіанта, чтобы, по причинѣ остановокъ изъясненныхъ, могли мы съ онимъ дойти до Тавастгуса. Хотя бы отправлены были транспорты по приказанію главнокомандующаго водою въ Вирдойсъ, могу-ль я быть увѣренъ, что шатающіяся непріятельскія партіи по сему озеру ко мнѣ его допустятъ? Послѣднее извѣстіе, полученное мною отъ главнокомандующаго, было отъ 3-го числа сего мѣсяца. Того-же числа, послѣ сраженія подъ Лаппо, отправленъ былъ мною съ извѣстіемъ курьеръ, съ которымъ я исправилъ разрѣшенія: прикажетъ ли онъ идти мнѣ къ Тавастгусу, ибо мои силы не позволяютъ мнѣ стоять противъ непріятеля, въ случаѣ его атаки, а еще меньше по прежней диспозиціи дѣйствовать наступательно? Уже время получить мнѣ на мое представление отвѣтъ, и я полагаю, что посланный отъ главнокомандующаго курьеръ или попалъ въ руки непріятелю, или, добѣхавъ до истребленныхъ мостовъ, возвратился опять въ Тавастгусъ. Если я буду еще его дожидаться въ Алаво, то употреблю провіантъ, съ которымъ едва можно дойти до магазиновъ, находящихся въ Ювяскюля. Если-бъ я былъ увѣренъ въ провіантѣ, тогда моимъ присутствіемъ воспрепятствовалъ бы непріятелю дѣйствовать всѣми силами на Таммерфорсъ; но если отступлю, то даю ему свободу распространяться въ землѣ и прибавлять его силы. Оставаясь здѣсь, мы лишаемъ Тавастгуса и Таммерфорса сильного подкѣплѣнія, и легко можетъ быть, что непріятель, оставя въ Лаппо малыя силы, можетъ скрыть свои главныя движенія на Таммерфорсъ. Вамъ извѣстно,—заключилъ Раевскій,—что въ сей землѣ нарсдъ, будучи преданъ непріятелю, не можетъ дать никоимъ вѣрнаго свѣдѣнія о немъ, и что на свѣдѣнія, мною получаемыя отъ употребляемыхъ для того людей, полагаться не можно, хотя и нельзя ихъ презирать¹⁾). По обсужденіи всѣхъ этихъ данныхъ, совѣтъ сдѣлалъ слѣдующее постановленіе: „Мы, нижеподписавшіеся генералы и полковники, войдя во всѣ причины, представленныя нашему разбирательству, единогласно положили, что необходимо кориусу, здѣсь находящемуся, слѣдоватъ черезъ Ювяскюля на Тавастгусъ, развѣ на пути будетъ прислано отъ главнокомандующаго предписаніе“.

Какъ-бы для того, чтобы укрѣпить Раевскаго и его подчиненныхъ въ принятомъ рѣшеніи, во время засѣданія совѣта пришло донесеніе о томъ, что транспортъ изъ 25-ти подводъ атакованъ и расхищенъ

¹⁾ Къ сожалѣнію, во всю эту войну мы практикуемъ всего больше этой невадежный способъ развѣдки.

близъ Кеуро шайкою партизановъ, подъ предводительствомъ выпущенныхъ свеаборгскихъ плѣнниковъ.

Рѣшеніе, принятное Раевскимъ и закрѣпленное военнымъ совѣтомъ 11-го іюля, при данномъ положеніи дѣлъ было единственно возможнымъ. Движеніе на Юваскуля, къ тому-же, сближало Раевскаго съ Тучковымъ, позволяя, въ случаѣ если дальнѣйшій путь на Тавастгусъ снова окажется прерванъ, возстановить свои сообщенія по восточной коммуникаціонной линіи, на Нейшлотъ или Сантъ-Михель—Вильманстрандъ. Правда, такое движеніе уже завѣдомо отдавало всю западную Финляндію въ руки непріятеля и вынуждало отряды, обороняющіе побережье Ваза-Або, обнажить его совершенно.

Трудность положенія, въ какое попалъ Раевскій, во многомъ зависѣла отъ нѣсколько неосмотрительного оставленія безъ вниманія и безъ охраненія вышеупомянутыхъ переправъ на протокахъ у Висувеси и Руовеси. Если слабыя сравнительно силы отряда Раевскаго и не позволяли выдѣлять съ этой цѣлью особыхъ отрядовъ, то это могло быть сдѣлано по распоряженію главнокомандующаго, въ рукахъ котораго оставалось немало войскъ, распределенныхъ по различнымъ пунктамъ Финляндіи, для поддержанія въ краѣ спокойствія.

Для того, чтобы составить себѣ вполнѣ ясное представление о положеніи дѣлъ въ Финляндіи въ періодъ, предшествовавшій побѣдамъ графа Н. Каменскаго, возстановившимъ блескъ нашего оружія и довершившимъ окончательное завоеваніе этого края, надлежитъ упомянуть о положеніи отряда графа Орлова-Денисова, составлявшаго крайнюю лѣвофланговую группу нашего стратегического фронта въ Финляндіи. Отрядъ его, первоначально совершилъ незначительный, доведенъ былъ къ серединѣ іюня до 1½ баталіоновъ егерей, 4 эскадроновъ и сотенъ и 2 орудій. Ко времени производства неудачныхъ іюньскихъ высадокъ Фегезака и Бергенстроле, отрядъ графа Орлова-Денисова оборонялъ побережье между Бьернеборгомъ и Кристинастадомъ. Съ отходомъ Раевскаго и очищеніемъ нами города Вазы Орловъ-Денисовъ оставался одинъ среди объятаго пламенемъ народной войны прибрежнаго края, подъ угрозой ежечаснаго повторенія десанта шведскихъ регулярныхъ войскъ.

Какъ свидѣтельствуетъ официальный шведскій источникъ¹⁾, несторя на неудачу первыхъ шведскихъ высадокъ, достаточно было появленія на финляндскомъ берегу небольшого отряда шведовъ (та часть десанта Бергенстроле, которая осталась на берегу и впослѣдствіи присоединилась къ арміи Клигспора), чтобы въ средѣ населенія распространились въ изобилії благопріятные шведскому оружію слухи, и

¹⁾ Sv. Kriget 1808—1809, с. III, стр. 219—233.

крестьяне толпами брались за оружие. Казачьи посты Орлова-Денисова последовательно подверглись цѣлому ряду нечаянных нападений, сопровождавшихся жестокостями. До 80 лейбъ-казаковъ было вѣроломно захвачено въ пленъ; прочие изрублены. Пути къ Вазѣ были перехвачены; всюду устраивались засады. Крестьяне (подъ руководствомъ шведскихъ офицеровъ) мастерски пользовались мѣстностью; они избирали „неприступныя мѣста“, „гдѣ нельзя было взять ихъ силою“¹⁾, и оттуда безнаказанно поражали нашихъ. Графъ Буксгевденъ, по ходатайству Орлова-Денисова, усилилъ его отрядъ²⁾ и приказалъ принять строгія репресивныя мѣры³⁾). Но еще до прибытія нашихъ подкѣплений повстанцы, выяснивъ слабость русскихъ на побережье, сдѣлали попытку овладѣть городомъ Кристиненстадомъ. Замыселъ этотъ былъ подготовленъ въ сосѣднемъ городѣ Каскѣ, куда подошелъ шведскій бригъ; здѣсь собралась многочисленная banda вооруженныхъ крестьянъ; во главѣ предпріятія сталъ командиръ брига, лейтенантъ Торнтонъ; на вельботахъ и лодкахъ все скопище, въ ночь на 22-е іюня, шхерами пробралось къ мысу, на восточной части котораго расположенье городъ. Небольшая команда наша, занимавшая его, послѣшила отступить.

Очевидно, Орлову-Денисову съ его слабыми и разбросанными силами, нечего и думать было бороться съ восстаніемъ до ихъ сосредоточенія. Поэтому всѣ его отряды, успѣвшіе благополучно ускользнуть отъ мятежниковъ, стали отступать вглубь страны. Въ первыхъ числахъ іюля, собравъ всѣ свои силы у Лаппфѣрда и притянувъ посланныя главнокомандующимъ подкѣпленія, Орловъ-Денисовъ перешелъ въ наступленіе. 3-го іюля онъ искруено выманилъ повстанцевъ изъ устроенныхъ ими на берегу укрѣпленій въ открытое поле, втянулъ подальше отъ берега умыщеннымъ отступленіемъ, а затѣмъ, неожиданнымъ ударомъ во флангъ, разбилъ на голову близъ Піелакса Крестьяне разсѣялись въ безпорядкѣ по лѣсамъ; часть успѣла спастись моремъ на лодкахъ. Захвативъ Кристиненstadtъ, Денисовъ пошель на Вазу и здѣсь на полу-пути нанесъ мятежникамъ новое пораженіе, во время котораго, въ тылу у него, Кристиненstadtъ былъ снова захваченъ шведами. Едва только графъ Орловъ, возвратясь, снова очистилъ Кристиненstadtъ отъ непріятеля, какъ ему пришлось летѣть въ Кухаюки, на поддержку своей же партіи, бывшей подъ начальствомъ маиора Ягодина. Народное восстаніе было подобно лернейской гидрѣ: на мѣстѣ одной отрубленной головы выростало двѣ другихъ. Несмотря на необычайную энергию и дѣятельность графа Орлова-Денисова съ его молодцами

¹⁾ Михайлівскій-Данилевскій 158.

²⁾ 4-я ротами и 2-я сотнями.

³⁾ Журналъ военныхъ дѣйствій Буксгевдена 17-го и 21-го іюня.

лейбъ-казаками,—бунтъ, утешенный имъ въ одномъ мѣстѣ, немедленно всыхивалъ съ удвоенною яростью. Пришлось прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости—повѣсить и разстрѣлять нѣсколько вожаковъ, сжечь нѣсколько деревень и т. п. Энергичная дѣятельность Орлова-Денисова по укрошенію народнаго мятежа удостоена была Высочайшаго благоволенія¹⁾). Финскіе крестьяне мстили съ утонченною, чисто монгольскою жестокостью. Такъ, въ одномъ мѣстѣ найдено было 11 русскихъ солдатъ, закопанныхъ по поясъ въ землю съ отрубленными головами. Въ концѣ концовъ, Орлову-Денисову пришлось, одновременно съ отступленіемъ Раевскаго отъ Алаво къ Тавастгусу, отступить на югъ къ Бьернеборгу.

Такимъ образомъ, *къ концу июля* наши войска были *въ полномъ отступлении на лѣвомъ флангѣ* (побережье) и *въ центрѣ* нашего стратегического фронта. *Правый флангъ* (Куопіо) былъ *прикованъ* къ мѣсту, и на скорый переходъ въ наступленіе здѣсь нельзя было разсчитывать; наконецъ, *на крайнемъ правомъ флангѣ*, въ Кореліи, войска, высланные изъ Петербурга и долженствовавшія содѣйствовать Тучкову, также были *пріостановлены* мятежомъ, и скопища повстанцевъ грозили нашимъ собственнымъ предѣламъ....

Общее количество нашихъ войскъ въ Финляндіи къ этому времени достигало 26.000 человѣкъ способныхъ дѣйствовать оружиемъ. Но изъ нихъ только 13 тысячъ, т. е. половина выполняла чисто боевые задачи; всѣ остальные войска предназначались, въ сущности, для *прикрытия операционной линіи*. Изъ этихъ 13-ти тысячъ у Раевскаго было 6 тыс., у Тучкова въ Куопіо тоже 6 тыс. и около 1.000 чел. на побережье между Або и Кристинестадомъ, подъ начальствомъ сперва Орлова-Денисова, позже—Бибикова. Остальные войска распределѣлись такъ:

1) Въ Сердобольскомъ отрядѣ и на старой границѣ	2.000 чел.	} Прикрытие операционной линіи со стороны мятежниковъ въ Кореліи.
2) Въ Свеаборгѣ	3.500 >	
3) У Або	4.000 >	} Прикрытие операционной линіи со стороны моря.
4) На судахъ гребной флотиліи	2.000 >	
5) Для сопровождения транспортовъ, охраненія порядка внутри страны и т. п.	1.500 >	

Такимъ образомъ, большая часть наличныхъ войскъ нашихъ расходовалась для обезпеченія тыла; если-же принять во вниманіе, что отрядъ Тучкова въ Куопіо только сдерживалъ Сандельса, а Орловъ-Денисовъ былъ прикованъ къ побережью дѣйствіями мятежныхъ бандъ, подкрепленныхъ десантами,—такъ что обѣ эти группы, въ сущности прикрывали съ фланговъ сообщенія Раевскаго,—то ока-

¹⁾ М. Д. стр. 183.

жется, что только одна слабая группа въ 6 тысячъ человѣкъ могла, по условіямъ обстановки, действовать свободно. Несомнѣнно, что группировка силъ графа Буксгевдена была неправильна; онъ несравненно лучше прикрылъ бы свой тылъ, если бы сократилъ до минимума число войскъ, оставленныхъ имъ у Свеаборга и на побережье, усиливъ насколько возможно центральную группу Раевскаго, активный успѣхъ которой въ важнѣйшемъ направленіи обеспечилъ бы ее отъ ожидаемыхъ угрозъ.

Для правильной оцѣнки событий въ этотъ періодъ войны и для надлежащаго выясненія той роли, которую суждено было сыграть графу Н. М. Каменскому, необходимо познакомиться съ всеподданнѣйшими донесеніями графа Буксгевдена отъ 14-го и 19-го іюля. Въ нихъ выражены возврѣнія нашей главной квартиры на положеніе дѣлъ и предложены необходимыя, по ея мнѣнію, мѣры¹⁾. Изъ нихъ будетъ видно, какою представлялась обстановка нашему высшему командованію, а безъ этого трудно судить о степени правильности принимаемыхъ имъ решений.

„Derзаю передъ трономъ Монарха моего, не обинуясь, говорить правду“—такъ приступалъ къ дѣлу графъ Буксгевденъ. Положеніе финляндской арміи, по его мнѣнію, таково, что „возможность достичь ей нынѣ желаемой цѣли часть отъ часу становится затруднительне и неопредолимѣе“. Зимняя кампанія, говоритъ Буксгевденъ, „наградила насъ повсюду желаемымъ успѣхомъ“; противникъ потерялъ крѣпости, почти всю территорію края, свои флотилии; одного не удалось сдѣлать—„уничтожить армію Клингспора“, но только потому, что „не были присланы къ приращенію“ нашей арміи тѣ 18 батальоновъ, о которыхъ главнокомандующій ходатайствовалъ еще 5-го февраля.

„Не имѣя ни способовъ, ни возможности разбить графа Клингспора (продолжаетъ онъ), я хотѣлъ по крайней мѣрѣ взятыми заблаговременно мѣрами, умножа войска и шхерную флотилию, имѣть средство защитить Финляндію до будущей зимы“. Далѣе Буксгевденъ высчитываетъ всѣ свои ходатайства о подкѣпленіяхъ, о скорѣйшей доставкѣ гребной флотилии, позднее прибытие которой изъ Кронштадта оказалось причиной того, что пиведы успѣли раньше насъ захватить и укрѣпиться въ проходѣ Юнгферзундѣ²⁾.

Приведя затѣмъ распределеніе по отрядамъ нашихъ войскъ (согласно указанного выше), главнокомандующій подчеркиваетъ, что „для препровожденія транспортовъ, содержанія внутренняго порядка и удержанія мятежа среди пятисотъ тысячъ народа на пространствѣ

¹⁾ Дѣло в.-ист. арх. Гл. Штаба № 1651.

²⁾ О дѣятельнѣхъ шхерного и корабельнаго флотовъ изложено въ слѣдующей главѣ.

300 тысячъ квадратныхъ верстъ“ остается „не болѣе $1\frac{1}{2}$ тысячъ рядовыхъ подъ ружьемъ“.

Указывая затѣмъ на „надежды“ непріятеля „отъ подкрайленія со стороны англійскихъ войскъ“ и „ежеминутнаго умноженія милиціи“, графъ Буксгевденъ пишетъ:

„Предавая всѣ сіи обстоятельства на Монаршій судъ Вашъ, все-подданійши прошу, да не оскорбится Величество Ваше, есть ли осмѣлюсь повторить сомнѣніе мое, съ сими способами едва-ли можно успѣть торжествовать надъ непріятелемъ“. Десятитысячное подкрайление—это самое меныше, чѣмъ полагаетъ возможнымъ удовлетвориться главнокомандующій, причемъ „сіе подкрайление должно слѣдовать не теряя нисколько времени, которое для насъ крайне драгоцѣнно“. Предположенную еще раньше къ посыльѣ въ Финляндію 4-ю дивизію¹⁾ (князя Голицына), которую Императоръ Александръ приказалъ не вводить въ составъ дѣйствующихъ войскъ, а держать въ резервѣ, для отправленія на шведскій берегъ (что было, какъ извѣстно, съ самаго начала войны постояннымъ намѣреніемъ Государя), главнокомандующій въ этомъ представлѣніи просить прислать, не задерживая въ Петербургѣ, форсированными маршами, причемъ разбить ее на 3 части: 4 баталіона въ Куопіо, 4 къ Або и 4 въ видѣ резерва оставить въ Тавастгусѣ; конницу же, два полка драгунъ и полкъ уланъ, разставить по-эскадронно внутри страны для поддер-жанія порядка

Графъ Буксгевденъ, видимо, раздѣляетъ взглядъ Государя Императора, что „единственный и рѣшительный ударъ, какой только со славою оружія Вашего Императорскаго Величества и съ современнымъ низложеніемъ непріятеля произвести можно, будетъ состоять въ томъ, дабы предпринять переходъ въ Швецію“. Но осуществить такой переходъ онъ считаетъ возможнымъ только „согласно начертанію своему отъ 24-го апрѣля²⁾, по которому онъ считалъ необходи-мымъ назначить для этой операциіи не менѣе 50-ти тысячъ войскъ сверхъ того количества, которое состоить нынѣ въ Финляндії“. Для обезпеченія же тыла экспедиціоннаго корпуса, по мнѣнію Буксгев-дена, въ Финляндіи должно остаться не менѣе 20-ти тысячъ, изъ коихъ 11 тысячъ на сѣверѣ, дабы „противоборствовать усилившемъ арміи Клингспора“. Такимъ образомъ, по расчетамъ Буксгевдена

¹⁾ Согласно Высочайшаго раскрипта отъ 14-го іюля (см. Мих. Дан. стр. 201-я). Дѣйля-распоряженіе о посыльѣ ся въ Финляндію, а также объ отправленіи туда-же третьихъ баталіоновъ частей, уже вошедшіхъ въ составъ корпуса графа Буксгевдена и оставшихся для обороны береговъ Выборгской губерніи подъ начальствомъ графа Витгенштейна, Императоръ Александръ писалъ графу Буксгевдену: «Болѣе сего числа войскъ, какъ и въмъ извѣстно, взять не откуда, то и слѣдуетъ по числу оныхъ располагать вашу операцио».

²⁾ См. выше глава 7-я.

выходитъ, что наличное число имѣющихъся въ его распоряженіи силь едва составить половину потребнаго количества. Въ дальнѣйшемъ изложеніи представленъ проектъ, какъ получить необходимыя подкрѣпленія. Такъ какъ экспедиція въ Швецію можетъ быть совершена только въ срединѣ зимы, т. е. въ такое время, когда южное побережье Финскаго залива и Петербургъ безопасны отъ покушеній противника, то Буксгевденъ вполнѣ резонно предлагаетъ передвинуть въ Финляндію часть силъ изъ Эстляндіи и окрестностей столицы, а кромѣ того, укомплектовать 2-ю и 3-ю дивизію рекрутами, взамѣнъ нижнихъ чиновъ, выдѣлленныхъ изъ нихъ на пополненіе всѣхъ частей финляндской арміи до полнаго состава.

„Не имѣя сильной арміи и не сосредоточа оной къ рѣшительному удару, сія важная экспедиція была бы только одинъ набѣгъ, сопряженный съ потерей людей безъ постоянныхъ выводовъ.“ Эту фразу графа Буксгевдена полезно запомнить, ибо она оправдалась во многомъ въ слѣдующемъ 1809 году, уже при новомъ главнокомандующемъ, во время славной и многотрудной, но малоплодотворной экспедиціи нашей черезъ Кваркенъ и Аланъ на шведскіе берега.

Пять дней спустя, 19-го іюля, Главнокомандующій обратился къ Государю съ новымъ, еще болѣе обширнымъ всеподданѣйшимъ представлениемъ, въ которомъ, повторяя отчасти прежніе доводы, онъ уже старается оправдать свои распоряженія и приводить цѣлый рядъ полученныхыхъ имъ свѣдѣній въ доказательство близости со стороны шведовъ рѣшительныхъ дѣйствій. Эта часть документа интересна въ томъ отношеніи, что по ней мы узнаемъ, какими свѣдѣніями о противникеѣ располагала въ то время наша главная квартира въ Финляндіи. Не слѣдуетъ упускать изъ вида (повторяемъ вновь), что *главнымъ источникомъ* этихъ свѣдѣній были финляндцы. Кстати говоря—бросается въ глаза, особенно въ разбираемый періодъ войны, что *обѣ стороны* имѣли о противникеѣ *преувеличенныя* свѣдѣнія и черезъ это дѣйствовали нерѣшительно, робко. Клингспоръ медлитъ, опасаясь Раевскаго, котораго считаетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, и измыслияетъ всякия „диверсіи“ ему въ тылъ. Наші генералы также насчитываютъ у Клингспоря силъ гораздо больше, чѣмъ въ дѣйствительности, и опасаются смѣло наступать, требуютъ подкрѣпленій и теряютъ драгоценное время. Естественно предположить, что преувеличенныя свѣдѣнія, доставляемыя *мѣстными* источниками обѣимъ враждующимъ сторонамъ, раздувались не спроста, что въ этомъ существовалъ своего рода *скрытый расчетъ*.

Малочисленность русскихъ войскъ (предполагаетъ Буксгевденъ) уже известна непріятелю, и операционный планъ противника состоитъ въ томъ, чтобы, тревожа насть на побережїѣ Або-Ваза малыми высадками

и привлекая сюда наше внимание, теснить главною массою графа Клингспора, вместе съ вооруженными крестьянами, графа Каменского къ Тавастгусу. Тѣмъ временемъ самъ король, подъ прикрытиемъ своего корабельного флота, съ 12-ти или 15-ти тысячнымъ десантомъ, въ составъ которого входятъ „по утвержденію“ и англичане ¹⁾), долженъ произвести большой десантъ между Гельсингфорсомъ и Гангутомъ. „Слабость гарнизона въ Свеаборгѣ, великие запасы наши въ Гельсингфорсѣ и малое число войскъ, защищающихъ берега Финляндіи, дѣлаютъ намѣреніе непріятеля справедливымъ и возможнымъ“.

Буксгевденъ вновь настаиваетъ на скорѣшней отправкѣ „какъ можно болѣе войскъ“ въ Финляндію ²⁾), на ускоренія выхода корабельного флота къ Гангуту, съ тѣмъ, чтобы „быть готову напасть на транспорты и фрегаты, съ которыми непріятель вознамѣревается дѣлать свое покушеніе, между Гангута и Свеаборга. А потомъ онъ съ пользою обратится въ Ботнику и можетъ истребить тамъ господство непріятеля“.

Мы увидимъ впослѣдствіи, при изложеніи дѣйствій на морѣ, ³⁾ насколько улованія главнокомандующаго на то, что флотъ нашъ въ состояніи выполнить обѣ эти задачи, оказались тщетными.

Всѣ вышеприведенные ходатайства графа Буксгевдена, кроме ускоренія посылки 4-й дивизіи и трехъ баталіоновъ графа Витгенштейна, остались безъ исполненія. Мало того, донесенія главнокомандующаго подверглись своего рода фактической провѣркѣ на мѣстѣ. Снова командированъ былъ уже известный читателямъ сардинецъ русской службы, полковникъ маркизъ Паулуччи, „къ военнымъ дарованіямъ котораго (какъironически выражается Михайловскій-Данилевскій) имѣли тогда большую довѣренность“. Въ первую свою поѣздку (въ концѣ апрѣля) онъ посланъ былъ только на мѣстѣ изслѣдовать причины нашихъ неудачъ. Теперь же ему поручено войти въ оцѣнку положенія различныхъ отрядовъ, ихъ силъ и средствъ, мѣстности, состоянія продовольствія и т. п. Кромѣ затрудненій въ снабженіи, войскъ продовольствиемъ, благодаря необеспеченности путей сообщенія и трудности образованія обычательскихъ транспортовъ, открылись, къ сожалѣнію, столь обычныя въ такомъ дѣлѣ злоупотребленія. Этого печальнаго факта не скрываетъ увы, самъ официальный историкъ Михайловскій-Данилевскій, который приводитъ даже (стр. 203) случай, что однажды въ кулахъ муки, доставленныхъ въ Финляндію, нашлись набиты кирпичемъ.

Въ общей сложности, данные, доставленные маркизомъ Паулуччи, произвели въ Петербургѣ впечатлѣніе неутѣшительное, и тамъ пришли къ заключенію о необходимости вести въ Финляндіи до зимы оборо-

¹⁾ Читателямъ уже известно, что англійскій десантъ генерала Мура покинулъ Швецію еще въ юнѣ.

²⁾ Для ускоренія ихъ прибытія онъ даже просилъ ранцы и амуницію везти на подводахъ.

³⁾ Глава 9-я.

нительную войну. Отчасти это сходилось, какъ видно, и со взглядами графа Буксгевдена, который все время настаивалъ на необходимости дождаться зимы, когда возможенъ переходъ въ Швецию по льду для нанесенія врагу окончательного удара въ самое сердце его могущества. Но въ отношеніи *способовъ осуществленія* этой основной идеи главнокомандующій съ Петербургомъ въ корнѣ расходился.

По возвращеніи маркиза Паулуччи въ Петербургъ, тамъ составленъ былъ операционный планъ, согласно которому войска наши въ Финляндіи должны были расположиться на зимнія квартиры вдоль оборонительной линіи, простиравшейся отъ Бьернеборга черезъ Таммерфорсъ, Оривеси, Рауталампи, Куопіо до Кеми, всего длиною до 500 верстъ! На этомъ огромномъ протяженіи предполагалось поставить: на крыльяхъ, правомъ у Куопіо и лѣвомъ у Бьернеборга, по 5,000 человѣкъ; въ центрѣ у Тавастгуса, отъ 8 до 10 т. человѣкъ; около 2,000 человѣкъ въ Корелии, а остальная 10 т. въ резервѣ въ южной Финляндіи. Въ такомъ положеніи расчитывали отбивать наступательныя попытки противника, а тѣмъ временемъ, удерживая занятый край въ повиновеніи, готовиться къ зимнему походу. Общая идея этого плана была одобрена Государемъ, но онъ не *желалъ братъ на себя утвержденіе этого плана*, находясь вдали отъ театра военныхъ дѣйствій. „Мѣстный болѣе видитъ, нежели отдаленный“,—говаривалъ Суворовъ; какъ-бы исходя изъ этого правила, планъ посланъ былъ съ тѣмъ же маркизомъ Паулуччи главнокомандующему на разсмотрѣніе. При этомъ Императоръ Александръ собственноручно писалъ графу Буксгевдену:

„Если до полученія оборонительного плана успѣхи подвинутъ насъ впередъ, и позиція, занимаемая войсками, будетъ выгодна, то *не приводить плана въ исполненіе*, а, объяснивъ подробно всѣ обстоятельства маркизу Паулуччи, прислать его съ онымъ обратно ко мнѣ“¹⁾.

Графъ Буксгевденъ въ корнѣ разошелся съ этимъ мнѣніемъ. Отлагая рѣшительный ударъ на зиму и требуя для него сосредоточенія значительныхъ силъ и, слѣдовательно, признавая необходимымъ до тѣхъ поръ дѣйствовать выжидательно, онъ категорически отвергалъ чисто-оборонительный пассивный образъ дѣйствій. Напротивъ, онъ торопилъ съ присыпкою подкрайленій, ибо считалъ необходимымъ все остающееся до зимы время *не бездействовать*, а наоборотъ—*вести рѣшительную борьбу за обладаніе Финляндіей*. Взглядъ, поучительный и въ наше время, когда въ тактике и въ стратегіи мы такъ разочаровались въ системѣ терпѣливаго предоставлѣнія почина непріятелю.

Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 18-го августа онъ пишетъ²⁾, что „планъ оборонительный“, ему предъявленный, „не можетъ быть

¹⁾ Высочайший раскрипть Буксгевдену отъ 12-го августа.

²⁾ Дѣло В. Ист. Архив. Гл. Упр. Ген. штаба № 1651. Небольшія выдергушки изъ этого документа приведены и у Михайловскаго-Данилевскаго, стр. 204—206.

выполненъ безъ послѣдствій довольно вредныхъ". Считая нужнымъ „обратиться къ источнику самой войны“, онъ ставитъ себѣ затѣмъ два вопроса: а) съ какою цѣлью мы воюемъ? б) съ какою цѣлью воюетъ непріятель?

„Намѣреніе наше,—продолжаетъ онъ,—должно быть какъ можно скорѣе сдѣлать Финляндію неприкосновенною отъ шведовъ, дабы тѣмъ рѣшительнѣе нанести ударъ для самой Швеціи. Намѣреніе непріятеля—дабы напрягать всѣ усилия задержать насъ въ Финляндіи, и тѣмъ замедлить пораженіе Швеціи, а притомъ, знаяши, что Россія довольно мощна, чтобы удержать край сей, если она на то непремѣнно рѣшилась, шведы будутъ раззорять сю землю, противопоставя намъ народъ и спасая тѣмъ свои войска.

„Наше намѣреніе должно быть—непремѣнно дать рѣшительный бой. Непріятельское—сколько можно отклоняться отъ боя, ибо шведы, потерявъ собранную ими теперь армію, едва ли успѣютъ скоро поставить другую, будучи увѣрены, что мы сіе сдѣлать въ состоянії.

„Наше намѣреніе должно быть—не допустить организоваться толпѣ набраннаго и вооруженнаго народа; непріятелю, напротивъ, слѣдуетъ стараться сіе выполнить.

„Наше намѣреніе должно быть—не давать ему распространяться въ землѣ, въ которой каждый шагъ даетъ ему приращеніе въ силахъ и вліяніе на духъ и чувствованія народа.

„Мы обязаны отнять отъ него возможность продовольствовать многочисленныя его ополченія, зная, что Швеція сама по себѣ не имѣеть сего средства. Непріятелю не должно смотрѣть на голодъ жителей, ибо они за сіе единственно на насъ же будутъ въ негодованіи, но стараться, дабы сыты были войска, которая при томъ въ энтузіазмѣ будутъ сражаться за отечество“.

По мнѣнію Буксгевдена, занятіемъ искривленной линіи отъ Бьернеборга черезъ Таммерфорсъ, Куопіо до Кеми, „мы дадимъ непріятелю... лишь землю, гдѣ получитъ онъ хлѣбъ, людей и—время, дабы изъ худоустроенныхъ мужичьихъ бригадъ сдѣлать добрыхъ воиновъ“. Непріятелю откроются при этомъ „многія воды, по коимъ онъ, соединясь съ жителями, на множествѣ лодокъ, занявъ всѣ острова и заливы, будетъ до самыхъ заморозковъ насъ тревожить и наносить вредъ“; онъ въ состояніи „распространять набѣги до самой Гейнолы“... „на Нейшлотъ и къ Сердобольской границѣ“, истребляя наши запасы. „И въ самое то время, когда мы могли бы концентрируясь дѣйствовать, должны будемъ страшиться повсюду и кого? раздроженныхъ мужиковъ, между тѣмъ когда армія его будетъ спокойна или произведетъ одну рѣшительную операцию тамъ, гдѣ мы слабѣе“...

Трудность въ подвозахъ будетъ зимою не меныше, нежели осенью, съ тою разницею, что тогда „найдемъ землю уже совершенно опустошеною и безъ жителей“. Построеніе предложенныхъ въ планѣ бараковъ для зимовки войскъ Буксгевденъ находилъ дорогимъ и неудобоисполнимымъ; также затруднительна будетъ и закладка магазиновъ, особенно, если не будемъ вполнѣ владѣть внутренними водными сообщеніями. Петербургскій планъ требовалъ многочисленныхъ перемѣщенній войскъ изъ одного отряда въ другой; главнокомандующій возсталъ противъ этого, особенно противъ такихъ передвиженій, до 500—600 верстъ, которая только безъ пользы утомляли бы войска.

„Положимъ“, — заключаетъ Буксгевденъ, — „что, довольствуясь излучистою и столь обширною оборонительною линіею, всѣ покушенія непріятельскія на ону сдѣлались бы ничтожными; но къ чему все сіе ведеть въ послѣдствії? Ни къ чему иному, какъ должно зимою снова, чрезъ занятыхъ уже нами мѣста открывать путь кровопролитіемъ и очищать Финляндію, а не нанести ударъ Швеціи, ибо тогда, собравъ наши войска противу арміи Клингспора, которая можетъ быть еще подкѣплена войсками, набранными на Аландѣ, не будемъ ихъ имѣть для важнѣйшей операции. Тогда Швеція, возложа, такъ сказать, все бремя зимней кампаніи на Финляндію, сама будетъ спокойна, и театръ войны возобновится съ новою дѣятельностью и пожертвованіями на предбуждущее лѣто¹⁾ вмѣсто того, что для блага Россіи, для пользы другихъ границъ нашихъ, нужно окончить ее нынѣшней зимою“.

Рапортъ заканчивается предложеніемъ, „вмѣсто того, чтобы дробить теперь войска у Бьернеборга, Таммерфорса и Ювяскюля“, „доколѣ время дозволитъ, подвигаться впередъ и тѣснить непріятеля къ сѣверу за Гамла-Карлебю, дабы, запирая его на глубокую осень въ землѣ неплодородной, имѣть линію для обороны самую кратчайшую и на зиму дѣйствовать только однимъ сильнымъ корпусомъ отъ Иденсальмы, оставаясь съ другимъ въ положеніи оборонительномъ и только посредственno первому содѣйствующимъ, прочія же войска готовить къ переходу въ Швецію“.

Другими словами, графъ Буксгевденъ возвращается все къ той же прежней своей идеѣ дѣйствія двумя группами, изъ коихъ одна должна навлекать на себя главную массу шведовъ, а другая черезъ внутреннюю Финляндію выходить ей въ тылъ. Мы уже имѣли случай указывать, что планъ этотъ,—какъ показала первая половина лѣта 1808 года—не отвѣчалъ обстановкѣ, такъ какъ важнѣйшая активная

¹⁾ Эти слова оказались пророческими, такъ какъ мартовская экспедиція 1809 года черезъ Ботнический заливъ, предпринятая слишкомъ слабыми силами, осталась безрезультатной и война затянулась до 1-го октября 1809 года.

роль выпадала въ немъ на ту группу, которая направлялась черезъ внутреннюю котловину Финляндіи, мѣстность которой въ высшей степени облегчала оборону и не благопріятствовала наступлению. Еще зимой скорѣе можно было расчитывать на то, что этой группѣ удастся преодолѣть всѣ препятствія и преграды и достигнуть цѣли; зимою, какъ извѣстно, оборонительная сила финляндскихъ позицій смягчалась снѣжнымъ и ледянымъ покровомъ; что же касается лѣта, то опытъ, дѣйствій противъ засѣвшаго на Тайвольской позиції небольшого въ сущности отряда (не болѣе 3.000 регулярныхъ) Сандельса уже показалъ невозможнымъ съ успѣхомъ примѣнить этотъ пріемъ. Наоборотъ, дѣйствія графа Каменского, вынесшаго рѣшительную борьбу снова на прибрежье, убѣдили въ томъ, что именно на Эстроботнѣ возможно хоть сколько-цибудь маневрировать и разыграть рѣшительныя столкновенія такихъ отрядовъ, для которыхъ во внутренней котловинѣ Финляндіи совершенно нѣтъ мѣста развернуться.

Во всякомъ случаѣ, планъ графа Буксгевдена, если и не вполнѣ можетъ быть признанъ отвѣчающимъ главнымъ образомъ *мѣстнымъ топографическимъ* даннымъ, то по *идее* — безусловно проникнутъ активнымъ началомъ и преисполненъ сознаніемъ важности *времени*, чего отнюдь не было въ пассивномъ, навязанномъ ему изъ Петербурга рѣшеніи, которое къ тому-же сводилось едва-ли не къ кордонному расположению.

Какъ ни хлопоталъ графъ Буксгевденъ о приращеніи своихъ силъ еще съ самаго начала кампаніи, ему доставляли ихъ все время скучо, маленькими пакетами, которые сейчасъ же расходовались, по мѣрѣ расширенія площади нашихъ завоеваній, на разнаго рода тыловыя потребности. Когда же съ апрѣля обстоятельства перестали намъ благопріятствовать, населеніе края заволновалось, а вскорѣ явно примѣнуло къ нашему врагу и взялось за оружіе, — ясное дѣло, что расходъ на обеспеченіе тыла непомѣрно возросъ; сверхъ того, главная наша квартира волей неволей придавала слухамъ и свѣдѣніямъ о высадкахъ на побережье подкрайненій, быть можетъ, нѣсколько преувеличенное значеніе¹⁾). Теперь зная всѣ события, мы склонны поставить ей въ укоръ удержаніе столь большого, сравнительного количества силъ близъ Або, въ Свеаборгѣ и т. д., тогда какъ достаточно было усилить центральную группу (какъ это сдѣлано было позже графомъ Н. Каменскимъ), чтобы получить право и возможность активно дѣйствовать противъ главнаго ядра непріятельскихъ силъ, т. е. „арміи“ графа Клингспоря. Пораженіе этой „арміи“, какъ ока-

¹⁾ О значеніи въ этомъ отпошеніи главнаго источника этихъ свѣдѣній, — мѣстныхъ уроженцевъ, „прислужившихся“ нашей главной квартирѣ подъ разными видами, — уже указывалось выше.

лось впослѣдствіи, при посыпкѣ Густавомъ-Адольфомъ IV своихъ подкрайленій безъ всякой системы и по частямъ, явилось рѣшительнымъ актомъ борьбы. Между тѣмъ, въ глазахъ нашего главнокомандующаго, вполнѣ естественно, опаснѣйшимъ противникомъ являлся не графъ Клингспоръ, а войска, сосредоточенные королемъ на Аландѣ, численность которыхъ, по доходившимъ до него свѣдѣніямъ, представлялась ему преувеличенной. Серьезный десантъ съ Аланда, если не приняты были бы надлежащія мѣры противодѣйствія, могъ утвердиться на побережье гдѣ-либо въ сѣверной части нынѣшней Абоской губерніи и либо заставилъ бы насъ очистить захваченную сѣверную часть территоріи Финляндіи, либо поставилъ бы эти войска наши, совмѣстно съ Клингспоромъ, между двухъ огней¹⁾; войска эти могли затѣмъ или соединиться съ графомъ Клингспоромъ, или дѣйствовать въ согласованіи съ нимъ. Возможность такой операции облегчалась для шведовъ проволочкою въ выступленіи изъ Кронштадта нашего корабельного флота, а также прибытіемъ по частямъ отрядовъ гребной флотиліи. Шведы, такимъ образомъ, несмотря на нѣсколько удачныхъ для насъ шхерныхъ боевъ, продолжали *удерживать въ своихъ рукахъ господство на морѣ*, въ Ботническомъ заливѣ; а въ Балтійскомъ морѣ находился могущій подоспѣть къ нимъ на помощь англійскій флотъ²⁾.

Главнокомандующему не было и не могло быть извѣстно, что еще *го-го августа* ст. стиля, т. е. когда наступленіе графа Каменского едва начиналось и шведы только что одержали успѣхъ надъ отрядомъ (авангардомъ) Эрикссона у Алаво³⁾,—графъ Клингспоръ доносилъ королю о тяжеломъ, печальномъ состояніи арміи, о необходимости для нея, несмотря на самоотверженную храбрость воиновъ, предвидѣть неизбѣжность новаго отступленія, такъ какъ едва-ли удастся ей противостоять противнику. Все это писалось королю для того, чтобы исходатайствовать у него подготовку въ достаточномъ количествѣ въ г. Вазѣ транспортныхъ судовъ для обратной перевозки всей арміи съ ея артилеріей и запасами *черезъ Ботнический заливъ прямо въ Швецию*⁴⁾. Въ отвѣтъ на это представленіе графа Клингспоры послѣдовало категорическое предписаніе шведскаго короля; финская армія должна защищать Финляндію, какъ то содержится въ инструкціи ея главнокомандующему. Фельдмаршалу-же разрѣшено оставить армію, если здоровье его того требуетъ и замѣстителемъ его въ этомъ случаѣ долженъ быть генералъ отъ инфантеріи Клеркъ.

¹⁾ Въ то время „финская армія“ находилась еще у Сальми II, следовательно, значительно ближе (болѣе чѣмъ на 100 верстъ) къ Аланду, чѣмъ то было въ сентябрѣ, когда она, послѣ Оровайса, отброшена была за Гамла-Карлебю, а шведскій король какъ разъ рѣшился на общую высадку близъ самаго Або, у Гельсинге.

²⁾ См. слѣдующую главу.

³⁾ См. главу 10-ю.

⁴⁾ См. Xylander *Beitrag zur Geschichte des schwedischen Kriege 1808 — 09.* Berlin, 1825 стр. 76—77.

Отсюда видно, что еще *до начала* наступательныхъ операций графа Каменского, графъ Клингспоръ потерялъ духовное равновѣсіе и энергичный напоръ съ нашей стороны засталъ его въ такое время, когда онъ уже, въ сущности, призналъ дальнѣйшее сопротивленіе безплоднымъ. Всѣми послѣдующими операциями финской арміи фактически руководилъ его начальникъ штаба Адлеркрайцъ.

Что- же касается короля Густава-Адольфа, то онъ нисколько не намѣренъ быть влагать оружія въ ножны и столь- же непреклонно, какъ въ началѣ войны, расчитывалъ вести борьбу. Это подтверждается письмомъ отъ 9-го іюля, посланнымъ отъ него Императору Александру¹⁾. Приводимъ его здѣсь въ переводѣ.

„Шведскій король приглашаетъ Императора Всероссийскаго помыслить о поступкахъ Его въ отношеніи къ королю, старинному Его союзнику, царствующему надъ народомъ свободнымъ, вѣрность коего Императоръ хочетъ поколебать самымъ неслыханнымъ образомъ. Король объявляетъ, что онъ съумѣетъ до послѣдней крайности защищать права свои и вѣрныхъ своихъ подданныхъ. Онъ употребить всѣ средства, ввѣренные ему Провидѣніемъ, къ искорененію навсегда началъ, на коихъ Императоръ хочетъ упрочить силу Россіи. Прощаю своему врагу, Король возлагаетъ мщеніе на Всемогущаго. Богъ вручилъ ему защиту Швеціи, независимости королевства и подданныхъ его, управляемыхъ на основаніи правъ столь же священныхъ, сколь неоспоримыхъ, а потому, призвавъ въ помошь Всевышняго, Король заставитъ трепетать враговъ своихъ.“

Письмо это, по Высочайшему повелѣнію, безъ всякаго отвѣта послано было графу Буксгевдену, которому приказано, черезъ передовые посты возвратить письмо обратно по принадлежности. Такъ и было исполнено.

Король продолжалъ пребывать на Аландѣ. 1-го августа (20-го іюля) состоялось его повелѣніе о наименованіи войскъ графа Клингспора „Сѣверно-финской арміей“, а собранныхъ на Аландѣ — „Южно-финской арміей“. Послѣдняя была затѣмъ подѣлена на два отряда, первый подъ начальствомъ генералъ-маиора фонъ-Фегезака — изъ полковъ Упландскаго, Вестманландскаго, двухъ баталіоновъ Гельсингскаго полка и одной батареи; другой подъ начальствомъ генералъ-маиора Лантинсгаузена — изъ 3-хъ баталіоновъ гвардіи, 2-хъ эскадроновъ конныхъ лейбъ-гвардейцевъ, 3-хъ резервныхъ баталіоновъ и двухъ батарей. Общая численность „арміи“ не превышала 6.000 человѣкъ.

---

¹⁾ Приведено на стр. 207—08 книги Михайловскаго-Данилевскаго.

ГЛАВА IX.

Дѣйствія на морѣ въ кампанію 1808 года.

Значеніе морскихъ операций.—Морскія силы сторонъ.—Мѣры обезпеченія побережья.—Соображенія графа Буксгевдена.—Пререканія съ Чичаговыми.—Отправка изъ Кронштадта и Свѣаборга гребныхъ флотилий.—Соединеніе союзниковъ на морѣ.—Значеніе Готландской экспедиціи; ея выполнение; причины неуспѣха.

Развѣдочныя мѣры в.-адм. Сарычева.—Бой Невельского на «Опытѣ»; захват шведами Гангутской позиціи.—Бой галерныхъ эскадръ у Ганго, Рунсало, Хирвисало, Тавастешеръ и Сандо.

Выступленіе эскадры в.-адм. Ханыкова.—Ея задачи.—Исходъ дѣйствій корабельного флота.—Подвигъ «Всеволода».—Одѣнка.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію операций въ Финляндіи во вторую половину лѣта 1808 года, когда рѣшительный образъ дѣйствій графа Н. Каменского въ корне измѣнилъ положеніе нашихъ дѣлъ,—необходимо остановиться на ходѣ событій на морѣ. Такой порядокъ изложенія дастъ намъ возможность глубже и вѣрнѣе оцѣнить, какъ значеніе подвига названного военачальника, который по справедливости можетъ быть признанъ однимъ изъ замѣчательнейшихъ „птенцовъ гнѣзда—Суворова“, такъ и распоряженій главнокомандующаго графа Буксгевдена, мѣропріятія котораго на сухомъ пути, въ этотъ періодъ кампаніи, находились въ тѣсной зависимости отъ положенія дѣлъ на морѣ.

Во всѣхъ нашихъ предшествующихъ войнахъ со Швеціей значеніе морскихъ операций всегда бывало велико, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ мы обыкновенно воевали со шведами исключительно въ навигаціонный періодъ.

Кампанія 1808 года была первою попыткою воспользоваться слабою обороноспособностью Финляндіи зимою, попыткою, которая могла бы быть удачной, при назначеніи соответственныхъ средствъ и при надлежащемъ ихъ употребленіи. Тѣмъ не менѣе, даже успѣшный захватъ Финляндіи въ цѣляхъ превращенія ея затѣмъ въ базу для вторженія нашего на Скандинавскій полуостровъ,—не избавлялъ насъ отъ необходимости имѣть въ готовности солидныя морскія силы, такъ какъ послѣднюю операцию волей-неволей приходилось либо выполнять по вскрытию водъ, либо тратить время до зимы¹⁾.

¹⁾ Припомнимъ, что графъ Бексгевденъ, считалъ такое предпріятіе возможнымъ лишь при условіи полной готовности нашей на морѣ и требовалъ десантный корпус не менѣе 50-ти тысячъ, прочно занимающихъ всю Финляндію.

Скорѣйшее приведеніе въ готовность флотовъ, какъ галернаго, такъ и корабельнаго, было нужно еще и по другой причинѣ. Съ конца апрѣля въ Финляндіи „видъ дѣлъ перемѣнился“; наши войска вынуждены были перейти къ оборонѣ и даже пережить положеніе, близкое къ критическому. Приходилось слабыми силами (всего около 24 тысячъ боеспособныхъ) одновременно: *удерживать обширную территорію съ постепенно все болѣе и болѣе воспламеняющимся населеніемъ, сдерживать силы противника, ежеминутно грозящія наступленіемъ, наконецъ,—оборонять обширную полосу побережья*—отъ Вазы почти до Петербурга, преграждая доступъ возможнымъ десантамъ непріятеля. Въ половинѣ мая въ Швецію, какъ извѣстно, прибылъ англійскій 14-тысячный десантъ генерала Мура и, разумѣется, невозможно было еще предвидѣть, что этотъ десантъ покинетъ союзника своего, неоказавъ ему никакого содѣйствія. При умѣренной численности враждующихъ сторонъ, войска генерала Мура являлись весьма солиднымъ приращеніемъ (они почти равнялись тогдашнимъ силамъ Клингспорта); принимая же во вниманіе вѣроятное присоединеніе къ шведскому флоту англійской эскадры у насъ естественно серьезно подумывали о послѣдствіяхъ смѣлой экспедиціи непріятеля вглубь Финскаго залива и высадки имъ десанта гдѣ либо вблизи Петербурга. При неготовности нашего флота, еще мобилизующагося въ Кронштадтѣ, это было вполнѣ осуществимо.

Такая высадка была бы для нашихъ войскъ въ Финляндіи чрезвычайно опасной: она могла бы совершенно отрѣзать ихъ отъ сообщеній съ главною базою—Петербургомъ, откуда тянулись въ Финляндію обильные транспорты съ продовольственными и боевыми припасами, снаряжаемые съ огромными затрудненіями.

Лучшиe грунтовые штути, связывающіе Финляндію съ коренною Россіей, идутъ и теперь отъ Петербурга, вблизи морского побережья, проходя у Выборга чрезъ сравнительно узкое дефиле между Выборгскимъ заливомъ и озерами, входящими въ систему рѣки Вуоксы. Съ перехватомъ этихъ путей сильный непріятельскій десантный отрядъ, опираясь на господствующій въ Финскомъ заливѣ флотъ, могъ ставить наши войска въ Финляндіи въ положеніе, близкое къ безвыходному, такъ какъ никакихъ мѣръ по снабженію ихъ кружнымъ путемъ черезъ Ладожское озеро на Сердоболь принятъ не было. Такая коммуникація была вполнѣ возможной, но требовалось время, чтобы ее подготовить...

Графъ Буксгевденъ былъ сильно озабоченъ всѣми этими обстоятельствами и видѣлъ единственное спасеніе въ возможно скорѣйшей готовности нашего флота.

Предвидѣть необходимость заблаговременного изготошенія корабельныхъ и гребныхъ эскадръ было нетрудно. Опытъ предшествую-

шихъ войнъ со Швеціей въ этомъ отношеніи былъ богатый. Послѣдняя изъ нихъ была всего двадцать лѣтъ назадъ и большинство ея дѣятелей были въ живыхъ. И морской министръ Чичаговъ, и главно-командующій графъ Буксгевденъ—т. е. оба начальника, руководившихъ операциами 1808 года, принадлежали къ ихъ числу. Именно въ эту хорошо имъ знакомую войну 1788—1790 г.г. дѣйствія на морѣ получили особенное развитіе и значеніе. Вдобавокъ, союзницею Швеціи была Англія, первая морская держава міра, флотъ которой озаренъ былъ блескомъ славы Нельсона; дипломатическія сношенія съ ней были прерваны даже раньше, чѣмъ открылись враждебныя дѣйствія противъ Швеціи.

Пріобрѣтеніе господства на морѣ являлось во всѣхъ нашихъ войнахъ со Швеціей однимъ изъ важнѣйшихъ стремленій. Зимній походъ 1808 года былъ исключениемъ, но такъ какъ мы не использовали какъ должно его выгодъ, особенно въ виду союза Швеціи съ такой классической морской державой, какъ Англія, то успѣхъ предстоящихъ лѣтомъ 1808 года операций во многомъ зависѣлъ отъ состоянія и готовности морскихъ силъ сторонъ, а равно отъ умѣнья ими воспользоваться.

Къ началу 1808 года у насъ въ Балтійскомъ морѣ было 16 большихъ и 25 мелкихъ судовъ, съ 1.558 орудіями. Кромѣ того, имѣлся гребной флотъ (всего 168 судовъ), сосредоточенный, главнымъ образомъ, въ Петербургѣ, Роченсальмѣ и Вильманстрандѣ; съ паденiemъ же Свеаборга досталась въ наши руки и вся тамошняя шведская гребная флотилія (110 судовъ). Кромѣ того, шведамъ пришлось истребить гребныхъ суда въ Або и на озерахъ Финляндіи. Обстоятельства эти давали намъ довольно значительный перевѣсъ въ шхерномъ флотѣ; зато корабельный флотъ нашъ оказывался слабѣе.

Лучшія наши боевые суда съ наиболѣе опытными командинрами, офицерами и командами, входили въ составъ эскадры адмирала Сенявина, которая, непосредственно послѣ разрыва нашего съ Англіей, была врасплохъ застигнута въ одномъ изъ португальскихъ портовъ (при возвращеніи изъ Средиземного моря). Въ виду безвыходности своего положенія, она принуждена была сдаться на милость побѣдителя; суда ея отведены были въ Портсмутъ и здѣсь сданы на храненіе въ англійское адмиралтейство; офицеры же отпущены „на честное слово“ въ Россію. По окончаніи войны суда эти были намъ возвращены¹⁾.

Обстоятельство это отразилось весьма невыгодно на состояніи нашихъ морскихъ вооруженныхъ силъ. Если Суворовъ въ 1798 г. могъ (въ своихъ „Замѣткахъ“, диктованныхъ генералу Прево-де-

¹⁾ Текстъ заключенной Сенявиномъ по этому поводу «коинвенціи» напечатанъ у Ф. Мартенса въ его «Сборникѣ трактатовъ», т. XIII.

Люміану¹⁾ съ полнымъ основаниемъ считать, что „на морѣ она (т. е. Россія) гораздо сильнѣе и разрушитъ флотъ шведскій“, то въ 1808 году положеніе было иное. Однако, собственно шведскій корабельный флотъ былъ все же значительно меныше нашего: у нихъ насчитывалось только 11 линейныхъ кораблей и 5 фрегатовъ; но они получили солидное приращеніе въ лицѣ союзной англійской эскадры адмирала Сомареца, изъ 16-ти большихъ и 20-ти средняго размѣра судовъ. Требовалось большое искусство со стороны флотоводца, чтобы бороться съ превосходными силами, къ тому же искуснейшихъ въ мірѣ моряковъ, имѣвшихъ еще недавно во главѣ знаменитаго Нельсона. Но эскадра эта еще находилась въ далекихъ водахъ и такимъ образомъ къ моменту открытия навигаціи въ Балтійскомъ морѣ и до ея прибытия мы могли еще имѣть превосходство даже въ корабельномъ флотѣ. Что же касается до галерного флота, то достаточно было оборудовать Свеаборгскую флотилію и усилить ее подкрепленіемъ изъ Кронштадта, чтобы и въ этомъ отношеніи получился у насъ перевѣсъ.

Изъ изложенного видно, до какой степени важна была для насъ *быстрая* изготавленія нашихъ морскихъ силъ той и другой категоріи, такъ какъ всѣ шансы на успѣхъ зависѣли отъ того, чтобы успѣть *предупредить* сосредоточеніе силъ противника... Ясное дѣло, что наиболѣе важнымъ условіемъ достижениія этой быстроты было устраненіе начальственныхъ *треній* путемъ надлежащаго объединенія власти и правильнаго раздѣленія труда.

Эти важныя условія какъ разъ именно и не были соблюдены.

Оборона береговъ Финляндіи, какъ мы видѣли, съ открытиемъ навигаціи, нуждалась въ содѣйствіи корабельного и галерного флотовъ, безъ которыхъ немыслимы были и какія бы то ни было активные предпріятія. Между тѣмъ, главнокомандующему нашему въ Финляндіи была подчинена (и то какъ-то случайно) только имъ же захваченная Свеаборгская флотилія; вся остальная морская вооруженная сила осталась всецѣло въ рукахъ морского министра Чичагова, не только въ качествѣ организатора и поставщика нужныхъ морскихъ силъ и средствъ, но и высшаго руководителя ихъ операций. Мало этого, Чичагову подчинены были и всѣ сухопутныя силы, назначенные для обороны Прибалтійского побережья²⁾, кромѣ корпуса графа Буксгевдена, выполнявшаго главную активную задачу войны.

Надо сказать, что осенью 1807 и весною 1808 годовъ важнѣйшия пункты Балтійского побережья были укреплены; усилены фор-

¹⁾ См. Петрушевскій, т. II, прил. VIII.

²⁾ Высочайший указъ морскому министру отъ 20-го января 1808 года.

тификационныя сооруженія Выборга, Роченсальма и Фридрихсгама, и для обороны этихъ пунктовъ назначены особые гарнизоны общею числительностью отъ 6 до 7 тысячъ человѣкъ. Сверхъ того, возведены батареи въ Нарвѣ, Балтійскомъ портѣ, Пernовѣ, Ригѣ, Виндавѣ и Либавѣ. Двѣ пѣхотныя дивизіи (Лаврова и князя Долгорукова) расположены были въ Эстляндіи, Лифляндіи и Курляндіи; въ нынѣшней Выборгской губерніи образованъ былъ особый подвижной корпусъ Барклай-де-Толли, изъ трехъ баталіоновъ дѣйствующихъ въ Финляндіи войскъ и полковъ его 6-й дивизіи, съ добавкомъ нѣкоторыхъ другихъ. Когда Барклай-де-Толли съ полками 6-й дивизіи двинутъ былъ на усиленіе финляндскаго корпуса графа Буксгевдена, то подвижной корпусъ отданъ былъ подъ команду графу Витгенштейну, причемъ усиленъ частью 14-й дивизіи и лейбъ-гусарами. Главныя силы подвижного корпуса велѣно держать между Выборгомъ и Фридрихсгамомъ (предписаніе Чичагова Витгенштейну отъ 27-го мая) причемъ командиру корпуса подчинены всѣ гарнизоны, укрѣпленія и войска побережья отъ Абборфорса (устѣе Кюмени) до Бьеркѣ (южный берегъ Выборгскаго залива). Сверхъ всѣхъ этихъ мѣропріятій, на всякий случай озабочились обезпеченіемъ устья рѣки Невы, для чего возведены батареи въ Галерной гавани, Новой Деревнѣ, на островахъ: Крестовскомъ, Гутуевскомъ, Петровскомъ и Канонерскомъ. Кронштадтъ также усиленъ, а работы по вооруженію эскадры велись съ поспѣшностью, такъ что многія суда были готовы уже во времени вскрытия рейда. Чтобы затруднить противнику доступъ въ шхеры велѣно было снять все лоцманскія станціи, не исключая входовъ въ Аландскія шхеры; всѣхъ снятыхъ лоцмановъ отправили въ Кронштадтъ и размѣстили по неоднѣмъ судамъ на жительство.

Взятая въ Свеаборгѣ шведская гребная флотилія отдана была въ распоряженіе графа Буксгевдена. Такимъ образомъ, часть морской вооруженной силы отдана была въ вѣдѣніе сухопутнаго начальника, а морскому начальнику вѣбрена часть береговой обороны. *Должна же обединенія власти не было.* Въ рукахъ Чичагова оказался не только флотъ, но и сухопутныя войска; въ то же время графъ Буксгевденъ имѣлъ какой-то свой особый флотъ, слишкомъ слабый, чтобы предпринять что-либо серьезное; согласованія же дѣйствій, какъ всѣхъ морскихъ силъ между собою, такъ и дѣйствій ихъ съ операциами на суше—не удалось достигнуть. Независимо того, между начальствами тотчасъ же возникли пререканія. Такъ, Буксгевденъ настойчиво ходатайствовалъ о томъ, чтобы его флотилію усилили подкѣплѣніями изъ Кронштадта, желая, очевидно, дѣйствовать на морѣ самостоятельно и независимо отъ морскаго министра, а морской министръ, ревниво оберегая свой престижъ, старался доказать ненуж-

ность этого и убедить въ томъ, что для обороны береговъ Финляндіи отъ высадокъ достаточно соотвѣтственнымъ образомъ расположить сухопутныя войска.

Нельзя не воздать полной справедливости графу Буксгевдену въ томъ, что онъ (при несомнѣнномъ содѣйствіи своего начальника штаба П. К. Сухтелена) выказалъ большую предусмотрительность именно въ отношеніи обороны побережья и значенія морскихъ операций. Еще 18-го марта, т. е. когда еще не была заключена конвенція съ Свеаборгскимъ комендантомъ и на скорую сдачу въ этой крѣпости не было основаній расчитывать, главнокомандующій доносилъ Государю о необходимости скорѣйшей постройки и оборудованія гребныхъ судовъ, съ цѣлою образованія на первое время хотя бы одной шхерной флотиліи. Графъ Буксгевденъ справедливо полагалъ, что эти подготовительные работы должны быть возложены „на морской департаментъ, который по свойству сего дѣла, при пособіи со стороны войскъ мнѣ вѣренныхъ, болѣе можетъ успѣть, нежели одна часть сухопутная¹⁾. Предусмотрительность главнокомандующаго простерлась до того, что онъ, не ожидая распоряженій морского вѣдомства, поручилъ князю Багратіону заняться скучкою въ г. Або готовыхъ судовъ и сдѣлать подрядъ къ постройкѣ новыхъ. Кроме того, морскіе офицеры и чиновники (изъ числа состоящихъ при штабѣ отдѣльного Финляндскаго корпуса) посланы были въ объездъ по побережью съ тою же цѣлью. Командировка эта имѣла тотъ результатъ, что многія купеческія суда, пригодныя для обращенія въ военные, были приторгованы и найдены мастеровые для ихъ приспособленія. Главнокомандующій ходатайствовалъ, чтобы морское вѣдомство приспало въ Або компетентное въ кораблестроеніи должностное лицо, снабдя его нужными людьми, съ тѣмъ, чтобы начатыя въ указанномъ направленіи строительныя работы могли быть приведены къ окончанію. Для формированія экипажей этихъ судовъ главнокомандующій просилъ командировать офицеровъ и матросовъ, а для доставки орудій, пороха, снарядовъ и артилеристовъ снесся съ военнымъ министромъ. Одновременно графъ Буксгевденъ просилъ, чтобы „изъ Роченсальма или откуда признано будетъ удобнѣе“ отряженна была немедленно вооруженная эскадра, „которая, смотря по обстоятельствамъ, могла бы быть приближена къ сторонѣ Гангута“.

Гангуту графъ Буксгевденъ придавалъ огромное значеніе.

„Неоспоримо (писалъ онъ), что Гангутскій мысъ, составляющій съ прилежащими островами корабельную рейду, по положенію своему по идущему мимо фарватеру и по укрѣщеніямъ оной прикрываю-

¹⁾ Дѣло Департамента морскаго министра 1808 г. № 1079, стр. 2-я.

щимъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ военныхъ пунктовъ на берегахъ новопріобрѣтеннай Финляндіи... По глубинѣ морскихъ заливовъ, вдающихся съ обѣихъ сторонъ во внутрь твердой земли на дальнее разстояніе, по коимъ съ одной стороны фрегаты могутъ идти до Тенала, а по другой до Экенеса, и по возможности самымъ большимъ кораблямъ приближаться къ нему съ фронта на близкую дистанцію цѣлою линіею, Гангутъ подверженъ сильнымъ непріятельскимъ покушеніямъ"... Обезопасить себя отъ вреднаго вліянія Гангутской морской позиціи можно, по мнѣнію графа Буксгевдена, только имѣя сильныя гребныя эскадры впереди Гангута, въ Абовскихъ шхерахъ, у самаго Гангута и позади него, въ окрестностяхъ Свеаборга. Такое размѣщеніе шхерныхъ эскадръ не позволитъ противнику напасть на Гангутъ или покуситься на высадку прежде, нежели онъ не обратится противъ нихъ, такъ какъ всегда въ обоихъ случаяхъ будетъ угрожаемъ съ фланга и даже тыла. Другая причина, по которой главно-командующій считалъ необходимымъ имѣть около Або флотилію, это— для удержанія въ своей власти Аландскихъ острововъ, „въ которыхъ считается жителей обоего пола до 16.000 душъ, способныхъ же приняться за оружіе до 7.000“. „Безъ оной (т. е. флотилії) сухопутное войско, расположенное по симъ островамъ, если непріятель займетъ шхеры хоть нѣсколькоими военными судами, обезпечено быть не можетъ, тѣмъ паче, что и самые жители болѣе наклонны къ шведскому правленію“. Послѣднее, увы! оказалось пророчествомъ, сбывшемся весьма скоро: 26—28 апрѣля, какъ известно, Аландскіе жители возвстали и захватили въ плѣнъ почти весь отрядъ Вуича, занимавшій архипелагъ.

Послѣ сдачи Свеаборга и неудачъ на сѣверѣ Финляндіи, послѣ захвата у насъ Аланда и Готланда (см. ниже) графъ Буксгевденъ снова настойчиво ходатайствуетъ передъ Государемъ о необходимости какъ можно скорѣе подкрепить добытую имъ въ качествѣ военнаго трофея Свеаборгскую флотилію высылкою судовъ изъ Кронштадта¹⁾.

„Мѣстоположеніе береговъ и множество острововъ лѣсами покрытыхъ, ихъ окружающихъ (пишетъ главнокомандующій), скрываю отъ насъ всѣ движенія непріятеля, способствуютъ ему въ покушеніяхъ его и облегчаютъ способы дѣлать нападенія въ одно время на разные пункты, заставляя тѣмъ посты наши соединяться во едино и потому оставлять ему безъ обороны свободное пристанище для сильной высадки, которое занявъ, онъ всегда будетъ имѣть твердое мѣсто для препятственнаго доставленія высадженными войсками своимъ достаточнаго подкрепленія всякаго рода, равно какъ и продоволь-

¹⁾ Дѣло департамента морскаго министра 1808 года № 1079, стр. 84.

ствія... Хотя бы на берегахъ войско наше было многочисленно, то и тогда оборонять ихъ *безъ флота* не представляется возможности. Передовыхъ постовъ на островахъ содержать нельзя, не подвергая ихъ опасности быть взятыми гребною флотилею¹), во всю зиму въ Стокгольмскихъ шхерахъ и Карлсъ-Кронъ приготовленной, которая, кромѣ сего причиняемаго намъ вреда, имѣетъ способы занимать всѣ шхерные проходы и запирать ихъ для нашихъ воинскихъ судовъ, а сверхъ того даже овладѣть самыми нужными береговыми мѣстами, какъ напримѣръ, гангутскими укрепленіями, которыхъ, какъ и прочие берега, *при одномъ только достаточномъ флотѣ могутъ сдѣлать недостижемы*. О всѣхъ же позиціяхъ нашихъ непріятель можетъ имѣть вѣрнѣйшія свѣдѣнія черезъ рыбаковъ, коимъ судоходство совершенно воспретить никакъ нельзя, потому что рыбная ловля есть единый почти промыселъ для пропитанія ихъ, а возбранять имъ сообщеніе съ непріятелемъ можетъ съ нѣкоторою успѣшностью только достаточное количество судовъ по берегамъ крейсирующихъ”.

Приводя затѣмъ свои распоряженія по надлежащему устройству Свеаборгской флотиліи, графъ Буксгевденъ указывалъ, что силы ея совершенно недостаточны для того, „чтобы на обоихъ заливахъ противиться непріятельскому флоту и оспорить у него господство-ваніе на оныхъ, а особенно на Аландскихъ островахъ, коихъ близкое къ шведскимъ берегамъ расположение облегчаетъ движенія непріятелей и обеспечиваетъ снабженіе продовольствиемъ высадныхъ войскъ”.

Всѣ эти обстоятельства побуждали графа Буксгевдена просить Государя о подкѣрѣпленіи Свеаборгской флотиліи „фрегатами или другими военными судами, а особенно гребною флотилею, также и достаточнымъ числомъ сухопутныхъ войскъ для гребли на сіи суда, кои также необходимы могутъ быть для очищенія шхерныхъ береговъ и для содержанія непріятеля въ опасности взять его съ тылу во время покушенія онаго къ десантну”.

Донесеніе это писалось 12-го мая, уже послѣ того, какъ непріятельская морская силы проявили себя при отвоеваніи у насъ Готланда (см. ниже).

Такимъ образомъ, со стороны графа Буксгевдена проявлено глубокое пониманіе значенія флота для насъ при сложившейся обстановкѣ, особенно шхерныхъ флотилій; важности его скорѣйшаго изготавленія, чтобы предупредить противника, роли Гангута, значенія Аланда,—все это намѣчено и предугадано имъ въ общемъ совершенно вѣрно. Къ сожалѣнію такого пониманія не видно у морского министра

¹) Графъ Буксгевденъ могъ бы здѣсь сослаться на недавній примѣръ Аланда и Готланда, захватъ которыхъ шведами именно и произошелъ легко вслѣдствіе того, что засланные туда отряды не были надежно обеспечены средствами сообщенія съ сушею.

Чичагова, со стороны которого графъ Буксгевденъ на первыхъ же порахъ не только не встрѣтилъ поддержки, но даже противодѣйствіе своимъ начинаніямъ.

Изъ документовъ видно, что всѣ донесенія графа Буксгевдена по морской части, по Высочайшему повелѣнію препровождались Аракчеевымъ „министру морскихъ силь“ въ подлинникѣ, безъ какихъ-либо опредѣленныхъ Высочайшихъ указаний¹⁾.

Пока дѣло ограничивалось укомплектованіемъ судовъ личнымъ составомъ²⁾, приведеніемъ въ порядокъ захваченной Свеаборгской флотиліи, — все шло гладко; но какъ только графъ Буксгевденъ (въ вышеупомянутомъ всеподданійшемъ донесеніи отъ 12-го мая) сталъ просить о присылкѣ въ его распоряженіе еще и корабельного флота, — Чичаговъ рѣшительно этому воспротивился и вошелъ къ Государю Императору съ особою докладною запискою (отъ 19-го мая), въ которой доказывалъ, что въ этомъ нѣтъ никакой надобности для обороны береговъ Финляндіи. Записка эта (небольшая лишь часть которой напечатана Михайловскимъ-Данилевскимъ) обращаеть на себя особое вниманіе, такъ какъ она привела къ окончательному устраниенію связи въ дѣйствіяхъ между: сухопутными войсками и галернымъ флотомъ съ одной и корабельнымъ флотомъ съ другой стороны.

Ссылаясь на то, что вице-адмиралъ Сарычевъ (только что назначенный комендантомъ въ Свеаборгъ) надѣется черезъ недѣлю привести въ готовность половину Свеаборгской флотиліи, а также, что по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ изъ Стокгольма³⁾ число шведскихъ гребныхъ судовъ въ Стокгольмѣ и Карлскронѣ — незначительно (около 50), Чичаговъ приходилъ къ заключенію, что „для отраженія непріятельского нападенія, если-бы онъ покусился сдѣлать оное флотилію своею, кажется достаточно быть можетъ однихъ стоящихъ въ Свеаборгѣ судовъ“.

„Буде же (продолжаетъ морской министръ) корабельный флотъ непріятельской для сего употребленъ будетъ, по совершенному имъ знанію финландскихъ шхеръ, — тогда и увеличеное число флотиліи сдѣлалось бы равно недостаточно къ удержанію его дѣйствій“.

„Между тѣмъ, имѣя въ виду, что на случай прибытія къ Кронштадту англійского флота, онъ, расположась по близости онаго,

¹⁾ Препроводительные письма графа Аракчеева заканчивались обыкновено токою стереотипною фразою: „Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ препроводить оное отношеніе къ вашему высокопреосвѣдѣтельству, которое у него пріобщая, имѣю честь иззвѣстить васъ, что о семъ графъ Буксгевденъ мнози нынѣ же увѣдомленъ“.

²⁾ Любопытно, между прочимъ, что гребцами на суда гребного флота Аракчеевскому были посланы военные арестанты, по 56 человѣкъ на каждую лодку (см. Дѣло департамента морского министра 1808 г. № 1079, стр. 104).

³⁾ Отъ посланника Алопеуса.

можетъ пресѣчь сообщеніе между Кронштадтомъ и шхерами, я призналъ за нужное отправить благовременно въ шхеры нѣсколько военныхъ легкихъ судовъ, способныхъ ходить по онымъ и съ ними 2 плавучія батареи и 12 канонерскихъ лодокъ, которые въ случаѣ надобности, могутъ всегда укрываться подъ защитою Выборгскихъ уѣрѣній или другихъ оборонительныхъ мѣстъ нашихъ и быть во всегдашней готовности слѣдовать по первому повелѣнію туда, где служба ихъ потребуется».

Упоминая затѣмъ, что отрядъ легкихъ судовъ этихъ уже находится въ готовности, ожидая лишь Высочайшаго повелѣнія, Чичаговъ докладываетъ, что „отдѣлить сверхъ сего еще нѣсколько парусныхъ и гребного флота судовъ *безъ чувствительного ослабленія Кронштадтской обороны*,—онъ не считаетъ возможнымъ“.

„Впрочемъ (заключаетъ Чичаговъ) изъ донесеній морскихъ офицеровъ, кои нынѣ посыпаемы были для обозрѣнія берега Новой Финляндіи, извѣстно, что онъ во многихъ мѣстахъ весьма удобенъ къ высадкамъ, слѣдовательно ежели желать во всѣхъ пунктахъ оградить его, то судя по пространству сего берега потребовалась бы флотилія въ безчисленномъ множествѣ судовъ состоящая, но и за симъ средствомъ была бы гораздо разсѣянна и обезсилена. По каковому уваженію, кажется мнѣ, что ближайшее и самое вѣрное средство къ защищению своему должны мы избрать то самое, которое и для защиты вообще приморской границы государства принято; т. е. учредить по берегамъ надзоръ и въ разныхъ пунктахъ имѣть *потребное число сухопутныхъ войскъ* для уничтоженія непріятельскихъ покушеній, буде-бы ему удалось учинить высадку“.

Такимъ образомъ, взгляды Чичагова и главнокомандующаго нашего въ Финляндіи на значеніе морскихъ силъ и, въ частности, гребного флота при оборонѣ побережья, оказывались въ корнѣ различными. Характерно тутъ, что сухопутный генераль, пользуясь опытомъ, вынесеннымъ изъ предыдущей финляндской кампаниіи и близко зная особенности театра военныхъ дѣйствій, правильнѣе оцѣнивалъ роль обѣихъ категорій флота въ совмѣстныхъ съ сухопутными войсками операцияхъ при данной обстановкѣ. Вѣрно намѣчая значеніе Гангутской позиціи, онъ стремился опередить противника въ овладѣніи ею, съ тѣмъ, чтобы воспользоваться самому ея выгодами; стремился и къ тому, чтобы надежнѣе обезпечить удержаніе въ нашихъ рукахъ Аланда, но, къ сожалѣнію, послѣднее оказалось невыполнимымъ по причинамъ природнымъ. Отрядъ Вуича—какъ извѣстно, былъ безнаказанно захваченъ въоставшимъ населеніемъ еще тогда, когда никакая помощь съ материка не могла-бы туда прибыть, даже въ случаѣ полной своей готовности.

По мнѣнію адмирала Чичагова, какъ видно изъ вышеизложеннаго, оборону побережья надлежало основывать исключительно на сухопутныхъ войскахъ, такъ какъ для „прикрытия“ всего побережья понадобилось-бы „безчисленное множество“ гребныхъ судовъ. Упсакалось совершенно изъ вида главное въ сущности назначеніе шхерной флотилії,—развѣдочное. По существу суда должны были выполнять ту-же роль по отношенію къ отрядамъ, обороняющимъ побережье, какую конница выполняетъ впереди фронта войскъ на суше. Десантныхъ пунктовъ на финляндскомъ побережье, дѣйствительно, много,—за то фарватеры, ведущіе со стороны моря—немногочисленны и въ ихъ подхodѣ къ берегамъ безусловно невозможенъ. Занявъ узловые пункты этихъ водныхъ путей, шхерная флотилії, ведя бдительную разведку, могутъ предупреждать о движениіи десантныхъ отрядовъ, пытаться ихъ задерживать, а въ случаѣ успѣшнаго производства высадки,—какъ и конница—бить *на сообщенія*, т. е. обрушиваться на транспортныя суда.

При этомъ галерный флотъ, какъ гребной, могъ дѣйствовать только въ шхерахъ и, слѣдовательно, выполнялъ роль какъ-бы кавалерійской завѣсы впереди фронта войскъ, обороняющихъ юго-западное побережье Финляндіи. Что же касается корабельнаго флота, то онъ работалъ-бы на подобіе самостоятельныхъ „корволантовъ“, развивая свои операциіи въ шхерной площади, связывающей Финляндію со Швеціей, т. е. либо по южную ея сторону, въ Балтійскомъ морѣ и Финскомъ заливѣ, либо по сѣверную, въ Ботническомъ заливѣ. Русскому корабельному флоту необходимо было стремиться проникнуть въ Ботническій заливъ, т. е. въ тѣ воды, которыя для шведовъ являлись какъ-бы внутреннимъ озеромъ, по которому они,—какъ мы по Ладожскому—могли устанавливать прочную, непрерывную связь Финляндіи съ коренною Швеціей. Перервать эту связь, изолировать Финляндію отъ источниковъ ея силы и отъ влиянія шведской власти (надо помнить, какъ играли во все время этой войны на струнахъ мечтателей финляндцевъ о политической самостоятельности)—вотъ главная активная задача, которую *долженъ былъ-бы* ставить себѣ нашъ корабельный флотъ. Для этого, прежде всего, нужно было овладѣть господствомъ на морѣ, т. е. одержать верхъ надъ флотомъ противника; одновременно гребные эскадры должны были утвердиться въ шхерахъ, очистивъ ихъ отъ непріятельского галернаго флота, и уже тогда, опираясь на новопріобрѣтенные финляндскіе порты, флотъ нашъ могъ побѣдоносно вторгнуться въ Ботнику и стать на пересѣкающихъ ее водныхъ путяхъ изъ Швеціи въ Финляндію.

Графъ Бусгевденъставилъ, правда, флоту не столь широкія задачи, но, во всякомъ случаѣ, оцѣнивалъ его значеніе гораздо пра-

вильнѣе, чѣмъ Чичаговъ. Вотъ, напримѣръ, какіе доводы приводилъ онъ въ отвѣтъ своемъ морскому министру¹⁾ возражая на вышеприведенную всеподданнѣйшую докладную его записку отъ 19-го мая: „миѣ было всегда извѣстно—пишетъ онъ,—что берега Финляндіи, слишкомъ на 1.500 верстъ простирающіеся, неможно закрыть по-всюду флотомъ и, слѣдовательно, сія мысль при донесеніи моемъ Государю Императору не могла существовать въ моемъ соображеніи.

„Ваше высокопревосходительство изъ опытовъ извѣстны, что тѣ берега, которые закрыты множествомъ острововъ, которые имѣютъ столь много заливовъ и превосходныхъ пристаней, гдѣ бдительные береговые посты не въ состояніи избѣжать сюрпризовъ и предупредить повсюду непріятеля; тамъ весьма опасны и малые непріятельские отряды морской его силы, которые, ударяя въ разныхъ пунктахъ, развлекутъ вниманіе войскъ, раззорять приморскіе города и успѣютъ произвести десантъ тамъ, гдѣ его совсѣмъ не ожидаютъ. Чтобы избѣжать сего опаснаго положенія, нужно имѣть равносильный непріятелю гребной флотъ, дабы заставить непріятеля держать свои суда всегда въ соединеніи, бывъ въ опасности, что при покушеніи на берега, можно его въ то же самое время атаковать съ моря.

„Другая нужда во флотѣ состоится въ томъ, чтобы закрывать доставленіе транспортовъ для снабженія войскъ²⁾. Третья—препятствовать непріятелю сдѣлать диверсію съ тыла сухопутнымъ нашимъ войскамъ, дѣйствующимъ около береговъ, противу войскъ же сухопутныхъ непріятельскихъ. Четвертая—защитить острова, принадлежащіе къ Абовскому лену и присягнувшіе на вѣрное подданство Государю Императору, безъ чего жители оныхъ могутъ быть раззорены или возмущены, а сіе послѣднее будетъ имѣть вліяніе на жителей береговыхъ и внутренность Финляндіи. Я умалчиваю о другихъ причинахъ,увѣренъ будучи, что ваше высокопревосходительство, принявъ въ увѣреніе и всѣ сіи обстоятельства, согласитесь со мною въ нуждѣ флотиліи“.

При оцѣнкѣ положенія дѣлъ на морѣ нельзя упускать изъ вида, что обстоятельства, какъ видно изъ вышеприведеннаго, отчасти намъ благопріятствовали. Но до половины мая только, пока не прибыли англичане. Подготовительная работа въ нашихъ портахъ подвигалась между тѣмъ весьма медленно, главнымъ образомъ по причинѣ обычныхъ техническихъ у насъ недочетовъ, а затѣмъ—вслѣдствіе того, что въ сущности поздно и вяло принялись за эту подготовку. Насколько можно судить по сохранившейся перепискѣ, *первымъ* къ тому толчкомъ послужили вышеприведенные всеподданнѣйшія хода-

¹⁾ Отъ 27-го мая 1808 года № 149.

²⁾ Намѣчалось, слѣдовательно, тогда-же установление подвоза въ Финляндію изъ Петербурга водою, что и было впослѣдствіи организовано *Аракчеевымъ*.

тайства графа Буксгевдена, предвидѣвшаго необходимость готовить къ веснѣ флоты еще съ половины марта.... Между тѣмъ въ дѣйствительности первый отрядъ нашей гребной флотиліи тронулся только 21-го мая, и то это былъ отрядъ изъ *Свеаборга*, т. е. составленный изъ отобранныхъ у шведовъ судовъ, но укомплектованный частью моряками, частью пѣхотинцами¹⁾. Слабость этого головного (по существу) отряда зависѣла отъ недостатка въ личномъ составѣ и морской провизіи, которой не могли добыть въ нужномъ количествѣ на мѣстѣ: ее приходилось подвозить (водою) изъ *Петербурга*. Кромѣ того, задержка въ отправкѣ слѣдующаго эшелона канонерокъ произошла вслѣдствіе взрыва въ Свеаборгѣ порохового погреба, какъ разъ на другой день по отплытии первого отряда гребной флотиліи. Взрывомъ ранено 100 и убито 60 человѣкъ, испорчено нѣсколько судовъ и зданій отъ продолжавшаго болѣе 10 часовъ пожара. Причины несчастія такъ и остались невыясненными. Въ результатѣ, второй отрядъ гребной флотиліи могъ выступить изъ Свеаборга только 28-го мая²⁾.

Одновременно изъ Кронштадта вышли два небольшихъ отряда парусныхъ судовъ. Одинъ (капитанъ-лейтенантъ Тулубьевъ) изъ 2-хъ корветовъ, катера и лугера, долженъ былъ крейсировать между Кронштадтомъ и Гохландомъ. Задачею ему поставлено: съ одной стороны—развѣдывать противника, а съ другой—прикрывать нашу водную коммуникаціонную линію, которая устанавливалась вдоль сѣверного побережья Финскаго залива. Тулубьеву предписано атаковать только слабѣйшия силы, а отъ сильнѣйшихъ—укрываться въ порты, преимущественно въ Ревель, Балтійскій портъ или Нарву, защищенные батареями. Другой парусный отрядъ, графа Гейдена (2 фрегата, 2 корвета, и два катера) присланъ былъ въ Свеаборгъ, съ тѣмъ, чтобы дать въ руки мѣстнаго начальства органы дальней развѣдки. Отрядъ этотъ поступилъ подъ начальство вице-адмирала Сарычева, который по взятіи Свеаборга былъ назначенъ его комендантомъ и вмѣстѣ командиромъ Свеаборгскаго порта. Нельзя не отмѣтить, что въ данномъ случаѣ существовало двойственное подчиненіе этого лица: какъ коменданта крѣпости—онъ подчиненъ былъ главнокомандующему, а какъ командиръ порта—морскому министру.

Такимъ образомъ, только къ началу іюня, мы вывели въ море едва небольшую часть нашей гребной флотиліи и нѣсколько парус-

¹⁾ Онъ состоялъ изъ 15-ти канонерскихъ лодокъ, 1 бота, 1 водоналивочного и 2 провіантскихъ судовъ. Личный составъ: 1 штабъ-офицеръ, 2 оберъ-офицера и 202 матроса военнаго флота и Кременчугскій Мушкательскій полкъ, въ числѣ 741 человѣкъ нижнихъ чиновъ (М. Дан. стр. 136-я).

²⁾ Онъ состоялъ изъ 7-ми канонерокъ, 6-ти юзовъ, 1 водоналивочного и 1 провіантскаго судна. Моряковъ на немъ было 125 чел. и сухопутныхъ 463 человѣка, Псковскаго гарнизоннаго баталіона.

ныхъ судовъ. А къ этому времени опасное раздѣленное положеніе союзныхъ морскихъ силъ прекратилось: англійская эскадра при соединилась уже къ шведской.

Шведы значительно предупредили насъ въ отношеніи готовности на морѣ. Несмотря на то, что къ концу 1807 года ихъ корабельный флотъ находился по большей части въ плачевномъ состоянії¹⁾, они уже съ ноября этого года дѣятельно принялись за подготовительную работу. 5-го декабря и. ст. 1807 года король далъ предписаніе вице-адмиралу Іогану Пуке приступить съ возможною поспѣшностью къ приведенію военныхъ судовъ въ Карлскронѣ въ должный порядокъ, къ снабженію ихъ всѣмъ необходимымъ и пополненію личнымъ составомъ. Мобилизацией шведского флота, корабельного и галерного, дѣятельно продолжалась всю зиму не взирая на холода; уже къ концу февраля мѣсяца (нов. стиля) почти всѣ лучшія суда²⁾ были вооружены и готовы выйти въ море, какъ только оно вскроется ото льда. Къ началу марта укомплектованъ былъ личный составъ, а также погруженъ порохъ, провантъ и прѣсная вода. Такъ называемая „первая эскадра“, предназначенная въ Балтійское море, была въ полной готовности и ожидала только открытия навигаціи. Въ тоже время усиlena была англійская эскадра, находившаяся близъ западныхъ береговъ Швеціи. Эскадра эта, къ началу года, состояла всего изъ нѣсколькихъ фрегатовъ и бриговъ, и имѣла задачею прерывать сообщенія между Даніей и Норвегіей. 6-го января нов. стиля англійский министръ Торntonъ лично пріѣзжалъ въ Гетеборгъ для заключенія союзного трактата, послѣ чего, къ концу февраля въ проливахъ между скандинавскимъ полуостровомъ и Даніей число англійскихъ судовъ увеличилось до 11-ти большихъ кораблей и фрегатовъ, при соотвѣтственномъ числѣ малыхъ судовъ. Переговорами въ Гетеборгѣ было установлено, что англійскій флотъ долженъ имѣть первую своею задачею—совмѣстно со шведскимъ флотомъ—препятствовать ожидаемой высадкѣ французскихъ войскъ изъ Помераніи въ Шопію. Соотвѣтственно сему дана была 7-го марта нового стиля королемъ Густавомъ IV Адольфомъ инструкція начальнику своей 1-й эскадры, адмиралу Щедерстрему, уже готовому къ отплытію въ Карлскронѣ.

Съ половины марта мѣсяца суда первой шведской эскадры адмирала Щедерстрема крейсировали въ Балтійскомъ морѣ между Шоніей и Помераніей, оставляя, такимъ образомъ, *совершенно безъ вниманія* русское побережье Прибалтійскихъ губерній. Это обстоятельство облег-

¹⁾ «Sv. kriget året 1808—09» томъ IV стр. 79.

²⁾ А именно: 5 линейныхъ кораблей, 4 фрегата, 4 брига, 4 судна меньшей вместимости (Sv. kr. 1808—09, т. IV стр. 93).

чило намъ выполненіе экспедиціи на Готландъ, о которой, какъ тѣсно связанной съ условіемъ господства на морѣ, надлежитъ упомянуть теперь же.

Еще передъ началомъ войны, при обсужденіи основного ея плана, сдѣлано было предложеніе, впослѣдствіи оставленное, основная идея котораго заключалась въ слѣдующемъ: *отвлечая вниманіе шведовъ къ Финляндіи, главный ударъ направить изъ Лифляндіи черезъ Готландъ въ южную провинцію Швеціи—Шонію, откуда, совмѣстно съ французскимъ десантомъ изъ Даніи, наступать къ Стокгольму.*

Это смѣлое рѣшеніе исходило отъ нашихъ союзниковъ, французовъ, и, быть можетъ, принадлежало самому Наполеону, въ обычай котораго было всегда сразу бить въ самое чувствительное мѣсто своего врага; ¹⁾ но оно было, повидимому, отклонено Императоромъ Александромъ, вѣроятно потому, что удаляло насъ отъ главной нашей цѣли, изъ за которой предпринималась и вся война—отъ Финляндіи. Но извѣстное отраженіе этого плана нельзя не усматривать въ той, нѣсколько фантастической, экспедиціи, которая была предпринята изъ Риги на островъ Готландъ. Обширная переписка, сохранившаяся обѣ этой оригинальной экспедиціи въ архивѣ морского министерства, а также бумаги, оставшіяся послѣ генерала Брозина, бывшаго въ составѣ экспедиціи ²⁾ позволяютъ въ настоящее время составить обстоятельное представленіе о характерѣ этого предприятия.

Мы ограничимся здѣсь, однако, лишь нѣкоторыми свѣдѣніями необходимыми для оцѣнки, какъ приведеннаго выше плана, такъ и болѣе узкаго послѣдующаго рѣшенія—ограничившись утвержденіемъ на Готландъ. Цѣль послѣдняго намѣренія будетъ видна изъ дальнѣйшаго изложенія.

Экспедиція на Готландъ организована была совершенно независимо отъ нашего отдельнаго финляндскаго корпуса, и отрядъ, сформированный съ этою цѣлью, не былъ подчиненъ графу Буксгевдену, а, подобно всѣмъ силамъ, оборонявшимъ Балтійское побережье, *морскому министру адмиралу Чичагову*. Графу Буксгевдену о посыпкѣ десанта на Готландъ было сообщено только для свѣдѣнія и повелѣно лишь, въ случаѣ нужды, оказывать ему поддержку (?). Какимъ образомъ послѣдняя могла быть имъ оказана—при существующихъ условіяхъ разстояній и положенія самой цѣли экспедиціи (островъ)—рекомендовано ему не было, да, надо полагать, и сами петербургскіе составители плана не сумѣли бы отвѣтить на этотъ вопросъ. Во главѣ отряда, составленнаго изъ 2-хъ баталіоновъ Копорскаго и одного 20-го егерскаго

¹⁾ А таковымы у шведовъ, при постоянномъ политическомъ броженіи партій, была именно ихъ столица, центръ умственной, культурной и политической жизни страны.

²⁾ В.-Ист. арх. Гл. Упр. Ген. Штаба дѣло 1652 отд. 2.

половъ, въ числѣ всего 1,657 чел. съ 6-ю орудіями, поставленъ *морякъ*, контрѣ-адмиралъ *Бодиско*. Въ секретномъ ему Высочайшемъ реєскрипѣ, отъ 20-го марта 1808 года, цѣлью занятія Готланда поставлено—*лишишь Англію, какъ морскую державу, возможности превратить его въ базу для своего флота.* „Бывъ во власти непріятеля, тѣмъ паче морской державы, какова Англія, островъ сей доставить ей значущія выгоды и преимущества. Положеніе его на самой срединѣ Балтійскаго моря, близость его къ устьямъ Финскаго и Ботническаго заливовъ, способность его портовъ и пристаней подаютъ всю удобность соединить и содержать въ оныхъ нарочитое мореходное ополченіе къ стѣсненію плавающихъ на водахъ сихъ и къ приобрѣтенію совершеннаго на оныхъ господства... Независимо отъ сихъ выгодъ, островъ Готландъ, есть-ли вѣрить описаніямъ о немъ, изобилуетъ вообще всячими удобствами и даже богатствами, достаточными не токмо къ избыточному продовольствію войскъ, кои высажены на оный быть могутъ и къ оживленію упадшей его промышленности и торговли. И такъ возлагаемое на Васъ порученіе относительно сего острова можетъ обращать на себя вниманіе не токмо въ видѣ предпріятія военнаго, но и во многихъ другихъ отношеніяхъ“ ¹⁾.

Рескрипти предписывалъ адмиралу Бодиско, посадивъ свой отрядъ на зафрахтованныя въ Мемелѣ, Либавѣ и Виндавѣ купеческие корабли, совершивъ на Готландѣ въ подходящемъ мѣстѣ высадку и затѣмъ „обеспечить пребываніе свое на островѣ къ удержанію себя на ономъ, доколѣ обстоятельства того востребуютъ“. Для достижени¤ этой цѣли предлагалось занять на островѣ главные пункты, выяснить настроение жителей и ихъ точную числительность, стараясь обласкать ихъ, но въ тоже время принять „всевозможныя осторожности отъ всякаго коварнаго или нечаяннаго ихъ нападенія“. Мало того, Бодиско предписано было „стараться сдѣлать неприступными“ главнѣйшія пристани на островѣ, а также „употребить всѣ усилия“ къ отраженію англичанъ или шведовъ, если они попытаются занять островъ или воспользоваться его портами. Кромѣ того, напѣ адмиралъ долженъ быль „объявить себя губернаторомъ острова“ и заняться гражданскою дѣятельностью. При этомъ рекомендовалось, оставивъ дѣла въ прежнемъ ихъ положеніи, а должностныхъ лицъ на мѣстахъ, распределить такъ своихъ собственныхъ чиновниковъ, чтобы они могли имѣть надзоръ за мѣстными властями, причемъ всѣ доходы съ острова, не исключая и налоговъ, обращать въ нашу пользу.

Адмиралъ Бодиско, призванный передъ отплытиемъ въ Петербургъ, обратился за указаніями къ морскому министру Чичагову и предста-

¹⁾ Рескрипти эти полностью помѣщены въ вышеупомянутыхъ бумагахъ Броузина.

вилъ свои сомнѣнія, считая свое положеніе весьма затруднительнымъ „Я господину министру (пишетъ онъ въ своемъ „журналѣ“) представилъ слѣдующее: что, можетъ быть, мнѣ и удастся благополучно проплыть море; можетъ быть удастся удачно сдѣлать высадку, даже и занять островъ, но *тамъ какъ?* Послѣдовалъ отвѣтъ, что въ отношеніи высадки на островъ шведскихъ войскъ онъ „совершенно долженъ быть спокоенъ; что французскія войска на островѣ Зеландѣ находятся въ большомъ количествѣ, о чёмъ имѣется достовѣрное извѣстіе, что министръ полагаетъ высадку ихъ на шведскій берегъ уже учиненной и что *непріятелю будетъ не до Готланда*“.

10-го апрѣля нашъ отрядъ прибылъ къ Готланду. „Туманная погода и мрачное время вспомоществовали мнѣ сдѣлать такъ высадку (писалъ впослѣдствіи Бодиско), что мое прибытіе и самимъ береговымъ жителямъ было неизвѣстно“. „Употребивъ нѣкоторыя хитрости“, начальнику десанта нашего удалось обезоружить часть вооружившихся было жителей; что же касается до войскъ непріятеля, то ихъ на островѣ вовсе не было и къ оборонѣ его никакихъ мѣръ не было принято, но ежедневно ждали прибытія изъ Швеціи нѣсколькоихъ ротъ въ качествѣ кадровъ для образованія изъ мѣстныхъ обывателей особаго ополченія. Бодиско двинулъ свой отрядъ форсированнымъ маршемъ къ главному городу Висбю, отстоявшему отъ мѣста высадки въ 65 верстахъ. Двигаясь безостановочно, онъ, недоходя 20 верстъ до города, встрѣченъ былъ властями, изъявившими покорность. 11-го апрѣля, послѣ форсированного перехода, городъ Висбю былъ занятъ нашими войсками, и адмиралъ Бодиско, объявивъ себя губернаторомъ острова, приступилъ къ гражданскимъ мѣропріятіямъ, возложеннымъ на него Высочайшею волею.

Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ двухтысячный отрядъ засланъ былъ, *безъ всякой поддержки боевого флота*, на обширный островъ, расположенный гораздо ближе къ непріятельскимъ берегамъ, чѣмъ къ нашимъ и никакихъ мѣръ на случай неудачи, для обеспеченія его отхода назадъ,—не было принято. Весь расчетъ адмирала Чичагова на успѣхъ былъ построенъ на томъ, что французы (маршалъ Бернадоттъ) своею высадкою въ Шоніи прикуютъ настолько вниманіе непріятеля, что ему будетъ „не до Готланда“.

Первоначально, повидимому, такъ и было. Появленіе нашихъ войскъ на Аландѣ и затѣмъ на Готландѣ (причемъ количество ихъ слухами, какъ всегда, значительно преувеличивалось) всполошило все населеніе Швеціи. Обыватели Стокгольма укладывали уже свое имущество для отправленія во внутрь страны, а придворные экипажи стояли готовые для отѣзда королевскаго семейства. Такъ доносиль 5-го мая еще не успѣвшій покинуть Стокгольма нашъ посланикъ

Алопеусъ. Но опасенія эти не оправдались. Въ Финляндіи, послѣ Револакса, удача отъ насъ отвернулась, а высадка французовъ въ Шоніи какъ мы знаемъ, не состоялась. Такимъ образомъ къ концу апрѣля войска адмирала Бодиско оказались въ опасномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что *на выходѣ въ морѣ нашихъ морскихъ силъ нечего было и расчитывать въ ближайшемъ будущемъ.* Ободренные недавнею удачею на Аландѣ, гдѣ, какъ извѣстно, мѣстному населенію, при незначительной поддержкѣ извнѣ, удалось плѣнить почти весь отрядъ Вуича, и будучи спокойны уже за участіе Шоніи, шведы вознамѣрились поступить также и съ Готландомъ.

Тѣмъ временемъ контр-адмиралъ Бодиско, видимо, не сознавая своего крайне опаснаго положенія, спокойно занимался мирными дѣлами. Онъ собралъ мѣстный магистратъ, объявилъ себя отъ имени Императора Александра вступившимъ въ обладаніе островомъ и возложилъ на себя управление имъ. Въ точности слѣдя данной ему инструкціи, онъ предупредилъ населеніе, что по волѣ Государя ему предоставленится свободное отправленіе религії, неприкосновенность личности и собственности и управление на основаніи действующихъ шведскихъ законовъ. Должностнымъ лицамъ, продолжающимъ исполнять добросовѣстно свои обязанности, предоставлено было оставаться на своихъ мѣстахъ. Все это было изложено въ особомъ воззваніи адмирала къ населенію, прочитанномъ во всѣхъ церквяхъ съ амвоновъ.

„Увѣрился я (показывалъ впослѣдствіи Бодиско на судѣ), что онъ городъ, обнесенный только старою, развалившуюся каменною стѣною, никогда противу стрѣлья только выстроеною, которая отъ одного цущечнаго выстрѣла вовсе бы разрушилась, къ защищенню вовсе неудобенъ, почему и приказалъ свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части маиору Шефлеру для подробнаго извѣщенія сдѣлать обстоятельный наблюденія и, соображеніемъ съ военнымъ искусствомъ, меня извѣстить о главныхъ пунктахъ, которыхъ мѣстоположеніе къ защищенню было бы выгодно“. Другими словами, Бодиско, какъ морякъ, сомнѣваясь въ своихъ познаніяхъ въ дѣлѣ сухопутныхъ дѣйствій, поручилъ подлежащую развѣдку своему начальнику штаба. Но и послѣдній не нашелъ близъ Висбю сколько нибудь удобной для обороны позиціи. Тѣмъ не менѣе, Бодиско рѣшилъ здѣсь остаться, считая долгомъ своимъ, для успѣха управления островомъ, пребывать тамъ, гдѣ сосредоточена вся мѣстная администрація.

Всякія сношенія мѣстныхъ жителей съ материкомъ Швеціи были строжайше воспрещены; даже рыбаковъ, отправлявшихся въ море на рыбную ловлю, отпускали не иначе, какъ въ сопровожденіи вооружен-

ныхъ русскихъ солдатъ¹⁾). Кромѣ того, жителямъ приказано обезоружиться и сдавать ружья въ городской арсеналъ. Изъ свидѣтельскихъ показаній, сдѣланныхъ впослѣдствіи на военномъ судѣ командиромъ Копорскаго полка, видно, что ружья сдавались въ небольшомъ числѣ и только неисправныя²⁾)

Островъ Висбю имѣть 180 верстъ въ длину; на немъ 24 удобныхъ гавани и около 33.000 жителей. Ясное дѣло, что прочно занять его отрядомъ въ 1.600 человѣкъ не было никакой возможности. Какъ заявлялъ впослѣдствіи командиръ Копорскаго полка въ своемъ показаніи „протчимъ жителямъ острова возбранить сообщеніе съ другими мѣстами невозможно, ибо обширность острова не позволяла занять не только всѣхъ, но даже самыхъ нужныхъ мѣстъ по причинѣ малаго ополченія“. Посылая Чичагову донесеніе о своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ, вмѣстѣ съ ключами отъ города Висбю и 4 найденными тамъ знаменами, Бодиско убѣдительно просилъ о скорѣйшей присылкѣ ему подкрепленій. Тотчасъ же въ Ригѣ стали готовить новую экспедицію, вооружать 5 купеческихъ кораблей, на которыхъ подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Менделя³⁾ должно было быть отправлено на Готландъ двѣ роты пѣхоты, 2 сотни казаковъ, 12-пушечная полевая батарея, поль-роты пионеръ и 12 орудій 24-фунт. калибра, не считая сотни матросовъ. Но, какъ и въ первый разъ, суда эти должны были перевезти второй десантъ *безъ всякої обезпеченія* со стороны *боевого флота*. Экспедиція эта 8-го мая должна была сняться съ якоря, но полученная съ Готланда извѣстія сдѣлали всякую посылку туда, тѣмъ паче столь слабыхъ силъ, излишней.

О высадкѣ русскихъ на Готландъ было немедленно же донесено въ Швецію. Густавъ IV Адольфъ, по полученіи этого извѣстія приказалъ адмиралу Цедерстрѣму⁴⁾ съ 2.000 десантомъ⁵⁾, на 5-ти линейныхъ корабляхъ (съ малыми судами) отправиться съ цѣлью обратнаго завоеванія Готланда. Суда эти и войска выдѣлены были изъ числа тѣхъ, которыхъ предназначались на выручку Свеаборга, но задержаны были извѣстіемъ о сдачѣ крѣпости. Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣланы были подлежащія сношенія о присылкѣ хоть нѣсколькихъ англійскихъ судовъ, изъ числа находившихся въ датскихъ водахъ⁶⁾.

¹⁾ Т. IV. Шведской официальной исторіи войны, стр. 124 подлинника.

²⁾ Эти показанія имѣются въ бумагахъ генерала Брезина, бывшаго адъютанта Бодиско въ эту экспедицію, (д. В. Ист. Арх. Гл. Упр. Ген. Шт. № 1652 отд. 2).

³⁾ Т. е. опять *моряка*!

⁴⁾ Какъ только англійская эскадра въ датскихъ водахъ усилилась и опасность высадки въ Шоніи отпала, эскадра Цедерстрѣма была возвращена въ Карлскрону. Приказаніе ей идти на Готландъ послано тотчасъ же по получении извѣстія о высадкѣ Бодиско (См. Sv. kr. 1808—09, т. IV, стр. 116).

⁵⁾ У Михайловского-Данилевскаго сказано 5.000; объясненіе этой цифры видно изъ дальнѣйшаго изложенія.

⁶⁾ Чего англичане не исполнили.

Десантные войска посажены были на суда 26-го, 27-го и 28-го апреля, а 29-го при благоприятномъ съверо-восточномъ вѣтре эскадра тронулась въ путь. Еще раньше на Готландъ посланы были прокламаціи къ населенію, въ которой послѣднее приглашалось оказать десантну всяческое содѣйствіе.

Главную высадку рѣшено было произвести на восточномъ берегу острова, въ бухтѣ Сандвиценъ, весьма удобной и защищенной отъ вѣтровъ; главное же, русскій отрядъ лишился возможности успѣть очистить островъ и присоединиться къ своимъ. Въ то же время къ гавани Слитте, съ демонстративною цѣлью, направлено было 2 судна. Появленіе ихъ побудило Бодиско выслать роту Копорскаго полка съ двумя орудіями, дабы задержать здѣсь высадку, но уже на другой день Бодиско узналъ о томъ, что въ Сандвиценѣ—цѣлая эскадра и высадка въ значительныхъ силахъ уже произведена. Тогда Бодиско сталъ стягивать свой малочисленный отрядъ къ восточной окраинѣ города Висбю.

Посланый Бодиско на развѣдку лейтенантъ Вестингаузенъ былъ схваченъ жителями и отведенъ на эскадру. Въ ночь со 2-го на 3-е мая самъ Бодиско, повѣряя караулы, перехватилъ крестьянина съ „письмами“ къ жителямъ (это были прокламаціи Цедерстрема).

Извѣстіе о прибытии шведовъ произвело полную метаморфозу на островѣ. „3-е мая—день незабвенный и радостный для города и всѣхъ жителей острова, когда газета возвѣстила о прибытии шведскаго флота со шведскою вооруженною силою на выручку. Слезы радости и благодаренія текли изъ глазъ; рукопожатія обмѣнивались; благословляли имя короля за его заботу о беззащитныхъ и сердцемъ и душой вѣрныхъ подданныхъ“. Такія выраженія занесены въ протоколъ магистрата города Висбю отъ 24-го апрѣля.

Въ тотъ же день явился шведскій парламентеръ, маоръ Юленъ, извѣстившій Бодиско о прибытии шведского флота и десанта въ пять тысячъ (?) человѣкъ¹⁾ и предложившій сдаться на капитуляцію.

Бодиско отвергъ предложеніе и приказалъ готовиться къ бою. Но уже 3-го числа (пишетъ командиръ Копорскаго полка) „очень рано по утру имѣлъ я извѣстіе... что шведскія войска многими идутъ дорогами и что по той, которой мы въ городъ въ ступили идетъ не малый отрядъ, которой и незамедлилъ притти и стать у насъ въ тылу за городомъ у лѣсу“. (Это былъ авангардъ; остальные войска бивакировали въ 3-хъ миляхъ западнѣе мѣста высадки). Въ тоже время получено было извѣстіе о движениіи войскъ и со стороны Слитте, а находившіяся тамъ наши двѣ роты оказывались между двухъ огней.

¹⁾ Превосходство въ сплатахъ войскъ шведскихъ, какъ видно теперь изъ опубликованныхъ шведскими генеральными штабомъ данныхъ, было, въ сущности, небольшое; но все населеніе острова оказалось на сторонѣ непріятеля.

Положение становилось критическимъ. „Удержать острова за собою нельзя было, притомъ храбрость должна была быть побѣждена многолюдствомъ“. Бодиско созвалъ военный совѣтъ. Принявъ въ соображеніе слабость своихъ силъ, по сравненію съ непріятелемъ, скудость въ продовольствіи, котораго при мятежѣ жителей достать было неоткуда, невозможность полученія поддержанія, наконецъ, неполученіе никакого отвѣта на посланныя донесенія, совѣтъ рѣшилъ отправить офицера для переговоровъ.

„Секурсу ожидать невозможно (говорилъ на совѣтѣ Бодиско), ибо непріятель занялъ море и окружилъ островъ. Отъ предѣловъ Россіи мы далѣе, нежели отъ шведскаго столичнаго города. Если бы мы вступили въ сраженіе съ тѣмъ, чтобы пробиваться до судовъ нашихъ, которые, вѣроятно, не существовали, то, разстрѣлявъ патроны, пришлось бы сражаться холоднымъ оружіемъ съ жителями, кои всѣ собраны по большей части у кирокъ, вооруженными по приказанію пришедшаго адмирала. Суда наши были пустыя, на оныхъ провіанту не было; также на морѣ отпору дать нельзя было, ибо у насъ *корабли были купеческіе*... „Не трусость и животнолюбіе, измѣна или что нибудь сему подобное нами руководствовало (показываетъ командръ Копорскаго полка), но щитали единогласно полезнымъ зберечь знамена и людей и не вступать въ дѣло, коего слѣдствія могли быть безразсудны, тщетны и безъ всякой выгody“.

Посланному къ шведамъ переговорщику, адъютанту Бодиско, квартирмейстерской части подпоручику Брозину, дана была инструкція прежде всего осмотрѣть силы непріятельскія и до того ни въ какіе переговоры не вступать. Доставленная имъ свѣдѣнія только подтвердили безвыходность положенія и капитулациія заключена была на слѣдующихъ условіяхъ: шведамъ отдано было все оружіе и патронные ящики, а наши войска, сохранивъ знамена, отпущены были въ Россію, чemu шведы обязались не препятствовать.

Тотъ же Брозинъ посланъ былъ съ донесеніемъ Бодиско къ Государю. Выслушавъ его докладъ Императоръ Александръ сказалъ: „Tout ne peut pas réussir à la guerre. C'était un coup de main; du reste, l'honneur n'a pas été lézé“¹⁾.

Судьба Готландскаго отряда вызвала расприю между военнымъ и морскимъ министрами, которые, желая каждый оправдать себя въ случившемся, обвиняли другъ друга (М. Д. 104). Чичаговъ указывалъ на ненадежность, якобы, войскъ, только что пополненныхъ рекрутами; Аракчеевъ возражалъ, что, не имѣя морской силы, мы не могли воспрепятствовать высадкѣ шведовъ. Въ концѣ концовъ,

¹⁾ М. Д. стр. 103—«Все не можетъ удаваться на войнѣ. Это было нападеніемъ въ расплохъ; однако, честь нарушенa не была».

какъ пишетъ Михайловскій-Данилевскій, „Бодиско сдѣлался жертвою взаимной вражды министровъ“¹⁾. Онъ и офицеры его отряда преданы были суду, результатомъ которого было отставление Бодиско отъ службы, съ высылкой на всегдашнее житѣе въ Вологду и лишеніемъ орденовъ. Однако, дѣло этимъ не кончилось; Бодиско былъ помилованъ, возвращенъ на службу и обласканъ Государемъ.

Въ свою очередь, Густавъ IV Адольфъ былъ недоволенъ принятymi Цедерстремомъ условіями капитулациі, считая, что онъ имѣлъ полную возможность взять русскій отрядъ въ ильнѣ, подобно тому, какъ это произошло на Аландѣ.

Несомнѣнно, что самая посыпка отряда Бодиско на островъ Готландъ, по его малочисленности и по невозможности обеспечить его связь съ тыломъ, т. е. съ портами Лифляндіи и Курляндіи, носила въ себѣ напередъ зародышъ неуспѣха. Тѣмъ не менѣе, нельзя оправдывать и распоряженій самого начальника Готландскаго отряда.

Увлеченный своею ролью „губернатора“ острова и явно введенныи въ заблужденіе мнимою покорностью жителей, онъ, пренебрегая соображеніями военными, держалъ свои войска въ городскихъ центрахъ, почти исключительно на западномъ побережїи, вдали отъ пункта своей высадки и оставленныхъ тамъ судовъ, ничѣмъ не обеспечивши себѣ отходъ къ нимъ въ случаѣ неблагопріятнаго обогрота дѣлъ. Ходатайствуя о скорѣйшей присыпкѣ къ нему подкреплений, Бодиско заботился только о занятіи непремѣнно всѣхъ портовъ на островѣ (въ чемъ сказался морякъ). Стارаясь обезоружить жителей, онъ въ тоже время простеръ свое довѣріе къ нимъ до того, что на нихъ возложилъ обязанность зажечь маяки на берегу, какъ только замѣчено будетъ приближеніе какихъ либо судовъ. Ясное дѣло, что никто изъ нихъ и не думалъ предварять русскихъ о приходѣ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемой всѣми ими шведской выручки.

Безвыходное положеніе, въ которое попалъ Бодиско, до некоторой степени служить ему оправданіемъ, чѣмъ и объясняется милость къ нему Государя и полная его реабилиція. Въ силу особенностей положенія своего отряда, Бодиско лишенъ былъ, такъ сказать, физической, возможности прибѣгнуть къ тому послѣднему решенію, которое, по словамъ Г. А. Леера, является единственнымъ честнымъ выходомъ изъ всякаго тактическаго окружениія. Будучи на островѣ и не имѣя военныхъ судовъ, прикрывающихъ транспорты и пунктъ посадки, Бодиско не могъ пробиваться такъ, какъ это сдѣлалъ Булатовъ подъ Револаксомъ или въ новѣйшее время Лаймингъ подъ Тюренченомъ: безвыходность положенія снимаетъ, дѣйстви-

¹⁾ Переписка эта сохранилась въ Архивахъ Морского Министерства.

тельно, съ него всякий упрекъ, тѣмъ болѣе, что имъ были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы сдача осуществилась безъ „порухи чести“.

Такимъ образомъ, попытка захватить въ Балтийскомъ морѣ опорные пункты для будущихъ морскихъ операций и лишить противника пріобрѣтаемыхъ отъ того выгода, окончилась для насъ неудачею. Неудача эта была естественнымъ исходомъ, такъ оба эти наши предпріятія (захватъ Аланда и Готланда) нельзя иначе характеризовать, какъ примѣнная юридический терминъ: „покушеніе съ негодными средствами“. Дѣйствительно, не только посланы были, въ видѣ какъ-бы авангардовъ нашему флоту, слабыя сухопутныя силы, но силы эти, не имѣя опоры во флотѣ, были беспомощны, какъ въ смыслѣ активномъ, такъ и пассивномъ. Не имѣя даже гребныхъ судовъ, они лишены были всякихъ развѣдочныхъ средствъ и потому (по выражению фельдмаршала Румянцева) „уподоблялись слѣпому“ и не могли своевременно избѣгнуть окруженія превосходными силами.

Самый планъ, задуманный Наполеономъ, направить ударъ въ южную Швецію соединеннымъ франко-руссскимъ десантомъ, могъ быть цѣлесообразенъ только въ случаѣ превосходства на морѣ. Французы вообще были слабы на морѣ, и не могли бы удѣлить сюда морскихъ силъ, привлеченныхъ къ другимъ театрамъ (въ это время развивалась ихъ борьба съ англичанами въ Испаніи); у насъ полная неготовность на морѣ и медлительность морской мобилизации препятствовали осуществленію не только этой рискованной идеи, но даже и болѣе узкой затѣи, выразившейся въ захватѣ Аланда и Готланда. Имѣя флотъ еще въ Кронштадтѣ недовооруженнымъ, а гребныя флотиліи—въ началѣ своего формированія, мы не имѣли, въ сущности, права обрекать свои два малочисленныхъ отряда на неизбѣжную при данныхъ обстоятельствахъ судьбу: быть легкимъ призомъ для противника.

Обратный захватъ Готланда и Аланда давалъ противнику, при послѣдующихъ дѣйствіяхъ на морѣ и десантныхъ операцияхъ, существенные выгоды. Англійскій и шведскій флоты могли безпрепятственно соединяться и пользоваться Готландомъ, какъ опорой для операций противъ Прибалтійского нашего побережья, если-бы таковыя были предприняты въ цѣляхъ отвлеченія нашихъ силъ отъ Финляндіи. Аландъ давалъ шведамъ въ руки естественный плацдармъ для организаціи высадокъ, на которыхъ основывался весь планъ задуманного ими отвоеванія Финляндіи. Въ тоже время, владѣя Аландомъ, пользуясь имъ, какъ опорой для корабельного и гребного флота, шведы всегда могли предупреждать наши попытки проникнуть изъ Финскаго въ Ботническій заливъ. Намъ нужно было теперь одолѣть изъ на морѣ, не теряя времени, пока еще силы ихъ

представлялись раздѣленными; пока еще не прибыли англійскія подкрѣпленія. Но, по состоянію нашихъ морскихъ силъ, по ихъ неготовности, мы лишены были возможности это сдѣлать.

Всѣ отданныя въ распоряженіе главнокомандующаго графа Буксгевденомъ морскія средства были первоначально сосредоточены въ рукахъ вице-адмирала Сарычева, назначенаго комендантомъ взятаго нами Свеаборга.

Высочайшее соизволеніе на это назначеніе послѣдовало 25-го апрѣля, и въ тотъ же день морской министръ далъ Сарычеву предписаніе отправиться въ Свеаборгъ и явиться графу Буксгевдену. Вмѣстѣ съ тѣмъ на Сарычева возлагались нижеслѣдующія „главнѣйшия обязанности“: а) принять „въ главное начальство портъ и состоящую въ ономъ флотилію“, привести первую въ надлежащую исправность, а портъ—въ оборонительное состояніе, „стараясь защищать оный со всею дѣятельностью“ въ случаѣ покушенія непріятеля; б) обо всемъ найденномъ въ портѣ сообщить свѣдѣнія съ показаніемъ годнаго и негоднаго къ службѣ имущества, и в) въ командинаніи портомъ и флотилію „поступать по общимъ правиламъ согласно съ постановленіемъ, изданнымъ для нашихъ главныхъ портовъ“¹⁾. Такимъ образомъ, никакихъ опредѣленныхъ указаний объ установлении командныхъ отношеній къ главнокомандующему сдѣлано не было. Этотъ существенный вопросъ тщательно обходится и въ письмѣ Чичагова къ графу Буксгевдену отъ 2-го мая 1808 года за № 1070²⁾, въ которомъ лишь *сообщаются все распоряженія*, сдѣланныя морскимъ министромъ въ видахъ облегченія возложенной на новаго коменданта задачи³⁾.

Вице-адмиралъ Сарычевъ прибылъ въ Свеаборгъ въ ночь на 2-е мая 1808 г. На другой день, 3-го мая, уже онъ представилъ Чичагову свѣдѣнія о состояніи морского имущества въ крѣпости, а 9-го мая донесъ о томъ, что по распоряженію главнокомандующаго „предписано всѣмъ войскамъ, находящимся въ Свеаборгскихъ укрѣпленіяхъ, состоять подъ начальствомъ моимъ „по части гарнизонной“.

18-го мая графъ Буксгевденъ извѣстилъ Сарычева о полученныхъ имъ тревожныхъ извѣстіяхъ, рѣшительно убѣждающихъ его „о намѣреніяхъ непріятеля дѣйствовать противу береговъ нашихъ со всею

¹⁾ Дѣло Департамента морскаго министра № 1079, 1808 г., стр. 33-я.

²⁾ Тамъ же, стр. 65.

³⁾ Характерно, между прочимъ, что въ этомъ письмѣ Чичаговъ рекомендуетъ недостающее въ Свеаборгѣ число морскихъ чиновъ и служителей «дополнить найденными въ Свеаборгѣ людьми, какъ въ оной Финляндіи способными къ сему отыщутся, и на вѣрность колкъ по совершенномъ завладѣніи пами сего края положиться, думаю, можно». Не слѣдуетъ забывать, что это писалось еще 2-го мая, т. е. до начала повстанческихъ дѣйствій. Тѣмъ не менѣе лоцманы свѣаборгскіе, въ числѣ 14 человѣкъ, поступили въ нашу службу, а также изѣкоторые мастеровые. (Рапортъ Сарычева морскому министру отъ 9-го мая 1808 г. № 30).

силою“, причемъ непріятели „раздаютъ жителямъ оружіе и дѣятельно возмущаютъ ихъ противу насъ, въ чемъ, по наклонности сихъ острогитянъ къ шведскому правительству, весьма успѣваютъ“. Въ виду этого Буксгевденъ торопилъ съ отправлениемъ „первой части“ канонерскихъ лодокъ и давалъ наставление для дѣйствій этого авангарднаго эшелона. Ему надлежало, начиная отъ Гангута, повсюду снимать лодмановъ, знающихъ шхерные проходы, съ тѣмъ, чтобы „чрезъ сіе лишишь непріятеля возможности имѣть у себя сѣверныхъ проводниковъ“. На всѣхъ островахъ, особенно значительныхъ, высаживать команды для обезоруженія жителей; людей же, „имѣющихъ большую довѣренность и силу въ народѣ... братъ въ аманаты и, при случаѣ, отсылать въ Або“, внушая при этомъ жителямъ, что „если обитатели не будутъ спокойны и не перестанутъ вмѣшиваться въ военные дѣла, то дома ихъ будутъ сожжены и главные зачинщики растрѣляны и вѣшаны“. При этомъ надлежало усиленно распространять слухъ, что за первою эскадрою слѣдуетъ еще нѣсколько, а затѣмъ—сильный гребной флотъ изъ Петербурга. Первый эшелонъ гребной флотиліи долженъ былъ какъ можно быстрѣе пройти мимо Гангута въ Абоскія шхеры и занять Оминне, гдѣ сходятся фарватеры отъ Або и позѣ сѣверныхъ шхеръ¹⁾.

Все это совпало по времени съ приведенной нами выше полемикой между Чичаговымъ и графомъ Буксгевденомъ по вопросу объ усиленіи морскихъ средствъ въ распоряженіи главнокомандующаго. Дабы убѣдить Чичагова въ необходимости энергичнѣе принимать мѣры по приведенію въ боевую готовность нашего флота, хотя бы только гребного, графъ Буксгевденъ сообщалъ ему 27-го мая о полученныхъ имъ изъ нѣсколькихъ источниковъ вполнѣ согласованныхъ между собою свѣдѣніяхъ о томъ, что „на Аландѣ шведы имѣютъ уже болѣе ста однихъ канонерскихъ лодокъ, кроме множества перевозныхъ и рыболовныхъ довольно большихъ судовъ съ сухопутными войсками“²⁾). Оправдая мнѣніе Чичагова о возможности оборонять берега безъ достаточно сильной флотиліи, Буксгевденъ настойчиво просилъ поспѣшить съ подкрайнѣніями и требовалъ отъ Сарычева, чтобы онъ двигалъ все, что возможно изъ Свеаборга³⁾). Наряду съ этимъ изъ Кронштадта 26-го мая

¹⁾ Составъ этого 1-го эшелона приведенъ выше. Къ предписанію графа Буксгевдена была приложена карта, на которой были изображены краснымъ цвѣтомъ острова, уже захваченные непріятелемъ (собственно Аландскій архипелагъ), а бѣлыми,—шхеры и острова, прилагающіе къ материку и «составляющіе удѣлъ Россіи».

²⁾ Тамъ же, стр. 154.

³⁾ Изъ всенодданнѣшаго доклада морскаго министра Государю отъ 12-го іюня видно, что Сарычевъ, сверхъ первыхъ двухъ эшелоновъ, изготовилъ еще флотилію въ 25 канонерокъ и 51 яловъ, съ добавкомъ транспортныхъ и 4-хъ парусныхъ судовъ.

посланъ былъ отрядъ парусныхъ судовъ подъ начальствомъ графа Гейдена, который прибылъ въ Свеаборгъ 28-го мая. Въ составъ этого отряда входили 2 фрегата („Аргусъ“ и „Быстрый“), 2 корвета („Шарлотта“ и „Помона“) и 2 катера („Соколъ“ и „Опытъ“). 4-го июня вице-адмиралъ Сарычевъ, получивъ свѣдѣнія о томъ, что въ виду Гангута показывалась 27-го мая непріятельская *корабельная* эскадра, рѣшилъ произвести рекогносцировку и провѣрить эти свѣдѣнія. Для этой цѣли онъ назначилъ корветъ „Шарлотту“ и катеръ „Опытъ“, давъ начальнику развѣдоочнаго отряда предписаніе „отправиться для крейсированія отъ сего порта (т. е. Свеаборга) до Гангута, располагая плаваніе ваше по сей части Финскаго залива такъ, чтобы оба берега его были осматриваемы и для того одно изъ судовъ, въмѣстъ поручаемыхъ, должно держаться ближе къ южнымъ берегамъ, но такъ, чтобы оба судна были въ виду одинъ отъ другого и могли взаимно черезъ сигналы имѣть сношеніе и въ случаѣ надобности соединиться вскорѣ“¹⁾.

Цѣлью отправленія ставилось: „примѣтать за движениемъ непріятельского флота“, о которомъ изъ Гангута позвѣщали, что тамъ показывалась непріятельская эскадра изъ 9-ти судовъ.

Корветъ „Шарлотта“, усмотрѣвъ у Гангута значительное количество непріятельскихъ судовъ, уклонился отъ столкновенія съ ними и, какъ двигавшійся южнѣе (см. предписаніе), укрылся въ Балтійскомъ портѣ. Въ свою очередь, вице-адмиралъ Сарычевъ, беспокойсь обѣ участіи „Шарлотты“ и получивъ свѣдѣніе о появленіи сильной эскадры противника на меридіанѣ Свеаборгъ, послалъ катеръ „Опытъ“ (вернувшійся обратно какъ только утерялъ корветъ изъ вида) на поиски „Шарлотты“ для возвращенія ея назадъ въ портъ.

Катеръ „Опытъ“ былъ подъ командою капитанъ-лейтенанта Невельского, имѣлъ въ качествѣ артиллеріи всего на всѣго 14 двѣнадцатифунтовыхъ карронадъ; судно было деревянное и даже не скрѣпленное металлическими болтами, а деревянными нагелями.... Миновавъ Наргенъ, Невельской увидѣлъ большое трехмачтовое судно, которое сперва принялъ за „Шарлотту“; но скоро ошибка обнаружилась; это былъ 50-пушечный англійскій фрегатъ, который быстро нагналъ наше утлое суденышко и началъ осыпать его ядрами. Видя, что на парусахъ не уйти, Невельской попытался спастись на веслахъ; вмѣстѣ съ офицерами и всѣю командою (45 человѣкъ), принялись они всѣ дружно гребти, оглашая море кликами „ура!“. Замѣтивъ вблизи мель, Невельской направилъ свой катеръ на нее, думая разбиться на каменьяхъ, лишь бы только не сдаваться; но, на бѣду, ударили шквалъ,

¹⁾ Дѣло Департамента морск. мин. № 1079 1808 г., стр. 157.

весла частью переломало, катеръ отшвырнуло въ сторону; непріятель нагналъ. Команда бросила гресь и стала у пушекъ. „Флагъ долой!“, закричали по-русски съ англійского фрегата. Наши перекрестились и молчали. Тогда англичане открыли огонь изъ полевыхъ орудій, намѣренно щадя жизнь храбрецовъ. Но наши отвѣтили дружнымъ залпомъ своихъ пушченокъ, и ядра ихъ дерзко вошлились въ корпусъ непріятельского судна. Англичане остерьенѣли и начали обстрѣливать катеръ уже въ серъезъ, сокрушая на немъ всѣ мачты и таек-лажъ: но Невельской продолжалъ отчаянно сражаться и наносить противнику не малыя потери. Наконецъ, полуразбитый катеръ сталъ тонуть; трюмъ наполнялся водою, палуба была покрыта убитыми и ранеными, въ числѣ послѣднихъ истекалъ кровью самъ Невельской. Фрегатъ прекратилъ огонь и снова потребовалъ сдачи. „Сдаемся“, крикнулъ офицеръ, заступившій мѣсто лишившагося чувствъ Невельского. Однако, флага спустить не согласились. Вооруженная шлюпка отвалила отъ фрегата, въ ней находился докторъ, который началъ перевязывать раненыхъ. Англійскій офицеръ отказался принять шлагу Невельского, заявивъ, что честь эта принадлежитъ только командиру фрегата. Послѣдній же совершенно отказался лишить Невельского оружія. Когда вступившіе на палубу „Опыта“ англичане пожелали спустить кормовой флагъ, то это оказалось невозможнымъ, до такой степени крѣпко припрученъ онъ былъ веревками къ флагштоку.

При размѣнѣ плѣнныхъ Невельской со своею командою возврашенъ былъ въ Россію и уволенъ въ отпускъ для лечения болѣзни съ сохраненiemъ содержанія, а по излечениіи Высочайше повелѣно всегда назначать его командромъ судна; ему выдано 3.000 рублей награды изъ суммъ Его Величества, офицерамъ не въ зачетъ годовое жалованье, а командѣ сокращена служба, и люди назначены на придворные суда въ загородные дворцы.

Это было первое столкновеніе на морѣ, показавшее, что въ критическія минуты доблѣсть нашихъ моряковъ—выше всякой похвалы. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это же столкновеніе указало и на слабыя стороны нашихъ моряковъ: развѣдочная задача, намѣченная адмираломъ Сарычевымъ, такъ и не была выполнена, и точныхъ свѣдѣній о силахъ непріятельского флота въ районѣ Гангута такъ и не было добыто. Между тѣмъ, существенно важно было, для успѣха дальнѣйшихъ дѣйствій на морѣ, опредѣлить мѣсто сосредоточенія непріятельского корабельного флота, а также, успѣли ли англійскія суда прийти на соединеніе со шведскими, и въ какихъ именно силахъ.

Чтобы судить о взаимномъ положеніи сторонъ на морѣ къ этому времени, необходимо обратиться къ нашему противнику.

По полученіи въ Стокгольмѣ извѣстія о захватѣ русскими войсками Готланда, а затѣмъ,—о паденіи Свеаборга, въ Швеціи сплошь забезпокоились. Опасались, что занятіе нами Готланда есть признакъ намѣренія нашего, подкрѣпивъ этотъ головной отрядъ, учинить высадку непосредственно вблизи Стокгольма¹⁾). Поэтому, независимо отъ спѣшной посыпки судовъ для отобранія у насъ Готланда раньше, чѣмъ мы успѣемъ изготовиться и поддержать этотъ отрядъ, шведы поспѣшили отрядить особое развѣдочное судно крейсировать между Аландомъ и Готландомъ, наблюдая выходъ изъ Финскаго залива, а Густавъ IV Адольфъ послалъ адмирала фонъ - Раалина въ Шонію, чтобы условиться съ начальникомъ англійской эскадры относительно будущихъ операций противъ русскихъ морскихъ силъ.

Король желалъ направить часть англійскаго флота въ Финскій заливъ на Гангэ²⁾); но англичане уклонились отъ этого и тогда имъ былъ предложенъ такой планъ: весь шведскій флотъ сосредоточится и двинется на Гангэ, а англійскія суда должны замѣнить его крейсерскія эскадры, т. е. въ западной части Балтики, въ датскихъ водахъ, и въ южной части Балтійскаго моря, у побережья нашего Прибалтійскаго края. Первая эскадра, какъ уже мы знаемъ, имѣла цѣлью препятствовать высадкѣ датско - французскихъ войскъ въ Шонію, а вторая — наблюдать за нашимъ побережьемъ, на случай какой-либо новой съ этой стороны наступательной попытки. Когда, послѣ долгихъ переговоровъ, было, наконецъ, окончательно рѣшено, что активная роль въ Балтикѣ будетъ принадлежать шведскому флоту, а англійскому лишь вспомогательная, то шведскому адмиралу Цедерстрѣму было дано королемъ предписаніе³⁾ сосредоточить всѣ имѣющіяся въ Карлскронѣ суда, снабдить ихъ водою и провіантомъ и „какъ возможно скорѣе отплыть со всѣмъ корабельнымъ флотомъ къ Гангуту съ цѣлью помѣшать русскому шхерному флоту раньше пройти здѣсь, каковая цѣль является весьма важною для обезпеченія шведскихъ береговъ“.

Одновременно Король сообщилъ, что русскихъ судовъ въ Балтійскомъ морѣ имѣется не болѣе 10⁴⁾) и, что англійскій адмиралъ Сомарепъ обѣщалъ выслать часть своихъ линейныхъ кораблей къ Гангтѣудду, въ поддержку шведскому флоту, причемъ корабли эти *не подчиняются шведскому адмиралу, а образуютъ собою самостоятельную „легкую“ эскадру.*

Отсюда видно, что огромное значеніе Гангутской морской позиціи сознавалось обѣими сторонами и разыгрывалось какъ бы своего рода

¹⁾ Sv. kr. 1808—09, т. IV, стр. 143.

²⁾ Гангэ—весь полуостровъ; Гангтѣуддъ—его юго-западный мысъ.

³⁾ 23-го мая (11-го мая) 1808 г. (см. Sv. kr. 1808—09, т. VI, стр. 146—147).

⁴⁾ Въ действительности—и того не было.

состязаніе на скорость,—кто раньше ею завладѣеть. Шведамъ захватъ ея былъ очень важенъ, такъ какъ они этимъ способомъ прерывали всякую возможность обойти нашимъ флотамъ, и корабельному, и особенно галерному, проникнуть въ Абоскія воды и, слѣдовательно, далѣѣ въ Ботническій заливъ.

Но задача захвата этой позиціи съ цѣлью воспрепятствованія нашимъ шхернымъ эскадрамъ выйти изъ Финскаго залива возложена была на весь шведскій *корабельный* флотъ. Единственнымъ правильнымъ употребленіемъ послѣдняго должно быть искать *корабельный же флотъ непріятеля* и стремиться его *обезвредить*, либо разбивъ въ открытомъ бою, либо заблокировавъ. Ставить же себѣ задачей преградить движеніе вдоль берега *парубныхъ* флотиліямъ,—являлось совершенно неподходящимъ дѣломъ для цѣлой сильной эскадры *парусныхъ* судовъ, къ тому же не отвѣчало и конструктивнымъ ея особенностямъ: глубокосидящіе корабли не могли даже подойти туда, гдѣ мелкосидящія галеры свободно и безпрепятственно могли проскользнуть у нихъ, такъ сказать, подъ носомъ.

Тѣмъ не менѣе Цедерстрemu ничего не оставалось иного, какъ исполнить приказанное.

Къ началу 2-й половины мая англійскія суда стали показываться въ Балтійскомъ морѣ, и II-го, какъ разъ въ день отдачи вышеупомянутаго предписанія, шведскіе крейсера вошли въ соприкосновеніе съ „легкою эскадрою“ адмирала Гуда, посланнаго съ 3-мя линейными кораблями и 3-мя мелкими парусными судами для „содѣйствія“ шведскому флоту.

Такимъ образомъ, помощь, оказанная англичанамъ своему союзнику, въ результатаѣ сводилась къ весьма ничтожной поддержкѣ. Весь англійскій флотъ подъ начальствомъ адмирала Сомареца, всего 36 вымпеловъ, остался въ южной части Балтійскаго моря, гдѣ роль его ограничилась захватомъ нѣсколькихъ русскихъ купеческихъ судовъ, нагруженныхъ хлѣбомъ. Незадолго передъ тѣмъ произошелъ уже извѣстный читателямъ эпизодъ съ внезапнымъ отплытиемъ союзнаго дессанта генерала Мура, и въ результатаѣ шведы на морѣ оказались предоставленными почти исключительно собственнымъ силамъ.

Двусмысленное поведеніе англичанъ въ эту войну слишкомъ очевидно даже безъ документального на то подтвержденія.

Въ Стокгольмѣ, между тѣмъ, были весьма недовольны медленностью сборовъ Цедерстрema, и король все время побуждалъ его предписаніями. Въ концѣ концовъ, только 22-го мая, подъ вечеръ, эскадра Цедерстрema, изъ 7-ми линейныхъ кораблей, 3-хъ бриговъ и нѣсколькихъ развѣдочныхъ судовъ (приспособленныхъ изъ коммерческихъ), вышла въ море и направилась къ Гангуту, остальная суда

присоединились къ ней по одиночкѣ, по мѣрѣ готовности своей, такъ что полностью всѣ суда (11 линейныхъ кораблей, 2 фрегата и 8 меньшаго размѣра судовъ) собрались только къ 4-му юна. Цедерстремъ произвелъ отдѣльными судами рядъ рекогносцировокъ въ направленіи на Ганге, Ревель и Балтійскій портъ, которые выяснили шведамъ, что главныя силы русскаго корабельнаго флота еще не выходили изъ восточныхъ портовъ Финскаго залива, а гребные эшелоны вышедшихъ изъ Свеаборга уже успѣли благополучно проколъзнутъ мимо Ганиута¹⁾.

Что же касается до англійскихъ судовъ адмирала Гуда, то одно изъ нихъ наткнулось 4-го юна на нашъ „Опытъ“, результатомъ чего и былъ вышеописанный первый морской бой въ эту войну.

5-го юна Цедерстремъ получилъ отъ короля новыя приказанія, сущность которыхъ заключалась въ томъ, чтобы для прегражденія доступа русскому галерному флоту въ Абовскія шхеры завладѣть Гангейдскими укрепленіями посредствомъ бомбардированія, а если это „окажется невозможнымъ выполнить“, то попытаться задержать шхерныя суда непріятеля въ морѣ, по западную сторону Гангейдскаго полуострова, при содѣйствіи своего „армейскаго“ флота, который долженъ завязать съ непріятельскою флотилею фронтальный бой²⁾.

Посланныя Цедерстремомъ развѣдочные суда опрашивали мѣстныхъ лоцмановъ и рыбаковъ и отъ нихъ освѣдомились, что 31 непріятельскія канонерскія лодки съ значительнымъ количествомъ вооруженнаго экипажа уже прошли къ сѣверу. Такимъ образомъ, Цедерстремъ, собравшій къ этому времени всю свою эскадру, оказывается, не выполнилъ главной возложенной на него задачи. Почему же пришлось возлагать ее на корабельный, а не на галерный флотъ?

Начальнику „армейскаго“ флота адмиралу барону Лагербѣлке было еще въ концѣ 1807 года приказано войти съ предположеніемъ относительно расходовъ, необходимыхъ для приведенія въ готовность этой отрасли морскихъ вооруженныхъ силъ Швеціи, которой придавали столько значенія. Засимъ, въ январѣ 1808 года приказано было начать приводить „въ готовность къ оборонѣ шхерный флотъ и принадлежащія къ оному суда“, а затѣмъ сосредоточить воедино всѣ отдѣльныя шхерныя эскадры, дабы „въ совокупности съ болѣшимъ (т. е. корабельнымъ) флотомъ сдѣлать попытку высадки“³⁾.

Общее количество судовъ галерного флота въ Швеціи достигало 104 канонерокъ и 60 юловъ, изъ коихъ 44 канонерки и всѣ юлы

¹⁾ 28-го мая. См. журналъ Воен. дѣйствій Буксгевдена стр. 146.

²⁾ Sv. kriget 1808—1809, т. IV, стр. 155. Приказъ короля отъ 9-го юна нов. стиля.

³⁾ Sv. kr. 1808—1809, т. IV, стр. 157.

были въ Финляндіи, въ Свеаборгѣ, Або и Варкоусѣ. Въ послѣднихъ двухъ пунктахъ суда были передъ отступлениемъ сожжены, а Свеаборгскій комендантъ не выполнилъ даннаго ему такого же приказанія относительно Свеаборгской флотиліи, и она, какъ извѣстно, цѣликомъ досталась въ наши руки.

• Такимъ образомъ, сила армейскаго флота сократилась болѣе, чѣмъ на половину, хотя на всѣхъ верфяхъ, еще съ начала 1808 года строились и снаряжались новыя гребныя суда для усиленія галернаго флота, но только съ начала іюля мѣсяца начали они постепенно сходить съ эллинговъ и вооружаться. Заботами губернаторовъ (ландсгевдинговъ) собирались также суда реквизиціоннымъ способомъ, но такихъ набрано всего не болѣе 20¹⁾.

Затрудненія встрѣчались въ пріисканіи надлежащаго числа мастеровъ. Ихъ собирали чуть не со всей Швеціи. А затѣмъ—надо было набрать экипажи на вновь сооруженные канонерки. Все это въ общей сложности отражалось на готовности шхернаго флота, такъ что къ концу мая, когда первые эшелоны нашихъ шхерныхъ флотилій уже прошли къ Або, шведскій шхерный флотъ еще только сосредоточивался на Аландскихъ островахъ.

Отсюда видно, какое огромное значеніе имѣль захватъ намъ при сдачѣ Свеаборга въ полной неприосновенности всей тамошней шхерной флотиліи. Это обстоятельство, съ одной стороны—задержало, выходъ въ море осталыхъ силъ шведскаго гребнаго флота изъ портъ кореннай Швеціи, а съ другой—дало намъ возможность предупредить шведовъ и раньше перебросить въ Або первые эшелоны нашей шхерной эскадры, цѣликомъ сформированные изъ этой военной добычи.

Согласно представленной шведскому королю адмираломъ фон-Раояннимъ памятной записки (еще въ апрѣлѣ 1808 года) преградить доступъ въ Абовскія шхеры русскимъ гребнымъ судамъ должна была именно Свеаборгская флотилія, при содѣствіи большого флота.

Остальная часть шхернаго флота, собравшись въ Стокгольмѣ, должна была опираться на Аландскіе острова съ цѣлью занять здѣсь „оборонительную позицію“ для защиты доступовъ къ берегамъ Швеціи. Къ тому времени, когда пришлось шведскимъ морскимъ силамъ начать дѣйствовать, обстановка существенно измѣнилась не въ ихъ пользу, благодаря потерѣ Свеаборга; но все-таки можно было воспользоваться остаточными силами шхернаго флота, чтобы, пользуясь кратчайшими разстояніями и знаніемъ мѣстности, успѣть заградить нашимъ гребнымъ судамъ путь на Або, да еще нанести имъ ударъ по частямъ, благо они, какъ въ дѣйствительности оказалось,шли туда пакетами, по мѣрѣ изготошенія.

¹⁾ Sr. Kr. IV стр. 162.

Но „духъ обороны“, видимо, возобладалъ надъ нашимъ противникомъ. Сосредоточившійся въ водахъ Аландскаго архипелага во 2-й половинѣ мая главныя силы Стокгольмской эскадры гребного шведскаго флота получили такую инструкцію, по которой имъ надлежало „занять позицію“ въ Аландскихъ шхерахъ, выдѣливъ авангарды на Кумлинге съ цѣлью „воспрепятствовать превосходному въ силахъ непріятельскому шхерному флоту“ проникнуть къ берегамъ Швеціи. Такимъ образомъ, цѣль гребному флоту поставлена была *совершенно пассивная*, не обращая при этомъ вниманія на полное разногласіе этой задачи съ тою, которая (см. выше) почти одновременно ставилась корабельному флоту. Послѣдній, двинувшись къ Гангуту, оказался, такимъ образомъ, лишенъ поддержки своего шхернаго флота. Вскорѣ, однако, шведское морское начальство поняло свою ошибку и отдано было шхерной флотиліи новое приказаніе (5-го іюня, см. выше):—присоединиться къ своему корабельному флоту и обратиться противъ непріятельскихъ гребныхъ судовъ. Но—оказалось уже поздно. Тогда часть шведскихъ гребныхъ судовъ, при поддержкѣ нѣсколькоихъ парусныхъ, произвели 31-го мая отдѣльный поискъ на Нюштадтѣ, цѣлью котораго было отвлечь вниманіе нашихъ сухопутныхъ войскъ, обороняющихъ побережье, на сѣверѣ, въ цѣляхъ облегченія подготовляемой уже въ то время на Аландѣ высадки фонъ-Фегезака. Независимо сего, содѣйствіе этой высадкѣ со стороны корабельнаго флота и главныхъ силъ шхерной флотиліи должно было выразиться въ направленіи Юнгферзунда и Гангеудда съ тѣмъ, чтобы обеспечить правый флангъ десантнаго отряда, на случай появленія новыхъ русскихъ морскихъ силъ изъ Финскаго залива. Опасеніе это было напрасно, такъ какъ въ это время ничего на морѣ мы еще не могли выставить, кроме бывшей Свеаборгской эскадры, которая *уже была* въ Або.

Десантная операциѣ фонъ-Фегезака у Лемо, какъ известно, окончилась неудачно. Между прочимъ, при своемъ отступлениѣ, фонъ-Фегезакъ получилъ извѣстіе, что новая непріятельская флотилія прослѣдовала черезъ Юнгферзундъ (это былъ уже второй эшелонъ Свеаборгской эскадры). Извѣстіе это, доведенное до свѣдѣнія Густава-Адольфа IV (который уже прибылъ лично къ тому времени на Аландѣ) побудило его приказать начальнику шхернаго флота адмиралу Гѣльмшернѣ произвести поискъ въ Абовскихъ шхерахъ въ направленіи на Або, съ цѣлью перехватить эту часть русской флотиліи и попытаться разбить ее отдѣльно. Тѣмъ временемъ Гѣльмшерна уже узналъ о неудачномъ исходѣ предпріятія фонъ-Фегезака, а также о томъ, что обѣ наши шхерные эскадры соединились и выдвинулись передъ Або. Поэтому Гѣльмшерна, считая свои силы слабыми, а также подъ

віяніемъ недавней неудачи десанта у Лемо и въ виду не прекращавшагося противнаго вѣтра, уклонялся отъ столкновенія; тѣмъ болѣе онъ 12-го іюля получилъ извѣстіе о томъ, что новая русская эскадра прошла Юнгферзундъ. Но на другой же день пришло отъ короля новое, еще болѣе категорическое приказаніе, въ которомъ выражалась увѣренность, что адмиралъ уже выступилъ „для уничтоженія своего противника“. Выдѣливъ тогда часть своихъ силъ къ Юнгферзунду, чтобы задержать въ этомъ узкомъ дефилѣ русскія подкрѣпленія, если бы таковыя появились снова изъ Финскаго залива, Гѣльмшерна двинулся самъ въ направленіи къ Або, выславъ впередъ развѣдочныя суда ¹⁾). Какъ разъ въ это самое время графъ Буксгевденъ рѣшилъ по дошедшемъ до него о передвиженіяхъ шведскаго флота свѣдѣніямъ что непріятель прежде всего намѣренъ перервать связь между Або и Гангеуддомъ, гдѣ-либо въ окрестностяхъ острова Кимито, съ тѣмъ чтобы въ дальнѣйшемъ пытаться овладѣть именно Гангеуддомъ. Мы уже знаемъ изъ предыдущаго, какое важное значеніе придавалъ этому пункту Буксгевденъ. Онъ счѣль наступленіе Гѣльмшерны предпринятымъ съ цѣлью помышлать русской Абовской флотилии поддержать Гангеуддъ. Съ захватомъ послѣдняго шведы, по мысли Буксгевдена, получали опору для производства новой высадки, но уже гдѣ-либо восточнѣе, положимъ, на полуостровѣ Поркалаудѣ, для угрозы съ тыла самому Гельсингфорсу ²⁾.

Эти то опасенія и привели къ раздѣленію силъ нашей гребной флотиліи; часть ея послана была къ Юнгферзунду; часть поддерживала береговые гости; часть ушла на развѣдки... Въ результатѣ въ рукахъ Мякинина (лейтенанта, временно заступившаго мѣсто начальника гребной флотиліи капитана 1 ранга Селиванова) оставалось всего 12 канонерокъ и 2 іюла. Шведская гребная эскадра, подъ начальствомъ адмирала Гѣльмшерна, въ превосходныхъ силахъ, появилась около полудня 18-го іюня въ виду нашей (близъ о. Ганго южнѣе Або) и, двигаясь въ косвенномъ порядкѣ, открыла огонь; но отвѣтная стрѣльба нашей артилериіи была настолько успѣшна, что шведы пришли въ разстройство и отошли. Однако, нападеніе было повторено, причемъ противникъ, получившій подкрѣпленіе, пытался прорвать нашу линію, но безуспѣшно. „Тщетно шведскій адмиралъ (какъ доносилъ впослѣдствіи графъ Буксгевденъ) понуждалъ лодки къ порядку, тщетно многія изъ нихъ подходили на самое близкое разстояніе; общее смятеніе, крикъ, множество обломковъ, снастей, покрывавшихъ море, были яснымъ знакомъ ихъ большой потери“. Къ вящему неблагополучію шведовъ, задулъ противный для нихъ вѣтеръ, и къ намъ

¹⁾ Sv. Kr. 1808—09, IV стр. 27.

²⁾ См. Журналъ военныхъ дѣйствий графа Буксгевдена отъ 13 и 16-го іюня 1808 г.

подоспѣли вернувшіяся изъ крейсерства 2 канонерки и 1 іолъ. У непріятеля было разбито 4 судна, изъ коихъ одна канонерка приткнулась на мель у острова Ганго, гдѣ и была брошена, утопивъ свои орудія. Съ подходомъ къ вечеру подкрѣпленія изъ 15-ти судовъ, шведы, пользуясь наступленіемъ сумерокъ, отошли къ востоку, прикрываясь островомъ Крампе. Капитанъ 1 ранга Селивановъ, по возвращеніи своемъ, отдалъ приказаніе флотиліи отходить ближе къ Або, такъ какъ вышеупомянутое движение шведовъ грозило отрѣзать наши суда отъ материка. Отходъ этотъ былъ мастерски исполненъ подъ покровомъ ночи, такъ что на утро шведы съ удивленіемъ замѣтили исчезновеніе противника. Вмѣстѣ съ тѣмъ послано приказаніе всѣмъ откомандированнымъ судамъ возвращаться къ Або.

Новая позиція для гребной флотиліи избрана была всего въ 8-ми верстахъ передъ Або, между островами Рунсало и Хирвисало. 20-го іюня гребной шведскій флотъ, въ количествѣ не менѣе 58 судовъ разнаго типа, подошелъ на 3 версты къ нашей флотиліи, но остановился и не предпринималъ никакихъ дѣйствій до вечера 22-го числа. Въ этотъ же день, въ 6 часовъ пополудни, сперва къ нашему авангарду приблизились шесть канонерокъ и завязали перестрѣлку, подъ прикрытиемъ которой двинулась длинная линія судовъ; на лѣвомъ крылѣ ея находились, сзади канонерокъ, баржи съ десантомъ. Повидимому, непріятель имѣлъ намѣреніе произвести высадку на островѣ Рунсало и, дѣйствуя оттуда во флангъ и тылъ нашей флотиліи, заставить ее прекратить бой. Находившійся здѣсь дежурный генералъ финляндскаго корпуса, генералъ-маіоръ Коновницынъ, разгадалъ это намѣреніе и послѣшилъ занять выдающейся мысъ на этомъ островѣ стрѣлками. Такимъ образомъ, этотъ маневръ шведовъ былъ парализованъ.

Флотилія наша, въ числѣ 26 судовъ, построилась въ одну линію въ проливѣ между Рунсало и Хирвисало, выдѣливъ 3 канонерки уступомъ впередъ для прикрытия своего лѣваго фланга, противъ котораго шведы напрягали особыя усиія. Однако, мы удерживали ихъ все время безустаннымъ огнемъ съ самаго близкаго разстоянія. На тотъ же флангъ произведена была противникомъ атака 12-ю канонерками, а транспортныя суда двинулись къ острову Рунсало; но правый нашъ флангъ тотчасъ же подался впередъ, а стрѣлки, бывшия на островѣ, открыли частый огонь и попытка десанта была отбита. Тогда шведы усилили огонь противъ обоихъ нашихъ фланговъ, заставили ихъ нѣсколько отступить, послѣ чего обрушились на центръ. Но передовая шведская галера была встрѣчена, по распоряженію Коновницына, 5-ю нашими канонерками, подбита и выведена на буксирѣ изъ подъ выстрѣловъ; та же участъ постигла и слѣдую-

щія за нею въ кильватерѣ суда. Наступила ночь, но шведы и не думали прекращать своихъ атакъ и продолжали учащенно обстрѣливать нашу флотилію. Наконецъ, они тронулись впередъ всѣмъ фронтомъ. Въ отвѣтъ всѣ наши гребныя суда разомъ налегли на весла и съ громкимъ „ура!“ ринулись на встрѣчу шведамъ, осыпая ихъ картечью. Этаоть отвѣтный натискъ рѣшилъ дѣло. Противникъ, не ожидавшій столь смѣлаго контрѣ-удара, смѣшался, суда его пришли въ разстройство и стали по-одиночкѣ искать себѣ укрѣтія за островами. Послѣ преслѣдованія на протяженіи не болѣе версты, наши суда возвратились на свое прежнее мѣсто.

Этотъ молодецкій бой гребной эскадры у Хирвисало стоилъ намъ весьма небольшихъ потерь (10 убитыхъ и 15 раненыхъ); повреждено 9 канонерокъ и 2 юла, причемъ, согласно донесенію Коновницына, ни одно изъ этихъ судовъ не выходило изъ строя, производя исправленіе подъ огнемъ и затѣмъ снова вступая въ бой... У шведовъ всего повреждено до 20 судовъ.

Такимъ образомъ, покушеніе противника противъ нашего гребного флота окончилось на первый разъ неудачею. Это имѣло для насъ существенно важное значение, такъ какъ затрудняло противнику производство столь желательныхъ ему высадокъ, а у нашихъ моряковъ пріобрѣрило духъ, ибо противникъ, столь кичившійся своимъ превосходствомъ на морѣ и въ особенности своей Шхерной флотиліей, оказался и въ этомъ родѣ боя не непобѣдимымъ. Бой мелкихъ судовъ въ связи съ берегомъ — это именно тотъ морской бой, который со временемъ Великаго Петра сродни нашему флоту; тѣсная связь гребного флота съ берегомъ, съ сухопутными войсками, въ Хирвисальскомъ бою выразилась особенно рельефно, не только въ содѣйствіи стрѣлковъ на Рунсало, сыгравшемъ столь существенную роль, но и въ общемъ управлѣніи боемъ, которое, оказавшись въ рукахъ сухопутнаго генерала, отъ этого не потерпѣло ни малѣйшаго ущерба.

Въ шведскихъ источникахъ эти неудачные активныя попытки Гельмшерны приписываются преувеличеному представлению шведскаго адмирала о силахъ своего противника, что помѣшало-де ему нанести русской флотиліи болѣе рѣшительный ударъ¹⁾). Въ концѣ концовъ Гельмшерна остался только наблюдать за выходами отъ Або, съ цѣлью встрѣтить нашу флотилію новымъ боемъ, если она повторитъ активную попытку.

Извѣстіе о томъ, что русскій гребной флотъ, хотя и отбилъ направленные на него удары, но вынужденъ былъ снова вернуться въ Або, побудило короля Густава-Адольфа IV отправиться лично на

¹⁾ Sveriges kriget 1808—09, т. IV, стр. 293.

театръ шхерныхъ операцій. Онъ назначилъ герцога Карла Зюдерманн-ландскаго (впослѣдствіи король Карлъ XIII) главнокомандующимъ всѣхъ войскъ и крѣпостей Швеціи, а самъ на яхтѣ „Амадисъ“, отдавъ распоряженія объ усиленіи войскъ на Аландѣ, 22-го іюня прибылъ къ гребной эскадрѣ Гельмшерны, намѣреваясь лично руководить дѣйствіями шхернаго флота.

Въ концѣ іюня 1808 г. изъ Свеаборга въ Або тянулись 3-й и 4-й отряды нашей гребной флотиліи, въ составѣ которыхъ вошли частью суда, захваченные у шведовъ при капитуляції Свеаборга, частью присланные, на конецъ, изъ Петербурга и Роченсальма. 30-го іюня выступилъ изъ Свеаборга еще 5-й отрядъ; всѣ эти флотиліи двинулись тѣмъ же путемъ, что и первые два отдѣленія, т. е. мимо Гангута и черезъ Юнгферзундъ. Путь этотъ—кратчайший и, сверхъ того, избавляетъ гребныхъ суда отъ движенія въ открытомъ морѣ. Какъ сказано выше, первые два отряда нашего галернаго флота благополучно проскочили въ Або, такъ какъ шведы упустили препятствовать имъ путь въ Юнгферзундъ. Узнавъ о томъ, что нами снаряжаются новые флотиліи, шведскій король приказалъ выдѣлить къ Юнгферзунду 25 гребныхъ судовъ и 2 фрегата изъ эскадры Цедерстрѣма. Сверхъ того, шведы высадили стрѣлковъ на острова по обѣ стороны пролива. 3-й нашъ гребной отрядъ, находившійся подъ начальствомъ капитана 1-го ранга графа Гейдена и шедшій въ головномъ эшелонѣ, вынужденъ былъ поэтому пріостановиться. Не имѣя достаточно силъ, чтобы форсировать Юнгферзундъ и сбить преградившаго этотъ тѣсный проходъ непріятеля, графъ Гейденъ рѣшился попытаться пройти такъ называемымъ „каналомъ Кимито“, отдѣляющимъ этотъ большой островъ отъ материка. Еще по распоряженію Петра Великаго онъ былъ заваленъ каменными загражденіями, чтобы, въ интересахъ болѣе успѣшной обороны Абоскихъ шхеръ, лишить противника возможности обходить Кимито. Теперь обстоятельства измѣнились и обходнымъ путемъ приходилось пользоваться намъ самимъ.

Оказалось, однако, что даже самыя мелкосидящія суда отряда не могутъ здѣсь пройти. Пришлось прибѣгнуть къ углубленію пролива. Послѣ двухдневныхъ, тяжелыхъ и утомительныхъ трудовъ 40 лодокъ и юловъ протащили по мелководью, оставивъ по южную его сторону болѣе крупные суда и транспорты. Къ сожалѣнію, противные вѣтры нѣсколько дней задерживали графа Гейдена и не давали ему возможности обогнуть островъ Кимито по сѣверному (Релакскому) проливу, чѣмъ воспользовались шведы, поспѣшивъ съ частью канонерокъ къ выходу изъ Релакс-фю尔да. Такимъ образомъ, непріятель преграждалъ оба шхерныхъ фарватера и водное сообщеніе

Гангута и Свеаборга съ Або было прервано. Для облегченія прорыва гребныхъ флотилій, по распоряженію графа Буксгевдена, на оба берега Релакскаго пролива высланы были сухопутныя войска; по гранитнымъ скаламъ втащили на рукахъ орудія. Такимъ образомъ, съ сухого пути готовилась поддержка фланговыми огнемъ атаки гребныхъ судовъ. Однако, шведы предупредили нась: 9-го іюля, въ 4 часа пополуночи, атаковали они нашу флотилію, отрядивъ часть своихъ лодокъ для дѣйствія противъ стоявшей на скалистомъ мысу южнаго берега пролива батареи. Бой на морѣ продолжался 4 часа, пока графъ Гейденъ не бросилъ на лѣвомъ своемъ крылѣ 5 канонерокъ на абордажъ. Этотъ ударъ рѣшилъ дѣло; непріятель смѣшался и, подъ пулями нашихъ стрѣлковъ, расположенныхъ по обоимъ берегамъ пролива, отступилъ. Преслѣдовать наша флотилія далеко не рѣшилась, такъ какъ фарватеръ намъ былъ совершенно неизвѣстенъ; приходилось все время дѣлать промѣры и подвигаться впередъ съ большою осторожностью. Что же касается противника, то ему содѣйствовали мѣстные лоцманы и прибрежные жители, изучившие свои окрестныя воды до мельчайшихъ подробностей.

На другой день послѣ описанного боя, названного боемъ у *Тавастеншера* (по имени близлежащаго островка) къ каналу Кимито подошелъ слѣдующій эшелонъ канонерокъ, такъ называемый 4-й отрядъ гребной флотиліи. Восточные вѣтры согнали воду въ каналѣ; онъ обмелѣлъ, такъ что только 19-го іюля эшелону удалось пробраться по сѣверную сторону канала и соединиться съ флотиліей графа Гейдена.

Оба отряда, вслѣдствіе полученной графомъ при Тавастеншерѣ раны, объединились подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Додта.

Въ свою очередь, шведы, будучиувѣрены, что наша гребная флотилія непремѣнно станетъ пробиваться къ Або и пользуясь тѣмъ, что отъ острова Кимито фарватеръ, идущій къ Або, направляясь прямо на сѣверъ, проходитъ только между материкомъ и островомъ Сандо, не допускал никакого движенія даже мелкосидящихъ судовъ во всѣ прочіе проливы, рѣшили препрѣдить снова намъ путь. На берегахъ острова Сандо и на островѣ Рефваренѣ (посреди пролива) были выстроены батареи; второстепенные проходы завалены камнями, устроены стрѣлковые позиціи. Съ нашей стороны тоже готовились: выстроили батареи, на материкѣ и на островѣ Кимито (послѣдняя обстрѣливала проливъ анфиладнымъ огнемъ), расположили стрѣлковъ, наконецъ, заготовили подвижную батарею. Шведская флотилія была подъ начальствомъ самого адмирала Гельмшерна. 20 канонерокъ защищали проходы по сторонамъ Рефварена (гдѣ была батарея), а 20 лодокъ и 7 галеръ составляли резервъ, восточнѣе Сандо. Харак-

теръ дѣйствій обѣихъ сторонъ поразительно походилъ на атаку и оборону тѣснинъ на сухомъ пути, съ тою разницею, что роль штурмующихъ колоннъ играла флотилія. Самъ главнокомандующій графъ Буксгевденъ, желая видѣть морское сраженіе, прибылъ сюда вмѣстѣ съ генералами Коновницынымъ и Сухтеленомъ.

Въ 3 часа пополуночи на 20-е іюля открыть былъ огонь съ нашей батареи на Кимито по острову Сандо и шведскимъ судамъ, а по Рефварену—съ материка. Вслѣдъ затѣмъ флотилія наша пошла въ атаку; 40 канонерокъ было раздѣлено на 3 колонны. Одна шла берегомъ Кимито, другая—на Рефваренъ, третья—вдоль берега материка, на лѣвое крыло непріятеля; 10 судовъ было оставлено въ резервѣ. Сперва упорный бой съ обѣихъ сторонъ былъ безрезультатенъ; но когда лѣвой гребной колоннѣ нашей удалось ударить въ тылъ Рефварена, одновременно съ фронтальнымъ на него ударомъ средней колонны, успѣхъ быстро склонился на нашу сторону. Минского полка капитану Скерлетову¹⁾ удалось высадиться на Рефваренъ и, захвативъ батарею, водрузить на ней русскій флагъ. Непріятель, на всѣхъ парусахъ и усиливъ греблю, уходилъ въ проходы между шхерами. Двѣ роты съ Кимито (гдѣ начальствовалъ генераль Тучковъ 3-й) перешли вбродъ на островъ Сандо, овладѣли засѣками и батарею. Еще одну егерскую роту послали осмотрѣтьсосѣднія шхеры. Казалось все было кончено. Уже графъ Буксгевденъ, бывшій на Кимито, успѣлъ сѣздиТЬ на Сандо и, возвратясь, расположился со штабомъ обѣдать на мызы Вестаншеръ. Войска Тучкова стали на бивакъ, запылали костры, запахло кашемъ; артилерійскія лошади мирно пущены были на пастище.... И вотъ, вся эта идиллія внезапно оказалась нарушенa невѣдомо какъ и откуда явившимися шведскими войсками! Переопохъ, разумѣется, возгорѣлся страшный.

Непріятельскія колонны были впервые замѣчены изъ оконъ той мызы, гдѣ обѣдалъ главнокомандующій; это былъ отрядъ полковника Палена, около 1.000 чел. съ 6-ю орудіями, который былъ высаненъ на западномъ берегу Кимито, съ приказаніемъ пробраться въ тылъ нашимъ батареямъ. Палену вполнѣ удалось, никѣмъ незамѣченнымъ произвести въ назначенному мѣстѣ десантъ, такъ какъ обычный нарядъ казаковъ по наблюдению за побережьемъ былъ именно въ это время снятъ: казаки были назначены въ почетный конвой къ ставкѣ главнокомандующаго! Если бы Паленъ довершилъ свое внезапное появленіе быстро и рѣшительную атакой, то успѣхъ дѣла былъ бы обеспеченъ и удачный для насъ исходъ боя галерной флотиліи могъ завершиться чуть-ли не захватомъ въ плѣнъ главнокоман-

¹⁾ Всѣ наши канонерки, кроме гребцовъ и рулевыхъ матросовъ, имѣли на себѣ, какъ уже упомянуто, плавую пѣхоту.

дующаго со всѣмъ его штабомъ! Но шведы потеряли время на построение боевого порядка и высыпку стрѣлковыхъ цѣпей. Благодаря этому, въ поддержку почетному караулу и конвою графа Буксгевдена успѣли бѣгомъ присоединиться четыре роты, бывшія на островѣ; подвезли и два единорога, калибра болѣе сильнаго, чѣмъ шведскія орудія. Завязался огневой бой. На выстрѣлы поспѣшила и та рота, которая, какъ выше сказано, отправлена была для осмотра мелкихъ острововъ и, высадясь на берегъ Кимито, случайно оказалась въ тылу шведскаго десанта. Ея появленіе сыграло рѣшительную роль: Паленъ побоялся быть окруженнымъ и началъ отступать. Къ довершенію неудачи, часть судовъ, на которыхъ приплыли шведы, вѣтромъ нагнало на мель. Пока противникъ безплодно употреблялъ всѣ усилия, чтобы стащить ихъ, нагнавшій его Тучковъ безпощадно разстрѣливалъ его съ самаго близкаго разстоянія. Положеніе было безвыходное и оставшіеся на берегу шведы положили оружіе (см. черт. № 14).

Этимъ поучительнымъ эпизодомъ завершился бой при Сандо, разултатомъ которого былъ отходъ флотиліи адмирала Гельмшерна и очищеніе ею фарватера къ Або. Наши гребные отряды 3-й, 4-й и 5-й соединились съ двумя прежними.

Такимъ образомъ, къ концу іюля завершилось сосредоточеніе близъ Або нашей гребной флотиліи¹⁾, сосредоточеніе, потребовавшее цѣлаго ряда боевыхъ столкновеній, изъ которыхъ мы въ концѣ концовъ вышли побѣдителями, удачно пользуясь возможностью, при свойствахъ финляндскихъ шхеръ, оказывать содѣйствіе своимъ гребнымъ судамъ сухопутными войсками и даже полевой артиллерией. Только благодаря этому содѣйствію и беззатѣтной смѣлости своихъ атакъ, наши канонерки осиливали противника, несмотря на его превосходство въ искусствѣ маневрированія, на знаніе имъ всѣхъ фарватеровъ и мѣстныхъ особенностей...

14-го іюля выступилъ, наконецъ, изъ Кронштадта, нашъ корабельный флотъ, подъ начальствомъ адмирала Ханыкова. Онъ состоялъ изъ 9-ти кораблей, 4-хъ фрегатовъ, 2-хъ корветовъ, 2-хъ шлюповъ, 2-хъ катеровъ, 1 лютера и 2-хъ бомбардирскихъ судовъ, къ которымъ присоединился въ Финскомъ заливѣ крейсерскій отрядъ капитанъ-лейтенанта Зуева (2 фрегата, 2 корвета и 2 катера). 25-го іюля эскадра подошла къ Гангуту. Въ это время англійскій флотъ адмирала Сомареца, крейсировавшій только что на высотѣ Ревеля, ушелъ опять къ берегамъ Германіи. Въ подкрѣпленіе шведской эскадрѣ остались, такимъ образомъ, только англійскіе корабли, подъ начальствомъ контроль-адмирала Гуда, одинъ изъ которыхъ уже сра-

¹⁾ Кромѣ судовъ, шедшихъ еще изъ Кронштадта вмѣстѣ съ корабельнымъ флотомъ.

жался съ „Опытомъ“. Шведская корабельная эскадра (10 кораблей и 6 фрегатовъ) находилась у Аланскихъ острововъ, имѣя небольшой авангардъ у Юнгферзуида. Цедерстремъ счелъ нужнымъ отойти и занять это новое положеніе, какъ только получилъ свѣдѣнія о появленіи Ханыкова въ Финскомъ заливѣ отъ своихъ развѣдочныхъ судовъ.

Казалось бы, обстоятельства благопріятствовали Ханыкову: силы противника были раздѣлены. Если бы ему удалось разбить шведский флотъ до возвращенія англичанъ, то, проникнувъ въ Ботническій заливъ, онъ прерывалъ сообщенія шведского берега съ финляндскимъ и парализовалъ дальнѣйшій подвозъ подкреплений и всего необходимаго къ графу Клингспору, а также производство высадокъ. Пораженіе шведского флота могло бы отдать въ наши руки и самые Аланские острова, этотъ естественный помостъ между Швеціей и Финляндіей, служившій теперь королю Густаву IV Адольфу базою для подготовки десантныхъ экспедицій. Можно было исправить ошибку, сдѣланную весною, при посыпкѣ сюда смѣхоторно-слабаго отряда Вуича: утвердиться здѣсь прочно, обеспечивая связь съ финляндскимъ берегомъ и преграждая немногочисленные проходы изъ Балтійскаго моря въ Ботническій заливъ посредствомъ превосходной въ силахъ гребной флотиліи.. Можно было, наконецъ, самимъ отважиться совершить покушеніе противъ береговъ Швеціи.

Даннымъ Ханыкову секретнымъ Высочайшимъ рескриптомъ отъ 27-го іюня 1808 года цѣлью операций корабельного флота ставились „дѣйствія противъ шведского морского вооруженія“, причемъ говорилось далѣе, что „министръ морскихъ силъ нашихъ купно по сношенію съ вами начертаетъ планъ, какъ согласить дѣйствія раздѣленныхъ по разнымъ портамъ силъ нашихъ на предметъ къ предположенной цѣли ведущей“. Ханыкову предписывалось „во время плаванія имѣть неослабную бдительность... дабы *англійскій флотъ начальнымъ соединеніемъ со шведскимъ* не поставилъ насъ превосходствомъ силъ своихъ въ опасность или затрудненія“, а „буде окажется шведскій флотъ крейсируетъ“ въ морѣ, „учинить надъ нимъ поискъ и, атаковать его стремительно, завладѣть имъ или истребить его“. Въ дополненіе къ этому рескрипту, Чичаговъ далъ Ханыкову 4-го іюля подробнѣйшую инструкцію¹⁾; въ ней прямо указаны даже *способы дѣйствія*, которыхъ слѣдуетъ держаться. Въ этой инструкціи рекомендовалось, по прибытии въ Свеаборгъ, снести съ графомъ Буксгевденомъ и „сдѣлать планъ общихъ дѣйствій вашихъ“. Объ этомъ одновременно послано увѣдомленіе и главнокомандующему, въ которомъ выражена

¹⁾ И рескрипты эти, и инструкція—въ дѣлахъ департамента морского министра (№ 4675 за 1809 г., стр. 7—10 и 20—25).

увѣренность, что „какъ помянутая эскадра по числу судовъ... не только можетъ быть равносильна состоящему въ морѣ шведскому ополченію, но находится въ возможности чинить надъ нимъ поискъ для возможнаго вреда или для истребленія его, то онъ купно съ флотилею, усиливаемою нынѣ отправленнымъ отрядомъ гребныхъ судовъ, послужатъ, конечно, къ облегченію военныхъ сухопутныхъ дѣйствій“ ¹⁾.

Изъ данныхъ затѣмъ Ханыкову морскимъ министромъ предписаній (отъ 24-го іюля, 6-го и 8-го августа) видно ²⁾, что Ханыкову все время напоминалось, съ одной стороны, что „главнѣйшій предметъ“, для котораго его эскадра предназначена,—это „истребленіе шведскаго морскаго ополченія и завладѣніе онымъ“ (предписаніе 24-го іюля), а съ другой—что „при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Финляндіи, при раздѣленіи непріятельскихъ судовъ и при достаточныхъ силахъ нашихъ, состоящихъ подъ начальствомъ вашимъ, ко всяkimъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, время для насъ дороже всего“, Чичаговъ выражалъ увѣренность, что „толико драгоценнаго времени вы, конечно, нисколько не потеряете въ перепискахъ и разъединеніяхъ о непріятелѣ, который бываютъ часто излишними“. „Дорожить временемъ“ побуждало еще и послѣднее извѣстіе отъ графа Буксгевдена (полученное имъ изъ Копенгагена) о томъ, „что бывшиe въ Готенбургѣ англійскіе транспортныe суда съ войсками и частью военныхъ судовъ... ушли въ Сѣверное море... а нѣсколько англійскихъ кораблей съ однимъ адмиральскимъ прошли Зундъ и вошли въ Балтику“ ³⁾. Достойно замѣчанія, что 8-го августа Чичаговъ уже предостерегалъ Ханыкова отъ близости англичанъ и рекомендовалъ ему „или учинить рѣшительное дѣйствіе со шведами, не теряя ни мало времени или, буде сie окажется невозможнымъ, по всей возможности предохранить себя отъ нападенія англійскихъ морскихъ силъ и, смотря по обстоятельствамъ, войти въ Свеаборгъ или обратить дѣйствія свои въ шхеры“. При этомъ указывалось на Поркалаудъ и Гангутъ, какъ на „главныя убѣжища“, и на опасность для эскадры быть атакованной въ Ревель или Балтійскомъ портѣ англичанами, гдѣ она рискуетъ подвергнуться истребленію. Отмѣчаемъ эти указанія, такт какъ они имѣютъ значеніе для послѣдующихъ событій.

Кстати говоря, Ханыкову предписывалось морскимъ министромъ принять въ свое вѣдѣніе гребную флотилю въ Абосскихъ шхерахъ, соединить ее и назначить надъ нею главнаго начальника. Такимъ образомъ, Чичаговъ упорно стремился къ тому, чтобы вырвать изъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 26.

²⁾ См. тамъ же, стр. 30, 31, 43, 44, 48—50.

³⁾ Это была эскадра Сомареца.

руєтъ Буксгевдена всякую власть надъ морскими силами, хотя бы только шхерными. Ханыкову указывалось, чтобы онъ снесся съ главнокомандующимъ и „условился съ нимъ о дѣйствіяхъ“.

Такимъ образомъ, графу Буксгевдену оставалось лишь выразить свое мнѣніе о наиболѣшемъ способѣ употребленія корабельнаго флота, мнѣніе, для адмирала Ханыкова никакъ не обязательное. А совмѣстнаго, общаго плана дѣйствій для сухопутныхъ и морскихъ силь въ Петербургѣ выработано не было. Всѣ указанія флоту давались Чичаговыми Высочайшимъ именемъ, а взгляды Чичагова и Буксгевдена, какъ уже извѣстно, далеко не были согласны.... Независимо сего, самая отдача распоряженій замедлилась тѣмъ обстоятельствомъ, что Чичаговъ изъ Петергофа увѣдомлялъ Ханыкова о томъ, что сообщалъ ему графъ Буксгевденъ изъ Або. И только по приходѣ Ханыкова въ Гангутъ начались между ними непосредственныя *сношенія.

„Мнѣніе“ графа Буксгевдена состояло въ слѣдующемъ. Корабельному флоту надлежитъ „отѣдѣлить эскадру въ Аландсгафѣ и Ботническій заливѣ перехватывать шведскія военные и перевозные суда и тѣмъ остановить непріятельскія высадки“ и, кромѣ того, дѣйствуя „совокупно съ гребною флотилею, атаковать расположенную у Юнгферзунда непріятельскую эскадру“. Кромѣ того, графъ Буксгевденъ писалъ Ханыкову, что за направленіемъ большей части регулярныхъ шведскихъ войскъ въ Финляндію, на Аландъ, въ Шонію и на порвежскую границу, окрестности Стокгольма и ближайшая къ нему часть побережья остались почти вовсе обнажены. „Вы сдѣлали бы великую пользу нашему предпріятію (прибавлялъ главнокомандующій), безпокоя шведскіе берега набѣгами. Для того вы можете употребить десантныя войска, которыхъ у насъ на флотѣ находится до 700 человѣкъ, высаживая ихъ на берега въ разныхъ пунктахъ.... Все сіе приведетъ шведскія войска и короля въ озабоченное положеніе, заставя его переправляться изъ Аланда на матерой берегъ, причемъ суда наши могутъ нанести имъ значительный вредъ. Важнѣйшее же обстоятельство, что шведы, уже и такъ недовольные войною, еще болѣе будутъ негодовать на правительство; страхъ распространится въ жителяхъ и ропотъ въ Стокгольмѣ“.

Кромѣ того, Буксгевденъ, также какъ и Чичаговъ, обращалъ вниманіе Ханыкова на значеніе быстроты. „Сухопутная часть, при теперешнемъ ея состояніи (писалъ онъ 24-го іюля)... должна ожидать единственно содѣйствія отъ морской силы и стараться до того удержать до послѣдней капли крови берега около Або, дабы не дать непріятелю возможности поставить на нихъ твердую ногу и принудить насъ отступить во внутренность земли, черезъ что морское

ополченіе лишено было бы способа совершенно истребить непріятеля. Все сie зависѣтъ теперь отъ времени, которое для насъ дорого и тратить изъ онаю не должно ни часу, ни минуты".

Такимъ образомъ, Ханыкову ставились совершенно двѣ различныя задачи: 1) „разбить шведскій флотъ до соединенія его съ англійскимъ, всячески избѣгая нападеній отъ англичанъ, и при наступательномъ ихъ движениі укрыться въ шхеры или въ Свеаборгъ“, такъ предписывалось Чичаговымъ изъ Петербурга; 2) Буксгевденъ добивался сверхъ того „диверсій“ противъ Стокгольма, а также ставилъ задачу весьма существенную въ интересахъ успѣха сухопутныхъ дѣйствій: перерывъ шведскихъ морскихъ сообщеній.

Очевидно, обѣ вторыя задачи могли быть успешно выполнены только по достижениіи первой цѣли, которая, въ свою очередь, требовала проявленія быстроты, энергіи и дѣятельности, значеніе ко-торой усиленно указывалось Ханыкову и сухопутнымъ, и морскимъ начальствомъ. Несмотря на это, Ханыковъ все же остановился у Гангута въ выжидательномъ положеніи въ теченіе цѣлыхъ 2-хъ недѣль, теряя драгоценное время. Изъ „Журнала движеній и дѣйствій флота“¹⁾ видно, что Буксгевденъ неоднократно торопилъ адмирала приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ Такъ, 5-го августа, занесено въ журналъ: „Адмиралъ Ханыковъ увѣдомляетъ меня, что онъ, согласно моему отношенію, намѣревается: 1) дѣйствовать противу Юнгферзунда, для чего и послалъ осматривать оный, и 2) отдалить нѣсколько судовъ въ Аландсграфъ для перерѣзыванія коммуникаціи Аландскихъ острововъ со шведскими берегами, дабы оттуда распространяться въ Ботнику. Между тѣмъ, замѣчаетъ онъ, что движенія его должны быть крайне осторожны, ибо англійскій флотъ... по слухамъ, находится въ Бельтѣ. Находя заключенія адмирала справедливыми (прибавляетъ Буксгевденъ), я поставилъ, однако же на видъ, что какъ англичане устремятся въ наши воды, то тѣмъ дѣятельнѣе искать шведовъ и такъ какъ парусный флотъ теперь раздѣленъ, то разбить его по частямъ, не давая соединиться, а особливо выждать подкрупленія союзниковъ“.

Очищенію Юнгферзунда главнокомандующій придавалъ значеніе „въ числѣ первыхъ предметовъ морской части“, такъ какъ тогда „можно соединиться всему нашему гребному флоту“.

Для достижениія этой послѣдней цѣли Ханыковъ отдалъ приказанія бывшей при немъ гребной флотилии подъ начальствомъ капитана Новокшенова „тревожить непріятеля“. Капитанъ Новокшеновъ нѣсколько разъ подходилъ къ Юнгферзунду и пытался нанести вредъ

¹⁾ Дѣло департамента морского министра 1808 г. 1079, стр. 254—262.

стоявшему тамъ отряду шведовъ, но сперва бозуспѣшио. Получивъ 6-го августа подкрайленіе, онъ въ ночь на 7-е пытался напасть на шведовъ снова, намѣреваясь поджечь суда ихъ брандскугелями, но подвергся на пути нечаянному нападенію превосходныхъ силъ. 20 канонерокъ, 25 катеровъ и баркасовъ, съ сильнымъ десантомъ на нихъ, вышли скрытно изъ за шхеръ и бросились на абордажъ, окруживъ наши суда со всѣхъ сторонъ; 5 нашихъ канонерокъ и юловъ было потоплено вмѣстѣ съ экипажемъ. Гребной фрегатъ или геммамъ Стиръ-Борнъ, на которомъ перебиты были всѣ офицеры, былъ захваченъ въ плѣнъ. Шведы въ восторгѣ отъ тайной добычи разграбили камбузъ фрегата и перепились; въ туманѣ и темнотѣ они не замѣтили, что якорь зацѣпился и что фрегатъ, несмотря на греблю, не подвигался впередъ. Это дало возможность лейтенанту Демьянову, командовавшему другимъ геммамомъ, ударить картечью и отбить судно. На другой день прибыло отъ Гангута подкрайленіе, посланное Ханыковымъ подъ начальствомъ контроль-адмирала Мясоѣдова. Оно приято было шведами за авангардъ нашего флота, и они поспѣшили сами очистить Юнгферзундъ и отойти къ Аланду на соединеніе съ главными силами.

Другая часть гребной флотиліи, бывшая въ Або, 18-го августа, подъ начальствомъ капитана Селиванова, встрѣтила у острова *Судсало* (между Ништадтомъ и Або) шведскій отрядъ изъ 46 канонерокъ. Въ узкомъ проливѣ загорѣлся бой; сперва шведы имѣли перевѣсъ, потопили у насъ двѣ лодки и двѣ вывели изъ строя; команды и флаги удалось спасти. Часъ спустя, непріятель также потерпѣлъ значительный уронъ; 2 лодки у него было взорвано и 6 потоплено. Этотъ успѣхъ побудилъ насъ перейти въ наступленіе, но свѣжая сила противника, не введенная еще въ дѣло по тѣснотѣ мѣста, отбили ударъ. Недостатокъ снарядовъ и сильные поврежденія, полученные почти всѣми нашими судами, заставили Селиванова отходить къ Або. Потери его 45 убитыхъ и 63 раненыхъ.

Послѣ неудачнаго судсальского дѣла графъ Буксгевденъ подчинилъ контроль-адмиралу Мясоѣдову всю гребную флотилію съ присоединенными къ ней парусными судами¹⁾ и 20-го августа далъ ему предписаніе, сущность котораго заключалась въ въ слѣдующемъ: не рискуя силами своими, избѣгать рѣшительныхъ столкновеній съ противникомъ, а избрать центральную позицію, пользуясь которой наблюдать за фарватерами и ограждать свои берега отъ возможныхъ покушеній противника на десантъ; въ случаѣ же успѣшнаго выполненія такового, идти сосредоточенными силами истреблять

¹⁾ Т. е. та же часть, которая была въ Або.

суда непріятельськія. Отсюда видно, что бывшій въ Або гребной флотъ дѣйствовалъ совершенно независимо отъ корабельнаю, будучи подчиненъ сухопутной власти. Ханыкову, отдѣленному отъ него шведскими флотомъ, владѣвшимъ входами въ Абовскія шхеры, фактически нельзя было объединить въ своихъ рукахъ власть надъ всѣми морскими силами и выполнить въ этомъ отношеніи приказанія морского министра.

Въ концѣ концовъ Ханыковъ 9-го августа тронулся и со всею своею эскадрою вышелъ въ море. 10-го развѣдочные суда донесли ему, что весь шведскій флотъ находится въ Юнгферзундѣ, заставивъ отступить нашу гребную флотилію. Вмѣсто того, чтобы, не теряя времени, атаковать противника, Ханыковъ трое сутокъ крейсировалъ передъ нимъ¹⁾; когда же, 13-го августа, получилъ отъ передовыхъ судовъ донесеніе, что непріятель снимается съ якоря и выходитъ въ море, онъ повелъ весь свой флотъ къ востоку, расчитывая выманить непріятеля изъ шхеръ и принять бой поближе къ своимъ портамъ „дабы не быть отъ нихъ отрѣзану“, какъ онъ доносилъ потомъ. На разсвѣтѣ 14-го августа русскій флотъ оказался вблизи Балтійскаго порта и увидѣлъ гнавшійся за нимъ непріятельскій флотъ, во главѣ котораго шли два англійскихъ корабля. Во время движенія ночью, съ потущенными огнями, наша эскадра разстроилась; передовые корабли сбились въ кучу, а задній 74 пушечный корабль „Всеволодъ“, тяжелый на ходу, старой постройки, отсталъ почти на 5 морскихъ миль. Англичане немедленно атаковали его. Ханыковъ просигнализировалъ тремъ судамъ поддержать „Всеволода“, но приказаніе это не было исполнено; тогда онъ самъ на адмиральскомъ кораблѣ „Благодать“ двинулся на выручку, приказавъ всей эскадрѣ слѣдовать за собою. Видя это движеніе, англійскія суда бросили „Всеволода“, уже изрядно поврежденного, и пошли на присоединеніе къ шведской эскадрѣ. Командиръ „Всеволода“, капитанъ 2-го ранга Рудневъ²⁾, въ виду полученныхъ серьезныхъ поврежденій, просилъ разрѣшенія идти чиниться. Его отправили въ Балтійскій портъ, въ сопровожденіи одного изъ фрегатовъ. Такое ослабленіе эскадры на два корабля, въ связи съ поврежденіями третьего („Сѣверной Звѣзды“) заставило Ханыкова отойти туда же со своими силами, стать на якоря и при-

¹⁾ Объясненіемъ такой нерѣшительности Ханыкова отчасти можетъ служить обстоятельство, указанное въ рапортѣ его отъ 7-го августа (д. Д-та и. м-ра № 4675, стр. 51—52). «Буде по подробнѣшему обозрѣнію шведскаго флота, найду возможность сдѣлать выгодное для насъ нападеніе, не подвергая опасности нашего флота въ шхерахъ, ибо при всемъ недостаткѣ шхерныхъ нашихъ картъ мы по сие время не могли достать ни флотъ ни одного лоцмана». Обстоятельство важное, съ которымъ придется, быть можетъ, посчитаться и въ будущемъ.

²⁾ Предокъ Всеволода Федоровича Руднева, командира «Варяга» и героя Чемульпо въ 1904 году.

готовиться на мѣстѣ принять атаку непріятеля. „Всеволодъ“, ведомый на буксирѣ, былъ неосмотрительно оставленъ позади. Въ 6 миляхъ, не дойдя Балтійского порта, буксиръ лопнулъ; это было въ 11 часовъ вечера. Поврежденный корабль никакъ не могъ обогнать острова Роге и войти въ портъ, почему вынужденъ былъ бросить якорь у самаго берега острова. Ханыковъ послалъ флотилію баркасовъ прибуксировать „Всеволода“; въ то время, какъ уже это производилось, на разсвѣтѣ, оба англійскихъ корабля бросились въ атаку на пораненный корабль, разсыпавъ предварительно картечью гребныя суда. Положеніе было критическое. Рудневъ собралъ совѣтъ офицеровъ, положившій защищаться до послѣдней крайности, а въ послѣдній моментъ приткнуться на мель, спасти команду, а корабль сжечь. Ставши на якорь на мелкомъ мѣстѣ, Рудневъ заманивалъ туда же англичанъ. Ихъ корабль „Центавръ“, подъ флагомъ контрольнаго адмирала Гуда, схватился съ „Всеволодомъ“ на абордажъ. Закипѣлъ кровопролитный рукопашный бой, въ которомъ приняли участіе и команды удѣлѣвшихъ нашихъ шлюповъ, во главѣ съ лейтенантомъ Тулубьевымъ и мичманомъ Лазаревымъ (впослѣдствіи знаменитый адмиралъ). Около часа продолжалась бойня и окончилась бы взаимнымъ истребленіемъ, если бы не подошелъ другой англійскій корабль, „Имплекабль“, который сталъ разстрѣливать „Всеволода“ въ упоръ и, наконецъ, овладѣлъ искалѣченнымъ оставомъ, наполненнымъ трупами; оставшиеся въ живыхъ защитники, чтобы не сдаться въ пленъ, бросились въ воду; изъ нихъ на доскахъ, веслахъ и т. п. спаслось 56 человѣкъ. Такъ какъ мельзя было стащить корабль съ мели—англичане подожгли его, и онъ къ утру 15-го августа взлетѣлъ на воздухъ.

Штиль помѣшалъ другимъ кораблямъ эскадры оказать поддержку „Всеволоду“, который, несмотря на то, что команда его состояла болѣею частью изъ ратниковъ милиціи, безстрашно боролся до послѣдней крайности съ превосходнымъ въ силахъ врагомъ. Въ слѣдующіе дни Ханыковъ продолжалъ оставаться въ Балтійскомъ портѣ, соорудивъ даже на побережїѣ и на островахъ батареи для поддержки флота. 19-го августа въ непріятельской эскадрѣ присоединилась часть крейсировавшаго въ Балтійскомъ морѣ англійскаго флота, съ адмираломъ Сомарепомъ во главѣ. Теперь у непріятеля было 16 однихъ линейныхъ кораблей, не считая фрегатовъ и болѣе мелкихъ судовъ. На 21-е августа назначена была атака, но задулъ свѣжій вѣтеръ съ юга, прямо на встрѣчу противнику, что продолжалось 8 дней. Тѣмъ временемъ на берегу успѣли у насъ возвести 25 батарей, вооруженныхъ 183-мя орудіями. Къ Балтійскому порту притянуто 4,000 человѣкъ сухопутныхъ войскъ. Словомъ, флотъ нашъ, упустивъ случай

помѣряться съ врагомъ въ открытомъ морѣ *въ выгодныхъ для себя условіяхъ*, обратился въ плавучія батареи, подъ прикрытиемъ береговой обороны, которую отчасти обслуживали экипажи тѣхъ же судовъ. Тяготѣніе нашего флота къ берегу и стремленіе вести оборонительную борьбу совокупно съ береговыми укрѣпленіями — есть явленіе постоянное, характеризующее собою тѣ периоды, когда флотъ нашъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, переживалъ состояніе сравнительного упадка. Однако англичанамъ все-таки не удалось нанести вреда Ханыковской эскадрѣ, а только заблокировать ее. Предложеніе Сомареца сдать половину флота, а съ остальнойю свободно уйти въ Кронштадтъ было, разумѣется, оставлено безъ отвѣта.

Къ 17-му сентября, тѣмъ не менѣе, разыгравшіеся сильные осенне вѣтры заставили непріятеля прекратить блокаду, и суда его постепенно скрылись въ западномъ направлѣніи. Ханыкову приказано было сдать эскадру старшему по себѣ офицеру (контрѣ-адмиралу Ломену, который и привелъ эскадру въ Кронштадтъ), а самъ онъ, по Высочайшему повелѣнію, отданъ былъ подъ судъ за то, что „вмѣсто точнаго исполненія данныхъ ему предписаній, поступиль онъ вопреки онымъ, отъ чего не токмо не достигнута цѣль, для которой эскадра была послана, но еще понесенъ уронъ, потеряніемъ 74-хъ пушечнаго корабля“. Главными пунктами обвиненія были: во 1-хъ, — двухнедѣльная проволочка у Гангута и второе — гибель „Всеволода“. Нерѣшительность Ханыкова, его уклоненіе отъ боя въ открытомъ морѣ особенно ярко видны въ его отступлѣніи къ Балтійскому порту, когда преслѣдовали его только два англійскіе корабля, а весь шведскій флотъ отсталъ такъ, что даже не былъ виденъ. Результатомъ суда было разжалованіе Ханыкова на 24 часа въ матросы и выключение изъ службы тѣхъ трехъ капитановъ, которые не исполнили его приказанія идти на помощь „Всеволоду“. Что же касается команда и офицеровъ послѣдняго, то всѣ они признаны невиновными.

Такъ окончились дѣйствія нашего корабельнаго флота. Послѣдній, такимъ образомъ, не оказалъ никакого содѣйствія сухопутнымъ операциямъ и только рѣшительные удары графа Каменского ускорили окончательное покореніе Финляндіи. Шведы сохранили за собою господство на морѣ, и Ботническій заливъ до наступленія зимы продолжалъ служить связующимъ звеномъ между Швеціей и Финляндіей. Этимъ выгоднымъ условиемъ наши противники не сумѣли, однако, воспользоваться: войска, обороняющія Финляндію, серьезныхъ подкѣплений и энергичнаго содѣйствія изъ Швеціи такъ и не получили до самаго конца войны.

При оцѣнкѣ неудачныхъ дѣйствій корабельнаго флота нельзѧ не принять во вниманіе, что лучшія суда и команды находились у насъ въ эскадрѣ, захваченой англичанами адмирала Сенявина. Половина командъ Ханыкова состояла изъ милиціи, а на „Всеволодѣ“ эти ратники составляли даже большую ея часть.

Графъ Буксгевденъ такъ оцѣнивалъ послѣдствія неудачи адмирала Ханыкова¹⁾.

„Ваше сіятельство изволили уже видѣть, что нашъ флотъ, вмѣсто дѣятельнаго крейсерства между шведскихъ береговъ и Юнгферзунда и вмѣсто того, чтобы предупредить непріятельскіе соединенія, простоялъ по большей части въ Гангутѣ, а потомъ, будучи преслѣдуемъ непріятельскимъ флотомъ, равные силы съ нимъ имѣющімъ, ушелъ къ осту и неизвѣстно куда скрылся, какъ полагать должно, безъ бою.

„Появленіе на высотахъ Свеаборга и противу Гангута непріятельскихъ фрегатовъ и малыхъ судовъ свидѣтельствуетъ, что на водахъ финскихъ господствуютъ теперь шведскіе крейсеры, между тѣмъ когда главный ихъ флотъ отошелъ паки къ весту. Причина такого движения силъ неизвѣстна; полагаю, что безъ важныхъ обстоятельствъ господину адмиралу Ханыкову никакъ не должно бы рѣшиться на сіе предпріятіе... Умалчивая объ опасности береговъ по Финскому заливу, и проходя безъ изслѣдованія, что послѣ сего положеніе непріятеля въ Аландѣ сдѣжалось обезпечено и что онъ можетъ теперь дѣйствовать съ большимъ вредомъ для нашего гребнаго флота, я особенною своею обязанностью ставлю поставить вашему сіятельству въ виду о плаваніи нашихъ транспортовъ, которые содѣлаются теперь часто добычою непріятеля. Главные запасы наши въ Свеаборгѣ... не составляютъ больше 3.000 кулей муки, между тѣмъ какъ армія, довольствующаяся изъ оныхъ запасовъ, требуетъ каждодневно до 330 кулей“.

Отсюда Буксгевденъ приходитъ къ заключенію, что „есть-ли водная комуникація по Финскому заливу будетъ пресѣчена“, то армія „въ разсужденіи ея пропитанія“ подвергается великой опасности, ибо извѣстно, что „сухопутная перевозка провіантъ болѣе нежели затруднительна“²⁾.

¹⁾ Въ отношеніи къ военному министру графу Аракчееву отъ 24-го августа 1808 г. за № 98. (Д. Д-та Морского Министра № 1079, стр. 276 и В. Учен. Арх. Глав. Штаба отд. 2. д. № 1659).

²⁾ Объ организаціи въ войну 1808—09 гг. у насъ подвоза водными путями какъ моремъ, такъ и по внутреннимъ озерамъ, архивы даютъ весьма интересныя и поучительныя данныя, которыхъ необходимо подвергнуть изученію. Во время русско-японской войны очень много говорилось о водныхъ путяхъ и мы сплошь чувствовали на себѣ всю невыгоду пребренеженія къ нимъ. Что же касается Финляндіи, то здѣсь и въ будущемъ могутъ повторяться случаи, когда, за невозможностью пользоваться желѣзными дорогами, придется прибѣгать къ воднымъ путямъ по примѣру 1808—09 года.

„Соображая причины удаленія нашего флота“, Буксгевденъ не-
думѣваетъ, почему Ханыковъ уклонился отъ боя. Если нашъ флотъ,
равный непріятельскому по числу судовъ и орудій, и уступалъ ему
въ личномъ составѣ, а потому „не въ состояніи былъ-бы маневрами
дѣлать рѣшительные поиски надъ непріятелемъ“, то (полагаетъ
главнокомандующій), все же долженъ былъ дать сраженіе, ибо, въ
случаѣ поврежденія, близость портовъ Гангута, Ревеля и Свеаборга
дала-бы ему вѣрное „пристанище“ для починокъ; противникъ-же
(также, конечно, поврежденный), долженъ былъ бы уходить въ
Карлскрону и „очистить не только воды Финскаго залива, но и
Ботнику, чѣмъ для сухопутныхъ движеній принесена была бы сущ-
ственная польза“.

Въ концѣ концовъ главнокомандующій находилъ, что если флотъ
(корабельный) остатокъ навигаціоннаго времени думаетъ провести
въ портахъ и такимъ образомъ оставить наши берега открытыми, то
„буде отъ него нельзѧ уже получить той пользы, которую ожидать
надлежало, и буде онъ опасается имѣть дѣло съ непріятелемъ.
по крайней мѣрѣ онъ могъ-бы конвоировать наши транспорты“.

ГЛАВА X.

Наступательная операция графа Н. М. Каменского.

Біографіческія свѣдѣнія о Каменскомъ.—Его назначеніе вмѣсто Раевскаго и данная ему инструкція.—Положеніе отряда и подготовка операциі.—Планъ.—Бой у Алаво и Карстула.—Новое рѣшеніе Каменского.—Куортаве — Сальми.—Послѣдствія этого боя.—Отступленіе шведовъ черезъ Вазу на сѣверъ.—Оровайсъ.—Значеніе успѣховъ Каменского.

Описанныи въ предыдущей главѣ событія на морѣ совершились въ то время, когда въ самой Финляндіи „видъ дѣль перемѣнился“ и наше стратегическое положеніе изъ тяжелаго и затруднительнаго въ какой нибудь одинъ мѣсяцъ съ небольшимъ сдѣжалось снова прочнымъ и преобладающимъ. Этотъ „оборотъ фортуны“ произошелъ вслѣдствіе замѣщенія во главѣ центральной группы нашего стратегического фронта стойкаго, но недостаточноувѣренного въ себѣ Раевскаго смѣлымъ, самовластнымъ, рѣшительнымъ и талантливымъ графомъ Н. М. Каменскимъ.

„Умный, образованный, пышащий властію, самонадѣянный, врагъ совѣтовъ“—вотъ какъ характеризуетъ Каменскаго Михайловскій-Данилевскій. Будучи всего 32 лѣтъ отъ рода въ это время, Каменскій спѣ девять лѣтъ тому назадъ, въ Итальянскомъ походѣ, обратилъ на себя вниманіе Суворова, а въ Швейцаріи отличился, взявъ приступомъ Чертовъ мостъ.

Будучи младшимъ сыномъ фельдмаршала графа Михаила Федоровича, сподвижника Румянцева, Потемкина и Суворова, и уже въ престарѣлыхъ годахъ бывшаго короткое время во главѣ нашей арміи въ войну 1806—07 гг. противъ Наполеона, графъ Николай Михайловичъ, вступивъ на военную службу въ самыхъ молодыхъ годахъ, былъ въ 1795 году подполковникомъ Сибирскаго grenадерскаго полка. Въ 1799 году онъ былъ уже генераль-маіоромъ и шефомъ мушкательскаго своего имени полка (нынѣ Архангелогородскій). Подвигъ при Чертовомъ мостѣ доставилъ ему орденъ св. Анны 1-й степени, особенно почитаемый, какъ извѣстно, Императоромъ Павломъ Петровичемъ. Въ это время Каменскому было *всего 23 года*.

Во время кампаніи 1805 года онъ состоялъ при графѣ Буксгевденѣ (отсюда ихъ близость) и былъ участникомъ Аустерлицкаго сраженія. Въ 1807 году подъ Прейсишъ-Эйлау командовалъ бригадою, а затѣмъ получилъ въ командованіе особый отрядъ, назначенный для деблокады Данцига; но предпріятіе это успѣхомъ не увен-

чалось. Данцигъ уступилъ превосходному въ силахъ противнику, а Каменскій вернулся въ Кенигсбергъ, гдѣ вошелъ въ составъ отряда Лестока и блистательно заявилъ себя, въ качествѣ частнаго отвѣтственнаго начальника, въ бою подъ Гейльсбергомъ.

Въ Финляндскую войну Каменскій былъ начальникомъ дивизіи (17-ї), которая сперва блокировала Свеаборгъ, а затѣмъ держала гарнизоны въ южной Финляндіи.

Отсюда видно, что до принятія на себя отвѣтственной роли, Каменскій, несмотря на свою относительную молодость, имѣлъ за собою блестящее боевое прошлое и, въ глазахъ всей арміи, какъ офицерскаго ея состава, такъ и низшихъ чиновъ, подобно „князю Петру“ Багратіону, былъ окружено ореоломъ не только славы своего бессмертнаго учителя Суворова, но и своей собственной. Поэтому уже одно его назначеніе на мѣсто Раевскаго произвело впечатлѣніе и приподняло духъ нашихъ войскъ, разочарованныхъ предшествовавшимъ періодомъ неудачъ.

Мы уже знаемъ, что въ Петербургѣ пришли къ убѣждению въ необходимости до зимы держаться въ Финляндіи оборонительнаго образа дѣйствій. Это шло *съвершенно оразрѣзъ со взглядами главнокомандующа*. Не соглашаясь дѣйствовать опрометчиво, безъ надлежащей подготовки и безъ надежныхъ средствъ, онъ еще менѣе считалъ возможнымъ и допустимымъ тотъ чисто-пассивный планъ, который „сочиненъ“ былъ въ Петербургѣ поклонниками стратегіи *à la эрцъ-герцогъ Карль*, исключительно исходящей изъ одной данной—*мѣстнаго элемента* и возстановляющей типичный австрійскій кордонъ въ самомъ чистомъ видѣ.

Императоръ Александръ, съ умысломъ неподпісанія этого плана внесъ существенную поправку въ эту задуманную въ Петербургѣ врагами Буксгевдена попытку сковать главнокомандующаго въ Финляндіи по рукамъ и по ногамъ. Онъ приказалъ не *приводить плана въ дѣйствіе*, если до его полученія *успѣхи подвинутъ насъ впередъ*.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, неподпісаніе плана придавало ему какъ-бы характеръ чего-то необязательнаго, что и подтверждается въ своей книжкѣ графъ Сухтеленъ (стр. 113), утверждающій, что весь проектъ посланъ былъ съ Паулуччи только на *разсмотрѣніе* Буксгевдена; съ другой стороны—собственноручное письмо Государя давало какъ бы понять, что только въ случаѣ достиженія успѣховъ до его полученія, планъ не долженъ быть приведенъ въ исполненіе, а во всѣхъ остальныхъ случаяхъ—онъ *связателенъ*.

Буксгевденъ первоначально держался за то, чтобы выждать зимы и тогда возобновить наступленіе при болѣе благопріятной обстановкѣ. Но, когда онъ увидѣлъ, куда его ведутъ подкопы Петер-

бургскихъ враговъ, онъ рѣшился на шагъ болѣе рискованный, не отвѣщающей его осторожной натурѣ, въ расчетѣ не только добиться *быстро*, хотя-бы и частнаго успѣха, но и поправить свое собственное положеніе. *Быстрый успѣхъ избавлялъ графа Буксгевдена отъ необходимости, выполнять соображенія петербургскихъ стратеговъ, возрождавшихъ до нѣкоторой степени, пресловутый австрійскій Гофкригсрать.*

Графу Н. М. Каменскому и князю Петру Ивановичу Багратіону, героямъ италіанской и швейцарской эпопеи, было отлично, по личному опыту, извѣстно, къ чему приводитъ исполненіе плановъ подобнаго рода. Пока графъ Сухтеленъ, по порученію главнокомандующаго, съ терпѣнiemъ, достойнымъ лучшей участіи, по пунктамъ составлялъ опроверженія петербургскаго плана (эти труды его сохранились въ архивѣ), графъ Буксгевденъ вошелъ съ новымъ всеподданнѣшіемъ представленіемъ, въ которомъ доказывалъ невыгоду оборонительного плана и необходимость „наискорѣе содѣлать Финляндію неприкосновенною отъ шведовъ и тѣмъ рѣшительнѣе нанести ударъ самой Швеціи“, а для того „непремѣнно дать рѣшительный бой“. Переходя отъ словъ къ дѣлу, главнокомандующій ввѣрилъ командованіе отрядомъ Раевскаго графу Каменскому и предоставилъ ему *полную свободу дѣйствій*, съ одною только инструкціей—*побѣдить*.

Содержаніе вышеупомянутаго донесенія главнокомандующаго, столь отличное отъ прежнихъ его ходатайствъ, стремившихся лишь доказать необходимость доставки къ нему подкрѣпленій,— въ значительной мѣрѣ отражаетъ на себѣ вліяніе самого графа Каменскаго а можетъ быть—и его соратника Багратіона.

Назначая Каменскаго замѣстителемъ Раевскаго, Буксгевденъ рѣшилъ вмѣстѣ съ тѣмъ усилить, насколько возможно, эту центральную группу за счетъ остальныхъ, дабы дать ей возможность дѣйствовать активно. „Атака ваша должна быть рѣшительна и устранить худыя послѣдствія, которыхъ насъ отъ отступленія Раевскаго ожидаютъ; словомъ, не взирая на малое число войскъ вашихъ, вы должны разбить непріятеля. Боже, помоги успѣхамъ вашимъ; отъ дѣйствія вашего зависитъ теперь внутреннее положеніе Финляндіи въ разсужденіи сложности жителей, и вѣнчанее положеніе войскъ для защиты береговъ. Буду съ нетерпѣнiemъ ждать отъ васъ извѣстій. Взоры всей арміи устремлены на корпусъ вашъ“.

Для содѣйствія графу Каменскому: 1) изъ Куопіо выдѣлено 4 баталіона съ 2-мя эскадронами (подъ начальствомъ полковника Сабанѣева), которые должны были, черезъ Рауталампи, пройти къ Коивисто и соединиться съ Властовыми, составлявшими авангардъ бывшаго отряда Раевскаго; 2) особый отрядъ (4 баталіона, сотня казаковъ и 5 орудій), подъ начальствомъ генерал-маиора Ушакова,

образованъ былъ сѣвериѣ Таммерфорса (въ Кюро) и, при наступлении Каменского, долженъ былъ облегчать его задачу, угрожая сообщеніямъ Клингспору съ побережьемъ; 3) въ то же время графу Орлову-Денисову приказано также наступать на Вазу и Каухаіоки несмотря на слабость его силъ; 4) наконецъ, генералъ-маиору Миллеру приказано, занять Таммерфорсъ и Тавастгусъ, охранять тылъ графа Каменского, очищать его отъ партизановъ и исправлять мосты и переправы. Прежняя осторожная гуманность по отношенію къ шайкамъ народнаго ополченія смѣнена, наконецъ, тою „праведною строгостью“, о необходимости которой писалъ даже маркизъ Паулуччи. Отпущеніиныхъ на волю пленныхъ солдатъ приказано было прямо разстрѣливать, вѣшая тѣла близъ кирокъ, съ билетомъ, обозначающимъ имя преступника и полкъ, где онъ служилъ. Крестьянъ, пойманыхъ съ оружиемъ въ рукахъ, велико нещадно наказывать и, выбивая половину головы, отпускать съ подтвержденіемъ, что при повтореніи вины будутъ повѣшены; пойманыхъ же на мѣстѣ преступленія прямо въ вандалахъ посыпать въ Свеаборгъ. Необходимость безотлагательного примѣненія такихъ мѣръ всего лучше характеризуется тѣмъ фактомъ, что самъ графъ Каменскій, отправляясь къ мѣсту своего назначенія, едва не былъ схваченъ партизанами и только проселками ускользнулъ отъ плены.

Такимъ образомъ, главнокомандующій не только предоставляетъ „полную мочь“ частному начальнику, на которого возлагается вся тяжесть отечественности за исходъ операции, но и принимаетъ всѣ возможныя мѣры, чтобы обеспечить ему выполненіе его трудной задачи.

Одобравъ рѣшеніе военнаго совѣта въ Алаво о необходимости отступить, дабы сблизиться со своимъ тыломъ, Каменскій продолжалъ движение на югъ отъ Ювясюля, вдоль западнаго берега озера Пейяне. еще на 100 верстъ и остановился на высотѣ Таммерфорса, уперевъ свои крылья въ непроходимыя водные преграды Пейянской и Сатакундской озерныхъ системъ, (правое у Кумойсъ и лѣвое у Кумалакса). Это удалось выполнить безпрепятственно, такъ какъ шведы, послѣ полу-успѣха у Лаппо 2-го іюля, бездѣйствовали. Клингспоръ простоялъ на полѣ сраженія у Лаппо цѣлыхъ восемь дней; затѣмъ сдѣлалъ два перехода до Сальми и началъ здѣсь укрѣплять позицію, пользуясь тѣмъ, что съ занятіемъ Сальми онъ получилъ возможность по кратчайшимъ путямъ поддерживать связь съ Сандельсомъ у Куопіо и съ Вазою, где снова ожидались высадки, организуемые лично королемъ на Аландѣ. Попрежнему Клингспоръ отговаривался невозможностью наступать далѣе вглубь Финляндіи, безъ содѣйствія десантовъ.

Настоятельный просьбы послѣднаго о присыпкѣ ружей, въ количествѣ 10 тысячъ, для раздачи населенію, не привели ни къ чему. Шведское правительство, незадолго передъ войною распродавшее запасы своихъ ружей, вынуждено было прибрѣгнуть къ покупкѣ ихъ въ Англіи; оттуда прислали ихъ въ маѣ, но всѣ оказались негодными и были отправлены обратно. Наконецъ, кое-какъ набрано было 4.000 ружей, но доставка ихъ замедлилась вслѣдствіе недостаточной распорядительности.

Общая числительность шведскихъ войскъ въ Финляндіи къ этому времени (въ двадцатыхъ числахъ юля) была слѣдующая¹⁾:

Главные силы Клингспоря у Сальми	5.000	чел.
Боковой авангардъ Дебельна у Каухаюоки	2.800	"
Боковой авангардъ Гюлеабюгеля	1.300	"
Боковой авангардъ Фіандта у Линтулакса	1.700	"
У Сандельса на Тайволльской позиціи	1.700	"
Въ Кареліи у Малмы	300	"
На Аландѣ подъ личнымъ начальствомъ короля	4.000	"
Итого	16.300	чел.

Въ это число не включены команды шхерного флота и тыловыхъ войска, бывшія въ Улеаборгѣ. Вообще означенный расчетъ слѣдуетъ признать нѣсколько преуменьшеннымъ²⁾; нельзя забывать сверхъ того, что здѣсь исчислены только регулярные *кадры*, въ добавокъ къ которымъ слѣдуетъ присоединить значительная скопища народныхъ финскихъ ополченій. Скопища эти, не считая многочисленныхъ отдельныхъ партизанскихъ шаекъ, составляли необходимое добавление къ каждому шведскому отряду; они были частью вооружены ружьями. О количествѣ ихъ можно судить по тому числу ружей, которое Клингспоръ просилъ доставить для раздачи населенію³⁾ (см. выше). Въ общемъ, приведенные Норденсваномъ цифры, даже вдвое увеличенныя, едва ли точно изобразятъ число бойцовъ, съ которыми въ это время предстояло имѣть дѣло. Крестьяне финские оборонялись весьма храбро, особенно за закрытыми, но къ наступательнымъ дѣйствіямъ не были способны и опасались артилераі.

Расположеніе графа Клингспоря главными силами у Сальми съ авангардами у Линтулакса, Нерпесъ и Каухаюоки было принаровлено

¹⁾ По исчислению Nordenstana (Finska kriget 1808—09).

²⁾ По расчетамъ Михайловскаго-Данилевскаго (стр. 218), у шведовъ въ Финляндіи къ этому времени насчитывалось не менѣе 14,000 человѣкъ регулярныхъ при 59 орудіяхъ, изъ которыхъ главная масса (около 7 тыс. и 30 орудій) была подъ начальствомъ графа Клингспоря у Сальми, особый отрядъ фонъ-Дебельна (2.000) былъ отъ нея выдѣленъ на побережье къ Кристианстаду и для связи съ Куопио — такой же числительности отрядъ Фіандта у Линтулакса. Сандельсъ оставался непрѣжнему съ тремя тысячами у Тайволы.

³⁾ Михайловскій-Данилевскій (стр. 218) считаетъ ихъ у Клингспоря 6.000, у Дебельна 1.500 и у Сандельса 2.000, прибавляя тутъ же, что шведы находятъ эти цифры преувеличеными. А сколько партизановъ было въ Кареліи и сколько дѣйствовало самостоятельнѣ?

къ тому, чтобы, съ одной стороны, предупредить возможное движение со стороны Куюпіо, т. е. на сообщенія шведовъ вдоль побережья (на Линтулаксъ — Гамлакарлебю) или же съ южной стороны, отъ Бьернеборга или Таммерфорса, если бы у насъ вздумали усилить отрядъ Орлова-Денисова.

Бездѣйствіе шведовъ дало графу Каменскому возможность организовать продовольствіе, пополнить свой отрядъ и подтянуть подкрепленія. Всего къ 1-му августа, графъ Каменскій сосредоточилъ у Ймсе (южнѣе Ювяскюля, на западномъ берегу оз. Пейянне)—10.500 человѣкъ съ 38 орудіями (см. черт. № 15).

Войска были обильно снабжены запасами, пріобрѣтенными покупкою на мѣстѣ, полки реорганизованы, пополнены, подtinуты, въ тылу пополнены магазины. Словомъ, въ двухнедѣльный срокъ къ 1-му августа, Каменскій былъ готовъ къ выступленію и въ этотъ день выдвинулъ свой авангардъ, подъ начальствомъ Власта, къ Сааріярви (на пути Ювяскюля—Гамлакарлебю), а два особыхъ передовыхъ отряда, Эриксона и Сабанѣева, къ переправамъ черезъ Сатакундскія озера у Руовеси и Кеуру. Идея плана графа Каменского заключалась въ томъ, чтобы, прикрывшись съ фланга отрядами Сабанѣева и Эриксона, долженствовавшими навлечь на себя вниманіе шведовъ, самому съ главными силами быстро устремиться черезъ Ювяскюля на Сааріярви—Линдулаксъ и атаковать Клингспора у Сальми съ обходомъ лѣваго фланга и угрозою его сообщеніямъ съ Вазою и Гамлакарлебю.

Такое рѣшеніе нельзя не признать въ высшей степени смѣлымъ и бившимъ врага въ самое болѣе мѣсто, притомъ силами сосредоточенными.

2-го августа графъ Каменскій выступилъ на Ювяскюля, а Эриксонъ, соединясь съ Сабанѣевымъ, пошелъ на Алаво, дабы своимъ наступленіемъ притянуть шведовъ къ ихъ фронту. 6-го августа, на пути изъ Ювяскюля къ Линдулаксу, получено было Каменскимъ неутѣшительное донесеніе о пораженіи Эриксона съ Сабанѣевымъ при Алаво что въ корни измѣнило обстановку.

Произошло это слѣдующимъ образомъ. Графъ Клингспоръ, главныя силы котораго иродолжали занимать укрѣпленную Сальминскую позицію, одновременно получивъ донесенія какъ о появлѣніи русскихъ войскъ близъ Алаво, такъ и у Сааріярви; выводя отсюда, что противникъ грозитъ ему одновременно и съ фронта и въ обходъ лѣваго фланга, шведскій главнокомандующій, чувствуя, что рѣшительная минута близка, поступилъ подобно всѣмъ нерѣшительнымъ людямъ: онъ созвалъ военный совѣтъ. На этомъ совѣтѣ, послѣ долгихъ споровъ, было, наконецъ, принято, подъ вліяніемъ настоящій Адлекрейца

и другихъ частныхъ начальниковъ, рѣшеніе *активнаго* характера; было рѣшено, сдерживая сѣверо-восточную группу русскихъ (т. е. Властова), ударить на другой ихъ авангардъ, т. е. Эриксона съ Сабанѣевымъ. Для этого наступленія назначено было двѣ трети всѣхъ бывшихъ у Клингспора войскъ (около 5 т.); но начальство надъ ними шведскій главнокомандующій на себя не принялъ, а ввѣрилъ своему начальнику штаба Адлеркрайцу.

На другой же день послѣ этого военнаго совѣта, 4-го августа, войска Адлеркрайца тронулись двумя колоннами; правую велъ Кронстедтъ, лѣвую Гриппенбергъ.

Первоначально войска Сабанѣева (пришедшиа изъ Куопіо на усиленіе графа Каменскаго), присоединившиися къ войскамъ Эриксона (выдѣленнымъ непосредственно изъ состава войскъ самого Каменскаго), расположились впереди Алаво, стараясь одновременно прикрыть, какъ дорогу на Вирдойсъ — Таммерфорсъ (т. е.—на югъ), такъ и на Тейсе-Кеуру-Ювяскуля, ибо если первая была путемъ отступленія въ случаѣ неудачи, то вторая была путемъ *связи* съ своими главными силами, т. е. съ Каменскимъ (при условіи движения послѣдняго, согласно плану, на Линтулаусъ). Трудность положенія усугублялась тѣмъ, что вторая изъ помянутыхъ дорогъ отходила отъ Алаво на сѣверо-востокъ къ сторонѣ противника и потому уже сворачивала на юго-востокъ къ Ювяскуля, причемъ на всемъ почти протяженіи отдѣлялась отъ первой дороги непроходимыми водными преградами; связь можно было возстановить только въ 4-хъ переходахъ южнѣе (отъ Оривеси къ Ямсе), уже почти на высотѣ Таммерфорса (черт. № 16).

5-го августа на разсвѣтѣ шведы стали тѣснить передовыя части, двухтысячного отряда Эриксона¹⁾. Къ Эриксону стали поступать донесенія о томъ, что непріятель въ значительныхъ силахъ наступаетъ по двумъ дорогамъ. Такъ какъ Алаво примыкаетъ къ большому озеру Ала-ярви, а обѣ помянутыя дороги выводятъ на фланги позиціи, занятой Эриксономъ, то послѣдній сталъ опасаться, что оставаясь на этой позиціи, онъ можетъ оказаться притиснутымъ къ водной преградѣ; поэтому онъ рѣшилъ отойти версты на 3 на югъ, къ деревнѣ Херкененъ, где и занялъ дефиile между озеромъ и скалистою высотою; полкъ Сабанѣева (3-й егерскій) сталъ впереди, два остальныхъ—въ резервѣ, въ колоннахъ; артиллерія—передъ деревней, а по сторонамъ ея разсыпалась двойная цѣпь стрѣлковъ; конница, дѣйствіямъ которой мѣстность совершенно не благопріятствовала, расположилась позади пѣхотныхъ резервовъ. Хотя такимъ образомъ

¹⁾ Въ него входили 3-й, 23-й и 26-й егерскіе полки, 5 орудій и 2 эскадрона уланъ Его Высочества и Гродненскіхъ гусаръ.

Эриксонъ и бросилъ дорогу на Тейсе-Кеуру, связывающую его со графомъ Каменскимъ, однако оставилъ у Тейсе двѣ роты.

Въ 2 часа дня противнику занялъ Алаво и началъ атаковать позицію Эрикссона у Херкенена. Позиція эта была очень сильна, такъ что Адлеркрайцъ прибѣгъ къ обычному пріему—къ обходу лѣсомъ. Къ сожалѣнію, у насъ между начальниками (командныя отношенія между которыми установлены не были) возникли пререканія, отразившіяся весьма невыгодно на успѣхѣ обороны. Эриксонъ стоялъ за отступленіе; Сабанѣвъ настаивалъ на необходимости упорно удерживать позицію. Несогласіе между начальствующими лицами нарушило должное единство въ ходѣ обороны, тѣмъ не менѣе, войска дрались храбро; артиллерія наносила противнику существенный ущербъ. Однако, движение по лѣсу обходной колонны шведовъ сдѣлало свое дѣло: Эриксонъ приказалъ отступать. Непріятель произвелъ смѣлый штыковый натискъ въ лобъ; фронтъ одного изъ нашихъ баталіоновъ былъ прорванъ. Несмотря на энергичную выручку сосѣдей, произошла сумятица; мы потеряли здѣсь около полуторы сотни пѣшими. Отступленіе отряда Эрикссона затруднялось къ тому же мѣстностью; войскамъ приходилось втягиваться въ узкое горло между озеромъ и скалистыми высотами, а противнику энергично насѣдалъ, преслѣдуя отступающихъ на протяженіи 13 верстъ... Такъ какъ единственнымъ возможнымъ для Эрикссона отступленіемъ былъ отходъ на югъ, къ Руовеси, и такъ какъ двѣ роты, оставленные имъ у Тейса, очевидно не могли, по слабости силъ, выполнить своего назначенія, то выходило, что шведы получали возможность сами двинуться черезъ Кеуру—Ювяскюля въ тылъ графу Каменскому. Шведскіе писатели обыкновенно жестоко нападаютъ на Клингспоря, что онъ не воспользовался этимъ выгоднымъ маневромъ. Однако Нордесванъ¹⁾ приводитъ изъ королевского военного архива 2 письма Клингспоря къ Адлеркрайцу свидѣтельствующія о томъ, что Клингспоръ въ это время не зналъ еще о движении Каменского впередъ, а считалъ его у Сааріярви, т. е. верстахъ въ 200 съ лишнимъ²⁾). Клингспоръ ограничился направлениемъ Адлеркрайца во слѣдъ Эрикссону; онъ расчитывалъ, что Каменскаго заставить отступить уже одно это движеніе; но Каменскій не принадлежалъ къ числу военачальниковъ, которыхъ можно одними маневрами подчинить своей волѣ.

Получивъ донесеніе о пораженіи Эрикссона подъ Алаво и объ отступленіи его на югъ, что обнажало его сообщенія, Каменскій рѣшилъ «по Суворовски» вопросъ обѣ обезпеченіи своей операционной

¹⁾ См. Finska Kriget 1808—1809, стр. 280.

²⁾ Это объясненіе не оправдываетъ Клингспоря отъ хронического, впрочемъ, въ эту войну пренебреженія къ разведкѣ конницей.

лини. Опъ расчелъ, что лучшимъ для того средствомъ будетъ побѣдоносный бой и,бросивъ предположенный было по первоначальному плану «маневръ» на Сааріярви——Линдулаксъ, рѣшилъ отъ Ювас-кюля свернуть прямо всѣми силами черезъ Кеуру—Этсери на Алаво и ударить на Клингспоры *раньше*, чѣмъ послѣдній успѣлъ бы выиграть достаточно пространства для движенія ему въ тылъ. Такое рѣшеніе давало ему въ руки выгоды внезапности; въ то же время, сворачивая на Алаво, Каменскій, пользуясь кратчайшимъ разстояніемъ, достигалъ, быстрытою своего появленія, облегченія положенія войскъ Эриксона. Пройдя *въ пять дней 170 верстъ*, графъ Каменскій 13-го іюля снова занялъ Алаво, опрокинувъ встрѣченный на пути передовой отрядъ. Одновременно съ наступленіемъ своимъ, Каменскій двинулъ отрядъ Власта по прежнему пути на Линтулаксъ, съ приказаніемъ непремѣнно разбить бывшій тамъ отрядъ фонъ-Фіандта и тѣмъ прервать связь Клингспоры съ Сандельсомъ и дѣйствовать затѣмъ оттуда во флангъ Клингспору, который, приостановивъ намѣченное было движеніе, снова стягивалъ всѣ силы у Сальми. Въ то же время Эриксону, отступившему на югъ, приказано было снова обратиться къ Алаво.

Въ Алаво графъ Каменскій нѣсколько пріостановился, желая дать роздыхъ войскамъ, а главное—дать Эриксону время подтянуться; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выжидалъ результата наступленія Власта.

9-го августа послѣдній выступилъ изъ Сааріярви, настигъ Фіандта близъ Карстулы, гдѣ 2-хъ тысячный отрядъ его занялъ крѣпкую съ фронта позицію поперекъ перешейка между двумя заливами озера Пя-ярви (черт. № 17).

Узкій протокъ, съ перекинутымъ черезъ него мостомъ, прорѣзываетъ перешеекъ; за нимъ поставилъ Фіандтъ свой отрядъ, уперевъ оба фланга въ водные преграды. Позиція была усиlena съ фронта окопами и батареями, часть которыхъ устроена была уступомъ за лѣвымъ флангомъ.

Бой начался столкновеніемъ авангарда Власта со сторожевыми постами шведовъ, занимавшими впереди Карстулы засѣки поперекъ перешейка. Ихъ выбили изъ засѣкъ и преслѣдовали до самой кирки, гдѣ непріятель продолжалъ сопротивляться въ домахъ селенія. Тѣмъ временемъ главныя силы Власта подошли къ деревнѣ Сюстямяки и начальникомъ отряда сдѣланы слѣдующія распоряженія: 3 батальона съ 2-мя орудіями, подъ начальствомъ подполковника Лукова, двинуты цѣлиною, лѣсомъ, по краю окаймлявшей озерко Карстула болотины, на лѣвый флангъ позиціи Фіандта, гдѣ черезъ узкій притокъ можно было завязать перестрѣлку; маіоръ Риманъ съ 1½ батальонами посланъ лѣсною тропою въ еще болѣе кружный обходъ того же фланга, на путь отступленія шведовъ, а всѣ остальные войска

самъ Властовъ повелъ по перешейку для атаки съ фронта. Несмотря на необходимость наступать здѣсь узкимъ фронтомъ, Властову удалось очистить деревню и утвердиться на высотѣ южнѣе моста, которая командовала непріятельскою позиціей. Сюда ввезено было 5 орудій и возгорѣлся жестокій пушечный и ружейный огонь съ обѣихъ сторонъ; въ тоже время колонна Лукова, вытѣснивъ противника изъ засѣкъ, вогнала его на главную позицію въ бродъ черезъ проливъ, но отъ дальнѣйшаго удара была удержана огнемъ артиллериі. Упорный бой съ обѣихъ сторонъ продолжался безрезультатно до тѣхъ поръ, пока Фіандрту не донесли о появлениі отряда Римана на Линтулакской дорогѣ. Не располагая достаточными силами для того, чтобы удержать этотъ отрядъ (Фіандртъ дрался, по своему обычаю, безъ резерва)—онъ рѣшилъ отступать. Какъ только у насъ замѣчено было попытное движение непріятеля, тотчасъ же всей нашей линіи раздалось оглушительное «ура»; роты подъ предводительствомъ офицеровъ, соперничая другъ съ другомъ, ринулись впередъ, кто черезъ полусгорѣвшій мостъ, кто въ бродъ и, несмотря на картечные залпы, бѣгомъ ворвались въ непріятельскіе окопы, гдѣ пошла русская штыковая потѣха!

Бѣлозерскій и Сѣверскій полки, дѣйствовавшіе противъ лѣваго шведскаго фланга подъ начальствомъ Лукова, не желая уступать товарищамъ, также бросились въ воду и, перейдя черезъ заливъ, ударомъ во флангъ заставили непріятеля окончательно очистить позицію. Верстахъ въ 3-хъ къ сѣверу дорогу пересѣкала небольшая рѣчка. Здѣсь Фіандртъ сталъ устраивать снова свой отрядъ, разсчитывая задержаться, такъ какъ по сторонамъ непроходимыя болота мѣшали обходу. Но Властовъ не далъ имъ тутъ устроится и снова ударили, а къ тылу подоспѣлъ Риманъ, такъ что и эта позиція была вскорѣ очищена. Подъ вечеръ Фіандртъ собралъ весь свой отрядъ за деревнею Метененъ, позади моста, гдѣ заранѣе подготовлена была укрѣпленная позиція. Здѣсь подоспѣвшіе наши преислѣдователи встрѣчены были артиллерійскимъ огнемъ; въ отвѣтъ наша батарея выѣхала на картечь, а головныя части пѣхоты бросились въ штыки и уже въ сумеркахъ закончили бой, вынудивъ непріятеля поспѣшно отступить. Темнота прекратила преислѣдованіе.

Карстульскій бой длился 10 часовъ, на протяженіи 18-ти верстъ, онъ является типичнымъ примѣромъ боевъ на финляндской мѣстности, гдѣ занятіе пассивно оборонительной позиціи неизбѣжно приводитъ къ отступленію, при появлениі хотя-бы самаго ничтожнаго отряда въ тылу.

Побѣда при Карстулѣ позволила Властову отдать часть своихъ силъ для содѣйствія графу Каменскому; онъ направлены были на

Сальми (2 полка—Бѣлозерскій и Сѣвскій, съ полуэскадрономъ Гродненскихъ гусаръ). Самъ Властовъ продолжалъ тѣснить Фіандта далѣе на сѣверъ и достигъ уже Перхо. Потери Фіандта были весьма значительны; въ его рукахъ осталась едва третья прежняго отряда.

Авангардный бой при Карстулѣ сгладилъ неблагопріятное впечатлѣніе неудачи, понесенной Эриксономъ. Дѣло это прозвано было у насъ въ войскахъ „офицерскимъ дѣломъ“, по необыкновенному ихъ одушевленію въ отрядѣ Властова. Стремительность атакъ, благодаря которой противнику не удалось удержаться ни въ одной изъ своихъ подготовленныхъ заранѣе позицій, зависѣла, главнымъ образомъ, отъ доблести и соревнованія офицеровъ отряда, наперерывъ другъ передъ другомъ увлекавшихъ свои части впередъ...

Графъ Клингспоръ не сумѣлъ воспользоваться успѣхомъ Адлеркрайца, и побѣда его надъ Эриксономъ такъ и не была эксплуатирована; шведскій главнокомандующій теперь, какъ и раньше, готовился принять оборонительный бой на укрѣпленной позиціи у Сальми. За то графъ Каменскій воспользовался успѣхомъ Властова и сумѣлъ, своевременнымъ выборомъ соотвѣтственного операционаго направлениія, устранить неблагопріятныя послѣдствія первой неудачи. Противники, одинъ у Алаво, другой у Сальми, снова стояли лицомъ къ лицу другъ передъ другомъ, о „маневрахъ“ не было больше рѣчи, ни съ той, ни съ другой стороны. Шведы разсчитывали на силу своей позиціи и выражали увѣренность въ томъ, что русскіе о нее разобьются; въ свою очередь графъ Каменскій намѣренъ былъ испытать окончательного рѣшенія въ безповоротномъ столкновеніи съ главными силами противника и заботился лишь о томъ, чтобы притянуть къ полю сраженія все, что только возможно.

Извѣстіе о пораженіи шведскихъ войскъ при Карстулѣ произвело въ шведской главной квартирѣ впечатлѣніе „громового удара“. Шведскій главнокомандующій, нетерпѣливо ожидавшій подкѣрѣпленій со стороны Лаппфѣрда (близъ Кристинестада), чтобы развить успѣхъ, достичнутый у Алаво и выйти всѣми силами на сообщенія графа Каменского,—былъ, по словамъ шведскаго историка, „близокъ къ потерѣ разсудка“, особенно въ виду преувеличенныхъ слуховъ, идущихъ отъ населенія, что „руssкіе“ изъ Карстула „наступаютъ въ большихъ массахъ“. Онъ немедленно приказалъ всѣмъ передовыми

¹⁾ Норденсванъ, стр. 288. При изложеніи дѣйствій шведскихъ войскъ послѣ боя при Лаппо приходится довольствоваться этимъ источникомъ, такъ какъ послѣдующіе томы официальнаго изданія шведскаго генерального штаба еще не вышли. Книга Норденсвана хотя и является иллюстрированнымъ популярнымъ изданіемъ, но во многомъ основывается на неизданныхъ документахъ и вообще на первоисточникахъ, такъ какъ авторъ—занимавшій должность начальника шведскаго генерального штаба—въ свое время руководилъ и работами его военно-исторического отдѣленія.

войскамъ, выдвинутымъ къ Этсери, Вирдойсъ и Алаво, поспѣшно отходить къ Куортане и Сальми, гдѣ были заблаговременно укреплены позиціи, и выставилъ сильный заслонъ въ направлениі на Линтулахсъ (откуда шелъ Властовъ).

Одновременно Клингспоръ донесъ королю Густаву-Адольфу свои сѣтованія по поводу опаснаго положенія арміи, такъ какъ послѣдняя, по его мнѣнію, несмотря на все необычайное свое мужество, не въ состояніи бороться съ тѣми превосходными силами, которыя готовы на нее обрушится. Онъ описалъ затѣмъ въ яркихъ краскахъ всѣ невыгоды новаго отступленія на сѣверъ и ходатайствовалъ передъ королемъ о скорѣйшей присылкѣ въ Базу транспортныхъ судовъ, для того, чтобы, въ случаѣ неудачи, спасти остатки арміи, перебросивъ ихъ черезъ Ботническій заливъ въ Швецію.

Финскій историкъ Данельсонъ (*Finska kriget*, стр. 418) утверждаетъ, что какъ Адлеркрайцъ, такъ и Аминовъ были убѣждены въ необходимости перевезти армію въ шведскіе предѣлы.

Всѣ эти писатели стремятся доказать, такимъ образомъ, что сознаніе безнадежности дальнѣйшей борьбы за Финляндію проникало собою уже тогда мозгъ шведской арміи,—ея лучшихъ генераловъ. Этимъ до извѣстной степени, какъ-бы умаляется значеніе подвига, совершенного графомъ Каменскимъ, который, къ тому же, во всѣхъ послѣдующихъ столкновеніяхъ со шведами вынужденъ былъ всегда атаковать съ силами меньшими, чѣмъ у противника. На самомъ дѣлѣ, самое упорство этихъ боевъ со стороны шведовъ (особенно Оровайскаго, какъ увидимъ далѣе), опровергаетъ приведенное мнѣніе шведо-финскихъ историковъ. Если Клингспоръ такъ поддавался игрѣ воображенія и по однимъ слухамъ „рисовалъ себѣ картины“, не провѣряя эти слухи *развѣдкою*, то въ этомъ выражались его личные свойства, не распространявшиеся отнюдь на его сподвижниковъ. Если же и послѣдніе толковали о перевозкѣ арміи въ Швецію моремъ, то лишь какъ о лучшемъ рѣшеніи въ случаѣ неудачи по сравненію съ тяжелымъ и рискованнымъ отступленіемъ вдоль морского побережья.

Бо всякому случаю безусловно вѣрно, что если бы мыры по подготовки перевозки арміи Клингпора изъ Базы на шведскій берегъ были приняты заранѣе, то это придало бы большую свободу операциямъ шведовъ и избавило бы ихъ отъ необходимости все время держать за свой левый флангъ, обходъ которого ставилъ ихъ въ опасное положеніе. А во всѣхъ послѣдующихъ боевыхъ столкновеніяхъ, Каменскій, совершенно правильна оцѣнивая при сложившейся обстановкѣ (отсутствіе подготовленного отступленія прямо черезъ море) значеніе для шведовъ ихъ леваго фланга, все время бѣть упорно этотъ флангъ,

несмотря на труднодоступность местности. Будь у шведовъ возможность отступить моремъ,—эти удары били бы въ пустую, и шведы могли бы дольше удерживаться на своихъ позиціяхъ, не очищая ихъ (какъ, напримѣръ, у Сальми) преждевременно.

Разбивъ Фіандта въ десятичасовомъ боѣ при Карстула, Властовъ продолжалъ на другой день тѣснить его въ направлениіе на Линтулаксъ, выдѣливъ одинъ полкъ (Бѣлозерскій) на присоединеніе къ графу Каменскому. Послѣдній въ Алаво выжидалъ полнаго сосредо-ченія всѣхъ силъ, т. е. какъ возвращенія войскъ Эриксона, такъ и подкрѣпленій, высланныхъ Властовымъ. Но еще до прибытія этихъ отрядовъ, Каменскій приказалъ полковнику Кульневу, не взирая на слабость силъ его, съ авангардомъ сбивать непріятельские форпости, сперва до Сарвика, а затѣмъ и далѣе до Кухалампи. 17-го августа ожидаемые отряды прибыли и 19-го графъ Каменскій началъ наступленіе, имѣя въ виду рѣшительно атаковать графа Клингспоры, продолжавшаго со всѣми силами пассивно стоять на укрѣпленной позиції у Сальми.

Въ противоположность обычнымъ стремленіямъ графа Буксгевдена, возвлажавшаго всегда, во всѣхъ своихъ планахъ, главныя улованія на маневръ, на угрозу сообщеніямъ противника, часто не соразмѣряя этихъ расчетовъ съ условіями разстояній и времени, Каменскій крайне скрупульно распоряжался войсками для кружныхъ движений на пути отступленія противника, предпочитая имѣть въ своихъ собственныхъ рукахъ какъ можно больше силъ для рѣшительного удара.

Цѣлью Каменскаго, какъ доносилъ онъ потомъ Буксгевдену, было, между прочимъ, „открыть непремѣнно комуникацію“ съ отрядомъ Властова. Такъ какъ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, послѣдній продолжалъ преслѣдовать Фіандта и къ 19-му успѣхъ уже продвинуться до Перхо, то Каменскій приказалъ ему выдѣлить еще одинъ полкъ (Сѣверскій) съ полу-эскадрономъ Гродненскихъ гусаръ, которому свернуть отъ Линтулакса на западъ и выйти 20-го августа къ лѣвому флангу главной шведской позиціи. Указанное стремленіе еще усиливало для насъ значение лѣваго фланга шведовъ и служило лишнимъ побужденіемъ къ тому, чтобы атаковать именно этотъ флангъ.

Благодаря этому выдѣляемый Властовымъ отрядъ не только выполнилъ бы задачу установленія связи между обѣими группами, но еще окказалъ бы большое содѣйствіе намѣчаемой атакѣ, такъ какъ, повторяемъ, лѣвый флангъ для шведовъ имѣлъ весьма важное стратегическое значеніе и притомъ двоякое: 1) въ этомъ направлениіе шли всѣ пути на сѣверъ, перехватывая которые мы могли предупредить шведовъ на побережье и задержать ихъ отступленіе къ Улеаборгу, 2) могла быть прервана связь между Клингспоромъ и отрядомъ фонъ-

Фіандта, 3) установлена нами связь и взаимодѣйствіе между Каменскимъ и Властовыми.

Графъ Каменскій двинулъ свои силы тремя эшелонами: впереди авангардъ Кульнева (3-й егерскій полкъ, 3 роты Петровскаго полка, 2 эскадрона Гродненскихъ гусаръ и казаки), затѣмъ отрядъ Эриксона (побѣжденный при Алаво)—полки 23-й и 26-й егерскіе, 3 роты Азовскаго полка и по эскадрону гусаръ и уланъ. Наконецъ, самъ Каменскій велъ главныя силы (полки: Бѣлозерскій, Петровскій и Азовскій, по баталіону отъ полковъ Калужскаго и Великолуцкаго, по 2 эскадрона уланъ и гусаръ и казаки). Такое *эшелонное* наступленіе вполнѣ отвѣчало условіямъ финляндской мѣстности: узость полотна дорогъ и свойства мѣстности по сторонамъ ихъ удлиняютъ походныя колонны, движение большихъ силъ замедляется; дробленіе на эшелоны, увеличивая быстроту марша, позволяетъ вмѣстѣ съ тѣмъ пользоваться тыльными эшелонами, какъ резервами, направляя ихъ *прямо съ* пути въ обходъ нужнаго фланга, въ зависимости отъ результатовъ усиленной *развилки* головного эшелона.

Послѣдняя задача естественно выпала на долю Кульнева который зарекомендовалъ себя уже, какъ специалистъ авангарднаго дѣла. Еще 19-го числа онъ тронулся впередъ¹⁾; одновременно Каменскій приказалъ одной ротѣ Калужскаго полка (изъ шедшаго за авангардомъ 1-го эшелона Эриксона) двинуться лѣвымъ берегомъ рѣчки Ниссо, „дабы очищать и ту сторону отъ непріятеля“. Впослѣдствіи (вечеромъ 19-го числа) эта рота, дѣйствовавшая весьма энергично, поддержана была остальными силами баталіона и небольшою частью конницы, а весь отрядъ вручена генералу Козачковскому.

Непріятельскій аріергардъ (одинъ баталіонъ съ двумя орудіями и эскадрономъ драгунъ) занималъ деревню Кухадампи. Кульневъ пустилъ свою пѣхоту въ атаку съ фронта, а конницу въ охватъ фланга при поддержкѣ огня нашихъ двухъ орудій, дѣйствовавшихъ весьма удачно. Не выждавъ атаки, шведы отступили, задерживаясь въ течение дня на нѣсколькихъ позиціяхъ за мелкими ручьями вплоть до самого моста черезъ рѣчку Нисо.

Каменскій указываетъ въ своемъ донесеніи, что на одной изъ этихъ позицій,—такъ какъ пѣхота наша была задержана починкою разрушенного моста черезъ одинъ изъ ручьевъ и не могла скоро проплыть,—конница, подъ командою л.-гв. Коннаго полка штабъ-ротмистра Гrottуса, „бросилась на его шанцы, выбила его изъ оныхъ и преслѣдовала до лѣса“. Отмѣчаемъ этотъ фактъ, какъ доселѣ неиз-

¹⁾ Фактическая сторона послѣдующихъ боевъ основана на печатныхъ источникахъ, исправленныхъ по донесеніямъ самого Каменскаго главнокомандующему (В. ист. арх. гл. штаба, дѣла ген. ад. графа Закревскаго).

въстній случай конной атаки на укрѣпленія, да еще въ такой мѣстности, какъ Финляндія.

Непріятель при своемъ отступлениі жегъ всѣ мосты, но это не препятствовало нашему авангарду „сидѣть, такъ сказать, на плечахъ его и преслѣдоватъ съ удивительною быстротою. Мосты чинились столь скоро, что орудія отъ пѣхоты и кавалеріи почти не отставали“.

Дойдя до деревни, непріятель впереди моста оказалъ довольно упорное сопротивленіе, но, въ концѣ концовъ, былъ опрокинутъ; при преслѣдованіи наши егеря вѣжали на самый мостъ, и только огонь батарей противоположного берега (гдѣ была уже главная позиція шведовъ) заставилъ ихъ отойти. Дѣло происходило уже въ сумерки; шведы зажгли мостъ. Кульневъ пріостановилъ свой авангардъ на южномъ берегу рѣчки, ожидая подхода остальныхъ силъ Каменскаго которыхъ послѣдовательно подошли въ теченіе ночи.

Такимъ образомъ, стремленіе шведского аріергарда задержать насъ, пользуясь рядомъ мостовыхъ переправъ черезъ мелкіе протоки, не удалось, благодаря стремительности и сноровкамъ Кульнева, не остановившагося передъ посыпкою конницы на окопы, лишь бы не упускать соприкосновенія съ противникомъ.

Дорога Алаво—Сальми—Лаппо, по которой наступалъ Каменскій, пролегаетъ по восточному берегу большого Куортанскаго озера. Между деревнями Куортане и Руона она пересѣкаетъ болотистую рѣчку, вытекающую изъ небольшого озерка Нисо (версты полторы въ окружности), расположеннаго въ верстѣ восточнѣе большого Куортанскаго озера. Здѣсь, позади 100 саженнааго моста, шведы возвели батареи и укрѣпили (у деревни Руона) сильную передовую позицію, заваливъ засѣками всѣ тропинки черезъ лѣсъ, примыкающей съ востока къ ея лѣвому флангу. Главная позиція ихъ была у Сальми, близъ сѣверной оконечности озера, верстахъ въ пяти къ сѣверу отъ дер. Руона (черт. № 18).

Позиція графа Клингспоря у деревни Руона была очень сильна. Правый ея флангъ упирался въ Куортанское озеро, имѣя передъ фронтомъ болотистую рѣчку и озерко Нисо. Лѣвый флангъ позиціи тянулся вдоль берега той же рѣчки вплоть до деревни Тахала, будучи прикрыты окопами и засѣками¹⁾. Три сильныя батареи обстрѣливали дорогу и мостъ. У Клингспоря здѣсь было свыше 7,000 регулярныхъ войскъ, при 30 орудіяхъ, не считая большихъ толпъ вооруженныхъ крестьянъ²⁾.

¹⁾ «Всѣ маленькия дорожки (доносить Каменскій), по которымъ бы нашиши войскамъ въ лѣсу можно было итти, были завалены засѣками и сдѣланы вовсе непроходимыми, и непріятель въ сей позиціи находился какъ въ крѣпости».

²⁾ Не менѣе 4—5 тыс.

Немедленно по своемъ прибытии, въ ночь на 20-е августа, графъ Каменскій распорядился постройкою въ авангардѣ Кульнева трехъ батарей на (10 орудій), для дѣйствія по наиболѣе сильному правому крылу шведской позиціи¹⁾. Батареи эти возводились спѣшно, въ потѣмахъ, въ разстояніи картечнаго выстрѣла отъ непріятельской позиціи. Расположеніе войскъ противника не было намъ въ точности извѣстно; за то мѣстность будущаго поля сраженія отлично знали всѣ офицеры бывшаго отряда Раевскаго, шесть недѣль передъ тѣмъ занимавшаго ту же позицію. Пользуясь этимъ, графъ Каменскій рѣшилъ положиться на нихъ и начать атаку съ разсвѣтомъ, направивъ ударъ въ охватъ лѣваго фланга непріятеля, черезъ труднопроходимый, болотистый и каменистый лѣсъ. На авангардѣ Кульнева возлагались дѣйствія съ фронта; обходъ порученъ Раевскому, какъ близко знакомому съ мѣстностью. Сюда направлена большая часть отряда: всего 8 баталіоновъ; такъ какъ мѣстность не позволяла провезти орудія то два изъ нихъ было разобрано на части и ихъ понесли на рукахъ. Въ резервѣ оставленъ былъ съ 3-мя баталіонами Демидовъ; онъ былъ расположено вдоль большой дороги, позади Кульнева, имѣя назначениемъ, очевидно, лишь предупреждать случайности. Отряду Козачковскаго приказано продолжать движеніе по западному берегу Куортанскаго озера, и, сообразуясь съ дѣйствіями главныхъ силъ, направляться къ Сальми, въ тылъ непріятелю.

Въ 10 часовъ утра пришло донесеніе отъ подполковника Лукова (начальника отряда, выдѣленнаго Властовыемъ). Онъ сообщилъ, что былъ задержанъ восстановленіемъ разрушенной переправы, и что теперь тѣснить находящійся передъ нимъ непріятельскій отрядъ и продвигается по направленію къ Сальми. Только тогда начато было наступленіе и двинута сперва только обходная колонна Раевскаго.

Шведскій главнокомандующій, уповая на силу своей позиціи, ожидалъ атаки за своими засѣками и укрѣплѣніями. Никакой развѣдки впереди лѣваго фланга, для освѣщенія примыкающаго къ нему закрытаго лѣсного пространства, не производилось.

Раевскій выступилъ въ 10 часовъ утра. „Всѣ препятствія, кои природа произвѣсть только можетъ, лѣса, болота, горы и каменья задержали его цѣлые четыре часа, хотя разстояніе, которое онъ долженъ былъ проходить, только 5 верстъ составляло. А затѣмъ, въ 3-мъ часу пополудни, велѣлъ я (доноситъ Каменскій) открыть со всѣхъ нашихъ батарей сильную канонаду. Тогда генераль-лейтенантъ Раевской, вышедъ, наконецъ, къ дорогѣ, по которой надлежало атаковать непріятеля, нашелъ и тутъ засѣки и принужденъ былъ вести

¹⁾ Изъ нихъ одна, выстроенная на мысу, весьма удачно анфилировала шведскія батареи.

по болотамъ и лѣсамъ“ головной свой эшелонъ, которымъ начальствовалъ Эриксонъ.

„Вышедъ на первое чистое мѣсто, онъ быль встрѣченъ сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ“ съ укрѣпленной непріятельской позиціи, „которая, будучи прислонена къ лѣсу на всей ея дистанції, была укрѣплена батареями, промежутки оныхъ были заняты крѣпкими шанцами и все такимъ образомъ, что *ниодѣтъ намъ флангу дать не могла*“. Эриксонъ вынужденъ быль остановиться на опушкѣ лѣса; замѣтивъ, что наши замялись, шведы бросили на нихъ въ штыки двѣ сильныя колонны. Отбивъ эту атаку контрг-ударомъ и вогнавъ непріятеля въ его окопы, Эриксонъ все же вынужденъ быль вывести своихъ изъ подъ убийственного огня и укрыть на опушкѣ лѣса. Однако, шведы, пользуясь крѣпостью своего праваго фланга, перевели оттуда часть силъ на лѣвый и возобновили атаку. Подъ влияниемъ Адлеркрайца оборона изъ пассивной превратилась въ активную. Ударъ намѣченъ быль въ опаснѣйшемъ для насъ направлениіи на деревню Херроа (на восточномъ берегу озера Нисо), т. е. въномъ въ разрѣзъ между обѣими нашими группами. Съ захватомъ этой деревни обходная колонна Раевскаго была бы изолирована отъ остальныхъ силъ отряда, дѣйствующихъ съ фронта.

Положеніе стало критическимъ: три шведскія колонны смѣло атаковали Эрикссона, четвертая двинулась на деревню Херроа, занятую лишь небольшой группой нашихъ егерей Раевскаго, быстро сообразивъ опасность этого наступленія, послѣшилъ подкрѣпить егерей въ Херроа цѣлымъ баталіономъ, съ приказаніемъ удержать деревню во что бы то ни стало. Покамѣстъ бѣлозерцы и егера отчаянно боролись въ Херроа, Раевскій послалъ къ графу Каменскому просьбу о присылкѣ подкрѣпленія. Оказалось, что уже послѣднее выслано самимъ начальникомъ отряда, который прослѣдилъ передвиженіе войскъ непріятеля съ праваго фланга на лѣвый. „На лѣвомъ флангѣ за это время шелъ бой исключительно артилерійскій“. „Жесточайшая“ канонада велась съ обѣихъ сторонъ. „Наша артилерія дѣйствовала съ особыннымъ искусствомъ и мужествомъ и наносила непріятелю величайший вредъ“. Однако, Каменскій замѣтилъ увозъ нѣсколькихъ орудій и ослабленіе огня на фронтѣ, изъ чего заключилъ, еще прежде полученія донесеній Раевскаго, что шведы стягиваются противъ него свои силы. Прежде всего онъ бросилъ въ поддержку Раевскому два эскадрона конницы, во 1-хъ, для выигрыша времени, а затѣмъ, такъ какъ „при удачномъ окончаніи дѣла оная ему весьма-бы нужна была“. Вслѣдъ за ними (уже по полученіи донесенія Раевскаго) послѣшили ближайшія войска авангарда (около 2-хъ баталіоновъ), замѣненные, въ свою очередь, изъ резерва. Такимъ образомъ, въ

рукахъ Каменского остался только одинъ баталіонъ Пермскаго полка. Для движениі конница могла пользоваться только одною тропинкою, да и та находилась подъ огнемъ непріятельскихъ батарей. Эскадроны¹⁾, справа по одному, бросились по ней во всю прыть, прикрываемые огнемъ нашихъ батарей, сдѣлавшихъ по приказанію Каменского, три залпа, заставившихъ этимъ замолчатъ непріятельскую артилерию на мгновеніе. Этимъ мгновеніемъ конница мастерски воспользовалась и лихо пролетѣла опасное пространство. Шведы въ окопахъ приготовились принять ея атаку, но конница наша пронеслась мимо подъ ихъ огнемъ такъ быстро, что потери ея ограничились одною убитою лошадью. Тѣмъ временемъ Раевскій продолжалъ упорно отстаиваться у Херроя; здѣсь оказали большую помощь тѣ два орудія, которыя, какъ выше упомянуто, были въ разобранномъ видѣ перенесены вслѣдъ за обходной колонной. Огонь этихъ пушекъ удерживалъ картечью повторнага атаки шведовъ на деревню, это дало время подоспѣть остальнымъ подкрепленіямъ; съ ихъ подходомъ всѣ войска Раевскаго разомъ перешли въ общее наступленіе и отбросили непріятеля въ его окопы. „Непріятель (доносить Каменскій) въ беспорядкѣ принужденъ былъ отступить къ своей позиціи и занять свои укрѣпленія, оставивъ побѣдителемъ поле, покрытое своими тѣлами“.

Такъ, къ наступленію ночи, завершился этотъ упорный и кровопролитный бой, окончившійся, повидимому, въ пользу шведовъ, удержавшихъ по всему фронту свои позиціи. Однако, графъ Клингспоръ заблагоразсудилъ ночью очистить ихъ и отойти на главную свою позицію, къ Сальми. Причина тому—вѣковѣчный его страхъ за свои пути отступленія. Появленіе отряда Лукова на Линтулакской дорогѣ²⁾ и Козачковскаго³⁾ на западномъ берегу Куортанскаго озера, несмотря на слабость этихъ отрядовъ, казалось уже ему угрожающимъ. Въ полной темнотѣ снялись со своихъ мѣстъ шведы и, подъ прикрытиемъ бивачныхъ огней, отступили къ Сальми. Движеніе это такъ и осталось-бы до утра незамѣченнымъ, если-бы Кульневъ, по своему обыкновенію, не отправился ночью повѣрять наше сторожевое охраненіе. Наблюдалъ за непріятельскимъ лагеремъ,

¹⁾ Уланскаго Его Высочества, маіора князя Манвелова и Гродненскаго гусарскаго, маіора Силина.

²⁾ Луковъ шелъ прямо на Сальми (т. е. въ тылъ Куортанской позиції), но былъ задержанъ небольшимъ арьегардомъ, который, отступая, жеѧ и ломалъ мости, такъ что Луковъ не могъ ранѣе наступленія ночи добраться до непріятельской позиціи и остановился, пославъ немедленно Каменскому извѣщеніе о мѣстѣ своего пребыванія.

³⁾ Козачковскій, наступая по ту сторону озера, послѣдовательно выбилъ бывшихъ против него шведовъ изъ четырехъ деревень и загналъ ихъ въ густой, болотистый лѣсъ; по прекращеніи боя на фронтѣ,—остановился и послалъ разъезды, проникшіе почти до Сальми: но противника на томъ берегу совершенно не обнаружилъ.

опытный глазъ его замѣтилъ одновременное воспламененіе всѣхъ бивачныхъ костровъ, а затѣмъ не одинаковое ихъ поддерживание, ослабленіе густоты непріятельской сторожевой цѣпи, уменьшеніе шума и движенія и т. п. признаки, по которымъ вскорѣ можно было безошибочно судить объ уходѣ шведскихъ войскъ. Для провѣрки Кульневъ послалъ казаковъ вбродъ озеромъ и донцы вскорѣ донесли, что шведскій лагерь пустъ. Докладъ Кульнева вызвалъ немедленное приказаніе Каменскаго о возобновленіи авангардомъ наступленія на разсвѣтѣ слѣдующаго дня. Кульневъ тотчасъ же переправилъ на ту сторону въ бродъ часть казаковъ и егерей, которые захватили оставленные шведами окопы, а остальная пѣхота выдѣлила нарядъ для возстановленія моста, надъ чѣмъ проработали всю ночь. Кульневъ сейчасъ-же переправилъ конницу и отрядилъ часть ея для раскрытия противника, который и былъ обнаруженъ въ 2-хъ верстахъ въ сѣверу отъ прежней его позиціи.

Кульневъ назначилъ маюра 3-го егерскаго полка Худинскаго съ 6-ю ротами того-же полка тѣснить шведовъ съ фронта, а двѣ роты того же полка, подъ начальствомъ конногвардейца штабсъ-ротмистра князя Кудашева послалъ вправо, по дорогѣ, выходящей на Линтулакскую, съ тѣмъ, чтобы охватить лѣвый флангъ шведовъ и въ то же время войти въ связь съ Луковымъ.

Посланые по Линтулакской дорогѣ разѣзды вошли въ соприкосновеніе съ подходившимъ отрядомъ Лукова, который вскорѣ и примѣнулъ къ Кульневу.

Остальные войска авангарда Кульнева расположились за Худинскимъ, занявъ прежнія шведскія укрѣпленія.

Худинскій, подкрепленный еще $1\frac{1}{2}$ баталіонами, оттѣснилъ шведскій авангардъ до перекрестка дорогъ на Линтулаксъ и Сальми. Шведы почти не сопротивлялись и отступали при малѣйшемъ на-
тискѣ, ограничиваясь огнемъ.

Наступленіе остальныхъ войскъ графа Каменскаго задерживалось переправою черезъ длинный мостъ у Руона. Слѣдя примѣру своего великаго наставника въ военномъ дѣлѣ, Суворова, графъ Каменскій понималъ, что самое отступленіе противника послѣ куортанскаго боя, окончившагося удержаніемъ всѣхъ позицій, показываетъ несомнѣнно что силы его надломлены. Это заключеніе подтвердилось и донесеніями Кульнева о ходѣ авангарднаго дѣла. А въ такихъ случаяхъ „время“ болѣе чѣмъ когда-либо „дороже всего“. Поэтому Каменскій, не ожидая подхода всѣхъ своихъ силъ, послалъ Кульневу приказаніе атаковать „съ чѣмъ Богъ послалъ“ или, какъ онъ самъ доноситъ

„форсировать неприятеля, стараться непременно занять Сальми и гнать неприятеля за оное селение“. Кульневъ раздѣлилъ свои 5¹/₂ баталіоновъ и 2 эскадрона на двѣ части, изъ коихъ большая, подъ начальствомъ маюра Худинского двинута была въ обходъ неприятеля слѣва, а остальные дѣйствовали огнемъ съ фронта.

„Сраженіе возобновились наилупорнѣйшее и продолжалось нѣсколько часовъ съ равнымъ успѣхомъ; наконецъ, неприятель былъ сбитъ и прогнанъ на свою позицію въ Сальми, укрѣпленную батареями и шанцами на возвышенномъ мѣстѣ“. Съ истинно-суворовскимъ упорствомъ Кульневъ, устроивъ свои войска вновь въ боевой порядокъ, повелъ атаку на третью позицію шведовъ тѣмъ же порядкомъ: Худинский и Луковъ, соединясь вмѣстѣ, пошли обходить лѣвый флангъ, а остальные войска Кульнева пошли съ фронта. Какъ только обходъ былъ законченъ, данъ былъ „пушечный сигналъ къ атакѣ“ и всѣ войска одновременно бросились на послѣдній штурмъ. Истомленные трехдневнымъ боемъ и видимо извѣршившіеся уже въ успѣхѣ шведы только отбивались усиленнымъ артилерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, не помышляя больше о контрап-атакахъ, хотя противъ нихъ дѣйствовала едва третья часть нашихъ силъ. Каменскій берегъ, на случай необходимости дать рѣшительный ударъ, всѣ тѣ войска, которымъ пришлось наканунѣ, у Куортане, вынести на себѣ всю тяжесть боя и которые потому нуждались въ заслуженномъ отдыхѣ (войска Раевскаго и Эрикссона). Однако, шведы „держались крѣпко и не хотѣли уступать“ своей позиції, пока генераль Козачковскій, двигавшійся западнымъ берегомъ озера, не показался въ тылу у неприятеля. Появленіе здѣсь неприятельскихъ войскъ (слабую числительность которыхъ *не успѣли разобрать*) произвело потрясающее впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что совпало съ рѣшеніемъ Кульнева произвести общій штурмъ позиції. Какъ электрическая искра, разомъ отъ одного фланга до другого вспыхнуло и прокатилось могучее „ура“, и всѣ войска Кульнева разомъ, дружнымъ натискомъ бросились на врага, имѣя сзади, въ видѣ резерва, конницу штабсъ-ротмистра Грутуса, которая и преслѣдовала сбитыхъ съ позиціи шведовъ на протяженіи 10-ти верстъ...

Такимъ образомъ, такъ долго подготовляемая Клингспоромъ укрѣпленная позиція у Сальми была имъ брошена безъ особо упорного сопротивленія только потому, что крошечный нашъ отрядъ Козачковскаго (всего 1 баталіонъ!) угрожалъ огнемъ тылу его позиціи, даже не пути отступленія, отъ которого Козачковскій былъ отдѣленъ непроходимымъ въ бродъ протокомъ! Дѣло рѣшено въ нашу пользу однимъ авангардомъ Кульнева, при содѣйствіи отряда Лукова; главныя силы Каменскаго даже не были введены въ дѣло.

Шведские и финляндские источники обыкновенно сильно нападаютъ на Адлеркрейца (которому Клингспоромъ¹⁾ поручено было командование войсками при Куортане) за отступление отъ Куортане, несмотря на то, что шведами были отбиты всѣ атаки русскихъ. Норденсанъ („Finska kriget“ стр. 301) защищаетъ Адлеркрейца, объясняя это рѣшеніе полученными имъ отъ начальника карельской бригады Аминова точными донесеніями о движениі колонны Лукова, угрожавшей его тылу. Во всякомъ случаѣ пассивность шведовъ, привязавшихся къ своимъ укрѣпленіямъ—внѣ спора. Если бой у Куортане еще ведется ими въ духѣ активной обороны,—но и то не далѣе *частныхъ* контрѣ-атакъ,—то уже у Сальми они почти только отсиживаются за валами, отбиваясь однимъ огнемъ отъ слабѣйшихъ силь Кульнева. Для парирования обхода Лукова и Козачковского никакихъ мѣръ не принимается, а каждый изъ этихъ отрядовъ, особенно послѣдній, совершенно отдѣленный (преградой) отъ своихъ, легко поддавался отдѣльному пораженію. Бонапартъ при Риволи былъ приблизительно въ такомъ же положеніи, въ какомъ были шведы при Сальми, но конечно, Адлеркрейцу было далеко до Бонапарта, не говоря уже о Клингспорѣ.

Приказаниѣ очистить Сальминскую позицію было дано самимъ Клингспоромъ, который отправилъ его Адлеркрейцу изъ Лаппо, какъ только получилъ донесеніе о столкновеніи съ русскими войсками (изъ отряда Орлова-Денисова) одного изъ заслоновъ, поставленныхъ имъ для прикрытия своихъ сообщеній съ южной стороны. Этого известія было достаточно, чтобы совершенно переполошить Клингспор (хотя у него стояли войска въ Лаппфьердѣ и въ Каухюки), и онъ немедленно далъ категорический приказъ Адлеркрейцу отступить.

Норденсанъ отмѣчаетъ странность, что всѣ шведо-финские писатели, упрекая Адлеркрейца за отступление отъ Куортане, ни единъ словомъ не промолвятся по поводу отступленія отъ Сальми.

Между тѣмъ здѣсь Адлеркрейцу, пользуясь бездѣйствиемъ главныхъ силъ Каменского, можно было скорѣе расчитывать одолѣть Кульнева, не боясь обходовъ мелкими отрядами, для выясненія численности которыхъ никакихъ мѣръ не принималось. Вообще, по свойствамъ финляндскихъ дорогъ (являющихся почти всегда закрытыми тѣснинами) и вообще мѣстности, затрудняющей обзоръ и распознаваніе силъ противника, безъ хорошей развѣдки легко быть введеннымъ въ заблужденіе на счетъ количества тѣхъ войскъ, съ которыми приходится имѣть дѣло. Въ походной колоннѣ—видна только

¹⁾ Самъ главнокомандующій оставался почему то въ Лаппо, въ 1—1½, переходахъ отъ поля сраженія.

голова; хвостъ скрывается въ лѣсныхъ чащахъ или въ поросшихъ соснами скалистыхъ дебряхъ; въ боевомъ порядке—видна только стрѣлковая цѣль; резервовъ, при искусномъ примѣненіи къ мѣстности, также не увидишь, даже въ тогдашнюю эпоху гладкаго оружія и откровенного перемѣщенія по полямъ сраженій. Поэтому нужна тщательная и смѣлая разведка, чтобы спасать себя отъ многихъ неизбѣжныхъ недоразумѣній...

Графъ Каменскій мастерски угадалъ *психологію* своего противника, на которого, съ одной стороны, рѣшительность, упорство и настойчивость действовали ошеломляющимъ образомъ, а съ другой—устрашающе вліяли угрозы сообщеніямъ. Покамѣстъ, до вступленія Каменского въ командование, у насть изощрялись въ сочиненія разнаго рода стратегическихъ вензелей, до тѣхъ поръ—шведамъ предоставлено было широкое поле дѣятельности и, если бѣда пронеслась мимо, то единственно благодаря нерѣшительности и бездѣйствію ихъ командованія. „Упущеные благопріятные случаи“—воротить трудно. Чувствительность шведовъ къ своему тылу использовалъ и Каменскій, но разница та, что до него маневрамъ придавали *рышающее* значеніе, на нихъ основывали *весь расчетъ* и *съ фронта* действовали *вяло*. Каменскій же употреблялъ обходы какъ средство вспомогательное, *демонстративное*, а весь успѣхъ основывалъ на фронтальномъ ударѣ, сочетая этотъ ударъ съ *ближнимъ* обходомъ. Каменскій на собственномъ опыта убѣдился въ началѣ своей операции, что планы, основанные исключительно на угрозѣ сообщеніямъ, являются обоядоострыми. Поэтому онъ рѣшился дѣйствовать „по Суворовски“, „атаковать и бить“ противника „въ полѣ“. Суворовъ говорилъ, „кто удивилъ—тотъ побѣдилъ“. Новые приемы Каменского поразили воображение шведовъ настолько, что они окончательно оставили всякие наступательные помыслы и, даже простоявши первый нашъ ударъ, подъ вліяніемъ воображаемыхъ опасностей, добровольно лишили себя плодовъ этого успѣха.

Стратегическая послѣдствія августовскихъ боевъ въ связи съ дѣйствіями Власта, весьма важны. Графу Клингспору приходилось продолжать свое отступление и такимъ образомъ вновь возвращаться на береговую приботническую дорогу. „Фельдмаршалъ Клингспоръ (доносиль Каменскій) послѣ онаго отступя въ Лилькуро и собравъ всѣ войска, которые находились въ Лаппфьердѣ и около Каухаюкъ, не сталъ и тутъ держаться противу побѣдоносныхъ Россійскихъ войскъ и отступилъ къ Оровайсу, покинувъ намъ городъ Вазу и большую часть Вазаской губерніи, оставляя за скоростью отступленія своего въ городѣ Вазѣ и другихъ мѣстахъ часть своихъ раненыхъ и довольно значущій магазейнъ“.

Такое рѣшеніе Клингспоря зависѣло еще отъ слѣдующихъ обстоятельствъ, неизвѣстныхъ Каменскому. Успѣшныя дѣйствія Властова, снова нанесшаго у Перхо пораженіе фонъ-Фіандту, грозили сообщеніямъ Клингспоря съ Эстроботніей; съ другой стороны, онъ долженъ былъ не терять связи и съ Вазою, на которую опирался оставленный имъ на побережье отрядъ фонъ-Дебельна, подкрѣпленный успѣшно на этотъ разъ высадкою съ Аландскихъ острововъ подъ начальствомъ фонъ-Фегезака. Отступая въ Эстроботнію, Клингспоръ оставилъ бы этотъ отрядъ на произволъ судьбы, тѣмъ болѣе, что противъ него предпринять было, по распоряженію графа Буксгевдена, цѣлый рядъ операций прибрежныхъ отрядовъ, о которыхъ въ своемъ мѣстѣ будетъ нами упомянуто. Такимъ образомъ, побѣды графа Каменского вынудили шведовъ не только оттягивать на сѣверъ ихъ главныя силы, но и тѣ отряды на побережье, которые, по смыслу основнаго плана шведовъ, должны были дѣйствовать активно намъ въ тылъ.

Другая причина, побудившая Клингспоря окончательно рѣшить отступать снова вдоль Ботническаго побережья,—было получение имъ повелѣнія короля, въ отвѣтъ на свое донесеніе, посланное послѣ боя при Карстулѣ (см. выше). Король въ этомъ письмѣ сперва поблагодаривъ въ пышныхъ выраженіяхъ свою „финскую армию“ за „храбрость и мужество въ бояхъ“, категорически повелѣвалъ: „Моя воля и неизмѣнное приказаніе состоять въ томъ, чтобы Финляндія оборонялась: способъ для того мною былъ ранѣе предписанъ“. Письмо заключалось фразою: „Я повторяю еще разъ, что жители Финляндіи должны готовиться къ возврату спокойнаго будущаго, должны выбросить этихъ варваровъ-московитовъ (dessa barbariska Moscoviter) изъ предѣловъ, до которыхъ они никогда не доходили и т. д.“ Въ отвѣтъ на ходатайство о перевозкѣ арміи на судахъ изъ Вазы въ Швецію не было ни звука. Клингспору приходилось рѣшить вопросъ самостоительно, и онъ рѣшилъ его, въ концѣ концовъ, въ пользу отхода на сѣверъ¹⁾.

Еще одно весьма важное послѣдствіе августовскихъ боевъ—это ихъ вліяніе на народное движеніе въ краѣ. Царившее повсюду возбужденіе смѣнилось упадкомъ духа. Возстаніе, смирить которое не могли ни ласки, ни угрозы, ни казни, стало само собою постепенно утихать, и тотчасъ же облегчились для насъ условія доставки продовольствія. Наконецъ, первая побѣда Каменскаго надъ главною группою противника отозвалась сейчасъ же и на всѣхъ другихъ частяхъ театра войны.

Послѣ сраженій при Куортане и Сальми, графъ Клингспоръ на мѣренъ былъ сперва задержаться у Лаппо, но здѣсь онъ получилъ

¹⁾ См. Норденсанъ, стр. 307.

донесеніе, что Фіандтъ снова разбитъ Властовимъ у Перхо, послѣ чего вынужденъ спѣшно отступать по направлению къ Гамла-Карлебю. Такое отступленіе Фіандта обнажало сообщенія графа Клингспорса съ Эстроботніей. Въ то же время онъ получилъ извѣстіе, что отрядъ подъ начальствомъ фонъ-Дебельна, оставленный имъ на побережье для прикрытия своего тыла со стороны нашихъ войскъ, дѣйствующихъ южнѣ Вазы (Орловъ-Денисовъ), получилъ подкѣплѣніе отъ короля съ Аланда, удачно атаковалъ русскихъ, отбилъ ихъ на югъ и продвинулся почти до Бьернеборга. Такимъ образомъ, Властовъ, выйдя на береговой трактъ, могъ угрожать даже и самой Вазѣ, т. е. не только сообщеніямъ Клингспорса съ югомъ, но и *съ моремъ*, ибо войска, назначенные оборонять тылъ, увлеклись преслѣдованіемъ и ушли на югъ. Это побудило шведского главнокомандующаго отойти еще ближе къ Вазѣ, приказавъ фонъ-Дебельну медленно отходить къ той же Вазѣ, прикрывая правый флангъ арміи съ юга; для обеспеченія же стороны отряда Властова, угрожавшаго пути отступленія въ Эстроботнію, высланъ былъ особый отрядъ Гриппенберга въ направлении на Ню-Карлебю. Распоряженія эти начали приводиться въ исполненіе 22-го августа, въ тотъ самый день, когда графъ Каменскій занялъ Лаппо.

По мнѣнію Аминова, если расчетъ на отплытіе моремъ не оправдается, то „въ подобномъ ужасномъ положеніи“ не оставалось ничего иного, какъ уходить на сѣверъ. Адлеркрайцъ считалъ этотъ планъ „единственно возможнымъ“¹⁾. Въ концѣ концовъ, повидимому, остановились на этомъ рѣшеніи и 25-го августа Адлеркрайцъ писалъ фонъ-Фіандту, чтобы онъ, не ввязываясь въ бой съ превосходными силами, отходилъ шагъ за шагомъ къ Ню-Карлебю. Однако, королю Клингспору донесъ 27-го, что „въ случаѣ, если противникъ атакуетъ и потѣснить меня, я могу легко сосредоточить армію вокругъ Вазы и по возможности обороняться въ ея окрестностяхъ“. Шведскіе писатели полагаютъ²⁾, что главнокомандующій „финской арміей“ все еще питалъ надежду на то, что король вышлетъ ему въ Вазу транспортныхъ суда и дастъ возможность спасти остатки арміи. Такое стремленіе Клингспорса имѣло цѣлью *сохранить надежные кадры для будущихъ формирований*, съ помощью которыхъ шведы могли, пожалуй, надѣяться *затянуть борьбу*. А эта затяжка, при тогдашнемъ политическомъ положеніи Европы (непрочность союза Александра I съ Наполеономъ) могла имъ сулить единственную, въ сущности, надежду на благопріятный исходъ борьбы.

¹⁾ Дапіельсонъ, стр. 452.

²⁾ Норденсванъ, стр. 309.

Такимъ образомъ, отходъ на сѣверъ рѣшено былъ въ шведской главной квартирѣ далеко не сразу, послѣ многихъ колебаній...

Въ свою очередь Каменскій также не расчитывалъ на отступленіе шведовъ къ сѣверу, готовясь встрѣтить съ ихъ стороны отчаянное сопротивленіе по сосредоточеніи всѣхъ силъ.

„Удовѣрился я,—доносилъ онъ,—что на Илистаро (на полпути между Лаппо и Лилькюро) пошли главныя силы съ самимъ фельдмаршаломъ Клингспоромъ и потому долженъ былъ полагать, что онъ имѣетъ намѣреніе стянуть къ себѣ свои войска, чтобы дать мнѣ рѣшительный отпоръ... Затѣмъ послалъ тотчась повелѣніе генераль-маюру Козачковскому стараться пробраться до Ню-Карлебю, а полковнику Властову—до Гамла-Карлебю и потомъ искать открыть между собой соединеніе. Комуникація моя съ генераль-маюромъ Ушаковымъ¹⁾ была весьма дальна и я обѣ немъ никакого достовѣрнаго извѣстія не имѣлъ, а потому оставалось мнѣ на сей случай считать только на одинъ свой слабый корпусъ“.

Чтобы войти въ связь съ Ушаковымъ, Каменскій пошелъ медленно на Юлистаро; здѣсь, 29-го августа, былъ аріергардный бой: послѣ упорнаго сопротивленія шведскій аріергардъ былъ сбитъ и отогнанъ. На другой день къ Каменскому присоединился съ 6-ю баталіонами Ушаковъ.

„Успленъ будучи столь знатною частью (пишетъ Каменскій), пошелъ я въ Илистаро, чтобы атаковать всѣ силы непріятельскія“. Но, „кромѣ пустыхъ батерей и шанцовъ“—тамъ ничего не оказалось.

Дѣло въ томъ, что въ шведской главной квартирѣ начали сперва укрѣплять позицію у Лилькюро, не доходя Вазы въ 1 переходѣ; но, отъ фонъ-Фіандта пришло новое извѣстіе, что онъ подъ натискомъ превосходныхъ силъ продолжаетъ отступленіе по береговой дорогѣ, а отъ Гриншенберга (высланного ему на поддержку), что онъ находится въ полномъ отступленіи къ Ню-Карлебю (подъ натискомъ Козачковскаго). Такимъ образомъ обѣ эти группы не могли соединиться и сообщенія Клингспора съ сѣверомъ были въ опасности... Шведскій главнокомандующій прибѣгъ къ обычному средству нерѣшительныхъ людей въ трудныхъ положеніяхъ; онъ созвалъ совѣтъ изъ ближайшихъ своихъ сподвижниковъ: Клеркера, Аминова, Фегезака и Адлер-

¹⁾ Это были подкрепленія, высланныя графомъ Буксгевденомъ на поддержку слабаго отряда Орлова-Денисова, съ трудомъ удержавшагося, какъ извѣстно, въ Вазаской губерніи. Какъ только графъ Каменскій одержалъ верхъ надъ Клингспоромъ въ бояхъ при Куортане и Салмы, тотчасъ же обомъ отрядамъ какъ Ушакова, такъ и Бибикова (замѣстителя Орлова-Денисова), приказано было спѣшить соединенными силами содѣйствовать Каменскому. Содѣйствіе это могло выразиться, конечно, въ давленіи на правый флангъ расположенныхъ шведовъ, чemu способствовало данное Клингспоромъ приказаніе фонъ-Дебельну отходить на сѣверъ, несмотря на только что одержанные успѣхи.

крайца. Онъ изложилъ имъ свои мысли, и, въ концѣ концовъ, они совмѣстно пришли къ рѣшенію *продолжать отступление на сѣверъ, единственно возможному въ данное время*,—какъ говоритъ Аминовъ, „для спасенія арміи Его королевскаго величества и государства¹).

Рѣшеніе это приводило, дѣйствительно, къ *спасенію* остатковъ „финской арміи“, но уже знаменовало собою *окончательный отказъ* отъ взаимодѣйствія съ десантными попытками короля, на чёмъ, въ сущности, построенъ былъ весь планъ Густава IV Адольфа. Отступалъ на сѣверъ, Клингспоръ и его сподвижники, въ сущности, ставили крестъ надъ дальнѣйшими активными дѣйствіями въ Финляндіи, по крайней мѣрѣ, въ кампанію этого года.

Немедленно же отправляется распоряженіе на имя фонъ-Фіандта, чтобы онъ, вмѣсто того, чтобы *разрушать* мосты на береговомъ трактѣ, наоборотъ, *восстановлялъ* ихъ. Больныхъ и раненыхъ изъ вазаскаго госпиталя, а также собранные здѣсь въ довольно значительномъ количествѣ продовольственные и боевые припасы, съ огромными затрудненіями и усилиями отправили 31-го августа по береговой дорогѣ. Только 1-го сентября начали движеніе главныя силы арміи и, отойдя на переходъ къ сѣверу, остановились у Оровайса (черт. № 19).

Шведскіе военные писатели²) весьма критикуютъ графа Каменскаго за медлительность его движеній и дѣйствій въ этотъ періодъ операциіи. Если бы Каменскій воспользовался тѣми днями, во время которыхъ Клингспоръ оставался въ Лилькюро, пребывая въ нерѣшимости, какъ ему поступить, то, предпринявъ тогда же рѣшительное наступленіе и атаковавъ тамъ Клингспоръ, онъ, повидимому, могъ бы извлечь изъ своей побѣды гораздо болѣе *богатые* результаты, чѣмъ изъ послѣдующей Оровайской. Дѣло въ томъ, что путь на сѣверъ на Оровайсъ и далѣе вдоль побережья отходилъ отъ шведской позиціи у Лилькюро въ направлениіи ея фронта и потому, атакою въ охватъ лѣваго фланга шведовъ, русскіе могли бы совершенно *лишить ихъ возможности отступать въ Эстроботнію*. Такой исходъ былъ бы, пожалуй, равносиленъ окончанію тутъ же зимней кампаніи.

Но такъ представляется дѣло только съ первого взгляда...

Какъ доносилъ самъ Каменскій изъ Лаппо, онъ могъ избрать три способа дѣйствій: 1) идти со всѣми войсками (которыхъ въ то время, до присоединенія Ушакова, и за выдѣленіемъ Козачковскаго, у него было всего 6.000 человѣкъ), на путь отступленія шведовъ къ сѣверу, т. е. отъ Лаппо черезъ Нидергерме къ Ню-Карлебю, во слѣдъ Козачковскому; 2) наступать безотлагательно за противникомъ къ Вазѣ и

¹) Даніельсонъ, стр. 453.

²) Напримѣръ Норденсанъ, стр. 310.

дать бой, и 3) подвигаясь съдомъ за Клингспоромъ, послать отрядъ на его сообщенія и тѣмъ заставить его отступить. Каменскій отказывается отъ первого рѣшенія, какъ слишкомъ рискованного („кто обходитъ, тотъ самъ обойдень“); отвергаетъ второе, ссылаясь на слишкомъ значительную кровопролитность сраженій при финляндской мѣстности и останавливается на третьемъ, наименѣе энергичномъ рѣшеніи. Казалось-бы, такія разсужденія не вѣжутся съ характеромъ Каменского, у котораго рѣшительность и энергія, наоборотъ, стояли на первомъ планѣ. Но Каменскій въ данномъ случаѣ показалъ, что обладаетъ и тѣмъ „холоднымъ разумомъ“, тою „*tête froide*“, которую требовалъ отъ полководца Наполеонъ...

Одержавъ только что 2 блестящія побѣды надъ шведами, Каменскій, во первыхъ, не хотѣлъ безразсудно рисковать участіемъ своихъ войскъ и исходомъ кампаніи; онъ располагалъ дождаться прежде Ушакова, относясь съ уваженіемъ къ принципу *сосредоточенія силъ*, а затѣмъ—самая обстановка ему была далеко не ясной. Весьма вѣроятно было предположить, съ одной стороны, возможность прибытія къ шведамъ съ моря подкрѣпленій, наконецъ, надо было выяснить не намѣрены ли они совершить посадки на суда. Можетъ быть потому Каменскій и послалъ отряды на береговую дорогу, чтобы определить этимъ путемъ, насколько это подѣйствуетъ на Клингспор, чувствительность котораго ко всяkimъ угрозамъ противъ его сообщеній уже была ему по опыту отлично известна? Вѣдь первоначально фонъ-Фіандтъ, поспѣшно отступая передъ Властовыми, *уничтожалъ* мосты на береговой дорогѣ и только послѣ, по *приказанію* Клингспоря, сталъ ихъ восстанавливать. Не могло развѣ это обстоятельство навести на мысль, что шведы *отказались* отъ отступленія на сѣверъ?

Въ такомъ случаѣ, они могли держаться только за Базу, и такъ какъ флотъ ихъ господствовалъ на морѣ, амбаркаціа ихъ была вполнѣ возможна. Заставивъ же финскую армію отступать на сѣверъ, Каменскій окончательно лишалъ ее всякой возможности получить со стороны моря какъ поддержку, такъ и средства къ скорѣйшему отступленію подъ прикрытиемъ флота.

Не слѣдуетъ къ тому же забывать, что войска наши въ Вазаской губерніи *только что* потерпѣли неудачу (17-го августа) у Лапфьерда¹⁾ вслѣдствіе того, что дѣйствовавшій здѣсь противъ насъ отрядъ фонъ-Дебельна былъ подкрѣпленъ 5-ю баталіонами, 2-ми эскадронами и 6-ю орудіями, высаженными подъ начальствомъ фонъ-Фегезака *южнѣе* Бѣргенборга. Фактъ этотъ несомнѣнно указывалъ

¹⁾ Какъ развѣ вслѣдствіе этого Буксгевдену пришлось подкрѣпить оба отряда и 20-го августа Ушаковъ выбилъ шведовъ изъ Хухаоки, Бибиковъ — изъ Лапфьерда и къ 30-му августа 6 баталіоновъ Ушакова соединились съ Каменскимъ у Юлистара.

Каменскому на возможность повторенія такихъ десантовъ, которые могли быть произведены и ближе къ Вазѣ и въ значительно большихъ размѣрахъ. Вѣдь точное количество войскъ, собранныхъ королемъ на Аландѣ, не было намъ никогда известно и мы, во всякомъ случаѣ, считали его больше дѣйствительного. Въ виду всего изложенаго, критика шведскихъ писателей по адресу Каменскаго едва ли можетъ быть признана справедливой.

Обнаруживъ 31-го августа очищеніе шведами Лилькюро, графъ Каменскій двинулъ Раевскаго съ 5-ю баталіонами и 2-мя эскадронами занять городъ Вазу, дабы этимъ прикрыть себя съ тыла на случай повторенія высадокъ, а самъ съ остальными силами свернулъ на сѣверъ. 1-го сентября авангардъ Каменскаго, подъ начальствомъ Кульнева (въ составѣ 4 бат., 2 эск. и 1 сотни) имѣлъ сторожевое охраненіе въ 5-ти верстахъ не доходя Оровайса. 1-й эшелонъ главныхъ силъ Каменскаго (полки: Пермскій и Петровскій), подъ начальствомъ Демидова, ночевалъ въ 4-хъ верстахъ южнѣе, а самъ Каменскій съ остальными войсками — въ Верро, въ одномъ переходѣ отъ Оровайса. Такое расположение было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что въ этотъ самый день 1-го числа, у Нидергерме, на полпути между Лаппо и Ню-Карлебю и въ одномъ переходѣ юго-восточнѣе Оровайса, произошло столкновеніе отряда Козачковскаго съ направленнымъ сюда шведскимъ отрядомъ Гриппенберга. До выясненія обстановки, т. е. пока Каменскому эта группировка непріятельскихъ силъ не сдѣлалась ясной, онъ предпочелъ самъ съ резервомъ нѣсколько задержаться, чтобы быть въ состояніи поддержать, въ случаѣ нужды, либо Кульнева съ Демидовымъ, либо Козачковскаго, которому, въ свою очередь, помогалъ Властовъ, пробиравшійся еще глубже въ непріятельской тылъ!

Дѣло въ томъ, что Клингспоръ могъ умышленно вовлечь Каменскаго за собою по береговой дорогѣ, съ тѣмъ, чтобы броситься главною массою черезъ Нидергерме на Лаппо и отрѣзать Каменскому путь отступленія.

Въ дѣйствительности, графъ Клингспоръ, уже окончательно отбросивъ всякія наступательныя намѣренія, занялъ крѣпкую съ фронта позицію близъ кирки Оровайсъ. Свой правый флангъ онъ уперъ въ морской берегъ, образующій здѣсь небольшую губу, выдающуюся слегка передъ фронтъ позиціи. Лѣвый флангъ занималъ крутые, обрывистые утесы, окаймленные дремучимъ, усыпаннымъ камнями, лѣсомъ. Впереди фронта протекала болотистая рѣчка, тощіе берега ея поросли мелкимъ кустарникомъ. Оборона праваго фланга облегчалась для шведовъ присутствиемъ на морѣ нѣсколькихъ, пришедшихъ изъ Улеаборга, канонерокъ; лѣвый флангъ усиленъ былъ многочисленными засѣками (см. черт. № 20).

У шведовъ было не менѣе 7 тыс. подъ ружьемъ, не считая толпъ вооруженныхъ крестьянъ. Русскихъ было до 6 тыс. (по счету Михайловскаго-Данилевскаго). „Во всѣхъ же сихъ войскахъ не выводилось въ строй сполна пяти тысячъ человѣкъ“, доноситъ въ рапортѣ своемъ самъ графъ Каменскій. Въ $1\frac{1}{2}$ верстахъ отъ главной позиціи шведы заняли дефиле у мельницы небольшимъ аріергардомъ. Утромъ 2-го числа Кульневу было приказано отбросить шведовъ за мостъ, но начать бой не ранѣе 10 часовъ и отнюдь не переходить рѣчки до подхода остального отряда, которому Каменскій желалъ дать набраться силъ. Нетерпѣливый Кульневъ отступилъ отъ этого приказанія, начавъ атаку двумя часами раньше, когда войска Каменскаго еще отдыхали. Мало этого, когда первая наша атака оказалась успѣшной и непріятель былъ „попяченъ за мостъ“, Кульневъ увлекся и пустилъ своихъ стрѣлковъ, частью черезъ мостъ, частью въ бродъ, на тотъ берегъ. Однако, со стороны шведовъ отступленіе было ловушкой: ихъ аріергардъ, втягивая за собой Кульнева къ главной позиціи, подвелъ его подъ анфиладный огонь съ канонерскихъ лодокъ, откуда даже высадился десантъ и ударили ему во флангъ. А съ фронта шведы были поддержаны съ главной позиціи и перешли въ штыковую контрап-атаку. Несмотря на самоотверженныя дѣйствія нашего единственнаго орудія, стоявшаго на дорогѣ и осыпавшаго шведовъ картечью, пока не перерана была вся прислуга, Кульневу не удалось удержаться: онъ долженъ былъ отходить назадъ и послалъ къ Демидову просить о скорѣйшей поддержкѣ. Къ счастью, Демидовъ былъ близко: полки его, Пермскій и Петровскій, ударили съ обоихъ фланговъ и отбросили противника снова на главную его позицію, чemu значительную поддержку оказала 4-хъ-орудійная батарея штабсъ-капитана Башмакова. „Сей растропный офицеръ (сказано въ рапортѣ Каменскаго) своимъ искусствомъ дѣйствіемъ наносилъ непріятелю не малый вредъ“. Однако, превосходство въ силахъ позволило непріятелю повторить контрап-атаку, предварительно подготовленную огнемъ батарей, расположенныхъ на высотахъ. Изъ окоповъ затѣмъ выступили густыя колонны и „съ большимъ стремлениемъ“ ударили на центръ и правый флангъ Кульнева, стараясь прорвать его боевой порядокъ и подвести лѣвое крыло подъ огонь канонерокъ, а правое загнать въ лѣсъ. Какъ разъ въ это время прибылъ на поле сраженія графъ Каменскій, услышавшій за 15 верстъ возгорѣвшуюся канонаду. Онъ потребовалъ головныхъ $1\frac{1}{2}$ баталіона изъ колонны Ушакова, подкѣрѣпилъ ими центръ; остальнымъ же войскамъ приказалъ остановиться у мельницы и дальше не двигаться, до получения приказанія.

„Не хотѣвъ еще (пишетъ Каменскій) пускать въ дѣло остальной части отряда, дабы сберечь оное на рѣшительный ударъ, который

предполагалъ нанести непріятелю не прежде, какъ предъ вечеромъ; поставя 25-й егерскій баталіонъ у мосту близъ мельницы, велѣлъ я, между тѣмъ, стягивать за оной полки Петровской, Пермской и Сѣверской на дорогу и устраивать ихъ въ боевой порядокъ и снабжать людей патронами. Сie было произведено въ дѣйствіе въ полномъ порядке и устройствѣ, несмотря на сильный натискъ непріятеля... Уже непріятель полагалъ, что одержалъ побѣду, посунувъ войска наши почти къ самому тому мосту, откуда сраженіе началось, но тутъ былъ встрѣченъ баталіономъ 25-го Егерскаго полка и другими разсыпанными по лѣсамъ войсками...

„Сie происходило въ четвертомъ часу пополудни и я счелъ, что уже время нанести непріятелю рѣшительный ударъ“.

Моментъ былъ „психологическій“ и Каменскій, подобно своему великому учителю Суворову, рѣшился „обновить сраженіе“¹⁾. Очевидецъ боя, Михайловскій-Данилевскій, даетъ картину болѣе удручающую, чѣмъ цитируемое офиціальное донесеніе. „Шведы... ударили въ штыки на нашъ центръ и опрокинули его. Наші фланги, раскинутые на большомъ пространствѣ въ стрѣлкахъ, побѣжали, опасаясь быть отрѣзанными... вся наша боевая линія была въ полномъ отступленіи, а шведы и финны, оглашая воздухъ радостными воскликаніями, быстро подавались впередъ пожинать плоды побѣды, казавшейся имъ несомнѣнною... Всѣ (у насъ) полагали сраженіе конченнымъ и проиграннымъ. Одинъ Каменскій не отчаявался“.

Онъ зналъ, что есть еще у него въ тылу *свѣжія* войска, не подоспѣвшія къ полю битвы. То были: Литовскій полкъ, 6 ротъ Могилевскаго и конница (гродненцы и польскіе уланы). Адъютантъ за адъютантомъ послыались торопить ихъ.

Когда они подоспѣли *бпоюмъ* къ полю сраженія, Каменскій самъ ихъ встрѣтилъ и ободрилъ вдохновенными словами: „Покажемъ шведамъ, каковы русскіе; не выйдемъ отсюда живы, не разбивши шведовъ въ пухъ! Ружья на перевѣсы! За мной! Съ нами Богъ! Ура!“ Войска, воспламененныя этимъ призывомъ, бросились съ громовымъ „ура“ на противника, ободряемыя криками офицеровъ и самого Каменскаго, который лично повелъ ихъ на первый штурмъ²⁾.

Въ своемъ рапортѣ онъ какъ бы изъ скромности умалчиваетъ объ этомъ эпизодѣ, свидѣтельствующемъ о его умѣніи въ критическую минуту поднять энергію своихъ войскъ до наивысшей точки. Онъ говоритъ тамъ только, что „пославъ нѣсколько свѣжихъ войскъ въ лѣсъ вправо и влѣво... приказалъ идти съ барабаннымъ боемъ со

¹⁾ Изъ реляціи Суворова о Кинбурнѣ: „Я обновилъ въ третій разъ сраженіе“.

²⁾ Михайловскій-Данилевскій, стр. 252—53.

всѣхъ пунктовъ атаковать непріятеля". Послѣдній, „который даже не ожидалъ и отпору, каковой нашелъ у мельницы, еще болѣе удивился сей новой атакѣ; а дабы произвести оную съ большимъ натискомъ, сталъ я помалу усиливать правый и лѣвый фланги остальными войсками, таѣь что вскорѣ, кромѣ одного баталіона Могилевскаго полка, всѣ войска были въ дѣлѣ". И тогда поручиль я команду праваго фланга генераль-маиору Демидову, а лѣваго—генераль-маиору Ушакову. Быстрое стремленіе неожиданной атаки дало тотчасъ иной видъ всему дѣлу: непріятель былъ тотчасъ отброшенъ, сбить и въ большомъ беспорядкѣ прогнанъ болѣе 3-хъ верстъ до укрѣпленной его позиціи".

Достигнувъ снова основной своей позиціи, шведы открыли ожесточенный огонь; несмотря на туманъ и наступившую темноту, кровопролитіе не прекращалось. Каменскій приказалъ „не переставать сраженія, пока непріятель не будетъ сбитъ съ своей позиціи"; Демидову, начальствовавшему правымъ крыломъ, велѣно обойти лѣвый непріятельскій флангъ. Пока на всемъ фронтѣ, уже во мракѣ, горѣла непрерывная огненная линія выстреловъ, Демидовъ съ страшными трудностями пробирался черезъ густой, усыпанный камнями изборожденный заѣками лѣсъ. Каѣтъ только къ Каменскому пришло донесеніе о завершеннѣ обхода, немедленно имъ дано было приказаніе штурмовать позицію всѣми силами. Клингспоръ въ темнотѣ не принялъ рукопашного боя и, видя напи приближающіяся штурмовая колонны, отдалъ приказъ объ отступленіи. Но уже духъ его войскъ былъ надорванъ непрерывнымъ 17-ти часовымъ боемъ. Шведы и финны, безпорядочными толпами, солдаты въ перемѣшку съ крестьянами, побѣжали, бросивъ въ Оровайсѣ на милость побѣдителя всѣхъ своихъ раненыхъ.

Преслѣдованіе, по причинѣ темноты, было ведено Кульневымъ лишь на короткое разстояніе, не болѣе 2-хъ верстъ, и было остановлено сожженнымъ шведами мостомъ.

Сраженіе при Оровайсѣ было самымъ кровопролитнымъ и продолжительнымъ за все время войны. У шведовъ выбыло изъ строя болѣе 1,000 человѣкъ ($1/7$ всѣхъ силъ); у насъ убито до 400 и ранено до 700 человѣкъ, т. е. также свыше 1,000 человѣкъ или болѣе $1/5$. Ожесточеніе и упорство съ обѣихъ сторонъ было страшное. Утомленіе войскъ было таково, что, завладѣвъ шведской позиціей, солдаты не желали даже варить пищи и бросались отдыхать прямо на голую землю; однако, восторженно привѣтствовали они Каменскаго, который обошелъ всѣ биваки, благодаря всѣхъ отъ мала до велика задержанную побѣду. На разсвѣтѣ весь отрядъ былъ готовъ къ выступленію чтобы продолжать тѣснить противника, но оказалось, что послѣдній отступилъ поспѣшно еще до зари.

Причиною тому были донесенія о захватѣ Властовыми, въ тылу у Клингспорса, города Гамле-Карлебю, о чмъ, въ связи съ предшествующими событиями, происходившими на прибрежной дорогѣ, будетъ сказано ниже.

Ударъ, нанесенный графомъ Каменскимъ Клингспору подъ Оровайсомъ, былъ такъ могучъ, что оказался смертельнымъ; какъ раненый звѣрь, истекая кровью, отошли назадъ остатки «финской арміи» и могли только униженно просить о перемирии... Народное возстаніе, пламеннымъ вихремъ охватившее весь край и перекидывавшее даже огненные языки свои въ сопредѣльную Корелію—быстро стало затихать, какъ только финны увидѣли, что питать какія-либо надежды на возможность отвоеванія ихъ родины шведами—нечего и думать. Хотя война со Швеціей, послѣ Оровайса, и длилась еще почти цѣлый годъ, но уже дѣйствія ея имѣли своимъ предметомъ только коренную Швецію и ея вооруженные силы. Финляндія, послѣ боя 2-го сентября, могла считаться нашей. Дальнѣйшія въ ней операции свелись къ выдворенію остатковъ обронявшихъ ее непріятельскихъ войскъ за границу этой провинціи; уже войска эти утратили возможность, безъ посторонней помощи, оказывать намъ серьезное противодѣйствіе, а помошь эта таѣ и не была имъ какъ слѣдуетъ подана...

Въ сраженіи подъ Оровайсомъ графъ Каменскій проявилъ качества выдающагося генерала и выказалъ себя достойнымъ своего великаго учителя Суворова. Принявъ передъ боемъ, въ силу не вполнѣ ясной для него обстановки, выжидательное положеніе и эшелонировавъ свои войска въ глубину таѣ, чтобы быть въ состояніи, въ любомъ возможномъ для Клингспорса направлѣніи, встрѣтить его всѣми силами, Каменскій, какъ только окончательно выяснилось присутствіе главной массы шведовъ у Оровайса, стремится во что бы то ни стало добиться серьезнаго, рѣшительнаго боевого столкновенія. Сумѣвъ вѣрно разгадать психологію своего противника, склоннаго тотчасъ же отступать при сколько нибудь затруднительныхъ обстоятельствахъ, онъ заблаговременно принимаетъ мѣры къ тому, чтобы затормозить это отступленіе (высылка Властвова и Козачковскаго), а самъ ведетъ бой, послѣдовательно вовлекая противника въ ожесточенную, упорную борьбу. Онъ умышленно склонится на выдѣленіе своему авангарду, преждевременно начавшему дѣло, подкрѣпленій, даетъ ихъ только въ послѣднюю минуту, требуетъ отъ войскъ колосального напряженія физическихъ и духовныхъ силъ, возвращая въ огонь по нѣсколько разъ однѣ и тѣ же части, все это (какъ видно изъ его донесенія) для того только, чтобы сберечь каѣвъ можно болѣше свѣжихъ силъ для „послѣдняго удара“. Нанести этотъ ударъ онъ къ тому же заранѣе рѣшилъ „не

прежде, какъ вечеромъ", т. е. когда противникъ, даже при удачѣ его контрь-атакѣ, окажется самъ не менѣе надорванъ, чѣмъ наши передовыя войска. Введеніе самимъ Каменскимъ подъ Оровайсомъ въ бой резервовъ является собою примѣръ замѣчательной выдержанки, мастерскаго пользованія внезапностью, проявленія чудодѣйственнаго умѣнья взвинтить моральное напряженіе своихъ войскъ до предѣла и тонкаго воздействиа на духовную сторону противника, уже мечтавшаго, что побѣда—его. Въ этомъ отношеніи дѣйствія Каменскаго подъ Оровайсомъ, его умѣнья захватить въ свои руки ходъ сраженія, начало котораго разыгралось въ разрѣзъ съ его предположеніями, составляютъ положительный примѣръ и заслуживаютъ быть внесеными въ разрядъ выдающихся образцовъ родного военного искусства.

ГЛАВА XI.

Перемиріе и „конвенція“.

Положеніе дѣль на восточномъ театрѣ.—Положеніе нашихъ войскъ въ Кореліи.—Наступленіе князя Долгорукова.—Отходъ Сандельса къ Иденсальми.—Бой при Ютасѣ.—Дѣйствія у Гамла-Карлебю.—Дессантъ у Варанія и бой у Локколакса.—Бой у Гельсиніе.—Планъ Дебельна.—Перемиріе въ Лохтео.—Поступокъ Комитета Министровъ.—Бой у Иденсальми (Вирта).—Оттисненіе Клингспорга къ Улеаборгу.—Ночная атака Сандельса у Вирта.—„Конвенція“ въ Ольніоки.—Недовольства Императора Александра.—Увольненіе графа Буксгевдена.—Оцѣнка его дѣятельности.

Вліяніе рѣшительныхъ успѣховъ графа Каменского сказалось и на восточномъ театрѣ военныхъ дѣйствій.

Не будучи въ состояніи за весь іюль мѣсяцъ предпринять что либо рѣшительное противъ Сандельса, Тучковъ ходатайствовалъ передъ Буксгевденомъ, чтобы въ его распоряженіе отданъ былъ отрядъ генерал-маюра Алексѣева, не входившій въ составъ отдѣльного финляндскаго корпуса, а посланный въ Корелію прямо изъ Петербурга для усмиренія тамъ народнаго возстанія. Тучковъ имѣлъ въ виду направить эти войска изъ Сердоболя черезъ Іоенсу въ тылъ Тайволы, разсчитывая этимъ маневромъ побудить Сандельса къ отступленію... Ходатайство Тучкова было уважено, но не скоро еще пришлося ему воспользоваться содѣйствіемъ Сердобольскаго отряда.

Дѣло въ томъ, что послѣднему въ Кореліи, вместо выполненія возложенной на него задачи прикрытия нашихъ границъ со стороны вооруженныхъ непріятельскихъ шаекъ и укрошенія мятежа, пришлось, такъ сказать, вести борьбу за собственное существованіе. Силы Сердобольского отряда были сперва прямо-таки ничтожны: 4 эскадрона Митавскаго драгунскаго полка и сотня казаковъ. По переходѣ нашей границы Алексѣевъ долженъ былъ обратиться къ жителямъ съ воззваніемъ, приглашая ихъ къ спокойствію; задерживаемыхъ съ оружиемъ въ рукахъ повстанцевъ ему предписывалось предавать смертной казни; онъ долженъ былъ все время поддерживать связь съ Выборгскимъ военнымъ губернаторомъ и съ нашими войсками въ Куопіо, причемъ въ населеніи распускать слухи, что его отрядъ движется только на соединеніе съ войсками генерала Тучкова.

Разумѣется, выполнить всѣ эти многочисленные задачи ничтожному пятиэскадронному конному отряду не было ни малѣйшей возможности.

О броженіи въ Кореліи и о начавшемся вооруженіи тамошняго населенія извѣщали насъ еще заранѣе православные священники

Тайшальского и Иломантского приходовъ. Тѣмъ не менѣе отрядъ Алексѣева тронулся изъ Сердоболя въ первоначальномъ составѣ 4-го юля; 10-го онъ достигъ рѣки Шиелисъ, ширина которой доходитъ до 200 саженъ. Здѣсь паромная переправа оказалась испорченной, а на противоположномъ берегу обнаружена значительная партия вооруженныхъ поселянъ. Въ то же время выяснилось присутствіе большихъ скопищъ вправо отъ отряда Алексѣева, близъ озера Шиелисъ-Ярви. Кромѣ того Сандельсомъ, который давно уже оцѣнилъ для себя значеніе возстанія въ Корелі (обеспеченіе фланга и тыла), отраженъ былъ въ Корелію одинъ изъ его офицеровъ, Мальмъ, во главѣ партизанскаго отряда. Алексѣеву, такимъ образомъ, враги грозили съ фронта и съ обоихъ фланговъ. Опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ своего тыла, послѣдній остановился на южномъ берегу рѣки Шиелисъ. 16-го юля на противоположномъ берегу ея появился Мальмъ; его прибытіе послужило сигналомъ къ общему восстанію окрестныхъ крестьянъ; въ тоже время распущены были слухи о пораженіи нашихъ войскъ близъ Куопіо, скоромъ появленіи значительныхъ силъ шведовъ и ожидаемомъ наступленіи въ Корелію самого графа Клингспора съ главными силами шведской арміи. Слухи эти дошли до Алексѣева, были приняты имъ на вѣру, и онъ послѣдний отступилъ къ границамъ старой Финляндіи, уничтожая за собою переправы. Во время отступленія повстанческія банды тревожили нашихъ драгунъ, устраивая засады и занимая тѣснинны. Мальмъ искусно придалъ вооруженнымъ крестьянамъ видъ регулярныхъ войскъ: онъ велѣлъ имъ обвязать шляпы тесьмою и придавать къ пимъ кокарды изъ березовой коры, а къ охотничимъ ружьямъ придавать деревянные крашенные штыки. Это придавало крестьянамъ сходство съ Саволацкими егерями, носившими также же сѣрыя сермяжныя свитки, какъ и мѣстное населеніе.

Въ Петербургѣ донесенія Алексѣева о наступленіи въ Корелію большихъ силъ непріятеля побудили послѣдній съ отправкою къ нему подкрѣпленій. Взяты были находившіяся *подъ руками*¹⁾ въ предѣлахъ старой Финляндіи войска: 4-й Егерскій полкъ, четыре эскадрона ямбургскихъ уланъ и нѣжинскихъ драгунъ и четыре конныхъ орудія. 29-го юля, еще до похода всѣхъ этихъ подкрѣпленій, Алексѣевъ былъ оттѣсненъ Мальмомъ къ самому Сердоболю: Мальмъ заставилъ его отступить, выславъ сильный отрядъ на его сообщенія. Скопища возставшихъ также тѣсно обложили въ Сердоболѣ Алексѣева, что послѣдній уже распорядился погрузкою на суда

¹⁾ Этимъ именно только и можно объяснить, что для дѣйствій въ такой пересѣченной мѣстности, какъ сѣверо-восточная Финляндія, посыпали преимущественно конницу и конную артилерию.

всѣхъ своихъ запасовъ съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ наступленія непріятеля, отправить всѣ тяжести Ладожскимъ озеромъ. Но Мальмъ не рѣшился атаковать Сердоболь; онъ только перешелъ русскую границу и расположился въ двухъ верстахъ за нею, а узнавъ о подкрайненіяхъ, подошедшихъ къ Алексѣеву, поспѣшилъ отойти назадъ. Къ этому побудило его также и то обстоятельство, что большинство вооруженныхъ имъ крестьянъ начали расходиться по домамъ, какъ вслѣдствіе недостатка въ продовольствіи, а также желанія принять участіе въ уборкѣ хлѣбовъ, такъ и потому, что съ выѣзденiemъ русскихъ войскъ изъ своихъ предѣловъ они считали задачу выполненнюю.

Отступленіе Алексѣева изъ шведской Кореліи открыло непріятелю, кроме путей на Сердоболь, также дороги къ Нейшлоту, гарнизонъ котораго Тучковъ вынужденъ былъ подкрайнити за счетъ своего и безъ того не особенно многочисленного отряда.

Неудачныя дѣйствія Алексѣева навлекли на него отрѣшеніе отъ командованія отрядомъ. Императоръ Александръ замѣнилъ его своимъ генералъ-адютантомъ, княземъ Долгорукимъ, который былъ подчиненъ со своимъ отрядомъ Тучкову. Такимъ образомъ дѣйствія нашихъ войскъ во всей восточной Финляндіи наконецъ были объединены.

1-го августа князь Долгоруковъ прибылъ въ Сердоболь, а 6-го выступилъ въ направлениіи шведской границы, исполняя данное ему Тучковымъ предписаніе: выйти черезъ Іоенсуу въ тылъ Сандельсу и тѣмъ заставить его очистить Тайвальскую позицію.

Наступленіе Долгорукова было непродолжительно: онъ вскорѣ получилъ свѣдѣнія о сосредоточеніи на флангѣ у себя огромнаго скопища повстанцевъ, по слухамъ до 6,000 человѣкъ, съ регулярными при немъ войсками. Такіе слухи были, конечно, преувеличены; тѣмъ не менѣе, начальникъ Сердобольского отряда не рискнулъ продолжать движеніе и *укрѣпился* у Рускіала, поджидая подкрайненій. Въ это время (половина августа) въ Финляндію начала вступать, наконецъ 4-я дивизія князя Голицына¹⁾ и головные эшелоны ея (2 баталіона Тенгинскаго, баталіонъ Навагинскаго полковъ и 3 роты Выборгскаго гарнизона) были двинуты на подкрайненіе Долгорукову²⁾. Съ при-

¹⁾ Дивизія эта была назначена въ Финляндію послѣ многократныхъ усердныхъ просьбъ графа Буксгевдена о присылкѣ подкрайненій.

²⁾ По усерднымъ просьбамъ послѣднаго, адресованныхъ *прямо* въ Петербургъ. Такимъ образомъ вышло, что войска, долженствовавши идти туда, где рѣшилась судьба войны, т. е. въ западную часть Финляндіи, попали прежде всего на второстепенный театръ, въ восточную ея часть. Если бы просьбы не вняли въ Петербургѣ, то, вѣроятно, графъ Каменскій имѣлъ бы въ своихъ рукахъ подъ Оровайсомъ силы, если не превосходныя, то хоть равныя Клингенпору, и рискъ для нась этого важнаго боевого столкновенія былъ бы менѣе великъ.

бытиемъ ихъ 14-го августа, онъ выступилъ изъ Рускіала, у Кеми разбилъ довольно значительную банду; оставивъ здѣсь гарнизонъ, немедленно укрѣпившійся, онъ дошелъ до рѣки Піелисъ, черезъ которую благополучно переправился *при содѣйствіи нашихъ канонерокъ*, присланныхъ изъ Вильманстранда и пробравшихся сюда по озерамъ. Дойдя до Іоенсуу, князь Долгоруковъ пріостановился, въ виду извѣстія о занятіи сильнымъ скопищемъ противника тѣснинѣ на дальнѣйшемъ пути его слѣдованія. Укрѣпляясь въ Іоенсуу, Долгоруковъ началъ производить широкую развѣдку для болѣе точнаго выясненія степени справедливости первоначальныхъ свѣдѣній и тѣхъ трудностей, которыхъ могъ непріятель ему противупоставить. Это уже было 1-го сентября, канунъ Оровайса. Развѣдка выяснила, что противникъ вовсе не столь многочисленъ и при появлѣніи нашихъ партій—отступаетъ. Въ дальнѣйшемъ, дѣло осложнилось размолвкою Долгорукова съ Тучковымъ: послѣдній, какъ бы помѣнявшись ролю съ Буксгевденомъ въ отношеніи къ самому къ себѣ въ началѣ похода, понуждалъ Долгорукова быстрѣе двигаться впередъ, не желая ничего слышать о затрудненіяхъ и препятствіяхъ. Пререканія эти могли бы отразиться весьма невыгодно на успѣхѣ дѣла, если бы, благодаря удару, нанесенному подъ Оровайсомъ графомъ Каменскимъ шведскому главнокомандующему, всѣ махинаціи, направленныя противъ Сандельса, не оказались излишними. Когда 17-го сентября, князь Долгоруковъ, пройдя 260 верстъ *въ мѣсяцъ и 11 дней*, наконецъ достигъ Меланѣми, въ одномъ переходѣ отъ *тыла* Тайвольской позиції, и Тучковъ изготоился атаковать послѣднюю на другой день съ нимъ совмѣстно—оказалось, что Сандельсъ, уже наканунѣ 16-го, самъ отступилъ къ Иденальми. Отступленіе это вызвано было, конечно, не дѣйствіями Тучкова съ Долгоруковымъ, которые никакъ не могли спѣТЬся, а побѣдою графа Каменского. Отступление Елингспора, послѣ Оровайса, вдоль побережья вновь на сѣверъ уже исключало для Сандельса возможность удерживаться въ сердцѣ Финляндіи, и онъ волей-неволей долженъ былъ разстаться съ Тайвольской позиціей и отходить на Иденальми.

Отсюда видно, до какой степени рѣшительно было вліяніе успѣховъ графа Каменского. Побѣды его, одержанныя надъ источникомъ шведской силы, отдали намъ въ руки дѣйствительно всю Финляндію. Какъ обезматочившій улей, всѣ отряды и банды, доселѣ грозные и дѣятельные, сперва растерянно метались въ разныхъ направленіяхъ, а затѣмъ постепенно таяли. Въ Кореліи волненіе еще держалось нѣкоторое время подъ предводительствомъ нѣкого Тіянена. Отдаленные подвижныя колонны изъ оставленныхъ княземъ Долгоруковымъ гарнизоновъ на этапахъ въ Іоенсуу, Кеми и Рускіялѣ, избороздивъ

край по разнымъ направлениямъ, привели его въ концѣ концовъ къ полному спокойствію.

Возвратимся къ событиямъ на Ботническомъ побережїи.

Ночь послѣ Оровайской побѣды 2-го сентября, русскія войска, страшно утомленныя непрерывнымъ шестнадцатичасовымъ боемъ, провели близъ мѣстной церкви. Однако уже на разсвѣтѣ графъ Каменскій поднялъ свой отрядъ, намѣреваясь безостановочно преслѣдовывать противника. Послѣдній, какъ оказалось, отступилъ послѣдно еще до зари, вслѣдствіе донесеній о событияхъ, совершившихся въ тылу его.

Еще 1-го сентября генералъ Козачковскій, направленный, какъ извѣстно, Каменскимъ, черезъ Каухава на Нюкарлебю, въ тыль Клингспору, дойдя до Каухавы, нашелъ здѣсь мостъ разрушеннымъ; тогда, наведя плавучій мостъ, Козачковскій перешелъ протокъ и атаковалъ Ютасѣ, гдѣ находился аріергардъ бригады фонъ Дебельна, игравшій роль заслона для обезпеченія слѣва сообщеній шведской арміи. Бой при Ютасѣ оказался для насъ неудачнымъ,¹⁾ и Козачковскій долженъ былъ отойти къ Нидергерме, гдѣ и вошелъ въ связь съ главными силами графа Каменскаго.

Этотъ частный успѣхъ надъ небольшимъ нашимъ отрядомъ при Ютасѣ сравнительно мало отразился на общемъ успѣшномъ ходѣ нашихъ дѣлъ. Значеніе побѣды Дебельна свелось къ тому, что онъ, своею смѣлою контръ-атакою при Ютасѣ, обезпечилъ благополучный проходъ по береговой дорогѣ обозныхъ колоннъ графа Клингспоры наканунѣ Оровайскаго боя и прикрылъ путь отступленія самой арміи послѣ этого боя. Но кромѣ отряда Козачковскаго въ тыль Клингспору двигался еще Властовъ, который, послѣ боя при Карстулѣ, не переставалъ гнать передъ собою безостановочно остатки разбитаго имъ тамъ отряда фонъ-Фіандта. Это неустанное преслѣдованіе продолжалось весь августъ мѣсяцъ, причемъ утомленный и утратившій будрость духа Фіандтъ уже не дѣлалъ никакихъ попытокъ къ сопротивленію, а довольствовался лишь уничтоженіемъ переправъ и порчею дорогъ. Какъ сказано было выше, онъ продолжалъ тоже и на прибрежномъ трактѣ, до тѣхъ поръ, пока окончательно созрѣвшее рѣшеніе Клингспоры отступать на югъ не по-

¹⁾ Бой при Ютасѣ опѣтизированъ въ «Рассказахъ прaporщика Столя» Рунебергомъ и вѣсма читается въ Финляндіи. На полѣ битвы воздвигнутъ монументъ съ изображеніемъ фонъ-Дебельна, который въ этомъ бою, будучи одержимъ жестокой лихорадкой, спѣшилъ прибыть на поддержку аріергарда со своими бѣренборгами и отбилъ атаку русскихъ. Расписываемый донънѣ всю Финляндіей воинственный «Бѣренборгский маршъ», призывающій къ вооруженной борьбѣ за отчество противъ «насилія», пріуроченъ именно къ этой контръ-атакѣ; ее же изображаетъ известная картина художника Эдельфельдта подъ тѣмъ же наименіемъ.

будило отмѣнить это и, наоборотъ, приказать возстановлять всѣ мосты. Тѣмъ не менѣе, въ своей поспѣшности, бросивъ Гамла-Карлебю, онъ не успѣлъ возстановить разрушенный имъ мостъ у Химанко, на прибрежномъ трактѣ. Властовъ занялъ Гамла-Карлебю 2-го сентября, въ день Оровайскаго сраженія, и, такимъ образомъ, путь отступленія шведскихъ главныхъ силъ былъ *перехваченъ*. Указанное обстоятельство,—т. е. разрушение Химанскаго моста,—по свидѣтельству графа П. К. Сухтелена ¹⁾, заставило шведского главнокомандующаго „поневолѣ“ принять бой подъ Оровайсомъ; иначе весьма возможно, что онъ, въ силу личныхъ свойствъ своихъ, и на этотъ разъ постарался бы отъ него уклониться.

О занятіи Властовыми Гамла-Карлебю и объ отбитой атакѣ Козачковскаго Клингспоръ узналъ нѣсколько часовъ спустя послѣ Оровайскаго боя. При свойственной ему преувеличенной заботливости о своихъ сообщеніяхъ, такого извѣстія было достаточно для того, чтобы заставить его сняться съ бивака и отступить еще до восхода солнца. 3-го сентября онъ благополучно миновалъ Ню-Карлебю, сжегъ здѣсь мостъ и занялъ позицію у Сундбю, располагая задержать здѣсь наши передовыя войска, а тѣмъ временемъ успѣть вывезти изъ Якобштадта запасы и госпитали. Послѣ этого Клингспоръ расчитывалъ *убить* Властова и продолжать отступленіе на сѣверъ. Задача для него облегчалась существованіемъ въ Эстроботніи цѣлаго ряда рѣкъ и протоковъ, впадающихъ въ Ботническій заливъ и, особенно въ устьяхъ своихъ, представляющихъ собою довольно солидныя препятствія, хотя и не такія, какъ весною во время половодья. Тамъ, гдѣ во время зимняго похода Кульевъ наѣдалъ на отступавшихъ шведовъ, не стѣсняясь этими преградами и пуская свою конницу въ обходъ фланговъ по льду Ботническаго залива,—теперь Клингспоръ успѣшно прикрывалъ свое отступленіе, уничтожая мосты и *пользуясь моремъ для отправки водою въ тылы всею тою, что подлежало эвакуаціи*.

Узнавъ о захватѣ Гамла-Карлебю Властовыми, Фіандтъ остановилъ свой бѣгъ на сѣверъ и попытался черезъ Недерветиль войти въ связь съ подходящими съ юга головными эшелонами арміи Клингспорса. Властовъ перешелъ въ наступленіе, но, угрожаемый съ двухъ сторонъ, долженъ былъ очистить Гамла-Карлебю, и отойти на югъ къ Недерветиль. Путь отступленія шведовъ оказался опять *свободенъ* и они, пройдя Гамла-Карлебю, продолжали отходъ на сѣверъ.

Отсюда видно, что захватъ пути отступленія противника отдалъ нимъ отрядомъ, что постоянно стремились дѣлать въ эту войну обѣ

¹⁾ («Картины военныхъ дѣйствій 1808—09 г. стр. 152»).

стороны, только тогда действителенъ, когда силы такого отряда достаточно внушительны, чтобы онъ могъ сдержать натискъ отступающихъ въ теченіе нужнаго времени.

10-го сентября Гамла-Карлебю было занято уже графомъ Каменскимъ, а Кульневъ, опять очутившійся въ авангардѣ и непрерывно удерживавшій соприкосновеніе съ противникомъ, возстановивъ разрушенный мостъ, продолжалъ преслѣдованіе; но въ 3-хъ верстахъ съвернѣе оказалась новая разрушенная переправа, а на другомъ берегу—непріятельскій арьергардъ, укрѣплявшій позицію. Графъ Каменскій двинулъ отряды Властова¹⁾ и Козачковскаго въ обходъ этой позиціи, а самъ рѣшилъ форсировать съ фронта широкій протокъ, для чего приступлено было къ заготовкѣ плотовъ. Но на другой день, 12-го сентября, прибылъ сюда главнокомандующій графъ Буксгевденъ, выѣхавшій изъ Або 4-го сентября, по полученіи донесеній графа Каменскаго объ Оровайсѣ. Видя, что дѣла приняли совершенно иной оборотъ, онъ призналъ свое личное присутствіе здѣсь болѣе необходимымъ.

Узнавъ о прїѣздѣ главнокомандующаго, графъ Клингспоръ обратился къ нему съ предложеніемъ заключить перемиріе. Чтобы понять ясно побудительныя причины такого обращенія, необходимо имѣть въ виду, что послѣ отѣзда изъ Або графа Буксгевдена, тамъ произошли слѣдующія события.

Какъ извѣстно читателямъ, Шведскій король уже съ іюля мѣсяца находился на Аландскихъ островахъ, намѣреваясь лично руководить высадками на финляндскомъ побережїѣ для содѣйствія графу Клингспору. Неудача первыхъ попытокъ въ этомъ направлениіи въ началѣ іюня побудила его забрать это дѣло въ свои собственные руки; это понятно, если принять во вниманіе, что идея содѣйствія Клингспору не непосредственнымъ усиленіемъ его войскъ, а путемъ десантовъ въ тылу у непріятеля, повидимому, принадлежала самому Густаву Адольфу IV. Однако, сосредоточеніе войскъ, сборъ необходимыхъ техническихъ средствъ и обученіе дѣйствію на гребныхъ судахъшли далеко не успѣшно. Тѣмъ не менѣе, какъ только пришло извѣстіе о пораженіи Клингспоря при Куортане и Сальми, король рѣшилъ немедля оказать содѣйствіе „сѣверно-финской арміи“ и отрядилъ изъ имѣвшихся въ его распоряженіи войскъ²⁾—2,600 человѣкъ подъ начальствомъ генерала Лантинггаузена, которые должны были высадиться въ окрестностяхъ Або. Кромѣ того, изъ порта Гефле должна

¹⁾ Присоединившагося опять къ главнымъ силамъ.

²⁾ Войска, собранные на Аландѣ, съ 20-го іюля получили, какъ уже упомянуто, громкое наименованіе «Южно-финской арміи»; одновременно войска графа Клингспоря названы арміей «Сѣверно-финской». Численность первой не превышала, однако, 6,000 человѣкъ.

была отплыть эскадра, съ двумя бригадами отборныхъ шведскихъ войскъ, въ число которыхъ входила и королевская гвардія. Эскадра эта имѣла приказаніе идти къ сѣверной части Аландскихъ острововъ и здѣсь ожидать приказанія короля относительно мѣста, где производить высадку.

Въ дѣйствительности только Лантингстаузенъ достигъ своей цѣли. Онъ высадился въ Варанпяя, въ 70-ти верстахъ отъ Або; передовые посты и заставы наши, руководимые молодыми офицерами, неосмотрительно ввязались въ бой съ превосходными силами и были разбиты. Непріятель продвинулся впередь до Локколакса, но здѣсь встрѣченъ былъ отрядомъ генерала Чоглокова, которому князь Багратіонъ (оставшійся здѣсь старшимъ по отъездѣ графа Буксгевдена) поручилъ съ баталіонами Перновскаго и Невскаго полковъ, полуэскадрономъ гусаръ и 4-мя орудіями задержать высадившихся. Въ то же время посланы приказанія всѣмъ ближайшимъ войскамъ идти на поддержку Чоглокову. Вечеромъ 3-го сентября стороны столкнулись у Локколакса передовыми частями, а на утро завязалось серезное дѣло, окончившееся отступлениемъ шведовъ къ своимъ судамъ, такъ какъ князь Багратіонъ, шедшій лично во главѣ подкѣплений, направилъ послѣднія въ разрѣзъ между моремъ и непріятельскимъ десантомъ, чѣмъ вынудилъ послѣдній къ поспѣшному отступленію на суда. Что же касается шведской эскадры, вышедшей изъ Гефле, то она попала въ туманъ и противные вѣтры; обѣщанныхъ крейсеровъ съ лоцманомъ на сѣверной оконечности Аланда она не встрѣтила, а тѣмъ временемъ разразившаяся буря разбросала суда въ разныя стороны, и они отдѣльными группами разновременно достигли шведскихъ береговъ. Только самое незначительное число десантныхъ войскъ этого отряда достигло береговъ Финляндіи и присоединилось къ „Сѣверно-финской арміи“, суда же съ артилеріей затонули.

Вѣсти объ этой неудачѣ достигли до короля одновременно съ донесеніями о пораженіи Клингспора подъ Оровайсомъ. Разгневанный, онъ рѣшилъ сразу выбросить всѣ бывшія въ его распоряженіи на Аландѣ силы на материкъ. Свыше 5,000 человѣкъ подъ начальствомъ генерала Боie было посажено на суда; имъ велѣно высадиться у Гельсинге, причемъ самъ король сопровождалъ десантный отрядъ на яхтѣ „Амадисъ“, желая присутствовать при этой операциі, на которую возлагалъ свои послѣднія упованія. Какъ и при высадкѣ Лантингстаузена, передовыя наши части были легко опрокинуты; въ теченіе двухъ сутокъ шведы отѣсняли ихъ, причемъ, выполнивъ заранѣе отданное княземъ Багратіономъ приказаніе, наши отряды отходили концентрически къ узловому пункту, Химойсу, где заранѣе укрѣплена была тѣснина. 16-го сентября это сосредоточеніе совер-

шилось; послѣ произведенной лично развѣдки, князь Багратіонъ убѣдился въ томъ, что на этотъ разъ высажены силы довольно значительныя, что подтверждалось и личнымъ присутствіемъ короля. Несмотря на то, что слухи сообщали о количествѣ войскъ непріятеля свѣдѣнія преувеличенныя, князь Багратіонъ, какъ истый „суворовецъ“, и не думалъ о пассивномъ образѣ дѣйствій, хотя именно этому болѣе отвѣчала мѣстность. Онъ рѣшилъ *предупредить* готовящуюся атаку противника и самъ атаковать шведовъ. Раздѣливъ свои войска (всего 6 съ небольшимъ баталіоновъ) на 3 колонны, онъ направилъ правую, подъ начальствомъ Бороздина, противъ лѣваго крыла непріятеля, вдоль озера, откуда только что двинулась шведская колонна въ 4 баталіона въ обходъ нашей позиціи; центръ, порученный Багговуту, долженъ былъ удерживаться близъ большой дороги, а лѣвую колонну, маюра Бека, онъ послалъ въ тылъ праваго непріятельского фланга, черезъ цѣль утесовъ, по едва проходимой тропинкѣ, какъ когда-то не разъ самъ ходилъ у Суворова въ швейцарскомъ походѣ.

Въ теченіе четырехъ часовъ боролся съ непріятелемъ Бороздинъ и, наконецъ, отбросилъ противника къ деревнѣ Ярвенпяя, которую вскорѣ и занялъ. Багговутъ не далъ развернуться движавшейся противъ него шведской колоннѣ и началъ тѣснить ее вдоль большой дороги, а наша артилерія разстроила ряды непріятеля; увлекшись одержаннымъ успѣхомъ, обѣ наши колонны постепенно продвигались впередъ и между ними образовывался все большій и большій промежутокъ. Этимъ именно и рѣшилъ воспользоваться генералъ Боie и двинулъ туда сильную колонну, которая должна была разобщить наши войска между собою. Но эта контръ-атака была отбита Багратіономъ, который, какъ подъ Шенграбеномъ, повелъ самъ пѣхоту въ штыки и отразилъ ударъ, въ то время какъ подъ руководствомъ его начальника штаба, генерала Адеркаса, разсыпавшіеся по скаламъ стрѣлки наши осипали шведскую колонну продолговатымъ огнемъ съ обоихъ фланговъ. Этотъ отпоръ былъ успѣшенъ, и даже, на плечахъ отбитаго непріятеля, наши солдаты ворвались на мызу Віансъ, составлявшую тактическій ключъ непріятельской позиціи, и овладѣли ею.

Тѣмъ временемъ маюръ Бекъ пробирался по скаламъ и дебрямъ въ тылъ шведовъ. Какъ только войска его показались на гребняхъ утесовъ и стали съ нихъ спускаться,—тотчасъ же въ рядахъ противника обнаружился беспорядокъ, замѣченный Багратіономъ, который направилъ Бороздина къ мѣstu высадки непріятеля, не заботясь о связи съ остальными войсками. Шведы стали поспѣшно отступать къ Гельсинге. Гродненскіе гусары, съ маюромъ Лидерсомъ во главѣ, воспользовавшись небольшою равниною, произвели атаку,

и удачный удар этой лихой конницы (отсутствовавшей у шведовъ) обратилъ ихъ отступлениѣ въ полное бѣгство. Въ самомъ Гельсинге генералъ Бое попытался дать еще отпоръ, дабы хоть сколько-нибудь прикрыть посадку своихъ войскъ на суда, но подоспѣвшая наша артилерія осипала ихъ градомъ снарядовъ и привела въ полвѣтій безпорядокъ. Около 1.000 труповъ непріятельскихъ—почти $\frac{1}{5}$ всего отряда—усѣяли поле сраженія; 15 офицеровъ, 350 нижнихъ чиновъ, 1 знамя, 5 пушекъ, боевые припасы и весь обозъ достались въ руки побѣдителя, потерявшаго до 400 человѣкъ... Бѣгство шведовъ происходило на глазахъ короля, который на своей яхтѣ показался въ виду Гельсинге, какъ разъ въ минуту разгрома. Онъ пытался ободрить бѣглецовъ и возстановить порядокъ, но всыхнувшій отъ огня нашей артилериіи въ селеніи пожаръ, раздуваемый вѣтромъ, грозилъ серьезной опасностью флотиліи шведовъ. Поэтому суда шведскія, не исключая и королевской яхты, поспѣшили удалиться. По возвращеніи на Аландскіе острова, король всею силою своего гнѣва обрушился на злосчастную свою гвардію и въ наказаніе лишилъ ее знаменъ и другихъ преимуществъ. Несомнѣнно такія мѣры породили глухое недовольство и содѣйствовали успѣху совершившагося черезъ полгода переворота, лишившаго короля престола его предковъ. Извѣстія съ Аланда пришли въ Швецію почти одновременно съ вѣстями объ Оровайсѣ и, разумѣется, еще усилили угнетенное настроеніе.

Дѣйствія Багратіона въ этомъ бою высоко поучительны. Они проникнуты духомъ истинно-суворовской активности, при направленіи главнаго удара въ самое чувствительное мѣсто противника. Погромъ у Гельсинге довершилъ то, что сдѣлано было Каменскимъ подъ Оровайсомъ: неудача десантныхъ операций и невозможность ихъ возобновить въ ближайшемъ будущемъ—лишили шведовъ всякой надежды на задержку вторичнаго и на этотъ разъ окончательного завоеванія Финляндіи.

Главнокомандующему Клингспору стало яснымъ, что онъ окончательно и всецѣло предоставленъ собственнымъ силамъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что предложеніе заключить перемиріе сдѣлано было графомъ Клингспоромъ еще *до отбитія высадки* у Гельсинге. Главнокомандующій, видимо, не расчитывалъ даже на возможность повторенія такой попытки послѣ неудачи Лантинсгаузена у Варанпяя-Локалакса, а надлежащей *связи* между нимъ и королемъ, надо полагать, не было; иначе трудно себѣ представить, какимъ образомъ близъ Або производилось рѣшительное предпріятіе въ то самое время, когда съвернѣе Гамла-Карлебю завязались уже переговоры о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій. Безполезность затѣи швед-

скаго короля въ данномъ случаѣ ясна уже изъ одного взгляда на карту: съ отступлениемъ Клингспоря *съвернѣе* Вазы высадка въ окрестностяхъ Або становилась такъ далека отъ района операций главныхъ массъ обѣихъ сторонъ, что даже при успѣхѣ она не могла бы существенно измѣнить положенія вещей. Во всякомъ случаѣ она имѣла бы только моральное значеніе, тогда какъ придана этихъ пяти тысячъ непосредственно Клингспору давала бы ему столь значительный перевѣсъ въ силахъ, что наше дальнѣйшее наступленіе могло бы быть пріостановлено.

Графъ Клингспоръ искалъ перемирія, чтобы побѣхать въ Стокгольмъ яко-бы для поправленія разстроеннаго здоровья, а на самомъ дѣлѣ — чтобы уклониться отъ той тяжелой и ответственной роли, которая выпала на его долю. Клингспоръ намѣревался лично убѣдить короля въ необходимости отказаться отъ намѣренія отстоять Финляндію. Мы знаемъ уже, что Клингспоръ еще въ первой половинѣ августа добивался отъ короля разрѣшенія *переправиться со всѣю своею арміей, артилеріей и обозомъ, черезъ съверный Кваркенъ въ Швецію*, для чего просилъ прислать достаточное количество транспортныхъ судовъ. Въ послѣдующихъ донесеніяхъ онъ продолжалъ описывать яркими красками тяжелое положеніе арміи, которая, несмотря на всю свою храбрость, не въ состояніи противиться „превосходнымъ силамъ“. Предвидя тяжкія послѣдствія новаго отступательного марша на съверъ, во время котораго армія, двигаясь въ осеннюю непогоду по дурнымъ дорогамъ, рискуетъ потерять свои тяжести и орудія, а также опасаясь безкорницы, особенно для лошадей, Клингспоръ настойчиво убѣждалъ короля приѣхнуть къ этому рѣшенію. Пока противникъ долженъ будетъ предпринять продолжительное кружное движение черезъ Торнео, шведскій главнокомандующій (очевидно не предвидя возможности нашего будущаго смѣлага марша черезъ ледъ) разсчитывалъ реорганизовать, пополнить и дать отдыхъ на родинѣ своимъ истомленнымъ войскамъ. Король по прежнему стоялъ на своемъ: армія финская обязана защищать Финляндію, какъ-то и значится въ королевской инструкціи ея главнокомандующему; самому фельдмаршалу, если того требуетъ состояніе его здоровья, не возбраняется вернуться въ Швецію, съ тѣмъ, чтобы его въ этомъ случаѣ замѣщалъ генераль-отъ-инфanterіи Клеркеръ.

Чѣмъ въ дѣйствительности вызывалось это стремленіе Клингспоря прекратить вооруженную борьбу въ Финляндіи и перенести ее на территорію коренной Швеціи? Не былъ ли онъ въ сношеніяхъ съ тѣми лицами, которыхъ въ то время уже подготавливали государственный переворотъ? Какъ бы то ни было, выгоды перемирія были

вседѣло на сторонѣ шведовъ, истомленныхъ физически и нравственно, лишенныхъ продовольствія въ опустошенному краѣ и уже поколебленныхъ духомъ. „Надежда возвратиться въ отечество съ мечемъ въ рукахъ совершенно исчезла (пишетъ шведскій ген. Аминовъ, участникъ похода). Можно ли послѣ того удивляться, что болѣзни, неудовольствія и равнодушіе мало - по - малу вѣрались въ нашу храбрую армію и вскорѣ оказалось въ ней величайшее зло—побѣги“.

Однако, не всѣ шведскіе генералы находили положеніе безвыходнымъ и перемиріе—единственнымъ средствомъ спаси армію. Смѣлый и энергичный фонъ - Дебельнъ, изнуряемый жестокою лихорадкою, вслѣдъ за боемъ у Ютаса, подалъ Клингспору записку (полученную имъ во время Оровайскаго сраженія), въ которой предлагалъ *броситься всѣми силами въ направлениіи одержаннаго успѣха*, т. е. вслѣдъ за отступившимъ Козачковскимъ, по дорогѣ на Лаппо—Алаво—Вирдойсъ—Таммерфорсъ. Этимъ движениемъ всѣ наши войска въ южной и юго-западной Финляндіи отрѣзывались отъ сообщеній съ Россіей и даже могли очутиться между двухъ огней, если король съ Аланда повторилъ бы свою высадку.

„Русскій Императоръ никогда болѣе не услышалъ бы объ своей арміи и принужденъ былъ бы навсегда отказаться отъ завоеванія Финляндіи“. При всемъ уваженіи къ имени генерала Дебельна, какъ одного изъ наиболѣе отличившихся въ эту войну шведскихъ генераловъ-тактиковъ, нельзя серьезно относиться къ этому плану, полному благороднаго порыва, но совершенно не соображенному съ обстановкою. Ни силы, ни главное, качественное состояніе шведской арміи, особенно въ данный моментъ, не отвѣчали такому наступленію. Къ тому же, вторгаясь въ центръ раіона нашего расположенія, Клингспоръ, несомнѣнно былъ бы весьма скоро окружены нашими отдельно дѣйствующими отрядами и могъ быть самъ поставленъ въ безвыходное положеніе въ смыслѣ питанія.

Несомнѣнно, что дальнѣйшее рѣшительное наступленіе наше сулило намъ быстрое окончаніе войны; поэтому соглашаться на перемиріе было съ нашей стороны безусловно ошибочно. Въ оправданіе графа Буксгевдена должно сказать, что ему не было известно о новомъ положеніи вещей въ Куопіоскомъ раіонѣ, гдѣ Сандельсъ какъ разъ къ этому времени очистилъ Тайвольскую позицію, а главною выгодою перемирія нашъ главнокомандующій именно и считалъ условіе отвода Сандельса назадъ къ Иденсалмы. Кроме того, нашъ главнокомандующій располагалъ дать отдыхъ войскамъ, подтянуть продовольствіе, а съ наступленіемъ зимы приступить къ выполненію давно задуманнаго перехода въ Швецію, возможнаго сравнительно легко только въ это время года. Да и самое наступленіе вокругъ

Ботническаго залива облегчалось зимою, когда главныя преграды здѣсь—широкія и быстрыя рѣки—замерзали.

Переговоры состоялись въ Лохтѣ 17-го сентября, и перемиріе было подписано. Шведы отошли къ Химанко, по сю сторону котораго проведена демаркаціонная линія; между Тучковымъ и Сандельсомъ она прошла черезъ селеніе Иденсалмы. Срокъ перемирія установленъ не былъ, и лишь постановлено извѣстить другъ друга за 8 дней о возобновленіи военныхъ дѣйствій.

Донесеніе о соединеніи войскъ Тучкова съ Сердобольскимъ отрядомъ, о занятіи ими Тайвольской позиціи и обѣ отступленіи Сандельса къ Иденсалмы получено было въ Петербургѣ одновременно съ донесеніемъ графа Буксгевдена о заключеніи перемирія. Императоръ Александръ Павловичъ находился въ то время въ Эрфуртѣ и на время своего отсутствія уполномочилъ комитетъ министровъ объявлять Высочайшія повелѣнія въ случаихъ, не терпящихъ отлагательства. По предложению военнаго ministра графа Аракчеева назначено было экстренное засѣданіе комитета, въ которое приглашены генералъ Кноррингъ, бывшій генералъ-квартирмейстеромъ нашихъ войскъ въ Финляндіи въ войну 1788—1790 г.г. и поэтому весьма часто являвшійся въ качествѣ какъ бы „петербургскаго эксперта финляндскихъ дѣлъ“. Генералъ Кноррингъ самъ мѣтился въ главнокомандующіе финляндской арміи (онъ и замѣстилъ вскорѣ графа Буксгевдена) и потому всегда охотно критиковалъ всѣ дѣйствія и распоряженія своего предмѣстника.

Совѣщаніе комитета приняло въ соображеніе: а) успѣхи графа Каменскаго и разстроенное состояніе войскъ графа Клингспора, тогда какъ нашъ отрядъ Тучкова „находился еще въ совершенномъ устройствѣ“; б) что предложеніе о перемиріи послѣдовало отъ Клингспоря, когда онъ занялъ крѣпкую позицію за широкой рѣкою,—что подтверждаетъ разстройство его войскъ; в) что выгода отъ перемирія—отходъ Сандельса—уже и такъ достигнута, и г) что, наоборотъ, только рѣшительнымъ наступленіемъ Тучкова къ Улеаборгу можно добиться окончанія войны, отрѣзавъ отступленіе въ Швецію остаткамъ войскъ Клингспоря. Поэтому комитетъ, именемъ Государя Императора, предписалъ главнокомандующему „немедленно разрушить перемиріе“ и „причиненную тѣмъ въ дѣйствіяхъ остановку вознаградить поспѣшнымъ движениемъ корпуса Тучкова“.

Кромѣ того, комитетъ одобрилъ предложеніе военнаго ministра послать въ Финляндію, кромѣ уже вступившей туда (съ половины августа) 4-й дивизіи князя Голицына, съ приходомъ которой общая численность нашихъ войскъ въ Финляндіи доведена была до 45 тысячъ человѣкъ,—еще два „резерва“: одинъ изъ 3-хъ баталіоновъ

(въ Ловизу), а другой (изъ двухъ баталіоновъ преображенцевъ и измайловцевъ)—въ Вильманстрандъ.

Графъ Буксгевденъ, въ пространномъ донесеніи на Высочайшее Имя, оправдывалъ свои распоряженія и доказывалъ необходимость перемирия; однако, комитетъ министровъ не призналъ его доводовъ уважительными и 4-го октября снова повторилъ ему Высочайшее повелѣніе немедленно возобновить военные дѣйствія. Обо всемъ этомъ Государь получилъ донесенія въ Эрфуртѣ и вполнѣ одобрилъ распоряженія комитета, а заключенное перемирие (въ письмѣ къ государственному канцлеру графу Румянцеву) назвалъ „ошибкою непростительною“.

Во время перемирия часть войскъ изъ колонны графа Каменского была передвинута графомъ Буксгевденомъ на усиление Тучкова, въ силу того особаго значенія, которое онъ упорно придавалъ этой колоннѣ; туда же направлены были гвардейскіе баталіоны Преображенскаго и Измайловскаго полковъ, назначенные въ Финляндію согласно постановленія комитета министровъ отъ 25-го сентября. Остальная прибывшая подкѣплѣнія были посланы частью въ отрядъ Каменского, частью (подъ начальствомъ князя Голицына) эшелонированы между Гамла-Карлебю и Вазою, служа ему ближайшими резервами. Такое расположение, очевидно, вызывалось непрекращающимся ожиданіемъ повторенія какихъ-либо болѣе рѣшительныхъ десантныхъ операций короля съ Аланда, направленныхъ ближе къ тылу нашихъ наступающихъ на сѣверъ войскъ.

Шведскій главнокомандующій, какъ только подписано было перемирие, тотчасъ же уѣхалъ въ Стокгольмъ, сдавъ армію престарѣлому, но не по лѣтамъ энергичному Клеркерау. Послѣдній укрѣпилъ цѣлый рядъ позицій у себя въ тылу, пополнилъ ряды своихъ войскъ, а также послалъ подкѣплѣніе Сандельсу (было прислано около 3.000 человѣкъ изъ Швеціи); свое расположение у Химанко онъ усилилъ такъ, что по словамъ Михайловскаго-Данилевскаго, превратилъ его „въ настоящую крѣпость“; шведскіе инженеры приложили здѣсь все свое искусство и стараніе; силы Клеркера достигли 9.000 пѣхоты при 500 человѣкъ конницы и 37 орудіяхъ; у Сандельса было до 4.000.

Такимъ образомъ, шведы использовали подаренную имъ нами перedyжку, насколько было возможно. Густавъ IV Адольфъ, несмотря на всѣ понесенные неудачи, упорствовалъ и ни подъ какимъ видомъ не соглашался очистить Финляндію; онъ, наоборотъ, требовалъ отъ Клеркера удержать во что бы то ни стало оставшуюся въ его рукахъ часть края.

По полученіи повторнаго Высочайшаго повелѣнія (изданного комитетомъ министровъ) о прекращеніи перемирия, главнокомандующій

приказалъ графу Каменскому перейти нейтральную черту и, войдя съ противникомъ въ соприкосновеніе, развлекать его вниманіе, не переходя въ рѣшительное наступленіе, чтобы дать колоннѣ Тучкова время сбить Сандельса и затѣмъ выиграть достаточно пространства для того, чтобы върнѣе удалось его движеніе въ тылъ отступавшимъ вдоль побережья войскамъ Клингспора. Графъ Буксгевденъ держался, какъ сказано, за свою первоначальную идею „поставить между двухъ огней“ главную группу непріятельскихъ войскъ. Но и третья по счету попытка его въ этомъ направлениі окончилась снова неудачно: „рѣшителемъ похода“ (по выражению Михайловского-Данилевского) оказался, волею судьбы, опять-таки графъ Каменскій.

Для успѣха замысла графа Буксгевдена нужно было, чтобы Тучковъ началъ свое наступленіе раньше Каменского; поэтому Тучкову было приказано извѣстить Сандельса о прекращеніи перемирія нѣсколькими днями раньше посылки однороднаго увѣдомленія графомъ Каменскимъ Клеркеру. Тучковъ сообщилъ Сандельсу, что военные дѣйствія будутъ начаты нами снова 15-го октября въ полдень¹⁾. Позиція, занятая шведами съвернѣе Иденсалмы, у деревни Вирта, имѣла пассивный характеръ. За протокомъ, длиною около 9-ти верстъ, связывавшимъ озера: Іиярви и Поровеси, въ томъ мѣстѣ, где оба берега соединялись длиннымъ мостомъ около 200 шаговъ длины, шведы устроили двѣ линіи окоповъ, а на вершинѣ, близъ деревни Линна, выстроили сильную батарею, продольно обстрѣливавшую мостъ. Восточный (русскій) берегъ протока командовалъ шведскою позиціей и охватывалъ ее кольцомъ, но былъ по большей части покрытъ лѣсомъ; фронтъ расположенія Сандельса суживался еще небольшимъ озеркомъ, примыкавшимъ съ запада, а отступленіе отъ деревни Линна затруднялось присутствиемъ въ тылу второго протока, съ небольшимъ мостомъ, спуски къ которому были весьма круты. Такія невыгоды занимаемой имъ позиціи побудили Сандельса (по словамъ шведскихъ источниковъ) рѣшиться на принятіе здѣсь только аріергарднаго боя, тѣмъ паче, что силы непріятеля, какъ доподлинно ему было извѣстно, по крайней мѣрѣ вчетверо превосходили его собственныхъ. Онъ полагалъ лишь задержать русскихъ какъ можно дольше на переправѣ; обозъ свой заранѣе отоспалъ къ Пулькилло, а тяжести и раненыхъ къ Вуолюки на озерѣ Улео, а оттуда водою въ Улеаборгъ (черт. № 21).

Утромъ 15-го октября войска колонны Тучкова сосредоточились къ протоку. Князь Долгорукій, начальникъ авангарда, безпрестанно

¹⁾ Шведскіе источники увѣряютъ, что условлено было начать военные дѣйствія въ часѣ пополудни.

вынималъ часы, горя нетерпѣніемъ начать дѣло, въ надеждѣ отличиться и оправдать возлагаемыя на него Государемъ и петербургскими обществомъ надежды. Ровно въ полдень¹⁾ онъ повелъ лобовую атаку прямо на мостъ, причемъ егеря наши, вмѣсто того, чтобы, быстро перебѣжавъ на ту сторону, помѣшать шведамъ разобрать настилку,—разсыпались цѣпью по бокамъ моста и завязали перестрѣлку. Непріятельская команда, заранѣе для того назначенная, успѣла мостъ испортить. Долгорукову пришлось послать пионерную роту возобновлять настилку подъ жестокимъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Пионеры наши самоотверженно и быстро выполнили это рискованное дѣло, и 4-й егерскій полкъ дружнымъ натискомъ перебѣжалъ мостъ, смѣло атаковалъ передовые шведскіе окопы и взялъ ихъ. Подъ прикрытиемъ этой атаки, поддерживаемой огнемъ батареи, занявшей выдающійся мысъ восточнѣе моста, послѣдний перешли еще два полка, Тенгинскій и Навагинскій. Егеря бросились въ атаку на батарею, Навагинцы подкрѣпили ихъ, а Тенгинцы взяли уступомъ влѣво, переграждая шведамъ доступъ къ мосту. Деревня Линна была зажжена нашимъ артилеріей, егеря ворвались уже во второй рядъ окоповъ; шведскія орудія замолчали и, казалось, недоставало небольшого лишь послѣдняго усиленія для довершенія побѣды. Но тутъ Сандельськъ, который до того съ присущимъ ему хладнокровiemъ слѣдилъ за ходомъ битвы съ холма, неожиданно двинулъ скрытыхъ имъ за сѣвернымъ его склономъ сокрушительные колонны въ штыки навстрѣчу русскимъ. Узость позиціи сыграла ему въ руку: атакующіе столпились на тѣсномъ перешейкѣ между протокомъ Вирта и озеромъ Ала-Тисма, всего шириною оболо 100 сажень. Передовыя цѣпи егерей были опрокинуты на головы сзади идущихъ колоннъ Навагинцевъ, а Тенгинскій полкъ, будучи отдѣленъ озеркомъ, не могъ оказать поддержки; смятеніе сдѣгалось всеобщимъ; князь Долгорукій, пытавшійся водворить порядокъ, былъ убитъ шальной пулей. Преслѣдуемые шведами наши полки въ ужасномъ беспорядкѣ перебѣжали обратно на тотъ берегъ, причемъ многіе попадали въ воду и утонули.

Мостъ былъ усыпанъ трупами и ранеными, а подведенныи Тучковымъ резервы (полки Ревельскій и Азовскій) были на мгновеніе смыты бѣжавшими. Шведы подвезли артилерию и открыли огонь

¹⁾ Шведскіе источники, къ слову сказать, обвиняютъ князя Долгорукова въ томъ, что онъ началъ атаку *часомъ раньше* установленного времени. Въ нихъ приводится обыкновенно разсказъ о посыпкѣ Сандельскомъ, въ 10 часовъ утра, своего адъютанта къ нашимъ аванпостамъ для передачи письма, причемъ адъютантъ, передавая это письмо ординарцу князя Долгорукова, былъ удивленъ замѣчаниемъ послѣдняго, что «перемирие истекаетъ черезъ вѣсколько минутъ». Шведскій адъютантъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ, что у него около двѣнадцати, и получилъ въ отвѣтъ, что по русскимъ часамъ, тѣль какъ по близости нѣть астронома, чтобы ихъ исправить».

вдоль моста; однако, при помощи свѣжихъ войскъ у насъ довольно быстро устроились, и завязалась черезъ протокъ живая перестрѣлка, прекращенная только съ наступленіемъ темноты.

Князь Долгорукій, убитый въ этомъ бою при Вирта (какъ называютъ его шведские источники), пользовался расположениемъ Императора Александра и предназначался въ замѣстители Тучкову, дѣйствіями которого въ Петербургѣ по прежнему были недовольны. Приказъ объ этой перемѣнѣ полученъ былъ двумя днями позже сраженія.

Неуспѣхъ 15-го октября отразился существенно на характерѣ дальнѣйшихъ дѣйствій. Графъ Буксгевденъ рѣшилъ опять подкрѣпить Тучкова частью силъ Каменского и, такъ какъ онъ продолжалъ упорно придавать Саволакской колоннѣ активное значеніе, то задержалъ наступленіе по всему стратегическому фронту. Задержка эта могла весьма невыгодно отразиться на положеніи нашихъ дѣлъ.

Что же касается, въ частности, причинъ Виртовской неудачи, то главною слѣдуетъ считать—пренебреженіе къ развѣдкѣ, тѣмъ болѣе удивительное, что времени было слишкомъ достаточно: все перемирие. Вмѣсто смѣлага натиска въ лобъ на Виртовскій мостъ, можно было легко обойти все дефиле и даже высоту у д. Линна, направившись вдоль протока на сѣверъ къ мысу Лаппинъеми, гдѣ протокъ суживался всего до 25-ти саженъ. Переброшенныя здѣсь на непріятельскій берегъ наши силы выходили прямо на единственный путь отступленія шведовъ къ Улеаборгу, до которого было не больше полуверсты.

Удача при Виртѣ вплела новые лавры въ побѣдный вѣнокъ Сандельса, но выгода ощущительныхъ не доставила. „Если принять во вниманіе (пишетъ онъ въ своемъ дневнике), что непріятельскихъ войскъ было по крайней мѣрѣ отъ 7 до 8 тысячъ, а шведскихъ не болѣе 1.200 человѣкъ..., то нельзя не признать, что дѣло это было однимъ изъ важнѣйшихъ, выпавшихъ на долю шведскаго оружія въ это кампанію“...

Впечатлѣніе, однако, нѣсколько ослабляется, если мы примемъ въ расчетъ *условія мѣстности*, въ силу которыхъ Сандельсъ, въ сущности говоря, имѣлъ дѣло только съ *головой* нашей штурмующей колонны, причемъ почти *половина*资料 of our regiment took it and did not join the battle.

Безрезультатность же тактическаго успѣха Сандельса (непосредственно для его отряда) видна уже изъ того, что продолжать отступленіе къ Улеаборгу онъ призналъ попрежнему необходимымъ. Онъ обратился даже съ просьбою о 36-ти часовомъ перемирии подъ предлогомъ необходимости уборки нашихъ раненыхъ. Затѣмъ Сандельсъ отошелъ на одинъ переходъ къ сѣверу и у Салахми занялъ снова крѣпкую позицію, на которой оставался около двухъ недѣль.

Тучкову было приказано выждать съ дальнѣйшимъ наступленіемъ, пока не подойдутъ къ нему двинутыя графомъ Каменскимъ подкѣрѣпленія (егерскій полкъ, Азовскій полкъ и баталіонъ Низовскаго), а также до подвоза продовольственныхъ запасовъ, съ трудомъ продвигавшихся водою по запутаннымъ фарватерамъ съверной части Сайменской системы. Сперва графъ Буксгевденъ придержалъ войска и на береговой дорогѣ, но доставленныя ему свѣдѣнія (оказавшіяся впослѣдствіи ложными) о выдѣлѣніи Клеркера значительныхъ силъ на помощь Сандельсу, побудили его пустить впередъ и колонну графа Каменского. Нельзя не замѣтить, что прибытіе осторожнаго главнокомандующаго самолично къ войскамъ этой колонны отражалось на образѣ ея дѣйствій. Нерѣшительность и колебанія, наоборотъ, не были вовсе свойственны графу Каменскому. Получивъ, наконецъ, разрѣшеніе наступать, онъ быстро тронулся впередъ 20-го октября изъ окрестностей Гамла-Карлебю, намѣреваясь рѣшительно атаковать позицію у Химанко, сильно укрѣпленную шведскими инженерами.

Надъ Буксгевденомъ все время тяготѣла первоначальная предвзятая идея—добиться рѣшительного успѣха приданіемъ активной роли Саволакской колоннѣ. Ослабляя графа Каменскаго, Буксгевденъ рисковалъ не добить главную непріятельскую группу, а именно къ этому и слѣдовало стремиться, чтобы окончательно завладѣть Финляндіей и лишить непріятеля *кадровъ* для образования новой арміи къ будущей кампаніи.

Съ другой стороны, причина медлительности Буксгевдена та,— что онъ выждалъ *наступленія зимы*. Главнокомандующій зналъ по опыту первыхъ мѣсяцевъ похода, какъ облегчалось преодолѣніе чередующихся на побережїѣ Эстроботніи широкихъ водныхъ преградъ, благодаря возможности *обходить* эти крѣпкія съ фронта позиціи, *двигаясь по льду залива*. Но способность шведовъ къ сопротивленію была настолько подорвана, что въ этомъ облегченіи не было надобности. Каменскій лучше угадалъ *психологію* противника. Уныніе и безнадежность царили къ шведскихъ рядахъ. При такихъ обстоятельствахъ всякое промедленіе съ нашей стороны являлось *спасительнымъ* для противника: оно давало ему возможность отдохнуть, оправиться, собрать свои разрозненные силы. Наоборотъ, при неответвленномъ, настойчивомъ *преслѣдованіи*—одной *угрозы сообщеніямъ* оказывалось достаточно.

Не имѣя возможности обходить шведовъ по льду, какъ это дѣжалъ Кульевъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1808 года,—Каменскій примѣняетъ обратный пріемъ: онъ продвигаетъ часть силъ къ верховьямъ рѣкъ, гдѣ преграда легче одолима, и маневромъ во флангъ вмѣстѣ съ

давленіемъ на фронтъ вынуждаетъ шведовъ безъ боя отдавать намъ всѣ эти крѣпкія позиціи, которыя, при иныхъ условіяхъ, пришлось бы одолѣвать съ затратой огромныхъ усилій.

Клеркеръ поставилъ себѣ цѣлью сохранить для Швеціи возможно большее количество воиновъ. Онъ понималъ, что дальнѣйшее сопротивленіе въ предѣлахъ Финляндіи не можетъ уже имѣть никакихъ шансовъ на успѣхъ. А такъ какъ со стороны моря, несмотря на то, что шведы владѣли Ботническимъ заливомъ, не было ни малѣйшей попытки облегчить отступавшихъ,—имъ приходилось, не взирая на истощеніе материальныхъ и духовныхъ силъ, добираться до крайнихъ сѣверныхъ предѣловъ Финляндіи. „У насъ нѣтъ другого выбора (писалъ Клеркеръ Сандельсу¹⁾), кромѣ того, что шагъ за шагомъ оспаривать у противника путь къ Улеаборгу, не рискуя арміей и обеспечивая свое отступленіе за Улеаборгъ. Это не будетъ пріятнымъ путешествіемъ въ данное время года, но другого выхода нѣтъ для спасенія арміи и прикрытия Швеціи съ этой стороны“. Одновременно съ этимъ Клеркеръ предписывалъ Сандельсу такъ сообразовать свое отступленіе съ движениемъ главныхъ силъ, чтобы соединеніе обѣихъ колоннъ совершило въ Лимінго, не допуская отнюдь русскихъ отрѣзать кому либо изъ нихъ сообщенія или перервать связь между ними. Такимъ образомъ, Клеркеръ отчасти предвидѣлъ именно тотъ образъ дѣйствій непріятеля, котораго придержался Каменскій.

Нельзя не удивляться тому упорству, съ которымъ шведскій король Густавъ-Адольфъ держался предвзятой идеи объ отвлечении нашихъ силъ и нашего вниманія высадками въ юго-западной Финляндіи. Эти высадки еще имѣли вѣкоторый смыслъ и значеніе въ то время, когда районъ главныхъ операций на сушѣ не переходилъ сѣвернѣе Вазы. Но съ уходомъ шведскихъ войскъ на Улеаборгъ, обусловленнымъ, какъ извѣстно, отказомъ Густава IV Адольфа въ отвозѣ арміи моремъ въ Швецію—всякая связь между „сѣверо-финской“ и „южно-финской“ арміями фактически утрачивалась. Возстановить эту связь можно было, пользуясь ничѣмъ ненарушимымъ господствомъ на Ботническомъ заливѣ, лишь посадивъ всѣ войска съ Аланда на суда и, подъ прикрытиемъ флота, высадивъ ихъ на побережье гдѣ либо въ сѣверной части Ботники, поближе къ району операций, чтобы оказать на нихъ непосредственное вліяніе... Но объ этомъ и не думали; король возобновлялъ безъ всякаго вниманія къ общей обстановкѣ, свои десантныя попытки къ юго-западной Финляндіи, а когда всѣ онѣ не удались, бросилъ все и уѣхалъ въ

¹⁾ См. Danielson. Finska kriget, стр. 537.

Швецію... Такимъ образомъ, Клеркеру приходилось выносить исключительно на своихъ истощенныхъ силахъ всю тяжесть отступленія.

Кульневъ, шедшій въ авангардѣ Каменскаго, быстро продвинулся къ Химанку, но, къ удивленію своему, обнаружилъ, что непріятель покинулъ эту позицію, не принявъ боя. Михайлівскій-Данилевскій объясняетъ оставленіе этой позиції Клеркеромъ опасеніемъ послѣдняго, что его обойдутъ съ тыла, а также упадкомъ духа шведскихъ войскъ. Вѣрнѣе искать причину этого отступленія въ стремлениі Клеркера скорѣе сблизиться съ Сандельсомъ и, сосредоточивъ всѣ оставшіяся силы, прикрывать ими шведскую границу. Это подтверждается тѣмъ, что еще 17-го октября Клеркерь отправилъ бригаду Гриппенберга черезъ Сикайоки къ Теммесу, чтобы принять на себя отступающаго Сандельса. Самъ Клеркерь съ остальными силами, скиталя за собою мосты, отошелъ за рѣку Калаюки и здѣсь снова укрѣпился на высотахъ. Съ трудомъ подвигаясь впередъ черезъ испорченныя переправы и по осенней грязи, Кульневъ настигъ 25-го числа непріятельскій аріергардѣ въ 4-хъ верстахъ впереди Калаюки,— сбилъ его и преслѣдовалъ вплоть до главной позиціи. Шведы отступали передъ нимъ по-эшелонно, взаимно прикрывая другъ друга, пока всѣ ихъ силы не соединились у Калаюки. На другой день 26-го числа, подошелъ съ главными силами графъ Каменскій. Необходимость сбить шведовъ съ позиціи для него обусловливалась еще недостаткомъ продовольствія: транспорты, задержанные испортившимися дорогами, отстали, и Каменскій вынужденъ былъ искать базу *переди себя*. Истоцивъ всѣ мѣстныя средства въ окрестномъ районѣ, Каменскій расчитывалъ, отъѣхавши шведовъ, занять большее пространство края и воспользоваться новыми припасами отъ жителей.

Позиція у Калаюки, прикрытая широкимъ устьемъ рѣки, была трудноодолима съ фронта. Каменскій, озабочившійся еще во время перемирія заготовкою моста изъ легкихъ платформъ, перевозимаго въ особыхъ фурахъ (Сухтеленъ, стр. 163), перешелъ со своей колонной по этому мосту¹⁾ потокъ Саппо близъ селенія Курикка, послѣ довольно сильной канонады, заставившей отступить шведскій аріергардѣ; для преодолѣнія же Калаюкской позиціи, начальникъ отряда отдѣлилъ обходную колонну Эриксона (3 полка съ 1 эскадрономъ и 5-ю орудіями), которая двинулась вверхъ по рѣкѣ, чтобы перейти ее поближе къ верховьямъ. Стукнувшій въ ночь морозъ подаль рѣшительному Каменскому мысль еще болѣе упростить дѣло: онъ оставилъ передъ фронтомъ шведской позиції авангардъ Кульнева (5 ба-

¹⁾ Это показываетъ, между прочимъ, что мысль Каменскаго о наипростѣйшемъ способѣ преодолѣнія непріятельскихъ позицій за рѣками сѣверной Эстроботніи, не возникла случайно, а была обдумана заранѣе.

таліоновъ, 2 эскадрона и 2 орудія), подкрайпленный двумя полками Демидова, а со всѣми остальными войсками двинулся вслѣдъ за Эриксономъ, прямо по замерзшемъ болотамъ. Но это движение оказалось крайне труднымъ: ледъ былъ еще слабъ, люди и лошади проваливались по поясъ въ воду; всѣ генералы и офицеры шли пѣшкомъ. Движеніе было крайне медленно: въ 8 часовъ прошли только 5 верстъ и на другой день добрались до селенія Питкайсъ, гдѣ предполагалось переправиться черезъ рѣку. Тѣмъ временемъ Эриксонъ уже успѣлъ перейти на ту сторону вбродъ значительно выше и шелъ вдоль Калаюки, тѣсня передъ собою шведскіе передовые посты. Лишь утромъ 28-го Каменскій совершилъ переправу по наведенному мосту и пошелъ вслѣдъ за Эриксономъ, а Кульневъ съ Демидовымъ уже возстановили мостъ на фронтѣ и намѣревались форсировать и эту переправу.

Только при абсолютной пасивности непріятеля можно было позволять себѣ такъ дерзко раздѣлять свои силы въ его непосредственной близости, причемъ почти двое сутокъ противникъ имѣлъ возможность разбить отдельно любую изъ нашихъ трехъ группъ. Но наши генералы знали, что дѣлали: они ясно понимали, что противникъ уже въ такомъ угнетенномъ состояніи, что можно отважиться почти на все.

Вместо того, чтобы попытаться воспользоваться рискованнымъ нашимъ положеніемъ, Клеркеръ ограничился постепеннымъ оттягиваніемъ своихъ передовыхъ частей, а когда Эриксонъ продвинулся настолько, что грозилъ уже шведскому тылу,—Клеркеръ очистилъ и эту позицію, сдерживая нашъ напоръ до ночи аріергардомъ. Въ ту же ночь Кульневъ исправилъ мостъ и, перейдя на другой берегъ, обогналъ Эрикsona, а затѣмъ, помня данный ему приказъ „не выпускать изъ вида непріятеля“, устремился, какъ рьяный охотникъ по слѣду, за отступавшими шведами.

Главнокомандующій графъ Буксгевденъ слѣдовалъ съ колонною графа Каменского только до Гамла-Карлебю, гдѣ остался для того, чтобы озабочиться доставкою продовольствія къ двигающимся спѣшно по пятамъ противника войскамъ. Однако, не смотря на всѣ хлопоты и старанія, транспорты застрѣвали, задерживаемые осеннею распутицею, мѣстныя же средства были истощены противникомъ, который только что здѣсь прослѣдовалъ. Какъ ни велики были, описываемыя въ самыхъ трогательныхъ красахъ шведскими историками, лишенія шведскихъ войскъ при этомъ вторичномъ ихъ отступлениі къ сѣвернымъ предѣламъ Финляндіи, они далеко не могутъ идти вровень съ тѣми испытаніями, которыя выпали на долю нашихъ героевъ, погибшихъ, въ концѣ концовъ, чуть не одними остатками мерзлаго

картофеля, выкапываемыми тесаками на заброшенныхъ поляхъ¹⁾. Шведы имѣли, все-таки, запасы въ Улеаборгѣ, получали продовольствие изъ Швеціи моремъ, наконецъ,—къ ихъ услугамъ была сѣверная часть Улеаборгской губерніи, хотя и скучная по природѣ, но еще войной не истощенная. Окрестности Улеаборга шведы успѣли сильно укрѣпить; всѣ тяжести, продовольствіе и магазины ихъ были уже переправлены на правый берегъ рѣки Улео, являющейся сильной оборонительной линіей до 400 саженьширины. Для переправы войскъ шведскихъ заготовлено было нѣсколько сотъ судовъ, а на сѣверномъ берегу устроена сильная укрѣпленная позиція, въ которой шведская армія имѣла возможность долго сопротивляться.

Иное было положеніе нашихъ войскъ. „Безпрерывныя донесенія о неуспѣшномъ ходѣ транспортовъ (доносилъ Буксгевденъ Государю) довершали мое беспокойство. Посланные комиссіонеры и чиновники единогласно утверждали, что хотя на собираемыхъ въ Гельсингфорсѣ съ большимъ затрудненіемъ подводахъ отправляется провіантъ, но доставленіе его, по мѣрѣ отдаленія отъ Гельсингфорса, дѣлается совершенно невозможнымъ.“

„Опустошеніе на 150 верстъ въ ширину, встрѣчаемое по всѣмъ дорогамъ, по причинѣ бывшаго въ краю семъ волненія, брошенныхъ несжатыхъ полей, нескошенныхъ луговъ и разсѣянныхъ жителей, не только отнимаетъ способы дѣлать перемѣну транспортнымъ лошадямъ, но даже сыскать имъ кормъ, отъ чего изнуряемыя такимъ образомъ подводы дѣлаютъ въ сутки не болѣе 10 или 15 верстъ, а наконецъ и вовсе останавливаются. Между тѣмъ изъ каждого кирхшиля (прихода), черезъ которые отступали шведы, уводили они по 900 и болѣе лошадей и рогатаго скота, собирали отъ 800 до 900 бочекъ разнаго хлѣба, такъ что со всяkimъ шагомъ вслѣдъ за непрѣтелемъ мы болѣе и болѣе вдавались въ опустошенную землю, лишаясь послѣднихъ способовъ пропитанія себя. Скрывая по возможності отъ войскъ сіе положеніе, я предписалъ продолжать движеніе согласно операционному плану, усугубляя между тѣмъ поиски мои, уже отъ бывшаго перемирія начатыя, дабы имѣть вліяніе на умы, если не шведскаго войска, то финскаго и ихъ начальниковъ. Но при всей наклонности нѣкоторыхъ чиновниковъ въ пользу нашу, кромѣ умноженія числа дезертировъ, невозможно было поколебать чести, съ которою всѣ они готовы омыть кровью каждый шагъ ихъ отступленія.“

Такимъ образомъ, графъ Буксгевденъ опасался, что продовольственныя затрудненія помѣшаютъ побѣдоноснымъ войскамъ нашимъ

¹⁾ См. записки Фаддея Булгарина.

довершить свою победу и пытался даже (хотя и безуспешно) склонить финновъ къ измѣнѣ своимъ знаменамъ.

Подобныя попытки „воздѣйствія на умы“ происходили главнымъ образомъ подъ вліяніемъ совѣтовъ тѣхъ шведскихъ перебѣжчиковъ, клевретовъ Спренгтпортена, которые въ довольно большомъ числѣ пристроились къ главной квартирѣ.

Тѣмъ временемъ войска графа Каменского, бодро перенося неслыханный лишенія, тѣснили противника все дальше и дальше. 30-го октября Кульневъ настигъ шведскій аріергардъ у рѣки Пюхлюоки; разрушенный до основанія мостъ остановилъ наступленіе; Кульневу, съ присоединеніемъ головного эшелона главныхъ силъ подъ начальствомъ Демидова, приказано было дѣйствовать съ фронта, а остальные войска свернули вверхъ по рѣкѣ, для обхода. 2-го ноября пришелъ на помощь морозъ; на ледяную кору, затянувшую рѣку, набросали соломы и досокъ, полили все это водою, и черезъ этотъ зыбкій помостъ, по одиночкѣ, перебрались пѣхотинцы, а рядомъ конница, прорубивъ во льду каналъ, переходила рѣку вплавь, переправляя сѣда на лодкахъ. Смѣлый этотъ обходъ заставилъ шведовъ очистить Пюхлюоки безъ боя.

Отсюда Каменскій послалъ двѣ колонны въ разрѣзъ между Клеркеромъ и Сандельсомъ, на Франтсила и Пулькилла. Это движение заставило Сандельса послѣ неудачной ночной атаки на наши войска 30-го октября, послѣдить отступленіемъ къ Улеаборгу, а Клеркеръ очистилъ Брагештадтъ и дошелъ до Сіикаюки, т. е. до того пункта, который въ апрѣль былъ предѣльною точкою нашего наступленія.

Скажемъ попутно нѣсколько словъ о событияхъ въ колоннѣ Тучкова и о вышеупомянутой смѣлой ночной попыткѣ Сандельса, бывшей, такъ сказать, его „лебединою пѣснью“.

Послѣ дѣла у Иденсалыми, отрядъ Тучкова въ теченіе двухъ недѣль бездѣйствовалъ, руководствуясь даннымъ главнокомандующимъ приказаниемъ. Только авангардъ Тучкова перешелъ Виртовскій мостъ и продвинулъся на 5 верстъ къ сѣверу, уперевъ правый флангъ въ моховое болото. Болото это прикрывало съ праваго фланга и главные силы Тучкова, расположившагося спокойно по квартирамъ, считая себя и свой отрядъ въ полной безопасности. Правда, черезъ болото проходила тропинка, но развѣдавшій ее офицеръ призналъ ее непроходимою. Однако, съ наступленіемъ ночныхъ морозовъ было обращено вниманіе на возможность движенія по замерзшему болоту; къ тому же замѣчено было, что противникъ производитъ разведки въ этомъ направлениі, и потому въ лѣсу, у начала болота, поставлена была сильная застава (въ двѣ роты).

Действительно, Сандельсъ не упускавши никогда случая воспользоваться малѣйшей оплошностью противника, чтобы нанести ему вредъ, рѣшилъ въ данномъ случаѣ, что разбросанное квартирное расположение Тучкова можетъ оказаться уязвимымъ. Онъ вознамѣрился попытаться произвести нечаянное ночное нападеніе съ тыла на нашъ авангардъ, разрушивъ Виртовскій мостъ, связывавшій его съ главными силами и, если возможно, захвативъ въ плѣнъ начальствующихъ лицъ авангарда, квартировавшихъ, какъ было ему отлично известно, въ деревушкѣ Фредриксдаль, въ верстѣ съвериѣ помянутаго моста. Для производства ночной атаки назначенъ былъ Дункеръ, уже прославившійся своими смѣлыми набѣгами и ночными дѣлами; въ его распоряженіе дано около 1,000 отборныхъ людей изъ всѣхъ полковъ. По лѣсамъ и болотамъ долженъ быть пробраться этотъ отрядъ и, совершивъ пятидесятiverстный обходъ, ударить на мостъ, разрушить его и, напавъ на авангардъ нашъ съ тыла, уничтожить его и плѣнить генераловъ Ершова и Алексѣева.

Содѣствовать атакѣ одновременнымъ ударомъ съ съвера долженъ былъ Аминовъ съ 500 человѣками, по спущенной Дункеромъ ракетѣ. Къ вечеру 30-го числа Дункеръ добрался до д. Свениняки, оттуда выступилъ съ такимъ расчетомъ времени, чтобы подойти къ мосту около полуночи. Шедшій въ авангардѣ известный шведскій партизанъ Мальмъ¹⁾ наткнулся неожиданно на вышеупомянутую нашу заставу на краю болота. Видя, что весь планъ можетъ изъ за этого рухнуть, онъ рѣшилъ спасти дѣло *быстрой*: смѣло навалился на наши роты, застигнутыя врасплохъ неожиданностью, смяль ихъ, прогналъ ихъ вплоть до моста, где оказались землянки полковъ Ревельского и Низовского. Въ темнотѣ мрачной осенней ночи началось всеобщее смятеніе и жестокая, безпощадная штыковая работа, воспѣтая очевидцемъ, поэтомъ Батюшковымъ:

„Помнишь ли, питомицъ славы,
Иденсальми страшну ночь?...

Рѣзня началась свирѣпая; бились грудь съ грудью на тѣсномъ мосту, сталкивая другъ друга въ ледяные волны; шведамъ уже удалось пробиться къ поставленной у моста батареѣ, но въ это время гвардейскіе егеря, баталіонъ которыхъ, какъ известно, пришелъ еще съ Барклаемъ-де-Толли, бросились на выручку, приведенные адъютантомъ начальника отряда барономъ Паленомъ. Будущіе герои Кульма мастерски ориентировались, не взирая на почти полную тьму, ударили на торжествовавшаго уже врага съ тыла и придали этимъ смѣлость нашимъ авангарднымъ баталіонамъ; послѣдніе опра-

.¹⁾ Дѣствовавшій раньше въ Королії.

вились, и Дункеръ съ Мальмомъ, во главѣ своихъ смѣльчаковъ, оказались между двухъ огней. Обоюдоострое значеніе формулы: *кто обходитъ — тотъ самъ обойдено*, сказалось и тутъ, на этомъ маленькомъ, но весьма поучительномъ примѣрѣ. Темнота спасла шведовъ отъ полнаго уничтоженія; отчаянно пробивались они сквозь наши ряды и уходили отъ преслѣдованія въ чащу лѣса. Шестеро офицеровъ и свыше 200 человѣкъ полегло ихъ; въ числѣ пленныхъ оказался и знаменитѣйшій изъ непріятельскихъ партизановъ Мальмъ. Условленной ракеты не было спущено, а потому Амновъ таекъ и не произвелъ атаки съ сѣвера.

На другой день къ Сандельсу пришло каѣвъ разъ приказаніе отступать какъ можно быстрѣе къ Улеаборгу. Дождавшись присоединенія остатковъ отряда Дункера, онъ двинулся, уничтожая за собою переправы. Тучковъ медленно слѣдовалъ за нимъ, задерживаемый дурными дорогами, по причинѣ которыхъ запаздывали транспорты съ продовольствиемъ. Такимъ образомъ дальнѣйшій отходъ бригады Сандельса до Франтсиы совершился безпрепятственно.

Здѣсь Сандельсъ готовился къ оборонѣ, и уже завязалась перестрѣлка аванпостовъ, какъ пришло извѣщеніе о заключенной Клеркеромъ и Каменскимъ въ Олькюоки „конвенції“¹⁾.

Изнуренные безпрерывнымъ отступленіемъ, войска Клеркера, по приходѣ въ Синкаюки, были поставлены въ затруднительное положеніе изъ-за мороза. Ботническій заливъ затянуло льдомъ, и суда съ продовольствиемъ, присланныя изъ Швеціи, не могли пристать къ финскому побережью. Это обстоятельство ставило шведовъ въ положеніе, близкое къ безвыходному. Шведскіе генералы собрались на совѣтъ и рѣшили вступить съ непріятелемъ въ переговоры. Графъ Каменскій, который уже велъ войска въ наступленіе противъ новой позиціи шведовъ, былъ приглашенъ въ ихъ передовую цѣнь, куда выѣхалъ къ нему Адлеркрайцъ. Послѣдній предложилъ заключить перемирие, при условіи очищенія Улеаборга въ 14-ти дневный срокъ. Такъ какъ Каменскій имѣлъ отъ главнокомандующаго секретное полномочіе не отвергать выгодныхъ для насъ предложеній, и такъ какъ ему отлично было извѣстно состояніе нашего тыла, то онъ и согласился прервать военные дѣйствія, отправивъ, однако, условія перемирія на утвержденіе главнокомандующему. Послѣдній уполномочилъ Каменскаго подписать „конвенцію“, но только при условіи очищенія всей Финляндіи и притомъ въ срокъ болѣе короткій. Переговоры велѣнно было Каменскому окончить въ три дня,

¹⁾ Вместо боя Тучковъ, по русскому обычаю, устроилъ въ ближайшей деревнѣ завтракъ, на который пригласилъ Сандельса и многихъ шведскихъ офицеровъ.

а войска тѣмъ временемъ такъ направить, чтобы склонить непріятеля къ согласию на наши требования. Пока шель къ Каменскому этотъ отвѣтъ Буксгевдена, на помощь намъ пришла сама природа: бурнымъ вѣтромъ и оттепелью взломало ледъ на рѣкѣ Сінкаюки, снесло деревянный мостъ, и, такимъ образомъ, шведы оказались отрѣзанными отъ своего тыла. Буря превратила рѣку въ грозный потокъ, черезъ который устроить временную переправу не представлялось никакой возможности. Если бы Каменскій не былъ связанъ даннымъ Адлекрейцъ словомъ, онъ могъ бы притиснуть непріятельскія войска къ рѣкѣ и поставить въ совершенно безвыходное положеніе.

5-го ноября привезенъ былъ отъ Буксгевдена отвѣтъ, и 7-го, въ тотъ самый день, когда Тучковъ занялъ Пулькилла, графъ Каменскій заключилъ съ Клеркеромъ въ Олькюки перемиріе на неопределенный срокъ, главныя условія котораго заключались въ слѣдующемъ.

1) Шведская армія должна отойти за границу тогдашней Улеаборгской губерніи, т. е. за рѣку Кеми, оставивъ оба берега этой рѣки во власти русскихъ; 2) шведская армія должна очистить Улеаборгъ черезъ 10 дней по подписаніи „конвенціи“, т. е. не позже 17-го ноября; 2-го декабря русскіе должны занять Кеми, т. е. расположиться отъ Торнео всего въ 27 верстахъ; 3) все, что будетъ оставлено шведами потому, что не успѣютъ вывезти, признается военною добычей; 4) шведы обязаны ничего не продавать, раздавать или уничтожать; 5) они не должны трогать ни архивовъ, ни чиновъ гражданскаго управлѣнія, которые всѣ должны быть возвращены на свои мѣста.

Вслѣдъ за подписаніемъ конвенціи, графъ Каменскій уволенъ былъ въ Петербургъ, въ отпускъ для поправленія здоровья. Сдавая свой отрядъ Тучкову и прощаюсь съ войсками, онъ произнесъ слова, ставшія отнынѣ историческими: „Мы завоевали Финляндію—сохраните ее“.

20-го ноября графъ Буксгевденъ вступилъ въ Улеаборгъ. Авантгардъ нашъ и казаки подавали помощь измощеннымъ непріятельскимъ отсталымъ и съ истинно-русскимъ добросердечiemъ дѣлились съ ними послѣднимъ кускомъ. Въ Улеаборгѣ оставлено было непріятелемъ 1.200 больныхъ, нѣсколько орудій (18) и 200 ружей. Жители города были немедленно приведены къ присягѣ на подданство Россіи.

Дойдя до назначенной демаркаціонной линіи, за рѣкой Кеми, нашъ авантгардъ разставилъ передовую цѣль и расположился на бивакахъ, не взирая на стужу, такъ какъ селенія здѣсь рѣдки и крайне малы. Шведы отвели свой авантгардъ въ Торнео, а главныя ихъ силы стали въ Каликсѣ.

Такимъ образомъ, основная цѣль войны—завоеваніе Финляндіи оказывалась фактически достигнутой: вся шведская Финляндія была въ нашей власти. Но Швеція еще не была побѣждена, она еще имѣла средства къ дальнѣйшему сопротивленію; мы даже сохранили ей остатки бывшей „финской арміи“, испытанные въ бояхъ и тягостяхъ походной жизни и потому являющіеся великолѣпными кадрами для новыхъ формированій. Заключеніе перемирія, тѣмъ болѣе на неопределенный срокъ, давало возможность шведамъ воспользоваться подареннымъ временемъ, оправиться отъ пораженій и, оказавъ снова сопротивленіе, добиться болѣе выгодныхъ для себя условій мира. Съ этой точки зренія вполнѣ понятно неудовольствіе, съ которымъ Императоръ Александръ I принялъ извѣстіе объ Олькіоекской конвенції.

„Не могу я признать (писалъ онъ графу Буксгевдену), чтобы конвенція, съ остатками шведскихъ войскъ заключенная, удовлетворяла и въ полной мѣрѣ моимъ желаніемъ и цѣли вѣреннаго вамъ начальства. Войско непріятеля, не болѣе какъ изъ восьми тысячъ состоящее, болѣзнями и недостаткомъ продовольствія изнуренное и тѣснѣмое, какимъ образомъ могло бы противостоять силамъ нашимъ въ три краты его превосходящимъ? Быть преслѣдуемо продолженіемъ военныхъ нашихъ дѣйствій, какимъ образомъ могло бы оно избѣжать конечнаго расторженія? Большая его часть разсѣялась бы не достигнувъ Улеаборга; остальная, если бы и спаслась, то въ разстроенномъ, изнуренномъ и ничтожномъ положеніи. Конвенція, вами заключенная, похитила у насъ сіи надежды. Войска наши должны быть въ готовности противъ новыхъ покушеній, а сие одно въ настоящее время года, сколь должно быть тягостно, сами вы можете быть свидѣтелемъ“.

Заключеніе Олькіоекской конвенції было послѣдней каплею, переполнившей чашу неудовольствія, уже почти съ самаго начала войны скопившагося противъ графа Буксгевдена въ Петербургѣ. Неудовольствіе это привело сперва къ охлажденію, а затѣмъ и къ прямому нерасположенію къ нему самого Императора Александра, чьему дѣятельно содѣйствовали лица, такъ или иначе заинтересованны въ сверженіи главнокомандующаго съ поста. На выясненіи причинъ увольненія Буксгевдена отъ командованія и характеристики его, какъ начальника, считаемъ необходимымъ нѣсколько остановиться.

Увольненіе Буксгевдена состоялось при явно выраженномъ неудовольствіи Императора Александра, обусловившемъ собою проявленіе къ бывшему главнокомандующемуничѣмъ не скрываемой немилости. Немилость эта накапливалаась постепенно и зависѣла отъ многихъ причинъ. По словамъ К. Ф. Ордина („Покореніе Финлян-

дії“ I, 403), Буксгевдену „почти съ самаго начала войны пришлось вести другую едва ли не болѣе еще трудную войну съ интригой, которая пustila въ Петербургѣ глубокіе корни и широко разрослась“. Съ первыхъ же шаговъ дѣйствія Буксгевдена какъ военнымъ, такъ и гражданскимъ (по управлению занятымъ краемъ), подверглись рѣзкой критикѣ Спренгтпортена, который сообщалъ объ этомъ безъ стѣсненія Государю то непосредственно, то черезъ канцлера Румянцева. Для выясненія на мѣстѣ обстоятельствъ дѣла въ Финляндію посланъ былъ самъ военный министръ Аракчеевъ и, хотя его личныя впечатленія и ослабили нѣсколько значеніе доносовъ Спренгтпортена, но положеніе главнокомандующаго не улучшилось, а скорѣе ухудшилось, такъ какъ между нимъ и Аракчеевымъ, что называется „пробѣжала черная кошка“. Аракчеевъ, какъ извѣстно, былъ весьма злопамятенъ и мстителенъ; достаточно было Буксгевдену, по одному мелочному замѣчанію, отвѣтить ему рѣзкимъ письмомъ, чтобы военный министръ затаилъ противъ него вражду, которая, конечно, была для Буксгевдена гораздо болѣе опасна, чѣмъ интриги Спренгтпортена. Увѣренія послѣднаго, лейтъ-мотивомъ которыхъ было, что военные дѣйствія въ Финляндіи должны вестись только для виду, что все сдѣлается преданностью финляндцевъ къ Россіи и ея Императору,—вскорѣ утратили подъ собою почву, какъ только положеніе дѣль въ Финляндіи измѣнилось, и мѣстное населеніе возстало съ оружиемъ въ рукахъ. Но и здѣсь нашлось средство подорвать довѣріе къ главнокомандующему; враги его воспользовались нѣсколькими бывшими злоупотребленіями, чтобы приписать огульно все крестьянское движение *войскамъ*, ихъ притѣсненіямъ и грубому обращенію съ населеніемъ. По крайней мѣрѣ такую точку зрѣнія мы встрѣчаемъ въ обширной запискѣ (на французскомъ языке), поданной уже новымъ главнокомандующимъ Кнорингомъ о положеніи дѣль въ Финляндіи¹⁾. Послѣдній, бывшій генералъ-квартирмайстеромъ русскихъ войскъ въ Екатерининскую войну 1788—1790 г.г., считалъ себя знатокомъ Финляндіи, имѣющимъ гораздо больше правъ, чѣмъ Буксгевденъ, на званіе главнокомандующаго. Поэтому онъ и его сторонники подвергали въ Петербургѣ каждый шагъ Буксгевдена самой злостной критикѣ. Мало того, изъ архивныхъ дѣль видно, что Аракчеевъ приставилъ къ Буксгевдену особыхъ соглядатаевъ, въ лицѣ квартирмайстерскихъ офицеровъ изъ *поляковъ*, Гавердовскаго и Турскаго, которые оба доносили ему за спиною главнокомандующаго... ²⁾ Такимъ образомъ, въ Петербургѣ противъ Буксгевдена интриговали съ двухъ сторонъ. Кноринга постоянно приглашали въ военное министерство, а затѣмъ,

¹⁾ Д. В.-Уч. Арх. Ген. Штаба. № 4418.

²⁾ Д. В. Уч. Арх. Г. Ш. №№ 4418 и 1665.

по отъѣздѣ Государя въ Эрфуртъ, въ комитетъ министровъ, для разъясненій и совѣтовъ по финляндскимъ военнымъ дѣламъ. Очевидно, эти совѣты и разъясненія не были согласны со взглядами и ходатайствами главнокомандующаго и его штаба. Кнорингъ, не ограничиваясь этимъ, завелъ переписку съ частными начальниками въ Финляндіи, давая имъ изъ Петербурга свои указанія: такъ архивъ сохранилъ его письмо Тучкову I (постоянно враждовавшему съ Буксгевденомъ), съ совѣтами относительно военныхъ дѣйствій его колонны¹⁾.

При такихъ условіяхъ положеніе главнокомандующаго было до нельзяя труднымъ. Средства для веденія войны, предоставленные въ его распоряженія, были ничтожны (едва 24,000 корпусъ); просыбы о присылкѣ подкрепленій принимались съ плохо скрываемымъ неудовольствиемъ; самыя подкрепленія высыпались пакетами и съ большимъ запозданіемъ, а нерѣдко и съ указаніемъ не расходовать ихъ, а беречь для будущихъ операций въ коренной Швеціи. А, между тѣмъ, со своими силами главнокомандующій долженъ былъ одновременно удерживать огромную захваченную територію, наносить удары противнику и дѣйствовать противъ крѣпостей. Хотя послѣдня и капитулировали къ концу апрѣля, но съ наступлениемъ весны дѣло осложнилось еще болѣе; готовился выступить на сцену флотъ; необходимо было защищать побережье на значительномъ протяженіи отъ возможныхъ покушеній съ моря, а возникшая народная война грозила нашимъ сообщеніямъ съ другого фланга.

Отличительными свойствами Буксгевдена были осторожность и предусмотрительность, которые, видимо, преобрадали въ немъ надъ рѣшительностью. Не будучи первокласснымъ военнымъ талантомъ, онъ обладалъ, однако, вѣрнымъ военнымъ взглядомъ и богатымъ боевымъ опытомъ. Непосредственнымъ помощникомъ его, въ должностіи начальника его штаба, являлся инженеръ-генералъ Сухтеленъ, человѣкъ съ солидными по тому времени военно-научными познаніями... Прѣвидя заранѣе неизбѣжность значительного расхода войскъ въ цѣляхъ закрѣпленія за собою территоріи Финляндіи, и, главное, необходимость защиты ея береговъ, Буксгевденъ заблаговременно сталъ указывать на слабость силъ финляндскаго корпуса и просить о скорѣйшей присылкѣ къ нему подкрепленій. Заявленія эти принимались въ Петербургѣ, какъ уже сказано, очень неблагосклонно, а когда въ первой половинѣ лѣта, слабымъ нашимъ силамъ пришлось одновременно бороться съ непріятельскими войсками, возставшимъ населеніемъ и недостаткомъ пропитанія, ожидая ежеминутно

¹⁾ Д. В. Уч. Арх. Ген. Шт. № 1645.

высадки сильныхъ шведскихъ подкрайненій на берегахъ,—тогда стали всѣ неудачи взваливать на главнокомандующаго, приписывая ихъ неумѣлымъ его распоряженіямъ. Императоръ Александръ все время желалъ и настаивалъ на переносѣ военныхъ операций въ сердце Швеціи. Объявивъ объ этомъ Наполеону еще въ мартѣ 1808 года, онъ, разумѣется, былъ крайне непріятно пораженъ, когда осуществленіе этого предпріятія оказалось совершенно невыполнимымъ.

Извѣстно его соперничество съ Наполеономъ, особенно въ военномъ дѣлѣ. Императору Александру желательно было щегольнуть быстрыми и блестящими успѣхами своихъ войскъ въ Финляндіи, тѣмъ болѣе тогда, когда французскимъ войскамъ въ Испаніи приходилось претерпѣвать непривычныя имъ неудачи. Это стремленіе ясно слышится въ тонѣ извѣстнаго письма, которое написано было Наполеону по взятию Або.¹⁾ Понятно, что неудачи въ Финляндіи и открывшаяся тамъ народная война, которую тотчасъ-же, въ параллель событий въ Испаніи, назвали войною «гверильясовъ», раздражали Государя, и неудовольствіе его естественно обращалось на то лицо, которое являлось въ данномъ случаѣ передъ нимъ отвѣтственнымъ, т. е. на главнокомандующаго. Этимъ настроениемъ Монарха немедленно воспользовались всѣ тѣ, кому по тѣмъ или другимъ причинамъ нужно было свалить Буксгевдена, и стало чувствоватьсь, что послѣднему—не сдѣбовать...

Графъ Буксгевденъ вполнѣ правильно полагалъ, что со вскрытиемъ водъ нельзя опрометчиво пускаться со слабыми силами и не овладѣвъ моремъ въ такую фантастическую экспедицію, какъ задуманное Императоромъ Александромъ вторженіе въ Швецію, безъ всякой подготовки и прежде уничтоженія той живой силы, которая еще пребывала въ предѣлахъ Финляндіи. Онъ считалъ необходимымъ, либо отложить этотъ планъ до зимы, когда переходъ возможенъ прямо по льду и не потребуется уже никакихъ техническихъ водоплавныхъ средствъ, либо сосредоточить *своевременно* надежная морская сила и одержать *предварительно* верхъ надъ шведскимъ флотомъ, послѣ чего только можно думать о переброскѣ силъ черезъ Ботнику.

Не вина графа Буксгевдена въ томъ, что наши морскія силы, поставленные въѣдь всякой зависимости отъ сухопутныхъ, дѣйствовали несовоѣтственно и, господство на морѣ, не смотря на ошибки шведовъ и двусмысленное поведеніе англичанъ, все таки оставлено было въ рукахъ нашего противника. Можно, пожалуй, упрекнуть главнокомандующаго въ томъ, что онъ слишкомъ много обращалъ вниманія

¹⁾ См. выше стр. 65.

на побережье, придавая первенствующее значение опаснейшаго и важнейшаго противника не войскамъ „финской арміи“ графа Клингспорса, а ожидаемымъ высадкамъ свѣжихъ войскъ, формируемыхъ и направляемыхъ личною волею короля Густава IV Адольфа. Можно, пожалуй, указать, что только рѣшительность графа Н. Каменского, энергично поведшаго наступление противъ главной группы непріятельскихъ сухопутныхъ войскъ, привела къ окончательному покоренію Финляндіи, такъ какъ разгромъ этой группы обезсилилъ и народный мятежъ; но едва-ли справедливо будетъ винить графа Буксгевдена, который не могъ, вѣдь, предвидѣть ошибокъ непріятеля на морѣ, а также—что шведскія десантныя попытки поведутся послѣдовательными пакетами, благодаря чему и самое ихъ отраженіе окажется для насъ доступнымъ. Вѣдь если бы шведскій король сосредоточилъ сразу всѣ бывшія въ его распоряженіи силы на Аландскихъ островахъ, бросивъ держать войска и въ Шоніи и на границахъ Норвегіи, и одновременно перебросилъ ихъ въ Финляндію, пользуясь запозданіемъ, а затѣмъ бездѣйствиемъ нашего флота,—то врядъ-ли даже графу Каменскому удалось бы спасти положеніе...

По характеру своему графъ Буксгевденъ, конечно, не былъ способенъ, подобно выдающимся полководцамъ, въ критической минуты „сжигать свои корабли“ и ставить все на карту. Въ этомъ отношеніи Каменскій безусловно стоитъ гораздо ближе къ великимъ образцамъ искусства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ взваливать наши неудачи первого периода кампаніи 1808 г. только на отвѣтственность главнокомандующаго, приписывая успѣхи второй ея половины исключительно Каменскому (какъ это дѣлаетъ напримѣръ, Михайловскій-Данилевскій) будетъ воющію несправедливостью...

Недовѣріе къ графу Буксгевдену, между тѣмъ, простерлось до того, что изъ Петербурга неоднократно былъ командированъ въ Финляндію полковникъ (потомъ генералъ) маркизъ Паулуччи, сардинскій выходецъ, который сперва, по Высочайшему повелѣнію, „обслѣдовалъ“ положеніе дѣлъ въ Финляндіи, а потомъ уже сталъ составлять и операционные планы, находившіе одобреніе въ Петербургѣ. Понятна горечь обиды, которая звучитъ въ письмахъ Буксгевдена министру иностранныхъ дѣлъ Румянцеву¹⁾), когда онъ пишетъ о „непріятностяхъ“, „двигатели“ которыхъ, укрываясь „подъ эгидой власти“, лишаютъ его „возможности открыто доказать ихъ неправду“. Эти люди нашли способы дать ему „невозможныя инструкціи, при Высочайшемъ повелѣніи въ точности сообразоваться съ ними, а для большаго еще моего униженія автору этихъ инструкцій предостав-

¹⁾ См. Ордінъ, т. I, стр. 408—410.

вили быть и подателемъ мнѣ самаго повелѣнія... Я слишкомъ хорошо вижу, откуда идутъ всѣ эти оскорблениа, но меня очень мало знаютъ, предполагая, что честолюбіе побудитъ меня сохранить мѣсто во что бы то ни стало; напротивъ, я охотно уступлю его всякому, кто лучше меня будетъ заботиться о пользѣ отечества... Пусть генералы въ родѣ Спренгтпортеновъ и Кнорринговъ меня застуپятъ; можетъ быть, они будутъ имѣть болѣе успѣха; по крайней мѣрѣ, если они сотрудничали въ составлѣніи инструкцій, то найдутъ ихъ и удобоисполнимыми... Поэтому если инструкціи должны быть не-премѣнно исполнены, я твердо рѣшился принести отечеству послѣднюю жертву, уступивъ мое мѣсто генералу, болѣе покорному наставленіямъ, которыя неизвѣстный иностранецъ даетъ главнокомандующему русской арміи".

Одновременно Буксгевденъ писалъ и Государю и просилъ объ увольненіи отъ должности. За отѣзdomъ Императора въ Эрфуртъ, рѣшеніе этого дѣла отложилось, а тѣмъ временемъ въ Финляндіи Каменскій своими ударами быстро склонилъ вѣсы на нашу сторону. Вопросъ объ устраненіи Буксгевдена отъ командованія временно былъ отсроченъ. Но самъ главнокомандующій отнюдь не забывалъ обиды и, несмотря на блестящія побѣды, упорствовалъ въ своемъ рѣшеніи, какъ видно изъ его переписки съ Румянцевымъ. Тѣмъ временемъ, враги его въ Петербургѣ не дремали. Заключеніе перемирія въ Лохтео послужило новымъ поводомъ къ тому, чтобы обрушиться на главнокомандующаго. Мы уже знаемъ, что перемиріе это было прервано по распоряженію комитета министровъ, что Императоръ Александръ призналъ его „непростительную ошибкой“, которая, однако была снова повторена уже 7-го ноября графомъ Каменскимъ въ Олькіоки.

Конвенція эта привела Императора Александра въ негодованіе, которое цѣликомъ отразилось на главнокомандующемъ. 8-го декабря, возвращаясь съ сѣвера Финляндіи, Буксгевденъ получилъ въ Або Высочайший указъ объ увольненіи отъ командованія... Скорбными нотами звучатъ послѣднія его всеподданнѣйшія донесенія¹⁾, въ которыхъ ветерану екатерининскихъ войнъ приходилось даже указывать, что имъ не свершено „ничего безславнаго“ и умолять о предоставлѣніи ему возможности лично представить Монарху своему всѣмъ необходимымъ разъясненіямъ... Силы Буксгевдена были окончательно потрясены и здоровье корень подкошено тяжкими ударами, павшими на его голову и уже два года спустя, въ 1811 г., его не стало... Безпристрастной исторіи принадлежитъ теперь произнести свой спра-

¹⁾ См. Д. В.-Уч. Арх. Гл. Шт. № 1651.

ведливый приговоръ надъ этимъ военачальникомъ, однимъ изъ „стани славной екатерининскихъ орловъ“, который, въ мѣрѣ данныхъ ему природой силъ и способностей, искренно и безкорыстно радѣлъ о пользѣ государственной.

Личность графа Буксгевдена несомнѣнно принадлежитъ къ числу величавыхъ образовъ нашего прошлаго, образовъ, трагическая судьба которыхъ невольно влечетъ къ нимъ и заставляетъ снисходить къ вольнымъ и невольнымъ ихъ прегрѣшеніямъ. Но, если и могутъ быть подмѣчены у Буксгевдена, какъ полководца и администратора, упущенія и даже ошибки, неизбѣжныя при тѣхъ исключительно-трудныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ былъ поставленъ, то всѣ они безусловно искупаются его уваженіемъ везде и во всемъ къ интересамъ Россіи.

ГЛАВА XII.

Зимняя за-Ботническая операция.

Итоги лѣтней кампаниі.—Положеніе сторонъ зимою 1808—09 г. г.—Общая идея зимняго перехода въ Швецію.—Планъ графа Каменского.—Роль Аракчеева.—Видоизмѣненіе плана.—Положеніе Швеціи.—Дѣйствія колонны Багратіона.—Захватъ Алланда.—Переворотъ въ Стокгольмѣ.—Вѣроломство фонъ-Дебельна и легковѣріе Аракчеева.—Положеніе Барклай-де-Толли въ Вазѣ.—Побудительные мѣры Аракчеева.—Организація марша черезъ Кваркенъ.—Захватъ Умео.—Возвращеніе.—Значеніе перехода.—Наступленіе графа Шувалова къ Каллаксу.—Капитуляція Гриппенберга.—Оцѣнка зимней за-Ботнической операциі.

Съ заключеніемъ Олькіоцкой конвенціи Финляндія была, наконецъ, покорена цѣликомъ. Но это еще не значило, что *война окончена*. Чтобы принудить Швецію согласиться на миръ, для насъ выгодный,—а такимъ могъ быть только миръ, сопряженный съ передачей въ наши руки *всей* Финляндіи,—нужно было настойчиво и безотлагательно продолжать военные дѣйствія; нужно было спѣшить внести побѣдоносное оружіе наше въ шведскіе предѣлы, дабы истощить у противника всѣ средства для веденія борьбы, и, угрожая его столицѣ, вырвать у него согласіе на уступку намъ всего захваченаго нами края, безъ чего не могло быть достигнуто съ увѣренностью то „полное граду Петрову безопасіе“, о которомъ мечталъ его Великій Основатель...

Этого именно и добивался Императоръ Александръ, который, очевидно, понималъ, насколько, при тогдашнихъ внутреннихъ политическихъ условіяхъ Швеціи, всякая, даже легкая угроза столицѣ королевства, Стокгольму, должна отозваться на состояніи умовъ и броженіи партій, враждебныхъ королю. Вотъ почему нашъ Государь продолжалъ требовать отъ нового главнокомандующаго Кнорринга, какъ прежде отъ графа Буксгевдена, выполненія своего первоначальнаго плана, заключавшагося въ переброскѣ нашихъ войскъ тѣмъ или инымъ способомъ на шведскій берегъ, хотя бы въ небольшомъ сравнительно числѣ.

Прежде чѣмъ перейти къ этой операциі, необходимо остановиться на предшествующемъ періодѣ войны и сдѣлать оцѣнку дѣйствій сторонъ въ этотъ періодъ.

Условія обстановки къ веснѣ 1808 года были всецѣло на сторонѣ шведовъ. Попытка направить ударъ соединенными русско-франкодатскими силами въ Шонію, превративъ эту часть коренной Швеціи въ главный театръ военныхъ дѣйствій, не удалась. Съ нашей стороны неуспѣхъ Готландской экспедиціи пресекъ это предпріятіе въ

самомъ зародышѣ; со стороны Даніи дѣло затормозилось рознью въ войскахъ, ввѣренныхъ маршалу Бернадотту. Англійскій флотъ овладѣлъ проливами и сдѣлалъ исполненіе указанного сложнаго замысла невозможнымъ...

Такимъ образомъ, для Швеціи исчезла серьезная опасность удара съ юга, грозившаго ея столицѣ, средоточію политическихъ страстей... У Швеціи, въ сущности говоря, руки сдѣлались развязанными въ отношеніи Финляндіи, сохранившей за собою значеніе главнаго театра борьбы, являясь въ то же время ея предметомъ, ея цѣлью, такъ какъ Россія вела войну исключительно за ея обладаніе. Шведскій король, получившій къ тому-же довольно солидное приращеніе въ видѣ вспомогательнаго четырнадцатисичнаго корпуса англійскихъ войскъ генерала Мура, имѣлъ полную возможность стянуть противъ насъ въ Финляндіи превосходныя силы. Но для этого нужно было сознавать, что весь исходъ войны зависить отъ исхода борьбы *именно въ предпѣлахъ Финляндіи* и, не увлекаясь никакими другими побочными цѣлями, устремить туда все, что только было возможно... Условія мѣстности на Норвежской сухопутной границѣ съ Даніей вполнѣ допускали надежное ея прикрытие слабыми силами; да къ тому же датскія войска и не выказывали здѣсь агрессивныхъ намѣреній... Шведскій флотъ, потерпѣвъ нѣкоторый ущербъ съ утратой финляндскихъ гребныхъ флотилій, былъ изготовленъ значительно раньше нашего; море было въ его власти. Такимъ образомъ, нашъ противникъ могъ пользоваться свободою дѣйствій на морѣ и развивать свои наступательные планы, связанные съ десантными дѣйствіями, безъ опасенія серьезной помѣхи съ нашей стороны...

Изъ сказаннаго видно, что если въ періодъ зимняго похода *инициатива* цѣликомъ была на нашей сторонѣ, а шведскій „гарнizonъ“ Финляндіи могъ безнаказанно подвергнуться отдѣльному пораженію, по причинѣ почти полной физической невозможности подать ему помощь изъ Швеціи, то съ наступленіемъ весны положеніе вещей радикально измѣнялось. Починъ, бывшій только что въ нашихъ рукахъ, сразу перекачнулся на чашку вѣсовъ нашего противника. Мало этого, мы, съ нашими слабыми силами, должны были удерживать въ своихъ рукахъ всю захваченную территорію, оберегать длинную линію побережья, да сверхъ того прикрывать сообщеніе съ Россіей отъ ударовъ изнутри края, гдѣ быстро сформировался очагъ партизанскихъ дѣйствій...

Грозная дѣйствительность не замедлила разсѣять радужный миражъ мечтаній о мнимой приверженности финляндцевъ русской власти. Тысячеголовая гидра народнаго движенія внезапно разъединила наши разрозненные отряды, которые очутились въ положеніи остро-

вовъ среди взбаламученного моря... Сосредоточенію силъ препятствовало необходимость удерживать въ своихъ рукахъ рядъ пунктовъ на побережье и прикрывать свой тылъ. При такихъ условіяхъ, и съ имѣвшимися въ распоряженіи силами, казалось бы, нечего было и думать о наступательныхъ дѣйствіяхъ...

Однако, какъ мы видѣли, главнокомандующій графъ Буксгевденъ не намѣренъ быть уступать такъ легко инициативу противнику. Онъ предполагалъ снова повторить уже два раза неудавшуюся ему зимою комбинацію: заманивъ главныя силы съ фронта одною группою своихъ войскъ, вывести другую имъ въ тылъ.

Въ данномъ случаѣ попытка эта не удается, какъ несоображенія съ условіями мѣстности. Активная роль возлагается на свѣжую колонну Барклай-де-Толли, наступательный порывъ которой вынужденъ изсякнуть въ дебряхъ Саволакса; колонна эта прикована къ мѣсту искусною активной обороной Сандельса.

Мастерскія дѣйствія послѣдняго этимъ не ограничиваются; онъ подымаетъ противъ насъ всю Корелію, серьезно вредить нашимъ сообщеніямъ, забрасываетъ факель народнаго мятежа въ наши предѣлы, на берега Ладожскаго озера, притягивая сюда послѣднія наши свободныя силы, а затѣмъ заставляя насъ отдалиться въ этомъ, сравнительно второстепенномъ, направлѣніи даже часть послѣдующихъ подѣйствій...

Не таковы были дѣйствія главной шведской группы, предводимой фельдмаршаломъ графомъ Клингспоромъ. Его наступленіе носило робкій, нерѣшительный, характеръ. Всѣ свои планы и соображенія онъ подгонялъ такъ, чтобы, такъ сказать, отыграться на диверсіяхъ, а когда дѣло доходило до неизбѣжности серьезнаго боевого столкновенія, сдавалъ командованіе Адлеркрайцу и подъ разными предлогами отлучался въ тылъ... Въ результатѣ самый опасный для насъ періодъ—іюнь и іюль мѣсяцы—былъ шведами *упущенъ*. Упущенъ онъ былъ, съ одной стороны, по причинѣ бездѣятельности графа Клингспоря, а съ другой, благодаря недостаточно энергичному и несогласованному съ операциями „финской арміи“ содѣйствію со стороны шведскаго короля, вниманіе котораго не было всесѣло обращено въ ту сторону, гдѣ собственно рѣшалась участъ войны, т. е. въ сторону Финляндіи.

Первые высадки шведовъ на наши берега были отражены, какъ благодаря умѣлымъ и находчивымъ дѣйствіямъ нашихъ войскъ, такъ и вслѣдствіе слабости самыхъ десантовъ, являвшихся, по идѣи короля, только *кадрами*, къ которымъ должно было присоединиться мѣстное народное ополченіе. Полезнымъ для противника результатомъ этихъ десантовъ былъ единственно только тотъ, что мятежныя шайки на

побережьи Ботнического залива развили такую деятельность, которая оттянула на себя особые наши отряды...

Высадки эти не сопровождались наступлением главного ядра шведскихъ силъ. Клингспоръ, видимо, воздерживался отъ решительныхъ действий до получения болѣе серьезной поддержки извнѣ, и, такимъ образомъ, драгоценное время утрачивалось въ бесплодныхъ попыткахъ и въ частныхъ столкновеніяхъ, отдѣльные тактические успѣхи которыхъ въ пользу шведовъ не приносили никакого серьезнаго стратегического результата...

Безсвязность въ действияхъ шведовъ, совершенно между собою несогласованныхъ и къ тому же не направляемыхъ, въ сущности, единою волею,—вотъ главная причина безполезной утраты этого выгоднаго для нихъ периода войны... Точно также и на морѣ преимущество ихъ господства на немъ не было использовано; не было организовано ни одного серьезнаго десантнаго предпріятія. Дѣло ограничилось отдѣльными поисками шхерныхъ флотилей, имѣвшими общую цѣлью не допустить сосредоточенія нашихъ гребныхъ судовъ въ Абовскомъ районѣ и, въ результатѣ, завершившимися для противника полною неудачею. Что же касается корабельнаго флота, шведскаго и англійскаго, то, несмотря на всѣ преимущества своей силы и своего положенія, онъ удовлетворился сравнительно легко доставшимися ему успѣхомъ надъ эскадрой адмирала Ханыкова и, заперевъ ее, не сдѣлалъ ни одной серьезной наступательной попытки; поэтому организованный Аракчеевымъ къ половинѣ лѣта подвозъ продовольствія Финскимъ заливомъ изъ Петербурга къ Свеаборгу производился все время безпрепятственно...

Такой характеръ действий шведовъ зависѣлъ въ значительной мѣрѣ отъ стремленія короля Густава IV Адольфа добиться одновременно достиженія нѣсколькихъ цѣлей, что являлось для него, при сравнительно ограниченныхъ силахъ и средствахъ для веденія борьбы, безусловно непосильнымъ. Король не внималъ разумнымъ совѣтамъ болѣе разсудительныхъ и свѣдущихъ въ военномъ дѣлѣ людей (какъ, напримѣръ, своему генераль-квартирмайстеру Авѣ-Тибеллю) и желалъ непремѣнно „вознаградить себя въ Норвегіи“. Это приводило къ удержанію въ предѣлахъ коренной Швеціи гораздо большаго количества войскъ, чѣмъ требовалось бы для обороны противъ датчанъ, и сокращало размѣръ удѣляемыхъ для Финляндіи подкѣплений... Мало того, король, какъ известно, лишилъ себя содѣйствія англійскаго десанта...

Тѣмъ не менѣе, несмотря на все это, обстановка въ періодъ лѣтнихъ мѣсяцевъ 1808 года продолжала оставаться на сторонѣ шведовъ и даже съ наличными силами, при болѣшой решительности

и согласованности въ дѣйствіяхъ, они могли достигнуть результатаовъ для нась гораздо болѣе непріятныхъ... Въ сущности, у нихъ не было ясно сознанного *предмета дѣйствій*. Оперативныя соображенія Клингспора, какъ извѣстно, предусматривали только рядъ диверсій для облегченія успѣха главныхъ силъ его „арміи“, не говоря ничего о цѣли и направлениі ея собственныхъ операций. Одинъ Сандельсъ какъ бы инстинктивно понималъ, что, покамѣстъ силы русскихъ слабы и разбросаны, а море для нихъ ненадежно въ смыслѣ коммуникацій,— самымъ чувствительнымъ объектомъ, центромъ всего ихъ могущества въ Финляндіи—являются *ихъ сообщенія*; и вотъ, какъ мы знаемъ, онъ упорно наносить по нимъ удары, смѣло производя поиски по водной сѣти Сайменской системы озеръ. Но Сандельсу въ руки даны были, въ сущности, ничтожныя *средства*: отъ 2 до 3 тысячъ *регулярныхъ* войскъ, усиленныхъ вооруженными народными бандами, которыхъ, разумѣется, могли производить только мелкіе набѣги...

Набѣги эти могли затормозить наступленіе колонны Барклая, но—и только... Народныя ополченія, не взирая на смѣлость отдѣльныхъ предводителей, по самой природѣ своей неспособны къ рѣшительнымъ активнымъ предпріятіямъ, требующимъ извѣстной выдержки въ исполненіи, что лишній разъ подтверждаютъ событія этой войны...

Если бы Клингспоръ былъ одаренъ болѣею рѣшительностью и могъ страждунуть съ себя бремя той инертности, которая все время надъ нимъ роковымъ образомъ тяготѣла, онъ, вѣроятно, воспользовался бы тѣмъ вынужденнымъ временемъ бездѣйствія, которое вызвано было весеннимъ половодьемъ, и измѣнилъ бы группировку своихъ силъ въ духѣ приданія Саволакской группѣ болѣе рѣшительного, активнаго значенія. Онъ имѣлъ на то право, такъ какъ возможность пользованія внутренними водными путями устранила для Сандельса главное затрудненіе, мѣшавшее наступательнымъ дѣйствіямъ внутри края. Нельзя къ тому же не замѣтить, что вообще побережье притягивало къ себѣ Клингспоръ роковымъ образомъ... Онъ ждалъ оттуда помощи и поддержки, чувствовалъ свой тылъ болѣе обеспеченнымъ въ непосредственной къ нему близости и потому, вѣроятно, такъ неохотно отдался отъ него вслѣдъ за Раевскимъ, особенно когда первые десантны не удались... Мало того, даже одержанные частные успѣхи онъ опасался использовать, бездѣйствуя почти весь іюль и давая широкою рукою намъ то, что было для нась якоремъ спасенія—время.

Время это дало намъ возможность, прежде всего, сознать, что дѣло еще поправимо; что, несмотря на крайнюю невыгоду нашего положенія до наступленія зимы, можно еще обойтись безъ примѣ-

ненія той мѣры, которую уже начали въ то время обсуждать и проектировать въ Петербургѣ, т. е. безъ перехода къ пассивной оборонѣ по всему фронту...

Здѣсь, между прочимъ, бросается въ глаза явленіе весьма характерное для той *переходной эпохи* состоянія нашего военного искусства, которую являетъ собою у насъ Александровское царствованіе...

Въ Петербургѣ Императора Александра окружаютъ, по преимуществу, иностранцы, среди которыхъ многие (тотъ же маркизъ Паулуччи, Пфуль, Опперманъ, Вольцогенъ и др.) получили впослѣдствіи печальную известность въ 1812 году, при составленіи первоначальныхъ плановъ этой кампаніи. Многие изъ этихъ лицъ пропитаны были ученіями тѣхъ *одностороннихъ* кабинетныхъ теоретиковъ стратегіи, которые какъ разъ въ это время стали появляться въ западной Европѣ (Бюловъ, Эрцгерцогъ Карлъ, Ксиландерь и др.¹⁾... Результатомъ теоретическихъ измышеній этихъ лицъ, въ ряду которыхъ дѣятельную роль игралъ и будущій главнокомандующій Кноррингъ, было составленіе того пресловутаго обронительного (къ счастью невыполненнаго) плана, по которому наши войска должны были растянуться кордономъ на 500 верстъ отъ Бьернеборга до Кеми.

На театрѣ военныхъ дѣйствій, во главѣ войскъ, оказываются генералы другого типа, преимущественно сподвижники и вскорымъ еще Суворовской школы, не искушенные въ теоретическихъ умозрѣніяхъ, но прокаленные, такъ сказать, въ горнилѣ боевого опыта, подъ руководствомъ такого генія, какимъ былъ неподражаемый „чудо-вождь“. Люди эти понимали военное дѣло чутью, любили его, просвѣщали себя „помощью чтеніевъ“ (какъ совѣтовалъ имъ ихъ учитель), воспитываясь на классическихъ походахъ древности²⁾, и на ближайшихъ дѣяніяхъ славнаго вѣка Екатерины...

Въ Петербургѣ, повидимому, относятся къ нимъ съ плохо скрываемъ недовѣремъ; подвергаютъ ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ контролю, навязываютъ имъ свои планы (напримѣръ „совѣты“ Кнорринга Тучкову I, постоянныя вмѣщательства Спренгпортена и того же маркиза Паулуччи). Архивы сохранили цѣлыхъ груды доносовъ, цѣлью которыхъ было, между прочимъ, оклеветаніе главнокомандующаго гр. Буксгевдена, для чего искусно пользовались враждою єму Аракчеева... Отсюда видно, что вести войну приходилось не только съ врагомъ, но и съ интригой всякаго рода, тормозившей дѣло управления военными дѣйствіями... Мало этого, главнокомандующему приходилось бороться еще, какъ

¹⁾ См. Стратегія Г. А. Леера, т. I, прил. № 1.

²⁾ Напримѣръ, Я. П. Кульцевъ съ театра войны писалъ въ 1808 году брату. «Чтение Квинта Курція есть безпрестанное мое упражненіе!»

мы знаемъ, съ треніями по части согласованія дѣйствій на морѣ съ сухопутными операциами. Графъ Буксгевденъ смотрѣлъ на флотъ, какъ на органъ служебный, какъ на одно изъ средствъ веденія борьбы при тѣхъ мѣстныхъ условіяхъ, которыя предоставляла намъ захваченная нами Финляндія. Такъ какъ въ навигаціонный періодъ противникъ могъ грозить намъ преимущественно со стороны моря, то главнокомандующій, считая себя вынужденнымъ охранять берега Финляндіи отъ подобныхъ покушеній, смотрѣлъ на флотъ, съ одной стороны, какъ на орудіе развѣдки, а съ другой—какъ на средство нанесенія ударовъ флотиліямъ или десантнымъ отрядамъ противника, дабы пресѣчь въ самомъ корне его попытки произвести высадку. При этомъ флотъ корабельный долженъ былъ работать въ болѣе дальнемъ разстояніи отъ береговъ и, отыскивая таковой же флотъ непріятеля, мѣшать послѣднему выполнять свои стратегическія задачи и, слѣдовательно, искать съ нимъ рѣшительного столкновенія; флотъ галерный,—вести развѣдку *ближнюю* и, укрываясь въ въ засадахъ, производить нападенія на транспортныя суда, какъ только они выбросяютъ войска на материкъ, съ тѣмъ чтобы поставить послѣднія въ безвыходное положеніе.

Обстоятельства отчасти благопріятствовали нашему флоту; силы противника были раздѣлены, но, какъ известно, адмираль Ханкковъ затянулъ свой выходъ изъ Кронштадта, потерявъ время въ Гангѣ и, въ результатѣ, по какому-то плохо объяснимому недоразумѣнію, уклонился отъ рѣшительного боя со шведами, успѣвшими получить лишь небольшое англійское подкрѣпленіе. Въ результатѣ корабельный флотъ нашъ, безъ особыхъ усилий со стороны противника, оказался „выведенъ изъ строя“ и забытъ въ Балтійскомъ портѣ, откуда уже къ зимѣ перебрался въ Кронштадтъ. Счастье наше, что противникъ не догадался воспользоваться благопріятно сложившееся обстановкою и не проникъ въ Финскій заливъ. Здѣсь могла бы быть на время прервана морская коммуникація Петербурга со Свеаборгомъ, чего справедливо опасались и графъ Буксгевденъ, и Аракчеевъ; а это обстоятельство, очевидно, весьма невыгодно отразилось бы на положеніи нашихъ войскъ, занимающихъ Финляндію. Намъ безспорно помогалъ нѣсколько двусмысленный образъ дѣйствій англійского флота; будь иначе,—неуспѣхъ на морѣ отразился бы на сухопутныхъ операцияхъ гораздо внушительнѣе. Если бы шведы сумѣли именно въ это время использовать какъ должно свое господство на морѣ, пресѣчь нашъ подвозъ моремъ и одновременно мѣтко направить на финляндскій берегъ тѣ свободныя силы, которыми они еще располагали, то даже побѣды графа Каменского надъ Клин-споромъ едва ли сыграли бы столь рѣшительную роль.

Въ общемъ, дѣйствія на морѣ въ кампанію 1808 года существен-
наго вліянія на ходъ военныхъ дѣйствій не оказали, несмотря на
успѣшный для насъ тактическій исходъ большинства столкновеній
въ шхерахъ. Официальный историкъ нашъ, Михайловскій-Данилевскій
(стр. 316—17), устарѣвшіе типовъ нашихъ судовъ, въ недостаточной
обученности экипажей, въ привлечениіи на гребныя суда
сухопутныхъ солдатъ, составлявшихъ тамъ даже большинство, а главное—*въ трудности плаванія по шхерамъ*. „Въ семъ лабиринтѣ остро-
вовъ (пишетъ онъ) начальнику гребныхъ судовъ недостаточно быть
только морскимъ офицеромъ. Положеніе острововъ и утесовъ, фарва-
теры и проходы должны быть ему знакомы... У насъ не было надеж-
ныхъ картъ: мы нуждались и въ лодманахъ; всѣ жители уходили при
приближеніи русскихъ судовъ, оставались только женщины и дражные
старики, а ни тѣ, ни другіе не могли быть проводниками“¹⁾). Превос-
ходство шведовъ въ смыслѣ знанія своихъ водъ и въ отношеніи
подготовки—неоспоримо. Ихъ „армейскій флотъ“, созданіе Августина
Эренсверда, готовился болѣе полустолѣтія; нашъ былъ въ значитель-
ной степени импровизацией. И все-таки, въ большинствѣ столкновеній
шхерныхъ флотовъ мы, оказываясь почти всегда слабѣшими и даже
чувствуя хронический недостатокъ въ огнестрѣльныхъ припасахъ,
неизмѣнно одерживали верхъ. Къ сожалѣнію, дѣло ограничивалось
лишь отбитіемъ удара; довершить его преисполненіемъ, добиться
полного разгрома непріятеля, мы не могли, опасаясь рисковать дви-
женіемъ по незнакомымъ фарватерамъ. Вотъ почему всѣ эти шхерныя
наши побѣды, въ сущности, были бесполезны; потери въ личномъ
составѣ непріятелю недолго было пополнить, а поврежденія—почи-
нить. Первоначальной основной цѣли дѣйствій гребного флота, пріобрѣ-
тенія *господства въ шхерахъ*, мы такъ и не достигли. Мало того,
столкновенія шхерныхъ эскадръ происходили все время совершенно
независимо отъ дѣйствій на суши, мало руководствуясь стремленіемъ
оказать существенное вліяніе на ходъ десантныхъ операций. Въ этомъ
смыслѣ почти одинаково грѣшили обѣ стороны. Шхерныя флотиліи
тягались другъ съ другомъ, а высадки бывали отбиты обыкновенно
одними усилиями сухопутной обороны.

Всѣ вышеуказанныя обстоятельства дали намъ возможность благополучно переждать трудное время и возстановить свое положеніе въ Финляндіи даже ранѣе, чѣмъ настала новая зима, облегчившая намъ эту задачу. Убѣдясь, что наступленіе правымъ флангомъ на-
шего стратегического фронта немыслимо, главнокомандующій, желая

¹⁾ Зависимость, которая и по днѣсь отчасти сохранила свою силу, такъ какъ лодман-
ская часть Финляндіи вся въ мѣстныхъ рукахъ.

вмѣстѣ съ тѣмъ избавиться отъ пассивно-оборонительныхъ плановъ, составляемыхъ въ Петербургѣ, вручаетъ полную мочь графу Каменскому, возлагая на него лишь задачу одержать рѣшительный успѣхъ надъ главною группой Клингспора...

Къ этому времени, очевидно, вышему командованію нашему стало яснымъ, что шведскія войска, сосредоточиваемыя королемъ на Аландѣ, вовсе не являются,—какъ это казалось прежде,—опаснѣйшою для насъ группой противника. И это убѣжденіе, въ связи съ окончательнымъ отказомъ дѣйствовать наступательно противъ Сандельса, приводить къ тому, что въ рукахъ графа Каменского собираются если не превосходныя силы, то такія, которыя позволяютъ серьезно мѣряться съ непріятелемъ... Въ сущности, десятитысячный корпусъ Каменского,—это какъ разъ то нормальное для Финляндіи количество войскъ, которое, по мѣстнымъ условіямъ, можетъ дѣйствовать *совокупно*, въ рукахъ одного вождя. Прибавка Каменскому войскъ сверхъ этой нормы уже была бы, пожалуй, для него малополезна, такъ какъ уменьшала бы его подвижность, вынуждая даже, быть можетъ, не пользоваться этимъ излишкомъ, такъ какъ тѣснота полей сраженія не позволила бы развернуть одновременно болѣе значительныя силы...

Каменскій выказалъ въ эту кампанію большія военные дарованія. Онъ всецѣло оправдалъ выборъ и довѣrie къ нему главнокомандующаго и прозрѣніе Суворова, отмѣтившаго его способности еще въ Швейцарскомъ и Италіанскомъ походахъ. Кое-что „суворовское“, несомнѣнно, сквозитъ и въ образѣ дѣйствій молодого вождя, героя Куортане и Оровайса.

Правильный выборъ *предмета дѣйствій и способа дѣйствій* противъ него сразу перемѣщаетъ центръ тяжести успѣха въ нашу сторону. Графъ Буксгевденъ, опасаясь за побережье, все время придавалъ большее значеніе отраженію высадокъ и войскамъ короля на Аландѣ, поэтому боялся выдѣлить противъ Клингспора достаточно силъ; кроме того, самыя эти дѣйствія строилъ на идеѣ кружной угрозы дальнему тылу шведской арміи, не осуществимой, какъ оказалось, по условіямъ мѣстности. Каменскій, собравъ въ свои руки отрядъ такой численности, который давалъ ему право на самостоятельный дѣйствія, намѣчаетъ себѣ цѣлью *главную* группу непріятельскихъ войскъ Клингспора, а способомъ дѣйствій избираетъ рѣшительный ударъ по возможности всѣми силами. При этомъ, неудачно испробовавъ въ самомъ началѣ операциіи излюбленное Буксгевденомъ давленіе на сообщенія, онъ сразу бросаетъ этотъ затяжной способъ, приводящій только къ *уклоненію противника отъ боя* и переходить къ способу близкаго флангового удара, соединенного съ фронтальнымъ наступленіемъ, отряжая лишь небольшія группы на

тыль противника для отвлечения его внимания. Такимъ именно манеромъ нанесены Каменскимъ тѣ удары при Куортане, Сальми и Оровайсѣ, которые сразу измѣнили положеніе дѣлъ на всемъ театрѣ войны и, въ сущности, рѣшили судьбу кампаниіи. Шведскія войска окончательно пали духомъ, народная война быстро угасла, остатки войскъ Клингспора и Сандельса были снова отброшены на сѣверъ и отдѣлены отъ такъ называемой „южно-финской“ Аландской арміи короля, которая не была своевременно придвинута моремъ къ нимъ на помощь и только въ пустую затратила свои силы на бесполезныя высадки.

Помимо этого, шведы не подумали поддержать съ моря отходъ арміи Клингспоры и заблаговременно передвинуть на сѣверъ болѣе значительную часть своего шхернаго флота, безполезно таявшаго въ аборскихъ водахъ въ постоянныхъ стычкахъ съ нашими гребными флотиліями... Подъ Оровайсомъ у Клингспоры оказалось случайно подъ руками пять канонерскихъ лодокъ (пришедшихъ изъ Улеаборга); и тѣ, какъ мы знаемъ, оказали весьма вредное для насъ вліяніе на ходъ сраженія. Если бы этихъ канонерокъ было здѣсь больше; если бы часть шведскихъ войскъ была перевезена на нихъ южнѣе вдоль побережья, тамъ высажена и выведена внезапно въ тыль атакующихъ войскъ Каменского какъ разъ въ рѣшительный моментъ боя, когда всѣ резервы успѣли добѣжать и были введены въ дѣло? Наконецъ, если бы въ оровайскомъ бою принялъ участіе шведскій корабельный флотъ, который, съ уходомъ эскадры адмирала Ханыкова, бездѣйствовалъ? Исходъ кампаниіи, несомнѣнно, могъ бы быть для насъ инымъ, и пришлось бы (какъ это и предвидѣлъ Буксгевденъ) завершать завоеваніе Финляндіи зимою, быть можетъ цѣною новыхъ тяжелыхъ усилий.

Отсутствіе надлежащаго объединенія власти надъ сухопутными войсками и флотомъ сыграло, безусловно, рѣшающее вліяніе на неблагопріятный для насъ исходъ морскихъ операций. Петръ Великій дѣйствовалъ въ Финляндіи примѣрно въ такихъ же условіяхъ¹⁾, но у него совмѣстныя операциіи сухопутныхъ силъ и галернаго и корабельнаго флотовъ направлялись единою могучею его волею и мыслию; сухопутные войска его были вполнѣ освоены съ дѣйствіями на гребныхъ судахъ; при немъ армія и флотъ составляли даже не дѣвь руки одного туловища, а нечто единое, нераздѣльное. Поэтому и совмѣстная работа ихъ шла дружно, рука объ руку, чего уже не замѣтно въ позднѣйшихъ финляндскихъ войнахъ.

Весьма поучительно, что въ одномъ изъ предписаній морскаго министра Чичагова, данныхъ начальству морскихъ силъ въ Финляндіи, читаемъ подтвержденіе „извѣстной истины, что *согласие есть*

¹⁾ См. А. З. Мышиловскій. «Война въ Финляндіи 1712—1714 гг.».

душа всякою дѣла, колыми паче военнаю, и что усилія и подвиги воинскіе только тогда бывають благоуспѣшны, когда они управляютъ единодушіемъ и, истекая отъ сосредоточенія главнокомандующей власти, стремятся къ единой общей цѣли". Однако, тотъ же Чичаговъ самъ нерѣдко подавалъ обратный примѣръ, вступая въ пререканія съ графомъ Буксгевденомъ и желая управлять самостоятельно изъ Петербурга морскими операциями, вѣнѣ зависимости отъ общаго хода дѣла на главномъ театрѣ войны. Даже шхерную флотилію контрѣ-адмирала Мясоѣдова онъ не признавалъ возможнымъ подчинить всецѣло главнокомандующему, а только обязалъ его „всѣ движенія свои начинать и располагать по совѣщанію и согласію" съ нимъ.

У шведовъ точно также не было согласованности въ дѣйствіяхъ сухопутной армії, оборонявшей Финляндію, десантовъ, долженствовавшихъ ее поддержать, и облегчавшаго имъ эту задачу флота, хотя фактическое объединеніе высшаго руководства всѣми этими органами вооруженной борьбы у нихъ существовало въ лицѣ короля, самолично явившагося на театръ военныхъ дѣйствій. Но Густавъ-Адольфъ IV оказался совершенно не на высотѣ принятой имъ на себя роли. Вмѣсто общаго, плановообразнаго руководства всѣми операциями въ духѣ основной ихъ идеи, установленной еще въ февралѣ и вполнѣ соображенной съ обстановкою, король то вмѣшивался въ частныя распоряженія отдѣльныхъ начальниковъ, то принималъ на себя руководство такимъ специальнымъ дѣломъ, какъ организація десантовъ, не заботясь о связи своихъ намѣреній и распоряженій съ дѣйствіями графа Клингспорса. Въ результатѣ — у нашего противника операциіи на морѣ и высадки производились совершенно почти независимо отъ того, что совершилось на суше, а потому оказали на эти послѣднія события вліяніе почти неощущимое.

По заключеніи перемирія, войска наши были раздѣлены на четыре „корпуса" и отдѣльный отрядъ (1-й Улеаборгскій Тучкова, 2-й Вазаскій князя Голицына, 3-й Абоскій князя Багратіона и 4-й Нюландскій графа Витгенштейна; отдѣльный Куопіоскій отрядъ былъ подчиненъ выборгскому военному губернатору Обрескову). Въ общей совокупности своей они именовались теперь уже „арміею"; были укомплектованы, снабжены и доведены до общей численности въ 52,439 человѣкъ, считая съ нестроевыми, а безъ нихъ — 48,418 человѣкъ. Изъ нихъ въ улеаборгскомъ корпусѣ было свыше 11 т. въ вазаскомъ — 13 т., въ абоскомъ — 10 т. и въ нюландскомъ — 9 т. Тучкова была числительность финляндской арміи къ 1-му января 1809 г.

Новая организація имѣла цѣлью по возможности устраниить допущенное нарушеніе нормальныхъ войсковыхъ соединеній, свести

дивизии и бригады вмѣстѣ, расположивъ ихъ при этомъ такъ, чтобы, съ одной стороны, группировка силъ ближе соответствовала намѣ-чаемому плану дальнѣйшихъ дѣйствій, а съ другой—давала наи-большія удобства въ смыслѣ снабженія войскъ продовольствіемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ старались размѣстить войска въ тѣхъ частяхъ края, которая менѣе потерпѣли отъ войны, заботясь такимъ обра-зомъ объ облегченіи мѣстныхъ жителей. Кромѣ того, время перерыва въ военныхъ дѣйствіяхъ было посвящено мѣрамъ по упорядоченію продовольственной и санитарной части. Въ Гельсингфорсѣ, Свеаборгѣ, Або, Вазѣ, Куопіо и Тавастгусѣ устроены большиe госпитали (отъ 300 до 400, а первый даже на 700 мѣстъ); въ Ловизѣ, Экнесѣ, Бьернеборгѣ и Гамла-Карлебю—малые (на 100 мѣстъ). Главные про-довольственные магазины (на 18 тыс. челов. и 3,000 лошадей) устроены въ Гельсингфорсѣ, Або, Лилькюро и Улеоборгѣ, а расход-ные—въ Тавастгусѣ (на 35 т. челов. и 8 т. лош.) и Куопіо (25 т. челов. и 5 т. лош.). Кромѣ того заложенъ рядъ небольшихъ магазиновъ (на 2—5 тыс. челов.) въ Ловизѣ, Экнесѣ, Нюштадтѣ, Бьернеборгѣ, Нерпесѣ, Гамла-Карлебю и Брагестадтѣ и на этапныхъ пунктахъ по главнымъ коммуникаціоннымъ путямъ, для проходящихъ командъ.

Таковы были послѣднія мѣры графа Буксгевдена, уволенного въ началѣ декабря отъ командованія и замѣщенного генераломъ Кнор-рингомъ.

Цѣлью дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій ставилось немедленное и рѣшительное перенесеніе операций на шведскій берегъ. Неодно-кратно было уже указано на тѣ выгоды, которая давала намъ зима, уменьшавшая обороноспособность мѣстности въ Финляндіи и Швеціи съ замерзаніемъ внутреннихъ водъ, устранившая содѣйствіе непрія-тельскихъ морскихъ силъ и возможность ихъ поддержки со стороны англійского флота. Мало того зима создавала *естественный помостъ* между Финляндіей и Швеціей. Съ наступленіемъ весны шведы могли снова пополнить свои войска, получить болѣе рѣшительную помощь Англіи, повторить совмѣстныя дѣйствія съ флотомъ, и возобновить десантныя операции по финляндскимъ берегамъ, которая на этотъ разъ, подъ вліяніемъ недавнихъ уроковъ, могли быть уже произве-дены съ исправленіемъ прежнихъ ошибокъ. Короче говоря, зимнія дѣйствія позволяли намъ непрерывно удерживать за собою починъ и, пользуясь преимуществами положенія, не давать противнику вре-мени оправиться и собраться съ новыми силами; наоборотъ—от-срочка операций—*до весны*—играла во всѣхъ смыслахъ въ руку про-тивнику и вела къ затяжѣй борьбы, намъ безусловно нежелательной.

Не слѣдуетъ забывать, что весь расчетъ Густава IV Адольфа на успѣхъ былъ построенъ на *непрочности* нашего союза съ Наполео-

номъ; а намъ, обратно, эта самая непрочность (надо думать, предвидимая и нашими государственными людьми), повелѣвала спешить поскорѣе закончить войну, дабы извлечь изъ нея тѣ выгоды, необходимость пріобрѣтенія которыхъ предписывали намъ одновременно и географія, и исторія...

Императоръ Александръ, сознавая всю невыгоду для настѣ веденія операций въ навигаціонный періодъ, писалъ объ этомъ новому главнокомандующему Кноррингу и повелѣвалъ „усилить наши военные дѣйствія въ настоящее зимнее время“. Общая идея плана заключалась въ томъ, чтобы двинуть одновременно на шведскій берегъ три группы войскъ: отъ Або черезъ Аландскіе острова и Аландсграфъ; отъ Вазы черезъ Сѣверный Кваркенъ и изъ Улеаборга черезъ Торнео. Цѣлью такого наступленія ставилось: 1) „Одновременнымъ дѣйствиемъ нашихъ войскъ на мѣста между собою отдаленныя, раздѣливъ силы непріятеля, озаботить и разстроить его и пользуясь пре-восходствомъ нашихъ въ числѣ, пріобрѣсть болѣе надежды къ принужденію шведскаго короля на миръ; 2) занятіемъ Вестро-Ботніи имѣть въ рукахъ нашихъ залогъ къ миру, основывая окончательные постановленія его на обратной уступкѣ шведамъ сей области¹⁾ и 3) во всѣхъ случаяхъ, предполагая даже, что переходъ черезъ заливъ не принудить непріятеля къ миру, выгоды наши требовали, пользуясь зимнимъ временемъ, поставить твердую ногу на той сторонѣ Ботническаго залива, чтобы впослѣдствіи можно было усиливать тамъ наши предпріятія, уже не опасаясь быть отрѣзанными при весеннихъ трудныхъ переправахъ“.

„Таковы суть причины — прибавлялъ Государь — побуждающія ускорить симъ предпріятіемъ“; онъ не скрывалъ отъ себя всѣхъ трудностей, сопряженныхъ съ его выполненіемъ, но убѣждалъ Кнорринга, что они „исчезаютъ при сравненіи съ тѣми препятствіями, которыхъ должны будутъ встрѣтиться весною“ и что „лучше однимъ кратковременнымъ, но рѣшительнымъ напряженіемъ силъ положить конецъ дѣлу“, чѣмъ „вести войну тягостную и продолжительную“.

Въ заключеніе подтверждалось, что Высочайшая намѣренія усилить зимою военные дѣйствія — „непремѣнны и рѣшительны“.

Инициатива перехода нашихъ войскъ въ Швецію по новѣйшимъ изслѣдованіямъ²⁾, исходила отъ нашей союзницы Франціи. Изъ переписки Коленкура, французскаго послы въ Петербургѣ, видно, что еще въ мартѣ 1808 года главнымъ исходнымъ пунктомъ для пере-

¹⁾ Отсюда видно, что въ сущности, дальнѣйшія операции на шведскомъ берегу должны были обезпечить *за нами обладаніе всемъ Финляндіей*, совершило также, какъ Пётръ Великій въ 1712—1714 гг. завоевывалъ ту же Финляндію для того, чтобы „было что при мирѣ уступить“ (см. главу I-ю).

²⁾ См. М. М. Бородкинъ, „Исторія Финляндіи, время Императора Александра I, гл. VI, 191—194.

броски нашихъ войскъ черезъ Ботнику намѣчалась Ваза, причемъ полагали даже совершить десантъ на судахъ, если не удастся воспользоваться льдомъ. Какъ известно разсчеты эти не оправдались: 1-го мая 1808 года быть въ Стокгольмѣ (какъ писалъ Александръ Наполеону) русской арміи не удалось, отчасти вслѣдствіе двуличія того же Наполеона, который старался затянуть вооруженную борьбу своего союзника, чтобы вѣрнѣе его ослабить, и строго корилъ Коленкура за его непродуманные совѣты; „не переставайте быть французы“, писалъ онъ ему...

Въ концѣ 1808 года переходъ нашихъ войскъ въ Швецію былъ безповоротно рѣшенъ, и первоначально Императоръ Александръ намѣренъ былъ возложить общее командованіе этой экспедиціей на графа Н. Каменского. Въ архивахъ¹⁾ сохранился черновикъ всеподданнѣйшаго донесенія Каменского, въ которомъ послѣдній отклонялъ отъ себя это назначеніе, ссылаясь, съ одной стороны, на слабое состояніе здоровья, „не соотвѣтствующее усердію“ его къ службѣ, а съ другой—предвидя „не только большія затрудненія, но почти невозможность къ выполненію предполагаемаго плана“; поэтому „малая надежда въ успѣхѣ“ заставляла его опасаться, что „неудача, которой легко ожидать, можетъ приписаться „ему въ вину“.

Однако, Каменскій счелъ своимъ долгомъ, „яко вѣрноподданный“, повергнуть на благоусмотрѣніе Императора Александра свои мысли объ этой экспедиції, несомнѣнно, легшія въ основаніе послѣдующаго операционнаго плана, но съ довольно существенными отъ него отличіями, безусловно повліявшиими на сравнительно слабый стратегическій успѣхъ всего предпріятія.

Прежде всего по мнѣнію Каменского, „если для понужденія шведовъ къ миру благоугодно будетъ Вашему Императорскому Величеству сдѣлать нападеніе на самую Швецію, то должно *на сie употребить силы значительныя, которые бы могли действовать рѣшительно и привести то дѣло въ короткомъ времени къ окончанию*“.

Каменскій предлагаетъ направить черезъ Ботническій заливъ въ Швецію также три корпуса²⁾ одинъ берегомъ черезъ Торнео въ западную Ботнію; другой черезъ Кваркенъ на Умео и третій черезъ Аландъ. Но, по мысли Каменского, каждый изъ этихъ самостоятельныхъ корпусовъ играетъ особую роль, и соотвѣтственно этому опредѣлены и ихъ силы. Сѣверный корпусъ, въ 10.000 человѣкъ, имѣеть назначеніе демонстративное. Онъ долженъ начать наступленіе первый, еще до

¹⁾ Д. В.-Уч. Арх. Гл. Шт. № 4419.

²⁾ Первоначальная мысль о зимнемъ переходѣ въ Швецію выражена была Буксгевденомъ, еще въ мартѣ 1808 г., въ его «Предположеніи о переходѣ въ Швецію»; тамъ называлось уже наступленіе тремя колоннами (Д. В.-Уч. Арх. Гл. Шт. № 1651).³⁾

зимы, „быстро атакуя вездѣ противящагося непріятеля“; въ виду невозможности доставки за нимъ продовольствія, онъ долженъ быть снабженъ, по меньшей мѣрѣ, на три мѣсяца, короче—имѣть базу при себѣ, передвигая ее послѣдовательно за собою.

„Главная армія“ тѣмъ временемъ должна собраться къ Вазѣ; въ ней слѣдуетъ имѣть не менѣе 30.000 строевыхъ рядовыхъ, она должна дождаться замерзанія Кваркена, имѣть при себѣ готовый 10-дневный провіантъ и мѣсячную пропорцію сухарей, съ заготовленнымъ для нея транспортомъ. Переправу черезъ Кваркенъ слѣдуетъ совершить такъ, чтобы послѣ того соединиться съ наступающимъ отъ Торнео корпусомъ и общими силами (т. е. 40.000) „дѣйствовать по обстоятельствамъ, имѣя главное свое направлѣніе на Штокгольмъ“.

Третій корпусъ (10.000-ный) долженъ очистить Аландскіе острова отъ непріятеля и, утвердясь тамъ, если Аландсграфъ замерзнетъ (что, вообще, рѣдко бываетъ), перейти тоже въ Швецію и „сдѣйствовать прочимъ корпусамъ“.

Каменскій настоятельно требовалъ, чтобы „всѣ сіи три корпуса были въ полной командѣ назначенаго начальника сей экспедиціи, который, завися единственно отъ Вашего Императорскаго Величества, долженъ имѣть полномочіе дѣйствовать по обстоятельствамъ и по своему благоусмотрѣнію и имѣть, сверхъ того, полномочіе заключить миръ, не испрашивая уже предварительно о томъ, а для того долженъ онъ заблаговременно имѣть наставленіе, на какихъ кондиціяхъ можетъ онъ приступить къ заключенію онаго“.

„Чѣмъ болѣе будетъ онъ имѣть власти и чѣмъ болѣе будетъ онъ удостоенъ довѣренностью Вашего Величества (прибавляеть Каменскій), тѣмъ болѣе можетъ онъ дѣйствовать съ успѣхомъ, а паче всего не должны войска или чиновники, подъ нимъ состоящіе, не получать ни отъ кого никакихъ повелѣній, кромѣ его“.

Въ заключеніе своего рапорта Каменскій все таки считаетъ нужнымъ признать „таковую экспедицію весьма сомнительною“. „Необходимо, чтобы Кваркенъ замерзъ твердо и на нѣкоторое время, что не каждый годъ случается. При сильномъ вѣтре съ моря ледъ на Кваркенѣ часто взламывается“. „Сей переходъ болѣе 60 верстъ, гдѣ должно будетъ идти по компасу, въ одинъ день перейти не можно, и можетъ въ самое время перехода сдѣлаться перемѣна погоды. Большой морозъ можетъ большую часть корпуса истребить, при вынужже можетъ и весь корпусъ занести и заморозить“, наконецъ, противникъ „можетъ опустошить свой собственный край“ и этимъ поставить наши войска въ критическое положеніе, особенно, если проливъ какъ разъ въ это время очистится отъ льда и придется отступать черезъ Торнео.

Такимъ образомъ, Каменскій откровенно излагалъ Государю всѣ опасности и трудности задуманнаго предпріятія... Уже то обстоятельство, что онъ не бралъ его на себя, показывало всю его рискованность, такъ какъ Каменскій былъ смѣлъ и рѣшителенъ и отъ опасныхъ предпріятій не имѣлъ привычки уклоняться...

Заболѣли и еще 3 корпусныхъ командаира: Тучковъ, князь Голицынъ и графъ Витгенштейнъ, замѣненные гр. Шуваловыми, Барклаемъ и Багговутомъ. Такимъ образомъ, во главѣ своего корпуса остался неизмѣнно только одинъ князь Багратіонъ.

Составленный въ Петербургѣ окончательный планъ, хотя по вѣнчности и былъ сходенъ съ приведенными соображеніями графа Каменскаго, однако весьма существенно отъ нихъ отличался. Сила корпусовъ была уменьшена *двое*, причемъ *самымъ сильнымъ* долженъ былъ быть не Базаскій, а Абовскій корпусъ (20 т.), которому Каменскій придавалъ всего менѣе значенія. Затѣмъ, не было установлено той *послѣдовательности*, при которой у Каменскаго наступленіе начинать съверный корпусъ, навлекая на себя вниманіе противника, по приближеніи его къ Умо—совершалъ переправу главный корпусъ, а затѣмъ уже южный корпусъ оттягивалъ силы противника на Аландъ, для ослабленія обороны столицы, къ которой должна была идти сорокатысячная масса съ съвера.

Наоборотъ, какъ видно изъ приведеннаго выше предписанія Императора Александра главнокомандующему Кноррингу, мы разсчитывали „одновременнымъ дѣйствиемъ нашихъ войскъ на мѣста между собою отдаленные раздѣлить силы непріятеля“. Но, какъ видно будетъ изъ послѣдующаго, именно одновременности этой трудно было достигнуть; а кромѣ того она (по условіямъ разстояній между корпусами) приводила къ извѣстной разрозненности, изолированности, а потому и—*неувѣренности* ихъ дѣйствій.

Подготовка всего необходимаго для экспедиціи замедлилась до чрезвычайности. Съ наступленіемъ зимы прекратился подвозъ продовольствія моремъ къ Гельсингфорсу, а подвозъ сухимъ путемъ встрѣтилъ огромныя затрудненія, особенно въ дѣлѣ сбора подводъ. Между тѣмъ основнымъ условіемъ успѣха экспедиціи было обеспеченіе ея всѣмъ необходимымъ. Поэтому главнокомандующій Кноррингъ, опасаясь, что продовольственный вопросъ затормозить дѣло, сталъ добиваться разрѣшенія *еще болѣе сократить* численность экспедиціонныхъ корпусовъ.

Въ результатѣ возникла переписка съ Петербургомъ; время шло; проходили декабрь, январь и начало февраля—лучшіе мѣсяцы для выполненія плана. Государь 12-го февраля выразилъ, наконецъ, свое неудовольствіе Кноррингу довольно рѣзко. „Съ удивленіемъ увидѣлъ

я (писалъ онъ ему), что только нынѣ вознамѣрились вы приступить къ сбору войскъ для пріуготовленія ихъ къ дѣйствіямъ, и теперь только собираете вы нужная для того свѣдѣнія, тогда какъ съ самаго отѣзда вашего къ вѣренному вамъ начальству извѣстны уже вамъ были рѣшительныя предположенія мои касательно зимнихъ операций. Не менѣе того удивляетъ меня, что приведеніе въ дѣйствіе Аляндской экспедиціи производится столь медленно, что и понынѣ, къ сожалѣнію моему, не вижу. Я даже и начала онаго, когда надлежало бы уже въ сіе время послѣдовать окончательное сей экспедиціи исполненіе. Я привыкъ требовать точности въ исполненіи моихъ повелѣній и не люблю ихъ повторять. ’

Надѣюсь, что въ послѣдній разъ вы къ оному меня принуждаете“.

Въ отвѣтъ на это Кноррингъ откровенно признался въ своемъ безсиліи исполнить Высочайшую волю и просилъ объ увольненіи отъ службы. Тогда Императоръ Александръ (по совѣту Коленкура, какъ удостовѣряетъ М. М. Бородкинъ, стр. 195) прибѣгъ къ крайней мѣрѣ: послалъ въ Финляндію человѣка, пользующагося полнымъ его довѣріемъ и извѣстнаго своею энергией—военнаго министра Аракчеева. Послѣдній 20-го февраля прибылъ въ Або и, имѣя въ рукахъ Высочайший Указъ, предоставляющій ему „неограниченную во всей Финляндіи“ власть (тамъ же), меньше чѣмъ въ двѣ недѣли устранилъ всѣ затрудненія, тормозившія дѣло.

Въ письмѣ къ нему отъ 7-го марта Государь не скучится на благодарность своему „безъ лести преданному“ любимцу, а поведеніе Кнорринга называется прямо „безстыднымъ“...

Изъ всѣхъ частныхъ начальниковъ, одинъ князь Багратіонъ не проявлялъ неувѣренности и унынія. „Прикажите—пойдемъ“, коротко отвѣчалъ онъ Аракчееву. Наоборотъ, Барклай-де-Толли, а также графъ Шуваловъ, засыпали послѣдняго, какъ градомъ, представленіями, доказывающими неисполнимость ихъ задачи...

Барклай доносилъ о некомплектѣ имѣющихъ войскъ, о замедленіи въ движеніи остальныхъ частей отряда, о недостаткѣ боевыхъ патроновъ, неимѣніи картъ, отсутствіи связи съ Шуваловымъ, а также о неизвѣстности относительно непріятеля.

„Однимъ почеркомъ пера“ (пишетъ Михайловскій-Данилевскій) уничтожилъ Аракчеевъ всѣ эти затрудненія, указавъ источники пополненія недостающаго и, въ заключеніе, писалъ: „на сей разъ желалъ бы быть не министромъ, а на вашемъ мѣстѣ, ибо министровъ много, а переходъ Кваркена Провидѣніе предоставляетъ одному Баркллю-де-Толли“. Понятно, что такое заключеніе должно было подействовать на самолюбиваго генерала и вызвать въ немъ крайнее напряженіе энергіи.

Заслуга Аракчеева въ отношении *организациі* за-Ботнической экспедиції безусловно велика; онъ вдохнулъ энергию въ исполнителей и добился того, что воля его Повѣлителя могла быть осуществлена... Но, вмѣсто рѣшительного по послѣдствіямъ предпріятія, намѣчаемаго Каменскимъ (а еще прежде Буксгевденомъ), что только и могло привести къ желанному результату, т. е. къ понужденію Швеціи сдаться на выгодныя для насть условія мпра,—дѣло свелось какъ бы *къ поиску*, къ кратковременной угрозѣ, которая, даже при томъ полномъ внутреннемъ развалѣ, въ которомъ находилась Швеція, не могла быть и не была дѣйствительной.

Тяжелое положеніе послѣдней извнѣ осложнялось крупною безурицей внутри государства. Неудачный исходъ кампаніи въ Финляндіи, условія Олькюкской конвенціи, болѣзnenность въ войскахъ и неустройство санитарной части, непомѣрные военные расходы, далеко превзошедшіе размѣры отпущенной англичанами денежной субсидіі, — все это возбуждало крайнее недовольство въ населеніи, которымъ, конечно, пользовались враждебные королю политические элементы.

Рядомъ съ этимъ начались несогласія у короля съ его единственнымъ союзникомъ, Англіей: англичане не хотѣли увеличить денежное пособіе Швеціі, считая, вѣроятно, это предпріятіе невыгоднымъ и даже посовѣтовали Густаву IV Адольфу прервать съ ними союзъ и заключить съ Россіей отдѣльный миръ... Дѣло дошло до того, что разгнѣванный шведскій король собирался уже наложить запрещеніе на англійскія торговые суда, отъ чего его насилиу отговорили министры и представители купечества...

Упрямый король рѣшилъ, все-таки, продолжать войну, хотя по сѣмѣ военныхъ издержекъ на 1809 годъ требовалось 26 миллионовъ талеровъ, т. е. въ $2\frac{1}{2}$ раза больше, чѣмъ обращалось въ Швеціи наличныхъ денегъ. Пришлось наложить чрезвычайную подать, объявить рекрутскій наборъ: это вызвало повсемѣстный ропотъ, тѣмъ больше, что эти экстренные мѣры были приняты королемъ единолично, безъ созыва государственныхъ чиновъ...

Въ январѣ 1809 года Густавъ IV Адольфъ обратился съ письмомъ къ нашему Государю, въ которомъ ставилъ Императору Александру прямой вопросъ: *на какихъ справедливыхъ условіяхъ Финляндія можетъ быть возвращена Швеціи?* Въ отвѣтѣ на это содержатся слѣдующія знаменательныя, Собственноручно приписанныя Государемъ слова, смыслъ которыхъ не утратилъ своего значенія и до настоящаго времени:

„Финляндія присоединена къ Россіи по праву завоеванія и по жребию битвъ и не можетъ быть отдана отъ нея иначе, какъ оружіемъ.“

Къ срединѣ зими въ Швеціи не было сдѣлано еще никакихъ серьезныхъ военныхъ приготовленій. Послѣ Олькюкской конвенціи генераль-квартирмайстеръ Авѣ-Тибелль представлялъ королю свои соображенія, предусматривая въ нихъ возможность, въ случаѣ суровой зими, перехода русскихъ войскъ по льду¹⁾; онъ предлагалъ со-редоточить всѣ оставшіяся силы въ двухъ группахъ, которыхъ держать, одну сѣвернѣе, а другую непосредственно близъ Стокгольма, на случай нашего перехода черезъ Аландсгафъ²⁾, причемъ Аландскіе острова считалъ необходимымъ очистить. Король на это не соглашался; онъ чувствовалъ какое-то особое пристрастіе къ Аланду и требовалъ непремѣнно его оборонять.

Въ результатѣ, даже ко времени приближенія весны, никакихъ мѣръ по организаціи обороны страны не было еще принято. Главная группа шведскихъ войскъ, нетронутый еще 15-тысячный корпусъ, бывшій въ Шоніи для обезспеченія со стороны франко-датскихъ высадокъ, продолжалъ оставаться тамъ же въ бездѣйствії, когда отсюда уже опасности никакой не грозило и не могло быть. Войска, дѣйствовавшія противъ Норвегіи, стояли на границѣ на широкихъ зимнихъ квартирахъ; большая часть войскъ, вернувшихся изъ Финляндіи, была распущена по домамъ, и только главнымъ образомъ финскіе полки размѣщены были по берегу Ботническаго залива, подъ начальствомъ Клеркера, между Торнео и Умео. Въ этой части арміи развились страшная болѣзnenность и дезертирство³⁾. Съ сентября 1808 г. по конецъ года въ Умео было не менѣе 4.000 больныхъ, изъ которыхъ 1.115 умерло. Въ одаждѣ былъ страшный недостатокъ. Бѣглыхъ было такъ много, что въ декабрѣ Клеркеръ опасался, что въ веснѣ придется совершенно расформировать его армію⁴⁾.

Для непосредственной обороны столицы король набралъ едва 4—5 тыс. человѣкъ, да сверхъ того около 6 тыс., вмѣстѣ съ вооруженными жителями, выдвинуто было для защиты Аланда.

Настроеніе населенія и арміи было враждебно королю, который никогда не показывался и жилъ уединенно въ своемъ замкѣ Гагѣ. Датчане разсыпали въ народѣ и въ войскахъ прокламаціи, подстрекавшія шведовъ къ тому, чтобы свергнуть Густава и провозгласить монархомъ датскаго короля, что приводило бы къ возстановленію Кальмарской уніи. Дѣло дошло до того, что въ войскахъ, бывшихъ на норвежской границѣ, вспыхнулъ бунтъ, и они пошли на Стокгольмъ, подстрекаемыя своими начальниками... Это случилось въ послѣдніхъ

¹⁾ Nordenstvan, стр. 397.

²⁾ Проливъ между Аландскими островами и Швеціей.

³⁾ Весьма понятное, такъ какъ финнамъ, въ сущности, дальнѣйшая борьба была чужда и не ясна.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 400.

числахъ февраля, какъ разъ въ то время, когда у настъ, наконецъ, приступили къ выполнению наступательного плана и тронулись изъ Або на Аландъ...

Этимъ внутреннимъ состояніемъ шведского государства, несомнѣнно хорошо известнымъ Императору Александру и его совѣтникамъ, только и можетъ быть оправданъ тотъ смѣлый планъ наступленія въ Швецію, который былъ нами составленъ. При другихъ условіяхъ, такой планъ слѣдовало бы признать ничѣмъ неоправдываемымъ рискомъ, такъ какъ основного условия его успѣха—*своевременности* появленія всѣхъ трехъ колоннъ въ Швеціи—было почти немыслимо достигнуть при огромномъ разстояніи между колоннами и неминуемыхъ трудностяхъ и случайностяхъ ихъ движенія.

Войска, назначенные въ составѣ колонны Багратиона, сосредоточились между Або и Ништадтомъ въ послѣднихъ числахъ февраля. Общая численность отряда: пѣхоты $15\frac{1}{2}$ тысячъ и около 2 тысячъ конницы, артилеріи и піонеръ; всего до 17 тысячъ. Такимъ образомъ, эта группа оказывалась самою сильной. Въ составѣ ей входили: по баталіону отъ полковъ гвардіи Преображенскаго, Измайловскаго и Егерскаго; полки 1-й, 2-й, 30-й и 31-й егерскіе, Бѣлозерскій, Петровскій, Перновскій, Либавскій, Невскій, Брестскій, Вильманстрандскій, Рязанскій, Кексгольмскій и баталіонъ Великолуцкаго. Конницу составляли лейбъ-казаки, 4 эскадрона Гродненскихъ гусаръ, Уральская сотня и Донскіе казачьи полки Исаева и Лашцина. Сборнымъ мѣстомъ всей колонны былъ назначенъ островъ Кумлинге, одинъ изъ наиболѣе крупныхъ острововъ Аландскихъ шхеръ, отстоявшій отъ восточнаго побережья Большого Аланда въ $1\frac{1}{2}$ —2 переходахъ. Согласно даннаго ему плана, Багратіонъ долженъ былъ идти 5-ю колоннами, причемъ четырѣмъ изъ нихъ надлежало угрожать противнику разомъ въ нѣсколькихъ пунктахъ, сохраняя, однако, между собою связь, съ тѣмъ, чтобы сосредоточиться, если понадобится совокупная усилив; что же касается пятой (нѣсколько болѣе сильной) колонны, то ей предназначено было обойти Аландскій архипелагъ съ юга и стараться выйти къ западному берегу крайнаго острова Эккеръ-э, чтобы отрѣзать защитникамъ Аланда отступленіе къ Стокгольму.

Оборона Аланда возложена была на генерала фонъ-Дебельна, въ распоряженіи котораго находилось не болѣе 6 тысячъ регулярныхъ войскъ и до 4 тысячъ вооруженныхъ жителей. Дебельнъ предвидѣлъ, что удержать ему Аландскіе острова врядъ ли удастся¹⁾ и, принимая дѣятельная и энергичная мѣры къ упорной ихъ оборонѣ, не забывалъ объ обеспеченіи своевременного отхода своихъ силъ на

¹⁾ Что и выразилъ довольно ясно королю при своемъ представлѣніи ему въ концѣ января (Норденшванъ, 406).

шведскій берегъ. Опасаясь ненадежности льда въ Аландсграфѣ, ко-
торый, въ случаѣ южнаго вѣтра, легко могъ быть взломанъ, Дебельнъ
пытался сперва убѣдить короля въ томъ, что Аландъ надо вовсе
очистить, не жертвуя лучшими остающимися у Швеціи войсками (въ
его отрядѣ входила вся королевская гвардія). Однако, согласія на то
со стороны Густава-Адольфа не послѣдовало и велѣно его оборонять
во что бы то ни стало. „Непремѣнно отстаивать Аландъ“ писалъ ко-
роль въ собственноручномъ рескрипти своему военному министру.
„Весьма важно имѣть по ту сторону залива военный пунктъ. При-
кажите сосредоточить армію и отправить на Аландъ нужная под-
крѣпленія“. Характерно, что предписаніе это, данное за 6 дней до
изверженія Густава съ престола, не было исполнено, но—только въ
отношеніи *второй* его половины, т. е. сбора войскъ и отправки под-
крѣпленій на Аландъ; первая же половина отмѣнена *не была*, и
Дебельну предоставили оборонять Аландъ какими угодно способами
и средствами¹⁾.

Опасаясь, что наши войска могутъ обойти архипелагъ съ юга,
Дебельнъ вывелъ все населеніе южныхъ острововъ въ полосѣ 140 верстъ
шириною, сжегъ и опустошилъ въ ней всѣ селенія, кромѣ церквей,
а самъ сосредоточился исключительно на Большомъ Аландѣ, прегра-
дилъ всѣ пути засѣкаами, устроилъ въ важнѣйшихъ прибрежныхъ
пунктахъ морскія батареи, а островъ Эккерѣ-эр укрѣпилъ въ каче-
ствѣ редюита, рѣшивъ держаться до послѣдней крайности.

Получивъ распоряженіе быть готовымъ къ выступленію по первому
приказанію, князь Багратіонъ выслалъ два авангарда: генераль-
маіора Шепелева (правый) и Кульнева (левый)²⁾, которые продви-
нулись впередъ на переходъ, занявъ подходящіе острова и выславъ
по льду разъѣзды нащупать противника. Уже 22-го февраля казаки
имѣли удачное столкновеніе съ передовыми шведскими постами и
захватили 20 плѣнныхъ.

26-го февраля Багратіонъ, получивъ приказаніе выступать, тро-
нулся на ледъ и пошелъ на островъ Кумлинге, назначенный сборнымъ
мѣстомъ всей колонны. Войска были обильно снабжены теплую
одеждою (полушубками, теплыми фуражками и валенками); транспортъ
саней, нагруженныхъ продовольствіемъ, виномъ и дровами, безконеч-
ною черною змѣй тянулся за войсками по ослѣпительной снѣжной
пустынѣ. 28-го присоединился къ колоннѣ военный министръ графъ
Аракчеевъ, въ сопровожденіи главнокомандующаго Йоннинга и

¹⁾ За очищеніе Аланда ратовалъ передъ королемъ и генераль-квартирмайстеръ Авѣ-
Тибель, но король былъ непреклоненъ и—прибавляеть ironически Норденсванъ (409)—
«Аландъ пришлося оборонять до послѣднаго дня пребыванія Густава IV Адольфа на тронѣ
Швеціи».

²⁾ Кульнѣвъ былъ въ авангардѣ 5-й (обходной) колонны.

бывшаго нашего посланника въ Стокгольмѣ Алопеуса. Кноррингъ игралъ роль безсловесной куклы. Аракчеевъ распоряжался всѣмъ полновластно, опираясь на волю Государя. Алопеусъ былъ снабженъ Государемъ особыми полномочіями, на случай, если со стороны шведовъ послѣдуетъ пополненіе вступить въ переговоры. Для облегченія этого желанного исхода предписано было сторожевымъ частямъ нашимъ оповѣщать непріятельскія, что въ главной квартирѣ нашей имѣется такое лицо, которое уполномочено, въ случаѣ надобности, возобновить дипломатическія сношенія.

2-го марта войска сосредоточились на Кумлинге, а 3-го выступили 5-ю колоннами, черезъ полыни и сугробы; пѣхота шла рядами, конница гдѣ по два, а гдѣ и по одному... Первый переходъ совершилъ быль безпрепятственно; передовыя части шведовъ очищали мелкіе острова и уходили къ западу.

Къ вечеру этого дня первыя четыре колонны заняли остр. Варде, противъ большого Аланда, а пятая прошла черезъ островъ Соттунга на островъ Бенѣ, гдѣ столкнулась съ непріятельскимъ арьергардомъ.

Казаки атаковали его, а Кульневъ съ остальными своими войсками, т. е. всею конницею и двумя ротами (одна изъ нихъ—лейбъ-гвардіи Егерскаго полка) пошелъ по льду въ обходъ острова. Это заставило шведовъ послѣдно отступить, увозя отрядъ на заранѣе подготовленныхъ обывательскихъ подводахъ. Конница ихъ преслѣдовала неотступно, но шведы быстро ускользнули, такъ какъ фонъ-Дебельнъ, выяснивъ наше наступленіе съ двухъ сторонъ, велѣлъ всѣмъ своимъ отдѣльнымъ передовымъ и боковымъ прикрывающимъ отрядамъ стягиваться на Большой Аландъ, гдѣ онъ намѣревался оказать сопротивленіе.

Какъ разъ въ это время начальникъ Аландскаго отряда получилъ изъ Стокгольма извѣстіе о совершившемся тамъ государственномъ переворотѣ... Произошелъ онъ слѣдующимъ образомъ: 28-го февраля въ Стокгольмѣ принесся слухъ о бунтѣ въ войскахъ на норвежской границѣ, бывшихъ подъ начальствомъ Адлерспарре, и о наступленіи, ихъ къ столицѣ съ цѣлью низложенія короля. Положеніе послѣдняго стало критическимъ. Съ минуты на минуту ожидалось появленіе русскихъ войскъ съ одной стороны, а въ то же время съ другой стороны внезапно нагрянула новая гроза—измѣна своихъ. Сперва Густавъ Адольфъ думалъ ударить на бунтовщиковъ съ войсками стокгольмскаго гарнизона (всего 4,500 человѣкъ), затѣмъ рѣшилъ вывести послѣдній на соединеніе съ 15 тыс. корпусомъ, стоявшимъ въ Шоніи и всѣми силами сокрушить мятежниковъ. Ближайшіе совѣтники короля отговаривали его отъ такого рѣшенія и убѣждали вступить въ мирные переговоры съ Россіей и созвать государственныхъ

чиновъ, для выясненія мѣръ по облегченію народа. Когда же король отвергъ это наотрѣзъ, онъ былъ схваченъ и обезоруженъ собственными же союзниками и генералами, въ числѣ которыхъ были и графъ Клингспоръ, и его начальникъ штаба Адлеркрайцъ. Густавъ IV Адольфъ (по слухамъ, уже собиравшійся бѣжать въ Англію) былъ взятъ подъ стражу, низложенъ, и правленіе королевствомъ вручено его дядѣ, герцогу Карлу Зюдерманландскому. Позднѣе, уже въ маѣ, созданный риксдагъ официально объявилъ Густава и его потомство лишенными престола, а корону вручилъ регенту, принявшему имя Карла XIII.

Извѣстіе о случившемся въ Стокгольмѣ пришло къ генералу Дебельну 3-го марта, почти одновременно съ донесеніемъ о наступленіи русскихъ. Дебельнъ, желая очевидно воспользоваться неожиданнымъ поворотомъ событий для отвращенія опасности отъ столицы Швеціи, которая въ такую сумятицу могла быть легко захвачена русскими войсками (отъ Аланда до Стокгольма 5—6 переходовъ), послалъ къ намъ переговорщика, полковника Лагербринка, для извѣщенія о случившемся. На бѣду при колоннѣ Багратіона находились и Аракчеевъ, и главнокомандующій; такимъ образомъ, неизбѣжно было направить къ нимъ этого парламентера. Такъ Багратіонъ и поступилъ, а самъ взглянулъ на дѣло съ чисто военной точки зреянія, т. е. призналъ попытку Дебельна ничѣмъ инымъ, какъ только способомъ *выиграть время*; поэтому онъ далъ своимъ колоннамъ толчекъ насѣдать смѣлѣ на непріятеля. Колонны наши наводнили Большой Аландъ, уже отчасти очищенный шведами, отступившими къ его западному краю. Только лѣвая колonna графа Строгонова, въ предшествіи неутомимаго Кульнева, нагнала у Лемланда непріятельскій аріергардъ, который послѣ небольшой стычки обратился въ бѣгство,бросивъ свои орудія. Въ двое сутокъ занять былъ почти безъ боя весь архипелагъ. „Войска Его Императорскаго Величества (доносиль Багратіонъ) ознаменовали себя неограниченной ревностью и явили примѣръ неутомимости. Дѣлая переходы денно и нощно для достиженія бѣгущаго ихъ непріятеля, они... преодолѣли всѣ препоны, натурую поставленныя“.

4-го марта въ нашу главную квартиру пріѣхалъ самъ генералъ фонъ-Дебельнъ, которому изъ Стокгольма было приказано всѣми средствами добиться остановки нашего наступленія. Онъ завязалъ переговоры, сперва съ Кноррингомъ и Сухтеленомъ, а затѣмъ и съ графомъ Аракчеевымъ.

Послѣдній сперва не согласился на перемиріе, настаивая на томъ, что „дѣль Императора Александра состоитъ не въ покореніи Аландскихъ острововъ, но въ принужденіи Швеціи подписать миръ въ Стокгольмѣ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Аракчеевъ предложилъ Кноррингу

ускорить наступление нашихъ войскъ, что, какъ известно, уже исполнялось ими по *почину* самого Багратиона...

Итакъ, 5-го марта наступление поперекъ Аланды продолжалось; всѣ колонны имѣли рядъ аріергардныхъ боевъ со шведами, захватили нѣсколько трофеевъ, въ томъ числѣ одно знамя. Къ вечеру 5-го Дебельнъ сосредоточилъ всѣ свои силы на крайнемъ западномъ островѣ Эккеръ-э, которому съ юга уже угрожала колонна Строгонова. Въ ночь съ 5-го на 6-е марта шведы пошли черезъ Аландсгѣфъ, прикрывая внутри огромныхъ каре то казенное и частное имущество, которое успѣли увезти. Большая часть его, однако, была брошена; Дебельнъ пытался сжечь часть запасовъ, но быстрота нашего преслѣдованія не позволила это выполнить. Въ наши руки попадали оставленные батареи съ орудіями и боевымъ комплектомъ, лазареты, повозки, магазины и т. п. На утро конница авангарда Кульнева, который уже 5 сутокъ не сходилъ со льда, не видавъ никакого жилья, настигла аріергардъ непріятеля у Сигнальшера (маленькая группа острововъ посреди Аландсгѣфа). Казаки Исаева окружили одну колонну, свернувшуюся въ каре, врѣзались въ нее и отбили 2 орудія и 144 пленныхъ; потомъ нагнали далѣе другое каре, и здѣсь взяли еще двѣ пушки; гродненскіе гусары изолировали послѣдній баталіонъ Зюдерманландскаго полка и совершили его окружили. 14 офицеровъ, 442 нижнихъ чина съ баталіоннымъ командиромъ Энгельбрехтеномъ во главѣ, послѣ непродолжительной перестрѣлки, вступили въ переговоры и вскорѣ положили оружіе. По расчету самихъ *шведскихъ* источниковъ, это отступленіе, не считая сдавшагося цѣликомъ баталіона, стоило Дебельну около 1.200 человѣкъ, большую частью попавшихъ въ руки русскихъ отсталыми.

Въ общемъ число пленныхъ, забранныхъ Кульневымъ на льду, *превысило силы его отряда*, а все пространство снѣжной пелены Аландсгѣфа было усыпано брошенными повозками, зарядными ящикиами, предметами вооруженія и снаряженія и т. п.

Тѣмъ временемъ фонъ-Дебельну были пересланы Аракчеевымъ тѣ *мирные условия*, съ принятиемъ которыхъ могутъ быть прекращены военные дѣйствія. Условія эти были: а) уступка Финляндіи съ Аландомъ въ вѣчное владѣніе Россіи; б) отказъ отъ союза съ Англіей, и в) обѣщаніе защитить Швецію отъ англичанъ вспомогательнымъ корпусомъ. Графъ Аракчеевъ сдѣлалъ крупную ошибку, пріостановивъ дальнѣйшее наступленіе черезъ Аландсгѣфъ *въ ожиданіи* получения отвѣта изъ Стокгольма. Впослѣдствіи онъ передъ Государемъ обвинялъ нашихъ генераловъ „въ худомъ желаніи отправиться въ Швецію“ (М. Д., стр. 189), но врядъ ли можно допустить, чтобы отданное имъ категорическое приказаніе не было бы исполнено. А на

отдачу подобныхъ приказанийъ онъ былъ уполномоченъ. Върнѣе предположить (какъ это и дѣлаетъ К. Ординъ, I, 425), что самъ всесильный военный министръ почувствовалъ неувѣренность въ себѣ въ виду того риска, которому подвергся бы весь 16-ти тысячный корпусъ Багратіона, если бы онъ оказался въ Швеціи отрѣзаннымъ отъ своей базы въ случаѣ взлома льда въ проливѣ Аландсгафѣ... Противникъ экспедиції Кноррингъ, главнокомандующій только номинальный въ эту минуту, разумѣется все время выставлялъ всѣ возможные устраивающіе доводы...

Въ результатѣ черезъ Аландсгафѣ посланъ все тотъ же неизмѣнныій, ничего и нигдѣ не боявшійся и ни передъ чѣмъ не останавливало-вающійся Кульnevъ. Онъ повелъ за собою лейбъ-уральскую сотню, по 2 сотни казаковъ полковъ Исаева и Лашилина и 3 эскадрона гродненцовъ. Ночь съ 6-го на 7-е марта отрядъ этотъ провелъ на Сигнальшерѣ; передъ ночлегомъ Кульnevъ отдалъ свой знаменитый приказъ¹⁾: „Богъ съ нами! Я предъ вами; князь Багратіонъ за вами. Въ ночь, въ два часа собраться у мельницы. Походъ до шведскихъ береговъ вѣнчаетъ всѣ труды наши. Сіи волны истинная награда, честь и слава бессмертная! Имѣть съ собою по 2 чарки водки на человѣка, вусокъ мяса и хлѣба и по два гарнца овса. Море не страшно тому, кто уповаєтъ на Бога. Отдыхайте, товарищи“!

Выступивъ въ 3 часа утра, Кульnevъ, имѣя пѣсенниковъ впереди, въ 8 часовъ прошелъ разстояніе отъ Сигнальшера до шведского берега, представлявшее собою безформенные груды другъ на друга нагроможденныхъ лѣдинъ. Сторожевые посты шведовъ, бывшіе на берегу, пораженные появлениемъ русской конницы, были мигомъ съ налета атакованы казаками; они засѣли за каменьями и оттуда выбиты спѣшеными уральцами. Кульnevъ такъ разбросалъ свой отрядъ, что онъ казался гораздо многочисленнѣе, и кроме того черезъ перего-ворошика увѣрилъ шведовъ, что главныя силы наши наступаютъ южнѣе, направляясь къ Нортелье, городу, лежащему въ двухъ пере-ходахъ сѣвернѣе Стокгольма. Грисслегамъ былъ сданъ Кульnevу безъ боя, и онъ доносилъ оттуда Багратіону: „честь и слава россій-скаго воинства на берегахъ Швеціи. Я съ войскомъ въ Грисслегамѣ воспѣваю: Тебѣ Бога хвалимъ“!

Появленіе Кульнева, въ ста верстахъ отъ столицы на шведскомъ берегу, вызвало переполохъ въ ея населеніи: многіе бросали городъ и вывозили свое имущество. Но вскорѣ объщеніе герцога Зюдерманландскаго, переданное черезъ Дебельна, прислать уполномочен-

¹⁾ Приказы генерала Я. П. Кульнѣва, оригинальные по стилю, во многомъ интересны и поучительны. Ихъ можно найти въ старинной книжечкѣ изданія 1817 г. «Духъ гене-рала Кульнѣва или черты и анекдоты, изображающіе величія свойства его».

ныхъ для начатія переговоровъ, побудило Кнорринга и Аракчеева, чтобы доказать искренность своихъ стремленій къ миру, пойти на-встрѣчу желаніямъ нового правителя Швеціи и приказать нашимъ войскамъ *возвратиться въ Финляндію*. Распоряженіе это коснулось не только Кульгева, но и другихъ колоннъ, уже достигшихъ къ этому времени извѣстныхъ успѣховъ.

Какъ оказывается, Дебельнъ ввелъ съ умысломъ нашихъ генераловъ *въ заблужденіе*: все это было съ его стороны ловкою стра-тагемой. Онъ нарочно обусловилъ передъ ними присылку уполномо-ченного тѣмъ, чтобы „ни одинъ русскій отрядъ не вступалъ на шведскую землю“; этимъ онъ избавилъ Стокгольмъ отъ неминуемо грозившей ему участіи, ловко провелъ хитраго Аракчеева и вынудилъ насъ еще цѣлые полгода вести войну...

Баркрай-де-Толли, назначенный командиромъ Вазаскаго корпуса вмѣсто князя Голицына, по прибытіи своемъ въ Базу въ 20-хъ числахъ февраля, не нашелъ тамъ не только необходимыхъ приготов-леній къ предстоящему переходу корпуса на шведскій берегъ, но даже продовольствіе войскъ, бывшихъ на мѣстѣ, не было обеспечено. „Магазины пусты“ (доносилъ онъ Кноррингу 23-го февраля), „полки и команда, кроме 25-го егерскаго полка, не имѣютъ ни на одинъ день запаснаго сухарнаго провіанта и едва удовольствованы на сей мѣсяцъ... Навагинскій полкъ, расположенный въ Гамле-Карлебю, удовлетворенъ только по 18-е число сего мѣсяца; въ тамошнемъ магазинѣ ничего нѣтъ, слѣдственно до прибытія туда отправляемыхъ транспортовъ онъ терпитъ совершенный голодъ. Въ лейбъ-Гренадер-скомъ, Полоцкомъ и Тульскомъ полкахъ, которые близко и могутъ собраться въ Базу въ два или три дня, подъ ружьемъ рядовыхъ только 3.462 человѣка... Остальные полки могутъ прибыть сюда: Навагинскій черезъ 12, 25-й егерскій черезъ 18—20 дней, а по сборѣ сихъ полковъ буду я имѣть 5.468 человѣка подъ ружьемъ. О полкахъ, назначенныхъ изъ Улеаборгскаго корпуса, свѣдѣній еще не имѣю; едва ли они черезъ три недѣли сюда прибудутъ. Въ Тульскомъ и Полоцкомъ полкахъ недостаетъ 34.000 боевыхъ патроновъ...“ „Не имѣю я картъ, ни здѣшнихъ мѣсть, ни Швеціи. Связи въ дѣйствіяхъ съ корпусомъ графа Шувалова установлено быть не можетъ. Не имѣемъ никакихъ вѣрныхъ извѣстій о непріятелѣ, а знаемъ, что онъ собираетъ силы свои близъ Умео...“. Въ концѣ концовъ, Баркрай при-ходилъ къ заключенію, что при такихъ условіяхъ идти къ Умео съ 5.000 человѣкъ—невозможно¹⁾.

Аракчеевъ указалъ Баркрайю средства быстро пополнить недоста-токъ продовольствія и боевыхъ припасовъ. Недостающее количество

¹⁾ Изъ донесенія Баркрайя Кноррингу отъ 23-го февраля № 3. (Д. В.-Уч. Арх. упр. гл. шт., № 1675).

муки было пополнено отправкою 1,000 четвертей добавка, организованною еще прежде Аракчеевымъ, что вмѣстѣ съ наличною мукою, примѣрно въ томъ же количествѣ, давало запасъ продовольствія для всего отряда на $1\frac{1}{2}$ мѣсяца. Недостатокъ боевыхъ патроновъ Аракчеевъ рекомендовалъ пополнить отъ людей, несостоящихъ въ комплектѣ и изъ запаснаго артилерійскаго парка въ Гамла-Карлебю (140 верстъ отъ Базы). „Поставляя сіе на видъ“ Барклю, Аракчеевъ заключалъ свое предписаніе слѣдующими словами, долженствовавшими, такъ сказать, „пришпорить“ самолюбіе послѣдняго.

„На счетъ объясненія вашего, что вами очень мало получено наставленій отъ главнокомандующаго, то генералъ съ вашими достоинствами въ оныхъ и нужды не импетъ. Сообщу вамъ только, что Государь Императоръ къ 16-го марта прибудетъ въ Борго, то яувѣренъ, что вы доставите ему на сеймъ шведскіе трофеи. На сей разъ я желалъ бы быть не министромъ, а на вашемъ мѣстѣ, ибо министровъ много, а переходъ Кваркена Провидѣніе предоставляетъ одному Барклю-де-Толли“.

При такихъ обстоятельствахъ, Барклю-де-Толли, которому было Аракчеевымъ строжайше предписано „скорѣе приступить къ исполненію воли Государя Императора“, непремѣнно донеся объ исполненії, и немедленно идти къ Умео, ничего иного не оставалось, какъ двинуться съ тѣми войсками, которыхъ были близъ Базы, не дожидаясь другихъ. Къ тому же, откладывать походъ не позволяло и приближеніе весны, заставлявшее опасаться возможнаго вскрытия залива. Въ составъ отряда, назначенаго для совершенія единственнаго въ своемъ родѣ подвига, такимъ образомъ вошли: лейбъ-Гренадерскій¹⁾, Тульскій и Полоцкій мушкетерскіе, три сотни казаковъ, 8 орудій; всего числомъ до 3,500 человѣкъ. Пермскій полкъ оставленъ въ Базѣ для обеспеченія операционной линіи. По прибытии остальныхъ войскъ корпуса (т. е. полковъ Тенгинскаго, Навагинскаго, 24-го и 25-го егерскихъ) приказано ихъ отправлять эшелонами на присоединеніе къ первоначально переправившейся группѣ, которая, такимъ образомъ, выполняла задачу авангарда.

Ботническій заливъ между Умео и Базою суживается до 100 верстъ; этотъ проливъ и называется Кваркеномъ. Близъ береговъ Швеціи и Финляндіи имѣются группы по большей части необитаемыхъ шхеръ, которыхъ суживаютъ ледяное поле до 60-ти верстъ. Тѣмъ не менѣе въ одинъ переходъ совершить переброску отряда съ одного берега на другой было невозможно; ночевка на льду была неизбѣжной. Трудность и опасность перехода заключались въ томъ, что вслѣд-

¹⁾ Нынѣ Л.-Гв. Гренадерскій.

ствіе постоянно повторяющихся юго-западныхъ вѣтровъ ледъ въ Кваркенѣ нѣсколько разъ въ зиму взламывается; поэтому при движениі здѣсь всегда грозить опасность быть поглощеннымъ пучиной или попасть въ остающіяся повсемѣстно трещины и полыни во льду, не видныя подъ снѣгомъ. Въ зиму 1808—1809 годовъ разрушение ледяного покрова происходило здѣсь уже два раза. Такія условія приводятъ къ тому, что сколько нибудь ровной ледяной поверхности здѣсь никогда не бываетъ, а наоборотъ, льдины нагромождаются другъ на друга, напоминая — груду осколковъ сахара, но только съ болѣе острыми, рѣжущими краями...

Отсюда видно, что этотъ 60-ти верстный переходъ былъ дѣломъ величайшей опасности и трудности, нужна была великая сила духа чтобы на это рѣшиться и привести это отважное рѣшеніе въ исполненіе...

Военная исторія знаетъ лишь одинъ еще зимній переходъ войскъ черезъ море: это переходъ шведского короля Карла X черезъ Большой и Малый Бельты въ 1658 году. Но уже одного взгляда на карту и сравненія разстояній достаточно, чтобы видѣть огромную разницу между этимъ событиемъ и тѣмъ, что сдѣлали наши войска въ 1809 году. Вотъ почему мы и рѣшаемся назвать дѣяніе Барклай-де-Толли съ его отрядомъ „единственнымъ въ своемъ родѣ“ подвигомъ. Справедливость, однако, не позволяетъ скрывать отъ себя, что подвигомъ этимъ мы обязаны въ значительной мѣрѣ энергіи Аракчеева, по собственному его выраженію, „столкнувшаго“ Барклай на ледъ...

Кстати говоря, Датчане, наши союзники, подумывали переправить корпусъ въ Шонию по пути Карла X, но ледъ былъ взломанъ въ Зундѣ, и они ограничились разсѣяніемъ въ южной Швеціи прокламаций при помощи воздушныхъ шаровъ. Въ этихъ прокламаціяхъ шведскій народъ приглашался избрать въ короли свои; взамѣнъ отрѣшенного Густава IV Адольфа,—датскаго короля, чтобы возстановить такимъ образомъ Кальмарскую унію.

Еще до вступленія въ командование Барклай-де-Толли предварительные развѣдки, произведенныя по порученію его предмѣстника, князя Голицына, л.-гв. Преображенскаго полка капитаномъ графомъ Толстымъ и войсковымъ старшиной Киселевымъ, выяснили возможность перехода, но и крайнюю рискованность его; въ то же время развѣдчики узнали, что шведскихъ войскъ близъ Умео немнogo.

Барклай-де-Толли раздѣлилъ свои силы на 2 колонны („отдѣленія“); одна, полковника Филисова, 2 баталіона, 2 орудія и сотня казаковъ; другая, генераль-маіора Берга,—лейбъ-Гренадерскій и Тульскій полки, 2 сотни и 6 орудій. 5-го и 6-го марта обѣ колонны сосредоточились на островахъ близъ Вазы, Вальгрунтѣ и Бьеркѣ; войсковой старшина Киселевъ съ полусотней и посаженными на сани 40 мушкет

терами былъ отправленъ на острова Гольменъ и Гадденъ близъ шведскаго берега, съ цѣлью напасть врасплохъ на непріятельские посты (если они тамъ имѣются) и развѣдкою выяснить силы и расположение шведовъ на берегу.

1-я колонна должна была идти на Гольменъ, 2-я—на Гадденъ, а отсюда съ двухъ сторонъ, съ сѣверной и южной, обѣ должны были двинуться на Умео. Войска снабжены были 10-ти дневнымъ запасомъ сухарей и 4-хъ дневнымъ фуражемъ; обозовъ взято не было, только патронные ящики на полозьяхъ и сани для отвоза раненыхъ¹⁾.

7-е марта проведено было отрядомъ Барклай на бивакъ на необитаемыхъ скалахъ, окруженнныхъ ледяною пустынею, 8-го, въ 5 часовъ, начался незабвенный въ нашихъ лѣтописяхъ переходъ. Борьба съ природою началась съ первыхъ же шаговъ. Къ счастью, погода была тихая и морозъ не превышалъ 15°. То карабкался на утесистые обломки, то обходя и дѣля извилины, знобя и засѣвал ноги обѣ острѣя края льдинъ, бодро шли впередъ наши воины... Особенно страдали лошади... Артиллерию, хотя и везомую на полозьяхъ, въ концѣ концовъ пришлось оставить на полу-пути подъ прикрытиемъ. Движеніе было крайне медленное; несмотря на все значеніе быстроты, приходилось давать людямъ частыя короткія отдыхи, иначе они едва не падали отъ изнуренія, такъ утомительно было движеніе по изломанной и изборожденной поверхности льда... Тѣмъ не менѣе къ 6-ти часамъ вечера въ теченіе 12 часовъ пройдено было 40 верстъ, и войска добрались до отдѣльныхъ бесплодныхъ острововъ Гольмена и Гаддена, предварительно занятыхъ Киселевымъ. Послѣдній, со своими казаками и отборными стрѣлками Полоцкаго полка, неожиданно напалъ, еще днемъ раньше, на занимавшую островъ Гольменъ шведскую заставу, разбилъ ее на голову, но, къ сожалѣнію, не смогъ захватить всѣхъ людей въ плѣнъ: спасшіеся, очевидно, должны были предупредить своихъ о движениіи русскихъ. Поэтому, какъ ни устали у Барклай люди,—времени терять было нельзя. Онь перебохнуль только до полуночи; костровъ развести было нечѣмъ; въ полночь Барклай выступилъ и повелъ колонну Берга прямо къ Умео, а Филисовъ попалъ черезъ островъ Гольменъ и далѣе на Умео съ сѣвера. Достигнувъ устья рѣки Умео, раннимъ утромъ Барклай далъ раздыхъ. Къ счастью, у берега во льду оказались два торговыхъ судна; ихъ немедленно раскололи на дрова; костры, наконецъ, запылали и иззябшіе люди смогли отогрѣться. Послѣдній этотъ переходъ пришелось идти выше колѣна въ снѣгу, и остановка въ устьѣ Умео вызвана была полнымъ изнеможеніемъ отряда послѣ 18-ти часового марша... Какъ доносилъ Барклай впослѣдствіи, „понесенные въ семъ переходѣ труды единственно русскому преодолѣть только можно“.

¹⁾ См. диспозицію Барклай въ томъ же дѣлѣ № 1.675.

Близъ Умео находился шведский отрядъ графа Кронштедта, численностью не болѣе 1.000 человѣкъ; онъ стоялъ себѣ на мирномъ положеніи, ничего не подозрѣвая. 9-го числа только прибѣжали нѣсколько людей, спасшихся съ захваченныхъ нами аванпостовъ, и сообщили о томъ, что русскія войска уже вблизи шведского берега. Спѣшно сталъ стягиваться Гриппенбергъ, но уже на разсвѣтѣ 10-го его передовая цѣль была опрокинута нашими стрѣлками и спѣшеными казаками; на плечахъ у непріятеля они скоро были уже у воротъ Умео. Видя, что ему не успѣть сосредоточиться и чувствуя, что русскіе въ превосходныхъ силахъ, Гриппенбергъ вошелъ въ переговоры¹⁾. Въ концѣ концовъ заключено было перемиріе, по которому шведы обязались сдать Умео и всю Вестро-Ботнію до рѣки Эре, передавъ въ наши руки всѣ запасы продовольствія.

Послѣднее обстоятельство было самымъ важнымъ. То, что Барклай захватилъ въ Умео, обеспечивало его наличныя силы болѣе чѣмъ на мѣсяцъ, а заключенное перемиріе давало ему крупную выгоду: онъ могъ спокойно дождаться остальныхъ эшелоновъ (сосредоточеніе силъ). Поисками Филисова въ направленіи къ Горнео обнаружено еще значительное число запасовъ и захвачено нѣсколько транспортовъ.

Хотя силы Барклай и превосходили то, что имѣлъ въ своемъ распоряженіи Кронстедтъ, но шведы имѣли войска свѣжія, а наши были изнурены тяжкимъ переходомъ, да къ тому же артиллерія была оставлена позади, а у непріятеля она имѣлась. При такихъ условіяхъ пойти на перемиріе, въ цѣляхъ выигрыша времени для подтѣгиванія артиллериі и остальныхъ эшелоновъ, для подкрѣпленія силъ и, наконецъ, для того, чтобы успѣлъ проявить себя на сѣверѣ графъ Шуваловъ, со стороны Барклай было рѣшеніемъ вполнѣ благоразумнымъ и обстановкой отвѣчающимъ.

10-го марта совершилось торжественное вступленіе нашихъ войскъ въ Умео; 11-го марта подошелъ Навагинскій полкъ; Барклай расчитывалъ вскорѣ подтянуть и остальные, а затѣмъ двинуться въ направленіи къ Стокгольму; но 12-го пришло приказаніе Кнорринга, извѣщавшее о заключенномъ на Аландѣ перемиріи и предписывавшее вернуться обратно въ Базу. Исполнено это было Барклаемъ только 15-го числа, такъ какъ нужно было дать продолжительный отдыхъ людямъ, среди которыхъ было до 200 человѣкъ съ отмороженными ногами, а затѣмъ Барклай не желалъ, чтобы „обратный походъ имѣлъ видъ принужденного отступленія“. Все захваченное имущество и продовольствіе было возвращено обратно шведамъ. „Увезти съ собою взятую добычу“—писалъ Барклай—„походило бы единственно на корыстолюбіе, а истребить и привести въ негодность... не было

¹⁾ Ссылаясь на произошедший въ Стокгольмѣ переворотъ.

бы знакомъ миролюбія съ нашей стороны"… Большими облегченіемъ при обратномъ походѣ были 120 обычательскихъ подводъ, которыми могли пользоваться солдаты; кромѣ того усталыхъ подсаживали казаки на своихъ коней…

Въ результатѣ подвигъ, совершенный 8-го—10-го марта отрядомъ Барклай-де-Толли, свелся лишь къ безпримѣрному преодолѣнію природы. Но понесенные этими доблестными войсками тяжкие труды не были испытаны совсѣмъ задаромъ: они оказали *важное вліяніе на событія, совершившіяся одновременно на крайнемъ сѣверѣ.*

По заключенной 7-го ноября предшествующаго 1808 года въ Олькюоки конвенціи демаркаціонною линею между обѣими сторонами назначена была рѣка Кеми. Наши передовые посты располагались всю зиму на лѣвомъ берегу этой рѣки, укрываясь въ отдѣльныхъ хижинахъ, еле защищавшихъ людей отъ ужасныхъ морозовъ. Главныя же силы Улеаборгскаго корпуса стояли на широкихъ квартирахъ между рѣкою Кеми и городомъ Улеаборгомъ. Шведы, подъ общимъ начальствомъ Клеркера, раздѣлены были на двѣ группы, изъ коихъ меньшая, графа Кронштедта, располагалась въ окрестностяхъ Умео и, какъ мы знаемъ, захвачена была врасплохъ Барклаемъ-де-Толли; большая (свыше 7-ми тысячъ) группа Гриппенберга расположирована была между Торнео и Питео. Такъ какъ селенія здѣсь на крайнемъ сѣверѣ весьма бѣдны и рѣдки, то пришлось войска Гриппенберга, состоявшія преимущественно изъ финновъ, весьма разбросать. Вслѣдствіе истощенія силъ послѣ всѣхъ перенесенныхъ тягостей бѣдственнаго отступленія, въ войскахъ этихъ широко распространились болѣзни; офицеры и солдаты были одѣты въ лохмотья; жалованья никто не получалъ уже шестой мѣсяцъ. Число лошадей было уменьшено до минимума, а то, что оставалось (главнымъ образомъ конскій составъ артиллеріи), пришлось размѣстить, въ поискахъ фуража, далеко вглубь страны отъ расположенія отряда.

Къ концу февраля графъ Шуваловъ стянулся у Кеми около 4,000 человѣкъ. По общему плану на его колонну возлагалось наступленіе на Торнео, причемъ надлежало разбить близъ границы шведскія войска, захватить магазины и какъ можно быстрѣе продолжать движение къ Умео, на соединеніе съ Барклаемъ-де-Толли. „Никакія извиненія не будутъ приняты въ уваженіе и всѣ препятствія должны вы преодолѣть, дабы не быть послѣ въ отвѣтственности. Такова есть Высочайшая воля Государя Императора“—предписывалъ ему 2-го марта Аракчеевъ.

6-го марта графъ Шуваловъ извѣстилъ Гриппенберга о прекращеніи перемирія. Гриппенбергъ тотчасъ же принялъ мѣры къ тому, чтобы сосредоточиться въ Калликѣ, въ 70-ти верстахъ за Торнео;

послѣднее было занято небольшимъ авангардомъ, расположение котораго было усилено укрѣплѣніями, сдѣланными изо льда...

Сборъ шведскаго отряда съ квартиръ шелъ крайне медленно; помимо значительной разброски, задерживалъ недостатокъ продовольствія и, главное, запозданіе въ прибытии лошадей, которыхъ были далеко въ тылу. Гриппенбергъ упорствовалъ въ своемъ рѣшеніи собрать свои войска непремѣнно въ Калликсѣ. Какъ пишутъ шведскіе авторы (напримѣръ, Норденсванъ, стр. 446) сосредоточеніе корпуса съ отходомъ назадъ „противорѣчило его храбрымъ, рыцарскимъ понятіемъ“. А между тѣмъ, „рыцарство“ Гриппенберга нарушило извѣстный совѣтъ Наполеона — „никогда не назначать для сбора своихъ войскъ такой пунктъ, въ которомъ противникъ могъ предупредить въ значительныхъ силахъ“. Въ данномъ случаѣ — это оправдалось въ полной мѣрѣ. Пока шведы медленно стягивались къ Калликсу, нашъ Улеаборгскій корпусъ быстро двигался къ Торнео двумя дорогами; правая колонна самого Шувалова шла по сушѣ, а лѣвая, генераль-маюра Алексѣева, направилась по льду залива прямо на островъ Бюренъ, т. е. выходила въ тылъ непрѣятельскому авангарду. Въ войскахъ Алексѣева роздано было до 800 паръ лыжъ, но жестокій 30-ти-градусный морозъ не позволялъ ими пользоваться.

Торнеоскій авангардъ не принялъ боя и спѣшно отступилъ, бросивъ болѣе 200 больныхъ, часть оружія и продовольствія. Послѣдній передъ Торнео переходъ Шуваловъ сдѣлалъ болѣе 30-ти верстъ въ 6 часовъ, не имѣя почти отсталыхъ; что же касается Алексѣева, то его колонна прошла 50 верстъ. На другой день преслѣдованіе продолжалось тѣмъ же порядкомъ. Пройдя 35 верстъ за Торнео, авангардъ графа Шувалова, бывшій подъ начальствомъ Эриксона, настигъ шведскій аріергардъ; завязалась слабая перестрѣлка; солдаты при 27° мороза не могли стрѣлять — у нихъ коченѣли руки. Шведскій аріергардъ (находившійся впереди Калликса въ 18 верстахъ) — 2 баталіона подъ начальствомъ извѣстнаго уже намъ подполковника фонъ - Фіандта — отстрѣливался слабо и уже собирался очищать позицію и отступать, какъ со стороны Шувалова послѣдовала попытка войти съ непрѣятелемъ въ переговоры. Онъ послалъ полковника Ансельма-де-Жибори предложить Гриппенбергу сдѣлаться, указывая на безполезность сопротивленія, такъ какъ Умео занято Барклаемъ. Немедленно военные дѣйствія были прекращены, и авангарды остались другъ противъ друга въ ожиданіи результата сношеній нашего переговорщика съ начальникомъ шведскаго корпуса, находившимся въ Калликсѣ. Дѣло было подъ вечеръ, такъ что свиданіе состоялось уже около по-

луночи. Гриппенбергъ и Пальмфельдъ сошлись съ Ансельмомъ въ деревушкѣ Сангисъ, близъ расположения шведского аріергарда. Нашъ парламентеръ весьма искусно смущалъ и вводилъ въ заблужденіе шведовъ, что силы графа Шувалова въ нѣсколько разъ превосходятъ ихъ собственныхъ и могутъ легко подавить ихъ, имѣя тѣмъ болѣе возможность все время обходить ихъ по льду Ботническаго залива, а сверхъ того—путь отступленія вглубь страны будетъ прегражденъ Вазаскимъ русскимъ корпусомъ. Но Гриппенбергъ, не имѣя еще свѣдѣній о переходѣ Кваркена, отвергъ предложеніе. Тогда атака была возобновлена. Войска наши надвинулись съ фронта, артиллерія открыла огонь, а Алексѣевъ продолжалъ обходить свой по льду залива. Но уже вскорѣ отъ шведскаго генерала прибылъ парламентеръ съ предложеніемъ войти въ переговоры. Объясняется эта перемѣна тѣмъ, что въ Калликѣ, куда Гриппенбергъ снова вернулся, его ожидало извѣстіе о занятіи Умео нашими войсками. Такимъ образомъ, путь отступленія былъ Гриппенбергу дѣйствительно переключенъ. При этомъ извѣстія дошли преувеличенныя, а именно—что Умео занято 9—10 тыс. чел. пѣхоты съ 700—800 коннicy... Тревожныя вѣсти эти побудили храбраго и непреклоннаго, но мало-искуснаго Гриппенберга созвать военный совѣтъ. Не встрѣтивъ сочувствія на совѣтѣ своему намѣренію сопротивляться, Гриппенбергъ ушелъ съ совѣта, разразившись проѣлятіями, и не дождавшись какого-либо рѣшенія.

Графъ Шуваловъ на перемиріе согласія не изъявилъ, а потребовалъ сдачи, давъ сроку четыре часа на принятие поставленныхъ имъ условій. 13-го марта подписана была въ Калликѣ капитуляція, по которой: а) корпусъ Гриппенберга обязывался положить оружіе; б) финны отпускаются домой, давъ честное слово не служить до мира; шведы должны также присягнуть, что не будутъ служить въ эту войну, и ихъ отпустятъ тогда въ Швецію; в) все оружіе и боевые припасы должны быть сданы; г) обозъ оставленъ при войскахъ; д) всѣ магазины вплоть до Умео передаются русскому комисару.

Всего сдалось шведовъ, съ нестроевыми, свыше 7 тысячъ¹⁾; изъ нихъ 1.600 больныхъ; орудій взято 22, знаментъ 12.

Калликская капитуляція (по словамъ Михайловскаго - Данилевскаго) „разрушила послѣднее звено, соединявшее Финляндію съ Швеціей“, такъ какъ съ этого дня финны прекратили участіе въ войнѣ, и оборона Швеціи легла исключительно на ея коренные войска. Въ шведской литературѣ высказывались нерѣдко предположенія, что

¹⁾ По шведскимъ свѣдѣніямъ 2 тысячи; въ доказательство приводятся точныя археометрические подсчеты. См. Норденсванъ стр. 431. Въ свою очередь, Михайловскій-Данилевскій основываетъ свою данную на шведской же строевой запискѣ, подписанной Гриппенбергомъ и врученной Шувалову.

капитуляція являлась слѣдствиемъ подкупа; любопытно, говоря кстати, что подобный обвиненія возникаютъ у шведовъ чрезвычайно легко. На самомъ дѣлѣ, состояніе войскъ Гриппенберга, составъ ихъ (преимущественно изъ рвущихся домой финновъ) и изолированное положеніе на крайнемъ сѣверѣ страны,—причины вполнѣ достаточны для объясненія совершившагося. Надобно еще прибавить извѣстія о государственномъ переворотѣ, неизвѣстность въ отношеніи ближайшаго будущаго и т. п.

Крупный успѣхъ, достигнутый графомъ Шуваловымъ, не получилось, однако, развитія, такъ какъ пришло извѣстное уже распоряженіе Аракчеева, въ силу котораго, въ виду заключенного имъ перемирия, сѣверный корпусъ нашъ отведенъ былъ въ Торнео и здѣсь задержался до весны. Одновременно съ этимъ въ самой Финляндіи произошли не лишнія важности событія въ политическомъ отношеніи, въ связи съ которыми находились отчасти, какъ смѣна главнокомандующаго, такъ и составленіе новыхъ наступательныхъ плановъ.

Итакъ, зимняя за-ботническая операдія, благодаря легковѣрію графа Аракчеева, разыгралась почти въ пустую и не привела къ желанному для насъ результату. Шведы на миръ не пошли, добившись только нужной имъ проволочки, вслѣдствіе отвода назадъ нашихъ трехъ колоннъ. А между тѣмъ обстановка для насъ сложилась исключительно благопріятная, какой не могъ предвидѣть первоначальный составитель плана операдіи, графъ Каменскій. Переворотъ и смута въ Стокгольмѣ, при слабости въ немъ войскъ и сравнительной близости Багратіона къ шведской столице, водвореніе Баркляя въ Умео, успѣвшаго захватить продовольствіе въ размѣрѣ обеспечивающемъ его наступленіе до Стокгольма, не преграждаемое никѣмъ; наконецъ,—капитуляція Гриппенберга въ Калликѣ, обнажавшая всю сѣверную Швецію—все это создавало условія, способствовавшія проявленію быстроты, смѣлости, даже дерзости въ исполненіи задуманного предпріятія. Такъ именно и понимали это, благодаря природнымъ военнымъ качествамъ, такіе отъ мозга костей и до конца ногтей военные люди, какъ Кульевъ и Багратіонъ, нетерпѣливо и стремительно гнавшіе передъ собою шведовъ. Ихъ замыселъ заключался въ томъ, чтобы съ налета, вися на хвостѣ у противника, захватить и самую его столицу; при томъ беззначали, которое въ данную минуту царilo въ Швеціи, такой захватъ дѣлалъ насъ господами положенія, и намъ оставалось только диктовать побѣжденнымъ свои условія... Тогда, само собою разумѣется, наши стремленія закрѣпить за собою Финляндію съ Аландомъ показались бы всѣмъ только умѣренными...

ГЛАВА XIII.

За-Ботническая операция 1809 года.

Наступление гр. Шувалова.—Бой у Шелефтё.—Перерывъ морскихъ сообщеній черезъ Ботнику.—Наступление Сандельса.—Дѣло при Бернсфорсѣ.—Начатіе мирныхъ переговоровъ въ Фридрихсгамѣ.—Графъ Каменскій въ Вестроботніи.—Наступательный замыселъ шведовъ.—Соображенія Каменскаго.—Его наступленіе и положеніе къ 5-му августа.—Бой у Севара 7-го августа и у Ратана 8-го августа.—Отступленіе Вреде.—Результатъ операциі.—Дѣйствія на морѣ въ 1809 году.—Ихъ значеніе.—Опѣнка лѣтней кампаніи 1809 года.

18-го апрѣля графъ Шуваловъ началъ свое наступленіе въ Вестроботнію четырьмя „колоннами“ (правильнѣе—эшелонами), изъ коихъ первая (авангардъ) подъ начальствомъ Эрикссона, вторая и третья—Алексѣева и Тучкова 4-го, а четвертая (следовавшая изъ Улеаборга)—Готовцева. Прибытия послѣдней графъ Шуваловъ не сталъ дожидаться и пошелъ изъ Торнео только съ первыми тремя, общую численностью въ 5.000 человѣкъ. Частною задачею Шувалову было поставленъ захватъ шведскихъ продовольственныхъ магазиновъ; изъ нихъ ближайшимъ къ границѣ и наиболѣе снабженнымъ запасами былъ находившійся въ Шелефтѣ, примѣрно на полу-пути между Лулѣо и Умео, на параллели финляндскаго города Брагестада. Въ калликской „конвенції“ собственно говоря значилось, что русскимъ уступаются всѣ магазины, находящіеся между Калликскомъ и Умео, другими словами—и Шелефтинскій. Но новый главнокомандующій шведскихъ войскъ, Вреде, не призналъ этого условія и приказалъ охранять магазинъ войсками.

Отряду полковника Фурумарка было приказано усилить гарнизонъ въ Шелефтѣ и прекратить вывозъ запасовъ русскими. Всего тамъ набралось около 800 человѣкъ... Вмѣстѣ съ тѣмъ Фурумарку было вѣдьно какъ можно скорѣе вывозить изъ Шелефтѣ всѣ бывшіе тамъ запасы и имущество на югъ.

26-го апрѣля графъ Шуваловъ форсированнымъ маршемъ пришелъ въ Питео, оставивъ на пути этапныя команды для обеспеченія подвоза, такъ какъ отбирать припасы у крестьянъ онъ не находилъ выгоднымъ, опасаясь вызвать восстаніе, которое могло бы грозить серьезно нашему тылу. Однако, и подвозъ организовать было мудрено, такъ какъ крестьяне прятались по лѣсамъ, уводя лошадей и повозки, и сборъ перевозочныхъ средствъ былъ весьма затруднителенъ.

Въ свою очередь Фурумаркъ не успѣлъ выполнить возложеній на него задачи по очищенію Шелефтѣ и ему волей-неволей пришлось принять здѣсь бой... 2-го мая графъ Шуваловъ сосредоточилъ свои войска въ деревнѣ Сторкуге (верстахъ въ десяти отъ Шелефтѣ) и распорядился слѣдующимъ образомъ: генералъ-майоръ Алексѣевъ, съ четырьмя полками пѣхоты (Ревельскимъ, Сѣвскимъ, Могилевскимъ и 3-мъ егерскимъ) и небольшою частью казаковъ, посланъ по еще державшемуся у береговъ льду Ботническаго залива на Итервики, прямо въ тылъ непріятелю (черт. № 23). Пушки этой колонны были разобраны, положены на сани и по сторонамъ ихъ шли особо назначенные люди, придерживавшіе въ виду слабости льда орудія на длинныхъ веревкахъ (отъ 10 до 15 саженъ). Алексѣевъ долженъ былъ выступить 3-го мая рано утромъ, но такъ какъ это число падало на понедѣльникъ, то онъ не хотѣлъ начинать въ „тѣжелый день“ столь рискованнаго марша и выговорилъ себѣ у Шувалова разрѣшеніе выступить за $\frac{1}{4}$ часа до полуночи, т. е. еще въ воскресенье. Съ остальными 4-мя полками (Низовскимъ, Азовскимъ, Калужскимъ и 20-мъ Егерскимъ) самъ Шуваловъ пошелъ большою дорогою.

Шведы получили наканунѣ свѣдѣнія о силахъ русскихъ и о направлѣніи ихъ наступленія и Фурумаркъ тотчасъ-же донесъ о томъ главнокомандующему. Шведскіе источники¹⁾ утверждаютъ, что послѣдній, предвидя возможность обхода русскими фланговъ всѣхъ шведскихъ позицій²⁾, торопилъ вооруженіе военнаго флота, съ тѣмъ, чтобы, выславъ его какъ можно скорѣе въ море, успѣть преградить русскимъ возможность одолѣвать оборонительныя линіи при содѣйствії высадокъ... Но Вреде не ожидалъ, чтобы кампанія могла начаться раньѣ конца мая; такимъ образомъ, быстрое наступленіе Шувалова въ Вестроботнію застало непріятеля въ неготовности и, главное, въ невозможности успѣть исправить свою разброску.

Обратимся къ боевому столкновенію у Шелефтѣ...

Шедшій въ авантгардѣ Шувалова Эриксонъ долженъ былъ прежде всего овладѣть длиннымъ мостомъ на рекѣ Шелефтѣ, раньше чѣмъ противникъ истребить его. Назначенный для этой атаки подполковникъ Карпенковъ, свернувъ съ дороги, пошелъ лѣсомъ, вплотную подходившимъ къ Шелефтѣ съ сѣверо-востока. Спѣшные казаки, подъ начальствомъ есаула Орѣхова, составлявшіе головной отрядъ первые пробрались, совершенно незамѣченные непріятелемъ и, какъ снягъ на голову, на него бросились. Противникъ, уже начавшій ломать мостъ, былъ ошеломленъ до того, что быстро отступилъ по дорогѣ къ

¹⁾ Норденсванъ, 448.

²⁾ Обширныя приготовленія въ прибрежныхъ финляндскихъ портахъ по подготовкѣ водоплавальныхъ средствъ, затѣянныя нами еще зимою, очевидно, не могли быть въ Швеціи тайной.

Итервику (откуда должна была появиться обходная колонна). Благодаря смѣлому налету Карпенкова (которому впослѣдствіи графъ Шуваловъ приписывалъ весь послѣдующій успѣхъ), мы почти безнаказанно овладѣли переправой и весь отрядъ Шувалова, неотступно идя за своимъ авангардомъ, вскорѣ перешелъ на западный берегъ рѣки, тѣсня непріятеля къ морю. Шведы тянулись длиною колонной, прикрывая транспортъ орудій, припасовъ и проч. имущества, вывозимаго изъ Шелефте. Вдругъ, на полу-пути до Итервика, приходитъ къ нимъ извѣстіе о приближеніи русскихъ войскъ по заливу. Въ первую минуту Фурумаркъ не повѣрилъ и даже арестовалъ доставившаго донесеніе офицера. Дѣйствительно, смѣлость этого движенія была изумительна! 3-го мая повсюду пробивалась свѣжая трава, ледъ на заливѣ еле-еле держался и былъ покрытъ полыньями, черезъ которыхъ набрасывали помосты. Достаточно сказать, что два дня спустя, т. е. 5-го мая, заливъ былъ *совершенно свободенъ* ото льда! Войскамъ мѣстами пришлось идти по колѣна въ водѣ, нагнанной на ледъ вѣтромъ; близъ берега ледъ отошелъ отъ него на полверсты и болѣе; пришлось *удлинить* обходъ на нѣсколько верстъ, чтобы получить возможность выбраться на сушу...

Наконецъ, Алексѣевъ вышелъ на берегъ, авангардомъ атаковалъ голову шведского прикрытия, разбилъ его и овладѣлъ обозомъ.

Когда же подошли главные силы Фурумарка (прикрывавшія обозъ, понятно, съ сѣвера, откуда шелъ Шуваловъ) они нашли путь прегражденнымъ колонною Алексѣева, расположенною въ боевомъ порядке. Зажатому въ клещи, Фурумарку оставалось только капитулировать, что онъ и сдѣлалъ, сдавъ намъ 691 человѣка плѣнныхъ, 22 орудія и 4 знамени...

Шведскіе источники объясняютъ нѣсколько иначе захватъ Фурумарка. Предупрежденный о появленіи русской колонны на льду онъ, будто бы, лишь въ силу необходимости долженъ былъ идти по дорогѣ на Итервикъ и далѣе берегомъ моря, такъ какъ иначе двигаться ему препятствовали *тяжести*. Путь отъ Шелефте на юго-западъ,—спасавшій отрядъ отъ окруженія—былъ плохую, едва проѣзжую дорогою и притомъ еще занесенную снѣгомъ: нагруженныя повозки тамъ пройти не могли. Замѣтимъ, однако, что вывозъ тяжестей можно было начать *гораздо раньше*, какъ только стали поступать до несенія о наступленіи русскихъ. О занятіи ими Питео (въ 5 переходахъ съвернѣ Шелефте) Фурумаркъ имѣлъ свѣдѣнія *за недѣлю* почти до боя...

Смѣлый ударъ при Шелефте является однимъ изъ типичныхъ, наиболѣе поучительныхъ и интересныхъ боевъ этой войны. Рискъ былъ, правда, большой,—главнымъ образомъ, въ отношеніи *опасности*

24-верстного перехода по ненадежному льду; но, въ случаѣ удачи этого движенія, успѣхъ бытъ несомнѣненъ и притомъ полный. Нельзя не видѣть въ этомъ бою полнагоуваженія въ значенію внезапности, этой рѣшающей данной на войнѣ... Не ограничивалась впечатлѣніемъ обхода, наши частные начальники (Эриксонъ, Карпенковъ, Орѣховъ) не брезгуютъ возможностью воспользоваться тою же внезапностью и при фронтальной атакѣ, разъ мѣстность и безпечность противника этому способствуютъ... Значительное превосходство силъ нашихъ особенной роли при этомъ не играло: по условіямъ мѣстности (льсные дефиле) все было сдѣлано одними головными частями; больше $\frac{3}{4}$ корпуса Шувалова оставалось въ походной колоннѣ и не приняло участія въ бою.

Графъ Вреде, донося герцогу Карлу Зюдерманландскому объ этомъ дѣлѣ, высказалъ, между прочимъ, что несчастье Шелефтинскаго отряда принадлежитъ къ разряду событий, которые не зависятъ отъ власти человѣческой". Но заблаговременное очищеніе магазина вполнѣ зависѣло отъ распоряженій если не самого главнокомандующаго, то хотя бы начальника отряда. Послѣ Калликса прошло больше мѣсяца, поэтому времени на приведеніе въ исполненіе такихъ распоряженій было вполнѣ достаточно. Но даже и непосредственно передъ боемъ, когда наступленіе русскихъ вполнѣ обозначилось и притомъ въ превосходныхъ силахъ, Фурумарку, если бы онъ яснѣе представлялъ себѣ обстановку, нечего было долго раздумывать, а надлежало не теряя ни минуты, вывозить тяжести и прикрывать ихъ своимъ отступленіемъ. Средствъ для выполненія этого у него было вполнѣ достаточно: онъ былъ въ родной странѣ—этимъ все сказано. Разъ тяжести остались при отрядѣ, онъ понятно, задержали выступленіе шведовъ изъ Шелефте, ибо самое оставленіе отряда въ этомъ пункѣ, на отлетѣ отъ района общаго сосредоточенія шведскихъ войскъ, объясняется только ошибочнымъ оставленіемъ запасовъ подъ самымъ носомъ у русскихъ... Очевидно, шведы еще не усваивали себѣ того условія данной обстановки, въ силу котораго для насъ *продовольственный вопросъ* являлся важнѣйшимъ; слѣдовательно, лучшимъ способомъ затормозить намъ наступленіе было бы очищеніе пограничной части Вестроботніи отъ *всякихъ средствъ*, не останавливаясь даже передъ разореніемъ края, какъ это дѣлывалъ Петръ Великій въ Сѣверную войну, что, казалось бы, шведамъ должно было быть хорошо памятно...

А между тѣмъ, ихъ столь послѣшно вооружаемый флотъ изготавливался не для перерыва нашихъ морскихъ сообщеній, чтобы, съ прекращеніемъ подвоза запасовъ моремъ, поставить наши войска въ Западной Ботніи въ трудное положеніе, а только съ дѣллю чисто-

оборонительной: помѣшать намъ производить на шведскомъ берегу высадки для содѣйствія своему наступленію.

Получивъ печальную вѣсть о капитулациіи Фурумарка при Шеллфте, Вреде приказалъ фонъ Дебельнуѣхъ хать въ Умео и вступить въ командование войсками, оборонявшими сѣверную Швецію. Предъѣстнику его, Кронстедту, страдавшему отъ послѣдствій тяжелой раны и потому не имѣвшему возможности проявить необходимой дѣятельности, разрѣшено было уѣхать въ тылъ. Въ этотъ періодъ войны вообще замѣчается стремленіе прибѣгать къ назначению фонъ Дебельна всякой разъ, какъ обстоятельства осложняются: на немъ, какъ на единственномъ не утратившемъ силы духа генералѣ, сосредоточиваются послѣдніе лучи шведскихъ упований...

Въ наставленіи фонъ Дебельну было указано, не вовлекаясь по возможности въ бой съ противникомъ, дабы не рисковать остатками вооруженныхъ силъ, стараться выиграть время, чтобы благополучно отступить изъ Вестро-Ботніи и вывезти оттуда все продовольствіе. Самъ Вреде опасался возможныхъ высадокъ нашихъ войскъ на побережье Средней Швеціи, какъ только очистится окончательно море (въ эту весну ледъ долго держался у береговъ); поэтому онъ держалъ свои силы сосредоточенными въ предѣлахъ провинціи Онгерманландъ (Angermanland) ¹⁾.

По прибытии въ Умео, фонъ Дебельнѣхъ увидѣлъ всю трудновыполнимость предстоящей ему задачи. Запасовъ было огромное количество ²⁾; вывести ихъ грунтовыми путями потребовало бы много времени, да и не удалось бы скоро собрать потребного числа лошадей; заливъ у береговъ еще былъ покрытъ льдомъ, а купеческія суда не снаряжены...

Шведскому генералу понадобилось проявить всю присущую ему энергию и настойчивость, чтобы заставить судохозяевъ немедленно приняться за работу и изготовить десять транспортовъ для погрузки всего бывшаго въ Умео военнаго имущества... „Неусыпно слѣдилъ за всѣмъ его бдительный глазъ“ ³⁾. Но всетаки едва ли удалось бы ему достигнуть желанной цѣли, если бы не придуманная имъ уловка для задержанія наступленія русскихъ. И всего удивительнѣе, что графъ Шуваловъ поддался здѣсь на ту же удочку, на которую недавно, и съ тѣмъ же Дебельномъ, попался Аракчеевъ на Аландѣ. Шведскій генералъ не постыдился повторить свой кунштокъ, на-

¹⁾) Норденсванъ, стр. 450. Онъ основываетъ свое описание Вестро-Ботнійской операции на официальныхъ бюллетеняхъ, запискахъ Монгомерри, Бурмана и на замѣткахъ самого фонъ Дебельна.

²⁾) Шведскіи источники опредѣляютъ цифру всего спасенного Дебельномъ имущества въ 300,000 риксдалеровъ, не считая 31 орудія.

³⁾) Норденсванъ, 451.

дѣясь на легковѣріе противника и играя на „благородныхъ чувствахъ“. И эти надежды его вполнѣ оправдались...

Къ счастью для Дебельна, дальнѣйшее наступленіе графа Шувалова послѣ Шелефте къ югу не могло совершаться быстро, такъ какъ его задерживали переправы черезъ рядъ широкихъ рѣкъ, устья которыхъ еще болѣе разлились во время половодья... Не будь этого невольного промедленія, слабымъ силамъ шведовъ (по показаніямъ ихъ источниковъ, всего не болѣе 1,200 чел.) не пришлось бы противиться вчетверо сильнѣйшему русскому отряду и Умео съ его запасами былъ бы безусловно отданъ побѣдителю. Но, чтобы еще вернѣе заручиться временемъ, фонъ Дебельнъ написалъ 11/23 мая графу Шувалову письмо, въ которомъ сообщалъ, что заключеніе мира между Россіей и Швеціей близко, что уже назначенъ для переговоровъ уполномоченный, который готовъ къ отѣзду въ Россію и ждетъ лишь присылки паспортовъ изъ Петербурга... Поэтому, такъ какъ дальнѣйшее кровопролитіе является совершенно безполезнымъ, шведскій генералъ предлагалъ заключить перемирие до 20-го мая (6-го іюня), обязываясь къ этому сроку постепенно очистить Вестро-Ботнію, оставивъ губернатора ея въ нашихъ рукахъ въ видѣ заложника... „Устарѣвъ въ военной службѣ, приближаясь къ концу моего поприща и увѣренный въ скоромъ подписаніи мира, я руководимъ только человѣколюбiemъ; въ настоящемъ случаѣ оно должно взять верхъ надъ безполезною словою“.

Нельзя не пожалѣть, что во главѣ нашего Вестро-Ботнійского корпуса, вместо молодого сравнительно царедворца, не искушенного въ горнилѣ военного опыта, не стоялъ, можно сказать, „травленый волкъ“, подобный „князю Петру“ Багратіону.. Если бы послѣдняго не остановили въ мартѣ Аракчеевъ съ Кноррингомъ—онъ несомнѣнно дошелъ бы до воротъ Стокгольма, пока старшіе рѣшили бы вопросъ о томъ, какъ отвѣтить на предложеніе о перемирии... Что же касается графа Шувалова, то онъ въ данномъ случаѣ совершилъ крупную ошибку, сильно умалившую тотъ блескъ, который только что доставило ему успѣшное плененіе шведскаго отряда въ Калликѣ...

Отвѣтивъ сперва, какъ и слѣдовало, что не будучи облечень правомъ рѣшать политическіе вопросы, онъ не можетъ брать на себя заключеніе перемирия, а потому отправилъ письмо фонъ Дебельна главнокомандующему, Шуваловъ тѣмъ не менѣе „равномѣрно желая щадить кровь“ (какъ писалъ онъ Дебельну) *приостановилъ* наступленіе. Переговоры *заязались*—того только и было нужно шведамъ. Пока присланный Шуваловымъ въ Умео квартирмейстерскій офицеръ уставливался со шведами о срокѣ очищенія ими Умео, и о томъ чтобы наши передовыя войска продвинуты были до южной границы

провинціи Вестро-Ботнії, въ томъ же Умео, съ лихорадочной поспѣшностью заканчивались снаряжение и нагрузка транспортныхъ судовъ и выводъ ихъ въ море черезъ прорубленные во льду каналы... Наконецъ, въ тотъ самый день 14 мая, когда заключена была Шуваловы́мъ, не дожидаясь разрыва́ния главнокомандующаго, конвенція о передачѣ намъ 17-го мая Умео,—семь кораблей вышло изъ Умеосскаго порта и 18-го мая прибыло въ Гернезандъ... Такимъ образомъ, всѣ запасы и все имущество шведовъ были благополучно вывезены, а войска получили возможность безнаказанно уйти отъ ударовъ превосходныхъ силъ противника и, избѣгнувъ весьма вѣроятнаго отдельного пораженія, приблизиться къ главнымъ силамъ барона Вреде... Дебельнъ расположилъ свои силы за рѣкою Эре, уперевъ правый флангъ въ море, на которомъ вскорѣ появилась флотилія канонерокъ; лѣвый же его флангъ прикрывался обширными труднопроходимыми лѣсами, простиравшимися до границы Норвегіи.

Получивъ донесеніе графа Шувалова о переговорахъ съ Дебельномъ главнокомандующій Барклай-де-Толли немедленно отвѣчалъ ему, что „перемирія заключать не нужно“. „Предметъ движенія нашихъ войскъ къ Умео—пояснялъ онъ дальше—заключается въ угроженіи непріятелю дѣятельнѣшему войною въ самой Швеціи, ежели держава сія не скоро согласится на миръ. Занявъ Вестро-Ботнію, неосновательно идти далѣе, не обеспечивъ себя продовольствіемъ, почему *самое главное* должно состоять въ снабженіи войскъ съѣстными припасами, и быть потомъ готовыми къ дѣйствіямъ, какія укажутъ обстоятельства“¹⁾.

Нельзя яснѣе и точнѣе опредѣлить особенности обстановки, при которой приходилось дѣйствовать нашему наступающему корпусу... Но увы! Предупрежденія Барклая запоздали и самонадѣянный Шуваловъ уже совершилъ ту ошибку, которая, вслѣдствіи неготовности нашихъ морскихъ силъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ отразилась на послѣдующемъ ходѣ кампаніи... Самъ Шуваловъ, „по болѣзни“ сдалъ начальство надъ войсками генералу маюру Алексѣеву и, такимъ образомъ, лично избѣжалъ тѣхъ тяжелыхъ послѣдствій, которыхъ повлекъ за собою его недостаточно обдуманный образъ дѣйствій...

Вступивъ въ Умео, Алексѣевъ продвинулъ, какъ было условлено, свои передовыя части къ южной границѣ Вестро-Ботніи и занялъ отдельными отрядами рядъ пунктовъ по побережью Ботническаго залива...

Мѣстными средствами довольствоваться не было возможности; край былъ уже истощенъ долговременнымъ въ немъ пребываніемъ швед-

¹⁾ Изъ всеподданнѣйшаго донесенія Барклая-де-Толли № 72. Курсивъ нашъ.

сихъ войскъ, а всѣ бывшіе въ магазинахъ запасы были увезены распоряженіемъ фонъ-Дебельна, или уже использованы ранѣе нами... Приходилось организовать кружный подвозъ сухимъ путемъ черезъ Улеоборгъ и Торнео. Дѣло это было наложено съ огромными затрудненіями. Такъ какъ въ Финляндіи собрать потребное количество подводъ даже за плату не удавалось, то еще въ февралѣ мѣсяцѣ, въ предвидѣніи открытия весною наступленія въ Швецію, была организована поставка повозокъ съ упряжью и лошадьми въ губерніяхъ Новгородской и Тверской; оттуда вытребовано до 500 подводъ и собрано по наряду 250 ямщиковъ въ собственной одеждѣ. За каждую подводу, платилось изъ казны по 150 рублей, да сверхъ того по 10 рублей на каждую починку. Довольствіе лошадей и подводчиковъ до Петербурга производилось на мірской счетъ, а отъ Петербурга онѣ поступали уже на содержаніе провіантскаго департамента. На рядъ погонщиковъ былъ засчитанъ въ рекрутскую повинность, а подводы и лошади съ упряженіемъ были впослѣдствіи, по минованіи въ нихъ надобности, отданы ямщикамъ въ собственность.

Несмотря на такія огромныя затраты, доставка запасовъ, частью черезъ Торнео, частью въ финляндскімъ портамъ для перевозки затѣмъ черезъ Ботническій заливъ моремъ, производилась съ задержками; но все же до половины іюня Алексѣевъ спокойно располагался въ Швеціи и, если не предпринималъ ничего, то и не испытывалъ никакихъ существенныхъ неудобствъ.

А между тѣмъ, вниманіе шведовъ въ это время было поглощено жаркими преніями собравшихся въ Стокгольмѣ государственныхъ чиновъ по вопросу о престолонаслѣдіи.., Расчеты на поддержку со стороны Наполеона, съ которымъ враждебная свергнутому Густаву IV Адольфу партія думала завязать сношеніе—не оправдались. Императоръ французовъ пока еще держалъ руку своего союзника и не имѣлъ еще поводовъ на него претендовать... Наши войска не воспользовались смутнымъ состояніемъ непріятельской страны и бездѣйствовали; это придало смѣлости противнику и, такъ какъ новое правительство, провозглашенаго, наконецъ, королемъ Карла Зюдерманландскаго нуждалось въ укрѣпленіи своего престижа, то было рѣшено предпринять что-либо активное. Обстановка какъ разъ благопріятствовала этому; отрядъ Алексѣева, далеко забравшійся вглубь Швеціи, было нетрудно изолировать, при условіи захвата въ свои руки господства на морѣ.

Въ 20-хъ числахъ іюня въ Ботническомъ заливѣ появились 2 шведскихъ фрегата и 1 бригъ. Появленіе этихъ судовъ, хотя и въ небольшомъ покамѣстъ числѣ, послужило тѣмъ не менѣе „первымъ предостереженіемъ“, изрядно встревожившимъ наше высшее командование.

Дѣло въ томъ, что несмотря на всѣ настоянія главнокомандую-
щаго, морскія наши силы до сихъ поръ не были въ надлежащей
готовности. Гребная флотилія только 24-го мая вышла изъ Або на
Аландъ. Морскія вооруженія въ Або и Улеоборгѣ для организаціи
правильнаго подвоза черезъ заливъ, шли такъ медленно, что Барклаю-
де-Толли пришлось жаловаться Государю на морское министерство.
„Вазская флотилія—доносилъ онъ 23-го Іюня—строеніемъ кончена,
но вооруженіе доставлено ей только 19-го сего мѣсяца, а такелажъ
еще необѣланный, огнестрѣльные же заряды и морскимъ служителямъ
провіантъ еще не доставлены, почему флотилія не прежде можетъ
выступить, какъ въ началѣ іюля, и только когда заряды и провіантъ
къ тому времени привезутся въ Вазу. Улеоборская флотилія едвали
окончена будетъ нынѣшнимъ лѣтомъ. По сіе время недоставлено въ
Улеоборгѣ, ни морской команды, ни такелажа, ни парусовъ, ни
другихъ матеріаловъ. По вступленіи моемъ въ командиніи армію,
я многократно требовалъ отъ морскаго начальства нужныхъ пособій
къ поспѣшному окончанію сихъ флотилій, отъ *коихъ* *засисть безопасность войскъ въ Вестро-Ботніи*, но медлительность распоряженій
морскаго департамента не соответствуетъ ни обстоятельствамъ ни
моимъ предначертаніямъ¹⁾). Изъ крупныхъ судовъ въ Вазу прибылъ
только одинъ фрегатъ „Богоявленіе“ подъ командой капитана-лей-
тенанта Менцеля, но въ довершеніе бѣды это единственное наше
судно, послѣ столкновенія съ двумя непріятельскими судами, оказалось
„выведено изъ строя“... Фрегатъ „Богоявленіе“ производя развѣдку въ
направленіи шведскихъ береговъ, наткнулся въ Кваркенѣ на 2 швед-
скихъ сорока-восьми пушечныхъ фрегата. Избѣгая неравнаго боя,
командиръ нашего судна пошелъ назадъ къ Вазѣ; шведы погнались
сзади, но вслѣдствіе наступившаго безвѣтря,— отстали. Засвѣжившій
къ 6 часамъ вечера снова вѣтеръ позволилъ непріятельскимъ фре-
гатамъ нагнать „Богоявленіе“ близъ входа въ проливъ ведущій
къ городу Вазѣ и здѣсь завязался бой... Одному изъ фрегатовъ
удалось сѣяться бортъ о бортъ съ нашимъ; другой, къ счастью,
приткнулся къ мели и не могъ помочь товарищу; это позволило коман-
диру „Богоявленія“ выйтіи благополучно изъ боя, хотя и съ повреж-
деніями. На другое утро послѣднія были исправлены и наши моряки
расчитывали возобновить бой, но непріятельскій фрегатъ, снявъ съ
мели товарища ушелъ съ нимъ вмѣстѣ въ море...

Это единственное въ эту войну чисто-морское дѣло имѣло то
отрицательное для насъ значеніе, что шведы окончательно овладѣли
моремъ и стали перехватывать наши транспортныя суда: мало того,

¹⁾ Въ архивахъ морского министерства имѣется обширная переписка, освѣщающая эти
пререканія.

отдѣльные небольшіе отряды на канонерскихъ лодкахъ проплыли вверхъ по рѣкамъ, тревожили отдѣльные отряды корпуса Алексѣева, расквартированного широко, захватили нѣсколько постовъ и т. п. Нашимъ войскамъ приходилось быть постоянно на чеку и они молодцы отражали нападенія такого рода, хотя, надо сказать правду, шведы дѣйствовали довольно осторожно и даже нерѣшительно,— настолько велико было ихъ уваженіе къ противнику послѣ ряда предшествовавшихъ его побѣдъ... Мало этого, повторены были прежнія попытки организовать народное движеніе въ тылу у Алексѣева; но характерно, что *населеніе коренной Швеціи оказалось въ этомъ смыслѣ гораздо менѣе податливымъ, чѣмъ въ Финляндіи:* въ сущности, попытку эту слѣдуетъ здѣсь признать совершенно неудавшейся...

Тѣмъ не менѣе г.-м. Алексѣевъ придавалъ слухамъ о народномъ движеніи въ своемъ тылу весьма большое значеніе и вообще находился въ состояніи чрезвычайно озабоченномъ и даже взволнованномъ. На такое душевное его состояніе оказалъ безусловно извѣстное вліяніе и неудачный опытъ его недавнихъ дѣйствій въ Кореліи, гдѣ ему съ очень слабыми силами довелось оказаться, можно сказать, въ самомъ пеклѣ финляндскаго народнаго движенія, да еще имѣя отрядъ, состоящій преимущественно изъ конницы...

„Будучи отъ Улеаборга въ разстояніи 600 верстъ (доносилъ онъ 16-го іюня), не имѣя никакой надежды не только получать провіантъ изъ Улеаборга, по причинѣ находящагося непріятельского флота какъ въ Кваркенѣ, такъ и въ сѣверной части Ботническаго залива, гдѣ вся коммуникація съ Финскимъ берегомъ прекращена, но даже уже и опасно курьеровъ посыпать сухимъ путемъ, поелику жители начинаютъ чинить неудовольствіе намъ, увидѣвшіи своихъ. Посланный курьеръ черезъ Кваркенѣ былъ уже перехваченъ. Изъ сего изволите усмотрѣть, что можно ли держаться мнѣ въ непріятельской землѣ по мѣстному ея положенію, не имѣвши до сихъ поръ ни единаго какого-нибудь военнаго судна, съ помощью котораго, по крайней мѣрѣ, коммуникація не была бы прекращена, и тогда мы могли бы надѣяться получить провіантъ, котораго у насъ болѣе нѣть, а на контрибуцію нельзѧ ужъ надѣяться“... Алексѣевъ уже предвидѣлъ „ту минуту“, когда будетъ „принужденъ оставить сей завоеванный край“... Интереснѣе всего, что все это доносилось не главно-командующему, а прямо графу Аракчееву, т. е. военному министру и отъ послѣдняго же непосредственно передано было Алексѣеву Высочайшее повелѣніе „держаться въ Умео до послѣдняго человѣка“, съ предупрежденіемъ, что „если оставитъ Умео безъ повелѣнія главно-командующаго, то отданъ будетъ подъ судъ“¹⁾...

¹⁾ Предписание Алексѣеву военнаго министра 27-го іюня, № 139.

А между тѣмъ, трудность положенія Алексѣева съ его отрядомъ все усугублялась... Настала весна съ ея обычнымъ въ этихъ мѣстностяхъ сильнымъ половодьемъ, вздувающимъ непомѣрно всѣ рѣки и ручьи вслѣдствіе обилія воды отъ тающаго снѣга. Это особенно относится до рѣкъ, берущихъ начало въ горахъ Лапландіи... На этотъ разъ половодье было особенно бурное, плавучій мостъ на рѣкѣ Умео, устроенный нашими войсками съ неизбѣжными затрудненіями, оказался разрушенъ.

Обстоятельство это побудило Алексѣева сблизить отдѣльныя группы своего отряда и онъ подтянулся ближе къ Умео свой авангардъ, прежде продвинувшійся почти вплоть до рѣки Эре, составлявшей какъ бы демаркаціонную линію между враждующими сторонами...

Въ это время у непріятеля окончательно созрѣлъ планъ наступательной операциіи противъ отряда Алексѣева. Добившись отправленія въ сѣверный Кваркенъ эскадры, состоявшей изъ 4-хъ фрегатовъ и гребной флотиліи, обеспечивавшей флангъ предполагаемаго наступленія, шведскій главнокомандующій Вреде даль, наконецъ, Сандельсу (смѣнившему Дебельна во главѣ авангарднаго корпуса шведовъ) согласіе на производство нападенія, главнымъ инициаторомъ котораго именно и былъ недавній смѣлый и талантливый руководитель обороны Саволакса...

Сандельсъ рѣшилъ перейти въ наступленіе и очистить отъ русскихъ отрядовъ пространство между рѣками Эре и Умео. Черезъ Эре былъ переброшенъ плавучій мостъ у Хокнѣса и въ ночь на 19-е юня авангардъ Сандельса перешелъ на сѣверный берегъ, а на слѣдующій день—и главныя его силы. Весь отрядъ Сандельса, по шведскимъ источникамъ, не болѣе 2.000 чel.; Михайловскій-Данилевскій (455) показываетъ его въ 3.000.

Внезапность задуманнаго Сандельсомъ нападенія не удалась благодаря измѣнѣ шведки, уроженки одного изъ занятыхъ нами селеній, имѣвшей родственника въ шведскомъ лагерѣ и, при посѣщеніяхъ его узнававшей о томъ, что тамъ дѣлается. Когда начальнику нашего авангарда, извѣстному уже намъ подполковнику Карпенкову, было сообщено ею о готовящемся на насъ нечаянномъ нападеніи, послѣдній послѣшилъ донести объ этомъ Алексѣеву, который рѣшилъ предупредить атаку противника и броситься на него самому. Онъ распорядился окончить какъ можно скорѣе исправленіе моста черезъ рѣку Умео и назначилъ отрядъ Козачковскаго (5 полковъ пѣхоты, $1\frac{1}{2}$ эск. драгунъ и $1\frac{1}{2}$ сотни казаковъ, съ 4-мя орудіями) для выполненія задуманнаго предпріятія.

Въ свою очередь Сандельсъ, получивъ свѣдѣніе о томъ, что русские исправили Умеоскій мостъ и переходя на южный берегъ рѣки,

повелъ свою бригаду имъ на встрѣчу. Густой лѣсъ, окаймлявшій съ обѣихъ сторонъ путь слѣдованія шведовъ, побудилъ Сандельса прі-остановить свой отрядъ за рѣкою Герненфорса, выславъ впередъ небольшой сторожевой отрядъ маюра Эрнрота. (черт. № 24).

Козачковскій раздѣлилъ свои силы на двѣ колонны; самъ съ полками Сѣвскимъ, Калужскимъ и 24 егерскимъ пошелъ большою доро-гою, а подполковника Карпенкова, „по его храбости и благоразумію“, выдѣлилъ въ обходъ лѣваго фланга шведовъ, черезъ лѣсъ, по едва проходимой тропинкѣ. По окончаніи обхода Карпенковъ дол-женъ былъ выстрѣлами дать о томъ знать фронтальной колоннѣ (за которой въ резервѣ слѣдовалъ Низовскій полкъ), послѣ чего Ко-зачковскій долженъ былъ броситься съ двумя полками на противника съ фронта, а 24-й егерскій полкъ Властова атаковать непріятельскій правый флангъ.

Еще съ вечера 21-го іюня шведскія передовыя части¹⁾ были сбиты у Седермьеле и подъ покровомъ лѣса присоединились къ сво-имъ. На слѣдующій день утромъ снова завязался бой на фронтѣ и наши войска здѣсь были отбиты. Но Сандельсъ, видя, что русскіе сами перешли въ наступленіе и что, такимъ образомъ, задуманное имъ предпріятіе выполнено быть съ успѣхомъ не можетъ, рѣшилъ, что самыми благоразумными въ его положеніи, какъ слабѣшаго, поступкомъ—будетъ возвращеніе на прежнюю позицію за рѣкою Эре, такъ какъ у Герненфорса, по мѣстнымъ условіямъ, никакихъ удобствъ для веденія боя не было. Открытое пространство вдоль лѣваго берега рѣки не превосходило шириною ста шаговъ, а вокругъ облегала совершенно плоская мѣстность, сплошь покрытая лѣсомъ, который мѣстами прилегалъ вплотную къ берегамъ рѣки... Только на запад-номъ берегу, близъ моста, на большой дорогѣ лѣсъ отступалъ нѣ-сколько отъ рѣки; на восточномъ берегу, правѣ моста, высилась церковь, а южнѣе, примѣрно въ 2.000 шагахъ, располагался Гернен-форсскій лѣсопильный заводъ съ многочисленными строеніями. Лѣс-ная дорожка шла вверхъ по рѣкѣ и тамъ, близъ д. Гернекаммаръ, былъ еще небольшой мостики. Кромѣ того, можно было обойти всю позицію по дорогѣ, выводившей на береговой трактъ въ 5-ти верстахъ южнѣе Герненфорса.

23-го и 24-го іюня Сандельсъ простоялъ спокойно у Герненфорса, пополняя въ войскахъ запасы продовольствія при посредствѣ при-бывшаго въ устье рѣки транспортнаго судна. Сторожевые заставы были расположены: одна восточнѣе устья рѣки, силою въ 50, другая

¹⁾ Бой при Герненфорсѣ въ русскихъ источникахъ изложенъ настолько кратко, что мы въ значительной мѣрѣ прибегли къ содѣйствію шведскихъ.

же, на большой дорогѣ и третья—впереди мостика у Гернхаммаръ, въ 100 человѣкъ. Одинъ баталіонъ бивакировалъ у кирки, два—за мостомъ вдоль дороги, вмѣстѣ съ артилеріей (6 орудій). *О противнике точныхъ ссыпній не имѣли; знали только, что онъ близко, т. е. патрули, державшіе въ лѣсу связь между заставами, безпрестанно натыкались на наши дозоры и то перехватывались ими, то кружными путями должны были присоединяться къ своимъ...*

Вечеромъ 25-го іюня тронулись наши войска отъ Седермьеле, причемъ Карпенковъ съ 26 егерскимъ полкомъ, какъ было условлено, свернулъ по дорогѣ на Гернхаммаръ.

На шведскихъ бивакахъ только что пробили вечернюю зорю и пропѣли установленные псалмы, какъ раздались выстрѣлы въ заставѣ, стоявшей на большой дорогѣ.

Сперва въ шведскомъ лагерѣ приняли это за обычную перестрѣлку передовыхъ постовъ, но вскорѣ трескотня выстрѣловъ такъ участілась, что уже не могло быть сомнѣнія въ серьезномъ нападеніи противника. Сандельсъ въ это время какъ разъ ужиналъ со своими офицерами; всѣ ловыскакали изъ-за стола и бросились къ окнамъ, выходившимъ на Умеоскую дорогу: несмотря на лѣсъ и надвигавшуюся темноту, не трудно было убѣдиться въ истинѣ. Всѣ бросились по мѣстамъ; въ лагерѣ былъ полный беспорядокъ; офицеры, обозные понтоны, солдаты, крестьяне—все смѣшалось въ толпу... Въ то же время изъ Гернхаммаръ прискакалъ гонецъ съ извѣщеніемъ, что русскіе тѣснятъ и тамошнюю заставу.

Раздосадованный Сандельсъ послѣшилъ къ мосту, близъ котораго кипѣла свалка. Оказалось, что застава на большой дорогѣ была захвачена врасплохъ Калужскимъ полкомъ; на огонь шведовъ наши отвѣтили еще болѣе энергичнымъ обстрѣливаніемъ и, смявъ противника, по пятамъ его преслѣдовали до самаго моста. Здѣсь шель ожесточенный штыковой бой; вскорѣ и Карпенковъ появился съ сѣверо-запада, наступая вдоль рѣки и тѣсня баталіонъ эстреботнійцевъ. Сандельсъ попытался устроить свои войска за мостомъ, дабы прикрыть отступленіе своего обоза; но наши напирали со всѣхъ сторонъ, неудержимо, стараясь окружить непріятеля съ обоихъ фланговъ; отступленіе—вѣрнѣе говоря бѣгство, дѣжалось для шведовъ неизбѣжнымъ исходомъ. Сандельсъ началъ отводить свои войска назадъ съ обоихъ фланговъ, а для прикрытия отступленія назначилъ баталіонъ подъ командою извѣстнаго партизана Дункера. Послѣдній мужественно отстаивалъ каждую пядь земли, пока, наконецъ, не оказался окончательно отрѣзанъ отъ своихъ. Сандельсъ уже послалъ своего адъютанта Монгомерри передать Дункеру приказаніе уходить какъ можно скорѣе; но уже колонна Карпенкова отрѣзала Дункеру

отступлениe. На предложение сдаться послѣднiй отвѣтъ командою для новаго залпа... Отвѣтнымъ залпомъ смѣльчакъ былъ сраженъ и нѣсколько часовъ спустя скончался на рукахъ у русскихъ солдатъ...

Шведы потеряли въ этомъ беззѣльномъ для нихъ бою много пленныхъ (5 офицеровъ и 125 нижнихъ чиновъ) и часть обоза. Багажъ самого Сандельса и его собственный столовый сервисъ достался въ руки нашимъ казакамъ, которые во время суматохи и штыковой свалки вынынули изъ лѣса и, по всегдашнему своему обыкновенiю, занялись добычей...

„При Гернѣфорсѣ съ трудомъ узнаешь Сандельса, котораго мы научились знать въ Саводаксѣ“, пишетъ Норденсванъ (457)...

Дѣйствительно, разъ замыселъ его оказался разгаданъ русскими и послѣднiе сами перешли противъ него въ наступлениe, разъ онъ уже принципiально рѣшилъ возвращаться,—его трехдневное выжиданiе у Гернѣфорса, да еще безъ основательного развѣдыванiя, является положительно непонятнымъ. Неужели же нужно было непремѣнно дождаться продовольствiя съ моря и нельзя было отойти назадъ на свои же магазины?..

Если бы Сандельсъ выждалъ нѣсколько и началъ свое наступление хотя бы недѣлю позднѣе, когда въ Ботнический заливъ прибыло на усиленiе шведской эскадры еще 2 фрегата, 1 англiйскiй корветъ и 6 меньшаго ранга судовъ, то, надо полагать, не ему бы пришлось искать перемирiя, а, наоборотъ, сами русскiе вынуждены были бы это сдѣлать. А теперь инициатива переговоровъ исходила отъ шведовъ и нашего уполномоченнаго барона Тейль-фонъ-Сераскеркена пригласили даже къ самому главнокомандующему Вреде: такъ велико было моральное впечатлѣнiе Гернѣфорсскаго дѣла... На перемирiе у насъ опять не согласились, опять послали къ главнокомандующему, но опять только формально, такъ какъ мы сами нуждались въ томъ, чтобы выговорить себѣ поскорѣе такiя условiя, которыхъ давали бы намъ обеспеченный подвозъ сѣбѣстныхъ припасовъ... Условiя эти были установлены слѣдующiя: а) шведамъ и русскимъ оставаться неподвижно въ занимаемыхъ позицiяхъ и предупреждать другъ друга за три недѣли о возобновленiи военныхъ дѣйствiй... б) отъ Умео до Вазы провести попереckъ Ботническаго залива демаркацiонную линiю, южнѣе которой неходить русскимъ, а сѣвернѣе—шведскимъ военнымъ кораблямъ, до начала военныхъ дѣйствiй¹⁾; в) по получeniю отвѣта нашего главнокомандующаго—извѣстить о томъ Сандельса.

Перемирiе это давало намъ возможность получить безпрепятственно въ Умео продовольствiе, безъ чего въ Вестроботнiи хватило бы хлѣба

¹⁾ Не принцiя въ расчетъ тѣхъ судовъ, которыхъ уже находились южнѣе этой черты.

только до 16-го августа... Условія перемирія представлены были главнокомандующимъ на Высочайшее усмотрѣніе и были утверждены, съ нѣкоторыми лишь измѣненіями, а именно: предупреждать о возобновленіи военныхъ дѣйствій только за четыре дня, вмѣсто трехъ недѣль, а затѣмъ, обусловить намъ свободу судоходства въ южной части Ботническаго залива по берегамъ Финляндіи...

Заключить перемиріе на этихъ условіяхъ долженъ быть уже не Алексѣевъ, а графъ Каменскій, назначенный вмѣсто него начальникомъ Улеаборгскаго корпуса. Одновременно съ этимъ назначеніемъ стѣхались и уполномоченные обѣихъ сторонъ въ Фридрихсгамѣ для начатія мирныхъ переговоровъ.

Въ назначеніи графа Каменскаго въ Вестроботнію нельзѧ не видѣть желанія Императора Александра имѣть въ своихъ рукахъ надежное средство для оказанія давленія на успѣхъ Фридрихсгамскихъ переговоровъ, въ случаѣ какихъ-либо тамъ несогласій или заминокъ.

Весеннія операциіи наши въ Вестроботніи, несмотря на тактическіе успѣхи при Шелефѣ и Герненфорсѣ, велись, въ общемъ, довольно вяло и даже съ нѣкоторою робостью. Необходимость сообщеній, зависѣвшая отъ невыполненія морскимъ министерствомъ необходимыхъ приготовленій и потому отъ невозможности для насъ прочно утвердиться въ сѣверной части Ботническаго залива, порождала въ нашихъ начальникахъ неувѣренность, какъ бы связывавшую ихъ по рукамъ и по ногамъ. Поэтому одерживаемые нами на поляхъ сраженій успѣхи пропадали совершенно даромъ; время уходило попаrasну на переговоры, а слишкомъ явная къ нимъ склонность наша достаточно прозрачно обнаруживала противнику, насколько мы, въ сущности, неловко себя чувствовали „за моремъ“...

Между тѣмъ, для достиженія такихъ условій мира, которыхъ были намъ нужны, необходимо было показать противнику непреклонную рѣшимость и настойчивость, нужно было поразить его воображеніе новыми сокрушительными ударами... Для этой цѣли, конечно, трудно было сдѣлать лучшій выборъ, такъ какъ Каменскій уже успѣлъ достаточно отрекомендовать себя именно въ указанномъ смыслѣ...

Конечно, вопросъ рѣшался бы гораздо легче, если бы мы могли двинуть въ сѣверную часть Ботническаго залива достаточно сильный флотъ, который, постепенно очищая заливъ отъ судовъ непріятеля и прикрывая сообщенія нашего шведскаго корпуса, обеспечивалъ бы ему свободу дѣйствій въ Швеціи... Но уже въ началѣ іюня выходъ нашему флоту изъ Кронштадта (какъ увидимъ ниже) былъ окончательно закрытъ.

Такимъ образомъ, графу Каменскому пришлось дѣйствовать въ Вестроботніи при исключительно-трудныхъ обстоятельствахъ.

Графъ Каменскій прибылъ въ Умео 23-го іюля. Тремя днями позже, 26-го іюля, прибыли въ Або шведскіе уполномоченные для веденія мирныхъ переговоровъ ¹⁾, которые тотчасъ-же отправились въ Фридрихсгамъ, гдѣ ожидали ихъ русскіе уполномоченные во главѣ съ канцлеромъ графомъ Румянцовымъ.

Такимъ образомъ, операція графа Каменскаго въ Вестро-Ботніи происходила во время переговоровъ о мирѣ и самымъ существеннымъ образомъ повліяла на ихъ исходъ, съ точки зренія русскихъ интересовъ. Къ этому собственно говоря, сводится ея значеніе въ общемъ ходѣ войны.

Въ ожиданіи введенія въ дѣйствіе условія, дозволявшаго перевезти продовольствіе на шведскій берегъ прямо водою, Каменскій засталъ свой корпусъ на сокращенной дачѣ. Люди получали всего $\frac{2}{3}$ провіанта; правда, недостающую часть пополняли путемъ увеличенія количества мяса, но скоро и это стало невыполнимымъ, за его истощеніемъ на мѣстѣ. Между тѣмъ шведы съ умысломъ затягивали отвѣтъ на поставленныя нами условія перемирія, пользуясь чѣмъ суда ихъ продолжали преграждать намъ подвозъ черезъ море: тѣ изъ купеческихъ кораблей, которые рискнули совершить этотъ рейсъ, попались въ руки непріятеля...

Итакъ, противникъ обращалъ всецѣло въ свою пользу ту неизбѣжную проволочку, которая проистекала всякий разъ, какъ происходилъ обмѣнъ условій для перемирія ²⁾. Для шведовъ въ особенности важно было поставить нашъ корпусъ въ самыя стѣснительныя условія, такъ какъ это способствовало бы осуществленію зародившагося у нихъ новаго замысла. Замыселъ этотъ заключался въ томъ, чтобы послѣднимъ усилиемъ попытаться вырвать изъ нашихъ рукъ хотя бы частный успѣхъ съ цѣлью добиться менѣе тяжкихъ условій мира.

Въ томъ, что Финляндіи придется лишиться,—нечего было и сомнѣваться; но шведы надѣялись удержать въ своихъ рукахъ Аландскіе острова и Вестро-Ботнію, уступивъ Россіи только земли южнѣе рѣки Кеми, составлявшей въ то время границу между Эстро-Ботнійской и Вестро-Ботнійской провинціями.

Важнымъ условіемъ, игравшимъ въ руку шведамъ, было положеніе на морѣ, гдѣ всюду господствовали наши противники.

Поэтому морскія силы въ сѣверной части Ботническаго залива, организуемые нами съ такимъ стараніемъ и напряженіемъ, были совершенно разобщены отъ источниковъ своего пополненія, т. е. отъ

¹⁾ Бывшій шведскій посланикъ въ Петербургѣ баронъ Стедингъ и полковникъ Шельдебрантъ.

²⁾ Напомнимъ требованіе Каменскаго, высказанное имъ еще въ проектѣ зимнаго перехода въ Швецию, чтобы начальникъ экспедиціи былъ облечены правомъ даже заключенія мира. Такое право было дано въ 1774 году Румянцову и это принесло огромную пользу.

единственной нашей морской базы — Кронштадта. Вотъ, въ сущности, главная причина (кромѣ техническихъ недочетовъ и несовершенствъ, въ значительной мѣрѣ тормозившихъ дѣло), помѣшившая намъ дости до конца начатое дѣло морскихъ вооруженій въ Вазѣ и Улеаборгѣ...

Пользуясь полною, такъ сказать, свободою передвиженія по Ботническому заливу, шведы рѣшились на слѣдующій планъ. Они вознамѣрились бросить всѣ оставшіяся въ ихъ распоряженіи силы, одновременно съ фронта и съ тыла, на изолированный корпусъ Каменского сочтавъ наступленіе сухимъ путемъ съ переброскою на судахъ восьмитысячнаго десанта.

Кромѣ „сѣвернаго“ корпуса, авангардомъ котораго начальствовалъ Сандельсъ, у шведовъ оставались еще такъ называемыя „западная“ и „береговая“ арміи, общую числительностью въ 17,000 человѣкъ, за вычетомъ больныхъ и командированныхъ¹⁾. „Береговая“ армія насчитывала всего 3,000 чел., по большей части ландверистовъ. Какъ только съ Норвегіей заключено было перемиріе, и опасенія за западный фронтъ ослабли, тотчасъ же береговая армія была усиlena за счетъ западной, и стала зарождаться планъ новаго активнаго предприятия противъ русскихъ.

Первую мысль о наступательной операциіи въ Вестро-Ботнію подалъ извѣстный Густавъ-Морицъ Армфельтъ²⁾, впослѣдствіи пресловутый совѣтникъ Императора Александра по финляндскимъ дѣламъ и родоначальникъ финляндскихъ министровъ статсь-секретарей, еще въ то время не перебѣжавшій на русскую службу. Руководить всѣмъ дѣломъ взялся Адлерспарре, недавній предводитель военнаго восстанія противъ Густава IV Адольфа, теперь пользующійся большими вліяніемъ въ государствѣ... Наибольшая трудность заключалась въ томъ, чтобы избрать начальника для той смѣлой экспедиціи, которая, по мысли инициаторовъ плана, должна была сыграть наиболѣе рѣшительную роль, захвативъ сообщенія русскихъ войскъ и тѣмъ поставивъ ихъ въ безвыходное положеніе.. Сперва намѣчили Адлеркрайца, который въ предшествующей финляндской кампаніи показалъ способность къ самостоятельному командованію; но Адлерспарре опасался его соперничества въ дѣлахъ государства (оба были въ числѣ главныхъ дѣятелей недавняго переворота). Поэтому послѣдній добился того, что общее начальствованіе надъ десантной экспедиціей было ввѣreno адмиралу Пуке, а генералъ графъ Вахтмайстеръ, командующій арміей береговой обороны, поставленъ во главѣ десантнаго корпуса...

¹⁾ Nordensvan, 461.

²⁾ Тамъ же, 462.

Баронъ Пуке, 58-ми лѣтъ, былъ человѣкъ отъ природы весьма одаренный, и какъ флотоводецъ, выказалъ себя предводителемъ искусствомъ и хладнокровнымъ. Таковъ, по крайней мѣрѣ, о немъ отзывъ шведскихъ историковъ. Но онъ совершенно не былъ знакомъ съ условиями веденія сухопутныхъ операций и потому, въ качествѣ высшаго руководителя всего предпріятія, долженствовавшаго объединить дѣйствія двухъ сухопутныхъ „армій“ ¹⁾, едва ли могъ считаться на своемъ мѣстѣ. Что же касается графа Вахтмейстера, то онъ принадлежалъ къ одному изъ лучшихъ дворянскихъ родовъ Швеціи, былъ королевскимъ генераль-адъютантомъ и считался однимъ изъ способнѣйшихъ генераловъ шведской арміи.

Въ составъ вѣреннаго ему десантнаго корпуса было назначено 17 баталіоновъ линейной пѣхоты, 3 егерскихъ баталіона и только $\frac{1}{6}$ эскадрона лейбъ-гвардейской конницы (Lifgarden till hest) для штабной службы. Артилерию взято только двѣ 6-орудійныхъ пушечныхъ батареи и 4 гаубицы; расчитывали, что удастся, послѣ высадки, снять еще нѣсколько пушекъ съ судовъ.

Общая численность десантнаго корпуса: 234 офицера, 7,375 н. чиновъ, 229 верховыхъ и артиллерийскихъ лошадей ²⁾). Государственные чины ассигновали 200,000 риксдалеровъ въ недѣлю на пополнение всѣхъ расходовъ по этой экспедиціи. Для перевозки корпуса было назначено изъ состава корабельного и шхернаго флота въ общей сложности 52 судна съ 2,500 чел. экипажа; сверхъ того на особыхъ транспортныхъ судахъ погружено было продовольствіе на 2 мѣсяца, и устроено было два корабля-госпиталя на 90 мѣстъ.

Мѣстомъ посадки войскъ назначенъ былъ Гернезандъ, гдѣ 2-го августа состоялся, подъ предсѣдательствомъ адмирала Пуке, военный совѣтъ, въ которомъ участвовали: Вахтмейстеръ, Вреде, Дебельнъ и др., для окончательной разработки плана экспедиціи. Общая цѣль ея была всѣмъ одинаково ясна; десантный корпусъ долженъ такъ высадиться, чтобы перехватить тылъ графа Каменскаго и отрѣзать ему сообщенія съ сѣверомъ по единственной береговой дорогѣ. Но какъ только коснулось подробностей исполненія, то вознили существенные разногласія. Вреде считалъ, что ему, съ его корпусомъ, нужно завлечь Каменскаго на югъ какъ можно дальше, и только, когда это удастся, Вахтмейстеру произвести десантъ сѣвернѣ Умео, съ тѣмъ, чтобы высадившіяся войска быстро овладѣли этимъ городомъ и, такимъ образомъ, выполнили свою задачу. Наоборотъ, Вахтмейстеръ и Лагербринкъ находили, что высадку слѣдуетъ произвести никакъ на южнѣ Шелефѣ, съ тѣмъ, чтобы на сѣверномъ берегу

¹⁾ Ему подчинялся и корпусъ Вреде.

²⁾ Nordensvan, 463.

рѣки занять здѣсь крѣпкую позицію, преграждая Каменскому отступленіе, тогда какъ Вреде долженъ былъ напирать на него съ фронта. Пуке придавалъ главное значеніе быстротѣ и внезапности появленія высадившихся войскъ въ тылу у непріятеля, а потому стоялъ за высадку близъ Умео, на сѣверномъ берегу рѣки, будучи увѣренъ, что Каменскій съ главными силами будетъ наступать къ рѣкѣ Эре, о чемъ, однако, покамѣстъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній еще не было. Дебельнъ считалъ необходимымъ, чтобы флотъ произвелъ сильную демонстрацію гдѣ-либо у Ратана, съ цѣлью отвлечь сюда вниманіе русскихъ. Какъ водится, на военномъ совѣтѣ единодушія и согласія достигнуто не было, и Пуке въ концѣ концовъ остановился на „среднемъ“ рѣшеніи: произвести высадку у Ратана, въ 50 верстахъ сѣвернѣ Умео, а Вреде не начинать наступленія ранѣе трехъ дней по отплытии экспедиціи изъ Гернзанда.

Тѣмъ временемъ графъ Каменскій, ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ Вестро-Ботніи, пришелъ къ заключенію о невозможности для его корпуса продолжать оставаться въ бездѣйствії. „Если перемиріе и состоится (доносилъ онъ), то мнѣ долго на мѣстѣ стоять невозможно, и я долженъ буду искать продовольствія у самого непріятеля. Сосѣдняя съ Вестро-Ботніею Онгерманландская область, гдѣ стоитъ Сандельсъ съ войсками, изобилъна, и можетъ прокормить нѣкоторое время ввѣренный мнѣ корпусъ. Потому полагаю я, въ случаѣ незаключенія перемирія, начать тотчасъ наступательнаго дѣйствія и вытѣснить непріятеля изъ занимаемой имъ провинціи, необходимой для продовольствія нашихъ войскъ“.

Такимъ образомъ, принятіе шведами нашихъ условій для перемирія (о которыхъ упоминалось въ предыдущей статьѣ), избавляло бы нашъ корпусъ отъ необходимости наступать, таѣкъ какъ открывало подвозъ моремъ черезъ Ботнику. Каменскому не было и не могло быть еще известно о замыслѣ шведовъ избрать его корпусъ объектомъ съ цѣлью вырвать у насъ частный успѣхъ; поэтому онъ покамѣстъ еще не довѣрилъ искренности ихъ намѣренія заключить перемиріе и еще не успѣлъ заподозрить въ этомъ только уловки для выигрыша времени. Тѣмъ не менѣе, въ ожиданіи отвѣта на наши условія, онъ озабочился размѣщеніемъ своего корпуса такъ, чтобы быть, на всякий случай, возможно болѣе готовымъ къ отраженію всякихъ случайностей. Протяженіе береговой линіи отъ Умео до Улеаборга доходило до 500 верстъ, а силы Каменскаго, въ общей сложности, не превышали тѣхъ же 10 тысячъ, которыя были первоначально даны въ распоряженіе его предшественниковъ. Чтобы по возможности избѣжать дробленія своихъ силъ и, въ то же время, не оставлять побережья безъ охраны, Каменскій распорядился слѣдующимъ образомъ.

Въ Улеоборгѣ онъ оставилъ по прежнему два баталіона Кременчугскаго полка; въ Торнео расположилъ баталіонъ Могилевскаго полка, охранявшій побережье отъ Кеми до Калликса; Тульскій полкъ охранялъ пространство отъ Калликса до Шелефтѣ, 23-й егерскій—отъ Шелефтѣ до Умео, причемъ главныя свои силы оба держали близъ средины отведеннаго имъ участка побережья. Бригаду изъ полковъ Тенгинскаго и Навагинскаго Каменскій осадилъ нѣсколько назадъ, въ видѣ сильнаго аріергарда, долженствовавшаго прикрывать его тылъ отъ возможныхъ высадокъ; что же касается главной массы корпуса, то она, въ числѣ 6.000 штыковъ, назначалась исключительно для наступленія. „Стоя въ Умео, худо грозить непріятелю въ самыхъ нѣдрахъ его края и мудрено имѣть вліяніе на тѣхъъ обывателей, которые находятся позади непріятельской линіи“. Такъ доносилъ Каменскій Аракчееву 21-го іюля, сообщая свои предположенія для доклада Государю¹⁾. Императоръ Александръ сдѣлалъ на этомъ донесеніи слѣдующую, весьма характерную помѣтку. „Всѣ разсужденія Каменскаго нахожу весьма здравыми. Одного боюсь Я, чтобы баталіоны, оставленные имъ на разныхъ пунктахъ между Улеоборгомъ и Умео, не пострадали. Но сіе многое зависѣтъ будеътъ отъ тѣхъ предписаній, какія онъ имъ далъ, и отъ образа исполненія частныхъ командиновъ“. Помѣтка эта показываетъ, насколько развито было въ Императорѣ Александрѣ уваженіе къ истиннымъ принципамъ военного искусства, такъ какъ несомнѣнно видно, что Онъ чувствовалъ въ расположениіи Вестроботнійскаго корпуса недостаточное уваженіе къ принципу сосредоточенія силъ.

Вскорѣ по прибытіи графа Каменскаго со шведами снова завязались переговоры. На самомъ дѣлѣ шведы, видимо, умышленно тянули время, чтобы успѣть закончить необходимыя приготовленія. Они сперва сообщили намъ о полученіи отвѣта на наши требованія; когда же нашъ переговорщикъ баронъ Тейль, по приказанію Каменскаго, не согласился ни на какія уступки и предварилъ, что въ случаѣ отказа въ принятіи нашихъ условій, мы возобновимъ военные дѣйствія, Сандельсь выговорилъ все-таки, чтобы сдѣлана была отсрочка до 28-го іюля, съ тѣмъ, чтобы успѣть получить отъ короля изъ Стокгольма разрѣшеніе. О возобновленіи военныхъ дѣйствій надлежало предварить другъ друга за 24 часа. Каменскій далъ сперва согласіе на эту проволочку, нуждаясь самъ во времени для сбора войскъ въ назначенные пункты; когда же наступилъ срокъ, и Сандельсь извѣстилъ, что все еще не имѣеть отвѣта изъ Стокгольма, Каменскій рѣшилъ лично переговорить съ Сандельсомъ. 31-го іюля

¹⁾ Любопытно, что въ этотъ періодъ войны Каменскій все время доносилъ о своихъ дѣйствіяхъ непосредственно въ Петербургъ военному министру, минуя главнокомандующаго.

послѣдній прибылъ въ назначеннное для свиданія мѣсто; онъ увѣрялъ, что король не изъявилъ согласія на наши условія, но что главнокомандующій вновь обратился къ Его Величеству съ просьбою не отвергать перемирия; отвѣтъ на это ходатайство ожидается вскорѣ, и потому шведскій генералъ просилъ не возобновлять до тѣхъ поръ военныхъ дѣйствій. Графъ Каменскій соглашался на это только при условіи немедленнаго для насъ открытия судоходства съвернѣе Кваркена или отступленія шведовъ къ Гернезанду. Такъ какъ Сандельсъ на это не могъ дать положительного отвѣта, то обѣ стороны разстались на томъ, что каждая вправѣ дѣйствовать, когда захочетъ.

Въ тѣтъ самый день, 4-го августа, когда въ Фридрихсгамѣ начались, наконецъ, мирные переговоры, графъ Каменскій началъ наступленіе отъ Умео по направлению къ Гернезанду, сдѣлавъ предварительно слѣдующія измѣненія въ группировкѣ тѣхъ силъ, которыхъ назначены были имъ для обеспеченія операционной линіи. 23-й Егерскій полкъ (охраняющей побережье отъ Шелефте до Умео), усиленный баталіономъ Навагинскаго полка, составилъ отрядъ полковника Фролова, поставленный близъ Ратана. Тенгинскій полкъ, съ другимъ баталіономъ Навагинцевъ, подъ командою г.-м. Ершова, занялъ Умео. Баталіонамъ Пермскаго и Могилевскаго полковъ, расположеннымъ—первый въ Питео, а второй—въ Торнео, приказано было при извѣстіи о высадкѣ непріятеля, немедленно идти къ нему навстрѣчу. „Въ такомъ положеніи (доносилъ Каменскій Аракчееву 5-го августа) сзади себя десанта никакого не боюсь; тѣмъ болѣе, что ожидаю прибытія первой эскадры изъ Улеоборга. Съ остальными войсками рѣшился я переправиться черезъ Эре и тѣснить непріятеля, пока могу то дѣлать, не оголяя берегу. Для меня движеніе впередъ необходимо; въ новомъ краю надѣюсь найти продовольствіе и, угрожая непріятелю вторженіемъ въ нѣдра его края, ускорить можетъ быть черезъ то заключеніе мира“.

Изъ Умео войска Каменскаго выступили 4-го августа двумя колоннами, изъ которыхъ первая, подъ начальствомъ г.-м. Алексѣева, состояла изъ двухъ эшелоновъ, по 3 баталіона въ каждомъ, и вторая, подъ личнымъ начальствомъ Каменскаго, тоже изъ двухъ эшелоновъ по 4 баталіона въ каждомъ. Кроме того, за второю колонной шелъ особый резервъ подъ начальствомъ Сабанѣева, изъ 4 баталіоновъ. Такая дробная организація марша, способствуя быстротѣ движеній, облегчала возможность обратиться въ нужную минуту въ любомъ направлениі.

Первой колоннѣ приказано было перейти рѣку Эре въ 15 верстахъ выше устья и затѣмъ надавливать на лѣвый флангъ шведовъ; остальные силы должны были форсировать переправу на Эре по

главному береговому тракту и теснить неприятеля за кирку Олофсборгъ. Приказомъ по корпусу, отданнымъ наканунѣ, Каменскій назначилъ свою главную квартиру въ селеніи Нордмалингенъ, расположенномъ въ пяти верстахъ южнѣе неприятельской позиціи, стремясь заранѣе внушить войскамъ увѣренность въ побѣдѣ...

Первый переходъ законченъ былъ безпрепятственно, и головы колоннъ приблизились уже къ рѣкѣ Эре, какъ изъ Ратана, отъ полковника Фролова пришло донесеніе о появлѣніи тамъ многочисленнаго неприятельского флота „болѣе нежели изъ 100 судовъ“ и началъ съ него высадки.

Такимъ образомъ, войска графа Каменскаго оказались между двухъ огней: съ фронта, за рѣкою Эре, былъ Вреде по крайней мѣрѣ съ 6 тысячами и, а съ тыла у Ратана высаживался Вахтмейстеръ съ 8-тысячнымъ корпусомъ. Растояніе между Ратаномъ, мѣстомъ высадки шведовъ, и рѣкою Эре, къ которой подходили головные эшелоны графа Каменскаго и за которой были войска Вреде и Сандельса,—отъ 5 до 6 нормальныхъ переходовъ. Пользуясь своимъ внутреннимъ положеніемъ, Каменскій рѣшился сосредоточить большую часть своихъ силъ противъ десантнаго корпуса, удерживая Вреде демонстративными движениями. Такъ какъ Вахтмейстеръ являлся не только *сильнейшимъ*, но, главное,—и *опаснейшимъ* для насы противникомъ (захватъ единственного пути, связывавшаго насы съ Финляндіей), то рѣшеніе Каменскаго обратиться назадъ и, измѣнивъ въ корнѣ первоначальный планъ, раздавить сперва эту группу, должно было быть признано образцовымъ. Исполненіе облегчалось тѣмъ искусственнымъ эшелонированиемъ силь корпуса, о которомъ мы уже говорили. Тотчасъ же, на 5-е августа, отдаются приказанія: а) „резерву“ Сабанѣева, едва прошедшему Умео, немедленно обратиться вспять, на поддержку Фролова; б) головному эшелону лѣвой колонны, подъ начальствомъ Эриксона, оставаться на берегахъ рѣки Эре, все время демонстративно атакуя на ней перевѣзы и привлекая на себя вниманіе Сандельса въ теченіе всего дня, послѣ чего, подъ покровомъ ночной темноты отступить къ Умео, истребляя за собою мосты, и в) всѣмъ остальнымъ войскамъ форсированнымъ маршемъ слѣдовать назадъ за Сабанѣевымъ, который, такимъ образомъ, изъ резерва превращался въ авангардъ корпуса.

Всѣ эти передвиженія происходили 5-го августа. Въ этотъ день утромъ шведы успѣли высадить у Ратана авангардъ изъ 3 егерскихъ баталіоновъ и одной бригады съ батареей, который былъ подъ начальствомъ Лагербринка. Послѣдній съ частью силъ пошелъ лѣтомъ прямо на Дѣкнебоду, занятую Фроловымъ, направивъ остальные силы съ фронта. Послѣ непродолжительного боя, русскіе очистили Дѣкнебоду, и селеніе это было занято неприятелемъ, который къ вечеру

того же дня былъ подкрайпленъ и главными силами десанта. Съ захватомъ Дѣкнебоды, расположенной на главномъ береговомъ трактѣ, сообщенія Каменскаго уже были перехвачены. Для обезпеченія пункта высадки немедленно начаты были у Ратана укрѣпленія, причемъ въ качествѣ рабочей силы употреблены экипажи транспортныхъ судовъ.

Медленность высадки шведовъ у Ратана, затянувшейся на цѣлыхъ сутки, произошла вслѣдствіе сильного тумана, заставившаго прервать ее на нѣсколько часовъ. По очищеніи Дѣкнебоды, Фроловъ оттянулъ свои войска назадъ къ Тефте и здѣсь 6-го утромъ соединился съ Сабанѣевымъ. Всего образовалось, такимъ образомъ, здѣсь около 3 тыс. противъ 8 тысячъ шведовъ. Очевидно, обстановка требовала отъ Вахтмайстера крайней быстроты и энергіи; надо было успѣть превосходными силами разбить втрое слабѣйшій русскій отрядъ до подхода остальныхъ силъ Каменскаго. Вмѣсто этого, шведскій генераль, продвинувшись до Севара (20 верстъ сѣвернѣе Умео) и оттѣсивъ отсюда бывшія здѣсь передовыя наши части, остановился и сталъ выжидать дальнѣйшихъ приказаний адмирала Пуке. Шведскіе историки сильно упрекаютъ графа Вахтмайстера за эту остановку, подарившую русскимъ все 6-е число августа. Если бы Вахтмайстеръ продолжалъ наступленіе къ Умео, тѣсня Фролова съ Сабанѣевымъ, то могъ бы нанести рядъ послѣдовательныхъ ударовъ спѣшно подхodившимъ эшелонамъ нашихъ войскъ. Если же, наоборотъ, онъ желалъ принять оборонительный бой, то ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало ему избирать для того мѣстность у Севара, не представлявшую никакихъ выгодъ, а либо остататься у Дѣкнебоды, либо продвинуться впередъ къ Тефте. Во всякомъ случаѣ даже у Севара, имѣя сутки въ своемъ распоряженіи, можно было укрѣпиться, изучить мѣстность и т. п. Ничего этого сдѣлано не было.

Норденсванъ (стр. 466) утверждаетъ, что дневка у Севара была вызвана съ одной стороны полученнымъ шведами ложнымъ извѣстіемъ о томъ, что Каменскій сосредоточивается близъ самаго Умео, а съ другой—утомленіемъ войскъ послѣ высадки и 30-ти километровъ марша. По словамъ участника этой операции Лагербринка, остановка у Дѣкнебоды вмѣсто Севара, где мѣстность была гораздо выгоднѣе для обороны, помѣшалъ категорическій приказъ адмирала Пуке „быстро наступать впередъ“. Самъ Лагербринкъ былъ посланъ къ адмиралу 6-го числа послѣ полуночи за распоряженіями, но вернулся онъ лишь на другой день около 10 часовъ утра, когда бой былъ въполномъ разгарѣ.

За то у Каменскаго день 6-го августа былъ днемъ лихорадочной дѣятельности. Не взирая на то, что всѣ три предшествующіе дни почти весь его корпусъ находился въ непрерывныхъ маршахъ, онъ

потребовалъ отъ войскъ колоссальнаго напряженія, лишь бы достигнуть необходимаго сосредоточенія. Пока Фроловъ соединялся съ Сабаньевымъ, остальные эшелоны спѣшили къ Умео, черезъ которое и прослѣдовали между 7-ю и 12-ю часами вечера. Въ Умео, на лѣвомъ берегу рѣки, войскамъ давался роздыхъ на нѣсколько часовъ, послѣ чего они возобновляли маршъ, и на зарѣ 7-го числа большая часть войскъ уже была въ Тефте. Вечеромъ 6-го числа отрядъ шведскихъ канонерокъ произвелъ опасное для насъ покушеніе разрушить мостъ черезъ рѣку Умео; если бы этотъ замыселъ удался,—корпусъ Каменскаго былъ бы на долгое время разрѣзанъ на двое и сосредоточить силы противъ десанта своевременно не смогъ бы... Къ счастью, противный вѣтеръ долго мѣшалъ канонеркамъ войти въ устье рѣки, такъ что только въ 5 часовъ вечера 6-го числа оказалось возможнымъ начать подыматься вверхъ по теченію. Въ 10 часовъ вечера флотилія изъ 10 судовъ приблизилась къ городу и открыла картечный огонь, но колонна ген.-м. Алексѣева, проходившая въ это время черезъ Умео, не растерялась. Алексѣевъ разсыпалъ по берегамъ рѣки своихъ егерей, открывшихъ жестокій огонь по лодкамъ, а артиллерійскій полковникъ Аргунъ (отличившійся въ прошломъ 1808 году подъ Свеаборгомъ) быстро установилъ подъ городомъ батареи, стрѣльба которыхъ разсѣяла окончательно шведскія канонерки...

Въ теченіе того же дня Эриксонъ, оставшійся на рѣре, все время производилъ демонстративныя попытки къ переправѣ черезъ рѣку, отражаемыя шведами, а съ наступленіемъ ночи, укрываемый темнотою, отступилъ къ Умео, не преслѣдуемый Вреде.

7-го августа Каменскій намѣревался рѣшительно атаковать графа Вахтмейстера, дабы прежде всего освободить себя отъ угрозы съ тылу. Придавая въ данномъ случаѣ первостепенное значеніе *быстро*, дабы не давать десанту собраться и устроиться на берегу, онъ располагалъ атаковать съ тѣми войсками, которыя успѣли подойти, всего около 5.000 штыковъ и 8 орудій. Сюда вошелъ авангардъ Сабаньева и эшелонъ, бывшій подъ начальствомъ Алексѣева; остальная войска, съ большою частью артиллеріи, подъ командою Козачковскаго, задержались въ Умео, по вышеуказаннымъ причинамъ, но имъ предписано немедленно спѣшить на поддержку главной группы корпуса, какъ только присоединится арьергардъ Эриксона; послѣднему надлежало принять отъ Козачковскаго оборону Умео, съ тѣмъ, чтобы удержать здѣсь корпусъ Вреде, если онъ появится.

Междуд Умео и Ратаномъ дорога идетъ всѣ время между отдѣльными холмами и пригорками, большою частью съ поросшими лѣсомъ вершинами; только кое-гдѣ образуются небольшія открытыя прогалины; такая прогалина была и у Севара. Широкій протокъ, развѣтвляющійся

южнѣе деревни, прикрывалъ расположение шведовъ; черезъ него переброшены мостъ длиною до 40 шаговъ по большой дорогѣ; южнѣе имѣлся бродъ, по которому можно было перейти протокъ, пользуясь небольшою тропинкой; еще южнѣе, болѣе труднопроходимая лѣсная тропа выводила, черезъ другой бродъ въ верховыѣ заливы, къ деревнѣ Юттербода, откуда можно было пробраться въ обходъ лѣваго фланга и даже въ тылъ позиціи шведовъ.

Въ противность своимъ прежнимъ взглядамъ, но, вѣроятно, въ виду слуховъ о приближеніи русскихъ къ Тифте, Вахтмейстеръ вечеромъ 6-го числа отдалъ слѣдующія распоряженія: а) 1 баталіонъ и часть егерей были выставлены къ Тверомарку, оттуда шла дорога въ обходъ праваго фланга шведовъ; б) другой баталіонъ поставленъ на перекресткѣ дорогъ съверо-восточнѣе Севара, въ качествѣ поддержки; в) передъ фронтомъ, на возвышенности западнѣе моста, поставленъ сторожевой отрядъ, силою въ 1 баталіонъ, съ добавкомъ егерей; въ поддержку ему, въ видѣ сторожевого резерва, назначенъ другой баталіонъ; непосредственно впереди моста, какъ бы въ видѣ дежурной части,—поставлено еще два баталіона съ двумя орудіями. На все это израсходована цѣлая первая бригада; отъ второй бригады выдѣленъ баталіонъ въ видѣ заслона въ направлѣніи на Юттербоду, и отъ него выслана къ броду небольшая застава. Остальные силы 2-й бригады и 3-я бригада бивакировали въ деревнѣ Севарь.

Силы графа Каменскаго для атаки расположения шведовъ были распределены слѣдующимъ образомъ: 2 баталіона подъ командою г.-м. Ансельма де-Лібори направлены были къ броду черезъ заливъ, для обхода затѣмъ лѣваго фланга шведовъ. Остальные силы, въ предшествіи авангарда Сабанѣева, раздѣлены были на 2 колонны и резервъ и направлены для атаки съ фронта.

Въ 7 часовъ утра Сабанѣевъ потѣшилъ сторожевой шведскій отрядъ, находившійся впереди командующей высоты Крутбронетъ, прикрывавшей, верстахъ въ 3-хъ впереди Севара, расположение шведовъ. Шведы отошли на высоту, за которую завязался упорный, двухчасовой бой, потребовавшій съ обѣихъ сторонъ подерѣщеній. Наконецъ, высота была захвачена нами, и тотчасъ же Каменскій приказалъ водрузить на ея вершинѣ всѣ свои 8 орудій. Вахтмейстеръ попытался помѣшать нашему успѣху, атаковавъ двумя баталіонами напрѣдъ лѣвый флангъ, но они разстроились при наступлѣніи по густому лѣсу, а затѣмъ столкнулись тамъ съ 23-мъ егерскимъ полкомъ, которому было приказано ихъ сбить и преслѣдовывать. Находя, что егеря ведутъ это преслѣдованіе недостаточно энергично, Каменскій приказалъ дать два картечныхъ выстрѣла имъ въ тылъ. Шведы снова повторили попытки свѣжими силами вырвать изъ нашихъ рукъ

высоту Крутбронетъ. Три раза достигали они вершины и всякий разъ были нами отброшены. Атака велась съ охватомъ обоихъ фланговъ, причемъ охватывающая части подверглись, въ свою очередь, ударамъ во флангъ и тылъ со стороны нашихъ резервовъ. Оба генерала, предводившие этими контръ-атаками, Алексѣевъ и Готовцевъ, были ранены, послѣдній—смертельно. Вмѣсто ихъ на лѣвое крыло назначеннъ Сабанѣевъ, а въ центрѣ—Аргунъ.

Тѣмъ временемъ Ансельмъ-де-Жибори, послѣ короткой ожесточенной схватки съ заставой, оборонявшей бродъ, переправился здѣсь въ водѣ по лоясь, и, отогнавъ шведовъ, пошелъ лѣсною дорогой, которая, черезъ лѣсистыя высоты, между заливомъ и болотами, выводила въ тылъ лѣваго шведского фланга. Но тутъ, на высокой вершинѣ Финнбергъ уже были шведскіе егеря и баталіонъ лейбъ-полка королевы, которымъ приказано было Вахтмейстеромъ обороняться до послѣдней крайности.

Къ 12-ти часамъ дня положеніе атакующихъ сдѣжалось затруднительнымъ. Обходная колонна, отдѣленная отъ главныхъ силъ заливомъ, была задержана непріятельскими войсками, несмотря на посланную Жибори поддержку отъ баталіона Пермскаго полка, подошедшаго изъ Умео. Графъ Каменскій, чтобы облегчить положеніе Ансельма де-Жибори, велѣлъ на фронтѣ атаковать оба непріятельскіе фланга; Ревельскому полку—правый, а Сѣвскому—лѣвый. Это привело къ отступленію шведовъ за мостъ, который они и разломали. Тѣмъ не менѣе противникъ стойко удерживалъ обѣ позиціи на нашемъ пути отступленія, а съ юго-восточной стороны можно было ожидать появленія корпуса графа Вреде.

Огонь шведовъ съ противоположнаго берега рѣки былъ такъ силенъ, что форсировать рѣку съ фронта стоило бы огромныхъ жертвъ. „Если не пробемся,—заявилъ Каменскій—бросимъ ранцы и пойдемъ въ Россію черезъ Лапландскія горы“. Дѣлу помогъ *частный починъ ротного командира*. Въ самомъ началѣ боя одна рота Сѣвскаго полка подъ командою штабсъ-капитана Шрейдера, была поставлена у брода черезъ рѣку Севаръ для наблюденія за флангомъ нашего боевого порядка. По прибытии сюда, Шрейдеръ донесъ, что противъ него ничего нѣть и просилъ разрѣшенія перейти рѣку и двинуться въ разрѣзъ между обѣими группами противника, для чего ходатайствовалъ о подкрѣплении. Это донесеніе пришло въ то время, когда въ резервѣ у Каменскаго оставалось всего 5 ротъ, не бывшихъ въ дѣлѣ, которыхъ и были отряжены подъ команду Шрейдера, съ приказаниемъ, по переправѣ 3 роты двинуть въ тылъ Финнберга, а другія 3—на Севаръ. Переѣдя рѣку бродомъ, Шрейдеръ выполнилъ это приказаніе; появленіе обоихъ отрядовъ было совершенно неожиданнымъ для непріятеля,

такъ какъ въ этомъ промежуткѣ не было у шведовъ ни одного дозора. У страха глаза велики, какъ водится: три роты, появившіяся въ тылу Финнберга, были приняты за „множество баталіоновъ гренадеръ“... Все шведское лѣвое крыло пришло въ полное разстройство, чѣмъ немедленно воспользовался Аксельмъ и началъ настойчиво продвигаться впередъ. Одна шведская гвардія еще сохранила нѣкоторое время порядокъ и прикрывала отступленіе; всѣ остальные въ смятѣніи бросились бѣжать отдѣльными кучками по лѣснымъ тропинкамъ и потеряли много пленныхъ.

Въ то же время Каменскій, подкрѣпивъ Аргуна изъ войскъ Сабанѣева, приказалъ ему переходить вбродъ южнѣе разломанного моста.

Начальникъ шведского десанта графъ Вахтмейстеръ находился со своимъ штабомъ на высотѣ восточнѣе моста, внимательно слѣдя за ходомъ боя. Онъ съ удовольствіемъ видѣлъ, что войска его удерживаютъ съ успѣхомъ обѣ занимаемыя позиціи. Цѣлыхъ 5 баталіоновъ не было еще введенено у него въ дѣло, не считая баталіона и егерей, выставленныхъ къ Тверомарку, притянуть которые своевременно было упущенено.

Разочарованіе не замедлило, въ лицѣ прискакавшаго ординарца, который донесъ, что видѣлъ русскую колонну по дорогѣ отъ Юттербоды наступавшую на Севаръ берегомъ рѣки. Это были вторыя три роты отряда Шрейдера, но Вахтмейстеръ и не подумалъ принять какихъ либо мѣръ для провѣрки полученнаго извѣстія и для выясненія, какія силы и откуда двигаются тамъ. Вѣроятно рѣшившисъ, что обходъ его лѣваго фланга удался и опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ своихъ судовъ, Вахтмейстеръ немедленно отводить всѣ свои силы къ самому Севару, гдѣ уже были расположены не бывшія въ дѣлѣ войска. Вместо того, чтобы воспользоваться имѣющимися свѣжими силами и ударить на обходящихъ, пользуясь ихъ изолированнымъ положеніемъ, Вахтмейстеръ возложилъ на эти свѣжія войска обязанность арьергарда, а самъ началъ въ полномъ порядке отступленіе. Подъ прикрытиемъ артилерійскаго и ружейнаго огня съ высоты Севара, шведы спокойно вытянулись въ колонну и пошли въ направлениіи къ Дѣкнебодѣ. Наші войска слабо преслѣдовали, утомленные продолжительнымъ маршемъ и боемъ; графъ Каменскій собралъ свой корпусъ на бывшей позиціи непріятеля, и только казаки направлены были по его пятамъ, а баталіонъ Ревельскаго полка двинутъ за ними для исправленія разрушаемыхъ переправъ.

Бой при Севарѣ продолжался съ 7 часовъ утра до 4-хъ пополудни; къ 11 часамъ вечера шведы достигли уже Дѣкнебоды, гдѣ предполагали сперва остановится и возобновить оборону. Каменскій къ концу боя получилъ отъ Эрикссона донесеніе, что графъ Вреде перешелъ

черезъ рѣку Эре и приближается къ Умео. Разстояніе между обѣими шведскими группами было, такимъ образомъ, отъ 2 до 3 переходовъ.

Графъ Каменскій совершенно правильно рѣшилъ добивать Вахтмайстера, уже ослабленного боемъ и болѣе опаснаго по своему положенію въ нашемъ тылу. „Не дамъ Вахтмайстеру покоя (доносиль онъ), пока не заставлю его покинуть Ратанскую гавань“. У Дѣкнебоды мѣстность чрезвычайно благопріятствовала пассивной оборонѣ. Дорога проходила между двумя озерами, Ратутрасъ на югъ и Дѣкнебода на сѣверѣ; далѣе еще 2 озера, окруженныя болотами, протягивались до берега; не было ни единой дороги или тропинки, по которой можно было бы обойти позицію, развѣ отдѣльные пѣшешоды могли пробраться черезъ болото. Однако Вахтмайстеръ отказался отъ первоначального рѣшенія обороняться на этой позиціи. Причиною тому,—по шведскимъ источникамъ¹⁾—былъ ложный слухъ, доставленный офицерами, посланными для рекогносцировки позиціи у Дѣкнебоды, о движениіи, якобы, Каменского прямо на Ратанъ лѣсами вдоль берега. Вахтмайстеръ, не потрудившись провѣрить справедливость этого извѣстія, испугался того, что непріятель выйдетъ къ Ратану раньше его и отрѣжетъ его отъ моря, и спѣшно продолжалъ отступленіе къ Ратану. Отходъ къ Ратану, т. е. къ морскому берегу, прикрывая сообщенія шведскаго десанта съ флотомъ, въ то же время открывалъ намъ перехваченные шведами сообщенія графа Каменского съ сѣверомъ. Отступленіе шведовъ продолжалось всю ночь; 8-го къ утру они сосредоточились къ Ратану, и флотъ ихъ приблизился къ берегу для дѣйствія по нашимъ войскамъ въ случаѣ ихъ наступленія.

Шведскіе историки (Норденсванъ, 473) прямо приписываютъ рѣшеніе Вахтмайстера отступить къ Ратану „робости и страху передъ побѣдоноснымъ врагомъ“ и находятъ, что отданное ему адмираломъ Пуке категорическое приказаніе оборонять во что бы то ни стало Дѣкнебоду при такомъ настроеніи не могло имѣть никакого вліянія...

Когда послѣднія шведскія войска очищали Дѣкнебоду, начали появляться передъ нею передовыя части наступающихъ русскихъ колоннъ. Каменскій не расчитывалъ, что шведы отступятъ отъ Дѣкнебоды и только на пути получилъ донесеніе обѣ этомъ. Удивленный, что шведы не удержались у Дѣкнебодскаго дефиле, Каменскій выслалъ казачьи разъѣзды нащупать непріятеля вдоль большой дороги; пройдя до Бюгдѣо, послѣдніе нигдѣ не обнаружили противника. Тогда Каменскому сдѣлалось яснымъ, что шведы отступили къ Ратану, и онъ рѣшилъ безотлагательно всѣми силами дви-

¹⁾ Nordensvan, стр. 472—73.

нуться туда, уже не стынясь съ противникомъ, явно выказывающимъ нерѣшительность и страхъ. Одну часть своего корпуса, подъ начальствомъ Сабанѣева, онъ направилъ по тропинкѣ, непосредственно ведущей къ морю, а другую, въ предшествіи отряда Казачковскаго (притянутаго изъ Умео и не участвовавшаго въ Севарскомъ бою) двинулъ по другой тропѣ, выводившей къ правому флангу шведовъ. Чтобы облегчить движение по этимъ лѣснымъ тропамъ, всю артилѣрію, кроме двухъ орудій, приданыхъ къ первой колоннѣ, онъ вмѣстѣ съ обозами продвинулъ, подъ прикрытиемъ, по большой дорогѣ до Бюгдео, съ приказаніемъ ожидать здѣсь полнаго очищенія намъ пути на сѣверъ... Къ этому побудило Каменскаго и другое важное обстоятельство: снаряды были на исходѣ.

Сабанѣевъ вскорѣ настигъ арьергардъ непріятеля, сбилъ и оттѣснилъ его къ Ратанской гавани; къ 2-мъ часамъ подошелъ Козачковскій, а слѣдомъ за нимъ—и остальные наши силы, кольцомъ охватившія шведовъ. Положеніе послѣднихъ было безвыходное.

Генераль-маіоръ Ансельмъ-де-Жибори посланъ былъ Каменскимъ къ Вахтмейстеру съ приглашеніемъ положить оружіе, грозя въ противномъ случаѣ, что немедленно атакуетъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Вахтмейстеръ отвѣтилъ, что „шведская армія не можетъ принимать предписаній отъ своихъ враговъ и готова принять ихъ нападеніе“¹⁾. Тогда Каменскій въ 4 часа дня повелъ атаку въ направленіи обѣихъ дорогъ, по которымъ пришли части его корпуса; онъ рѣшился на эту атаку, имѣя всего 2 пушки противъ всей шведской артилѣріи и орудій шведского флота. Цѣпи нашихъ егерей разсыпались по окраинамъ лѣса и повели наступленіе, тѣсня шведскихъ стрѣлковъ; послѣдніе послѣшили отойти, чтобы очистить мѣсто для своихъ орудій. Послѣднія заговорили и съ сухого пути, и съ флота; конечно, нашимъ двумъ пушкамъ нечего и думать было съ ними состязаться, а пѣхотѣ нашей пришлось удерживаться близъ опушки, и только на флангахъ люди продвинулись, по колѣно въ водѣ, вдоль берега и открыли огонь по лодкамъ. Такое взаимное и, въ сущности, малодѣйствительное обстрѣливаніе продолжалось до наступленія темноты.

Такимъ образомъ, противникъ освободилъ нашъ путь отступленія и былъ прижатъ къ морю; но нанести ему большій вредъ, а тѣмъ болѣе принудить къ капитуляціи мы фактически возможности не имѣли: въ нашемъ корпусѣ почти совершенно изсякли огнестрѣльные припасы, а шведы имѣли въ своемъ распоряженіи сильную артилѣрію и могли пользоваться поддержкою огня своихъ судовъ.

¹⁾ Такъ пишутъ шведскіе историки. По М. Д. (478) Вахтмейстеръ просилъ о томъ, чтобы разрѣшено ему было свободно сѣсть на суда, но Каменскій отказалъ въ этомъ.

На другой день шведы, успѣвшіе за ночь погрузить часть войскъ на суда, уже могли, въ сущности, не опасаться дальнѣйшаго преслѣдованія; однако, впечатлѣніе, произведенное на нихъ смѣльмъ натискомъ Каменскаго, было такъ велико, что они сами сдѣлали первый шагъ къ переговорамъ, подъ предлогомъ необходимости предать землѣ тѣла убитыхъ. Каменскій отказалъ въ этомъ. „Предоставьте побѣдителямъ заботиться о погребеніи“, отвѣтилъ онъ, „а ежели имѣете нужду переговорить о чёмъ-либо важнѣйшемъ, то пріѣзжайте на мою передовую цѣпь, но торопитесь уходить изъ гавани; иначе найду средство сжечь вашъ флотъ“¹⁾). Конечно, средство такихъ въ рукахъ Каменскаго не было, и быть не могло, но психическое вліяніе успѣха гипнотизировало шведовъ, и для побѣдителей, казалось, все было возможно...

Графъ Вахтмейстеръ лично пріѣхалъ на наши аванпости, и здѣсь, въ 7 часовъ вечера 9-го августа, произошли переговоры между нимъ и графомъ Каменскимъ. Послѣдній поставилъ категорическимъ условіемъ перемирія отплытіе шведского флота изъ Кваркена и полную свободу судоходства для настъ въ сѣверной части Ботническаго залива. Въ свою очередь Пуке и Вахтмейстеръ выговаривали себѣ право свободной амбаркаціи и выхода въ море. На этихъ условіяхъ заключено было перемиріе, и на слѣдующій день флотъ непріятельской сталъ уходить въ море...

Потери шведовъ въ бояхъ у Севара и Ратана, по шведскимъ источникамъ²⁾, доходятъ до 29 офицеровъ (изъ нихъ 6 убитыхъ и 5 пленныхъ), 877 нижнихъ чиновъ (изъ нихъ 399 убитыхъ и 80 пленныхъ) и, кромѣ того, 6 офицеровъ 112 н. чиновъ флота. По Мих.-Данилевскому потери шведовъ исчисляются въ 2.000 чел., а число пленныхъ—въ 270 чел. и 300 поднятыхъ на полѣ битвы раненыхъ. Наша потеря показана до 1.500 чел., изъ коихъ громадное большинство приходится на бой подъ Севаромъ...

Такимъ образомъ, графу Каменскому удалось избавиться отъ наиболѣе опасной группы противника, „усадивъ“ ее на собственныя суда (какъ выражался онъ самъ въ донесенії). Оставалась другая группа, предводимая графомъ Вреде. Послѣдній поджидалъ подхода подкрѣпленій подъ предводительствомъ фонъ-Дебельна изъ Емтланда и не расчитывалъ, чтобы высадка Вахтмейстера могла совершиться такъ скоро. Онъ задался цѣлью привлечь на себя вниманіе противника и, совершенно не замѣчая, что имѣеть передъ собою только слабый отрядъ Эриксона, началъ показывать намѣреніе переправиться

¹⁾ М. Д., стр. 479.

²⁾ Соч. Lindström. „Экспедиція адмирала Пуке въ Востроботнію“.

черезъ рѣку Эре. Только въ это утро (6-го августа) узналъ онъ объ уходѣ на сѣверъ большей части русскихъ силъ; предполагая что высадка уже произведена, но не имѣя о томъ ровно никакихъ извѣстій, Вреде рѣшилъ попытаться перейти рѣку, но дѣлалъ это столь медленно и нерѣшительно, что потратилъ почти цѣлыхъ 2 дня. Только 8-го августа, т. е. въ день Ратанского боя, отрядъ Вреде началъ наступленіе къ Умео, имѣя въ авангардѣ Саволакскихъ егерей. Движеніе замедлялось необходимостью возстановливать всѣ переправы черезъ многочисленные водные потоки, предусмотрительно разрушенныя русскими. Къ полудню 9-го шведы подошли къ берегамъ Умео. Дебельнъ присоединился, и вся числительность отряда превышала 4.000 человѣкъ. На южномъ берегу рѣки виденъ былъ русскій редутъ, и грозно торчали дула четырехъ орудій. Это былъ арьергардъ, оставленный Эриксономъ, подъ командою подполковника Карпенкова,— всего баталіонъ съ казаками, прикрывавшій голову плавучаго моста. Не имѣя артилериі, Карпенковъ пустился на хитрость,—выкрасилъ четыре бревна и поставилъ на подобіе пушекъ... Это обстоятельство удерживало шведскихъ стрѣлковъ, переправившихся черезъ рѣку, а тѣмъ временемъ подоспѣли главныя силы Эрикссона; выѣхавшая настоящая батарея брызнула картечью по канонеркамъ, входившимъ въ устье Умео, чтобы поддержать переправу, Карпенковъ успѣль благополучно отойти за мостъ, который былъ нами разведенъ. Черезъ рѣку завязался артилерійскій огонь, затянувшійся до вечера; къ утру 10-го Эриксонъ былъ уже подкрепленъ 7-ю бат., высланными Каменскимъ, а Вреде получилъ извѣстія объ участіи Вахтмайстера и пріостановилъ переправу.

И такъ, замыселъ шведовъ покончить съ изолированнымъ корпусомъ графа Каменского, нанеся ему ударъ одновременно съ фронта и тыла, окончился полною неудачею. Казалось бы, достигнутый граffомъ Каменскимъ блестящій успѣхъ надлежало немедленно развивать дальше, и побѣдоноснымъ войскамъ его, не взирая на утомление и многодневные тяжкіе марши, неотступно идти за послѣднею организованною группою непріятеля, преслѣдуя ее чутъ не до воротъ Стокгольма... Если Каменскій годъ тому назадъ рискулъ, позднею осенью, не будучи снабженъ теплою одеждой, преслѣдоватъ по пятамъ Клингспора (потомъ—Клеркера) до сѣверныхъ границъ Финляндіи, по мѣстности скудной и уже разоренной непріятелемъ, то теперь, повидимому, условия были гораздо благопріятнѣе. Тогда каждый шагъ уводилъ преслѣдователей все глубже и глубже въ суровыя, негостепріимныя и малолюдныя страны, близкія къ полярному кругу; тогда каждый день возвѣщалъ наступленіе жестокой зимы, грозный призракъ которой, по мѣрѣ движенія на сѣверъ, становился все болѣе и болѣе

угрожающимъ. Наоборотъ,—теперь было начало августа, еще почти цѣлый лѣтній мѣсяцъ былъ впереди; двигаться предстояло не на сѣверъ, а на югъ, навстрѣчу болѣе мягкому климату и болѣе богатымъ производительностью провинціямъ шведскаго королевства.

Несмотря на это, Каменскій счелъ слишкомъ рискованнымъ дальнѣйшее наступленіе на югъ, пе возобновивъ своихъ запасовъ. Очевидно, что главную роль играло тутъ не продовольствіе,—которое возможно было достать на мѣстѣ и чѣмъ южнѣе, тѣмъ вѣроятнѣе,—а припасы огнестрѣльные. „Одинъ разъ, при большихъ напряженіяхъ, удалось мнѣ пробиться сквозь непріятелей; другой разъ, если они успѣютъ обогнать меня моремъ, можетъ быть, опять пробьюсь; но на третій разъ уже и патроновъ не станетъ. Сколько ни критическо мое положеніе, но я всѣ старанія употреблю вывести изъ онаго корпусъ съ честью; однако, признаюсь, прискорбно отступать послѣ столь рѣшительной побѣды, какая одержана въ сіи два дня, гдѣ не только я разбилъ непріятеля и гналъ его до самыхъ лодокъ его, но, такъ сказать, на нихъ его усадилъ“.

Великій учитель Каменскаго, Суворовъ, въ Швейцаріи былъ, какъ известно, въ неизмѣримо болѣе критическомъ положеніи, но и тамъ никогда, даже въ самые трагические моменты, не помыслилъ даже о „ретирадѣ“. Рѣшеніе Каменскаго отступить послѣ Ратана представляется во многихъ отношеніяхъ загадочнымъ, и надо надѣяться, что быть можетъ, будуть отысканы новые документы, которые прольютъ свѣтъ на это странное обстоятельство... Самый расчетъ Каменскаго пополниться въ Питео изъ транспорта, посланного туда изъ Улеоборга подъ прикрытиемъ канонерскихъ лодокъ, представляется въ достаточной степени эфемернымъ. Непріятельскіе корабли продолжали все время крейсировать въ сѣверной части Кваркена, а у насъ, кроме импровизированныхъ канонерокъ и одного фрегата, никакихъ крупныхъ судовъ здѣсь не было, да и не могло прибыть. Англичане со своимъ флотомъ совершенно преграждали нашему выходу изъ Финскаго залива...

12-го августа корпусъ графа Каменскаго тронулся въ обратный походъ къ сѣверу. Черезъ шесть дней, 18-го августа, прибыть въ Питео, онъ засталъ здѣсь, къ счастію, благополучно прибывшій изъ Улеоборга транспортъ съ боевыми и продовольственными припасами. Людямъ данъ былъ трехдневный отдыхъ; все необходимое въ частяхъ было пополнено, и. 21-го августа, корпусъ снова обратился въ Умео, въ намѣреніи продолжить прерванную задачу.

Такимъ образомъ, ненадежное устройство тыла заставило Каменскаго отказаться отъ развитія одержанного успѣха и сдѣлать выше чѣмъ двухнедѣльный перерывъ, который, очевидно, могъ быть всѣдѣло использованъ дѣятельнымъ противникомъ...

Но состояніе духа шведскихъ войскъ и шведской націи въ этотъ тяжелый для нихъ исторический моментъ не отвѣчало отнюдь условіямъ, необходимымъ для проявленія дѣятельности. Упадокъ духа и сознаніе безцѣльности всѣхъ усилий, предпринимаемыхъ противъ Россіи, съ цѣлью хоть немнога смягчить неизбѣжно-суроыя условія мира, окончательно овладѣли всѣми умами... Немногіе оставшіеся энергичные люди, вродѣ, напримѣръ, фонъ-Дебельна—и тѣ склонились передъ неумолимымъ рокомъ...

Съ уходомъ Каменского на сѣверъ въ Питео шведы, 12-го августа, заняли Умео небольшимъ авангардомъ. Въ то же время адмиралъ Шуке передвинулъ сюда шхерный и транспортный флотъ со всѣми бывшими на немъ войсками (т. е. остатокъ отряда Вахтмейстера), а затѣмъ выслалъ фрегатъ съ 6-ю канонерками подъ начальствомъ маиора Хаусвольфа къ Питео, чтобы напасть на двигавшійся туда нашъ транспортъ и помѣшать ему пополнить корпусъ Каменского. Но острова, лежащіе впереди порта Тусо, оказались заблаговременно занятymi русскою пѣхотою, и нападеніе на транспортъ не удалось.

Всѣ шведскія войска, къ 17-му августа, соединились въ Умео. Несудача попытки Хаусвольфа окончательно подорвала вѣру въ возможность какого бы то ни было успѣха. Поэтому адмиралъ Шуке рѣшился снова просить перемирія у русскихъ. Посланный имъ съ этой цѣлью Сандельсъ захватилъ Каменского уже на первомъ переходѣ отъ Питео къ Умео, въ 19-ти километрахъ сѣвернѣ Шелефте; здѣсь въ постоянномъ дворѣ Фросткаге, послѣ непродолжительныхъ переговоровъ, заключено было опять перемиріе на слѣдующихъ условіяхъ¹⁾.

1) Перемирію существовать все время, пока продолжаются переговоры въ Фридрихсгамѣ.

2) Русскимъ войскамъ стать въ Питео, имѣя авангарды въ Іефре (20 верстъ южнѣ); шведскимъ расположиться въ Умео, а авангарду—въ Раклео.

3) Пространство между Іефре и Раклео почитать нейтральнымъ.

4) Шведскій флотъ отойдетъ отъ Кваркена и въ перемиріе не будетъ дѣйствовать ни противъ Аландскихъ острововъ, ни противъ береговъ Финляндіи.

5) Во время перемирія обоядные корпуса не будутъ умножать числа войскъ своихъ.

6) Невооруженнымъ судамъ свободно плавать по всему Ботническому заливу.

¹⁾ Мих.-Дан. стр. 482—83.

Въ случаѣ разрушенія переговоровъ въ Фридрихсгамѣ, обоядныя войска предупредять другъ друга за двѣ недѣли о воспріятіи дѣйствій. Графъ Каменскій, не имѣяполномочія на заключеніе такого перемирія, обязывается, если оно не будетъ утверждено главнокомандующимъ Барклаемъ-де Толли, уведомить о его отказѣ начальника шведскихъ войскъ и не начинать дѣйствій прежде 15-ти дней послѣ извѣщенія о прекращеніи перемирія.

8) Для скорѣйшаго получения отвѣта отъ Барклай-де-Толли, перевезти на шведскомъ переговорномъ суднѣ посылаемаго къ нему съ донесеніемъ русскаго офицера.

Въ этомъ донесеніи ¹⁾—адресованномъ Каменскимъ не главнокомандующему, а непосредственно военному министру графу Аракчееву, главными причинами, вызывавшими, по мнѣнію Каменскаго, необходимость въ принятии перемирія на этихъ условіяхъ, выставлены: съ одной стороны,—трудность въ добываніи и доставкѣ продовольствія и боевыхъ припасовъ, а съ другой—соединеніе всѣхъ силъ непріятеля въ одну группу, что дѣлало войска, бывшія теперь въ Умео подъ общимъ начальствомъ адмирала Пуке, почти вдвое сильнѣе资料

Барклай-де-Толли, не считая себя вправѣ утверждать перемирія, представилъ его Государю; но въ Петербургѣ сочли за лучшее оставить его безъ отвѣта, дабы „продля симъ времія, можно было дать разрѣшеніе, сходное съ обстоятельствами и видами, какія откроются при мирныхъ переговорахъ въ Фридрихсгамѣ“, какъ писалъ 30-го августа Аракчеевъ главнокомандующему. Вмѣстѣ съ тѣмъ Каменскому приказано было готовиться къ новому наступленію съ полной дѣятельностью. Въ то же время въ Торнѣ стали сосредоточивать особый резервъ съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же двинуть его на подкрѣпленіе Улеаборгскому корпусу, какъ только возобновятся военные дѣйствія. Пользуясь выговореною свободою плаванія по Кваркену, успѣли перебросить въ Питео изъ портовъ Финляндіи значительное количество продовольствія и боевыхъ запасовъ.

Вся эта дѣятельность имѣла очевидною цѣлью произвести давленіе на шведскихъ уполномоченныхъ, показать шведамъ нашу рѣшиимость продолжать войну во что бы то ни стало, лишь бы добиться такихъ условій мира, которыхъ намъ необходимы...

Наиболѣе яркимъ выражителемъ такихъ ясныхъ и трезвыхъ государственныхъ воззрѣній, не затуманенныхъ тѣми космополитическими либеральными идеями, которыхъ взымѣли такую силу въ тогдашнее

¹⁾ Отъ 24-го августа за № 50.

²⁾ На самомъ дѣлѣ, послѣ понесенныхъ шведами потерь, едва ли было даже и полуторное превосходство.

время и которыхъ, какъ известно, не чуждъ былъ и самъ Императоръ Александръ, являлся государственный канцлеръ графъ Н. П. Румянцевъ. Онъ, который только что горячо благодарила Каменского за побѣды при Севарѣ и Ратанѣ, какъ оказавшія непосредственную помощь успѣху переговоровъ, теперь негодовалъ и настойчиво требовалъ, чтобы приказано было Каменскому какъ можно скорѣе наступать впередъ; онъ даже настаивалъ на необходимости организовать высадку близъ Стокгольма, лишь бы достигнуть необходимаго ему воздействиа на шведовъ, какъ разъ въ это время упорствовавшихъ и не соглашавшихся уступать намъ Аландскихъ острововъ. За Каменского пришлось даже заступаться Баркляю-де-Толли, который старался доказать въ своихъ всеподданнѣйшихъ донесеніяхъ, что „рѣшимостью отступить отъ превосходнаго непріятеля графъ Каменскій вывелъ войска съ большими успѣхомъ изъ затруднительнаго положенія“, „избѣгнулъ быть окруженнымъ непремѣнно, если бы шведы были дѣятельныи и искусныи“; что онъ этимъ „предупредилъ голодъ въ войскахъ и недостатокъ въ патронахъ и снарядахъ“.

„Я единственно надѣялся“,—писалъ онъ далѣе,—„на военные достоинства графа Каменского, что корпусъ его не пострадаетъ въ столь стѣсненномъ положеніи. Счастливо войско, имѣя предводителемъ столь искуснаго, дѣятельнаго и храбраго генерала. Положеніе войскъ нашихъ при Питео, когда непріятель обратилъ всѣ свои силы на сѣверъ, ни мало не перемѣняетъ обстоятельствъ угрожать шведскому правительству дѣятельною войною въ его областяхъ; но корпусъ выведенъ съ честью и знаменитою побѣдою изъ столь тѣснаго положенія, оставаясь безъ продовольствія и военныхъ запасовъ, имѣя противъ себя превосходнаго непріятеля въ силахъ и средствахъ, находясь въ опасности быть окружены и не имѣя ни малѣйшей флотиліи охранять берега. По прибытии въ Питео графъ Каменскій ожидалъ войско; патроновъ и снарядовъ теперь у него достаточно; хлѣба хоть привезено немногого, но по 1-е сентября достанетъ, а между тѣмъ прибудутъ изъ Улеаборга безопасно новые транспорты съ провіантскими запасами; онъ присоединилъ къ себѣ нѣсколько канонерскихъ лодокъ, которая приносить ему будутъ большую выгоду. По мнѣнію моему, сіе отступленіе превосходило побѣды, не имѣющія полезныхъ послѣдствій“.

Заступничество Баркляя возымѣло свое дѣйствіе. Императоръ Александръ отвѣчалъ ему въ такихъ выраженіяхъ: „Признаю въ полной мѣрѣ всю основательность распоряженій графа Каменского, достойныхъ всякой похвалы и открывающихъ въ немъ искуснѣйшаго генерала“. Въ награду за побѣду при Севарѣ и Вестроботнійской походѣ Каменскій удостоенъ былъ брилліантовыми знаками ордена св. Александра Невскаго.

По замыслу шведовъ, какъ мы уже упоминали раньше, совокупное нападеніе графа Вреде и Вахтмайстера на Каменскаго должно было доставить имъ возможность выторговать у насъ болѣе выгодныя условія мира, главнымъ образомъ въ отношеніи Аландскихъ острововъ, которые Швеція желала во что бы то ни стало оставить за собою. Мирясь съ неизбѣжнымъ и неотвратимымъ фактъмъ потери Финляндіи, уже присягнувшей Россійскому Престолу на подданство, а затѣмъ на Боргоскомъ сеймѣ удостоенной Императоромъ небывалыхъ милостей, посредствомъ которыхъ расчитывали вѣрнѣе расположить къ себѣ сердца новыхъ подданныхъ,—Швеція опасалась лишиться еще и Аланда, считая его оплотомъ своей столицы.

Когда главнымъ уполномоченнымъ со стороны шведовъ въ Фридрихсгамъ барономъ Стедингкомъ, бывшимъ до войны шведскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, было заявлено въ самомъ началѣ переговоровъ, что Швеція не можетъ отдать Россіи Аландскихъ острововъ, а только согласна дать обязательство не содержать на нихъ ни войскъ, ни укрѣпленій, графъ Румянцевъ твердо отвѣтилъ, что Императоръ Александръ ни въ какомъ случаѣ не отступитъ отъ своихъ первоначальныхъ требованій, неоднократно прежде сообщенныхъ Швеціи. Тогда баронъ Стедингкъ предложилъ Румянцеву условную уступку Аландскихъ острововъ, съ обазательствомъ для Россіи не имѣть тамъ войскъ и не возводить фортификаціонныхъ сооруженій. На это предложеніе послѣдоваль полный достоинства отвѣтъ, что „Императоръ Александръ никогда не согласится на какое-либо условное обладаніе краемъ, къ Его державѣ присоединеннымъ“¹⁾. Переговоры затянулись. Пренія коснулись еще и вопроса объ опредѣленіи границы на сѣверѣ. Императоръ Александръ лично провелъ на картѣ краснымъ карандашемъ²⁾ линію установленной имъ между Россіей и Швеціей границы и послалъ эту карту къ графу Румянцеву для руководства.

Неуспѣхъ операций Пука противъ Каменскаго и побѣды послѣдняго у Севара и Ратана заставили шведовъ значительно сбавить тонъ. Помогло этому еще и слѣдующее соображеніе. Приближалась осень, съ наступленіемъ которой англичане непремѣнно, каѣтъ и въ прошломъ году, должны были удалиться изъ финскихъ водъ со своимъ флотомъ; слѣдовательно, шведы оставались одни, на попеченіи только своихъ собственныхъ силъ...

Чтобы оцѣнить значеніе этого обстоятельства, нужно нѣсколько остановиться на дѣятельности англійскаго флота въ эту кампанію.

¹⁾ На самомъ дѣлѣ, послѣ понесенныхъ шведами потерь, едва ли было даже и полуторное превосходство.

²⁾ Эта карта хранится въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Англійская эскадра адмирала Сомареца прибыла 24-го апреля 1809 г. въ Готенбургъ, причемъ ей поставлено цѣлью, охраняя торговлю въ Балтийскомъ морѣ, дѣйствовать противъ русского корабельного флота, стараясь либо заблокировать его, какъ это сдѣлано было въ прошлую кампанію, либо если это не удастся, то атаковать его въ открытомъ морѣ...

Въ Готенбургъ Сомарецъ условился съ шведскимъ правительствомъ относительно слѣдующаго. Часть судовъ своихъ онъ обѣщалъ выдѣлить, какъ и въ предыдущемъ году, для крейсировки въ Зундѣ, чтобы не позволить датчанамъ произвести высадку на южные берега Швеціи. Французовъ теперь уже не было, такъ какъ новая война съ Австріей отвлекла всѣ силы и все вниманіе Наполеона. Главныя же силы флота должны были идти въ Финский заливъ и преграждать русскому флоту доступъ оттуда къ берегамъ Швеціи. Этимъ способомъ парализовалась для насъ возможность не только организовать какое-либо десантное предпріятіе въ сердце непріятельской территории, но, какъ мы видѣли, стоило даже огромныхъ усилий добиться возможности доставлять запасы черезъ Ботническій заливъ прямо въ Швецію.

Морскія силы послѣдней, хотя въ кампанію 1808 года почти и не дѣйствовали, если не считать шхерного флота, въ 1809 году находились въ чрезвычайномъ разстройствѣ. Недостатокъ въ личномъ составѣ, главнымъ образомъ офицеровъ, большая болѣзnenность и смертность привели къ тому, что только 2 линейныхъ корабля участвовали въ экспедиціи въ Ратану, да нѣсколько фрегатовъ крейсировали въ Кваркенѣ, причемъ имѣли только разъ столкновеніе съ нашимъ фрегатомъ „Богоявление“ въ концѣ іюня, о чмъ было въ свое время упомянуто.

Что же касается англичанъ, то они, вслѣдствіе бездѣйствія, а по томъ неблагопріятныхъ вѣтровъ, могли выйти изъ Готенбурга только въ концѣ мая. Придя въ Карлсқону, Сомарецъ въ началѣ іюня съ 10-ю линейными кораблями и 17-ю судами разнаго типа меньшей величины, пошелъ въ Финский заливъ. 8-го іюня англичане, искусно замаскировавъ свои гребные суда такъ, что ихъ можно было принять за рыбачьи лодки, скрытно подобрались къ одной изъ Гангутскихъ батарей, ворвались на нее и даже успѣли заклепать 2 орудія, пока подоспѣвшее ротой Псковскаго гарнизоннаго баталіона не были выбиты и вынуждены бѣжать обратно на суда, которыхъ преслѣдовалъ нашъ отрядъ шхерной флотиліи... Покушеніе это было благополучно отбито, но за недостатокъ бдительности начальникъ соотвѣтствующаго отряда береговой обороны былъ отданъ подъ судъ...

Нашъ корабельный флотъ, послѣ злосчастной кампаніи адмирала Ханыкова, рѣшено было назначить *только для обороны Кронштадта*. Очевидно, состояніе флота было таково, что мѣряться въ открытомъ

морѣ съ превосходными силами первого въ мірѣ англійского флота онъ не рѣшался... Морскіе архивы свидѣтельствуютъ (насколько можно судить изъ бѣглого осмотра документовъ) о полнѣйшей неготовности и колosalныхъ недостаткахъ по всѣмъ статьямъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи нашъ флотъ, несмотря на численное превосходство въ судахъ и экипажахъ, немногимъ превосходилъ шведскій...

Только къ концу мая суда начали понемногу выходить на рейдъ и только въ исходѣ іюня сосредоточились на немъ полностью. Развѣдочные суда (3 корвета и 1 лютерь) были высланы въ половинѣ мая въ направленіи къ Гохланду, Соммерсу и Сескару. Имъ было предписано развѣдывать о мѣстѣ пребыванія непріятельскихъ судовъ и по обнаруженіи ихъ сообщать немедленно слѣдующему за собою крейсеру; неравнаго боя избѣгать, укрываясь въ надежные порты.

Въ началѣ іюня 5 мелкихъ судовъ было назначено для охраны транспортовъ, слѣдовавшихъ съ припасами изъ Петербурга въ Або для Финляндской арміи. До Гохланда суда эти слѣдовали моремъ, а далѣе—шхерными фарватерами, укрываясь отъ англичанъ. 18-го іюня близъ острова Тютерса фрегатъ „Быстрый“ столкнулся съ двумя англійскими кораблями и благополучно ускользнулъ отъ нихъ въ шхеры, отстрѣливаясь на ходу. Опасаясь войти въ неизвѣстныя имъ шхеры, англичане ограничились дальнимъ обстрѣливаніемъ „Быстраго“, а по дорогѣ захватили близъ Гохланда нѣсколько транспортовъ, шедшихъ изъ Кронштадта въ Финляндію... Отъ Гохланда англичане направились къ Поркалауду; къ 23-му іюня собралось тамъ 9 англійскихъ военныхъ кораблей. Здѣсь они вознамѣрились обосноваться, для производства отсюда поисковъ въ цѣляхъ уничтоженія и захвата нашихъ транспортовъ. Начальникъ гребной флотиліи въ Поркалаудѣ, лейтенантъ Балле, отбилъ первую попытку англичанъ проникнуть на мелкихъ судахъ въ шхерный фарватеръ, по которому и слѣдовали наши транспорты. Въ ночь на 24-е іюня захваченъ былъ англичанами Поркалаудскій малкъ, а затѣмъ, узнавъ отъ мѣстныхъ жителей о слабости здѣшней русской флотиліи (всего 2 канонерки и 6 іоловъ) они рѣшили атаковать и уничтожить ее. На двадцати баркасахъ, съ 270 чел. экипажа, подъ начальствомъ лейтенанта Гокей, подошли они въ полночь 26-го іюня къ малку и, разомъ изъ четырехъ, ведшихъ на рейдъ, проливовъ, молодецки атаковали нашу флотилію. Бросившись на абордажъ, они, несмотря на все мужество оборонявшихся, овладѣли судами, кромѣ двухъ, которыхъ, какъ вдали расположенные, успѣли уклониться отъ боя и скрыться въ Свеаборгъ.

Мы потеряли 2 офицеровъ и 39 нижнихъ чиновъ убитыми и 106 человѣкъ пленными, изъ коихъ половина раненыхъ...

1-го іюля изъ Кронштадта вышелъ отрядъ канонерокъ (числомъ 25), предназначенный для усиленія финляндской флотиліи. Онъ направлялся въ Або и былъ подъ начальствомъ капитана 2-го ранга фонъ-Дезина. При немъ было 7 транспортныхъ судовъ, про которыхъ въ данномъ ему предписаніи было сказано, что „въ случаѣ невозможности защищать транспорты отъ непріятельскихъ покушеній—попытть или истребить ихъ, но не отдавать англичанамъ“. Идя шхерами, фонъ-Дезинъ все время подвергался надзору со стороны трехъ непріятельскихъ судовъ; когда же, 9-го іюля, онъ подошелъ въ острову Питкянасу, противный свѣжій вѣтеръ заставилъ стать на якоря.

10-го іюля вѣтеръ стихъ, и отрядъ готовился идти дальше, какъ увидѣлъ 5 трехмачтовыхъ кораблей, лавировавшихъ ему на церерѣзъ. Канонерки, прикрывавшія транспорты, съ трехъ сторонъ обстрѣляли головной изъ этихъ кораблей и такъ удачно, что онъ сталъ уходить отъ выстрѣловъ, наши же лодки вернулись въ Питкянасу.

Дальнѣйшее плаваніе фонъ-Дезина продолжалось благополучно, задерживаемое лишь мелами и безвѣтремъ. 13-го іюля одинъ изъ транспортовъ, отставшій нѣсколько отъ флотиліи, былъ атакованъ превосходными силами англичанъ (19 баркасовъ и катеровъ); транспортъ былъ абордированъ и долженъ былъ спустить флагъ, когда изъ 20-ти бывшихъ на немъ людей болѣе половины было убито или ранено, а свыше 100 англичанъ хоронили на палубѣ. Затѣмъ англичане обратились противъ ближайшей канонерки и также взяли ее на абордажъ послѣ отчаянного сопротивленія, когда въ живыхъ на ней осталось только 7 человѣкъ. Затѣмъ столь же успѣшно атакованы были и еще 2 лодки¹⁾). Остальные канонерки благополучно прошли въ Гангутъ.

Съ половины іюля англійскій флотъ распространилъ свои дѣйствія по всему Финскому заливу, открылъ широкое крейсерство и, можно сказать, завладѣлъ имъ вполнѣ. Самъ адмиралъ Сомарецъ съ главными силами изъ 5-ти линейныхъ кораблей стоялъ на якорѣ между островомъ Наргенъ и мысомъ Суропомъ. Въ Рижскомъ заливѣ крейсировалъ фрегатъ. Близъ Мюнѣ-Зунда—корабль съ нѣсколькими мелкими судами; корабль и фрегатъ у Поркалауда; два корабля и 2 фрегата у Гохланда и, наконецъ, корабль и фрегатъ у Сескара.

Въ Рижскомъ заливѣ было захвачено 6 судовъ, нагруженныхъ хлѣбомъ; на островѣ Руно разрушенъ маякъ. Во многихъ мѣстахъ англичане высаживались на побережье, грабили скотъ, истребляли лѣсъ. Въ Поркалаудѣ они построили батарею, такъ что судамъ на-

¹⁾ Изъ англійскихъ описаній явствуетъ, что сдача эта произошла только послѣ отчаянного сопротивленія. На одной изъ лодокъ, изъ 44 человѣкъ всего экипажа, не было ни одного оставшагося невредимымъ...

шимъ нельзя было проходить здѣсь... Суда, крейсировавшія близъ Сескара, послали десантъ въ Бьеркэ-зундъ, но онъ былъ отогнанъ нашимъ отрядомъ береговой обороны. Въ теченіе всего лѣта англичанами всего захвачено 35 купеческихъ судовъ съ казеннымъ и частнымъ имуществомъ и сожжено 20 лайбъ и лодокъ.

Такимъ образомъ, дѣятельность англійского флота въ кампанію 1809 года выразилась въ томъ, что прервано было сообщеніе между Кронштадтомъ и портами Финляндіи и преображенъ былъ доступъ нашему флоту въ Ботническій заливъ. Обстоятельство это отражалось самымъ чувствительнымъ образомъ на ходѣ кампаніи 1809 г.

Опасеніе за побережье вновь захваченной Финляндіи побуждало насъ держать для его охраны значительныя силы; такимъ образомъ, едва четвертая часть Финляндской арміи могла быть выдѣлена въ составъ такъ называемаго Улеаборгскаго корпуса, т. е. той группы, которая предназначалась для активнаго наступленія сухимъ путемъ въ Швецію... Но и помимо этой причины, т. е. необходимости „расположить наши военные мѣры въ Финляндіи къ отраженію непріятельскихъ покушеній“¹⁾ было другое основаніе, не позволявшее намъ увеличивать силы наступающаго корпуса: это—вопросъ о его снабженії. Изъ предшествующаго надложенія видно, что корпусъ этотъ по самымъ свойствамъ лежавшей на немъ задачи и по обстановкѣ выпадавшихъ на его долю дѣйствій былъ осужденъ находиться какъ бы въ нѣкотораго рода заколдованнымъ кругѣ... Стоило усилить его,—какъ тотчасъ возрастали неимовѣрно затрудненія, какъ по снабженію его съ тыла, такъ и по изысканію мѣстныхъ для него средствъ; стоило, наоборотъ, ослабить его, какъ тотчасъ же падала въ немъ способность къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ и усиливалось опасеніе въ отношеніи покушеній съ тыла..

Отсюда понятна та принужденность, та связанность въ дѣйствіяхъ, которую проявляетъ Улеаборгскій корпусъ во всю эту заботническую кампанію. Отсюда объяснима эта постоянная и на первый взглядъ странная для побѣдителей склонность къ постояннымъ переговорамъ съ побѣжденными и черезчуръ предупредительная готовность заключать перемирія... Перемирія эти, конечно, только затягивали борьбу и, слѣдовательно, оттягивали разрѣшеніе той основной задачи, которая поставлена была для наступленія въ кореннную Швецію...

Интересно сравнить условія лѣтней кампаніи 1808 и 1809 годовъ для обѣихъ враждующихъ сторонъ. Въ первомъ случаѣ Шведы намѣревались наступать въ Финляндію, имѣя уже тамъ свои вооруженныя силы, возставшую въ ихъ пользу противъ русскихъ значительную часть мѣстнаго населенія и полную свободу дѣйствій на морѣ

¹⁾ Выс. раскриптий Барклаю-де-Толли отъ 31-го мая 1809 г., № 114.

къ съверу отъ Аландского архипелага... Шведы могли по произволнію комбинировать бывшія въ ихъ распоряженіи силы и средства и, сковывая насъ на побережье, изыскать наивыгоднѣйшее направление для удара и нанести его.. Въ 1809 году, когда намъ пришлось отчасти помѣняться съ ними ролями; когда понадобилось дѣйствовать активно въ коренной Швеці, хотя бы съ ограниченную цѣлью давленія на ходъ мирныхъ переговоровъ, мы живо и болѣзненно ощутили всю невыгоду, все неудобство оперированія въ такихъ условіяхъ, не имѣя свободы дѣйствій на морѣ...

И если результатъ кампаніи 1809 г. всетаки оправдалъ наши ожиданія, то это слѣдуетъ приписать съ одной стороны, упорству и настойчивости нашей въ преслѣдованіи поставленной цѣли, всегдашней стойкости и выносливости войскъ и, главное, подавленному моральному состоянію противника. По справедливости можно обратить упрекъ по адресу нашихъ предводителей, не исключая и графа Каменского, въ излишней сподвижности къ противнику, какъ бы въ какомъ то чрезмѣрномъ „дженртъмэнствѣ“, если позволительно такъ выражаться... Независимо того, мы, видимо, не давали себѣ полнаго отчета въ томъ, насколько въ сущности уже подорвана въ шведахъ вѣра въ себя и въ свою способность къ сопротивленію.. Князь П. И. Багратіонъ, наступая въ мартѣ 1809 г. черезъ Аландъ къ Стокгольму, видимо, чувствовалъ лучше всѣхъ своимъ „суворовскимъ“ чутьемъ эту психологию противника, когда, оттягивая отвѣтъ на предложенія фонъ-Дебельна, торопилъ свои колонны; чувствовалъ это и Я. П. Кульевъ, пѣвшій въ Грислехамѣ „Тебѣ Бога хвалимъ“ и рвавшійся со своими гусарами и уральцами къ стѣнамъ шведской столицы... И положеніе дѣлъ было таково, что эти гусары и уральцы могли вполнѣ свободно тутъ же, съ маху, овладѣть этой столицей, какъ овладѣвали наполеоновскіе кавалеристы прусскими крѣпостями три года передъ тѣмъ... *

Къ сожалѣнію, какъ мы знаемъ, высшее начальство ввѣрилось обману и на этотъ разъ... Кампанія затянулась, и потребовался еще цѣлый рядъ усилий, чтобы достигнуть *выгодной* пограничной черты, прочертивъ которую передъ Государемъ на картѣ, генералъ Сухтеленъ, какъ известно, сперва ужаснулся Императора, но которая впослѣдствіи Имъ же была воспроизведена и настойчиво поддерживаема...

5-го сентября 1809 г., наконецъ, Фридрихсгамскій миръ былъ подписанъ. Разъяснить значеніе этого события, столько разъ уже разъясненнаго было бы, пожалуй, излишне, если бы жизнь не выдвинула цѣлаго ряда непредвидѣнныхъ или, вѣрнѣе, запущенныхъ нами вопросовъ, въ силу которыхъ сто лѣтъ спустя, мы стоимъ еще,

пожалуй, дальше отъ разрѣшенія вѣковой задачи обезпеченія Петербурга, чѣмъ стояли въ то время... Не входитъ въ нашу цѣль углубляться въ область внутренней политики, но мы всегда держались убѣжденія, что всякая исторія, а тѣмъ паче исторія военная, никогда не изучалась и не должна изучаться только для „пользы науки“, иначе, говоря—только для возстановленія прошлаго.

Исторія вся—это лучшій и, пожалуй, единственный источникъ поученій для внесенія поправокъ въ настоящее, для огражденія себя отъ ошибокъ въ будущемъ... Вотъ съ этой то точки зрѣнія и слѣдуетъ намъ, заканчивая теперь фактическій ходъ событий послѣдней войны нашей со Швеціей, бросить ретроспективный взглядъ на все изложенное и попытаться извлечь оттуда и сгруппировать тѣ поученія, которые могутъ пригодиться либо сейчасъ, либо—впослѣдствіи.

ГЛАВА XIV.

Заключение.

Политические результаты Фридрихсгамского мира.—Оценка ихъ манифестомъ 1-го октября 1809 года.—Общий характеръ нашихъ военныхъ действий въ 1808—09 гг.—Что тормозило наши успехи?—Какъ обезопасить себя отъ народной войны?—Связь сухопутныхъ и морскихъ действий.—Выводы на будущее.

Тактические указания.—Боевые порядки.—Гибкость тактическихъ приемовъ.—Частный починъ.—Значение связи.—Бои въ шхерахъ.—Роль различныхъ родовъ войскъ.—Заключение.

Фридрихсгамский мирный договоръ 5-го сентября 1809 года завершилъ собою, наконецъ, ту вѣковую борьбу, которую мы вели со Швецией за преобладаніе на балтійскихъ берегахъ. Ништадскій миръ поднялъ Россію на небывалую дотолѣ высоту, введя ее въ ряды европейскихъ державъ и давъ ей вѣскій голосъ во всѣхъ международныхъ вопросахъ, а Швецію низвергъ въ разрядъ державъ второстепенныхъ. Теперь, съ завоеваніемъ нами всей Финляндіи, окончательно исчезъ самый поводъ для шведовъ впутываться въ „большую политику“. Теряя Финляндію, которая, въ силу своего географического положенія, была неизбѣжно яблокомъ раздора между двумя сосѣдями, Швеція возвращалась въ границы, намѣченныя для нея самою природою и получала возможность тратить народные силы и производительность страны исключительно на самое себя.

Благой результатъ совершившейся перемѣны впослѣдствіи признали даже многіе шведы. Они пришли къ заключенію, что Швеція никогда не достигла-бы того благосостоянія и той степени культуры, какъ теперь, если бы продолжала обладать Финляндіей; ей пришлось бы, для удержанія послѣдней, нести непосильные военные расходы, отъ чего, безспорно страдало бы народное образованіе, просвѣщеніе, благоустройство и многія другія отрасли внутренней государственной жизни, все то, что теперь, за цѣлое столѣtie безмѣтежнаго труда въ сторонѣ отъ безпрестанно стѣкавшихся крупныхъ политическихъ интересовъ, достигло у нашихъ за-ботническихъ сосѣдей высокой степени процвѣтанія...

Въ настоящее время, какъ разъ на порогѣ второго столѣтія послѣдней вооруженной борьбы нашей со шведами, въ Швеціи какъ будто начинаютъ яснѣе сознавать пользу сближенія съ Россіей въ интересахъ обѣихъ странъ; недавній брачный союзъ шведской королевской семьи съ Россійскимъ Императорскимъ домомъ, несомнѣнно, способствуетъ исчезновенію тѣхъ послѣднихъ остатковъ вражды и

отчужденности, которые поддерживались и насаждались въ Швеціи нашими врагами, пользуясь поверхностнымъ знаніемъ тамъ условій русской жизни... Вмѣстѣ съ тѣмъ, событія послѣднихъ лѣтъ въ Финляндіи начинаютъ убѣждать болѣе разумные элементы шведского общества въ томъ, что утрата „финляндскихъ губерній“ совершившаяся сто лѣтъ тому назадъ, представляетъ собой для Швеціи еще иного рода выгоду: всѣ современные политическія притязанія финляндцевъ пришлось бы расхлебывать уже не русскимъ, а шведамъ. А притязанія эти, какъ показываетъ прошлое, зародились еще за много лѣтъ до перехода Финляндіи въ русскія руки. Нельзя не обратить также вниманія на то, что сравнительное спокойствіе въ области внутренней политики водворилось въ самой Швеціи именно послѣ утраты Финляндіи...

Въ виду всего сказанного, въ настоящее время, едва ли въ Швеціи, среди лицъ сколько-нибудь серьезныхъ и вліятельныхъ, питають какія-либо мечты о „реваншѣ“, подобныя, напримѣръ, существующимъ во Франціи по отношенію къ Рейнскимъ провинціямъ... Въ нынѣшней Швеціи, повидимому, хорошо понимаютъ, какой обузой явилась бы для нея Финляндія сейчасъ и, если бы даже предположить участіе шведовъ въ какой-либо коалиціи противъ Россіи, то, въ случаѣ успѣха такой войны, они, думается, извлекли бы отъ нась какія-либо иные выгоды...

Мы уже указывали въ началѣ нашихъ статей на то, какія цѣли преслѣдовала Россія, добиваясь отвоевать отъ Швеціи Финляндію. „Географическій врагъ“ былъ, наконецъ, послѣ долгихъ усилий, сломленъ, и „шесть губерній“, „съ городами, портами, селеніями и островами“, вошли „въ собственность и державное обладаніе Имперіи Россійской“. Такъ гласить статья IV международного акта, Фридрихсгамского мирного договора, опредѣлившаго собою юридическое положеніе Финляндіи.

Тотъ путь, по которому впослѣдствіи пошла Финляндія подъ русской властью, никоимъ образомъ нельзѧ вмѣнить въ вину главнымъ дѣятелямъ, способствовавшимъ этому важному приращенію русской территоріи... Военачальники, стоявшіе во главѣ войскъ нашихъ, дипломаты, ведшіе переговоры со шведскими уполномоченными, не мудрствуя лукаво, блюли лишь интересы Россіи, хлопотали лишь о достижениіи „безопасія“ Петербурга. Графъ Каменскій говорилъ: „мы завоевали Финляндію — сохраните ее!“ Графъ Румянцевъ сдалъ въ Фридрихсгамъ Россіи „въ собственность и державное обладаніе“ — шесть губерній... Никто изъ нихъ непричастенъ дѣлу образованія „Великаго Княжества Финляндскаго“ изъ прежней Петровской отчины, насильственно слитой въ 1811 году съ новопріобрѣтенными землями..

Чаянія и надежды въ отношеніи выгодъ отъ пріобрѣтенія шведской Финляндіи,—лучше всего видны изъ текста Высочайшаго Манифеста отъ 1-го октября 1809 года по случаю заключенія мира со Швеціей. Воздавая должное доблести русскаго воинства, пóтомъ и кровью котораго, можно сказать, добыта каждая пядь „суроваго“ финляндскаго края, манифестъ пытается намѣтить тѣ преимущества, которыхъ будуть или могутъ быть для нась результатомъ новаго завоеванія...

„Всевышній положилъ конецъ войнѣ, между Россіей и Швеціей возникшій. Миръ, столько же славный для исторіи, сколько и сообразный стремленіямъ Нашимъ, возстановленъ на основаніяхъ твердыхъ.

„Въ теченіе седми столѣтій непрерывныя почти войны потрясали спокойствіе народовъ, предоставленныхъ природою хранить доброе и мирное сосѣдство.

Отъ самыхъ отдаленнѣйшихъ временъ до дней Нашихъ, отъ славныхъ побѣдъ благочестиваго Предка Нашего Св. Великаго Князя Александра Невскаго до настоащаго мира рѣдко проходило двадесять лѣтъ сряду и никогда почти не протекало полвѣка, чтобы война между нами не возникла.

„Колькратно миръ, кровю народовъ запечатлѣнныи, вскорѣ послѣ того былъ по стеченію обстоятельствъ снова расторгаемъ. Колькратно Финляндія, всегдашній предметъ и позорище сей войны, страдала, истребляема огнемъ и мечемъ!

„Успѣхами оружія славныхъ нашихъ предковъ, превозможеніемъ ихъ и твердостью духа, троекратно присоединяемы были къ Россіи разныя части пограничныхъ шведскихъ владѣній. Часто постановляемы и многократно подтверждаемы были мирные трактаты. Взаимныя и ощущительныя пользы сдѣлали для обоихъ народовъ миръ драгоцѣнныи. Но причины войны были неизыскаемы. Споры о границахъ безпрестанно возрождались, и среди мира Россія не обрѣтала въ нихъ твердой ограды своему спокойствію. При сей нетвердости предѣловъ, противоположность въ видахъ политическихъ всегда новую и непрерывную предоставляла войнѣ пищу.

„Провидѣнію угодно, наконецъ, было сю долголѣтнюю и всегда возрождающуюся прию сосѣдственныхъ народовъ рѣшить окончательно во дни Наші.

„По слѣдамъ древнихъ побѣдъ, въ странахъ гдѣ Петръ Великій пріучалъ Россовъ къ воинской славѣ, доброе Наше воинство, мужественно подвизаясь, преоборая всѣ препятствія, по глыбамъ льда проницая въ мѣста непроходимыя, отъ предѣловъ, къ столицѣ Нашей близкихъ, простерло славу Россійскаго оружія до самыхъ отдален-

ныхъ странъ съвера: покорило Финляндію, завладѣло всѣми ея провинціями, одержало знаменитые острова Аландскіе и, объявъ Ботническій заливъ, перейдя западную Ботнію, на отдаленныхъ предѣлахъ ея утвердило свое обладаніе. На семъ великомъ пространствѣ всѣ города, порты, укрѣпленія, самыя твердыни Свеаборга пали во власть его.

„Путь къ побѣдамъ, не взирая на всѣ сопротивленія, еще былъ отверзтъ; но, какъ скоро надежда къ прочному миру представилась возможнаю, мы съ удовольствіемъ, оставивъ всѣ выгоды воинскаго Нашего положенія, обратились къ миру.

„Сею твердою надеждою, постановленіемъ Имперіи нашей непреложныхъ и безопасныхъ границъ, измѣряемъ Мы наипаче выгоды сего мира. Новыя владѣнія Наши, съ одной стороны огражденныя Свеаборгомъ и другими крѣпостями, обеспеченныя весьма важнымъ для морской силы положеніемъ Аландскихъ острововъ, съ другой окруженыя отъ сосѣдей большими рѣками Торнео и Муоніо, всегда будутъ составлять твердую и незыблемую ограду Имперіи нашей.

При таковыхъ существенныхъ выгодахъ сего мира не можетъ быть для сердца Нашего равнодушно присоединеніе къ числу вѣрныхъ нашихъ подданныхъ народа финскаго. Бѣдствіями войны доселѣ почти непрерывно обуреваемый, отнынѣ станетъ онъ на чредѣ народовъ подъ сѣнью престола Нашего покоющихся въ тишинѣ и безопасности. Шесть губерній со всѣми принадлежащими къ нимъ городами и селеніями приобрѣтаютъ симъ новое бытіе и благословляютъ уже Промыслъ Вышняго, судьбу ихъ такъ устроющей.

„Обладая всѣми портами и пристанями въ Финскомъ заливѣ, на Аландскихъ островахъ и во всей восточной части Ботническаго залива до самаго Торнео, въ странѣ плодоносной, изобилующей лѣсами и всякими произведеніями земли, населенной народомъ трудолюбивымъ и къ мореходной промышленности издревле пріобыкшимъ, торговля наша воспріиметъ новое расширение, купеческое мореплаваніе получитъ новую дѣятельность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и воинское Наше морское ополченіе пріобрѣтетъ новыя силы¹⁾.

Въ какой мѣрѣ осуществились всѣ эти упованія, предоставляемъ судить самимъ читателямъ...

Въ кампанію 1808 года мы впервые отступили отъ того способа дѣйствій, которымъ неизмѣнно руководствовались въ Финляндіи въ прежнія войны со Швеціей. Въ основаніе плана завоеванія этой окраины положенъ былъ, въ сущности говоря, отказъ отъ совмѣст-

¹⁾ Курсивы наши.

нихъ операций сухопутныхъ вооруженныхъ силъ съ морскими: рѣшено было вторгнуться въ Финляндію зимою и притомъ широкимъ фронтомъ „захвативъ какъ можно больше пространства земли“. Предполагалось, что Финляндія окажется въ нашихъ рукахъ, какъ плодъ зимней кампаниі, а морскія силы понадобятся уже только для дѣйствій противъ самой Швеціи...

Положимъ, ошибочность нашихъ расчетовъ на успѣхъ зимней кампаниі въ Финляндіи зависѣла, какъ мы и указывали въ своемъ мѣстѣ, въ значительной степени отъ неосновательныхъ упованій на *прибережнѣсть местного населения и его отдаленіе отъ Швеціи и присоединенія къ Россіи*; но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что та же самое положеніе, въ которомъ мы оказались къ началу весны 1808 г., проистекало и отъ слишкомъ опрометчиваго расходованія наличныхъ силъ въ погонѣ за *разрѣшеніемъ нѣсколькоихъ задачъ одновременно*. Очевидно, слишкомъ низкая оцѣнка степени способности противника къ сопротивленію и некоторая самоувѣренность играли здѣсь также извѣстную роль.

Хроническая ошибка большей части нашихъ войнъ,—чрезмѣрная экономія въ силахъ въ началѣ кампаниі, зависящая отъ неправильной оцѣнки обстановки и пренебреженія противникомъ—повторена была и здѣсь. Положимъ, если бы мы рѣшили собрать большія силы, то пришлось бы отсрочить начало кампаниі и, следовательно, упустить наиболѣе благопріятный для того моментъ; но, по мѣрѣ постепѣннаго занятія территоріи шведской Финляндіи надлежало постепенно придвигать съ тылу свѣжія войска для закрѣпленія захваченнаго за собою, не ослабляя для того дѣйствующаго корпуса. Обстоятельство это роковымъ образомъ повліяло на теченіе всей кампаниі. Увѣренность въ томъ, что легкій захватъ беззащитной Финляндіи въ зимнее время повлечетъ за собою *отложеніе* отъ Швеціи, не побудила насъ позаботиться своевременною подготовкою резервовъ въ тылу; это повлекло за собою, съ одной стороны, затяжку войны на полтора съ лишнимъ года, а съ другой вызвало гораздо большую затрату силъ и средствъ, чѣмъ потребовалось бы, если бы съ самаго начала ихъ было назначено достаточно...

Уже въ мартѣ 1808 года Императоръ Александръ намѣревался перенести свое оружіе въ Швецію и, не оцѣнивая надлежащимъ образомъ обстановки, требовалъ отъ графа Буксгевдена выполненія этой задачи съ наличными силами. Общая идея, тяготѣвшая надъ нами во все время войны, заключалась въ томъ, чтобы, угрозой Стокгольму, принудить шведовъ къ скорѣйшему заключенію мира. Захватъ вооруженною рукой Финляндіи долженъ былъ служить для того лишь подготовительнымъ средствомъ; въ то же время Финляндія явилась бы,

въ случаѣ успѣха предпріятія, уже готовымъ, фактически захваченными въ наши руки, призомъ. Первоначально намѣревались вести обѣ операций одновременно, такъ какъ ударъ на Стокгольмъ предполагалось наносить не изъ Финляндіи, а черезъ островъ Готландъ въ Шонію, одновременно съ франко-датскимъ десантомъ изъ Помераніи. Судьба, постигшая отрядъ Бодиско, и участіе войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ Бернадотта, помѣшала осуществленію этого плана, который, разумѣется, былъ исполнимъ только при наличіи своевременно подготовленныхъ морскихъ средствъ.

Иначе дѣйствовали и совѣтовали геніальные наши полководцы... Петръ Великій въ 1713 году, какъ известно, началъ кампанію въ Финляндіи съ быстрого захвата Гельсингфорса, и, только утвердившись прочно въ южной части края, вплоть до Або, при помощи совокупной работы сухопутныхъ войскъ и флота, его генералы повели энергичное наступленіе вглубь страны, нанеся рядъ послѣдовательныхъ рѣшительныхъ ударовъ (при Пелькяне, Лаппала) живой силы противника. Наступленіе это ведено было при этомъ насколько возможно *сосредоточенно*, избѣгая одновременно погони за нѣсколькими цѣлями и дробленія войскъ на отдельныя значительно удаленные другъ отъ друга группы... Суворовъ, въ своихъ „замѣчаніяхъ“ обѣ оборонительной и наступательной войнѣ въ Финляндіи“ (см. глава IV), держится, примѣрно, того же взгляда. Онъ считаетъ, что „незнатные набѣги“ должно „презирать“, а самимъ „таковыхъ иррупціевъ“ нечиинить, ибо онъ опасны“. „Малая война обоядно равна и не полезна, изнуряетъ войско“; поэтому Суворовъ предостерегаетъ отъ дробленія на мелкие отряды и совѣтуетъ „лучше усыплять, нежели тревожить— и дѣлать большой ударъ“. Переходя отъ этихъ общихъ соображеній къ болѣе опредѣленнымъ наброскамъ плановъ, Суворовъ,—если припомнить читатели—рекомендуется оперировать (либо на Свеаборгъ, либо на Або, заслонившись отъ первого) исключительно въ предѣлахъ прибрежнаго района, явно предпочитая совокупныя дѣйствія съ флотомъ. Обезпеченія нашей операционной линіи со стороны внутренней Финляндіи онъ считаетъ вполнѣ возможнымъ достигнуть, имѣя „внутри границъ“ (т. е. въ своей, „Старой“ Финляндіи), обсервационный корпусъ, не сильнѣе десяти тысячъ, которому назначалась „позиція при Савитайполѣ¹⁾“ и вниманіе на Саволаксъ, съ содѣйствиемъ Саймской флотиліи“ и высылкою въ стороны „легкихъ отрядовъ“. Какой-либо серьезной диверсіи намъ въ тылъ изъ Саволаксъ-Кореліи Суворовъ не опасался, считая, что такой непріятельский отрядъ „самъ казненъ, окружены остройми горами, незащищенъ“

¹⁾ Къ С.-З. отъ Вильманстранда на дорогѣ въ С. Михель.

и „самъ пришелъ къ побієнію соединеніемъ на него корпусовъ“, да єтъ тому же „отдаляетъ свою субсистемцію“; а сверхъ того „быстрая рѣка Вокса“ (Вуокса) „весьма оборонялема“...

Отсюда видно, что Суворовъ, съ одной стороны, признавалъ вредными всякое увлеченіе какими-либо побочными, частными цѣлями внутри Финляндіи, кромѣ „большого удара“ по живой силѣ, а съ другой— не считалъ такого удара рискованнымъ, такъ какъ, по мѣстнымъ условіямъ, и послѣ имъ же созданного фортификаціоннаго усиленія нашей границы, онъ расчитывалъ сдержать всякия покушенія изъ внутренней Финляндіи на нашъ тылъ даже безъ особенной затраты силъ... Намѣчая же ближайшую цѣлью операций такие пункты какъ Свеаборгъ и Або, онъ сходится вполнѣ съ Петромъ, такъ какъ для обеспеченія успѣха „большого удара“ надо предварительно подготовить таковой.

Суворовъ въ своихъ соображеніяхъ вель операціи въ Финляндіи параллельно побережью и совокупно съ флотомъ, корабельнымъ и галернымъ, т. е. совершенно также, какъ на практикѣ до него сдѣлалъ это въ 1712—14 годахъ Петръ Великій. Что же касается внутренней Финляндіи, этого „редюита“ мѣстной обороны, то Суворовъ совершенно не намѣренъ былъ тратить силы на его преодолѣніе, а ограничивался лишь принятиемъ мѣръ къ тому, чтобы насколько возможно оградиться отъ покушеній, которыхъ предвидѣлись оттуда противъ сообщеній нашихъ главныхъ силъ... Суворовъ отлично изучилъ мѣстность по тогдашней русско-шведской границѣ, исполняя данное ему Императрицей Екатериной порученіе по ея укрѣпленію... Онъ подмѣтилъ ту особенность, что изнутри Саволакса, т. е. внутренней части Финляндіи, можно проникнуть въ Корелію, т. е. въ нынѣшнюю Выборгскую губернію, только по очень немногимъ строго опредѣленнымъ перешейкамъ между прихотливыми развѣтвленіями Саймы. Достаточно прочно преградить эти коридоры, а затѣмъ—занять тѣ немногіе пункты на оборонительной линіи Вуоксы, въ которой послѣдняя пересѣкается дорогами, чтобы быть сравнительно спокойнымъ за участіе своего тыла. Цѣлью главныхъ операций ставилось Суворовымъ очищеніе отъ непріятельскихъ войскъ всей страны до Або и захватъ Свеаборга съ моря и съ суши. Дальнѣйшее наступленіе на сѣверъ Суворовъ считалъ излишнимъ. Дѣйствительно, достаточно овладѣть страною вплоть до оборонительной линіи рѣки Кумо, захватить такие важные узлы, какъ Таммерфорсъ и Тавастгусъ, чтобы обеспечить себѣ возможность дальнѣйшихъ операций въ западномъ направлѣніи, т. е. противъ Швеціи, не опасаясь серьезно за свои соображенія. Расходъ силъ по удержанію въ своей власти занятой части края былъ бы значительно менѣе, чѣмъ при захватѣ почти всей

Финляндії вплоть до Вазы и Куопіо, какъ было въ 1808 году, въ особенности потому, что сообщенія въ этомъ случаѣ (особенно, разъ Свеаборгъ былъ въ нашей власти), могли бы быть направлены вдоль самаго побережья, пользуясь моремъ и шхерными его фарватерами, какъ коммуникационными путями...

Вообще, вопросъ о снабженіи войскъ, дѣйствующихъ въ Финляндіи, всѣмъ необходимымъ, являлся данною вліяющею самимъ существеннымъ образомъ на характеръ всѣхъ стратегическихъ соображеній... Поэтому надежная связь оперирующихъ войскъ съ ихъ тыломъ, съ главною базой въ Старой Финляндіи (которую Суворовъ искусно прикрылъ сооруженными имъ крѣпостями и укрѣпленіями), являлась въ данномъ случаѣ вопросомъ первостепенной важности.

На мѣстныхъ средства расчитывать было нечего, а сообщенія по грунтовымъ дорогамъ, не смотря на ихъ сравнительно хорошія качества, происходили крайне медленно и затруднительно, особенно, если бы понадобилось доставлять тяжести вглубь страны. Въ этомъ случаѣ, опять таки, веденіе операций *вдоль побережья* крайне облегчало задачу (конечно въ навигаціонный периодъ); коммуникаціонные пуги легко переходили на гораздо болѣе удобные водные фарватеры. Хотя мы и не обладали господствомъ на морѣ, но все же можно было пользоваться съ этой цѣлью шхерными путями, какъ сравнительно малодоступными покушеніямъ противника. Даже въ тѣ времена, при отсутствіи парового флота, преимущества водныхъ путей для передвиженія грузовъ были настолько очевидны, что шведы (какъ мы знаемъ изъ дошедшихъ до насъ различныхъ проектовъ и плановъ по оборонѣ Финляндіи) намѣчали цѣлый рядъ водныхъ сообщеній изъ Швеціи вглубь Финляндіи, думая приспособить и внутреннія воды послѣдней, какъ для перемѣщенія тяжестей, такъ даже и для маневрированія войскъ¹⁾.

Для насъ пользованіе внутренними водными путями Финляндіи, было малодоступно, хотя уже Суворовъ предвидѣлъ содѣйствіе „Саймской флотиліи“...

Въ кампанію 1808 года только подъ конецъ (по мысли Аракчеева) начали практиковать подвозъ моремъ къ Гельсингфорсу и даже къ Або; но только для надобностей шхерныхъ флотилій и отрядовъ, занимавшихъ прибрежные пункты; всѣ же войска, игравшія наиболѣе дѣятельную роль въ кампаніи, дѣйствовали во внутренней Финляндіи: Барклай (потомъ Тучковъ) въ районѣ Куопіо; Раевскій (потомъ Каменскій) между Вазой, Ювяскуля и Тавастгусомъ. Очевидно, подвозъ къ нимъ могъ производиться только сухимъ путемъ. Внутреннія воды были использованы, и то подъ ко-

¹⁾ См. въ гл. III планъ анонимного автора для наступленія изъ Саволакса къ Кексгольму.

нечъ, только для Куопиоской группы. Понятно, что сообщенія, простиутыя въ глубинѣ самой пересѣченной части Финляндіи, являлись заманчивымъ объектомъ для партизанскихъ шаекъ, и можно только удивляться, что шведы не наладили этого дѣла болѣе систематично, совершенно притомъ не пользуясь для этой цѣли конницей. Нѣсколько бывшихъ удачныхъ нападеній, явившихся результатомъ частнаго починна Сандельса и его сподвижниковъ, не смогли, всетаки, настолько затруднить положеніе нашихъ отрядовъ, чтобы вынудить ихъ къ очищению внутренней части Финляндіи.

Борьба за послѣднюю, въ сущности, поглощала собою всѣ усилия обѣихъ сторонъ до тѣхъ поръ, пока во главѣ нашей главной группы не сталъ графъ Каменскій, который энергичнымъ ударомъ вытѣснилъ графа Клингспора изъ озерной области и вынудилъ его, сверхъ того, отказаться отъ всякой связи съ десантными попытками, руководимыми королемъ, и снова отступать на дальний сѣверъ. Если бы съ самаго начала лѣтней кампаниіи мы удовольствовались захватомъ южной Финляндіи со Свеаборгомъ и обратили свои усилия къ тому, чтобы подготовить заблаговременно зимній переходъ въ Швецію че-резъ Аландъ, то, по всей вѣроятности, кампания могла бы быть окончена еще къ новому году. Захватъ столицы противника, Стокгольма, почти беззащитнаго въ зимнее время, такъ какъ почти всѣ войска, остававшіяся еще въ Швеціи, были частью на норвежской границѣ, частью въ Шоніи, оказалъ бы на успѣхъ мирнаго договора давленіе болѣе существенное, чѣмъ фактическій захватъ нашими войсками сѣверной Финляндіи. Да послѣднее, вѣроятно, осуществилось бы въ этомъ случаѣ безнаказанно, такъ какъ съ водворенiemъ нашихъ войскъ на шведскомъ берегу, надо думать, шведы потянули бы изъ Финляндіи всѣ остававшіяся еще тамъ силы на защиту метрополіи.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что если зимняя кампания въ Финляндіи ¹⁾ и сулила намъ быстрый и легкій успѣхъ надъ врагомъ,

¹⁾ Въ настоящее время условія нѣсколько иные, и, если въ зимнее время тактическая, такъ сказать, доступность Финляндіи осталась въ прежнемъ положеніи, то вѣнчанія изолированности ея въ томъ видѣ, какъ столѣтіе назадъ, уже не будетъ имѣть мѣста.

«На Финляндію въ военномъ отношеніи всегда смотрѣли и доселе смотрятъ, какъ на окраину, доступную для десанта, но въ зимнее время обеспеченную самою природою, такъ какъ кто-же изъ нашихъ серьезныхъ противниковъ можетъ попасть сюда зимою; развѣ одна только Швеція? А Швецію у насъ давно уже привыкли довольно основательно игнорировать въ военномъ отношеніи.

«Но за послѣднее время приходится прийти къ убѣждѣнію, что зимняя недоступность Финляндіи външнему вторженію уже отошла въ область преданій... Не будемъ простыми афоризмомъ сказать, что Финляндія зимою скорѣе можетъ быть отрѣзана отъ Россіи, чѣмъ отъ сообщеній съ Западомъ. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ правильное грузовое и пассажирское сообщеніе поддерживается (отъ Або и Гангѣ) всю зиму съ портами Швеціи и Германіи, при помощи ледорѣзовъ. При такихъ условіяхъ нѣть рѣшительно ничего незѣроятнаго въ томъ, чтобы любой изъ нашихъ возможныхъ противниковъ, изъ числа обладающихъ сильнымъ флотомъ, еще до исхода зимы, слѣдяя безпрепятственно по постоянно поддерживаемымъ ледорѣзамъ путемъ, высадилъ въ юго-западной Финляндіи достаточныя силы.

то этою легкостью осторожнѣе было бы не увлекаться въ смыслѣ распространенія по всей территории Финляндіи этимъ мы ослабили себя и сыграли въ руку противнику, который именно и расчитывалъ на такую нашу растяжку, чтобы впослѣдствіи дѣйствовать на наши фланги и тылъ.

Итакъ, война 1808—1809 года ярко подтвердила, до какой степени прозорливо намѣчены были геніальными старцемъ основныя черты будущей войны со Швеціей.. Единственное, въ чемъ не оправдались его расчеты, это—относительно нашего флота²⁾. Онъ, правда, не могъ предвидѣть союза Швеціи съ Англіей, а также того состоянія неготовности, которое вынуждало нашъ флотъ запаздывать своимъ выходомъ въ море и потому упускать благопріятныя минуты для раздѣльного нападенія на союзниковъ, не говоря уже объ ошибкахъ его командованія.

Здѣсь мы подходимъ, къ одной изъ главныхъ причинъ, тормозившихъ наши успѣхи въ эту войну. Будучи на сухомъ пути фактически сильнѣе противника и ослабляясь лишь благодаря разброскѣ, мы на морѣ, обладая по размѣру флотомъ немногимъ менѣшимъ, чѣмъ соединенные эскадры шведовъ и англичанъ, не могли никогда своевременно противопоставить противникамъ надлежащія силы, не говоря уже о томъ несоответственномъ образѣ дѣйствій, который привелъ адмирала Ханыкова къ блокадѣ въ Балтійскомъ морѣ.. Вѣдь, въ сущности, предварительная засылка нами своихъ гарнизоновъ на Аландскіе острова и Готландъ объяснялась желаніемъ лишить шведовъ, къ наступленію навигаціи, удобныхъ морскихъ базъ и плацдармовъ для активныхъ дѣйствій противъ нашего побережья, а самимъ пріобрѣсти таковыя.. Расчетъ на успѣхъ могъ быть при этомъ основанъ только на *немедленной* поддержкѣ этихъ войскъ флотомъ. А это даже физически не было выполнимо, такъ какъ изъ Финского залива суда могли выйти въ море всегда значительно позже, чѣмъ шведы съ западныхъ береговъ Балтики, гдѣ ледъ вскрывается гораздо

«Помѣшать такой операциіи, особенно при современномъ положеніи нашихъ морскихъ силъ, мы врядъ ли будемъ въ состояніи. Да и какъ бы ни были увеличены и улучшены эти силы, все равно они въ такое время года будутъ обречены на бездѣйствіе..»

«Утвердившись безнаказанно въ Финляндіи, такой десантъ едва ли можетъ быть надолго задержанъ малочисленными войсками, въ ней квартирующими, ибо зимою финляндская изѣтность способствуетъ оборонѣ лишь въ самой незначительной степени. На прибыtie же подкрайпленій,—если даже принять, что таковыя могутъ быть туда выдѣлены, потребуется *время*, особенно, если свободное пользованіе финляндскими желѣзными дорогами для военныхъ надобностей встрѣтить для насъ затрудненія»..

Наоборотъ «противникъ получить возможность получать все необходимое моремъ по проложеннымъ ледорѣзами путамъ, а затѣмъ по желѣзнымъ дорогамъ Финляндіи»..

Н. Каменскій, «Современное положеніе Финляндіи съ точки зренія обороны государства». Спб. 1908 г. стр. 19 и слѣд.

²⁾ Въ замѣткахъ, диктованныхъ ген. Прево-де Люміану, онъ говорилъ: «a la mer elle (la Russie) sera beaucoup plus forte et ruinera la flotte suédoise».

раньше. Хотя и у шведовъ подготовка морскихъ силъ шла съ большиими неисправностями и затрудненіями, тѣмъ не менѣе ко второй половинѣ апрѣля они успѣли вывести въ море нѣсколько судовъ, чего оказалось вполнѣ достаточнымъ для поддержания возставшаго на вышеназванныхъ островахъ населенія, уже начавшаго распра-вляться съ русскими. Въ то же время англійскій флотъ завладѣлъ водами, отдѣлявшими Швецію отъ Германіи, и десантъ нашихъ со-юзниковъ оттуда сдѣлался невозможнымъ. Такимъ образомъ, стрем-леніе Императора Александра внести оружіе наше какъ можно скорѣе въ Швецію парализовалось, такъ сказать, самою природою вещей и не въ нашей власти было измѣнить въ данномъ отношеніи обста-новку въ свою пользу.

Если бы въ 1808 году ближе держались совѣтовъ Суворова, о которыхъ, вѣдь всякаго сомнѣнія, никто въ то время и не вспомнилъ,—то, несомнѣнно, многіе тяжелые для нашего самолюбія моменты этой кампаніи, искупленные только доблестью русскаго воинства и офицерства, были бы, вѣроятно, избѣгнуты.

Вмѣсто одновременной погони за нѣсколькими цѣлями въ зимнюю кампанію, приведшей къ извѣстному намъ кризису весны 1808 года, изъ котораго мы вышли благополучно только благодаря ошибкамъ и нерѣшительности противника, и то цѣнною огромныхъ усилий, Суворовъ, надо полагать, удовлетворился бы въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ за-хватомъ южной Финляндіи, со Свеаборгомъ, до Або и Тавастгуса включительно и, уже во всякомъ случаѣ, предпринялъ бы дальний поискъ на сѣверъ не прежде, какъ подтянувъ съ тыла достаточные силы для утвержденія въ занятой части края. Имѣя въ виду, въ качествѣ конечной цѣли, „большой ударъ“ по непріятельской живой силѣ, Суворовъ не могъ бы почти игнорировать ея существованіе и такъ разбросаться по всей плоскости Финляндіи, какъ это сдѣлали войска графа Буксгевдена... Можно съ увѣренностью предполагать, что Суворовъ, считавшій достаточнымъ вглубь Финляндіи лишь поиски для дѣйствія въ тыль шведамъ, если бы они что-либо пред-приняли противъ граничныхъ крѣпостей, едва ли заслалъ бы колонну Тучкова I (а позднѣе Барклая) къ Куопіо. Во всякомъ случаѣ онъ не основывалъ бы никогда, какъ Буксгевденъ, всѣхъ своихъ наступа-тельныхъ плановъ, на совмѣстномъ дѣйствіи противъ намѣченного объекта двухъ отдѣльныхъ группъ, раздѣленныхъ иной разъ 300—400 верстнымъ разстояніемъ и трудно проходимою, изрѣзанною озе-рами и скалами мѣстностью...

Это стремленіе дѣйствовать непремѣнно двумя отдѣльными груп-пами—одной съ фронта, а другой на сообщенія, является типичною особенностью финляндской кампаніи 1808 г., и притомъ—у обѣихъ

сторонъ. Нельзя не подозрѣвать здѣсь вліянія стратегическихъ идей извѣстнаго теоретика Бюлова, какъ разъ въ это время получившихъ распространеніе и, какъ извѣстно, впослѣдствіи, при помощи пресловутаго Пфуля, отразившихся на нашемъ стратегическомъ развертываніи въ Отечественную войну.

Пфуль уже состоялъ въ это время на русской службѣ и, какъ было нами въ своемъ мѣстѣ указано, принималъ участіе въ разработкѣ первоначального плана нашего вторженія въ Финляндію. Весьма возможно, что идеи стратегической геометріи приобрѣли уже тогда достаточное право гражданства въ нашихъ высшихъ военныхъ кругахъ; по крайней мѣрѣ ихъ несомнѣнное вліяніе чувствуется на всѣхъ стратегическихъ соображеніяхъ, запискахъ и планахъ, подпісанныхъ Буксгевденомъ и составленныхъ въ его штабѣ, начальникомъ которого былъ извѣстный П. К. фонъ-Сухтеленъ... Въ настоящее время трудно установить, кто являлся истиннымъ творцемъ этихъ плановъ, за осуществленіе которыхъ такъ упорно держался Буксгевденъ и которыми такъ не сочувствовалъ Тучковъ I, что и привело къ размолвкѣ между нимъ и главнокомандующимъ...

Воззрѣнія Суворова на дѣйствія въ Финляндіи въ примѣненіи къ фактамъ 1808 г., между прочимъ, весьма поучительны въ томъ отношеніи, что наглядно опровергаютъ многія, такъ сказать, предвзятія у насъ понятія о способахъ военныхъ дѣйствій въ Финляндіи... Обыкновенно принято думать, что въ Финляндіи значительныя силы не могутъ дѣйствовать въ совокупности, что нужно дробить войска непремѣнно на отдѣльные самостоятельные отряды, дѣйствующіе врозь и что, въ общемъ, въ Финляндіи слѣдуетъ скорѣе всего ожидать чего-либо вродѣ партизанской войны... Суворовъ какъ разъ именно и предостерегаетъ отъ этого заблужденія и, несомнѣнно, подъ впечатлѣніемъ недавняго прошлаго. Вѣдь его „замѣчанія“ писаны были на другой годъ по окончаніи войны нашей съ Густавомъ III, во время которой серьезная дѣла были только на морѣ, а на сухомъ пути велась только, въ сущности, малая война. Весьма понятно, что эта кампанія и осталась, по существу, безрезультатной.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Суворовъ, вѣрно оцѣнивая своеобразныя свойства финляндскаго театра, требовалъ, чтобы операдіи какъ оборонительныя, такъ и наступательныя велись не только возможно болѣе сосредоточенно, но и *совмѣстно* сухопутными и морскими силами, рука объ руку... Образцовый примѣръ такой операдіи въ Финляндіи былъ уже данъ при Петрѣ; въ кампанію 1808—09 года, наоборотъ, мы совершенно отступились, какъ отъ этихъ классическихъ уроковъ прошлаго, такъ и отъ совѣтовъ геніальнаго прозорливца-Суворова, повторявшаго, въ сущности, почти тоже, что было до него на практикѣ продѣлано при Петрѣ...

Соображенія, которыми руководился Великій Петръ и его „птенцы“, разыгравая финляндскую кампанію, а также идеи Суворова, проникнуты тѣмъ истиннымъ методизмомъ, который, какъ говоривалъ нашъ общий учитель Г. А. Лееръ, создается изъ гармонического сочетанія рѣшительности съ осторожностью... Наші дѣйствія въ войну 1808—09 гг., наоборотъ, носятъ на себѣ въ значительной степени отпечатокъ той стратегіи, которую тотъ же Лееръ называлъ авантюристической, противополагая ее истинному (а не ложному) методизму... Истинный методизмъ исходитъ всегда изъ уваженія къ обстановкѣ; ложный методизмъ всегданосится съ какой-нибудь модной односторонней теоріей и, такъ сказать, насильственно стремится вдвинуть ходъ событий въ заранѣе заготовленныя рамки, которые сплошь да рядомъ оказываются неподогнанными къ данному случаю и—ломаются...

Такъ было и тутъ. Стремленіе поскорѣе захватить какъ можно болѣе „пространства земли“ привело къ дробленію силы на отдельные мелкія независимыя группы, число которыхъ все болѣе и болѣе умножалось по мѣрѣ нарастанія частныхъ цѣлей... Съ другой стороны, съ захватомъ края, войска все болѣе и болѣе таяли—нужно было удерживать захваченное... Въ результатѣ, имѣя всегда абсолютное и притомъ значительное превосходство въ силахъ надъ противникомъ, мы никогда не могли стянуть, не говорю уже въ одной группѣ и въ одиныхъ рукахъ, но для одной цѣли болѣе $\frac{1}{4}$ всѣхъ наличныхъ силъ... Даже подъ конецъ войны, когда вместо корпуса въ Финляндіи собралась уже цѣлая почти 60-тысячная армія, активную дѣятельность проявляла, въ сущности, только одинъ, едва десятитысячный, вестрботнійской корпусъ...

Излюбленная Буксгевденомъ система совмѣстнаго давленія на избранную объектомъ непріятельскую группу съ фронта и съ тыла оказалась несостоятельной; этотъ чисто теоретическій кунштукъ въ жанрѣ Бюлова оказался совершенно непригоднымъ въ Финляндіи, гдѣ всякое обходное движение, по прихоти причудливо-извивающихся озерныхъ пространствъ, растягивается на многія версты, неизбѣжно затягивается надолго и потому всегда можетъ быть заблаговременно раскрыто и предупреждено... Когда наши колонны, въ началѣ зимняго похода, не будучи стѣснены водными препятствіями, по-просту неотступно тѣснили непріятеля и дѣйствовали (особенно Кульевъ), близкими обходами, часто даже по льду, причемъ нерѣдко пускалась съ этой цѣлью конница,—они неизмѣнно имѣли быстрый и рѣшительный успѣхъ... То же повторилось и лѣтомъ, когда Каменскій, сразу убѣдившись въ началѣ своего наступленія, что давленіе на сообщенія ведеть только къ взаимной затяжной игрѣ, перешелъ къ

энергичному натиску сосредоточенными силами и сталъ добиваться успѣха ближнимъ обходомъ, не стѣсняясь трудностями мѣстности...

Если тѣснота полей сраженія въ Финляндіи и препятствуетъ совмѣстному разворачиванію крупныхъ боевыхъ единицъ, то всетаки, вполнѣ возможенъ и законенъ будетъ здѣсь, такъ сказать, паралельный бой несколькихъ колоннъ, на разныхъ путяхъ, образуя прерывчатый, но все же *общій* фронтъ, дѣйствія котораго можно направлять извѣстнымъ образомъ къ достижению опредѣленной цѣли... Надо принять во вниманіе, что при современныхъ боевыхъ порядкахъ, тамъ гдѣ сто лѣтъ тому назадъ могла дратъся дивизія, теперь съ трудомъ развернется баталіонъ... За то теперь мы имѣемъ въ рукахъ другія средства, позволяющія объединять дѣйствія такихъ разрозненныхъ колоннъ; разумѣю средства для поддержанія связи, почти отсутствовавшія въ тогдашнее время...

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ самой Финляндіи, по сравненію съ 1808 годомъ, значительно увеличилось число путей. Необходимо, конечно, тщательное ихъ знаніе и пользованіе не только проѣзжими дорогами, но, и иной разъ, даже тропами, лишь бы провести колонну въ желаемомъ, болѣе короткомъ направленіи, дабы, избѣгая кружного обхода раздѣляющихъ на десятки верстъ озерныхъ пространствъ, выйти внезапно для противника въ непредвидѣнномъ имъ мѣстѣ...

Многочисленные примѣры изъ войны 1808 г. показываютъ наглядно, какое огромное преимущество даетъ въ Финляндіи заблаговременное знаніе мѣстности, притомъ такое знаніе, которое можно пріобрѣсти только изученіемъ на мѣстѣ... Шведы, особенно въ первое время, имѣли надъ нами въ этомъ отношеніи огромное преимущество, и можно указать рядъ примѣровъ (начиная съ нечаяннаго нападенія при Револаксѣ), когда знаніе мѣстности и услуги проводниковъ изъ мѣстныхъ жителей являлись главнымъ основаніемъ ихъ успѣха... Возможность пользоваться болѣшимъ чѣмъ прежде количествомъ дорогъ, въ связи съ появленіемъ рельсовыхъ линій, облегчающихъ разрѣшеніе вопроса о питаніи войскъ, несомнѣнно допустить дѣйствіе въ Финляндіи болѣе крупныхъ силъ, чѣмъ было въ 1808—09 г.г. и даже наступленіе ихъ болѣе-широкимъ стратегическимъ фронтомъ, чѣмъ допускалъ Суворовъ. Необходимо только помнить основное свойство желѣзныхъ дорогъ, ихъ чрезвычайную хрупкость. Суворовъ могъ основательно расчитывать обезопасить свой тылъ съ соблюдениемъ строгой экономіи въ силахъ при отсутствіи желѣзнодорожныхъ линій; но, во всякомъ случаѣ *связь воду* Петербурга съ Финляндіей намѣчалась и имъ, что видно изъ самыхъ его операциональныхъ направленій, никогда не отдалявшихся отъ побережья. Необходимость установленія такой связи, какъ мы

знаемъ, сознавалась въ 1808 и 1809 г.г., и попытки къ тому дѣлались, несмотря на то, что непріятель удержаъ за собою господство на морѣ во все времена войны...

Обезпеченіе снабженія всѣмъ необходимымъ съ тыла,—вотъ кореннное условіе, которое въ Финляндіи, болѣе чѣмъ гдѣ либо, обязательно, и поэтому характеръ всѣхъ стратегическихъ комбинацій въ Финляндіи будетъ особенно зависѣть отъ степени увѣренности въ своемъ тылу. Достаточно припомнить, что смѣлое преслѣдованіе Каменскими шведовъ до крайнихъ предѣловъ сѣвера было возможно только *при условіи того полнаю спокойствія всей страны въ его тылу*, которое наступило почти мгновенно послѣ рѣшительного удара при Оровайсѣ, отбитія десанта Багратіономъ у Хельсинге и очищенія Сандельсомъ Тайволы... Точно также и въ зимнемъ походѣ 1808 г., въ началѣ кампаніи, мы гнали шведовъ такъ увѣренно только потому, что, уповаю на приверженность финновъ, не заботились о безопасности сообщеній.

Финляндская война безусловно и съ полною убѣдительностью подтверждаетъ то мудре правило, которому слѣдовали въ отношеніи *народной войны* наиболѣе выдающіеся военные вожди... Гидру народнаго мятежа нужно уничтожать ударомъ *въ сердце*, а не по очереди рубить ей безостановочно выростающія головы... „Надо дѣлать большой ударъ“, какъ выражался Суворовъ, не заниматься „иррупціями“ и „презирать незнатные набѣги“, отвѣчая на нихъ только „репрес-саліями“. Въ Финляндіи народныя шайки жили и дѣйствовали до тѣхъ поръ, пока за ними гонялись регулярные отряды (вродѣ дѣйствій Орлова-Денисова въ Вазаской губерніи, особенно хорошо иллюстрирующихъ „выростаніе отрубленныхъ головъ гидры“). Народную войну всегда бодрѣетъ и питаетъ надежда на успѣхъ своихъ регулярныхъ войскъ и на поддержку съ ихъ стороны... Надо разбить послѣднихъ на голову и тогда только народное волненіе, не имѣя себѣ пищи, быстро утихнетъ... Во Франціи 1870—71 года такъ называемые „франтирецы“ скорѣе всего имѣли такъ мало успѣха и значенія именно потому, что во второй періодъ войны уже не было во Франціи регулярной арміи, на которую они могли бы опереться. Наоборотъ, у насъ въ 1812 г., партизанская и народная война могли такъ успѣшно развиваться вслѣдствіе того, что въ Бородинскомъ сраженіи мы разбиты, въ сущности, не были. Армія наша, отойдя за Москву, быстро могла залѣчь свои раны и снова подготовиться къ борьбѣ съ врагомъ...

Графъ Каменскій правильно оцѣнивалъ это значеніе рѣшительного успѣха надъ живою силою противника; вотъ почему онъ такъ настойчиво и искалъ послѣдовательного ряда столкновеній съ нею, стремясь довести ее до полнаго изнеможенія... Такъ въ сущности и вышло послѣ Оровайса, когда шведы послѣдовательно бросали цѣлый рядъ

прекрасно оборудованныхъ оборонительныхъ позицій только подъ угрозою *возможности* нового рѣшительного боя. Доведя противника до состоянія полного отказа отъ дальнѣйшаго сопротивленія и тѣмъ достигнувъ основной цѣли кампаниі—покоренія всей Финляндіи, Каменскій попутно достигъ и *полного замиренія* края.

Отсюда выводъ: какія бы враждебныя дѣйствія мѣстнаго населенія Финляндіи ни сопровождали операциіи войскъ въ ея предѣлахъ,—они не должны отнюдь отвлекать значительныхъ силъ отъ прямого дѣла... Въ войну 1877—78 года на Кавказскомъ театрѣ поднятое магометанскими эмиссарами въ Чечнѣ и Дагестанѣ возстаніе горцевъ отвлекало у насъ цѣлую дивизію, и какъ разъ въ такое время (послѣ снятія 1-й осады Карса), когда каждый лишній батальонъ въ составѣ отдѣльного Кавказскаго корпуса былъ, буквально, на вѣсъ золота... Дивизіи, посланныя усмирять возстаніе, подавили бы его гораздо лучше, усиливъ войска, дѣйствующія противъ Мухтарапаші и давъ имъ возможность раньше перейти въ наступленіе...

Графъ Каменскій, очевидно, понималъ это, такъ какъ, вставъ во главѣ своего корпуса, прежде всего стремился стянуть въ своихъ рукахъ какъ можно больше силъ, ослабить отдѣльно дѣйствующіе отряды, имѣющіе особое назначеніе и привлечь къ себѣ, въ частности, войска, безуспѣшно боровшіяся на Базаскомъ побережье противъ народнаго движенія... И его усилия дали ему, если не превосходство въ силахъ надъ шведами, то все же возможность дѣйствовать рѣшительно, а не уклоняться отъ столкновеній, какъ вынужденъ былъ дѣлать передъ нимъ Раевскій. Кромѣ того, въ этотъ періодъ войны брошена была въ отношеніи партизанскихъ шаекъ та ложная гуманность, которая только потворствовала смѣлости организаторовъ народнаго движенія. Отъ снисходительного заигрыванія съ мѣстнымъ населеніемъ, внушаемаго расчетами привлечь его на свою сторону, мы перешли, наконецъ, къ заслуженнымъ карамъ по адресу повстанцевъ. „Гдѣ лѣсь рубятъ—тамъ щепки летятъ“, и „репрессалии“ въ подобныхъ обстоятельствахъ являлись только мѣрою неизбѣжной, вполнѣ справедливой и даже болѣе гуманной, чѣмъ добродушная уступчивость и слабость... Затяжная малая война, „обоюдно равная и не полезная“, особенно ярко выказалась въ дѣйствіяхъ нашихъ въ іюнѣ и юлѣ 1808 г. въ предѣлахъ Базаской губерніи, а также въ Корелии, до тѣхъ поръ, пока серьезные успѣхи надъ регулярными войсками шведовъ не привели къ естественному ослабленію финскаго народнаго движенія.

Остается, въ заключеніе, упомянуть еще о крайне важномъ и особенно рѣзко проявившемъ себя въ эту войну вопросѣ обѣ управлѣніи войсками на театрѣ войны... Высшее командованіе, въ лицѣ

графа Буксгевдена, а позже—Кнорринга, не пользовалось въ Петербургѣ довѣріемъ, а близость столицы къ театру военныхъ операций облегчала вмѣшательство въ нихъ свыше. Опытъ кампаніи 1805 и 1807 годовъ не подсказалъ правильного въ этомъ отношеніи рѣшенія; достаточно было первыхъ неудачъ Буксгевдена, поставленного обстановкою въ крайне трудное, чтобы не сказать болѣе,—безвыходное положеніе, чтобы на него обрушилось недовѣріе, выразившееся сперва въ тайномъ и явномъ контролѣ, а затѣмъ—и во вмѣшательствѣ... Ненормальность впослѣдствіи установившагося порядка управлениія, когда, въ періодъ зимней заботнической операции, главнокомандующій былъ только номинальнымъ, а всѣмъ распоряжался Аракчеевъ, или въ періодъ командованія Барклай-де-Толли, когда графъ Каменскій въ Вестроботніи самостоятельно сносился съ Петербургомъ—въ поясненіяхъ не нуждается.

Другимъ крупнымъ тормазомъ, препятствовавшимъ успѣшному ходу совмѣстныхъ сухопутно-морскихъ операций, на которой мы въ своемъ мѣстѣ указывали, было отсутствіе единонаchalія надъ ними... Галерный флотъ частью находился въ полномъ вѣдѣніи главнокомандующаго графа Буксгевдена (то, что составило нашу военную добычу) частью былъ какъ бы откомандированъ въ его распоряженіе (то, что послано на театръ войны изъ Кронштадта). Впослѣдствіи, обѣ части эти соединились вмѣстѣ и находились въ распоряженіи сухопутнаго командованія, но подчинялись также специальному распоряженію своего морского начальства. На этой почвѣ возникалъ рядъ пререканій (о которыхъ упоминалось въ своемъ мѣстѣ), по причинѣ коихъ гребной флотъ, послѣ того какъ благополучно пробился въ Або, въ сущности, ограничилъ свою дѣятельность развѣдывательною службой по обеспеченію юго-западнаго побережья Финляндіи отъ высадокъ; а въ кампанію 1809 г. продолжалъ заниматься тѣмъ же, нимало не содѣйствуя трудной задачѣ организаціи питанія нашихъ войскъ, оперировавшихъ въ западной Ботніи.

Что же касается корабельнаго флота, то его неудачное выступление въ 1808 году, завершившееся закупоркой въ Балтійскомъ портѣ, не оказалось сухопутнымъ операциемъ нужнаго имъ содѣйствія: противникъ сохранилъ за собою всецѣло господство на морѣ, наши морскія силы не могли безпрепятственно проникать изъ Финскаго залива въ Ботническій, и поэтому къ побережью приковывалось все время несоразмѣрно значительное количество нашихъ войскъ. Въ результатѣ—затяжка мирныхъ переговоровъ и необходимость произвести рядъ повторныхъ и, въ сущности, робкихъ наступательныхъ операций въ Вестроботніи, имѣвшихъ цѣль весьма ограниченную: частными успѣхами повліять на ходъ дипломатическихъ пререканій въ Фридрихсгамъ...

Если бы дѣйствія обѣихъ категорій флота были болѣе слажены съ сухопутными операциами и если бы адмиралъ Ханыковъ дѣйствовалъ болѣе быстро и энергично, то рѣшительный успѣхъ, хотя бы надъ однимъ только шведскимъ флотомъ (до прихода англійскаго), создалъ бы намъ на морѣ совершенно другое положеніе, которое въ значительной степени развязывало бы намъ руки на суши. Вѣдь, собственно говоря, въ кампанію 1809 года противникъ не использовалъ какъ слѣдуетъ своего благопріятнаго на морѣ положенія только въ силу того страннаго способа содѣйствія своему союзнику, который избрали англичане. Дѣйствія ихъ въ Балтійскихъ водахъ совершенно напоминаютъ одновременныя дѣйствія нашихъ войскъ противъ Австріи въ качествѣ союзниковъ Наполеона... Не будь этого, обстановка лѣтней кампаніи 1809 года была бы для насъ гораздо болѣе сложной и трудной, чѣмъ въ предшествующемъ году, и неуспѣхъ зимней экспедиціи былъ бы весьма чувствителенъ.

Сводя все вышеизложенное, можно, какъ представляется намъ, сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Основаніемъ всякаго плана операций въ Финляндіи, оборонительнаго или наступательнаго, является *прочное устройство тыла и надежные сообщенія съ базою*. Поэтому приходится, пожалуй, прийти къ заключенію, что *зимняя кампанія въ Финляндіи не такъ уже для насъ была-бы соблазнительна*, какъ это первоначально казалось на основаніи опыта 1808 года. Если обороноспособность Финляндіи зимою и уменьшается, а доступность ея—увеличивается, то это условіе идетъ одинаково на руку обѣимъ сторонамъ, такъ какъ вторженіе вѣнчшаго врага и поддержаніе его связи съ вѣнчшимъ миромъ возможно теперь и зимою.

2) Каждая операция въ Финляндіи должна вестись, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, методически-послѣдовательно, и нанесеніе рѣшительныхъ ударовъ врагу нельзѧ предпринимать очертя голову, не заручившись надежно вышепоказанными условіями; въ противномъ случаѣ потребуется сразу притянуть сюда такія силы, которыхъ едва ли отвѣчаютъ общему значенію этого, во всякомъ случаѣ, второстепеннаго театра военныхъ дѣйствій.

3) Естественные условія, затрудняющія доступъ изъ Финляндіи въ ближайшіе къ Петербургу предѣлы, приходятъ на помощь обороняющемуся; мы видимъ уже изъ трудовъ Суворова по укрѣплению бывшей русско-шведской границы, насколько доступъ въ такъ называемый „перешеекъ“ между Финскимъ заливомъ и Ладожскимъ озеромъ можно было уже тогда затруднить сравнительно легко, ибо мѣстность на „перешейкѣ“ не даетъ даже превосходному въ силахъ противнику средство воспользоваться этимъ своимъ превосходствомъ;

короче говоря—это тѣснина, надежная и умѣлая защита которой можетъ быть затянута надолго, впредь до болѣе благопріятнаго обогорта дѣль... Съ другой стороны, опытъ изслѣдованной русско-шведской войны показываетъ, что всякий десантъ, высадившійся на побережью такой „тѣснинной“ страны, какъ Финляндія, даже въ тѣхъ исключительно-благопріятныхъ условіяхъ, которыхъ имѣли мѣсто тогда для шведовъ (полное сочувствіе мѣстного населенія и господство на морѣ), чувствуетъ себя неувѣренно, неохотно отдалается отъ побережья и непобѣдимо тяготѣетъ къ своему флоту...

4) Съ приобрѣтеніемъ полнаго господства на морѣ, наступающему выгоднѣе высаживаться какъ можно ближе къ Петербургу... Объ этомъ, какъ мы знаемъ, помышляли и въ 1808 году, но Густавъ IV Адольфъ предусмотрѣтельно сваливалъ эту довольно таки рискованную задачу на своихъ союзниковъ—англичанъ, которые, какъ извѣстно, отъ предложенной имъ высадки въ Бѣркѣ уклонились... Послѣдующія десантныя попытки шведовъ не выходили изъ предѣловъ Ботническаго залива, не заходя южнѣе г. Або; въ то же время отдаленность избранныхъ десантныхъ пунктовъ отъ района расположенія „финской арміи“ гр. Клингспоря приводила къ пеуспѣху и отдѣльному пораженію этихъ отрядовъ... Нуженъ очень сильный и вполнѣ самостоятельный десантъ, нужно полное господство на морѣ, чтобы увѣренно и методично вести дальнѣйшія операции на побережье¹⁾...

5) Если при стратегической оборонѣ слѣдуетъ, согласно вышеуказанного, возможно болѣе избѣгать дробленія своихъ силъ какъ-бы ни былъ великъ соблазнъ въ зависимости отъ нѣрѣдко весьма важнаго частнаго значенія отдѣльныхъ пунктовъ, то не менѣе важно держаться того же принципа при наступлении. Послѣднее слѣдуетъ считать возможнымъ, по прежнему, при содѣйствіи флота, опираясь на побережье и морскія силы, главнымъ образомъ для того, чтобы не зависѣть отъ сухопутныхъ сообщеній...²⁾

6) Сосредоточеніе силъ не слѣдуетъ понимать въ Финляндіи въ смыслѣ стремленія осуществлять извѣстный принципъ: „врознь двигаться и вмѣстѣ драться“: послѣднее невыполнимо уже потому, что быть такихъ достаточно открытыхъ мѣсть, где можно было бы развернуть для современного боя больше нынѣшней бригады пѣхоты (и то въ очень рѣдкихъ случаяхъ; нормально—отъ 2 до 4 батальоновъ). Но рядъ отдѣльныхъ параллельныхъ колоннъ могутъ, одновременно наступая, завязать рядъ боевъ въ определенномъ общемъ направлении и съ определенною общую цѣлью.

¹⁾ Какъ было, напримѣръ, въ послѣднюю русско-японскую войну.

²⁾ Ихъ надежность будетъ въ прямой зависимости отъ того—на чью сторону станеть населеніе, и во всякомъ случаѣ охрана ихъ поглотить несразмѣрно много силъ.

Всякій бой начинается со столкновенія передовыхъ частей стоян-вающихъ колоннъ, и только впослѣдствіи промежутки между ними постепенно заполняются со вводомъ въ дѣло остальныхъ силъ... Въ Финляндіи этого заполненія сдѣлать нельзя, такъ какъ *промежутковъ-то* этихъ не будетъ, а могутъ быть только отдѣльныя, оторванныя другъ отъ друга полы битвъ. Въ 1808 году операциі раскинулись на широкомъ пространствѣ всей Финляндіи, причемъ средствъ, подобныхъ современнымъ, для поддержанія связи и, слѣдовательно, одновременного управлениія дѣйствіями такихъ параллельныхъ колоннъ не было... Тѣмъ не менѣе уже нѣчто подобное, намекающее на такого рода образъ дѣйствій, мы видимъ хотя бы въ бояхъ у Алаво и Карстула, имѣвшихъ тѣсную между собою связь, являясь какъ бы отдѣльными участками одного поля сраженія, или въ бояхъ при Оровейскѣ и Ютасѣ и т. п.

При тогдашнемъ неимѣніи техническихъ средствъ сношеній приходилось, разумѣется, ограничиваться только *общими указаніями* начальникамъ такихъ отдѣльныхъ отрядовъ, предоставляемыми въ дѣлѣ исполненія почти полную самостоятельность. Такое положеніе вещей въ данномъ случаѣ, въ 1808—09 г.г., оказалось выгоднымъ потому, что этимъ путемъ съ наибольшимъ для дѣла успѣхомъ могла выработатьсь та школа способныхъ къ принятію самостоятельныхъ и ответственныхъ решеній частныхъ начальниковъ, которая принесла свои плоды уже въ 1812 и послѣдующихъ годахъ... Но нѣть сомнѣнія, что многихъ недоразумѣній и неудачъ не случилось бы вовсе, если бы въ то время управление имѣло въ рукахъ современные средства взаимныхъ сношеній и передачи воли начальника подчиненнымъ...

Съ другой стороны, нельзя не обратить вниманія и на то, что современное развитіе въ Финляндіи средствъ сношеній, въ особенности телефоновъ, можетъ оказаться обстоятельствомъ скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ. Въ 1808 году, когда никакихъ телефоновъ еще не было, шведы имѣли всегда самыя точныя и благовременные свѣдѣнія о нашихъ движеніяхъ отъ мѣстныхъ жителей; намъ же зачастую давали ложныя и, когда нужно, умѣли ловко усыплять наше вниманіе, особенно въ первую половину войны (напримѣръ, нечаянныя нападенія на Аландѣ и Готландѣ)... Всѣ мѣстные чиновники и духовенство были нами оставлены на своихъ мѣстахъ, а они всего больше и держали руку шведовъ, за немногими исключеніями...

7) Вообще, въ отношеніи мѣстного населенія, война 1808—1809 г.г. учить относиться въ нему съ большою осторожностью и ни въ какомъ случаѣ не расчитывать на то, что можно привлечь его на свою сторону только гуманнымъ и мягкимъ обращеніемъ... Много было писано финляндцами объ исконной приверженности финновъ своимъ монар-

хамъ, котораяя, будто бы и подвигла финскихъ крестьянъ возстать въ 1808 году съ оружiemъ въ рукахъ противъ русскихъ... Другie ста-раются объяснить мятежническое движение 1808 года мнимыми наспи-ліями и злоупотребленіями русскихъ войскъ. На самомъ дѣлѣ въ началѣ кампаніи мыскорѣе грѣшили въ сторону чрезмѣрного угод-ничества и, раздавая финскимъ крестьянамъ даровой хлѣбъ, сами послали имъ готовые кадры для повстанческихъ шаекъ въ лицѣ отпущеныхъ на честное слово плѣнныхъ гарнизоновъ. Мы уже при-водили въ своемъ мѣстѣ отзывы по этому поводу обоихъ главноко-мандующихъ и такихъ лицъ, какъ полковникъ Турской, маркизъ Паулуччи... Возстаніе въ краѣ стало утихать, когда мы перешли къ энергичнымъ мѣрамъ и, главное, когда вновь начали *одерживать побѣды*. Поэтому народное движение, сочувственное нашимъ врагамъ слѣдуетъ всегда тушить путемъ усилій въ цѣляхъ рѣшительного успѣха надъ этими врагами... Партизанская война большого вреда причинить не можетъ, если только толькъ нашихъ войскъ будетъ такъ организованъ, чтобы имѣть возможность, въ случаѣ надобности, доставлять все нужное къ этимъ войскамъ морскимъ путемъ.

8) Спокойное пребываніе въ Финляндіи непріятельского десанта даже при полномъ сочувствіи къ нему мѣстного населенія, возможно только при надежнойувѣренности противника въ томъ, что морскія сообщенія для него вполнѣ обеспечены отъ всякихъ съ нашей сто-роны покушений. Вспомнимъ, какъ неувѣренны и опасливы были дѣйствія нашего Вестроботнійского корпуса въ концѣ войны 1808—1809 г.г. только отъ того, что онъ не могъ никакъ заручиться обез-печенней доставкой моремъ всего необходимаго изъ Финляндіи.

Всѣ лучшія комбинаціи вражескихъ десантовъ будуть какъ-бы висѣть на воздухѣ до тѣхъ поръ, пока въ нашихъ водахъ будуть оставаться хоть какія-нибѣдь морскія силы, способныя нарушить непрерывность морскаго подвоза къ высадившимся непріятельскимъ войскамъ съ ихъ главной базы... Въ этомъ отношеніи идея Петра Великаго о созданіи военнаго порта на южномъ берегу Финскаго за-лива, и именно въ Моонзундѣ (Рогервикѣ), предоставлѧя возможность, безъ потери во времени, неизбѣжной при нахожденіи флота въ Крон-штадтѣ, предупреждать, ударомъ во флангъ, всякия покушенія на сѣверномъ побережїи того-же залива, была, безспорно, геніальнымъ рѣшеніемъ вопроса о безопасности Петербурга... Во всякомъ случаѣ, присутствія хотя бы и слабыхъ нашихъ морскихъ силъ въ Финскомъ заливѣ, даже только шхерныхъ флотилій мелкихъ судовъ (мино-носцевъ и подводныхъ лодокъ) достаточно, чтобы заставить против-ника отнести свою высадку далѣе на западъ и даже произвести ее въ сравнительно болѣе безопасныхъ водахъ Ботніческаго залива. Но въ этомъ случаѣ сообщенія противника по сухому пути удлиняются...

Въ тактическомъ отношеніи дѣйствія нашихъ войскъ въ войну 1808—1809 г.г. представляютъ интересъ двоякій: исторический, и практический. Въ историческомъ отношеніи въ эту войну мы должны отмѣтить окончательное возвращеніе у насъ типовъ глубокаго и прерывчатаго боевого порядка, во многомъ зависѣвшее отъ тѣхъ условій мѣстности, въ которыхъ приходилось драться въ Финляндіи. Еще въ войны 1805 и 1806—1807 г.г. мы видимъ въ отношеніи боевого порядка у насъ неустойчивость: наряду съ глубокимъ типомъ такъ называемой „Наполеоновской“ тактики продолжаютъ примѣняться отживающія свой вѣкъ линейныя формы... Въ началѣ войны 1808 года попадаются еще построенія войскъ для боя, являющіяся отголоскомъ этой эпохи, но крайне любопытно, что примѣняются они вполнѣ *сообразно обстановкѣ*. Возьмемъ хотя бы зимній бой при киркѣ Леппявира 28-го февраля 1808 года. Боевой порядокъ, построенный агангардомъ колонны Тучкова I на льду озера Уинкуавези, состоялъ изъ *развернутыхъ* баталіоновъ по бокамъ артиллери, съ конницей уступами за обоими флангами и въ предшествіи егерей.

Схема № 1.

Такое построеніе совершенно отвѣчало условіямъ этого боя: отрядъ *внезапно* развернувъ свои силы на *ровной* ледяной поверхности озера, противъ центра *разбросанныхъ* вокругъ озера по квартирамъ шведовъ и энергичнымъ наступленіемъ, въ связи съ искусствомъ демонстраціей баталіона, шедшаго по прежнему пути слѣдованія, поселилъ смятеніе въ рядахъ противника, не выдержавшаго атаки и отступившаго, не принявъ послѣдняго удара...

Въ ту же зиму, въ бою 6—18-го апрѣля при Сіикаюки, Кульневъ, желая скрыть слабость своихъ силъ, дѣлить всю свою пѣхоту на 2 группы, одну подъ личнымъ своимъ начальствомъ, другую подъ командою Турчанинова, и безъ остатка разсыпаетъ обѣ тонкою стрѣльковою цѣпью по берегу рѣки Сіикаюки, пользуясь для удара только конницею Силина, направленного по льду на правый флангъ непріятеля.

Схема № 2.

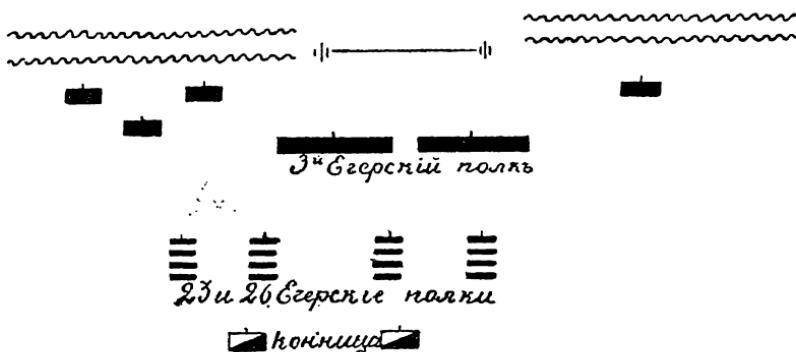

Но въ данномъ случаѣ Кульеву приходилось волей-неволей вводить противника въ обманъ, въ разсчетѣ протянуть бой до подхода главныхъ силъ Тучкова. Рѣшительный образъ дѣйствій Кульева, какъ извѣстно, произвелъ настолько сильное впечатлѣніе на шведовъ, что послѣдніе только подъ вечеръ догадались воспользоваться непомѣрною растяжкой тонкой линіи противника и попытаться, при болѣе чѣмъ тройномъ превосходствѣ силъ, прорвать его центръ, что удалось только на половину...

Во время лѣтней кампаніи 1808 года, когда войскамъ пришлось дѣйствовать уже на сравнительно болѣе тѣсномъ пространствѣ открытыхъ мѣстъ, не захватывая примыкающихъ водъ, позволявшихъ свободнѣе разворачиваться и маневрировать, боевые порядки постепенно углубляются, а затѣмъ приобрѣтаютъ характеръ весьма близкій къ современному, отличаясь только интервалами и дистанціями, зависящими, очевидно, отъ техническихъ свойствъ оружія...

Такъ, въ бою при Алаво 5-го августа, соединенные авангарды графа Каменского, бывшіе подъ начальствомъ, одинъ — Сабанѣева, а другой — Эриксона, въ виду тѣсноты открытаго пространства между лѣсомъ и озеромъ Ала-ярви, построены были передъ боемъ въ нѣсколько послѣдовательныхъ рядовъ поддержекъ: сперва двойная цѣпи стрѣлковъ, съ артилераіей въ срединѣ, затѣмъ — развернутыя роты и баталіоны въ видѣ частныхъ поддержекъ, далѣе — колонны, и наконецъ, конница.

Схема № 3.

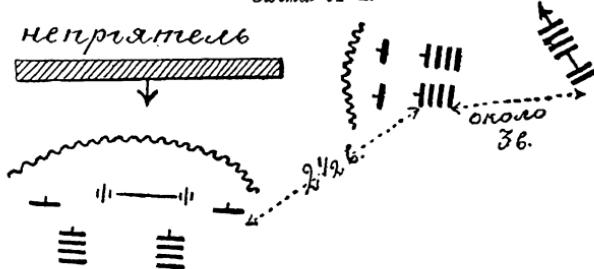
Здѣсь интересно, что крѣпкую отъ природы позицію, но не давшую возможности развернуть достаточно силъ по фронту, мы стараемся тѣмъ не менѣе превратить въ возможно менѣе доступный для фронтальной атаки огневой барьеръ: стрѣлковыя цѣпи — ярусныя, за ними — поддержки въ развернутомъ строѣ, а резервы еще далѣе позади, укрыто, въ колоннахъ, имѣя въ виду примѣнить ихъ для активнаго отраженія удара. Къ сожалѣнію, за отсутствиемъ едино-

властія въ этомъ бою, онъ вышелъ для насъ неудачнымъ, и непріятельскій прорывъ нашего фронта не былъ опрокинутъ колоннами нашихъ резервовъ, начавшихъ преждевременно отступленіе изъ-за угрозы обходомъ черезъ лѣсъ...

Въ этомъ боевомъ порядкѣ преобладаетъ идея *passiveness*; резервы чрезмѣрно нагромождаются въ глубину, что какъ видно не достигаетъ цѣли; использовать ихъ такъ и не пришлось: имъ некуда было маневрировать (см. черт. № 16).

Наоборотъ, въ бою при Карстула, разыгранномъ почти одновременно Властовыми, боевой порядокъ разчененъ на отдѣльныя, самостоятельно маневрирующія группы, изъ коихъ каждая выполняетъ свою опредѣленную задачу. Самъ Властовъ атакуетъ позицію шведовъ съ фронта (3 бат. 5 ор.), 3 баталіона съ 2 орудіями Лукова, сдѣлавъ обходъ лѣсомъ, ударяютъ въ ея лѣвый флангъ, а 1¹ ₂ баталіона Римана выходятъ въ тылъ позиціи на единственный путь отступленія противника.

Схема № 4.

При этомъ Луковъ отдѣленъ отъ Властова непроходимымъ пространствомъ около 2-хъ съ лишнимъ верстъ (озеро), а Риманъ слѣдуетъ по дорогѣ верстахъ въ 3-хъ западнѣе и выходитъ на путь отступленія непріятеля верстахъ въ шести за его позиціей (см. черт. № 17).

Здѣсь уже, какъ видно, приходится, подъ давленіемъ условій мѣстности, дѣлить боевой порядокъ на тѣ же части, на которыхъ онъ дѣлится при современныхъ условіяхъ боя. Здѣсь въ зародышевомъ видѣ, нельзя не усмотрѣть современной идеи *маневренного резерва*, т. е. свободно маневрирующаго участка боевого порядка, вводимаго въ бой въ важнѣйшемъ и опаснѣйшемъ для противника направленіи только по соотвѣтственному назрѣванію боя на фронтѣ...

Еще ярче видна эта чисто современная идея въ бою при Куортане. Здѣсь графъ Каменскій распредѣляетъ свои силы на двѣ отдѣльныя *самостоятельные* группы. Кульнуеву поручено атаковать съ фронта наиболѣе сильный участокъ шведской позиціи, между болѣшимъ Куортанскимъ озеромъ и озеркомъ Нисо, къ тому же сильно укрѣп-

ленный. На Раевского (большая часть пехоты отряда: 8 баталionовъ, 2 орудия въ разобранномъ видѣ) возложенъ обходъ лѣваго непріятельского фланга, черезъ труднопроходимый болотистый и каменистый лѣсъ. За Кульневымъ оставленъ трехбаталіонный резервъ Демидова. Такимъ образомъ, здѣсь уже мы видимъ оба рода резервовъ, признаваемыхъ современной тактикой: резервъ маневренный (иначе—ударное крыло), въ данномъ случаѣ — отрядъ Раевского и резервъ старшаго начальника—3 баталіона Демидова¹⁾.

Независимо того, былъ еще небольшой отрядъ Козачковскаго, слѣдовавшій безопасными для себя путями (за Куортанскимъ озеромъ) въ тылъ непріятельской позиціи, гдѣ онъ и сыгралъ существенную роль на другой день, въ Сальмскомъ бою...

Самый характеръ боевыхъ дѣйствій на фронтѣ и на ударномъ участкѣ — различный. Такжѣ, какъ и теперь, войска, дѣйствующія съ фронта стремятся приковать къ себѣ обороняющагося и дѣйствуютъ преимущественно огнемъ. Это особенно отчетливо видно въ Куортанскомъ сраженіи, являющемся, безспорно, самымъ типичнымъ въ смыслѣ специально-финляндскихъ мѣстныхъ особенностей. Дѣйствительно, занятая шведами позиція у деревни Руона имѣла съ фронта—сильное препятствіе (болотистую долину рѣчки), съ одного фланга была обезпечена безусловно (озеромъ), а на другомъ, достаточно надежно защищена (см. черт. № 18).

Первоначально, кромѣ Раевского, на лѣвый флангъ шведовъ, по расчетамъ Каменскаго, долженъ былъ выйти еще и Луковъ (подкрепленіе, высланное изъ отряда Властова); это давало бы Раевскому здѣсь еще большій перевѣсъ въ силахъ, причемъ, уже по самому направлению пути слѣдованія Лукова, послѣдній выходилъ какъ разъ на флангъ непріятельской позиціи. Въ дѣйствительности Луковъ запоздалъ и могъ принять участіе только въ бою 21-го августа у Сальми.

Боевой порядокъ каждой изъ обѣихъ вышеупомянутыхъ группъ,—Кульева и Раевского — неодинаковъ. На первомъ боевомъ участкѣ, какъ огневомъ, войска Кульева были почти цѣликомъ разыграны и вели стрѣлковый бой, совмѣстно съ ожесточеннымъ огнемъ артиллеріи, обстрѣливавшей главныя части непріятельской позиціи. На второмъ — отдѣльныя (ротныя) колонны, прикрытыя съ фронта слабою стрѣлковою цѣлью. И здѣсь бой ведется преимущественно холднымъ оружіемъ...

Куортанский бой даетъ наиболѣе полный образецъ сообразной съ обстановкой дружной взаимной работы, какъ отдѣльныхъ группъ боевого порядка, такъ и родовъ войскъ...

¹⁾ См. послѣднее изданіе „Указаній по нѣкоторымъ вопросамъ тактики“ Императорской Николаевской военной академіи.

Участокъ Кульнова не только приковываетъ своимъ огнемъ противника на фронтѣ, но содѣйствуетъ этимъ огнемъ еще и работѣ важнѣйшаго правофлангового участка. Раевскій стремится сосредоточить свой ударъ на опаснѣйшемъ для шведовъ пункте, крайнемъ лѣвомъ ихъ флангѣ, куда къ тому же ожидался подходъ и отряда Лукова; когда же противникъ, правильно одѣнивая важное значение спайки между обоими нашими боевыми участками, сосредоточиваетъ всѣ свои усилия на томъ, чтобы вырвать изъ нашихъ рукъ деревенку Херроа, получившую съ этого момента боя значение и тактическаго, и стратегического ключа нашего расположения, наши предводители, тотчасъ же уловивъ этотъ опасный для насъ замыселъ, устремляютъ всѣ усилия на то, чтобы удержать этотъ важный пунктъ за собою. Въ этой борьбѣ за деревню Херроа особенно ярко проявляется у насъ взаимная поддержка. Не будучи въ состояніи ничѣмъ инымъ успѣть помочь Раевскому, Каменскій бросаетъ на выручку три эскадрона въ конномъ строю, которые удачно прославиваются въ походной колоннѣ подъ огнемъ и одною внезапностью своего появленія удерживаютъ шведовъ въ окопахъ отъ новой контрѣ-атаки. Къ сожалѣнію, наша регулярная конница въ то время утратила свою исключительную способность къ самостоятельности; не была ни вооружена, ни обучена для дѣйствія въ пѣшемъ строю. Будь иначе, ея содѣйствіе пѣхотѣ проявлялось бы въ данномъ случаѣ, да и во многихъ другихъ, гораздо болѣе чувствительно, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ, когда въ сущности, свелось къ одному только моральному впечатлѣнію. Ибо мѣстность въ Финляндіи почти нигдѣ не даетъ возможности произвести конную атаку, даже съ мѣста...

Куортанскій бой завершился, какъ известно, лишь отбитiemъ шведовъ обратно на ихъ позицію. Неупѣхъ выполненія задуманного нами плана зависѣлъ отъ естественныхъ свойствъ непріятельской позиціи. Озеро Нисо съ протекающей черезъ него болотистой рѣчкой, разобщало оба нашихъ боевыхъ участка и препятствовало, какъ поддержанію связи между ними, такъ и свободѣ маневрированія войскъ Кульнова, лишенныхъ возможности оказать ударному крылу содѣйствіе иначе, какъ только огнемъ...

Оровайскій бой даетъ примѣръ послѣдовательнаго введенія въ дѣло эшелоновъ и построенія преимущественно на началѣ духовномъ. Здѣсь Каменскій, въ виду критического положенія дѣла, примѣняетъ крайнее средство, наэлектризовывая послѣдніе бывшіе въ его рукахъ резервы личнымъ воздействиемъ и присутствиемъ и вырывая победу изъ рукъ уже торжествовавшаго врага сокрушительнымъ лобовымъ ударомъ, успѣхъ котораго обоснованъ былъ, главнымъ образомъ, на внезапности появленія сильныхъ войскъ...

Подъ Севаромъ тотъ же Каменскій даетъ примѣръ тактической воспріимчивости; онъ пользуется починомъ частнаго начальника, случайно обнаружившаго возможность воспользоваться раздѣленіемъ силъ противника на двѣ группы, уже прикованныя атакой на каждую изъ нихъ съ нашей стороны, и проникнуть неожиданно въ разрѣзъ между ними, сдѣлавъ отчасти то же, что пытались сдѣлать сами шведы подъ Куортане. Но въ этомъ случаѣ наши войска сохраняли все время огневую связь, тогда какъ подъ Севаромъ обѣ шведскія группы, вовлеченные въ борьбу съ нашими раздѣльно наступавшими колоннами, оторвались другъ отъ друга на нѣсколько вѣрстъ, даже не наблюдая образовавшійся промежуточъ...¹⁾.

Сходство тактическихъ приемовъ, примѣненныхъ на поляхъ битвъ 1808—1809 г.г., съ современными тенденціями, зависитъ какъ намъ думается, отъ однородности причинъ, ихъ вызвавшихъ. Въ настоящее время *сила современнаго огня* дѣлаетъ фронтальный бой затяжнымъ и, также сказать, взаимно уравновѣщающимъся, въ силу чего *решенія* приходится искать почти исключительно на флангахъ или даже въ тылу... Въ финляндской войнѣ то же самое создавала *мѣстность*; труднодоступность позицій съ фронта, при ограниченномъ до-нельзя обстрѣлѣ, давала и при скромной техникѣ того времени возможность образовать передъ фронтомъ позицій такой неодолимый огневой барьеръ, что только въ исключительныхъ случаяхъ возможно было добиться рѣшенія при помощи лобовой атаки... Наоборотъ, даже простая *угроза* пути отступленія—обыкновенно единственному и притомъ прегражденному тѣснинамъ разнаго рода, часто имѣла болѣе рѣшающее значеніе, чѣмъ самыя энергичныя и настойчивыя усиленія на флангѣ...

Послѣднее,—т. е. чрезмѣрная чувствительность съ тыла, особенно сильно проявившаяся у шведовъ,—зависѣла еще и отъ свойствъ театра военныхъ дѣйствій, на которомъ, при бѣдности путей, достаточно было иной разъ перехватить одну только дорогу, чтобы поставить противника въ безвыходное положеніе... А зависимость отъ тыла, при трудности полагаться на мѣстныя средства, даже для небольшихъ отрядовъ была чрезвычайно велика... Этимъ объясняется, напримѣръ, преждевременное отступленіе шведовъ въ бою при Сальми, подъ угрозой появившагося у нихъ въ тылу смѣхоторно-слабаго отряда Козачковскаго...

Огневой бой на фронтѣ обыкновенно завязывался авангардомъ, причемъ послѣдній нерѣдко цѣликомъ разсыпался въ стрѣлковую цѣль, огонь которой поддерживался артиллерией. Такое вливаніе въ

¹⁾ Интересно сравнить этотъ бой съ Тиренченомъ.

разсыпной строй цѣлыхъ частей, какое мы выше отмѣтили въ дѣйствіяхъ Кульевна при Синкаюки, наблюдалось у насъ нерѣдко въ періодъ завязки боя, причемъ обычно было увлеченіе растяжкою боевого порядка, тонкая линія котораго, естественно, соблазняла *прорывомъ*.. Такъ именно поступилъ противникъ подъ конецъ боя у Синкаюки; точно также дѣйствовалъ онъ подъ Оровайсомъ, гдѣ одержанный имъ успѣхъ былъ, на подобіе Маренгскаго сраженія, внезапно вырванъ подоспѣвшимъ къ полю битвы и брошеннымъ на торжествующаго врага послѣднимъ эшелономъ войскъ графа Каменскаго...

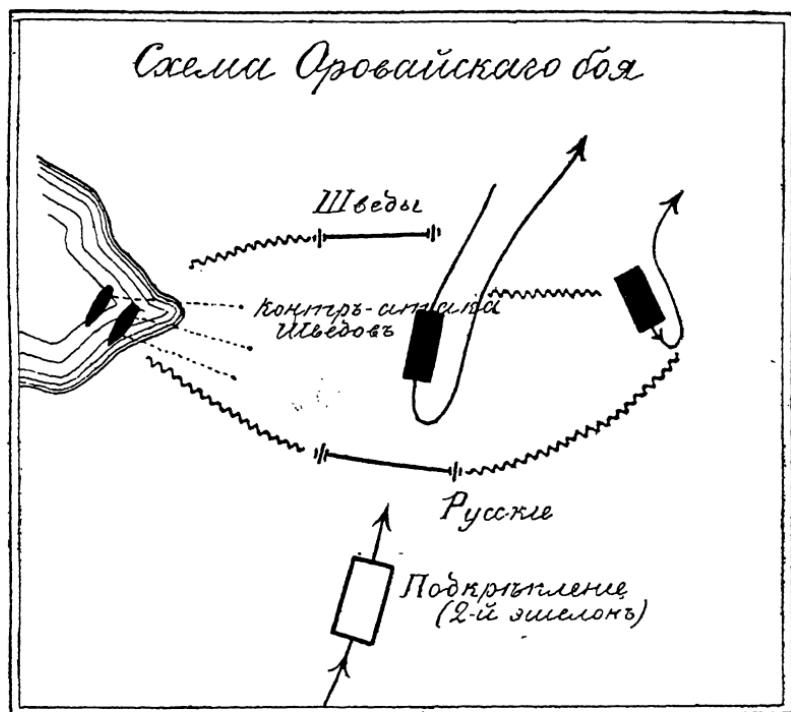
Разсыпаніе по фронту цѣлыми ротами и даже баталіонами плечо къ плечу приводило къ тому, что, по основнымъ своимъ свойствамъ, такая длинная и громоздкая стрѣлковая линія приближалась къ типу линейнаго боевого порядка, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда за недостаткомъ войскъ, не оставалось сзади сокрушеныхъ частей для поддержки и для обеспеченія фланговъ. Послѣдніе удавалось большую частью оберегать, упирая ихъ въ недоступныя преграды (напримѣръ, морской берегъ подъ Оровайсомъ на лѣвомъ флангѣ) или же дѣйствуя самимъ активно на томъ именно флангѣ, который доступенъ и, какъ-бы предупреждая въ этомъ противника; за то опасность прорыва, при всей труднодоступности местности, увеличивалась всегда прямо пропорціонально растяжеѣ, вызываемой тяготѣнiemъ къ охвату наиболѣе доступнаго фланга противника. Типичнымъ въ указанномъ отношеніи примѣромъ служитъ бой подъ Оровайсомъ. Здѣсь прежде-временное введеніе нетерпѣливымъ Кульевнымъ въ бой авангарда привело къ тому, что послѣдній, со включеніемъ затѣмъ первого нашего эшелона—бригады Демидова—весь образовалъ длинную и тонкую стрѣлковую линію безъ всякихъ поддержекъ. Наклонность же наша во всякомъ бою дѣйствовать непремѣнно *съ самаю началы наступательно*—особенно свойственная тому же Кульеву—обусловила собою еще болѣе опасную и соблазнительную для противника растяжку, вслѣдствіе стремленія нашего *охватить лѣвый флангъ шведовъ*.

„Всѣ войска наши были разсыпаны въ стрѣлки, подвигались по-немногу впередъ и начинали обходить позицію справа“ пишетъ Михайловскій-Данилевскій (стр. 251).

Контръ атака шведовъ была направлена какъ разъ въ надлежавшемъ направлениі: сосредоточивъ огонь своихъ батарей на участкѣ нашего боевого порядка, ближайшемъ къ большой дорогѣ, шведы ударили частью силъ на наше обходившее правое крыло, а главную массу резервовъ бросили на центръ нашего расположенія, поддерживаемые, кромѣ артилерійскаго, еще анфиладнымъ огнемъ канонерокъ изъ бухты.

Такимъ образомъ, въ данномъ слукаѣ направлениe главнаго удара было намѣчено противникомъ совершенно сообразно условіямъ боя; одного только нельзя было предвидѣть—это возможности прибытія въ эту рѣшительную минуту нашихъ свѣжихъ силъ, которыя, подоспѣвъ во время, отразили натискъ врага встрѣчнымъ ударомъ, рѣшившимъ судьбу сраженія... Графъ Каменскій, зная о скоромъ прибытіи этихъ войскъ, потребованныхъ имъ къ полю битвы, только поэтому и могъ рисковать вышеуказанной растяжкой...

Схема № 5.

Опасная сторона примѣненія длинныхъ, непрерывныхъ стрѣлко-выхъ цѣпей, не гибкихъ и крайне туга маневрирующихъ на полѣ сраженія, особенно при пересѣченности послѣдняго, до нѣкоторой степени парализовалась присутствіемъ позади сокрушеныхъ частей, ударомъ которыхъ, въ сущности, и рѣшалось столкновеніе. Вопросъ былъ въ томъ, чтобы имѣть въ своихъ рукахъ средство либо для нанесенія этого удара, либо—для отраженія удара непріятельскаго, причемъ послѣднее требовало, чтобы направленіе сего послѣдняго было своевременно разгадано. При Сікаюкахъ неуспѣхъ для насъ

боя обусловленъ бытъ только тѣмъ, что контроль атаку шведовъ на центръ отразить было нечѣмъ; такая же, въ общемъ, обстановка Оровайского боя приводитъ къ конечному успѣху, благодаря удачному вводу въ дѣло послѣдняго резерва...

Казалось бы, что при сравнительной тѣснотѣ финляндскихъ полей сраженія (напримѣръ, Оровайскъ—немного болѣе 2-хъ квадратныхъ верстъ) не такъ трудно было успѣхнуть направление сомкнутой массы, чтобы предотвратить непредвидѣнныи ударъ; но свойства финляндской мѣстности зачастую не даютъ возможности этого сдѣлать. Только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ возможно передвиженіе сколько-нибудь крупныхъ частей за фронтомъ боевого порядка и вообще маневрированіе резервовъ. Послѣдніе болѣею частью могутъ дѣйствовать только въ извѣстномъ опредѣленномъ направлениі, прямо передъ собою; измѣненіе его требуетъ непремѣнно значительной потери во времени, хотя бы потребное для того передвиженіе и было геометрически невелико... Извѣстный уже намъ критический моментъ боя при Куортанѣ, когда энергичная контроль атака шведовъ на слабо-занятую нами деревню Херроя, являвшуюся какъ бы шарниромъ, соединявшимъ фронтальный участокъ съ ударнымъ крыломъ Раевскаго, всего рельефнѣе иллюстрируетъ указанное положеніе. Пришлось пожертвовать драгоценнымъ родомъ оружія—конницей ипустить ее на несвойственной ей мѣстности и въ несобразномъ строю (походная колонна), чтобы выиграть необходимое время для предотвращенія грозившей опасности... Пѣхота, отдѣленная не столько разстояніемъ, сколько трудно-проходимостью мѣстности при движениі цѣлиной, разумѣется поспѣть не могла.

Но здѣсь промежутокъ между обоями боевыми участками былъ сравнительно небольшой, и потому усѣсть избѣжать вклиниванія непріятеля въ этотъ промежутокъ было все-таки возможно... По мѣрѣ развитія нашихъ успѣховъ и соотвѣтственного подавленія духа у противника мы становимся смѣлѣе и въ бояхъ послѣдняго периода кампаніи (Шелефте, Герненфорсъ, Севарь¹⁾) рискуемъ еще больше, раздѣляя силы еще виѣ поля сраженія, направляя ихъ на противника съ двухъ различныхъ сторонъ, нерѣдко при полномъ отсутствіи связи между обѣими группами, не говоря уже о невозможности непосредственной взаимной между ними поддержки...

Такъ, подъ Шелефте мы раздѣляемся на 2 колонны болѣе чѣмъ въ полу-переходѣ отъ позиціи противника; обѣ онѣ совершаютъ свой маршъ-маневръ, одна берегомъ, другая по льду залива, раздѣленныя мѣстностью, совершенно недоступной въ поперечномъ направлениі,

¹⁾ См. черт. №№ 23, 24 и 26.

даже для отдельныхъ людей. Точно то же самое сдѣлано подъ Гернеборсомъ; но тамъ колонна Карпенкова пущена черезъ лѣсъ, считавшійся непроходимымъ и вышла едва не въ тылъ непріятелю, пассивно ждавшему на позиціи рѣшенія своей участіи безъ надлежащихъ охраненія и развѣдки... При Севарѣ Каменскій тоже дѣлить свой корпусъ на двѣ группы, но, въ отличіе отъ предыдущихъ боевъ, все-таки пускаетъ въ промежутокъ между ними небольшой отрядъ Шрейдера. Послѣднему, въ началѣ боя, предстояло охранять то единственное направление, по которому только и возможно было опасное для участіи нашего, все-таки рискованнаго, плана вклиниваніе между обѣими атакующими группами. Но пассивность шведовъ оказалась столь велика, что, заслонившись какъ съ фронта, такъ и со стороны обходной колонны, они не только не использовали опаснаго для насъ промежутка, но даже и не наблюдали его сами въ цѣляхъ собственной безопасности. Это, какъ извѣстно, и привело къ направлению нашихъ подкрепленій во слѣдъ Шрейдеру, благодаря чему его второстепенная по первоначальному плану группа пріобрѣла рѣшающее значение. Разъ шведы упускали случай дѣйствовать въ опаснѣйшемъ для насъ направленіи, и наоборотъ сами втягивались въ пассивно-оборонительный бой съ обѣими раздѣльно наступавшими на нихъ колоннами, безсознательно подчиняясь волѣ противника, то наиболѣе сообразнымъ съ обстановкою было именно самимъ вклиниться между двумя группами непріятеля, самое раздѣленіе котораго мы же и вызвали, наступая разомъ съ двухъ сторонъ...

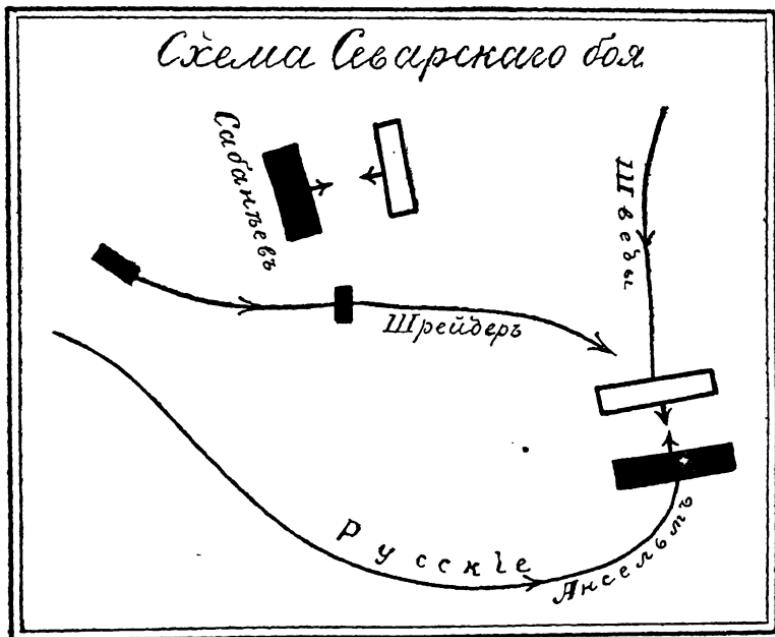
Достойно особаго вниманія, что въ данномъ случаѣ успѣхъ былъ обусловленъ частнымъ починомъ оберъ-офицера, штабсъ-капитана Шрейдера, донесеніе котораго и просьба о подкрепленіи вызывали усиленіе его небольшой заставы (1 рота)—до 6-ти ротъ. При этомъ замѣчательно, что Шрейдеръ настолько понималъ обстановку происходившаго боя, что въ своемъ донесеніи указывалъ и на тѣ результаты, которыхъ можно достигнуть, направивъ войска въ промежутокъ между обѣими шведскими позиціями...

Фактъ этотъ показываетъ, насколько къ концу войны усовершенствовались наши частные начальники, даже въ столь небольшихъ чинахъ и подтверждаетъ весьма важное значеніе войны 1808—1809 гг., въ дѣлѣ подготовки команднаго состава нашей арміи къ послѣдующей титанической борьбѣ съ великаниемъ военного искусства—Императоромъ французовъ... Финляндская война, именно по особенностямъ своихъ операций, по свойствамъ полей сраженій и проч., лучше всего способствовала выработкѣ самостоятельности и самоубѣдительности, вѣрнаго военного глазомѣра и пр. При тогдашнихъ условіяхъ, когда не было современныхъ техническихъ способовъ сно-

шений, всякий, даже маленький начальникъ, получая самостоятельное назначение, предоставлялся почти всецѣло своей судьбѣ и только изрѣдка получалъ инструкціи и указанія: осталъное надобно было ему восполнять личною находчивостью, рѣшимостью, опытомъ и знаніемъ военного дѣла...

Припомнимъ хотя бы положеніе отряда Властова во время наступленія графа Каменского отъ Юяссюля вплоть до Оровайса.

Схема № 6.

Вѣдь дѣйствія Властова, предназначеннаго прикрывать справа успѣхъ операціи „главнаго корпуса“ Каменскаго, были совершенно самостоятельны; единственное полученное имъ приказаніе было о выдѣленіи отряда Лукова на поддержку Каменскому и во флангъ непріятелю, такъ какъ послѣ одержанныхъ Властовыми успѣховъ, корпусный командиръ считалъ, что для преслѣдованія разбитаго врага достаточны и вдвое слабѣйшія силы... А Властовъ былъ только полковой командиръ.

Отмѣтимъ, что въ началѣ войны проявленіе частнаго почина не всегда обходилось гладко. Примѣръ — Тучковъ I послѣ первого занятія Куопіо, запоздавшій двинуться на перерѣзъ отступавшимъ вдоль берега шведамъ, а потомъ выславшій туда слишкомъ слабыя силы... Булатовъ подъ Револаксомъ, предоставленный самъ себѣ, подвергся

отдѣльному пораженію только потому, что не разгадалъ обстановки, не будучи въ ней должнымъ образомъ оріентированъ свыше и не принявъ мѣръ для самоориентированія... Можно только сожалѣть о томъ, что частный починъ начальника Аландской колонны князя Багратіона при зимнемъ переходѣ Ботническаго залива былъ стѣсненъ присутствиемъ при колоннѣ всего высшаго начальства, главнокомандующаго Кнорринга и даже военнаго министра Аракчеева... Если бы эти лица находились въ то время гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, то, вѣроятно, война эта тутъ же окончилась бы занятіемъ шведской столицы Стокгольма...

Чтобы покончить съ боевыми столкновеніями, скажемъ еще нѣсколько словъ о своеобразномъ ихъ типѣ, специально присущемъ только Финляндіи. Это бои гребныхъ флотилій совмѣстно съ сухопутными войсками. Какъ извѣстно, въ описываемую войну бои эти не имѣли большого значенія въ общемъ теченіи ея операций: бывшія въ шхерахъ столкновенія, главнымъ образомъ, сводились къ прокладкѣ нашими флотиліями себѣ пути черезъ шхерные фарватеры изъ Финскаго залива въ Ботническій. Но въ тактическомъ отношеніи указанные бои представляютъ крупный интересъ, не лишенный, быть можетъ, и современного значенія...

Шхерные флотиліи состояли изъ гребныхъ судовъ разнаго вида и типа, вооруженныхъ артиллерией и, слѣдовательно, представлявшихъ собою какъ бы *подвижныя плавучія батареи*. Батареи эти обладали свойствомъ, совершенно отличнымъ отъ батарей сухопутныхъ, а именно способностью дѣйствовать огнестрѣльнымъ оружіемъ не на мѣстѣ только, а и *въ движеніи*. Такимъ образомъ, столкновеніе двухъ враждебныхъ флотилій сводилось, въ сущности, къ взаимному разстрѣливанію, съ тою только разницей, что стрѣляющія съ судовъ орудія могли эволюціонировать, мѣнять взаимное положеніе, не прекращая своего дѣйствія. Успѣхъ такихъ эволюцій, разумѣется, зависѣлъ отъ многихъ условій: отъ ширины и конфигураціи фарватера, отъ направленія и силы вѣтра, расположенія и величины близайшихъ острововъ и мелей, отъ искусства гребцовъ и рулевыхъ и т. д.

Во всякомъ случаѣ, центральнымъ боевымъ участкомъ такого боя всегда являлись двѣ сталкивающіяся флотиліи, артиллериjsкая дуэль которыхъ и рѣшила участъ боя. Но вспомогательнымъ средствомъ для достиженія успѣха въ этой дуэли было примѣненіе десантовъ въ цѣляхъ использования выгодныхъ свойствъ *анфиладно и тыльно* оны. Мы наталкиваемся здѣсь, даже въ этихъ смѣшанныхъ операцияхъ, на все тѣ же основныя, вѣковѣчныя, неизмѣнныя свойства боевыхъ элементовъ, отъ которыхъ, какъ говорится, никуда не уйдешь

и безъ яснаго усвоенія которыхъ нѣтъ и не можетъ быть правильнаго пониманія военнаго дѣла...

«Такъ какъ единственнымъ оружіемъ гребныхъ флотилій являлся огонь, то боевымъ построениемъ ихъ былъ всегда развернутый строй въ одну линію, иногда съ примѣненіемъ уступовъ, въ цѣляхъ неожиданного введенія части силъ въ дѣло изъ-за закрытія противъ фланга¹⁾). Послѣднее было возможно, разумѣется, только въ томъ случаѣ, если ширина проходовъ между островами давала достаточно мѣста для маневрированія. Обратно при ограниченности ширины фарватера, для дѣйствія на слабые и чувствительные фланги развернутой линіи гребныхъ судовъ, стали *переносить* огонь на берегъ, располагая тамъ стрѣлковъ и даже батареи такъ, чтобы анфилировать строй лодокъ. Первую попытку въ такомъ духѣ мы видимъ со стороны шведовъ въ бою при Хирвисало 22 іюня 1808 г. (впереди гор. Або), когда, одновременно съ атакой части канонерскихъ лодокъ на лѣвый флангъ нашей флотиліи, преграждавшей фарватеръ между островами Рунсало и Хирвисало, шведы пытались сдѣлать высадку на островъ Рунсало, чтобы оттуда фланкировать нашу линію; но предусмотрительно расположенные на этомъ островѣ генераломъ Коновницкимъ стрѣлки не допустили высадки. Успѣхъ этой мѣры несомнѣнно повліялъ въ направлениіи ея болѣе широкаго примѣненія въ послѣдующихъ столкновеніяхъ. При Тавастеншерѣ 9 іюля, когда къ Або пробивался 3-й эшелонъ нашего шхернаго флота подъ начальствомъ капитана 1-го ранга графа Гейдена, на оба берега пролива между островомъ Кимито и материкомъ посланы были, по приказанію графа Буксгевдена, присутствовавшаго при дѣлѣ, сухопутныя войска, стрѣлки и артилерию. Орудія были перенесены на рукахъ, взгромождены на скалы, и ихъ огонь во флангъ оказалъ, вмѣстѣ съ ружейнымъ, самое рѣшительное вліяніе на нашъ успѣхъ въ этомъ бою. 20 іюля въ бою при Сандо (нѣсколько сѣвернѣе Тавастеншера), шведы также прибѣгли къ сооруженію батарей и высадкѣ стрѣлковъ на островъ Сандо, прикрывавшій ихъ правый флангъ, а мы расположили пѣхоту и артилерию и на материкѣ, и на островѣ Кимито, еще въ большемъ, чѣмъ прежде количествѣ.

При этомъ, одновременно съ боемъ флотилій, работала на флангахъ и пѣхота. Наші двѣ роты, подъ прикрытиемъ огня артилериї, пользуясь мелководьемъ пролива между Кимито и Сандо, перешли его въ бродъ и атаковали во флангъ шведскія заставы, отогнавъ отсюда непріятельскихъ стрѣлковъ и захвативъ 4 бывшихъ здѣсь

¹⁾ Напримѣръ, атака шведами нашей флотиліи при Хирвисало 22 іюня 1808 г. (см. выше, глава IX, стр. 222).

орудія, которыя, разумѣется, не могли быть шведами увезены... Въ свою очередь шведы послали на Кимито цѣлый отрядъ, который не-замѣтно высадился въ тылу у нашихъ войскъ, бывшихъ на сѣверномъ берегу этого острова. Отрядъ этотъ едва не захватилъ даже въ плѣнъ самого главнокомандующаго, пировавшаго по окончаніи успѣшиаго боя, если бы не возвратившаяся на выстрѣлы наша рота, ранѣе высланная на острова западнѣе Сандо, которая и ударила шведамъ неожиданно въ тылъ¹⁾.

Такимъ образомъ здѣсь, наряду съ состязаніемъ флотилій, разыгрывается борьба между тѣми сухопутными отрядами, которые стремятся оказать влияніе на ходъ главнаго столкновенія шхерныхъ эскадръ, путемъ анфиладнаго огня съ берега. Шведская позиція на Сандо мѣшаетъ успѣху атаки нашихъ лодокъ; пѣхота наша переходитъ къ активнымъ дѣйствіямъ и „снимаетъ“ эту позицію. Наша позиція на Кимито вредитъ шведамъ, и послѣдніе заранѣе принимаютъ противъ нея мѣры, но, по кружности пути, появляются слишкомъ поздно, когда главная цѣль боя уже была достигнута: шведскій гребной флотъ отогнанъ, и проходъ для нашего открытъ. Внезапность появленія шведского дессантна, не сдѣлавшагося роковой для главной квартиры, только благодаря *случайности* (присутствіе роты на сѣднемъ островѣ) и частному почину *ротного* командира, объясняется крупною ошибкою — пренебреженіемъ къ охраненію во время боя; данный эпизодъ особенно рельефно подтверждаетъ необходимость имѣть это охраненіе не только на флангахъ, но и въ тылу, даже въ такихъ случаяхъ, когда повидимому опасность съ этой стороны почти невѣроятна...

Итакъ, особенности условій боевыхъ столкновеній въ шхерахъ въ силу самыхъ свойствъ водяной стихіи, рѣзко отличаются отъ боевъ на сухомъ пути. Тамъ на фронтѣ по большей части пассивныя дѣйствія огнемъ; только въ исключительныхъ случаяхъ активность, если можно воспользоваться растяжкой или разрывомъ непріятельскаго флота; по большей же части рѣшеніе боя — на флангахъ, а порою даже въ тылу, который по мѣстнымъ условіямъ особенно чувствителенъ. Въ столкновеніяхъ шхерныхъ флотилій, наоборотъ, успѣхъ решается исходомъ боя на фронтѣ, т. е. единоборства самихъ гребныхъ эскадръ между собою, а дѣйствія на флангахъ, т. е. на сухомъ пути, имѣютъ значеніе вспомогательное, примѣрно схожее съ современнымъ стремленіемъ, при большей свободѣ размѣщенія артиллеріи въ боевомъ порядкѣ, искать для части ея батарей такія позиціи, которыя давали бы наивыгоднѣйшій перекрестный или анфиладный огонь, поражающій

¹⁾ См. глава IX и черт. № 14.

наиболѣе важные пункты или участки... По свойствамъ береговъ и шхеръ Финляндіи, позиціи, занимаемыя пѣхотою и артиллерией по флангамъ фарватеровъ на которыхъ ожидается столкновеніе гребныхъ эскадръ, конечно, носятъ неподвижный, пассивный характеръ, и только исключительная обстоятельства (какъ, напримѣръ, мелкая вода въ протокѣ въ вышеприведенномъ примѣрѣ) позволяютъ и здѣсь проявить извѣстную активность. Активность эта, понятное дѣло, можетъ быть выказана и путемъ *перемещенія водуо* цѣлыхъ отрядовъ (см. выше), но такія смыллы дѣйствія всегда сопряжены съ большимъ рискомъ, и чувствительность такого отряда къ своему тылу—т. е. къ своему амбарикаціонному пункту—всегда чрезвычайно велика. Въ приведенномъ выше примѣрѣ шведскій отрядъ Шалена имѣлъ свыше тысячи человѣкъ и 6 орудій, обладалъ, слѣдовательно, и численнымъ превосходствомъ, и выгодами внезапности, а наши войска на Кимито были, въ сущности, безъ пути отстѣпленія, такъ какъ средствъ перебросить ихъ быстро на материкъ (особенно пушки),—не было; тѣмъ не менѣе достаточно было *появленія* въ тылу противника одной нашей роты, чтобы всѣ эти выгоды рушились, а успѣхъ, бывшій почти въ рукахъ, обратился въ смятеніе и неудачу...

Можно ли предвидѣть возобновленіе подобныхъ столкновеній при современной обстановкѣ и при нынѣшихъ условіяхъ техники? Намъ представляется, что важность удержанія въ своихъ рукахъ водныхъ путей по шхерамъ при дѣйствіяхъ на Финляндскомъ театрѣ всегда будетъ существовать, а слѣдовательно можно предвидѣть и борьбу за обладаніе этими путями. Сказать заранѣе, каковы будутъ тѣ средства, которые придется примѣнить для этой борьбы, конечно, трудно. Очевидно, что это не будутъ уже гребныя суда, слишкомъ первобытныя и громоздкія, хотя и ими можно будетъ, вѣроятно, пользоваться за неимѣніемъ лучшаго.

Врядъ ли съ такою цѣлью слѣдовало бы употреблять флотиліи миноносцевъ, надводныхъ и подводныхъ, такъ какъ эти сравнительно дорого стоющія суда имѣютъ вполнѣ опредѣленное спеціальное назначение. Вѣрнѣе всего, что быстро развивающійся водомоторный спорѣтъ выработаетъ въ скоромъ времени спеціальный типъ канонерской лодки-мотора, приспособленной именно для береговой развѣдочной службы въ условіяхъ шхернаго плаванія и для охраны шхерныхъ фарватеровъ и вооруженной, либо пулеметами, либо легкими скорострѣлками. Насколько извѣстно изъ шведской печати, въ Швеціи такие типы лодокъ уже разрабатываются...

Обращаясь къ дѣятельности отдѣльныхъ родовъ войскъ въ бою и видѣ его, видимъ, что главною владычицею финляндскихъ полей сраженія является, конечно, пѣхота. Это видно уже изъ *сопразмѣрности*

ея въ общемъ составѣ отрядовъ. Напримѣръ, въ корпусѣ графа Н. Каменскаго, общий составъ строевыхъ нижнихъ чиновъ, передъ началомъ его финляндской операции, равнялся 31-го июля 1808 года, 9.500 (примѣрно) человѣкамъ, изъ коихъ пѣхоты было болѣе 7.000 или свыше 75%, конницы—менѣе 1.000 человѣкъ или всего около 10%. Если считать пѣхоту съ пѣшой артиллерией вмѣстѣ, то они составляютъ отъ 80 до 90% состава каждого отряда. Число орудій колебалось отъ 2 до 3 на 1.000 человѣкъ.

Такимъ образомъ и соразмѣрность артиллериї была нѣсколько ниже средней нормы, что весьма понятно. Несмотря на то, что при неимѣніи въ то время средствъ, подобныхъ нынѣшнимъ пулеметамъ и при тогдашней слабости ружейнаго огня, картечный огонь артиллериї, достаточно могущественный при ограниченномъ обстрѣлѣ финляндскихъ позицій, являлся существеннымъ средствомъ, чтобы потрясти противника материально и морально и тѣмъ обеспечить успѣхъ удара,— надѣлять отряды артиллерией приходилось всетаки весьма скучо. Причинъ тому двѣ; во первыхъ—трудность передвиженія, размѣщенія и обезпеченія артиллериї въ составѣ пѣхотныхъ отрядовъ, а затѣмъ,— и самое главное—трудность *питанія ея б.евыми припасами...* Если вообще снабженіе всѣмъ необходимымъ составляло въ Финляндіи вопросъ первостепенной важности, то это прежде всего относилось до боевыхъ припасовъ, расходъ которыхъ при мѣстныхъ условіяхъ боя былъ великъ, а получить ихъ можно было только подвозомъ съ тыла... Насколько значителенъ былъ расходъ огнестрѣльныхъ припасовъ, можно судить по упорству и продолжительности боевыхъ столкновеній. Такъ бой при Куортане 20-го августа (не считая авангарднаго боя наканунѣ) продолжался съ 2-хъ часовъ дня до поздняго вечера. Оровайскій бой—съ 8 часовъ утра до 11-го часа ночи; Севаръ—съ 7 часовъ утра до 4 часовъ пополудни. Въ тѣ времена, при малой величинѣ друющихся отрядовъ и короткости разстояній (не болѣе 7—8 тысячъ съ каждой стороны на пространствѣ 2—4 квадратныхъ верстъ) такую продолжительность должно признать весьма значительной, и несомнѣнно, что она зависѣла отъ упорства именно огнестрѣльного, подготовительного периода боя.

Артиллерия играла въ этотъ періодъ боя преимущественную роль. Стрѣлковыя цѣли, прикрывавшія фронтъ сражавшихся, нерѣдко поглощавшія собою (какъ мы видѣли) даже всю пѣхоту отряда, вели обыкновенно перестрѣлку другъ съ другомъ; ихъ огонь, разсредоточенный почти равнѣменно по всему фронту, значенія въ дѣлѣ подготовки успѣха почти не имѣлъ.

Что же касается огня артиллерии, то его назначение было не столько въ томъ, чтобы подавить вражескую артиллерию или потрясти сильными потерями непріятеля, сколько въ томъ, чтобы обратить на себя огонь возможно большей части непріятельскихъ орудій, т. е., какъ выражаются и теперь, приковать къ себѣ противника и тѣмъ обеспечить успѣхъ обходящихъ частей... Какъ только обходъ или охватъ назрѣвалъ, или (какъ подъ Оровайсомъ) приближался моментъ рѣшительной контръ-атаки резервомъ, артиллериа усиливалась свой огонь до крайности, дѣйствуя уже не по тому участку позиціи, который намѣчался для удара, а по сосѣднимъ...

Маневрированія артиллериі на полѣ сраженія не было; мѣстность придавала ея дѣйствіямъ позиціонный характеръ. Расположеніе, занятое ею въ началѣ боя, обыкновенно сохранялось неизмѣннымъ и почти всегда было приближено къ лучшимъ дорогамъ, чтобы обеспечить своевременный увозъ орудій въ случаѣ неудачи. Этимъ объясняется, между прочимъ, почему обходные колонны по большей части обходились безъ артиллериі; исключеніе—Куортане, гдѣ Раевскому приданы двѣ пушки въ разобранномъ видѣ, и Шелефте, гдѣ Алексѣевъ везъ за собою пушки по льду на саняхъ. Отсюда ясно, насколько велико въ настоящее время значеніе въ Финляндіи пулеметовъ и горной артиллериі, которые пройдутъ всюду за пѣхотой...

Рѣшительный успѣхъ въ бояхъ того времени достигался исключительно штыковымъ ударомъ; но финляндскіе бои именно и поучительны въ томъ отношеніи, что ударъ этотъ всегда производился послѣ надлежащей подготовки, въ чёмъ бы послѣдняя ни выражалась, въ огнѣ, или въ соотвѣтствующемъ маневре. По условіямъ мѣстности, всегда атаковали не иначе, какъ во взводныхъ колоннахъ ротъ. Только шведы въ началѣ войны употребляли для атаки развернутый строй, но уже скоро отъ него отказались, и при Куортане, Оровайсѣ и др. они, подобно намъ, атакуютъ исключительно въ колоннахъ... Эти ротные колонны, строй достаточно гибкій, поворотливый и удобопримѣнимый къ мѣстности, а вмѣстѣ съ тѣмъ обладающій достаточную сокрушительностью и послушный волѣ начальника, какъ разъ соотвѣтствовали пересѣченнымъ полямъ битвъ, на которыхъ приходилось атаковать. Такимъ образомъ, и этотъ рѣшительный періодъ боя лежалъ преимущественно на младшихъ начальникахъ, главнымъ образомъ, ротныхъ командирахъ; старшимъ начальникамъ приходилось только указывать цѣль, воодушевлять войска, пускай ихъ въ дѣло, а уже самая работа въ бою была всецѣло въ рукахъ офицеровъ... Бой при Карстула, гдѣ, по мѣстнымъ условіямъ, боевой порядокъ атакующаго разбился на три отдѣльныя самостоятельные группы, вѣроятно, потому именно и оказался „офицерскимъ дѣломъ“, какъ его прозвали

въ арміи, что именно при этихъ условіяхъ атаки работы младшихъ офицеровъ всего болѣе выдѣлилась.

Что касается конницы, то ея специальной работы въ эту войну сравнительно мало видно, главнымъ образомъ потому, что она, по тогдашнимъ своимъ свойствамъ, не могла быть употребляема въ Финляндіи такъ, какъ это соотвѣтствовало бы особенностямъ этого театра военныхъ дѣйствій. Атака въ конномъ строю холоднымъ оружіемъ возможна здѣсь только въ видѣ исключенія, а между тѣмъ наша конница того времени утратила тѣ свойства, которыхъ были присущи ей въ вѣкѣ Петра и Екатерины: она перестала быть самостоятельной. Въ Финляндскую войну ея дѣятели не ушли въ этомъ отношеніи дальше своего времени; даже такія лица, какъ Кульпевъ и Денисъ Давыдовъ не сумѣли оцѣнить того преимущества, которое давало бы въ наши руки примѣненіе на этомъ театрѣ именно старинной Петровской системы „корволантовъ“ для широкаго воздействиія на *непріятельскія сообщенія*. Конницу въ эту войну мы преимущественно держали въ резервѣ и лишь въ видѣ исключенія бросали ее, какъ Кульпевъ и Каменскій при Куортане, для выполненія въ сущности несвойственныхъ ей задачъ (атака на окопы у моста черезъ рѣчку Нисо 19-го августа и на д. Херроя 20-го). Расчетъ тутъ былъ, конечно, на психологическое воздействиіе неожиданного появленія конницы въ противорѣчащей ея природнымъ свойствамъ обстановкѣ... Зимою 1808 года конницею еще пользовались (налетъ на Гельсингфорсъ, дѣйствія Силина на флангъ боевого порядка по льду залива, у Кульпева во всѣхъ бояхъ до Сіикаюки включительно), но именно только какъ средствомъ для нанесенія удара холоднымъ оружіемъ. Въ качествѣ органа развѣдки конница почти совершенно въ эту войну не работала. Вообще—развѣдка была у обѣихъ сторонъ обоснована почти исключительно на шпионствѣ мѣстныхъ жителей, служившихъ обѣимъ сторонамъ. Свѣдѣнія эти не провѣрялись конницею, и часто на нихъ обосновывались цѣлые предприятия (например, наступленіе наше, 22-го июля, на Герненфорсъ). Иное видимъ у Петра Великаго и его генераловъ въ 1712—1714 годахъ (см. А. З. Мышилаевскій „Война въ Финляндіи въ 1712—1714 г.г.“).

Предвзятое мнѣніе о непригодности конницы для дѣйствій въ Финляндіи держится у насъ, главнымъ образомъ, на основаніи опыта войны 1808—09 гг. и только потому, что отъ конницы требуютъ лишь выполненія *одной* изъ ея задачъ, выпуская изъ вида всѣ другія... Плоды такого пониманія вѣщей мы видѣли еще недавно въ Маньчжуріи, гдѣ наша превосходная по количеству и качествамъ конница почти бездѣйствовала только потому, что на театрѣ войны преобладала горная мѣстность... О примѣненіи дѣятельности само-

стоятельной конницы въ тылу и на флангахъ противника во время боя, о работѣ ея на сообщеніяхъ противника, объ использованіи ея главныхъ свойствъ: быстроты, неуловимости и независимости, не подумали у насъ въ 1808—09 годахъ, совершенно также какъ и въ недавнемъ прошломъ... Единственнымъ оправданіемъ такому забвенію свойствъ конницы, неподражаемо мастерски использованному у насъ только Петромъ и Меньшиковымъ, а на западѣ—сѣвероамериканцами, можетъ служить одно немаловажное обстоятельство—*трудность ея прокормленія*. Но это обстоятельство оправдывало, въ сущности, только то, что конницы нельзя было взять больше; оставленіе же ея безъ употребленія и преимущественно въ хвостѣ колонны или при резервѣ только затрудняло для нея же продовольственный вопросъ. Наоборотъ, широкіе рейды конницы для захвата важныхъ пунктовъ въ тылу у противника, разрушенія переправъ, уничтоженія транспортовъ, магазиновъ и т. п., наконецъ, для болѣе быстрого содѣйствія фронтальной атакѣ, были бы вполнѣ осуществимы, ибо требовали движенія лишь по дорогамъ. А они *облегчали бы разрѣшеніе вопроса о прокормѣ*, такъ какъ позволили бы пользоваться мѣстными средствами съ болѣе широкаго района...

Нашъ очеркъ войны 1808—09 годовъ со Швеціей законченъ.

Изслѣдованіе архивныхъ данныхъ, безъ сомнѣнія, прольетъ новый обильный свѣтъ на тѣ или другія подробности, дасть возможность правильнѣе и точнѣе охарактеризовать отдѣльныхъ дѣятелей эпохи, одѣнить военно-историческое значеніе того или другого отдѣльного факта. Въ такихъ поправкахъ—и весьма крупныхъ—нуждается не только одна эта, но и безусловно всѣ наши войны. Правильный путь, намѣченный въ русской военно-исторической науки незабвеннымъ Д. Ф. Масловскимъ, въ сущности, едва лишь начать прокладкою, и цѣлые огромные періоды нашего военно-исторического прошлаго ждутъ, чтобы окутывающая ихъ туманная завѣса была отдернута... Необходимость тщательного и кропотливаго труда въ этомъ направлениіи бесспорна не только въ интересахъ науки и въ цѣляхъ патріотическихъ, но и по чисто-практическимъ побужденіямъ. Уроки исторіи—самые драгоценныи уроки. А тѣмъ событиямъ, которые развернулись передъ взоромъ нашихъ читателей въ предшествующемъ нашемъ изложеніи,—неровность и шероховатость котораго да не будутъ вмѣнены намъ въ вину, ибо главно наша задача была *срочность работы*,—нельзя никоимъ образомъ отказать въ *практической поучительности...*

Военное значеніе Финляндіи велико и никогда не перестанетъ быть таковымъ, покамѣсть, по мысли и волѣ Великаго Преобразова-

теля и полководца, столица Империи занимаетъ свое нынѣшнее положеніе... Этимъ значеніемъ опредѣляется всецѣло и практическій интересъ того прошлаго, которое смотритъ на нась въ вереницѣ событий, разыгравшихся сто лѣтъ тому назадъ...

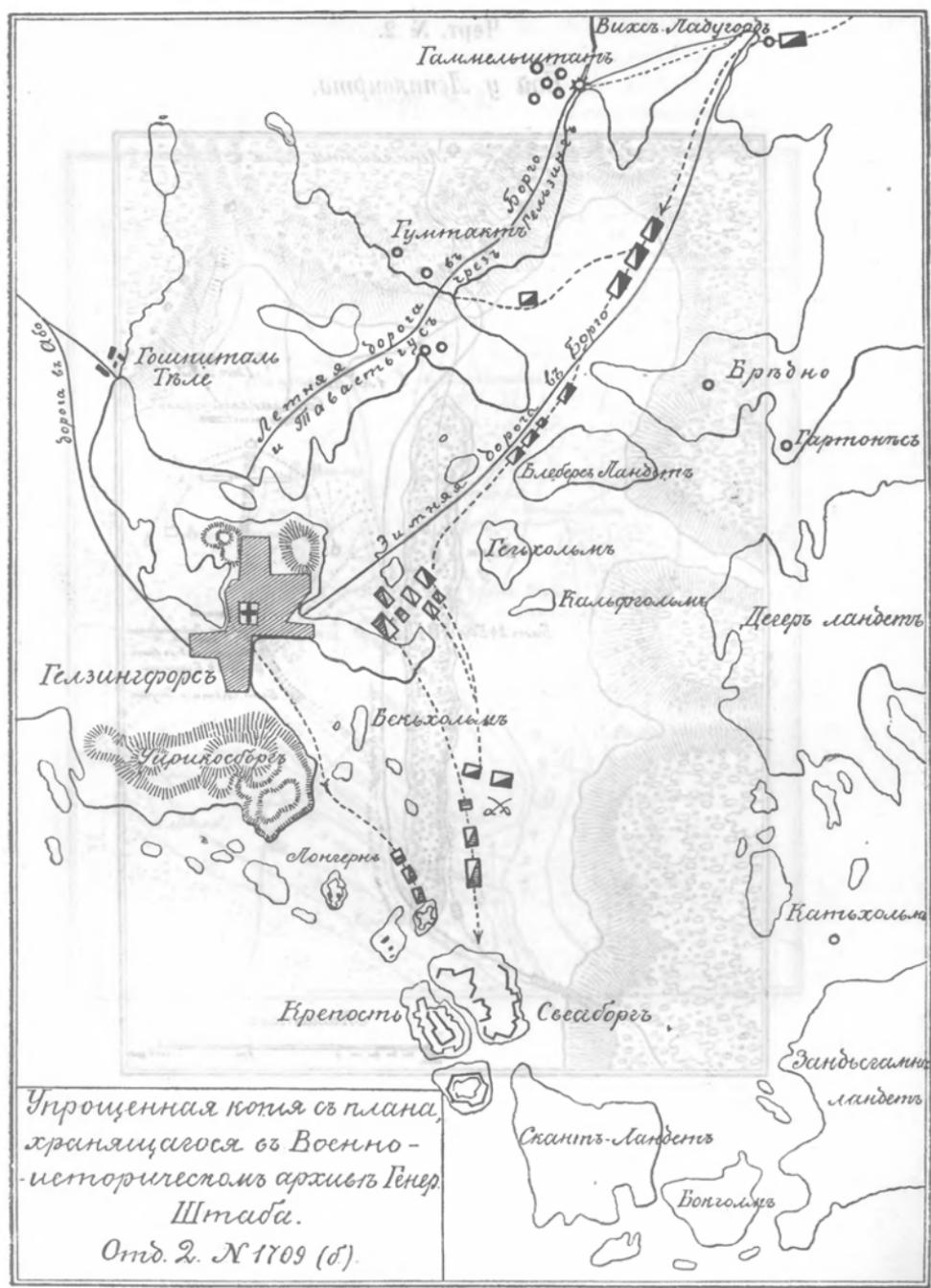
„Прошлое—для будущаго“, таковъ могъ бы быть девизъ, который всего умѣстнѣе было бы поставить въ заголовокъ нашихъ очерковъ...

И поэтому лучшею наградою для нась было бы сознаніе, что тѣ изъ нашихъ читателей, которымъ скромный безпритязательный трудъ нашъ хоть въ чёмъ-либо принесъ или принесетъ *практическую пользу*, помянуть насъ добрымъ словомъ...

Petrъ Hise.

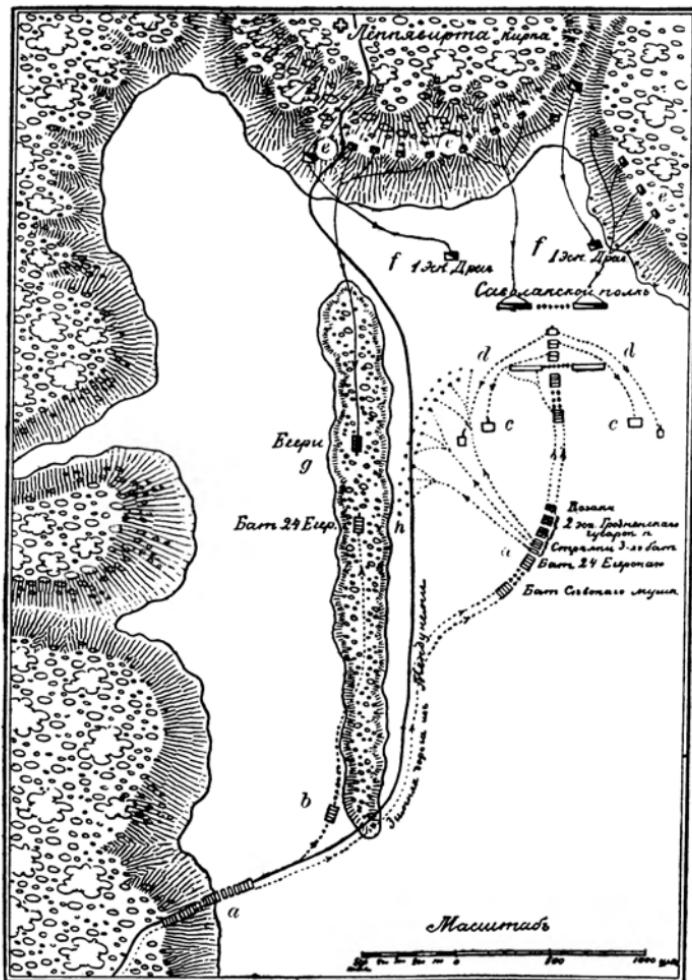
Черт. № 1.

Налетъ Орлова-Денисова на Гельсингфорсъ.

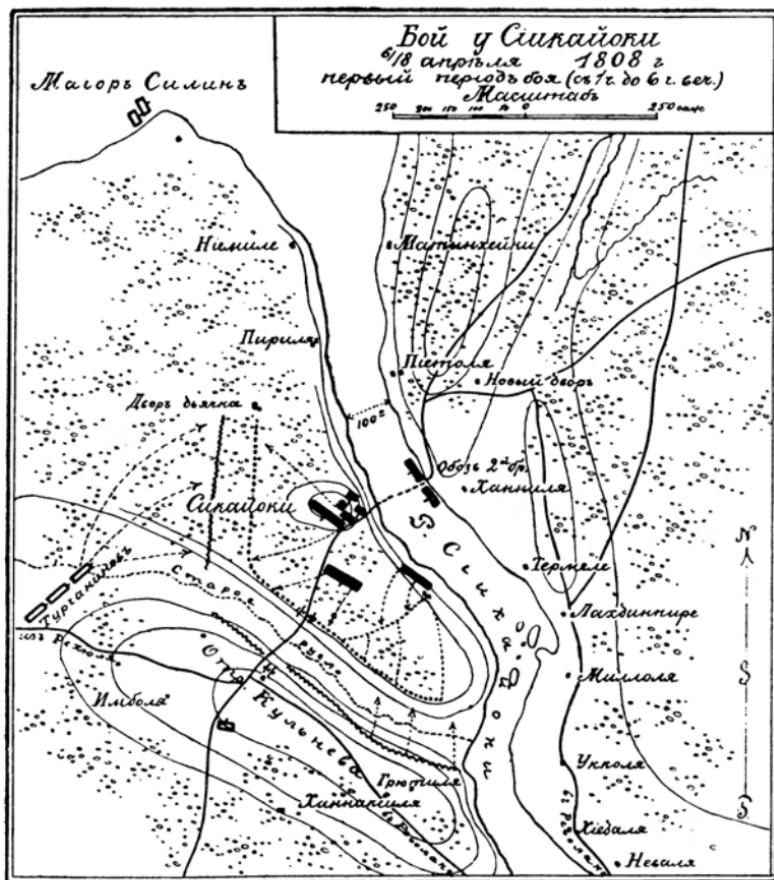

Черт. № 2.

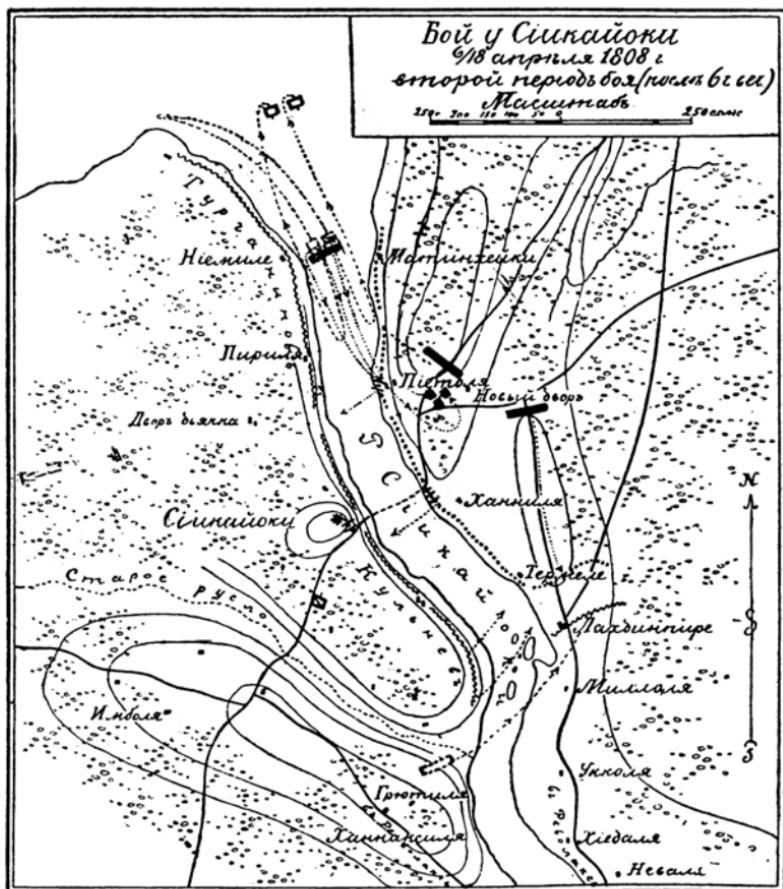
Бой у Леппявиута.

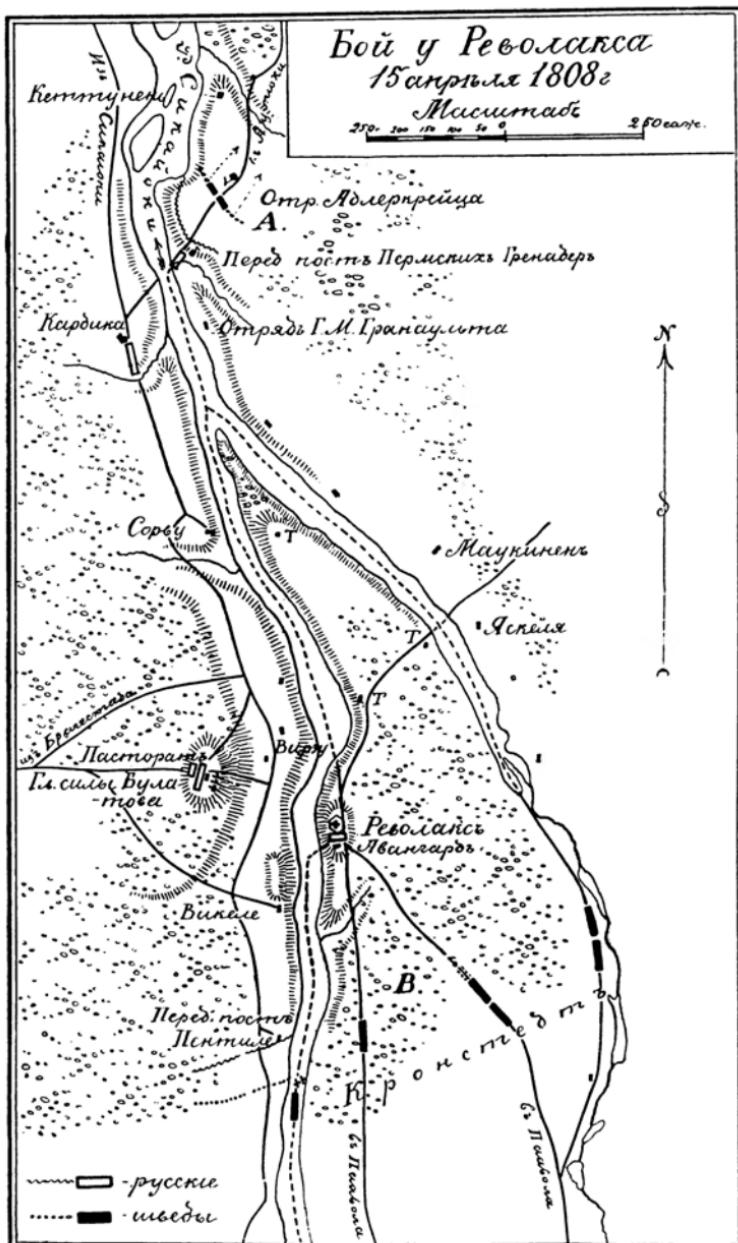
Черт. № 3.

Черт. № 4.

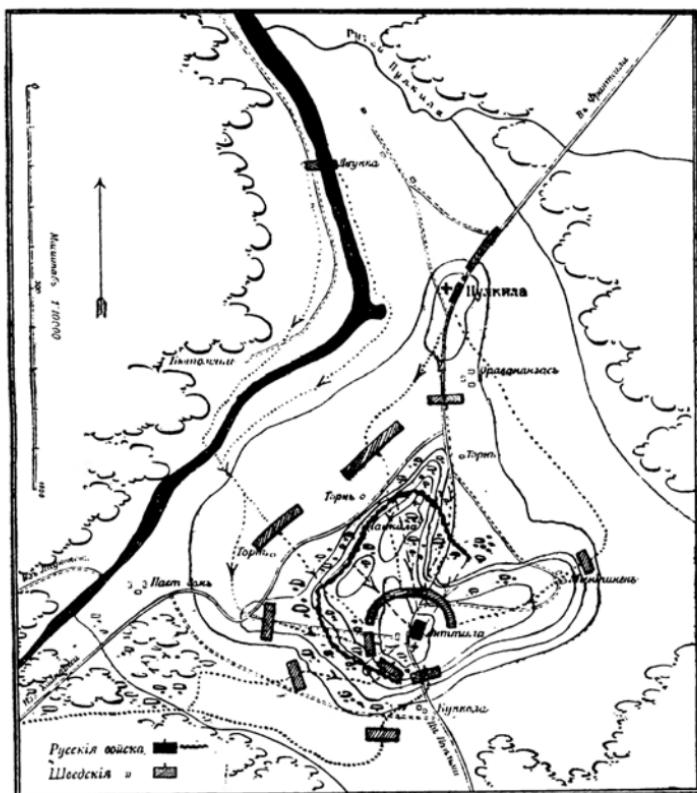

Черт. № 5.

Черт. № 6.

Бой у Пулькила.

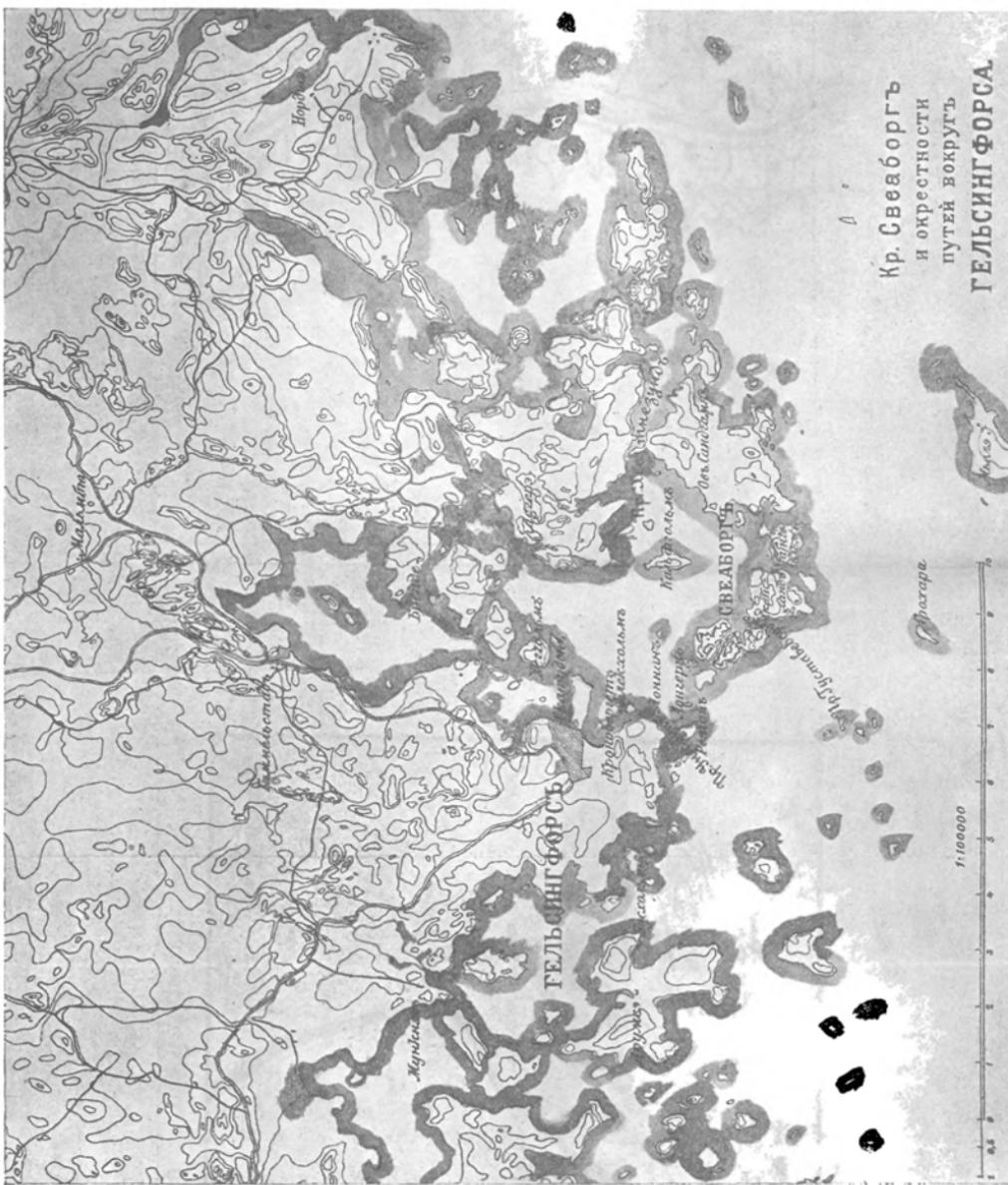

ГЕЛЬСИНГФОРСА.

Кр. Свеаборгъ
и окрестности
путей вокругъ

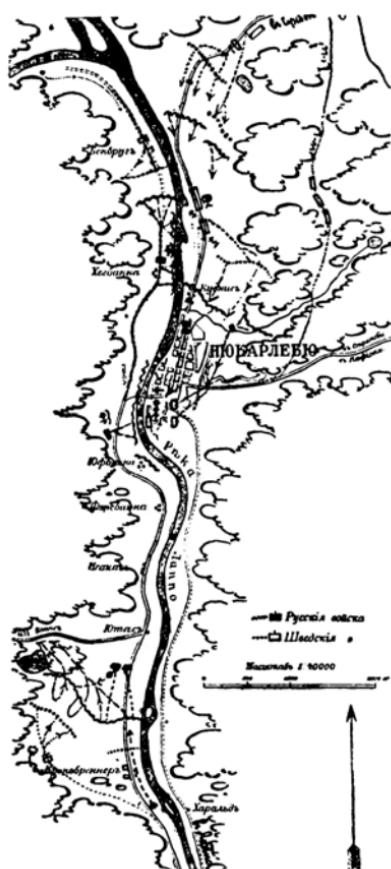
1:100000

Флагора.

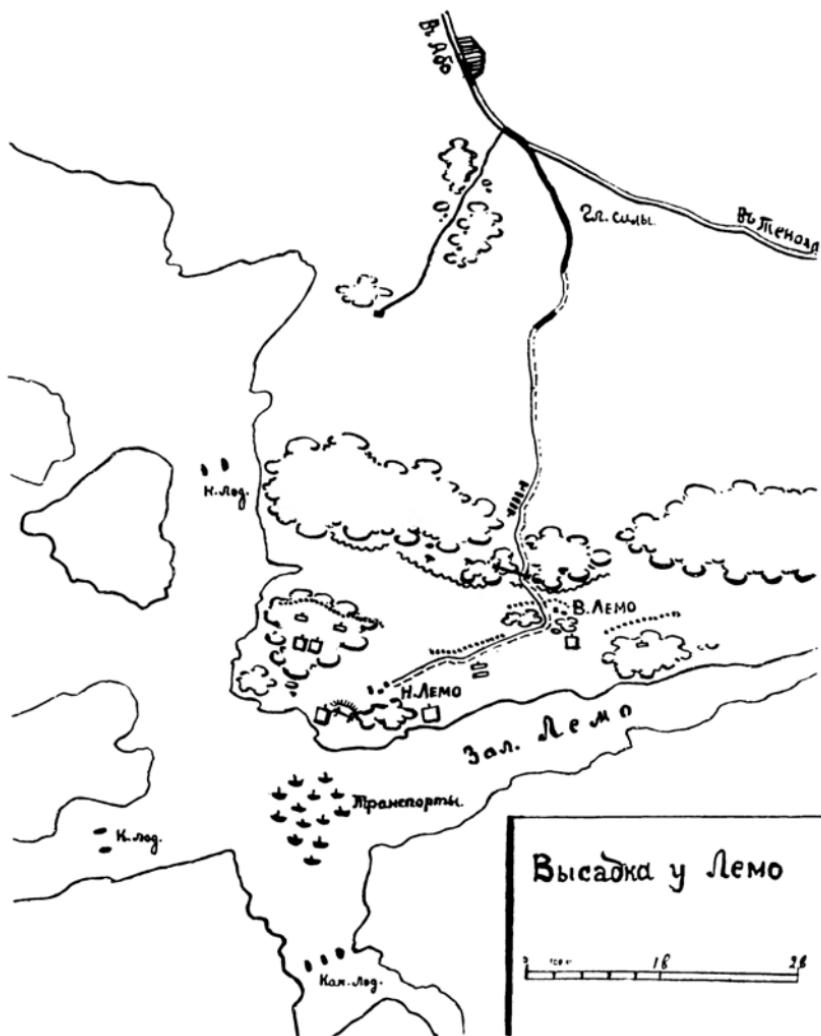

Черт. № 8.

Бой у Нюкарлебю.

Черт. № 9.

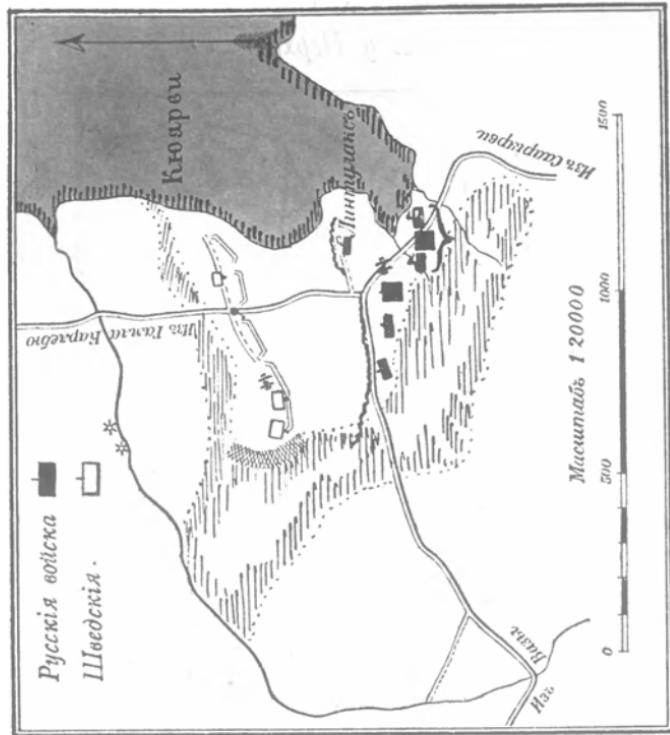
Черт. № 10.

Діло у Вазі.

Черт. № 11.

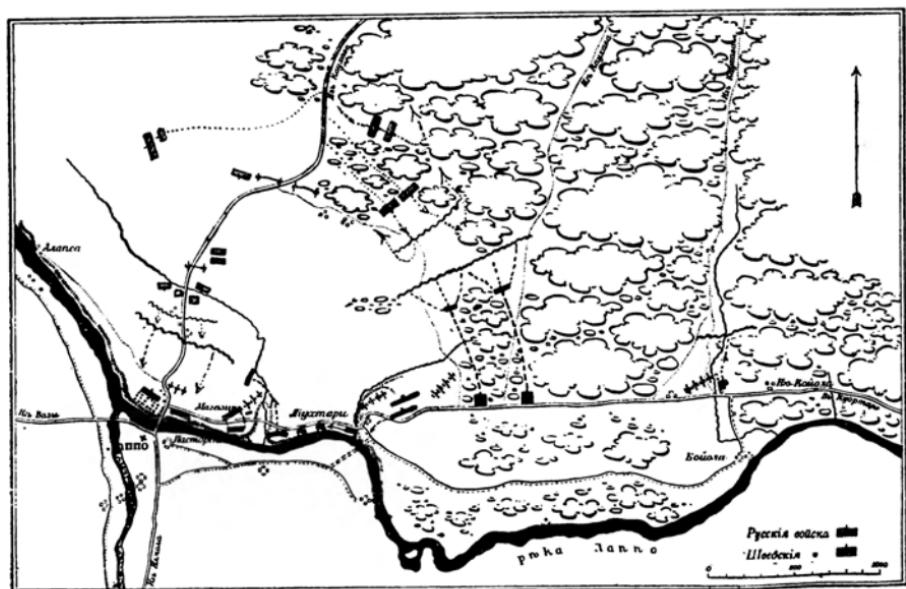
Бой у Линтулакса.

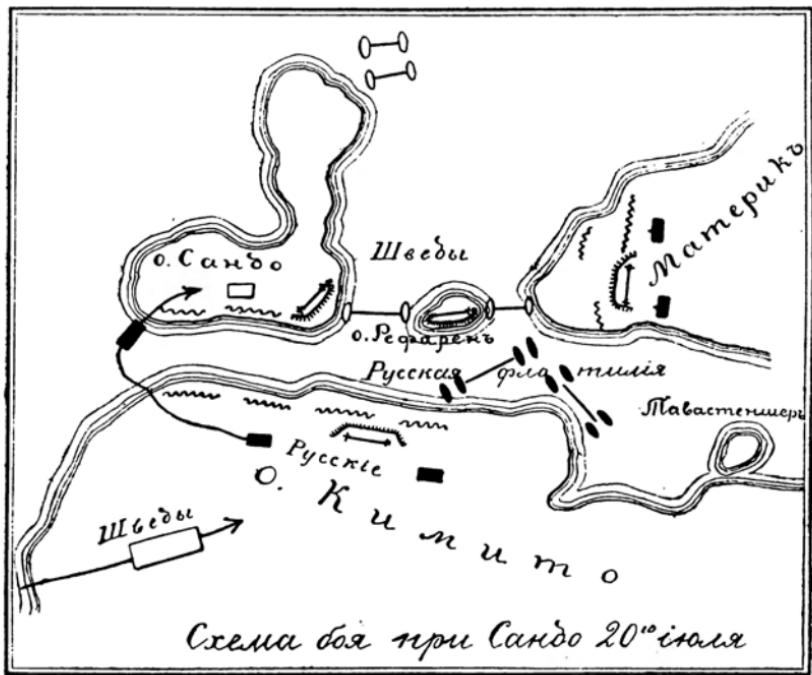
Черт. № 12.
Бой у Перхо.

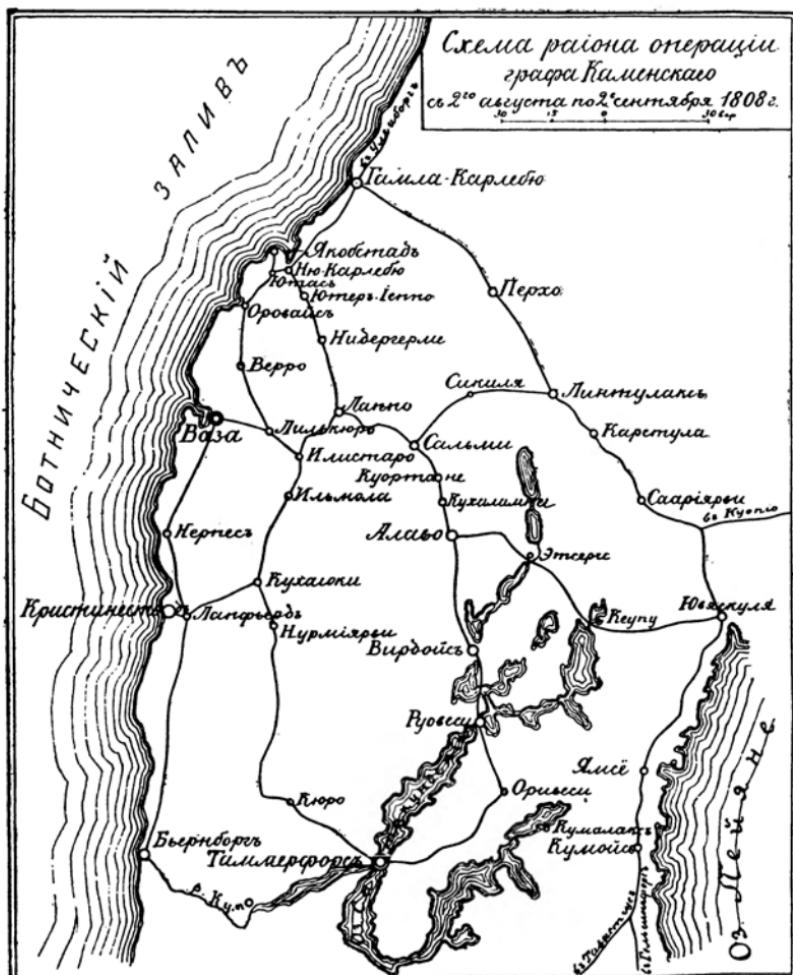
Черт. № 13.
Бой у Лаппо.

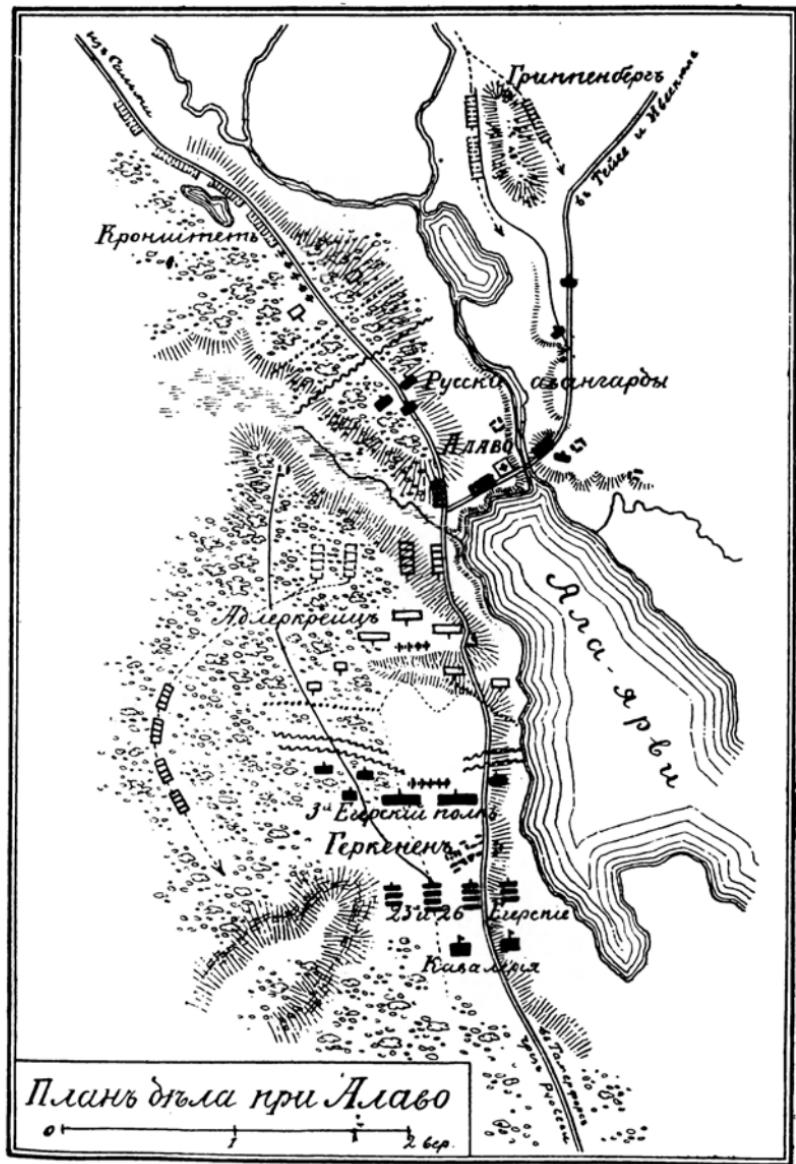
Черт. № 14.

Черт. № 15.

Черт. № 16.

Черт. № 17.

Черт. № 18.

Планъ сраженія при Куортанѣ

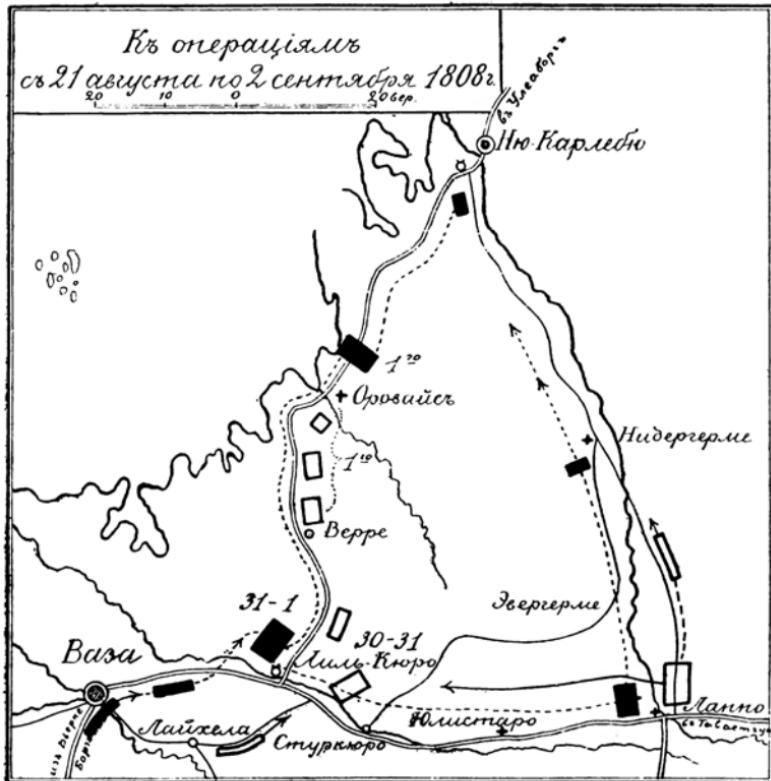
1 ½ 2 ¾ 2 вар.

Черт. № 18 б).

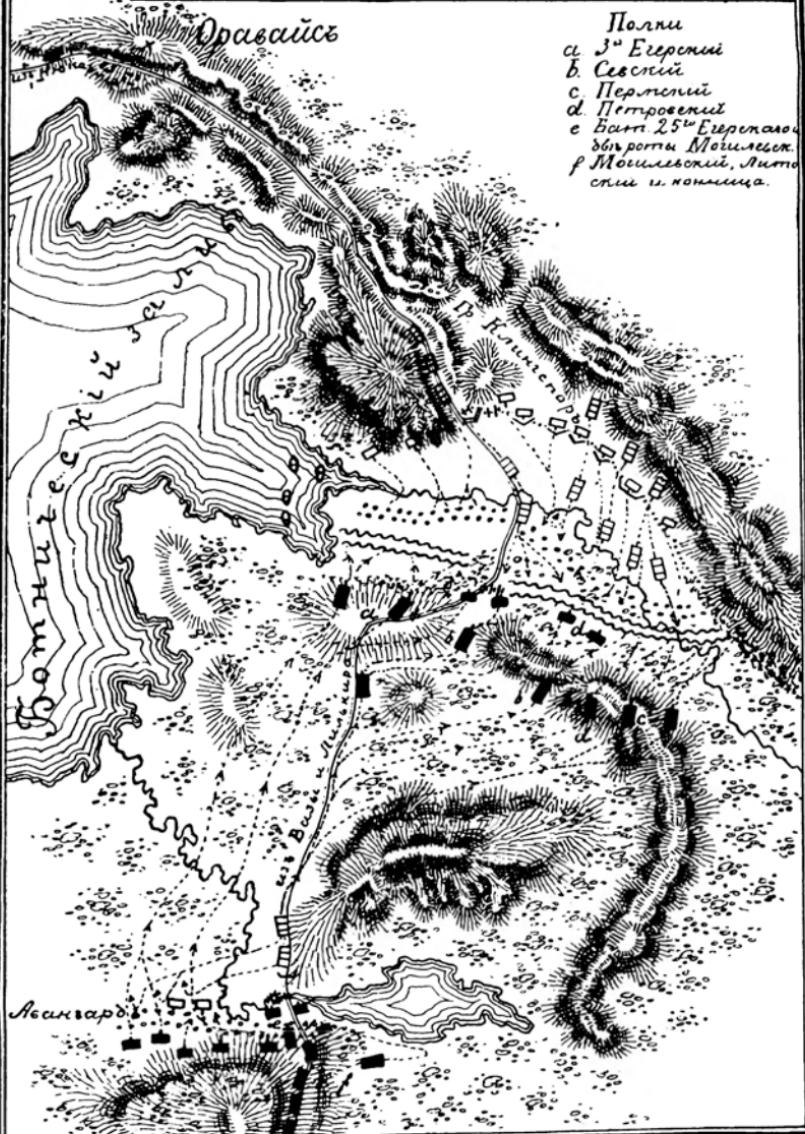
Черт. № 19.

Черт. № 20.

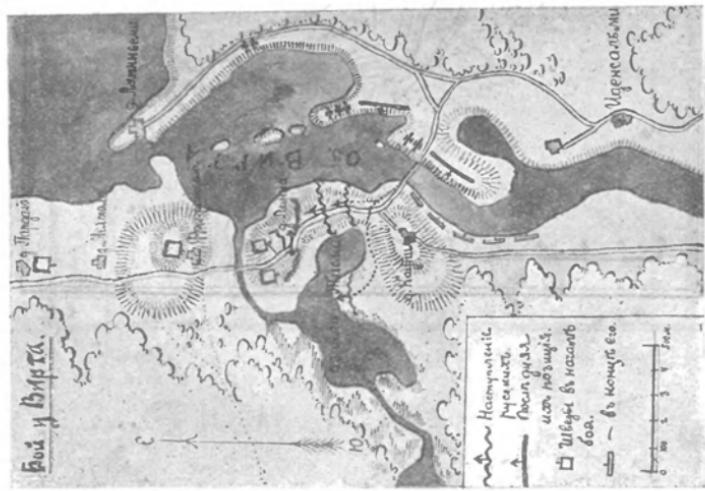
Планъ сраженія при Оравайсѣ

0 1 2 3 4 5 вр.

Черт. № 21.

Бой у Вирта (Ниденсалми).

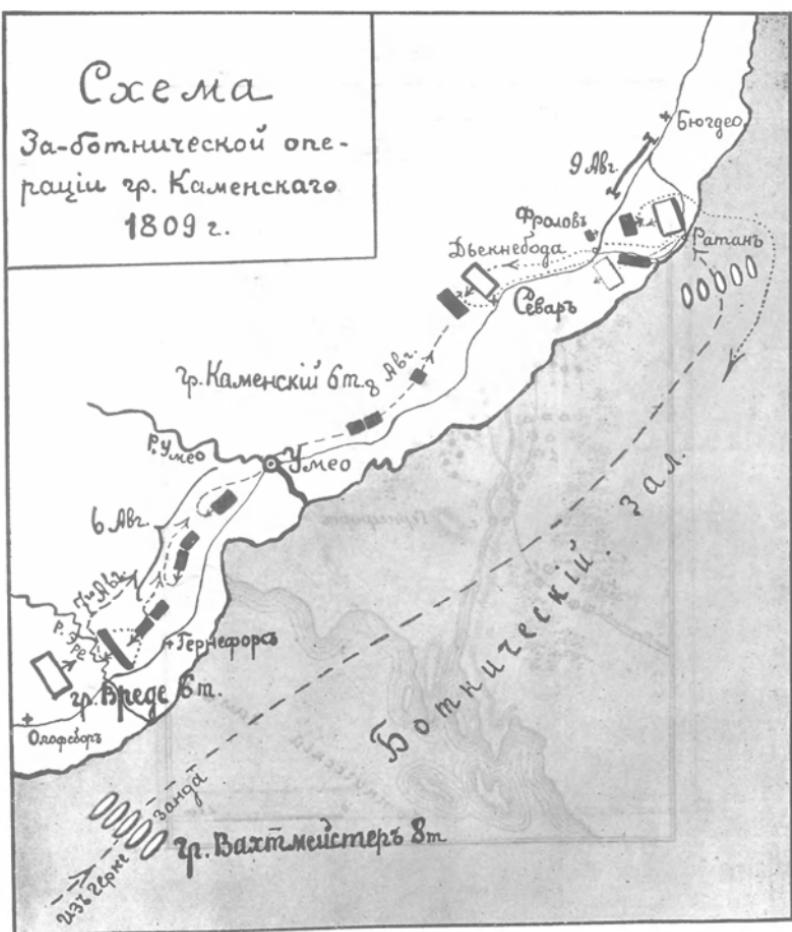

Черт. № 22.

Стратегическая карта кампании 1809 г.
(масштаб 20 км. в длину).

Черт. № 25.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КАРТА

финляндской войны 1808 и 1809.

Mammals

Печатано в тип.

